

Валерий ХАТЮШИН

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ**

ТОМ ТРЕТИЙ

Проза

Москва
«Голос-Пресс»
2013

ББК 84 (2Рос-Рус)6
Х-25

В третий том Собрания сочинений Валерия Хатюшина вошли прозаические произведения: роман «Поле битвы», повести, рассказы, пьесы, а также отклики современников.

Валерий Хатюшин
Собрание сочинений. Том третий. М.: Голос-Пресс
2013. — 528 с.

ISBN 978-5-7117-0699-3

© В.В. Хатюшин. 2013
© Издательство «Голос-Пресс». 2013

ПОЛЕ БИТВЫ

Роман

Бог с дьяволом борются, а поле битвы —
сердца людей.

Ф.М. Достоевский

ЧАСТЬ I

Глава первая

Электричка приближалась к Москве. У окна вагона сидел широкоплечий светловолосый мужчина среднего роста в черной кожаной куртке и умиротворенно смотрел на пролетающий мимо распустившийся майский лес. Его аскетически-волевое лицо выражало спокойную задумчивость.

Весна выдалась холодная, ветреная, первая зелень начала пробивать почки на кустах и деревьях лишь в начале мая. Наконец повеял теплый ветер с запада, и вот теперь, за несколько дней, мир вокруг очнулся, зазеленел, на лужайках и бугорках засияли желтые головки одуванчиков. В такие благодатные майские дни, наверное, у каждого человека добреет, оттаивает сердце, истосковавшееся по теплу, солнцу и зеленому благоуханию.

Николаю Иванову, прожившему на земле тридцать восемь лет, пришлось много помотаться по стране, поработать на разных стройках — на Севере и в Сибири. Но все дороги, пройденные им, в конце концов привели его в Москву, где он решил осесть, остановиться в поисках своего места в жизни. Строительная специальность дала ему возможность закрепиться здесь, заработать собственную

квартиру, но вот построить свою семью ему никак не удавалось. В женщинах он быстро разочаровывался, так как хотел найти среди них глубокую немеркантильную личность, а на пути попадались чаще всего смазливые волчицы или пустые похотливые кошки. Правда, уже около года он встречался с одной тридцатилетней журналисткой — умной, доброй, но внешне почти непривлекательной. Она относилась к нему с симпатией, а он продолжал эти встречи как бы по инерции, без особого стремления.

По своей природе Иванов был романтик, любил мечтать, фантазировать о своем будущем, даже пытался сочинять стихи, которые ему пока не удавалось опубликовать. Образование его ограничивалось средней школой, но он много читал, неплохо знал русскую литературу — от классиков до религиозных мыслителей. И сам он считал себя человеком верующим.

До Курского вокзала оставалось ехать еще минут двадцать, когда напротив него сел человек в спортивном костюме и кроссовках, только что вошедший в вагон. Был он в возрасте, на вид — явно за шестьдесят, почти седой, с глубокой проплешиной на крупной голове. В руках у него была хозяйственная сумка и газета. Сумку он поставил на пол между ног и, раскрыв газету, принялся читать.

Иванову бросилось в глаза название этой газеты, он сам всегда ее покупал и с интересом прочитывал каждый номер. Называлась она «Завтра».

Иванов почувствовал: напротив него сидит с в о й человек, единомышленник. Иванов заметил, что в руках соседа — самый свежий номер, который он еще не успел приобрести, и без раздумья спросил:

— Извините... Я вижу, у вас свежий номер «Завтра»...

— Да-да, — охотно откликнулся пожилой человек, — сегодняшней. Сейчас купил на платформе. Эта газета выходит раз в неделю.

— Знаю, — с улыбкой сказал Иванов. — Я тоже читаю ее постоянно.

— Правда? — удивленно посмотрел на него собеседник. — Если честно, впервые встречаю в электричке читателя «Завтра», хотя ездить приходится довольно часто, у меня тут дача по этой линии. На кого ни посмотришь — у всех в руках «Московский комсомолец».

— Это уж точно. И в Москве, в метро, то же самое, каждый второй — «эмкашник». Может, мы и на мероприятиях

одних и тех же бываем? На наших. Наверняка видели друг друга. Кажется, нам есть смысл познакомиться. Меня зовут Николаем. Николай Иванов.

— Евгений Петрович. Никодимов. Физик, доктор наук. — Они пожали друг другу руки. — А как вас по батюшке?

— Николай Васильевич. Но можно просто — Николай. Что тут, в этом номере, интересного?

— Да вот, вы знаете..., — Никодимов перевернул страницу, сложил газету вдвое. — Я сразу обратил внимание на один заголовок, взгляните — «Евреи и Евразия». Автор — небезызвестный Александр Дугин. Читали, конечно, такого. У меня и раньше было к нему много вопросов по поводу его публикаций. Очень хитроумный автор... Но вот прочел я эту статью, еще там, на платформе, и, в общем, все вопросы сразу отпали.

— У меня к нему давно уже нет вопросов, — подхватил разговор Николай.

— Чувствую, и мне теперь с ним все ясно... Как вы думаете, о каком народе он говорит такие слова: «уникальный этнос», «мессианский путь», «уникальная судьба»?

— Догадываюсь, — не задумываясь ответил Иванов.

— Оказывается, — продолжал доктор наук, — этому же «уникальному этносу», согласно Дугину, присуще «искреннее сострадание к ближним, независимо от их расовой и религиозной принадлежности, фантастическая вера в справедливость и честное устройство общества»...

Николай искренне рассмеялся. Затем серьезно посмотрел на Никодимова:

— Для меня такое вранье — не новость. Но грустно другое: мы-то с вами можем понять провокационность публикаций этого автора, а ведь другие, простые русские, ему могут и поверить. Как же, напечатан весь этот бред в патриотической газете...

— Да-да, я и сам не раз спрашивал себя: для чего смелой, прямой газете понадобился темнила Дугин с его дурно пахнущим евразийством? Разве это нам сейчас нужно?

— Значит, кому-то нужно..., — Николай откинулся на спинку сиденья и взглянул в окно. Электричка подъезжала к Курскому вокзалу. — Евгений Петрович, — изменил он тему разговора, — тут послезавтра во МХАТе у Дорониной будет наш, русский вечер. Начало в 19 часов. Приходите, это интересно. А после вечера — пройдемся, побеседуем...

Никодимов немного подумал.

— Послезавтра у меня... А впрочем, можно отложить... Хорошо, я постараюсь прийти. Давайте встретимся у входа в театр в половине седьмого.

— Договорились, — Николай приветливо посмотрел в глаза Евгению Петровичу.

Они расстались у входа в метро. Никодимов твердой походкой направился в сторону Садового кольца, на троллейбусную остановку.

Ступив на эскалатор, Иванов подумал: «Как же все-таки редко встречаются в Москве наши люди... Куда ни помотришь по сторонам — всё какие-то замученные, затурканные, пустые лица... Ни мысли, ни ума в их глазах. Попробуй с кем заговорить — не найдешь общего языка...»

Иванов жил один. Когда демократы дорвались до власти, он со стройки ушел: там то и дело задерживали зарплату, да и платить стали совсем гроши. Работу он себе нашел непыльную, спокойную, где можно было читать, баловаться писанием и иметь вдоволь свободного времени — он устроился по знакомству вахтером в офисе одной коммерческой фирмы. А уж если быть точнее — ночным сторожем. Дежурил — через двое суток на третьи. Оклад его устраивал, одному хватало. И ни от кого в своей работе он не зависел, никто им не помыкал — это было для него главным. Пришел вечером в контору, то бишь в офис, закрылся изнутри на все замки — и сиди себе до утра, хочешь читай, хочешь пиши, а можешь на стулья спать завалиться. Сам себе хозяин.

Демократов он ненавидел. Их продажное нерусское нутро он распознал сразу, как только они вылезли из своих нор. Эти наглые циничные рожи, мелькающие на телеэкране, вызывали в его сердце ярость и отвращение. И всякий раз, как только передавали выступление их убогого президента или главы их правительства, у него сами собой сжимались кулаки.

Когда после встречи с Никодимовым Николай приехал к себе домой, он был доволен: как-никак познакомился с умным человеком. Он быстро поужинал. Телевизор включать не стал, чтобы не раздражать себя всей той сатанинской мерзостью, что обычно слетала в позднее время с экрана. Хотелось пораньше лечь спать — на завтра ему предстояло ночное дежурство.

Вдруг зазвонил телефон. Николай неохотно подошел к аппарату, подумал: «Может, не брать?», переждал несколько звонков, потом все же снял трубку.

— Привет, — услышал он приятный, знакомый ему женский голос.

Иванов вздохнул и тихо ответил:

— Привет.

— Звоню тебе, звоню, а тебя все нет и нет. Где ты пропал?

— Да ездил к матери... Только сейчас вернулся.

— Ясно. А я по тебе соскучилась. Ты помнишь, сколько мы не виделись? Между прочим, уже две недели.

— Неужели две недели?.. — Николай попытался придать своему голосу удивление. — А мне казалось...

— Не говори, что тебе казалось, — перебила она. — Не порть мне настроение. Давай встретимся завтра вечером.

— Завтра у меня дежурство.

— Ну ладно, давай послезавтра?

Николай задумался на несколько секунд, не зная, как ей ответить.

— Эй, ты слышишь меня? Я спрашиваю насчет послезавтра.

— Лена, не обижайся... но послезавтра я тоже буду вечером занят...

— Ну, как знаешь... — обиженно произнесла она.

В трубке раздались короткие гудки. Иванов медленно положил трубку на рычаг телефона. В душе возник неприятный осадок. «И зачем я ей морочу голову? — спросил он себя. — Она чего-то ждет от меня, а я сам никак не пойму, нужны ли мне эти отношения...»

На Тверском бульваре у входа во МХАТ толпился народ. Иванов пришел пораньше, купил два билета в партер и подждал Евгения Петровича. Наконец он увидел Никодимова, переходящего бульвар и одетого в черный костюм; помахал ему рукой. Они тепло поздоровались и прошли в зал театра.

Партер, бельэтаж и все ярусы балконов были уже заполнены людьми. Иванов заметил вокруг себя несколько знакомых лиц и, встретившись с ними глазами, поприветствовал их кивком головы.

— Вы тут, смотрю, многих знаете? — осведомился Никодимов.

— Да, часто приходится бывать на подобных мероприятиях, — Иванов улыбнулся. — А без них, без этих вечеров

и встреч, можно было бы совсем скинуть. В целой Москве больше негде глотнуть свежего воздуха. Живешь и задыхаешься от демократического маразма.

— Это точно. У нас в институте тоже не продохнуть от еврейского гвалта. Казалось бы, занимайтесь наукой, так нет же, все они суют нос в политику, в культуру, в искусство, в чем ни бельмеса не смыслят. И все хотят казаться русскими.

— Вот именно. Все они в России — русские. Назовешь их по принадлежности к «избранной нации» — возмущаются, могут даже в суд подать за оскорбление. А как приезжают в Израиль — сразу становятся евреями.

Никодимов усмехнулся. В это время на сцену вышли участники вечера, ведомые Татьяной Дорониной. Они сели в приготовленные для них кресла — писатели, редакторы патриотических журналов и газет, артисты, известные политики. Вечер начался. Татьяна Доронина представляла выступающих.

Говорили они, в общем-то, об одном и том же — о засыле инородцев во власти, в искусстве, в газетах, на телевидении... О разорении страны, о развале экономики, о разоружении армии, о закрытии шахт и заводов... Все выступающие видели выход из этого бардака лишь в смене власти. И Николаю, и Никодимову все это было известно и понятно. Хоть они и горячо аплодировали каждому оратору, но к концу вечера порядком устали от стоящей в зале атмосферы горечи и скорби по утраченному величию своего отечества. Николай предложил выйти на улицу.

— Нервы не выдерживают.., — произнес он, прикуривая от спички сигарету, когда они медленно пошли по Тверскому бульвару. — Хоть бери автомат — и в одиночку иди на Кремль. Терпеть то, что делают со страной, больше нет сил...

— Я с вами согласен, — сказал Никодимов. — Такие вечера, конечно, необходимы, однако перечислением фактов преступлений власти мы не заставим ее уйти. Нужны другие средства.

— Да, нужны. Вот только нет людей, способных на другие средства.

— Это не совсем так. Вспомните девяносто третий год...

— Хорошо помню, я сам был у Белого дома. Там погибли хорошие, простые ребята... Настоящие герои... Но там не оказалось решительных и самое главное — умных вожа-

ков, способных на правильные действия. Нет у нас и сейчас лидера, личности, вождя, который призвал бы народ на битву с врагами. А битва нужна, необходима как воздух, без нее все мы пропадем. В девяносто третьем одни лидеры оказались ложными, подставными, а другие — ничтожными, глупыми...

— Это верно. Решительных лидеров у нас сейчас не видно. На компартию надежды тоже мало. Она в Думе утверждает почти все, что предлагает эта ублюдочная власть. Ее вожаки хорошо устроились, разъезжают на «Ауди», получают из рук президента ордена...

— Да что говорить, — Николай тяжело вздохнул, выпустив длинную струю серого дыма, — эта «оппозиция» — такие же предатели.

Приблизившись к Тверской улице, они присели на скамью.

— Вы в Бога верите? — вдруг спросил Никодимов.

— Верю, — спокойно ответил Николай.

— Тогда вы должны помнить, что всё у нас в стране происходит закономерно. Конечно, одними разговорами мы немногого добьемся, пора начинать физическое сопротивление режиму. Но в то же время без воли Божьей ничего не изменится к лучшему. Это говорю я — доктор наук. Ложные вожди должны раскрыться, сбросить маски, прежде чем произойдет что-то серьезное в России. А от воли Божьей рождается и воля народа. Не пустое население, зараженное рабской психологией, а именно народ, который, к несчастью, оказался в меньшинстве, обязан осознать свою силу и правоту и, осознав, — сбросить преступную нерусскую власть. А настоящий лидер выйдет из его рядов. Этот человек, может быть, уже созрел, вырос, да мы о нем пока не знаем.

— Все это так. Но не нужно забывать и другое: Бог помогает только тем, кто сопротивляется, кто не прячет голову в песок в надежде на Бога.

— И это верно. Да только, видно, слишком мы грешны перед Ним...

Никодимов на минуту замолк, посмотрел на часы, затем опустил руку в карман пиджака.

— Вы задумывались когда-нибудь всерьез над смыслом жизни? — улыбнувшись, спросил он.

Николай удивленно посмотрел на Никодимова.

— Станный вопрос.

— Может, и странный на первый взгляд, да не совсем. Я не случайно спросил у вас, верите ли вы в Бога, потому что вижу — вы человек искренний и по-настоящему русский, я вам доверяю. У меня тут с собой имеется кассета... Я сегодня оказался свидетелем замечательной беседы и записал ее на диктофон... Дело в том, что я заехал домой к одному моему хорошему знакомому — очень интересному человеку, по его просьбе. А у него в это время сидела журналистка из какой-то газеты. К сожалению, появился я не с начала их разговора. Но это ничего. Думаю, самое важное здесь записано. Собственно, это даже не беседа. Журналистка, видимо, не очень-то разбирающаяся в религии, только лишь задавала вопросы... Возьмите кассету с собой, послушайте дома. Потом как-нибудь вернете. И, кстати, вот вам моя визитка. Как прослушаете — позвоните.

Никодимов достал из кармана кассету.

— Спасибо, — ответил Николай, отбросив в траву свешившийся окурок. — А что это за человек?

— Скоро узнаете... Ну а теперь мне пора. Уже надо быть дома.

Они расстались у станции метро «Пушкинская». Никодимов остановил на Тверской улице частный «жигуленок» и, садясь в машину, крикнул Николаю:

— Позвоните обязательно!

Николай не стал в тот же вечер прослушивать никодимовскую кассету. Было поздно, когда он приехал к себе; он решил сделать это наутро, на свежую голову.

Утром, сварив и выпив чашку кофе, Николай сел в кресло, положил на журнальный стол сигареты «Кент», прикурил, сделал несколько глубоких затяжек, вставил кассету в магнитофон и нажал кнопку. Сразу же прозвучал мужской голос:

«— Люди не знают, зачем они живут.

— Все ли не знают? — (спрашивала женщина).

— Подавляющее большинство.

— Ну так объясните им!

— Во-первых, это невозможно, а во-вторых — бесполезно. Девяносто девять из ста ничего не поймут и не захотят понять.

— Пусть поймет хотя бы один из ста. И таких наберется много.

— А он и без меня поймет, если будет думать и читать труды святых отцов Православной Церкви. Сейчас они все изданы.

— И этого достаточно?

— Вполне. Но только тем, кто захочет понять. Тут ведь главное — захотеть самому. Бессмысленно кому-то советовать читать книги, ведущие к истине. Самые умные книги не сделают равнодушного человека умнее. Мудрость православных книг большинству людей неинтересна, потому что она стоит на прямо противоположных основах в отличие от тех, за которые держится человечество.

— Так что же получается: человечеству чужды основы христианства?

— Конечно. Только говорить надо не вообще о христианстве, а о русском Православии. Истинное христианство сохранилось только здесь. Все же остальные так называемые христианские вероучения — ересь.

— Хорошо. Допустим, что это так. Но почему же через две тысячи лет существования христианской религии оказалось, что пути христианства и большинства человечества противоположны?

— Это не «оказалось». Это было ясно Христу и апостолам с самого начала. Потому Сын Божий и пришел в наш мир — чтобы спасти хотя бы часть человечества, устремленного к губительной пропасти. Через две тысячи лет после рождения Христа человечество подошло к самому краю этой пропасти, но об участи своей даже и не задумывается. И, заметьте, очень многие при этом называют себя христианами.

— Значит, человечество в большинстве своем погибнет?

— Да.

— Ну ладно. Допустим. Но для чего нужно было Богу целых две тысячи лет терпеть это рвущееся к гибели неполноценное человечество? Не проще ли было еще раз устроить какой-нибудь потоп — и дело с концом?

— У Бога свой замысел, Он всё видит. Бог дал людям *свободную волю* самим выбирать путь существования в мире. Они выбрали путь технического прогресса, основанного на знаниях законов природы. И по этому губительному пути их ведет князь мира сего... Человек свободен в своем выборе.

— А в чем же заключается другой путь?

— Это путь прогресса нравственного, к которому призывал Христос.

— Выходит, знать законы природы и пользоваться ими — нехорошо?

— Природа — это материя. А она бездуховна. В ней нет Бога. Поэтому здесь властвует сатана. Так называемое язычество — это культ сатаны, который выражает себя в самых разных обличьях. Весь пантеон языческих богов — сборище бесов. Он же, сатана, заставил человека вкусить от Древа познания. Христос был послан для спасения людей от заблуждения. И кого-то он спасает до сих пор. Кстати, о потопах. Природные катаклизмы с каждым годом только нарастают.

— Так в чем же спасение?

— В сохранении души — то есть того, что нам дано от Бога. Нравственная душа, идущая за Христом, минует муки ада и сохранится для вечной жизни.

— А как же остальные?

— Остальных ждет Страшный Суд. А до него, умерев, они будут нести кару за то, что отступились от истинного Бога, и за неверие в Его Сына.

— Все?

— Все.

— Откуда вы это знаете?

— Мне трудно сказать. Я не задумываюсь об этом. Только знаю, что всё будет именно так. Ответы на многие вопросы мне дает душа. Надо только пристальнее в нее вглядываться и верить ей. Душа никогда не лжет. Но люди чаще всего скрывают, отталкивают от себя ту правду, которую чувствуют в своей душе. Люди боятся правды и отворачиваются от нее.

— Извините за такой вопрос, но, может, вы хотите прослыть пророком?

— Ну что вы! Ничего нового я ведь не говорю. Всё, о чем я вам сказал, изложено в тысячах православных книг. Читайте Новый Завет, Иоанна Златоуста, Феофана Затворника, Игнатия Брянчанинова, да и недавних наших мыслителей — Валентина Свенцицкого, Серафима Роуза, ими всё это уже было сказано.

— Тогда зачем же вы ссылаетесь на свою душу?..

— Я уже говорил, что прочитать книги — этого мало. Книги дают знания, но не веру. А Бога видит душа. И потому мне уже не нужно искать ответа на многие жизненные вопросы в книгах. Душа, чувствующая истинного Бога, знает правду и ложь.

— А что, разве есть бог неистинный?

— Нет, на самом деле никакого неистинного бога не существует. Но приходится говорить об истинном Боге из-за множества религий. Бог проявляется только и единственно в Святой Православной Троице. Все же остальные религии — от лукавого.

— Даже и католичество?

— Оно — тем более. Римлянам было дано Святое Откровение, и они поначалу приняли его, став православными, а потом — предали и пошли в услужение иудеям — детям погибели. А познавшим Бога и предавшим Его прощения быть не может никогда. Их участь — судьба Иуды.

— Вы говорите страшные вещи. Но ведь есть же и среди них честные, добрые люди, искренне верующие в Христа.

— Да, наверное. Однако заблуждение никого не оправдывает. Человек приходит на эту землю, чтобы познать Бога истинного. Для этого человеку дается разум и душа. И если он потратил жизнь впустую — пусть оправдывается на Страшном Суде. Бог милостив, может, кого-то и простит. Кошка тоже существо доброе и ласковое. Бог ей тоже дал жизнь и способность размножаться ради продолжения кошачьего вида. С нее и спроса не может быть никакого. Человек же существо одухотворенное и сознательное и живет не только ради размножения и удовольствий. Потому он и ответственен перед Богом за свои поступки, верования и образ мыслей. Христос после себя не оставил никакого наместника Бога на земле, и если католики таковым считают римского папу да к тому же уверовали в его непогрешимость, то это означает, что они отпали и от Отца, и от Сына, и от Святого Духа. Не понимать этого — значит не иметь разума. Но не все же из них неразумны. Серафим Роуз прошел через католичество и мусульманство, а истинного Бога нашел только в Православии...»

Звучание кассеты прекратилось. Николай выключил магнитофон.

Наступила долгая тишина. В пепельнице дымилась забытая сигарета. Он несколько минут сидел в кресле, уставившись глазами в одну точку. Потом встал, подошел к столу возле окна, снял трубку телефона и, глядя в николаимовскую визитку, набрал номер. Ему ответил мужской голос.

— Евгений Петрович, это вы?

— Да, я.
— Евгений Петрович, здравствуйте, это Николай.
— Рад слышать. Приветствую! Ну как, прослушали кассету?
— Только что. И сразу решил вам позвонить. Евгений Петрович, вы не могли бы меня познакомить с этим человеком? Кстати, как его зовут?
— Что, зацепило? Я не сомневался, что вас зацепит. Познакомиться с ним, конечно, можно. Только имейте в виду — он человек не простой. Его нелегко разговорить, да и знакомится с людьми он неохотно... И все же я вас сведу. Он, хотя человек и замкнутый, серьезный, но в то же время — увлекающийся, способный на невероятные поступки. Одним словом — поэт. Поэт, которого знают очень многие. Это Александр Погудин.
— Евгений Петрович, я вас умоляю, устройте нам встречу в ближайшее время.
— Хорошо, устраю, я с ним созвонюсь... Только прошу вас об одном: не задавайте ему сразу сложных вопросов. Пока он вас не узнает получше, он с вами не будет вести откровенных бесед... Договорились?
— Не беспокойтесь, я все понимаю... Ну, в общем, я буду ждать вашего звонка. Да, запишите мой телефон...

Через два дня Евгений Петрович Никодимов позвонил Николаю и пригласил к шести часам вечера подойти к входу в Дом журналистов на Никитском бульваре.

Николай пришел ровно в шесть. Никодимов уже поджидал его. Они обменялись рукопожатиями.

— Ну как, Погудин будет? — спросил Николай.

— Он уже здесь. Мы пришли пораньше, заняли столик в буфете. Он нас ждет.

Они спустились в нижний буфет. Свободных мест там уже не было, но в самом углу небольшого слабоосвещенного зала Николай увидел человека в очках, приподнявшегося из-за стола и шагнувшего им навстречу.

— Проходите сюда! Добрый вечер. Рад познакомиться. Погудин.

— Николай Иванов.

Они крепко пожали друг другу руки.

— Присаживайтесь. Евгений Петрович, я вот взял на троих по сто грамм коньяка и по чашке кофе. Может, вам

еще чего взять? — Погудин вопросительно посмотрел на Никодимова.

— Нет-нет, больше ничего не надо, — ответил тот.

Кроме коньяка и кофе Николай заметил на столе бутерброды и пирожные. Но он разглядел и другое. Внешность Погудина ему кого-то напоминала, с кем он когда-то вроде бы сталкивался... Худощавый, выше среднего роста, где-то сорока с лишним лет, с тонкими приятными чертами лица, Погудин, как показалось Николаю, был похож на какого-то киноактера. Его прямые черные с проседью волосы говорили о южнославянском происхождении.

— Если вы курите, — обратился он к Николаю, — не стесняйтесь. Хотя я и противник курения, но привык уже к сигаретному дыму, часто приходится бывать там, где курят.

— Спасибо, я действительно, с вашего разрешения... — Николай достал пачку «Мальборо».

Никодимов поднял рюмку с коньяком.

— Друзья, для начала давайте выпьем за знакомство. Думаю, оно будет полезным для вас обоих.

Когда рюмки были сдвинуты, Погудин снял очки и пристально взглянул в глаза Николаю. Этот взгляд запомнился ему надолго. В нем отражались живой, глубокий ум и ясный, зеленоватый свет, который, как подумал Николай, покорило, наверное, не одно женское сердце.

— Так вот, Александр Юрьевич, — начал разговор Никодимов, — я уже вам говорил, что Николай Васильевич просто-таки упросил меня свести с вами. Его, как и меня, волнует религиозный вопрос. Он — человек наш, русский, крутой патриот. Между прочим, тоже пишущий...

— Ну, это громко сказано, — перебил его Николай. — Я лишь пытаюсь сочинять стихи, но — так, для себя, без всяких претензий...

— Ладно, ладно, это к слову. Надеюсь, вы найдете общий язык. Дело в том, что мне пора бежать, да и вам для общения мое присутствие не обязательно.

— Вы собираетесь уходить? — спросил Николай лишь только для приличия.

— Да, дорогой, прямо сейчас. Мне надо быть в другом месте. Так что беседуйте, знакомьтесь ближе, а я пошел.

Никодимов встал из-за стола и, пожав им обоим руки, быстро покинул зал буфета.

С минуту мужчины молча смотрели друг на друга. Первым молчание нарушил Николай:

— Давайте еще выпьем по сто грамм. Я возьму.

Он быстро сходил к стойке бара и вернулся с полными рюмками.

— Александр Юрьевич, я предлагаю выпить за этот день, 12 мая, чтобы он нам запомнился.

Погудин усмехнулся.

— Не слишком ли торжественно? Что сегодня такого произошло? Хотя я не возражаю. Каждый день — это Божий дар.

— Нет-нет, не в этом смысле. Понимаете... Но сначала выпьем. Потом я вам объясню... Давайте по половинке.

Они выпили по полрюмки. Молча заели бутербродами с сыром.

— Понимаете..., — Николай оглядел буфет. — Вот в этом доме (я здесь был однажды и сразу заметил), а вернее, в этом зале сидят только еврейские журналисты да какие-то странные девицы. Никодимов тоже мне сказал, что русских здесь почти не бывает. И вот мы с вами, два русских человека, встречаемся в этой местечковой клоаке, чтобы познакомиться. И, возможно, встреча эта будет иметь какие-то последствия...

— Для кого? — искренне удивился Погудин.

— Для них, — Николай кивнул головой в сторону соседних столиков.

— Не понял.

Погудин заинтересованно посмотрел на Николая и улыбнулся.

— Сейчас объясню, — Николай прикурил от зажигалки. — Ведь вы что говорили в своей недавней беседе с той журналисткой у себя дома?... Я слушал никодимовскую запись. Вы говорили, что человечество идет не туда... Не туда, куда его направляет высший разум, то есть Бог. Ведь так?

— Ну, допустим.

— А кто в этом виноват?

Погудин громко рассмеялся. По его удивленному лицу было видно, что он не ожидал такого поворота разговора.

— Николай Васильевич, извините, но обсуждать еврейский вопрос я сейчас не расположен.

— Не подумайте, что я опьянел, — серьезно промолвил Николай. — И не говорите, будто я огрубляю ваши мысли. Но давайте вместе порассуждаем: кто виноват в том, что человечество движется к гибели?

Погудин перестал улыбаться, придавил дымящуюся в пепельнице сигарету, поднял рюмку с оставшимся коньяком и, опустив глаза, тихо сказал:

— Никто не виноват.

Николай не принял такого ответа. Он быстрыми движениями пальцев вынул из пачки новую сигарету, быстро прикурил.

— Как никто не виноват? Это невозможно. Всё в мире имеет свою причину.

Погудин поднял ладонь, призывая Николая успокоиться.

— Не торопитесь. Этот мир так устроен. В нем уже ничего нельзя изменить. И незачем искать виноватых, тем более не на трезвую голову, — Погудин прикоснулся своей рюмкой к рюмке Николая. — О евреях мы сейчас говорить не будем.

Они допили коньяк. В их разговоре наступила пауза, во время которой Погудин посмотрел на часы и, словно бы уйдя в себя, задумался.

— Хорошо, о них мы вспоминать сейчас больше не будем, — проговорил Николай. — Но скажите мне: в том, что творится в стране, тоже никто не виноват?

Погудин не ответил и еще раз посмотрел на часы.

— Вас что-то беспокоит?

— Мне надо срочно позвонить. Я покину вас на пару минут.

«Кажется, он со мной осторожничает.., — подумал Николай, когда Погудин отлучился. — Может, я и вправду резко беру быка за рога? Предупреждал же меня Никодимов...»

К его столу подошла симпатичная девушка в короткой юбке и с ходу спросила:

— Можно присесть за ваш столик?

— Извините, я с товарищем, он сейчас подойдет.

Девушка отошла к другому столу, где сидели двое мужчин, и без лишних слов села рядом с ними.

«По-моему, они тут все друг друга знают, — догадался Николай, — и мной интересуются...»

Погудин вернулся через пять минут немного озабоченным.

— Кажется, у вас появились проблемы? — Николай загасил свою сигарету.

— Да так... есть немного. На чем мы остановились? Ах, да. Кто виноват в трагедии страны... Я вам отвечу: многие виноваты, если говорить о наших народах. И русские — не

в последнюю очередь. Скажите мне, кто предал Советский Союз? Его предали дети участников войны с Германией, то есть — поколение, идущее следом за победителями. Подумайте только: дети победителей про... проболтали, профукали дело своих отцов! Можно говорить о евреях, но они никакие не предатели, они знают свое дело... А вот русские совершили большой грех — стали соучастниками великого предательства. Мы только что отметили День Победы. Но на самом деле нет для нас больше никакого Дня Победы, как и нет больше самой Победы. Она была, да вся вышла. Что мы теперь отмечаем девятого мая? Сдачу Закавказья, Крыма, Киева, Прибалтики, Средней Азии? За что мы пьем в этот день? За собственную дурость? Отцы-то наши все это отстояли, а мы... Что сделали мы? Какое мы имеем право пить за Победу, которую мы отдали врагу? Почему мы не легли костьми ни в девяносто первом, ни в девяносто третьем, а пьем вот тут коньяк рядом с этими... козлами? Впрочем, это слово больше к нам подходит., — Погудин умолк и отвернулся к стене.

Николай был ошеломлен таким откровением. Сказанное Погудиным не вязалось с тем, что он слышал в записи на кассете. Он, не отрываясь, впился глазами в лицо собеседника, испытывая сильное душевное волнение.

— Я с вами совершенно согласен, Александр Юрьевич, — произнес он и положил свою ладонь на запястье Погудина. — Я совершенно, совершенно согласен, и сам об этом постоянно думаю. Я рад, что вы так искренне говорите. Меня самого мучают те же мысли. Я сразу почувствовал, когда слушал кассету, что вы именно тот человек, с которым мне надо поговорить...

Погудин сквозь очки посмотрел в глаза Николаю. Было видно, что он уже успокоился, его лицо расслабилось. Через мгновение он, слегка улыбнувшись, признался:

— Николай Васильевич, вы знаете, вообще-то здесь не лучшее место для таких разговоров... К тому же вы правильно заметили: у меня возникли некоторые сложности... Одним словом, мне придется срочно вас покинуть. Не обижайтесь.

Николай погрузился, но ответил бодро:

— Какие могут быть обиды... Если надо — значит, надо. Но, надеюсь, мы продолжим наше знакомство?

— Обязательно продолжим. И поговорим. Но не здесь. Тут же просто дышать нечем. Извините, что так получилось.

Он поднялся, пожал руку Николаю и быстро ушел. Иванову показался странным столь скорый уход Погудина, так и оставшегося загадкой для него.

Он подошел к стойке бара, взял еще рюмку коньяка и стакан вишневого сока. Когда он вернулся к своему столу, то удивленно остановился: на месте Погудина сидела какая-то смазливая девица. На вид ей было лет двадцать. В руках она держала фужер с шампанским.

— Извините, здесь свободно? — спросила она, когда Николай присел на свой стул.

— Да, пожалуйста. Вы одна?

— Одна, — спокойно ответила девица.

— Что же вас сюда занесло, в эту прокуренную душегубку?

— Работа.

Николай посмотрел на нее вопросительно.

— Может, расскажете, что за работа?

Девица немного смутилась.

— Я здесь давно работаю... Вот только вас что-то не припомню.

— И кем же вы тут работаете? — не унимался Николай.

— Я жду клиента.

— Клиента?.. — не сразу сообразил он. Но через мгновение до него дошло. — Вот не ожидал... Впрочем, я здесь всего-то лишь второй раз.

Он сделал глоток коньяка и запил соком, красная капля которого с его губ упала ему на белую рубашку. Но он этого не заметил. Девица увидела, но промолчала.

— И сколько же вы берете за...

— За ночь, — подсказала она.

— Да, сколько?

— Сто, — она ответила без раздумья и напряжения.

— Сто чего? — решил он уточнить.

— Сто баксов.

Николай поднял брови, не поверив ей.

— Сто долларов за ночь?

— Это средняя плата. Здесь дешевое заведение. И публика попроще. В других местах берут больше.

— А я могу стать вашим клиентом? — Николаю захотелось подразнить ее. Ста долларов у него, конечно, с собой не было.

— Можешь. Ты интересный мужчина, в моем вкусе, — ее глазки засветились.

— А какие гарантии от СПИДА?
— Ну, во-первых, я замужем, а во-вторых, у меня имеются все средства защиты.
— Молодец...
Когда они поднялись из-за стола, Николай увидел, что девица эта немного выше его ростом. Они вышли на воздух. Он взял ее под руку и хотел повести налево — к метро.
— Зачем нам туда? — спросила она.
— Там метро.
— Зачем нам метро? Пойдем направо, возьмем тачку.
Он с улыбкой посмотрел ей в глаза.
— Дорогая.., — он обнял ее за талию и слегка поцеловал в шею. Его щека соприкоснулась с ее щекой. «Какая нежная кожа...» — успел почувствовать он. — Дорогая, я еще никогда в своей жизни не платил женщинам за ночь...
Она скривила губы и отстранилась от него на шаг.
— Бывает, — громко сказала она и быстро пошла в сторону метро.
— Чао! — бросил он ей вслед.
«Сколько же их, таких, ходит вокруг.., — думал Николай, спускаясь в подземный переход. — И всем им нужно от мужчин только одного — денег, денег и денег».
— Пирожки, горячие пирожки! — услышал он, подходя к метро «Арбатская».
— С чем пирожки, с мышами? — на ходу угрюмо спросил он.
— Пирожки с капустой и картошкой, — громко прозвучал ответ.
«Сама ешь», — мысленно сказал Николай.

Глава вторая

Погудин приехал к себе домой в плохом расположении духа. Встреча с Николаем его несколько отвлекла от гнетущих чувств, но рассеять их так и не удалось. К тому же, когда он позвонил из Дома журналистов Валентине, своей бывшей жене, настроение его совсем испортилось.

Жил он один в квартире из двух небольших комнат на окраине Москвы. С Валентиной они более года назад развелись, причем подал на развод Александр сам из-за частых и каких-то уж совсем глупых скандалов, которые воз-

никали, как ему казалось, на пустом месте. Скорее всего, он тоже бывал неправ, он это сознавал, однако творческая работа, думал он, была для него важнее и дороже семейных отношений. Как он заблуждался!

Он был поэт. Со своим именем, со своим голосом и сильным характером. Он был философ-самоучка, доходивший до многого собственным умом, хотя и прочитавший немало умных книг. Он не имел системы знаний, специального высшего образования не получил, но считал это не недостатком, а благом для себя. Его ум не был скован чужими правилами мышления. Он умел рассуждать свободно — по воле мысли. Будучи человеком искренне и свободно верующим, Александр пришел к пониманию того, что душа сама, если к ней чутко прислушиваться, зревает многие явления нашей жизни.

Но у Погудина сразу после развода образовалась в душе ноющая рана. С Валентиной осталась его восьмилетняя дочь. Тоска по ребенку не утихала в нем ни днем, ни ночью. Он прежде не знал, не думал, что любовь к дочери настолько проникла в его существо — в кровь, в глаза, в сердце.

Дочка Оленька была единственным его ребенком, и свою тягу к ней Александр не имел сил сдерживать, не умел прятать внутри. Но бывшая жена не позволяла дочке видеться с отцом.

Погудин не однажды стоял у входа в их квартиру, звонил, просил открыть дверь, но Валентина не открывала. Она даже настрого запретила Оле разговаривать и встречаться с отцом в школе.

Такое поведение бывшей жены было необъяснимо. На нее не могли повлиять ни отдел попечительства районной управы, ни участковый, ни даже суд, куда ему все-таки пришлось обращаться. Она ни с кем не желала разговаривать.

Александр понял, что все органы в стране бессильны повлиять на упершуюся женщину да к тому же еще юриста, кем была Валентина. Она хорошо знала, что у нас нет ни одного закона, действительно оберегающего права отцов.

Погудин не видел другого выхода, кроме как предложить деньги. Но когда он звонил ей по телефону, она бросала трубку, даже не дослушав первой фразы. Тогда он послал ей письмо, в котором мирно и спокойно рассказал о своем душевном состоянии, признался и раскаялся в час-

той неправо́те по отношению к ней и попросил прощения за все ее обиды. Он предложил ей увеличить вдвое сумму алиментов ради общения с дочерью.

Через некоторое время состоялся их телефонный разговор. Она уже не бросила, как обычно, трубку и пообещала подумать, правда, сказав, что сейчас ей нужны 500 рублей. Александр предложил ей деньги сегодня же. Она не отказалась.

Спустя час Погудин уже стоял возле ее квартиры. Позвонил. Она открыла дверь, но за порог не впустила.

— Давай деньги, — без лишних слов произнесла она.

— Я хотел бы увидеть Олю, — как можно добродушнее сказал Александр.

— Нет, не сейчас, она делает уроки.

Он заметил, что его бывшая жена изменилась не в лучшую сторону. Свои темные волосы она перекрасила в какой-то малоприятный светло-рыжий цвет и сделала короткую стрижку, отчего худоба ее лица стала еще заметнее. Тонкие губы будто бы утончились, а нос совсем заострился. Она то и дело отводила глаза от его взгляда и пару раз испуганно обернулась.

«А прошедший год тебе пошел не на пользу...» — подумал Александр. Валентина стояла перед ним в синем с темными цветами халате, который он купил ей, когда она лежала в больнице на сохранении, будучи беременной...

— Давай деньги, мне некогда, — нетерпеливо повторила она.

— Когда я смогу повидаться с Олей?

— Не знаю, возможно скоро. Позвони в конце недели.

Он достал из кармана купюры и протянул ей. «Спасибо», — сказала она, сделала шаг назад и, не глядя на него, тут же захлопнула дверь. Неприятное предчувствие кольнуло его в сердце, но он его отогнал. Однако пока ехал к себе, это предчувствие несколько раз к нему возвращалось.

В тот вечер, когда Погудин встретился с Николаем, была как раз пятница, и он вспомнил, что должен позвонить Валентине. Набрал ее номер из автомата Дома журналистов, Александр услышал длинные, не прерывающиеся гудки. Он перезвонил еще раз. Но на другом конце провода никто не отвечал. Спазм тоски подступил к горлу. Беседовать дальше с Николаем уже не было никакого настроения.

Приехав домой, он еще раз набрал номер бывшей жены. Результат оказался тот же, ее телефон молчал. «Черт бы ее побрал, — выругался Александр, — опять обманула...»

На следующий день Погудин пришел в школу, где училась его дочь, к окончанию пятого урока. Перед долгими летними каникулами он хотел хотя бы посмотреть на Олю, если не удастся с ней поговорить. Подождав в вестибюле минут пятнадцать, он вышел за двери школы и встал на ступеньках под навесом, боясь, что она вместе с другими учениками проскочит незамеченной. Но Погудин узнал дочь сразу же, как только она вышла из дверей. Оля на мгновение растерялась, увидев его, шагнула назад, но, подгоняемая выскочившими из дверей мальчишками, прошмыгнула вместе с ними мимо него. Александр попытался ее догнать. Сделав несколько быстрых шагов, он крикнул: «Оля, подожди!» Она на бегу обернулась и бросила ему: «Не ходи за мной, мне запрещено с тобой разговаривать». Погудин остановился, провожая взглядом удаляющуюся тоненькую фигурку, пока дочь не скрылась за углом школы. Он не успел даже разглядеть ее изменившиеся за год черты лица.

«Ну вот ты и дочь потерял, — сказал он сам себе, медленно проходя через двор школы. — Больше тебе терять нечего».

Погудин пришел к себе домой, и лишь только переступил порог квартиры, раздался телефонный звонок. В трубке он услышал женский голос:

— Александр Юрьевич, здравствуйте, это Лена из «Русского Вестника». Могу вас порадовать: вышел номер газеты с вашим интервью. Я приготовила для вас несколько экземпляров. Вы, случайно, не собираетесь к нам в редакцию?

После небольшой паузы он ответил:

— Видимо, я к вам сегодня приеду... Может быть, уже через час... Подождите меня.

Оставаться одному в квартире ему было тяжело, и он решил сразу же ехать в редакцию «Русского Вестника», чтобы отвлечься от грустных мыслей.

Минут через сорок он уже выходил из станции метро «Новокузнецкая». В Москве благоухала весна. Стоял ясный майский день, однако его настроение оставалось пасмурным.

Первым, кого Погудин увидел, войдя в редакцию, был Николай Иванов, который сидел в кресле перед черноволосой корреспонденткой газеты, той самой Еленой Григо-

рьевой, две недели назад приехавшей к нему домой для беседы о религии. Ее внешность при их первой встрече его насторожила. Женщина ему показалась нерусской. Но к концу беседы эта настороженность полностью иссякла, и теперь ему было приятно увидеть ее пытливые, умные черные глаза, подчеркнута контрастирующие с бледно-розовой помадой на тонких губах.

— Добрый день, — произнес Погудин, слегка улыбнувшись.

Николай от неожиданности привстал.

— Вот и Александр Юрьевич, — обрадовалась Лена. — Вы так быстро доехали... Можно я вас познакомлю? Это — Коля, мой хороший друг..

— А мы знакомы, — сказал Погудин, подавая руку опешившему Николаю.

— Это просто замечательно! — с широкой улыбкой воскликнул Николай, не прерывая рукопожатия. — Вот с кем я был вчера в Доме журналистов, — он взглянул в сторону Лены. — Из-за чего и не смог к тебе приехать.

— Серьезно? — искренне удивилась она. — Так что ж ты мне сразу толком не объяснил?..

Она взяла со стола несколько сложенных газет и протянула их Погудину.

— Александр Юрьевич, это вам. Интервью напечатали полностью, на целую полосу, с вашей фотографией. Помоему, получилось очень интересно.

— Спасибо.., — как-то рассеянно ответил Александр.

— Подождите, подождите. Дайте взглянуть, — о чем-то догадываясь, спохватился Николай. — Уж не та ли это беседа?

— Та самая, — Погудин протянул ему экземпляр газеты.

Тот начал ее быстро листать, нашел нужную страницу и с изумлением воскликнул:

— Так это была ты? Это тебя я слышал на кассете?

— А разве ты ее слушал? — еще больше поразились корреспондентка Лена.

— Александр Юрьевич, это невероятно.., — Николай сел в кресло. — Тут так все переплелось... Представляете, она на меня сильно обиделась, — он кивнул на Лену, — за то что мы с ней вчера опять не смогли увидеться. А не смогли на этот раз потому, что, оказывается, она приехала к вам за тем самым интервью, которое и заставило потом меня встретиться с вами...

Александр усмехнулся.
— Ну ладно, ладно, не оправдывайся, — засмеялась Лена, — опять я во всем виновата...
Но Николай ее уже не слышал. Он спешил воспользоваться обществом Погудина.
— Александр Юрьевич, вы сейчас к метро идете? Можно я вас провожу до «Новокузнецкой»?
— Конечно.
— Лена, я скоро вернусь. Без меня не уходи.
Они вышли на улицу. Николай не скрывал удовлетворения от их новой, столь неожиданной встречи. Он попытался ее продлить.
— Александр Юрьевич, вы очень спешите?
— Да так... Не очень.
— Мы вчера как-то скомканно поговорили. Давайте присядем на минутку.
Они увидели пустую скамейку на детской площадке во дворе старого жилого здания и направились к ней. Сидя в тени, отбрасываемой высокими тополями, Николай сладко затянулся сигаретой.
— Извините, что я влезаю вам в душу. У вас вчера были какие-то личные проблемы?
— Да, были, — нехотя ответил Александр.
— Они так и не решились?
Александр вздохнул.
— Не знаю... Возможно, что и решились... Но не будем об этом.
— Хорошо, не будем. Вы где-то работаете?
— Работаю, по договору — в журнале «Отечество». Пишу для него статьи на религиозные и политические темы. Платят, конечно, слабовато, но иногда получаю гонорары и в других изданиях. Кроме этого, мне помогают друзья из-за границы.
— Из-за границы? Любопытно...
Погудин повеселел глазами.
— Как-нибудь расскажу...
Николай вытянул руку с сигаретой, сбил пальцем пепел.
— Знаете, что я для себя решил?
Погудин снял очки и поглядел на него внимательно.
— Я решил пожертвовать личной жизнью ради вразумления русских людей.
Глаза Александра заметно потеплели.
— Вразумления чему?

Николай сделал глубокую затяжку, затем ответил:
— Русское население политически совершенно безграмотно. Оно так и не научилось самостоятельно соображать. Как вы думаете, многим ли известно, кто находится у власти в России?
— В каком смысле «кто»?
— Вы понимаете, о чем я говорю. Многие ли знают, что все ключевые посты в государстве занимают ставленники Сиона?
После минутной паузы Погудин проговорил:
— Я вижу, этот вопрос серьезно засел вам в голову..
— А вам?
— Ну и как вы собираетесь русских вразумлять?
— По-всякому. Рассказывать, объяснять, втолковывать, доказывать на примерах, раздавать литературу..
— На многих ли хватит сил?
— Да хоть на сколько-нибудь. Ну стыдно же русским сидеть в полном дерьме!..
Погудин взглянул в глаза Николаю.
— А вам известно, как это опасно?
— Знаю, всё знаю. И тем сильнее меня бесит всеобщая трусость. Даже не так оскорбляет всеобщая бестолковость, как поголовная трусость.
— Что, хочется стать героем? — с улыбкой спросил Александр.
— Да не в героизме дело. Нужен пример, нужны поступки. Тогда и другие увидят, что можно не бояться этих ублюдков, что это же стыдно — бояться всякой мрази. Ведь вы не боитесь!
— Я — это другое дело... Я уже отбоился..
— Ну так и я тоже.
Александр еще раз пристально посмотрел на собеседника.
— Вообще-то вы правы, — задумчиво проговорил он, — нужно что-то делать..
Погудин открыл «дипломат», достал машинописный лист с отпечатанным на нем стихотворением.
— Вот, возьмите. Для вразумления русских... Потом прочитаете.
Он захлопнул «дипломат», поднялся со скамейки.
— Ну ладно, я пойду. Вас там Лена ждет... Звоните мне. У нее есть мой телефон.
Они пожали друг другу руки и разошлись.

Александр отправился в институт к Никодимову. Возле «Новокузнецкой» он купил в киоске свежий номер газеты «Завтра» и когда ехал в поезде метро — увидел, что в ней напечатаны его стихи. Погудин сопоставил перипетии текущего дня: сначала неудавшаяся встреча с дочерью, затем — публикация его интервью, и вот теперь — стихи в «Завтра». «Что еще готовит мне этот день?» — подумал он.

С первого этажа здания института, где работал Никодимов, Погудин позвонил ему по внутреннему телефону и попросил спуститься вниз. Уже через пару минут Евгений Петрович вышел из лифта первого этажа. Они дружелюбно поздоровались.

— Рад вас видеть, — признался Никодимов. — Вы по делу или просто так заехали?

— Есть разговор, — неопределенно начал Александр. — Да, кстати. Только что вышло в газете то интервью, какому вы были свидетелем у меня дома. Помните?

— Правда? Где? Покажите.

Погудин достал газету, развернул ее на нужной странице.

— А-а, — обрадовался Никодимов, — «Русский Вестник»! Хорошая газета. Ну-ка, ну-ка.., — он пристально пробежал по раскрытой странице глазами. — Это же просто замечательно. Я вас поздравляю. А кто эта журналистка, Елена Григорьева? Вы с ней прежде были знакомы?

— Да нет. Она там работает, спецкором. Ее ко мне прислал главный редактор. А вот с ним мы знакомы давно, лет шесть-семь, я у него в газете печатался еще в начале девяностых.

— Александр Юрьевич, у вас есть лишний экземплярчик? Подарите. Мне нужно для дела. Я хочу на работе кое-кому показать...

— Разумеется, берите, у меня еще есть. Но... вы знаете, этот день какой-то странный. По дороге к вам покупаю газету «Завтра», а там — мои стихи. Могу и ее вам подарить.

— Ну! — воскликнул Никодимов. — У вас радостный день! Это надо бы отметить.

Погудин грустно усмехнулся.

— Не совсем радостный... Впрочем, ладно, отметить-то все равно можно... Как у вас со временем?

— Собственно, я свободен. Можем посидеть где-нибудь.

Они зашли в небольшое летнее кафе, обнесенное низкой металлической оградой, где столики были выставлены

на открытом воздухе под цветастыми зонтами. Официантка быстро принесла им бутылку «кристалловской» водки, томатный сок, хлеб и по куриной ножке на дешевых пластмассовых тарелках.

— Ну что, Александр Юрьевич, — поднял свой пластиковый стаканчик Никодимов, — за ваш успех!

— За успех так за успех. Спасибо, Евгений Петрович.

После того, как они выпили по первому и немного перекусили, Погудин сказал:

— Вообще-то я действительно собирался к вам по делу. А повод с газетами просто кстати пришелся.

— Так-так, интересно...

— К тому же сегодня я еще раз встретился, правда, совершенно случайно, знаете с кем?

Никодимов вопросительно поднял брови.

— С Николаем, с которым вы меня вчера познакомили.

— Это уже забавно... Между прочим, что вы о нем можете сказать? Как он вам показался вчера? Он ведь очень хотел с вами пообщаться...

— Нормальный парень. Я его сегодня видел всего второй раз, но он мне понравился... По-моему, он человек искренний.

— Да-да, на меня он произвел такое же впечатление.

— Мы с ним увиделись в редакции «Русского Вестника». Потом поболтали немного. Чувствую, что это наш человек...

— Александр Юрьевич, вы мне сегодня просто бальзам на душу льете. У меня прямо праздничное настроение. Давайте за это тоже выпьем.

Они выпили по второму. Запили томатным соком. Никодимов не удержался и спросил:

— А какое же у вас дело ко мне?

— Дело-то? — Погудин снял очки, положил их на стол, откинулся на спинку пластмассового стула. — Дело у меня к вам очень серьезное, Евгений Петрович.

Александр вновь надел очки, окинул взглядом соседние столики. Лишь за одним из них сидела молодая пара с бутылкой вина, занятая своим разговором. Он подался вперед и произнес еле слышно:

— Я создаю организацию. И надеюсь на ваше участие. Это, конечно, должен быть трезвый разговор, но раз уж мы встретились...

Никодимов спокойно отреагировал на эти слова.

— Какой вы видите свою организацию? — ровным голосом спросил он.

Александр на несколько секунд задумался, облокотившись на стол и подперев рукой лоб.

— Это должна быть боевая организация.

Никодимов умолк, серьезно глядя в лицо Александру. Молчание длилось минуты две, после чего он задал вопрос:

— Я надеюсь, вы слишком умны, чтобы не вставать на путь бессмысленного террора?

Погудин поднял глаза.

— Хорошо, что вы это понимаете.

Он взял бутылку и налил еще водки. Улыбнулся. Поднял свой белый, наполненный наполовину стаканчик и заговорил, глядя мимо Никодимова:

— Вы можете удивляться: мол, как это так — с одной стороны, я ратую за Православие и нравственное совершенство людей, а с другой — говорю о какой-то боевой организации... Но противоречия тут нет, дорогой мой Евгений Петрович. Вот мы сейчас выпьем, и я постараюсь объяснить...

Они сдвинули свои стаканчики, выпили. Закусили остатком куриных ножек. Погудин почувствовал небольшое опьянение. Но вместе с тем настроение его немного улучшилось. Он снял очки и положил их в нагрудный карман рубашки.

— Я не сторонник террора, хотя моральный и физический террор против русского народа идет по всей стране, — Погудин оглянулся на медленно проехавший сзади него милицейский «Мерседес». — Терроризм — дело восточное. Он присущ в основном исламистам и евреям. Мы живем на своей земле, и нам ни к чему большая кровь. Но в стране, где власть захвачена врагами, нужна боевая организация. Боевая в том смысле, что непримиримая к врагам и предателям. Боевая, но без оружия и без физического насилия...

— А чем она будет заниматься?

— Не спешите, Евгений Петрович. Через несколько минут вы все поймете.

Никодимов потер ладонью нос и заерзал на своем стуле.

— Вы, конечно, понимаете, какие силы нынче властвуют в России. Вы, надеюсь, так же понимаете, чью волю они выполняют, — Александр тихо постучал кончиками

пальцев по столу и отодвинул от себя бутылку с оставшейся водкой. — Я говорю не об Америке и не об Израиле. Я имею в виду мистическую волю. Да-да, они, эти силы, эти люди, эти кланы, исполняют волю князя мира сего... Не пугайтесь, я не собираюсь воевать с ветряной мельницей. Сатану может победить только Бог. Но организация, которую я создаю, будет объединять людей, помогающих небесному воинству здесь, на земле... Князь тьмы уже воцарился на нашей планете. Мы переживаем последние времена, вот-вот о мировом правительстве будет объявлено открыто, с трибуны ООН. Уже сбылись и продолжают сбываться многие пророчества Иоанна Богослова. В России каждый человек уже имеет свой порядковый номер, занесенный в центральный компьютер, и скоро каждый из нас получит карточку с этим номером. В Европе и Америке это давно проделано. Затем, для большего «удобства», специальным облучением этот номер будет нанесен на правую руку (в некоторых российских регионах это уже делают) или на лоб, о чем тоже сказано в Апокалипсисе. Вы обратили внимание, как интенсивно навязывается новое псевдорелигиозное течение — неоязычество и с какой воинственностью, с какой враждебностью они, эти горе-язычники, поносят, оскорбляют Христа? На самом же деле — это тоже одно из проявлений сатанизма. И многие бывшие атеисты теперь, по невежеству своему, называют себя язычниками. Весь мир уже враждебен Православию. И мы видим, что делают с Югославией. В скором времени Православие будет в Европе прямо названо опасной для мира религией, подлежащей запрету и искоренению. Мне говорил один монах с Валаама: оказывается, по всей России замироточили иконы Троицы. Это нехороший знак... Хотите, я вам открою большую еврейскую тайну? — Погудин повернул лицо к Никодимову, застывшему в напряженной позе.

— Какую тайну?

— Дело в том, что третий иудейский храм уже построен.

— Как построен? Где?

— У нас, в России. А точнее, в столице нашей Родины...

И мы сидим недалеко от него...

Никодимов непонимающе посмотрел на Александра и странно улыбнулся.

— А вы подумайте хорошенько. И наверняка догадаетесь...

— Как?.. Да вы что... Нет... Этого не может быть... Там ведь уже, кажется, православная служба идет в нижней церкви...

— Идет. Пока... Но задумано нечто иное... И скорее всего — записано в той капсуле, что заложена в его фундамент. Недаром кремлевской и московской властями на его строительство были брошены колоссальные средства и не случайно они так спешили со строительством. Боялись не успеть до разоблачения... Между прочим на крестах храма, вернее, на иглах крестов закреплены шестиконечные звезды. Можете сами убедиться, если возьмете бинокль и посмотрите... А когда войдете в основной храм, то на внутренней стороне главного купола увидите огромную надпись на иврите...

Наступило молчание. Никодимов нервно сглотнул, достал из кармана носовой платок и вытер со лба пот.

— Все равно я не могу в это поверить. По-моему, вы слишком лихо фантазируете.

Погудин глубоко вздохнул, взял в руки бутылку, посмотрел сквозь нее на солнце, прищурившись.

— А вы зайдите в эту самую нижнюю часть храма, она действительно уже работает (кстати, на ее открытие со своим оркестром прилетал Ростропович). И вы прочтете фамилии спонсоров, отчеканенные золотом на стенах... Почти сплошь — известные иудеи. А сколько там открыто торговых рядов и магазинов! То есть восстановлено то, что в первом их храме громил Христос. Перестаньте удивляться. Мы же ведем речь о последних временах. Временах беззакония, коварства, иудейской наглости, временах князя мира сего. Они, иудеи, решили перехитрить Бога. Им было сказано: не суетитесь, своего главного храма у вас больше никогда не будет. Но им все не удается. Ушли в тартарары два предыдущих, туда же уйдет и третий, коль доведут они до конца свои планы. Бога перехитрить нельзя. И с восстановлением их третьего храма на них обрушится окончательный Божий гнев.

Никодимов распрямылся и ослабил галстук.

— Ну, Александр Юрьевич, вы меня огорошили! Хотя и успокоили немного. Может, все-таки не успеют они довести до конца свой план... Но, подождите, а как же это... ваша организация? Что она будет делать?

— Вот-вот. Вы трезвый человек, хоть и выпили немного. Не забываете главного...

Погудин еще раз огляделся вокруг. На металлическое ограждение рядом с ними сел голубь, косо поглядывая на крошки хлеба на их столе. Погудин сгреб крошки в ладонь и бросил на землю.

— Мы будем готовить людей для будущих битв с легионом наемников Зверя... Мы будем воспитывать русских воинов Духа, которым в новом веке выпадет честь сразиться в духовной и физической битве с легионом бесов в человеческом облике. Их надо готовить сейчас, чтобы спасти нацию и Россию от духовной гибели. Чем быстрее мы за это возьмемся, тем больше у нас будет шансов выжить, выстоять и оправдаться перед Богом в эти последние времена. Человечество идет к гибели. Мы обязаны укрепить русских в истинной вере. Только с нею мы победим Зверя.

Погудинский пафос немного насторожил Никодимова.

— Но я-то с какого боку могу пригодиться? Мне ведь уже под семьдесят... Я с вами абсолютно согласен. Но...

Александр поднял ладонь.

— Не волнуйтесь, Евгений Петрович. Я давно знаю, что вы человек надежный и смелый. На вас я рассчитываю только как на умную голову, способную все предусмотреть и умеющую, как в шахматах, делать правильные ходы. Ваши знания, ваш жизненный опыт, ваш аналитический ум... Мне необходима будет ваша, так сказать, интеллектуальная помощь...

— Да ради Бога, — Никодимов расслабился, — вы же знаете, как я вас уважаю и восхищаюсь вами...

Но Александр его перебил:

— Евгений Петрович, давайте выпьем за будущую победу. За победу, к которой и мы будем причастны... Не возражаете?

У Никодимова озарились глаза. Он широко улыбнулся.

— Александр Юрьевич, меня всегда покоряет ваша убежденность в своей правоте. А с такой убежденностью можно идти к победе. Разливайте. У нас там, кажется, что-то осталось.

Погудин разлил остаток водки, и они одновременно опустошили свои стаканчики, зажевав черным хлебом.

На небо набежала туча, начал капать мелкий дождь.

— Ну вот, — огорчился Никодимов, — а я зонт на работе оставил... Придется зайти на службу.

Они рассчитались с официанткой, вышли на тротуар.

— Евгений Петрович, вы мне скоро понадобятся, я вам позвоню.

— Непременно. Я буду ждать вашего звонка, — ответил доктор наук, поднимая воротник пиджака.

Дождь усилился, и они быстрым шагом направились в разные стороны.

«Кажется, он растерялся, — подумалось Александру на пути к метро. — Оглушил я старика...»

Погудин ощущал приятное опьянение. Домой его не тянуло. Хотелось чего-нибудь добавить... Да и дождь надо было где-то переждать. Он увидел вывеску бара. Решил зайти.

У стойки посетителей не оказалось. Он попросил бармена налить кружку немецкого пива и отошел с нею к столу. Пиво было холодным, вкусным. Он сделал два больших глотка и посмотрел в окно. На улице шел настоящий ливень.

В бар вбежал бородатый мужчина в штормовке, весь вымокший. С его куртки на пол стекали струйки воды.

— Льет как из ведра, — пробурчал он низким голосом. — Я пережду здесь, можно?

— Ничего, можно, — согласился бармен.

Бородач достал пачку «Примы».

— Не возражаете? — спросил он уже у Александра.

— Курите, — сказал Погудин, осматривая мужчину.

На вид ему было лет пятьдесят с небольшим. Мягкие серые брюки, старомодные изношенные ботинки. Лохматая темно-седая шевелюра и коричневый цвет лица выдавали в нем если не бомжа, то приехавшего из глубинки потасканного, испитого провинциала.

— Ну как пиво? — осклабился он, обнажив железные зубы.

— Пиво ничего, нормальное, — добродушно глядя в лицо бородачу, отреагировал Александр.

— Почему?

— Кружка — тридцать рублей.

— Дороговато...

Погудин сделал глоток, заметив, как вместе с ним сглотнул бородач.

— Угостить? Будешь?

Тот наклонил голову, выпустил длинную струю дыма, похмурил.

— Неудобно как-то...

«Значит, не бомж, — мелькнуло в голове Александра, — те соглашаются на подношения сразу».

— Да ладно, выпей, пока дождь идет...

Погудин залпом опорожнил свою кружку и попросил бармена налить еще две такие же. Достал из кармана брюк бумажник. Подошел к стойке, расплатился, взял кружки с пивом и поставил их на стол.

— Давай, подходи, не стесняйся.

Незнакомец приблизился к столу, повернул кружку ручкой к себе, затем подал Александру широкую морщинистую руку с желтыми толстыми ногтями.

— Миша.

— Саша, — ответил Погудин, вкладывая свою руку в ладонь бородача.

— Спасибо.

— Да не за что.

Миша медленно отпил полкружки. Облизнул пену с усов. По его карим широким глазам пробежало удовольствие.

— Да-а, это вещь...

Он причмокнул и сделал еще глоток.

— Приезжий?

— Угадал.

— Из каких мест?

— Из разных, — Миша вновь хитровато улыбнулся, открыв железо во рту.

Александр заметил на кисти его левой руки, в которой тот держал сигарету, уголовную татуировку.

— Давно освободился?

— Разбираешься...

Александр постарался придать своему лицу равнодушный вид.

— Да мне все равно. Я так... ради разговора.

Миша сделал затяжку, покосился на бармена, потом спросил:

— А почему ты решил меня угостить?

Александру стало смешно.

— Просто настроение было хорошее.

— А ты кто, если не секрет?

— Я-то? Русский человек.

Миша одобрительно тряхнул шевелюрой.

— Нормально ответил.

Кружки быстро опустели. Погудин заказал еще по одной, расплатился и, подойдя к столу, произнес:

— Ну, давай выпьем за Россию, если не возражаешь.
Они ударились кружками и сделали по глотку.

— В России сейчас жить стало хуже, — заговорил Миша. — Люди обнищали. Деньги за работу совсем перестали платить. Я вот еду с «химии»... Знаешь, что это такое?

— Знаю... Значит, условно освобожденный?

— Совсем освободился. И документ есть.

— А где трудился?

— На газопроводе. В Ярославской области, в Мышкине. Есть такой городишко.

— Знаю, знаю...

— Откуда знаешь?

— Да бывал в тех краях, лет пятнадцать назад... Приводино, Грязовец, Мышкин... Ударные стройки химической промышленности.

— Что, и ты сидел?

— Не поверишь. Ты вот зарабатывал там ревматизм по принуждению. А я поехал туда соплю морозить по собственной воле. Романтики захотелось.

Бородатый Миша размяк лицом, было видно, что его напряжение спало.

— Ну, а теперь куда направляешься? — продолжил разговор Александр.

Миша не спеша прикурил новую сигарету.

— К матери, в Смоленск. Да вот в Москве к брату заехал, на сутки...

Погудин увидел, что дождь за окном прекратился. Также он почувствовал тяжесть в голове и в ногах. «Все-таки водка с пивом — смесь опасная, — отметилось в сознании. — Надо бы двигать ближе к дому...»

— Сколько на твоих котлах? — спросил Миша.

Александр посмотрел на часы.

— Ровно семь. Смотри-ка, а дождя уже нет. Пойдем?

Свежий сырой воздух приятно ударил в лицо.

— Спасибо, командир, за угощение, — пробормотал Миша, положив Погудину руку на плечо. — Может, столкнемся еще когда-нибудь... Ты на метро? Ну, будь здоров, — он хлопнул Александра по спине, резко повернулся, перебежал узкое шоссе и скрылся в ближайшем переулке.

Подойдя к метро, Погудин сунул руку в карман брюк, где лежал бумажник. Карман оказался пуст. Он проверил другой карман, уже догадываясь, что его обворовали.

«Вот гад! — чуть не крикнул он. — И я-то, болван, рот разинул, расщедрился...» Но не так было жаль украденных денег. В бумажнике осталось его писательское удостоверение. Он заглянул в нагрудный карман рубашки. Очки и проездной билет лежали на месте. «Вот тебе и погулял, — вздохнул он. — Как начался денек, так и завершился... Ужасно глупо». Настроение вновь было испорчено. Он спустился в метро, сел в поезд и как добрался до дома — не помнил.

Глава третья

Эту ночь Николай провел вместе с Леной. Ее мать уехала с ночевкой на дачу сестры, и Лена сама пригласила Николая к себе домой. Утром он ушел от нее умиротворенным, в приподнятом расположении духа.

В Москве в конце мая стояли солнечные дни. Теплый утренний ветер приятно скользил по шее, лицу и волосам.

На пути к метро Николай зашел в первый попавшийся продуктовый магазин, взял бутылку пива и здесь же, возле какого-то низкого строения, похожего на склад, присел на деревянную тару, откупорил пивную бутылку об угол ящика и сделал несколько больших глотков. Он заметил, как из дверей магазина боком протиснулся немолодой бородач в серой замызганной куртке, из кармана которой торчала непочатая бутылка водки. Бородач с физиономией бомжа неуверенно спустился со ступенек магазина и, слегка покачиваясь, направился в сторону Николая. Подойдя к складу, он покрутил по сторонам головой, вынул бутылку, сорвал с нее пробку, немного отхлебнул. Затем подошел к ящику, стоящему на траве в пяти шагах от Николая, и поставил на него свою бутылку. Из брюк он достал газетный сверток, развернул и тоже положил на ящик рядом с бутылкой водки. В свертке оказалась закуска — порезанная колбаса и ломоть черного хлеба.

— Не возражаешь, если я тут с тобой... за компанию? — осыпшим голосом произнес бородач, взглянув на Николая.

— Да мне-то что, валяй.

Из другого кармана куртки мужик извлек измусоленный граненый стакан, с бульканьем наполнил его до краев.

— Может, выпьешь со мной, а? — он приоткрыл рот, обнажив металлические зубы.

— Извини, но с утра водку не пью, — равнодушно ответил Николай.

— Ну, как знаешь... А я опохмелюсь. Вчера перебрали с братками...

Он медленно дрожащей рукой поднес стакан к заросшему лицу и опорожнил содержимое наполовину. Остаток поставил на ящик. Его сморщенные мокрые губы вызвали у Николая брезгливое чувство.

— Командир, хочешь еще пивка? Я угощаю, — предложил бородатый.

— Нет, спасибо, не хочу.

Николай уже хотел было встать с ящика, чтобы уйти, но мужик, уставясь на него пьяными сощуренными глазами, громко пробасил:

— А ведь я тебя где-то встречал... Не в Москве...

Николаю тоже сразу показалась знакомой эта физиономия. Он еще раз внимательно взгляделся в нее, но ничего припомнить не смог.

— В Мышкине бывал? — немного согнувшись вперед, спросил бородач.

— В Мышкине?... Ну, бывал...

— По своей воле али как? — мужик опять осклабился, показав противные стальные зубы.

«Да-да, — мелькнуло в сознании Николая, — именно там я и мог его знать...»

— О Сохатом слышал? — мужик отломил корку хлеба и засунул в рот.

И тут Николай всё вспомнил. Когда он работал в Ярославской области на строительстве газопровода «Север-Центр», в том самом Мышкине — поселке городского типа на берегу Волги, то жил в вагончике среди условно освобожденных зеков. О Сохатом там слышали все. Это был ссученный вор, перешедший в низшую категорию уголовников, подлый и наглый, не однажды битый другими зеками за всякие гадости. Он не раз приходил в вагончик, где жил Николай, с ворованными вещами, чтобы сбыть их по дешевке. Николай всегда отказывался покупать ворованное, но как-то все же купил у него охотничий складной нож, который потом то ли потерял, то ли вновь украли. Всё точно, перед Николаем стоял бывший зэк по кличке Сохатый. Вспомнилось и то, что в действительности вора этого звали Лехой.

— У меня глаз что алмаз. Кого хоть раз увидал, того не забуду...

— Теперь узнал, — Николай отшвырнул бутылку в траву. — А что в Москве-то делаешь, бомжуешь, что ли?

Сохатый гоготнул, потом отхаркнул чернотой.

— Тебе бы так бомжевать! Да я вас всех с потрохами куплю.

Он достал из бокового кармана куртки портмоне черного цвета, явно ворованное, поднял вверх и потряс над головой.

— Хочешь, будем весь день пить и жрать!

Из портмоне выскочила какая-то книжечка красного цвета и неслышно упала на землю.

— Давай, иди сюда, отметим встречу.

Бородач взял в руку недопитый стакан и протянул его Николаю.

— Нет, не стоит, я водку пить не хочу. Тут у тебя что-то упало...

Николай встал с ящика, подошел к бородачу, нагнулся, поднял красную книжечку, оказавшуюся удостоверением, на котором значилось: «Союз писателей России». Задержав удостоверение у себя в руках, он с удивлением посмотрел на Сохатого.

— Где взял?

Тот продолжал сжимать стакан скрюченными пальцами.

— Э-э, дай сюда...

Николай раскрыл удостоверение и застыл, пораженный, не веря своим глазам. Оно принадлежало Погудину Александру Юрьевичу. Это же подтверждала и фотография. Он почувствовал, как по спине пробежала струйка пота.

— Откуда оно у тебя? — стараясь выглядеть спокойнее, повторил вопрос Николай.

Сохатый поставил стакан на ящик.

— Командир, ты задаешь много вопросов...

— Я знаю этого человека, — Николай почувствовал дрожь в своем голосе.

— Ты? — с усмешкой посмотрел на него Сохатый. — Ты его знаешь?

— Значит, так, дорогой. Давай всё по порядку.

Бородач вплотную приблизился к Николаю, взял его за ворот рубашки.

— А ты не на ментов работаешь?

Николай побледнел от нервного волнения. Он схватил руку, держащую его за ворот, резко дернул ее вниз, вывер-

нул влево и заложил за спину Сохатого. Тот согнулся и взвыл от боли.

— Говори, сука, где взял удостоверение! Или сейчас и вправду в милицию сдам.

— Ладно, хорош, командир, хватит, отпусти...

Николай сильнее надавил на заломанную руку. Сохатый плюхнулся на колени.

— Тихо ты, падла! Вчера мы с ним... сошлись... случайно...

— Кошелек его?

— Его, его...

— Сколько там было денег?

— Триста.

Николай ослабил руку.

— Смотри у меня, без шуток. Я твои повадки тоже помню. Твоей же бутылкой череп раскрою.

Он толкнул Сохатого в спину. Тот уткнулся головой в землю и повалился набок, с трудом выпрямляя руку.

— Деньги и кошелек я тебе оставляю. Выпьешь за наше здоровье. Возможно, мы еще увидимся...

Николай повернулся и быстрым шагом пошел в сторону метро.

Но пройдя метров сто, он остановился, затем свернул в ближайший двор, зашел за кусты и оттуда стал наблюдать за Сохатым, который, поднявшись с земли, постоял еще какое-то время возле магазина, после чего куда-то медленно поплелся с недопитой бутылкой в руках. Николай вышел из-за кустов и направился за ним.

Как ни странно, Сохатый приблизился к той самой девятиэтажке, в которой жила Лена. Он подошел к торцу этого дома, огляделся и спустился по ступенькам в подвал.

«Хорошо, что я догадался вернуться, — похвалил себя Николай. — Теперь ясно, где он обитает...»

Погудину Николай позвонил из автомата. Услышав в трубке знакомый голос, он сказал:

— Александр Юрьевич, здравствуйте, это Иванов. Помоему, у вас вчера случилась неприятность...

Погудин ответил не сразу. После недолгого молчания он спросил:

— Откуда вам известно?

— Мне было бы лучше к вам подъехать, если можно. Ваш писательский билет у меня.

— Хорошо, приезжайте.

Погудин объяснил, как до него добраться. Ехать пришлось почти через всю Москву — из Медведкова в Новогиреево. Спустя час Николай сидел в его квартире и пересказывал случившуюся с ним утреннюю историю.

— Но мне непонятно, — удивлялся он, — как этот мерзавец смог вас обокрасть? Ведь вы, кажется, таких людей должны обходить стороной...

Погудин грустно усмехнулся.

— Расслабился немного после встречи с Никодимовым. Мы с ним выпили, начался дождь, я забрел в пивной бар, а тут этот тип подошел с улицы, весь мокрый, стоит и смотрит жадными глазами. Я угостил его пивом, слово за слово, оказалось, он работал на Севере, там же, где и я. Правда, давно. Это называлось — «на химии». Дождь кончился, и мы разошлись. Я гляжу, а кошелька-то и нету. Да черт бы с ними, с деньгами, а вот писательский билет было жаль потерять. Но все-таки это очень странно, что именно вы с ним столкнулись сегодня утром... Говорите, он прозывается Леха Сохатый. А мне представился Мишей... Надо же...

— Погодите, Александр Юрьевич. Тут просто интересное кино получается. Где и в какие годы вы работали на «химии»?

— В начале восьмидесятых, в северных областях.

— А где, в каких местах?

— В Коми, в Архангельской, в Вологодской...

— Это был газопровод?

— Точно. К примеру, под городом Грязовцом мы строили компрессорную станцию.

— Потрясающе! Я там тоже был в командировке в семьдесят втором году. Нашу бригаду в Грязовец бросили из Мышкина на прорыв. Как сейчас помню, нужно было сдать эту станцию к какому-то празднику.

— В самом деле?! — искренне поразился Александр. — Да мы с вами наверняка там сталкивались! Обедали в одной столовке. И в Мышкине я тоже бывал пару раз в те годы. Да-а, мир тесен...

Николай смотрел на Погудина широкими ясными глазами.

— Александр Юрьевич, мне как-то не по себе становится. Вы не находите, что такие совпадения бывают только в романах...

Погудин засмеялся.

— Нет, Николай, не нахожу. Жизнь невероятнее любого романа. Хотите чаю? Вы же, наверное, голодны?

— Спасибо, есть я не хочу, а вот чаю бы выпил.

— Посидите здесь пока, я пойду свежего заварю.

Николай бросил взгляд по сторонам. Он находился в писательском кабинете. Две стены от пола до потолка были заставлены книжными полками. За стеклом одной из них он заметил фотографию симпатичной девочки лет семи-восьми в белом школьном фартуке и с большим бантом на голове. У третьей стены стояла складная кушетка, кресло и журнальный стол с телефоном. А над ними висело несколько небольших картин — написанных маслом пейзажей. Письменный стол располагался у окна, выходящего в зеленый березовый двор. Одна створка окна была приоткрыта, и комната наполнялась свежим весенним воздухом, смешанным с неутраченным щебетом воробьев.

Внимание Николая привлекла огромная книга в черном переплете, лежащая с краю письменного стола, чистого от бумаг. Он приблизился и прочитал надпись на обложке: «Св. Иоанн Златоуст». Николай осторожно притронулся к фолианту. «Вот что мне нужно», — мелькнуло в его голове.

В кабинет вошел Погудин. «Хорошая вещь скороварка», — сказал он, но увидев прикоснувшегося к книге Николая, поспешил поддержать его порыв.

— Это вам необходимо прочитать. Тут есть такое, о чем вы даже не догадываетесь... Но пойдете на кухню.

Александр разлил по чашкам горячий зеленый чай, затем достал из холодильника закупоренную литровую банку.

— Майский мед, самый ранний. Меня тут один знакомый угощает, из-под Ростова.

После первой выпитой чашки Николай расстегнул пуговицы на рубашке и проговорил:

— Хорошо... Закурить можно?

— Конечно, — Погудин принес пепельницу и шире открыл форточку. — Наливайте еще чаю, не стесняйтесь.

— С удовольствием, — задумчиво произнес Николай, прикуривая сигарету от зажигалки. — Александр Юрьевич, я очень рад, что судьба меня с вами столкнула. Это, наверное, не случайно. И я хочу от вас услышать, скажите мне, как вы думаете, мы сможем их победить?

— Кого «их»?

— Ну, тех, которые... всё захватили в России.

— Мы — нет.

— Вы уверены?
— Мы можем только помочь Тому, кто это сделает...
— То есть?
— Те, о ком вы говорите, — это бесы. Их может победить только Бог. Но с нашей помощью.
— Так... теперь понятно... А что мы должны делать?
— Действовать и верить в Божью силу.
— Ну, хорошо. А как действовать? В чем, по-вашему, должна выражаться наша конкретная помощь?
— Бесы — враги человечества. Перед последними временами они, чувствуя свою погибель, страшно активизировались. Огромное их количество приняло человеческий облик. Но если присмотреться внимательно к Немцову, Чубайсу, Гайдару, Березовскому, Хакамаде, то можно разглядеть у них рожки и хвосты... Наша задача — разоблачать их бесовскую природу. Разоблаченный бес теряет власть над людьми и уже не так страшен.
— Я с вами согласен, Александр Юрьевич, их надо разоблачать. Помните, я вчера вам сказал, что хотел бы враждебность русских. Я этого не боюсь. Однако этого, наверное, мало. Сколько времени пройдет, пока мы их всех разоблачим... Но ведь я же прочитал ваше стихотворение, Александр Юрьевич, я запомнил его концовку: «С врагами бессмысленны споры, осталось одно...» Понятно же, что «одно». Или это только стихи, не более?
Погудин опустил глаза, поднял чашку, отхлебнул чаю и взглянул в окно.
— Да, Коля, вы правы, с врагами надо поступать как с врагами...
Он встал из-за стола, сходил в кабинет, вернулся с книгой, лежавшей на письменном столе, и, надев очки, открыл ее на заложенной странице.
— Вот послушайте: «...синагога есть только непотребный дом... и вертеп разбойников, и логовище зверей... Вертеп не только зверя, но зверя нечистого... Никто из иудеев не поклоняется Богу... Избегайте и собраний, и мест, где бывают иудеи, и никто да не питает уважения к синагоге... Там, в синагоге, живут и демоны, и не только в этом месте, но и в самих душах иудеев... Какого злодейства, какого беззакония не затмили они своими гнусными убийствами?» Понимаете, в синагоге и в душах иудеев обитают демоны, то есть бесы. Это сказал православный святой, архиепископ Константинопольский Иоанн Златоуст, жив-

ший еще в четвертом веке. Это было ясно людям во все времена. И ничего не изменилось с тех пор. Наоборот, их, бесов, стало намного больше вокруг нас. Все они — слуги дьявола, и победить это бесовское воинство человечество не в силах.

— Так что же нам делать?

— Помогать Христу. Только Он с нашей помощью сметет эту нечисть с лица земли. Чем раньше мы прозреем, образумимся, тем быстрее это случится. Но человечество погрязло в безнравственности и продажности, оно стремительно движется к своим последним временам.

Погудин что-то хотел еще сказать, но Николай его перебил:

— Как вы понимаете последние времена?

— Это время глобальных катастроф перед приходом антихриста. С земли исчезнет более половины населения. Когда оно наступит — не знает никто среди людей. Но одним из его первых признаков явится легализация мирового правительства. А Православие будет названо величайшим заблуждением и станет преследоваться по закону..

— Александр Юрьевич, но ведь вы сами говорите, что человечество погрязло в безнравственности и грехе. Так, может, туда ему и дорога? Сумеет ли оно измениться? И потом, чем мы поможем Христу победить это скопище бесов?

— Своей небоязнию их. Своим стремлением к правде. Когда один человек знает и не скрывает своих знаний православной правды, он спасает тех, кто с ним соприкасается и напитывается от него. Многие люди, особенно молодые, бегут в объятия бесов, людям нравится им продаваться, и многие не замечают, как сами превращаются в рогатых и хвостатых. Да, конечно, человечество, вернее, большую его часть, спасти невозможно. Оно семимильными шагами движется к пропасти. Но есть Россия, которая сама по себе — целый мир, целая планета, и мы обязаны, понимаете, обязаны не допустить ее гибели, мы должны вытащить ее из трясины жидовских, а точнее бесовских соблазнов. Шанс спастись есть только у православных.

— Вы имеете в виду русских?

— Нет, не только русских. Я имею в виду всех настоящих православных. Ведь далеко не все русские — православные. Сколько еще кругом атеистов, сколько дураков, впавших в язычество! Они, видите ли, восстанавливают

нашу древнюю историю! Да восстанавливайте, изучайте, кто запрещает? Но этого им мало, все они раздираемы сатанинской ненавистью ко Христу. Сколько просто равнодушных, невежественных, одураченных, безграмотных! Они ведь тоже русские. В церковь они не ходят, священник к ним сам не придет. Но кто-то же должен сказать этим людям христианскую правду, которая живет только в Православии и которая происходит от Божественной истины. Мне понравилось ваше желание вразумлять русских. Вчера я с некоторым недоверием с вами разговаривал, мне надо было убедиться в вашей искренности. Но чтобы вразумлять других, надо обладать сильной верой и настоящими знаниями. Нужно верить в Христа, и тогда будешь знать главное. Если хотите быть таким человеком, — вливайтесь в нашу боевую организацию. Она только создается.

— В боевую? — Николай удивленно поднял брови. — Не понял.

— В России идет жестокая война. Это — бой православных с врагами Бога и человечества.

— Да я бы с радостью. А как это сделать?

— Очень просто. Читайте, что вы уже приняты, — Погудин широко улыбнулся. — А чай-то у вас остыл. Давайте подолью горячего?

— Нет, нет, спасибо... Я вот о чем хотел бы вас попросить... Нельзя ли эту книгу взять почитать?

— Даже нужно. Берите, читайте не спеша, выписывайте для себя то, что покажется важным. Чтобы знать правду, теперь нам надо не романы глотать, а изучать, впитывать откровения наших православных учителей. Идемте со мной.

Николай загасил сигарету. Они вошли в кабинет. Погудин взял с книжной полки брошюру зеленого цвета.

— Протоиерей Валентин Свенцицкий. «Диалоги». Это я вам дам почитать потом, когда осилите Иоанна Златоуста. Но вот только одна фраза из него, — Александр нашел нужную страницу. — «Прогресс — это разделение противоположных нравственных начал. Церковь ведет к чистоте Апостольского века. Мир — к окончательному нравственному падению. Каждая отдельная душа ставится перед необходимостью выбрать себе господина».

Погудин положил брошюру на полку, подошел к окну.

— Итак, мир движется к окончательному нравственному падению. Спасти его нельзя. Спасти можно только

свою душу. Для этого человеку и дается жизнь. Но сильная личность, знающая главное, может помочь спасти души других людей. Помочь Богу. Наша боевая организация будет воевать за живые человеческие души. Помните, у Гоголя шла борьба за обладание мертвыми душами. Бес Чичиков хотел перекупить у продажных ничтожеств, у всех этих ноздревых, собакевичей, плюшкиных, души умерших людей, чтобы они уже никогда не спаслись, даже в мире ином. Гоголь гениально показал эту жуткую борьбу. Пока душа в когтях бесов, у нее нет пути к спасению. И мы должны помочь русским душам вырваться из этих когтей, пока они еще живые, пока у них еще есть шанс спастись. Вы меня понимаете?

— Кажется, начинаю понимать.., — Николай сел в кресло, откинул голову назад, задумался. — Помните, когда мы были в Доме журналистов, вы сказали, что русские сами во многом виноваты?

— К несчастью, это так, — Погудин прошелся по кабинету, положил очки на письменный стол, потом сел на кушетку, закинув ногу на ногу и обхватив себя за плечи. — Русские разучились сопротивляться. Они ослабли духовно. От этого все их беды. Я часто задумываюсь: почему все так трагично в нашей истории? В этом веке мы легко расстались с монархией, потом с советской властью... И вот к чему я пришел в своих мыслях: и тогда, и сейчас произошел страшный соблазн. Народ поманили морковкой абстрактной свободы, и он погнался за ней, забыв обо всем. В начале века народ побежал за революционерами, предав отцовскую веру и царя, а в конце века — за демократами, и угодил в одну и ту же яму, приготовленную ему иудейскими бесами. Но теперь, даже оказавшись в яме, народ не желает шевелиться и признавать своего отступничества от Родины и патриотизма. Всех интересуют только деньги, зарплата, машина, дача. Все уже смирились, что даже деньги у нас в ходу — чужие, американские доллары, на которых изображен дьявол. Латинская S и пересекающий ее стержень — это библейское начертание змея, висящего на дереве. Того самого змея-искусителя, что сделал человека греховным. Почти никто из русских об этом не задумывается.

Погудин поднялся с кушетки, сделал несколько шагов по кабинету. Николай слушал его не перебивая, откинувшись на спинку кресла.

— Знаете, что спасло русских после отступничества от царя? Отечественная война. Да-да, страшная война сорок первого года, которая пробудила в них чувство Родины и патриотизма. Во многих тогда проснулась вера, многие обратились к Богу. Это понял даже сам вождь, вышедший из еврейской среды. Только это и спасло страну и нацию. Я не знаю, что теперь заставит проснуться в народе чувство Родины. Какая новая трагедия — не знаю. Но пока оно не проснется, народ так и будет сидеть в еврейской волчьей яме.

Погудин умолк. Наступила неожиданно долгая тишина, во время которой раздался громкий телефонный звонок, заставивший их вздрогнуть. Погудин снял трубку. Звонила Лена. Она поинтересовалась, не знает ли он, случайно, где Николай.

— Женская интуиция — великое дело. Вот он, сидит в кресле у меня в квартире. Передаю трубку.

Николай молча выслушал быстрые слова Лены, немного помрачнел.

— Хорошо, успокойся, я тебе попозже перезвоню. Нет, сегодня не смогу, вечером у меня дежурство... Я выясню, не волнуясь, целую.

Он медленно положил трубку на аппарат.

— Что-то случилось? — поинтересовался Погудин.

— Странные вещи происходят... Полчаса назад кто-то ей позвонил и спросил меня... Мужской картавый голос... А я вообще у нее никогда прежде не бывал. Вот только в эту единственную ночь...

Погудин задумался. Но через полминуты заговорил:

— Вы знаете, мне кажется, я начинаю догадываться. Мы с вами за разговорами совсем забыли о Сохатом... Очень может быть, что этот звонок Лене каким-то образом связан с ним.

— Да, наверное, вы правы. Я и сам успел подумать об этом. Крайне подозрительный тип... Чует мое сердце, что он не просто так возник на нашем пути. Нам надо проверить тот подвал, куда он спрятался. Я ведь ему пообещал нашу встречу... Ну ладно, Александр Юрьевич, спасибо за чай, за беседу, мне пора уходить. Есть еще срочные дела.

— Будьте осторожны, — предупредил его Погудин. — Этот звонок Лене — нехороший знак. Ничего не предпринимайте без меня. Договорились?

— Договорились.

— А за писательский билет я вам благодарен. Лихо вы дали по рогам этому Сохатому!..

— Северная стройка научила...

— Да, минутку, постойте...

Погудин извлек из верхнего ящика письменного стола небольшую книжечку в мягкой обложке, сделал в ней быструю надпись и протянул Николаю.

Вот вам еще от меня... Новая книжка стихов. Недавно вышла, за собственный счет... Теперь русских поэтов это государство не издает.

— Спасибо огромное. Я и сам хотел спросить да постеснялся. Сегодня на дежурстве и прочитаю...

— Потом скажете о впечатлении. Позвоните мне в ближайшие дни.

— Обязательно.

Погудин проводил Николая до лифта, обнял его за плечи.

— Будем друзьями, — сказал он, расставаясь.

Глава четвертая

После ночного дежурства Николай встретился с Леной в сквере Гоголевского бульвара. Они медленно прошлись среди распутившихся высоких лип, затем присели на скамейку в тени душистых деревьев недалеко от памятника Гоголю. Николай обнял ее за плечи.

— Ну как, по мою душу тебе больше не звонили? — с улыбкой спросил он.

— Позвонили еще один раз. Опять этот мерзкий картонный голос.

— Ничего не передали?

— Как же, просили передать, что.., — она запнулась.

Николай взглянул на нее вопросительно.

— Что... оторвут тебе голову.

Он ухмыльнулся и крепче прижал ее к себе.

— Ну что ж, посмотрим, как у них это получится...

— Я боюсь, — тихо сказала Лена.

— А вот это напрасно. Ты не боялась, когда шла работать в «Русский Вестник»? Это ведь тоже опасно при нынешней власти.

— Да я больше за маму боюсь. Ей все эти звонки совсем ни к чему.

— Завтра я выясню, чего им от меня надо...

— А ты разве знаешь, кто звонил? — она пристально посмотрела ему в глаза.

— Примерно догадываюсь... Ладно, хватит об этом. Лучше посмотри, как весна благоухает. Чувствуешь, от молодой зелени аромат идет., — Николай поднял кверху лицо и руки. — Благодать! Мне тут Погудин подарил свою книжку стихов, я ее вчера вечером прочитал, — он достал из кармана пиджака тоненькую небольшого формата книжечку, пролистнул несколько страниц. — Ты знаешь, книжка, вообще-то, грустная, он печальный лирик, и все же у меня после прочтения осталось светлое чувство. Вот послушай одно короткое стихотворение. Называется «Дыханье».

Растрочу я веселость
в прижизненном скитанье,
но грустный взгляд и голос
кому-то в оправданье
оставлю на прощанье,
не ведая ответа,
и встречу увяданье,
как сладкий час расцвета.

Не будет мне прощенья
у тех, кто строго судит,
но только сожаленья
в груди моей не будет.
Ведь это мирозданья
спокойное дыханье:
расцвет и увяданье,
расцвет и увяданье...

Николай убрал книжку в карман.

— Правда хорошо?

— Мило... Тонко подмечено... Я потом у тебя возьму ее почитать, — она погладила его руку. — Я тоже очень люблю весну, — ее взгляд остановился на клумбе с тюльпанами, краснеющими у входа в сквер. — Хотя в беседе со мной Александр Юрьевич говорил, что природа бездуховна и в ней нет Бога...

— Мне это трудно понять. Я с ним тут скорее не согласен. Да и в стихах он совсем другой, в них его душа как бы сливается с природой...

— Странно..., — Лена склонила голову ему на плечо и вытянула руку в противоположную от него сторону. — Скажи, тебе нравится этот памятник?

— Прекрасный памятник. Он величественный, дух поднимает. Правда, немного праздничный. Я себе Гоголя представляю не таким.

— Между прочим, ты его полный тезка...

— Да уж...

— Но самое интересное, что автора этого памятника, Томского, тоже звали Николай Васильевич...

— Надо же... Вот тебе и мистика. Прямо как по Гоголю...

— А ты знаешь, что раньше здесь стоял другой Гоголь?

— Как другой?

Лена искренне рассмеялась.

— Я у тебя сегодня гидом работаю. Прежде, до 1951 года, тут был памятник скульптора Николая... (заметь, опять Николай) Андреева. Не такой высокий, поменьше, но тоже замечательный. Он и сейчас стоит недалеко отсюда, в одном дворике, я тебе его как-нибудь покажу. Вернее, не стоит, а сидит... Там Гоголь трагичнее и как-то поэтичней, что ли...

— Обязательно покажи, а где это?

— Если есть время, давай прогуляемся и посмотрим...

Николай взглянул на часы, немного подумал.

— В другой раз. Поедем-ка лучше ко мне...

По пути они купили шампанское, яблоки и бананы.

— Ты питаешься только фруктами? — лукаво спросила Лена.

— Все остальное у меня лежит в холодильнике. Тебе, кстати, придется постоять у плиты.

— Вот еще! — с громким смехом парировала она. — Размечтался!..

...Николай сделал глоток шампанского, встал с дивана, задвинул гардину на широком окне. Затем открыл дверцу книжного шкафа, взял с нижней полки пачку сигарет «Союз-Аполлон», вскрыл прозрачную пленку.

— Я тоже хочу покурить, — сказала Лена.

— Ты вроде прежде не курила.

— Да я так, балуюсь иногда при хорошем настроении...

Он протянул ей сигарету, щелкнул зажигалкой. Они прикурили от одного огонька. Две голубые струйки дыма поползли к потолку.

Николай нажал на кнопку магнитофона «Панасоник», стоящего на тумбе рядом с цветным телевизором. Зазвуча-

ла знакомая французская мелодия семидесятых годов. Играл оркестр Поля Мориа.

Лена с удовольствием потягивала сигарету, задумчиво глядя на Николая, который стоял напротив нее, прислонившись к платяному шкафу. Оба молчали, словно под старую мелодию вспоминали что-то свое.

— Налей мне еще, — прервала молчание Лена.

Он вновь сел на диван рядом с ней, разлил остаток шампанского по бокалам, вынул из ее пальцев сигарету и положил на край пепельницы.

— У тебя есть личная мечта? — спросила она, подняв свой бокал с журнального столика, придвинутого к дивану.

— Личная мечта? — Николай, улыбнувшись, на мгновение задумался. — Вообще-то есть...

Он разрезал яблоко и протянул ей половину.

— Если не хочешь, можешь мне ее не открывать, но я все равно выпью, чтобы она сбылась.

Их бокалы издали тонкий хрустальный звон.

Лена, откусив яблоко, сбросила туфли, поджала ноги и положила голову ему на колени. Николай провел рукой по ее темным густым волосам, нагнулся и поцеловал в шею. Он заметил, как вздрогнули ее плечи.

Она была в сером платье с короткими рукавами. На изгибе ее левой обнаженной руки пульсировала синяя жилка. Николай поднял эту побелевшую за зиму руку и прижался губами к пульсирующей синей полоске.

Лена повернулась на спину, посмотрела в глаза Николаю. С ее согнутых ног съехало платье, обнажив полные ноги в черных колготках. Николай приподнял ее голову и поцеловал в приоткрытые тонкие губы.

Магнитофон издал щелчок. Кассета остановилась.

— Ты сегодня останешься у меня?

На губах Лены застыла улыбка.

— А ты этого хочешь?

Он еще раз поцеловал ее в губы.

— Я только маме позвоню.., — она приподнялась, поправила платье. — Я хочу принять душ, дай мне твой халат.

Когда Лена ушла в ванную, Николай разложил диван и постелил свежее постельное белье.

За окном наступал вечер. Свет с улицы уже почти не проникал сквозь плотную гардину. Николай зажег свечу, стоящую в подсвечнике на невысоком книжном шкафу,

затем перевернул кассету и вновь включил магнитофон. Оркестр Поля Мориа продолжал исполнять свои старые мелодии.

Как только в ванной стих шум струящейся воды, он достал из платяного шкафа длинное махровое полотенце и открыл дверь в ванную комнату. Лена вздрогнула от его неожиданного вторжения. Она стояла перед ним обнаженная, теплые капли воды скатывались по ее стройному телу. Свои длинные волосы, чтобы не замочить, она завязала узлом на затылке.

— Ты что это? — негромко вскрикнула она, быстро задвинув перед собой прозрачную шторку и повернувшись к Николаю спиной.

Он с улыбкой отодвинул шторку, набросил ей на плечи розовое полотенце и начал осторожно вытирать ее шею, спину, руки, грудь, живот, ноги...

— Ты все еще стесняешься меня, — сказал он, прикасаясь губами к ее плечу.

— Что с тобой сегодня? — Лена повернулась к нему лицом. — Раньше я не замечала у тебя такой нежности...

Он обернул ее в полотенце, взял на руки и отнес в комнату.

— О! — воскликнула Лена, увидев горящую свечу. — Создаешь интим...

Николай сел на диван и опустил ее себе на колени.

— Выпьем? — спросил он, подавая ей бокал.

Полотенце соскользнуло с ее покатых плеч. Сделав последний глоток и поставив свой бокал на стол, Николай прижался щекой к ее груди.

— Давай ляжем, — прошептала она, разглаживая копну его светло-русых волос.

Они лежали обнаженные, не накрываясь одеялом. Звучала красивая тихая музыка, тени от свечи трепетали на стенах и потолке. Ее плечи чуть вздрагивали, когда он одной рукой сильнее прижимал ее податливое тело к себе, а другой медленно гладил по спине.

— Ты почему-то никогда мне не говорил...

— Что?

— Я тебе нравлюсь?

Он широко улыбнулся.

— Хороший вопрос... Если бы это было не так...

— Если бы, если бы.., — перебила она. — Не можешь ответить прямо?..

Он перевернул ее на спину и стал целовать лицо, шею, соски, потом вновь впился губами в ее губы, проникая ей в рот и прикасаясь языком к ее языку. Она застонала, обвив его руками и ногами и чувствуя всем своим напряженным телом, как он сладко входит в нее и как его сильная плоть колыхается, бьется в ее объятьях.

— Милый, милый, милый... — шептала она.

Мелодия оркестра слилась с движениями их горячих тел. С этих мгновений все сущее потеряло для Лены свои очертания и смысл. Она, казалось, провалилась в бездонную звездную тьму, в ее закрытых глазах, как электрические разряды, вспыхивали какие-то бесчисленные искорки, вспыхивали и кружились, точно красные мотыльки, пока вдруг не слились в обжигающе-сладострастный огонь, заливший ее своим зноем от головы до живота. Она задрожала, вскрикнула, и чувства покинули ее.

Пламя свечи трепетало на стенах и потолке. Догорающая сигарета дымилась с краю пепельницы. Николай, расслабленный, глубоко дыша, с благодарностью впитывал жар пылающих женских щек и ее влажного, мягкого тела. Это радостное, ни с чем не сравнимое ощущение близкой женской плоти наполняло его гулкое сердце новой природной силой, желанием жить и любить.

Наконец Лена открыла глаза.

— Ты живой? — она обхватила его шею. — А я, кажется, побывала в других мирах... Это было так здорово...

— Тебе не нужно в ванную? — прервал ее грезы Николай.

— Ой, надо..., — она бегом выскочила из комнаты.

Николай, лежа на животе, остывал в успокоительном блаженстве. Он и не заметил, когда смолк магнитофон.

Лена подкралась на цыпочках и запрыгнула ему на спину.

— Ага, попался!.. Теперь не убежишь.

— Куда же мне бежать? Я ведь у себя дома..., — он лежал неподвижно.

— Знаю я тебя, то и дело от меня прячешься... Вот возьму и укушу, — она тихонько сдавила зубами его кожу на плече.

— Ты вроде собиралась матери позвонить.

— Угу. Поддай мне телефон.

Он опустил руку к полу, где сбоку от дивана стоял телефонный аппарат, поднял его и поставил рядом с собой.

Лена сняла трубку, набрала номер.

— Мама, привет, это я. Сегодня меня не жди, я приеду утром. Да нет, все нормально. Я тут... у Коли. Ну, ты зна-

ешь. Я тебе про него рассказывала. Мам, за меня не волнуйся, я взрослый человек.

— Дай ей мой телефон, — негромко произнес Николай.

— Мама, все хорошо. На всякий случай запиши номер телефона, — Лена продиктовала семь цифр. — Ну все, целую, утром увидимся.

Она положила трубку, составила аппарат на пол. Какое-то время они лежали молча.

— Что, получила втык? — первым нарушил тишину Николай.

— Ох, уж эти родители, беда с ними...

— Когда я жил с матерью, у меня были те же проблемы, — он попытался пошевелиться. — Слушай, тебе очень удобно?

— Вообще-то, да.

— Ну-ка, слезай...

Лена легла рядом. Николай повернулся к ней лицом, просунул руку ей под голову.

— Не холодно?

— Пока нет, — она переложила голову ему на плечо и прижалась к его груди.

— Ты спрашивала о моей личной мечте. Так вот, — он подложил свободную руку себе под затылок, — в детстве я мечтал иметь велосипед, после окончания школы — поступить в институт. Потом, когда поездил по стране и поработал на разных стройках, у меня появилась мечта написать книгу, целый роман, и я даже начал его писать... Но теперь... Теперь я мечтаю о другом.

— О чем же?

— В последнее время я понял, что все мои прошлые мечты — полная ерунда. Главное для человека — испытать любовь...

Лена хмыкнула, потерлась щекой о его плечо.

— Можно любить и кошку...

Николай шумно вздохнул.

— Можно и кошку любить, особенно если она на двух ногах. Но я говорю про иное.

— Извини за глупую шутку. Я тебя перебила...

— Вообще-то я все сказал.

— Не обижайся. Я тебя поняла. Но это всего лишь новая мечта? Ведь так?

— Да. Все прошлые мои личные мечты, между прочим, так и не осуществились...

Лена тихо чмокнула его в подбородок.

— Между любовью и желанием любить целая пропасть, — серьезным тоном заговорила она. — Для любви должны открыться глаза в сердце. А у тебя, как мне кажется, оно еще не прозрело...

— Да что ты про меня знаешь? — Николай нахмурил брови.

— Знаю, знаю... Рядом с тобой лежит женщина, которая, скажем так, хорошо к тебе относится. А ты мечтаешь любить неизвестно кого...

— Любовь — это странная, непонятная штука... Ты — рядом. Это жизнь, реальность. Я могу тебя погладить, обнять, доставить тебе радость. А мечта может так и остаться мечтой...

— Дурачок. Обнять, погладить... Что я тебе, собачка, что ли? Без любви постель холодная... Душу одеялом не согреешь, — она зябко повела плечами. — Знаешь, что я хочу тебе сказать?..

Николай молча ждал. Лена провела ногтем по его ребрам, затем — еще ниже, остановившись на бедре.

— Ну, говори...

Ее палец пополз по его телу вверх, дошел до шеи, поднялся к уху, отжал от головы ушную раковину.

— Слушай внимательно. Я. Люблю. Тебя, — проговорила она четко и твердо, делая паузу после каждого слова.

Николай впитывал ее голос, закрыв глаза.

— Ты меня слышал?

— Еще бы.., — губы его дрогнули, а пальцы крепко сдавили ее округлое плечо. — И что теперь мы будем с этим делать?

— Не знаю. Это твоя проблема. Но я уже не могу без тебя жить, товарищ Иванов. Николай Васильевич... — Они искоса взглянули друг на друга. — Голубоглазый...

Он усмехнулся.

— Да... Задача...

— Вот так-то, дорогой мой... Зря, что ль, я домой ночевать не поехала... Вот всё тебе и сказала.

— Славная моя, — он запрокинул ее лицо, ласково посмотрел ей в глаза, сжал ладонью ее грудь и несколько раз сильно поцеловал в губы. Она глубоко и часто задышала. Когда он приподнялся над ней, до его слуха дошел чуть слышный, дрожащий шепот:

— Иди ко мне...

Ранним утром они проснулись от телефонного звонка. Николай, не открывая глаз, свесил руку с дивана, снял трубку.

— Алло.

— Николай Васильевич? — дошел до его сознания незнакомый, гортанно-скрипучий голос.

— Да, слушаю.

— Ну, наконец-то мы вас отыскали, а то всё пгиходится с вашими женщинами общаться... Мы желали бы с вами встгетиться.

— Кто это «мы»? — с иронией спросил Николай, хотя уже понял, кто звонит и кто дал «им» его телефон.

— Да вы, я думаю, догадываетесь. Пгиходите сегодня в гости к Сохатому. Вы знаете куда. Нам есть о чем поговорить.

В трубке раздались короткие гудки.

— Кто это тебя в такую рань тревожит? — пробурчала Лена сквозь дрему, притянув к лицу одеяло. Она повернулась набок и прижалась губами к его уху. — Не дают нам поспать...

— Это они.

— Кто «они»? — Лена резко открыла испуганные глаза.

— Они.

Лена тоже все поняла.

— Мама дала им твой телефон...

— И правильно сделала. Зачем же они будут вам досаж-
дать?

— И что теперь?

— Я с ними встречусь и поговорю.

— А кто это?

— Да так, давние знакомые, неожиданно всплывшие...

— Ты знаешь, нехорошие у меня предчувствия.., — она повернула к себе его лицо, внимательно взглянув на него. — Я боюсь за тебя. Это очень серьезно?

— Нет, нет, успокойся, все будет нормально.

Через час, наспех позавтракав, они вместе вышли из квартиры. Николай решил проводить Лену. От Кузьминок, где жил Николай, они доехали в метро до Медведкова, поднялись на поверхность и подошли к ее дому.

— Ну, пока, — сказала Лена, — будь осторожен.

Он обнял ее за талию и поцеловал.

— Завтра вечером я тебе позвоню, — Лена потрепала его за ухо и скрылась в подъезде.

Николай не спеша направился в сторону торца ее дома, где находился вход в подвал. Дойдя до угла девятиэтажки, он огляделся вокруг. Ничего подозрительного вроде бы не заметил, правда, напротив ближнего подъезда стояла темно-синяя «Хонда», в которой сидели двое мужчин, не обращающих на него внимания.

Николай спокойно подошел к ступенькам, ведущим в подвал дома. Он заметил, что подвальная дверь чуть-чуть приоткрыта. Уже это показалось ему не случайным.

Нащупав в кармане рукоятку складного ножа, он спустился вниз по ступенькам, немного постоял, собравшись с духом, и несильно надавил на дверь. Она со скрипом подавалась вперед. В подвале стояла полная темнота.

— Есть тут кто живой? — крикнул он, почуяв в тот же миг, как оттуда повеяло затхлой сыростью.

Из темноты подвала не доносилось никаких звуков. Он уже собрался было сделать туда первый шаг, как вдруг сверху, из-за спины, услышал:

— Чего орешь спозаранку?

Николай резко обернулся. Над ним на самой верхней ступеньке стоял Сохатый. И не один. По обе стороны от него находились двое каких-то темных личностей, похожих на тех, что сидели в иномарке, явно еврейской наружности.

— Проходи, не бойся, гостем будешь, — Сохатый спустился к подвальной двери, протянул в темноту руку, что-то нащупал на внутренней стене, после чего в глубине подвала возник мутный свет. — Давай, давай, не раздумывай, раз пришел, — Сохатый шагнул вовнутрь. — Иди за мной.

Николай, оглянувшись на тех двоих, что остались сзади, последовал за бывшим зэком. Он шел осторожно по скользкому цементному полу, переступая через темные, едва заметные лужи, битый кирпич, бутылки и какую-то желтую липкую грязь. За своей спиной он слышал неторопливые, хлопающие шаги. Страх в его сердце не было. Лишь тусклый свет подвала да запах гнили вызывали в нем чувство гадливости по отношению к этому мерзкому месту их встречи. И еще низкий бетонный потолок давяще действовал на разум, в котором пульсировал один-единственный вопрос: «Зачем ты, дурак, сюда приперся?..»

— Ну, где твои апартаменты? — как можно спокойнее задал вопрос Николай.

— Да вот тут, — Сохатый повернул в сторону от света в какой-то бетонный проулок, зазвенел ключами.

Николай услышал, как щелкнул замок. Открылась еще одна дверь, за которой вспыхнуло более яркое, люминесцентное освещение. Там оказалось небольшое помещение с глухими стенами, заставленное старой обшарпанной мебелью, серой от пыли и ветхости.

— Заходи, командир, присаживайся, — позвал его Сохатый, указывая на провалившееся с рваной обивкой кресло.

Николай не торопясь переступил порог глухой подвальной комнаты, где, по всей вероятности, и обитал Сохатый. Посмотрел по сторонам, обернулся на вход — там уже стояли двое неприятной наружности мужчин в черных костюмах. Один из них был лет тридцати, низкорослый, шуплый, с длинным горбатым носом, в очках и с рыжей клиновидной бороденкой. Чертами лица он напоминал Троцкого и Свердлова вместе взятых. Другой, имевший широкую черную бороду, был на голову выше Николая и своей мясистой физиономией с толстыми губами и выпуклыми глазами походил на молодого раввина. В руке он держал спортивную сумку.

— Милости просим, — противным скрипучим голосом прокартавил носатый очкарик, захлопнув за собой дверь в это тесное убогое помещение. — Садитесь, садитесь, не стесняйтесь.

Николай плюхнулся в пыльное кресло. Задавать первым какие-либо вопросы ему не хотелось. «Все, что нужно, они скажут сами, — подумал он. — Посмотрим, как дело дальше пойдет».

Один из незнакомцев, тот, что здоровее, поставил сумку на засаленный стол с остатками позеленевшей колбасы и черного сморщенного хлеба, а сам присел на кривой табурет, предварительно смахнув с него ладонью пыль.

Сохатый достал из-под стола бутылку с пивом, уселся на деревянный топчан, прислонившись спиной к бетонной стене, легко откупорил пробку железными зубами, широко разинул пасть и влил в нее булькающую темную жидкость.

— Ну что ж, Николай Васильевич, вот мы и встретились, — вновь картаво заговорил очкарик. Вместо буквы «р» он произносил по-еврейски специфическое «г». Николай понял, что утром по телефону общался именно с ним. — Нехорошо, нехорошо, товарищ Иванов, обижать инвалидов труда и старших по возрасту., — очкастый еврей с ухмылкой взглянул на железнозубого «инвалида труда», жадно лакающего пиво. — Зачем же вы нанесли моральную и

физическую травму этому добропорядочному господину? — он протянул руку в сторону Сохатого, на сморщенном лбу которого выступила испарина.

Николай внимательно смотрел на говорящего. Этот юмор его немного насторожил.

— Нам пришлось следить за вами, чтобы узнать, где вы живете и работаете, с кем встречаетесь. И знаете, вы оказались интересным для нас экземпляром...

— Даже так? — искренне поразился Николай. Такого поворота он не ожидал. — И чем же я для вас интересен?

— Как же, как же, — низкорослый очкарик прошелся взад-вперед по заплыванной конуре Сохатого, — вы ведь страстно интересуетесь еврейским вопросом!.. И вот что мы еще обнаружили: вы тесно общаетесь с господином Погудиным! Не станете же вы этого отрицать?

— Ну-ну... Вы неплохо информированы.

— Спасибо на добром слове. Мы работаем, работаем... От наших глаз никто не может скрыться. Когда вы подрались вот с этим опохмеляющимся нашим сотрудником, мы находились рядом и всё видели. Видели, как вы потом шли за ним и как обнаружили его обиталище... Мы даже нашли телефон вашей подруги. В редакции, где она работает, тоже есть наши люди...

— Так чего же вам от меня надо?

— О! — горбоносый поднял кверху палец. — Это очень важный вопрос. Для того мы вас сюда и пригласили... Я надеюсь, вы разумный человек и не станете себе дальше вредить. Принимая во внимание вашу совместную трудовую деятельность на благо нашего государства, повторяю, нашего государства, с этим вот известным вам субъектом, — он снова указал рукой на Сохатого, — который, к тому же, является незаменимым нашим работником, и несмотря на то, что вы нанесли ему моральную и физическую травму, — очкарик сделал паузу, чтобы вдохнуть воздух, — а также учитывая ваше искреннее раскаяние в содеянном...

— Раскаяние?! — воскликнул Николай. — С чего вы взяли?

— Не торопитесь. Повторяю, учитывая ваше искреннее раскаяние, мы вас на первый раз можем простить и сохранить вам жизнь... Но с одним-единственным условием.

Николай обвел серьезным взглядом всех троих. Он начинал понимать, что на самом деле с ним здесь не шутят.

— С каким еще условием?

— Вот-вот, Николай Васильевич, это самое главное. Условие вашего дальнейшего прозябания на этом свете только одно. И оно не трудное, если задуматься о своем будущем. У вас ведь еще не было семьи, детей...

— Короче, — резко оборвал его Николай.

— О, вы уже нервничаете. А нервничать вам совершенно ни к чему. Нервы надо уметь сдерживать..., — козлобородый достал из кармана пиджака белый носовой платок, снял очки и не спеша протер стекла. Затем снова надвинул их на горбатый нос.

Николай молча выжидал, хотя уже чувствовал злобную дрожь в пальцах. Ко всему прочему он заметил, как сидящий на табурете второй обладатель семитской наружности расстегнул молнию на сумке.

— Николай Васильевич, успокойтесь, мы хотим оградить вас от лишних проблем, мы желаем вам только добра. Хотя что такое добро?.. — очкарик мечтательно взглянул куда-то вдаль сквозь стены этого грязного подвала. — Так вот, я возвращаюсь к делу: вы обязаны поработать на нас.

— Поработать на вас? — брезгливо скривил губы Николай. — А собственно, кто вы такие? Кажется, вы не представлялись...

— Ах, да, извините, извините, такое упущение... Впрочем, это не важно. Ну, если хотите, называйте меня Яковом. Помните из Библии, был такой Иаков-богоборец, сын Исаака, внук Авраама, праотца всех иудеев. Не возражаете?

— Вы всех так вербуете, Яков Исаакович? — Николай скрестил руки на груди и закинул ногу на ногу.

— По-разному, товарищ Иванов, по-разному, — носатый еврей еще раз прошелся перед Николаем. — Одних — вразумлением, других — физическим воздействием. Что поделаешь, приходится и силу применять. Не все же такие сговорчивые, как вы...

— Так что же я должен для вас сделать?

— Вы благоразумный человек, я знал, что мы с вами договоримся. Нам нужна информация, касающаяся вашего нового знакомого. Да-да, вы меня правильно поняли. Я имею в виду господина Погудина. Александра Юрьевича.

Николай побледнел. Такой наглости он не ожидал. Но, сдержав первый приступ гнева, еще раз посмотрел по сторонам. Все трое выжидающе с неподвижным напряжением уставились на него. Он почувствовал сухость во рту.

— Ну-ка, ты, инвалид труда, — он повернул голову к сидящему на топчане Сохатому, — дай глоток горло промочить.

Сохатый нехотя нагнулся под стол, достал еще одну бутылку с пивом, приложил пробку к столу и ударил по ней кулаком. Пивная пена с шипением вырвалась из бутылки.

— Просроченное..., — недовольно отметил Николай, принимая мокрую бутылку.

— Ага. К следующему разу свеженького завезем, — заржал Сохатый.

Николай сделал пару глотков и поставил бутылку на пол рядом с креслом.

— Ну как, полегчало?... — задал вопрос горбоносый.

— Немного отошло... А какая информация о Погудине вас интересует?

— Вся, дорогой, вся.

Николай чуть было не рассмеялся. Слово «дорогой» прозвучало особенно смешно: «доггой». Он снова поднял бутылку, немного отпил, посмотрел снизу вверх на низкорослого иудея, затем оглянулся назад, словно отвлекая его внимание, и, коротко размахнувшись, швырнул бутылку в эту мерзкую воронью физиономию. Он успел увидеть, как бутылка попала тому в переносицу, отчего голова горбоносого дернулась назад, а очки отлетели в сторону и ударились о бетонную стену, осыпавшись на пол мелкими осколками. Сам же говорливый «вербовщик» рухнул на грязный линолеум возле закрытой двери.

Николай вскочил с кресла, но не успел сделать и первого шага к выходу, как иудей-здоровяк уже висел у него на плечах, обхватив рукой шею, и пытался вновь завалить его в кресло. Тут же с другой стороны к нему подскочил Сохатый. Последнее, что почувствовал Николай, был тупой удар по голове.

...Сознание вернулось к нему, когда он, связанный, полужележал в кресле в полной темноте. В ушах стоял звон, при малейшем шевелении темя раскалывалось от боли, рубашка прилипла к телу от запекшейся крови; ему с трудом удалось отодрать волосы, пристывшие к обивке кресла. Язык и небо пересохла. Он не сразу понял, что с ним и где он находится. Но постепенно память вернулась к нему.

Жутко колотилось сердце, отдаваясь в ушах. Связанные за спиной руки ныли, придавленные телом. Грудь в нескольких местах стягивала толстая веревка. Ноги тоже

оказались связанными. «Ну и попал ты в переплет., — пришла ему в голову первая мысль. — Предупреждал же Погудин не ходить сюда одному...»

Время остановилось для Николая. Сознание его то проваливалось в сон, то неожиданно пробуждалось от тягостной душевной тоски и ноющей боли во всем теле. Сны стали для него единственным спасением от помутнения разума. Поначалу во время пробуждений он пытался кричать, звать на помощь, но на его крик никто не отзывался. Он понял, что над ним на первом этаже никто не живет. Чувство голода он не испытывал, но страшно хотелось пить. От жажды язык распух и одеревенел.

Вдруг он осознал, что видит цветные галлюцинации: зеленый лес, поля, полные цветов, голубое озеро, облака, а сам он куда-то мчится по проселочной дороге на велосипеде...

Николай встряхнул головой и услышал собственный стон, словно принадлежащий не ему, а кому-то рядом. Острейшая боль заставила его вернуться в реальность. Но больше всего угнетал полнейший холодный мрак. Он ощущал себя заживо погребенным.

Где-то рядом с ним зашуршала бумага, послышались тонкий писк и чья-то мелкая быстрая беготня по линолеуму на полу. «Мыши или крысы», — решил он.

— Что же делать? — прошептал он еле слышно. Его мозг отказывался смиряться. — Так ведь и сдохнуть можно...

— Ничего, не сдохнешь...

До его слуха дошел знакомый скрипучий голос. Николай вздрогнул и весь напрягся.

— Кто здесь? — он с трудом выговорил два слова.казалось, рот был забит сухим песком.

Слева от него, где стоял топчан, раздался противный смех:

— Хе-хе-хе...

Николай, преодолевая боль в шее и во всем позвоночнике, повернул туда голову. Но в полной тьме ничего нельзя было различить. «Вот уже и звуковые галлюцинации пошли...» — подумалось ему. Он закрыл глаза, желая заснуть.

— А ведь мы можем договориться...

Николай вновь открыл глаза, ничего не видя перед собой.

— Нет, нет, это не сон. Я здесь, рядом с тобой, и хочу тебе помочь, если, конечно, одумаешься и будешь разумным, — прозвучала картавая речь.

— Ты кто? — Николай не узнал собственного голоса, ставшего низким и хриплым.

— Как? Не веришь своим ушам? Ну, сейчас мы зажжем огонек...

Тьму прорезал колышущийся, неясный, слабый свет. Николай снова, сжав от боли зубы, повернул лицо влево и, щури глаза, постепенно разглядел, что на топчане, положив руки под голову, лежит кто-то в черном, а над ним из трещины в стене вырываются короткие языки красного, бездымного пламени.

«Что за чертовщина...» — мелькнуло в сознании Николая.

— Ха-ха-ха.., — проскрипел голос на топчане. — А ты догадлив. Он самый, собственной персоной. Не захотел говорить со мной как интеллигент с интеллигентом, придется общаться с чертом.

Некто в черном приподнялся, и Николай узнал в нем того самого картавого еврея, но уже без очков. Его горбатая переносица была заклеена тонкой полоской пластыря.

— Не ожидал? А ведь я добрый. Знаю, как тебе тут скучно одному.

Назвавшийся чертом еврей, сидя на топчане, по-турецки скрестил под собой ноги.

И действительно, приглядевшись, Николай различил среди его кудрявой рыжей шевелюры небольшие, торчащие вперед рожки...

— Ай-яй-яй, эх они тебя... Хочешь, чтобы я прекратил твои муки?

Николай молчал, с трудом воспринимая происходящее.

— Не сомневайся, ты меня лицезрешь наяву. Есть желаешь?

— Сначала воды.., — с трудом выдавил из себя Николай.

— Вот видишь, как нехорошо разбрасываться пивом... Это была, между прочим, последняя бутылка. Но... ладно. Я ведь понимаю. Неправду говорят, что мы бессердечные. Сейчас я тебя напою.

Николай почувствовал, как откуда-то сверху ему на лицо пролилась тонкая струя пахучей жидкости. Запах этот не был неприятным и показался ему знакомым. Николай инстинктивно разомкнул губы, и обжигающая сладость попала в рот, на язык, проникла в горло. Николай закашлялся, начал задыхаться от внезапного горлового спазма, из глаз потекли слезы, но пахучая, прохладная жидкость продолжала течь ему на голову, на шею, под задубевшую от крови рубашку. И вдруг он сообразил: из потолка вытекал

самый настоящий коньяк. Николай уже смело подставил рот под бурую коньячную струю.

Носатый черт, заливаясь хохотом, лупил себя руками по ляжкам.

— Ну всё, всё, хватит, достаточно, а то заставишь потом тебя опохмелять, как того инвалида труда...

Коньячная струя оборвалась. Николай со стоном сглатывал оставшуюся во рту жгучую влагу. Язык и горло горели от крепкого напитка, глаза застилали слезы.

Коньяк жажды почти не утолил, но несколько расслабил нервы и притупил головную боль. К тому же стал послушнее язык.

— Согласись, — вновь подал голос черт, — для нас нет ничего невозможного. Я даже могу тебя развязать.

— Так в чем дело? — тяжело дыша, прошептал Николай.

— А дело вот в чем, уважаемый пленник. Или ты здесь сгниешь и станешь пищей для крыс, или я тебя выпускаю из этой ямы и ты служишь мне, твоему хозяину.

Николай молча смотрел в нависшее над ним глухое бетонное перекрытие, на котором извивались тени от вырывающегося из стены подземного пламени. Он понимал, что с чертом шутки плохи, но и становиться пищей для крыс тоже не хотелось.

— Слушай, как там тебя? — медленно и нечетко выговаривая слова, Николай скосил глаза на черта. — Яков Исаакович, что ли? Для вас, чертей, как ты говоришь, нет ничего невозможного. Тогда зачем я тебе?

— Ну вот опять. Наступаешь на большую мозоль, — черт заерзал на топчане. — Заставляешь меня признаваться в своих слабостях. Ну да ладно, тебе в твоём положении открыться можно. Души, души человеческие — вот наше больное место. Пока этот твердый орешек мы не расколем, не разгрызем, человек нам неподвластен. А я ведь тоже отрабатываю свой хлеб, это моя работа. Чем больше я уловлю людских душ, а тем более душ непокорных, тем выше будет мой статус, мой вес, тем большей реальной властью я смогу обладать над людьми. Это здесь, с тобой в подвале, я черт, а там, наверху, среди людей, я — уважаемая личность, крупный бизнесмен, вхож в высшие круги власти. Но пока только вхож... А пора бы уже и повисить статус, получить должность во власти... Так что давай договариваться, ты поможешь мне, а потом я помогу тебе.

— И что же? Я должен отдать тебе свою душу?

— Не отдать, дорогой, не отдать, а продать, это гораздо лучше, надежнее...

— Ну и почему ты их покупаешь?

— Не почему, а за что. Ты получишь многое в этой жизни, о чем даже не подозреваешь. Получишь легко, а деньги сами потекут к тебе. Много денег... Высокая должность, красивая жена, хорошая машина, дача — что еще человеку нужно?

Николай молчал с грустной усмешкой. Глаза его снова заволокли слезы. Руки словно отнялись за спиной, он перестал их чувствовать. Веревка, несколько раз обвитая вокруг груди, намертво впечатала его в тяжелое кресло, не позволяя пошевелиться. Связанные ноги затекли и похолодели.

— В твоём положении другого выбора нет, — растравляя тягостные ощущения Николая, издевался черт. — Тебе бы еще жить да жить...

— Врешь.., — сдавленно проговорил Николай. — Думаешь душу за грош получить... Мол, желаешь достичь большей власти над людьми, — он запнулся, веревка мешала ему дышать. — Ну и что тогда? Допустим, придешь ты во власть. А что дальше? — он вновь остановился, чтобы отдышаться. — Таких, как ты, там и без того хватает. Власть уже давно здесь в ваших руках, да вы всё никак с Россией не справитесь.

Боковым зрением Николай заметил, как злобно сверкнули глаза рогатого.

— Дерзишь, дорогой, дерзишь... Вот полежишь тут еще недельку, может, и смягчишься. Я ведь с тобой по-хорошему хочу, по-человечески...

— По-человечески.., — процедил сквозь зубы Николай. — Бес пархатый!

— Русское хамло! — резко отреагировал черт. Затем, погладив бородавку, продолжил: — Ну где найдешь еще такого дурака? Ему желают помочь, а он оскорбляет... Русские вообще странный народ. Чего они хотят? Мечтают о каком-то великом государстве... А собственную жизнь устроить не могут. Да, конечно, ты прав, Иванов, мы полностью захватили власть в этой стране. И учти, захватили н а в с е г д а. Никогда, запомни, никогда вам не вырваться из наших рук. Многие это поняли и смирились. Весь мир в наших руках, а такие, как ты, недотепы, всё артачатся. Вот лежишь ты тут, как в могиле, никому не нужный, и не хочешь сам себе помочь, корчишь из себя героя...

— А что ж ты возле меня вьешься, будто змей, чего уговариваешь, если всё в ваших руках? Душа тебе моя понадобилась? Зачем? Столько сил тратишь на одну душу живую! Вон сколько наверху дураков ходит... Лови, покупай, только помани — они к тебе вприпрыжку побегут...

— И бегут, Иванов, бегут. Сами готовы заплатить, чтобы только нам служить. Но это всё не то. Это души пустые, безбожные, мертвые, у нас таких тьмы и тьмы. На них карьеры не сделаешь. Мне важно уловить православную душу, которая с богом живет... Ее мне надо вырвать, ее, с корнем, с мясом, с кровью...

— Врешь, не власти тебе надо, — хрипло и прерывисто проговорил Николай, — ее у вас, бесов жидовских, сколько угодно. Тебе нужно Христа победить. Его тебе надо из русских душ вырвать, чтобы стали они мертвыми. Только тогда будет ваша власть на земле. А пока ты — мелкий, противный бесенок и больше никто, и здесь, и там, наверху. Ты можешь мне горло перегрызть, но взять мою душу — силы нету.

— Заткнись! — черт высвободил из-под себя ноги и опустил их на пол. — Ишь, разговорился! У тебя что, десять жизней? Не жалко расставаться с этим светом? И ведь твое упорство напрасно — ты это знаешь... Все напрасно. Ты умрешь здесь один, никто тебе не поможет.

Николай хотел что-то сказать, но из горла вырвался низкий стон из-за пронзительной головной боли. К тому же вновь пересох и еле шевелился язык.

— Что, тяжко? Ну полежи тут без меня, отдохни, подумай. Но времени у тебя осталось немного. Я еще вернусь.

Черт дунул на пламя, вырывавшееся из трещины в бетонной стене, и оно угасло.

Плотный мрак сдавил Николая своей непроницаемой безысходной тяжестью.

Глава пятая

— Алло! Александр Юрьевич?

— Я слушаю.

— Александр Юрьевич, это Лена. Из «Русского Вестника», помните?

— Конечно. Здравствуйте, Лена.

— Извините, что я вас беспокою, но мне больше не к кому обратиться. Дело в том, что... Николай пропал.

— Как пропал?

— Да вот уже четвертые сутки его нигде нет. Ни дома, ни на работе. Вчера он не вышел на дежурство, никого не предупредив. Он дежурит по ночам в одной конторе. Там тоже недоумевают. С ним прежде такого не бывало. Телефон молчит. Я поехала сегодня утром к нему на квартиру, звонила, звонила — бесполезно. Все это очень странно. В последний раз, когда мы с ним виделись у него дома, ему кто-то позвонил и договорился с ним о встрече. Он сказал, что это были «они»... Он поехал меня провожать, и больше я его не видела и не слышала, хотя мы договорились созвониться...

— Где вы с ним расстались, когда он вас провожал?

— Возле моего подъезда. Я говорила ему: будь осторожен...

— Так... Понятно. Все-таки он меня не послушался...

— Александр Юрьевич, вы что-нибудь знаете? Может, в милицию заявить? Я чувствую, с ним что-то случилось.

— Да, скорее всего так оно и есть. Вы сейчас где?

— Дома.

— У вас какое метро?

— «Медведково».

— Значит, так, где-то через час я приеду к вам в Медведково...

— Садитесь в первый вагон и на конечной поднимайтесь вверх. Я буду вас ждать у эскалатора.

Погудин, пока ехал на встречу с Леной, обдумывал план действий. «Николай по своей бесшабашности наверняка попал в какую-то историю... И я тоже не проконтролировал его. Ситуация, видимо, не простая...» Перед выходом из своей квартиры он связался по телефону с двумя молодыми мужчинами, членами его организации, и договорился, что они присоединятся к нему в центре — на платформе «Третьяковская».

Взволнованная и расстроенная, Лена встретила их новым известием:

— Час от часу не легче... Ой, здравствуйте, — она живо посмотрела на незнакомых мужчин. — Знаете, тут просто чудеса начали твориться. Когда я подходила к метро, за мной увязался какой-то пьяный мужик непотребного вида и назвал мое имя. Говорит, что хочет сказать мне что-то важное и что будет поджидать меня на углу моего дома...

— Там, где вход в подвал?
— Кажется, да...
— Очень хорошо.., — воодушевился Погудин. — На ловца и зверь бежит. Бородатый? С железными фиксами?
— Вроде бы... Я от волнения плохо его разглядела.
Они вышли на улицу из подземного перехода.
— Одну минуту, — Погудин остановился. — План у нас будет такой. Мы втроем пойдем на отдалении следом за вами, а вы, Лена, смело подойдете к этому пьяному типу, который, наверное, только притворяется пьяным, заговорите с ним и постараетесь отвлечь его внимание. Нам надо взять его в оборот, а уж он-то все расскажет... Идите вперед и ничего не бойтесь.
— Но вы далеко не отставайте. Уж больно у него глаза страшные...
— Лена, возьмите себя в руки, — Погудин сжал ее локоть. — От вас сейчас зависит судьба Николая. Знайте, что мы — рядом.
Как только Лена отошла от них шагов на тридцать, Погудин положил руку на плечо одному из сопровождавших его молодых мужчин.
— Сергей, когда мы скрутим этого Сохатого, кликуха у него такая, ты останешься наверху, перед входом в подвал, и будешь внимательно отслеживать ситуацию... Возможно, за нами тоже тут будут наблюдать... Если нападут — действуй по крайнему варианту. Договорились? Но я думаю, они не решатся сейчас себя засвечивать... Не тот случай. А мы, Андрей, — обратился он к другому мужчине, — заглянем туда, вниз... Ну, пошли.
Погудин издали узнал Сохатого, который стоял к ним боком, демонстративно-пьяно жестикулируя и указывая Лене рукой в сторону подвала.
— Сергей, обрати внимание на ту темно-синюю иномарку, — Погудин, поправив очки, кивнул в сторону первого подъезда ближайшей к ним девятиэтажки. — Что-то она мне не нравится. По-моему, в ней кто-то сидит.
— К тому же, Александр Юрьевич, — заметил Сергей, — она без номеров...

...Ему снился проливной дождь — шумный летний ливень. Он стоял под ним, насквозь промокший, подняв руки и запрокинув лицо к грозовому небу. Хлесткие теплые

струи заливали глаза, проникали в нос, в уши, в рот. Он жадно хватал этот прозрачный поток губами и пил, пил, пил...

«Пей, дорогой, пей», — услышал Николай где-то вдалеке из своего сладкого спасительного сна. Когда он усилием воли разомкнул веки и вернулся к реальности, то увидел над собой падающую ему на лоб струйку воды, толчками вырывающуюся из горла бутылки. Губы машинально хватали стекающую по лицу влагу, которая мгновенно таяла во рту, даже не доходя до горла. Он попытался дотянуться ртом до падающей струи, но не смог. К губам долетали только брызги.

Не сразу Николай разглядел, что бутылку держит в руке наклонившийся над ним горбоносый черт, стоящий сзади кресла.

— Ах, как жаль, кончилась водичка, — проскрипел горбоносый и отбросил пустую бутылку в угол бетонного sklepa. После чего он снова уселся на топчан слева от Николая. Над его головой из стены вырывались красные языки пламени.

— Что-то мне твой видок не нравится, Иванов, совсем осунулся, сдаешь на глазах...

Николай отвернул посеревшее лицо.

— Ну и запахок тут у тебя... Амбре..., — прогнусавил черт. — Имей в виду, я пришел к тебе в последний раз. Не сдашься — пропадешь в этом подвале, — рогатый поднялся с топчана. — Не понимаю, на что ты надеешься? О какой такой победе то и дело толкуете вы, русопяты и патриоты хреновы? Россию вы потеряли, народ за вами не идет, неужели не ясно?

Он присел на корточки, заглянул под стол и под топчан.

— Дина, Дина, — позвал он кого-то, — куда ты запропастилась? Ах, вот ты где, иди ко мне, иди, моя хорошая...

Черт взял на руки что-то серое, лохматое, длиннохвостое. Николай покосился на него и увидел, что тот держит в руках откормленную крысу. Горбоносый уселся на топчан и посадил крысу себе на колени.

— Диночка... Соскучилась по мне..., — он погладил ее по толстой спине. — А я тебе гостинец принес...

Рогатый достал из кармана черного пиджака небольшой бумажный сверток, развернул и поднес к носу крысы.

— Сольцо... Кушай, милая..., — он снова погладил ее по спине, вызвав у Николая тошнотное чувство омерзения. — Так о чем мы с вами вели речь? Ах, да, о русском голово-

тяпстве. Ты, Иванов, когда-нибудь задумывался, отчего народ ваш на всех выборах бегаёт голосовать за нас, точнее, за наших людей? Да потому что русские всегда голосуют за власть. Этому их научила история. Кто бы ни находился у власти — её надо поддерживать. Так безопаснее и спокойнее. Но Россия отдана во владение нам, снизу доверху. Однажды, одурачив это население, мы пришли здесь к власти и уже никогда её не выпустим. А ваше русское быдло каждый раз будет отдавать нам свои голоса. И даже если вдруг у этого быдла разом откроются глаза, что практически невозможно по причине того, что это быдло с утра до ночи смотрит на ш е телевидение и слушает на ш и х дикторов, но если даже допустить гипотетически, что вдруг произойдет такое всеобщее прозрение, то и тогда ничего изменить вы не сумеете. Любое голосование пройдет так, как нужно нам. Нами надолго вперед отработаны избирательные технологии. Мы всегда выдадим для народа ту цифру голосов, отданных за наших людей, какая нам будет необходима. Вы в ловушке, патриот Иванов, и вы, и вся эта глупая страна, сколько бы вы ни трепыхались и ни мечтали о победе над силами зла, подразумевая под ними, естественно, наших людей. Но вы сами творите зло по отношению к самим себе, не желая нас слушаться. Скажите спасибо, что мы даем вам жить и размножаться, а не устроили еще один Чернобыль где-нибудь в центре этой сраной Рас-сеи. Вы давным-давно все у нас в мешке, в кармане, в мышеловке.

— А Сталина помнишь? — тихо прохрипел Николай.

Рогатый закашлялся и вскочил с топчана, сбросив крысу с колен, — она с визгом умчалась в темный угол бетонной комнаты.

— Что было, то было, — угрюмо пробубнил черт. — Перехитрил нас грузинский отщепенец. Однако и мы его тоже в конце концов отправили к праотцам. Хотя душа его от нас уплыла... Но ты же знаешь, потом мы здесь восполнили упущенное, с лихвой отыгрались... Такого поворота мы больше не допустим.

Черт, облокотившись о стену, почесал за правым рогом.

— В общем, давай, Иванов, решай. Сколько можно тебя уговаривать? Не будь дураком. Соглашайся работать на нас — и будешь жить, получишь все, что пожелаешь.

Николай поднял на него тяжелые, покрасневшие, измученные глаза и с усмешкой проговорил:

— Искушаешь, как Христа в пустыне...

Черт исказился физиономией, оскалив клыки.

— Не произноси больше этого имени, — с расстановкой прошипел он. — Башку отрежу...

Рогатый снова присел на топчан, посмотрел пристально на Николая.

— Не согласишься, будет хуже не только тебе, но и другим... О них подумай. Ты хорошо их знаешь...

Вдруг он резко оглянулся, прислушался, быстро вскочил с топчана, подбежал к двери, приложил к ней ухо.

— Проклятье... Тебе пока, Иванов, везет., — уже не торопясь, он отошел от двери, скривив толстые губы. — За вами пришли, сэр. И этого кретина ведут... Но наша главная встреча впереди. У нас всё впереди., — черт дунул на пламя. — Свечи гаснут. История продолжается.

... — Хочешь своего мужика увидеть — пойдем со мной, он там, у меня в служебке, пьяный валяется. Мы с ним четвертый день квасим. Говорит, приведи мне Лену из пятидесят восьмой квартиры, без нее я наверх не выйду., — Сохатый, картинно пошатываясь и растопырив пальцы, зазывал растерявшуюся Лену спуститься в подвал. Она глядела на него широко раскрытыми испуганными глазами и ничего не понимала.

— В какую еще служебку? Как он там оказался?

— Да мы с ним знакомые... Вместе работали... в этом, как его, в Мышкине, на г-газоп-проводе... Хотели выпить за встречу, ну и того, загуляли...

Серобородый смачно икнул.

— Привет, Миша, — негромко и спокойно сказал Погудин, убирая очки в карман брюк, когда они втроем приблизились к нему сзади.

Сохатый нехотя повернул голову на голос, но с первого взгляда Погудина не узнал.

— Какой я тебе Миша, гуляй отсюда...

Но тут до его похмельного сознания что-то начало доходить. Он медленно развернулся к подошедшим всей своей неустойчивой фигурой и вдруг остолбенел.

— А за пиво-то в баре должок за тобой числится...

— К-какое пиво? — обескураженно пролепетал железнозубый «инвалид труда», машинально опуская руку в карман. Но, получив от Андрея прямой удар в нос, рухнул

в лестничное углубление. Андрей и Погудин сбежали вниз по ступенькам, поставили Сохатого на ноги и несколько раз встряхнули. Тот, вытаращив мутные глаза, забормотал какую-то околесицу:

— Это не я, не я, это черт, это они... меня... Абрам... Исака... Я сидел. Мне сказали... будешь это... за деньги... на них. Я всё скажу. Не бей...

— Он здесь? — Погудин сжал горло Сохатого.

— Тута.., — захрипел тот, скаля железные зубы.

Лена с немым ужасом наблюдала за происходящим, стоя наверху рядом с Сергеем, который не спускал глаз с темно-синей иномарки. Из безномерного автомобиля вышел мордастый бородач в черном костюме и остановился у капота, напряженно за ними следя. Раза два он пытался пойти в их сторону, однако, сделав несколько шагов, возвращался назад.

Погудин отпустил горло Сохатого, толкнул ногой приоткрытую дверь подвала, затем нашарил на внутренней стене выключатель. В глубине сырого мрака зажглась тусклая лампочка.

Андрей крепко держал под руку сопящего окровавленным носом подавленного пленника.

— Лена, спускайтесь к нам, — Погудин протянул ей руку, чтобы она от страха не оступилась на крутых ступеньках. Он почувствовал, как ее холодная ладонь трепещет мелкой дрожью.

— Веди, козел, или фиксы вырву! — он пихнул Сохатого в спину, и тот, удерживаемый Андреем, шагнул через порог подвала.

Погудин посмотрел на бледное лицо Лены, взял ее за запястье.

— Идемте. И не дрожите так. Будьте смелее.

Они вошли в затхлый полумрак и двинулись по скользкому полу вслед за согнутой спиной Сохатого, чью правую руку держал на излом Андрей.

— Здесь только нечистой силе обитать, — произнес Погудин, вытирая пот со лба. — Не могли место почище найти.

Сохатый свернул влево и уткнулся головой в темную стену.

— И куда дальше?

— Да тут он... за дверью. Командир, это не я его сюда... Это всё тот, черт рогатый...

— Открывай, сука! — Погудин схватил Сохатого за шиворот. Тот с минуту рылся в левом кармане брюк, но все же достал что-то похожее на длинный ключ, долго не мог попасть в замочную скважину. Наконец ключ вошел в замок, прозвучали два тугих скрипучих оборота. Сохатый дернул на себя дверь.

В лицо ударил резкий, тяжелый запах измученной человеческой плоти. Погудин сделал шаг в темноту.

— Свет тут есть?

Сохатый свободной рукой включил электричество.

— О, Господи! — вскрикнула в ужасе Лена. — Что они с ним сделали!

Картина, представшая их глазам, была бесчеловечна, тяжела даже для самой крепкой психики. Николай, связанный по рукам и ногам, в окровавленной одежде полулежал в провалившемся кресле без чувств. На голове, упавшей на грудь, чуть выше лба чернела покрытая запекшейся кровью рваная рана. Его серое, запавшее, обросшее щетиной лицо с истонченными синими губами выражало глубокую, долгую муку. Погудин кинулся к Николаю, приложил ухо к его груди, сдавленной веревками.

— Дышит, он живой... Быстро — нож! — И сам же, увидев грязный столовый тесак, лежащий на засаленном столе, схватил его и начал резать веревку.

— Коля, Коля, очнись, — со слезами на глазах Лена пыталась приподнять его голову и, услышав хриплый стон, радостно прошептала, словно боясь собственного голоса: — Он жив, жив, он стонет..

— Лена, подождите, отойдите в сторону, — Погудин отстранил ее твердо, но не грубо. Он уже разделался с веревкой, удерживавшей Николая в кресле, и освобождал его связанные руки, которые оказались обескровленными, белыми и висели, как плети.

Сохатый исподлобья наблюдал все это, сидя на корточках у стены. Он затравленно молчал, утирая рукавом распухший нос.

Погудин быстро срезал последнюю веревку на ногах Николая и бросил нож в заваленный каким-то хламом угол бетонной комнаты, вызвав там чей-то визг и переполох.

— Ой, что это? — Лена отшатнулась к двери.

— Да тут и правда нечистая сила обитает, — произнес Погудин, взваливая бесчувственное тело Николая себе

на плечо. — А этот ублюдок пусть здесь посидит. Уходим. Быстро!

Он первым, неся на плече Николая, направился к выходу. За ним поспешила Лена.

Андрей взглянул в последний раз на Сохатого со словами «сиди и не рыпайся» и захлопнул за собой дверь. Но, увидев торчащий в замке ключ, двумя оборотами защелкнул замок, а ключ забрал с собой.

Первые три дня Николай отлеживался на квартире у Лены. Пришлось дважды вызывать участкового врача, который установил у него сильное сотрясение мозга, нервный шок и упадок сил. Врач хотел было вызвать «скорую», чтобы отправить Николая в больницу, но Лена не согласилась, опасаясь за его жизнь. Она ухаживала за ним, как за ребенком: поила соками (есть он не мог — мучила тошнота), меняла повязку на голове, делала уколы витамина, сидела ночью возле его постели, не гася настольной лампы, — его угнетала темнота.

С той минуты, как Николай пришел в чувство и понял, где находится, говорить ему ни о чем не хотелось. Он часами лежал без движения, глядя в потолок или отвернувшись лицом к стене. На вопросы Лены отвечал неопределенно, однозначно, нехотя, и улыбка ни разу не преобразила его как бы застывшего, окаменевшего лица. Словно какая-то тяжелая, неотвязная мысль мучила его сознание.

Ленина мама стойко сносила неудобства, столь неожиданно ворвавшиеся в ее дом. Но на третий день Лена заметила недовольные взгляды матери и, подойдя к ней на кухне, шепотом попросила: «Потерпи еще немного, завтра мы его перевезем». Мать, стоя к ней спиной, молча продолжала мыть посуду...

Лена тихонько присела на краешек кресла-кровати, на котором, укрытый шерстяным пледом, не шевелясь, с закрытыми глазами лежал Николай, провела пальцами по его заросшей щеке и слегка улыбнулась.

— Эй, колючка, ты не спишь?

Он повернул к ней лицо и впервые за эти дни посмотрел на нее грустным, оттаявшим взглядом.

— Ты знаешь, сегодня утром, когда ты еще не проснулся, звонил Евгений Петрович, Никодимов, ну, ты его зна-

ешь. Сказал, что завтра вместе с Александром Юрьевичем приедут тебя проведать...

— Я слышал, — тихо ответил Николай.

— Как ты себя чувствуешь? Может, съешь чего-нибудь? — спросила она осторожно.

Николай медленно высвободил руку из-под пледа и положил на ее обнажившееся круглое колено. Лена дотронулась до его запястья, на котором синели вдавленные полосы.

— Больно?

Он отрицательно покачал головой.

— Ну, скажи что-нибудь, а то все молчишь и молчишь...

Николай взял ее ладонь и притянул к своим губам.

— Ты хорошая.., — прошептал он. — Ты мне как жена, — он несколько раз поцеловал ее пальцы. — Завтра мы переедем ко мне.

Утром Никодимов и Погудин помогли Николаю одеться и подняться на ноги. Из-за постоянного головокружения он еще не мог передвигаться самостоятельно. Николай поблагодарил маму Лены за доброту и заботу и пообещал, что будет ей примерным зятем. Она, всплеснув руками, искренне прослезилась. Лена поцеловала мать в щеку, накинула на плечо приготовленную заранее хозяйственную сумку и вышла следом за мужчинами, поддерживавшими с двух сторон неуверенно идущего Николая. Выйдя из подъезда, они все вместе направились к белым «Жигулям», за рулем которых сидел Сергей.

Внимание Лены привлек милицейский «воронок», стоящий у первого подъезда, а на углу дома, в том месте, где ее несколько дней назад пытался заманить в подвал мерзкий фиксатый тип, она заметила кучку людей, что-то бурно обсуждавших. Когда мужчины расположились на заднем сиденье «Жигулей», Лена спросила Сергея:

— Вы что-нибудь видели? Чего там люди галдят?

— Как же, видел, — загадочно улыбаясь, ответил Сергей. — Одного бородатого упирающегося мужика, а точнее говоря, нашего знакомца, милиция вытащила из подвала и посадила в «воронок». Сейчас она опрашивает свидетелей...

— Подождите, — Лена обратилась к Погудину. — Я пойду получше узнаю.

— Садитесь, Лена, садитесь, — твердым голосом оставил ее Погудин. — Мы уже всё выяснили. Перед тем, как зайти к вам, я поговорил с милицией.

Лена, удивленно подняв брови, заняла переднее сиденье, и «Жигули» тронулись с места.

— Так что вы узнали? — спросила она, когда их автомобиль выехал на шоссе.

— Э-эх.., — вздохнул Погудин. — Это было бы смешно, когда бы не наша печальная история...

Лена села вполоборота, бросив быстрый взгляд на Николая. С повязкой на голове, помрачневший, опустивший вниз глаза, он словно не реагировал на их разговор.

— Оказывается, мальчишки залезли в этот жуткий подвал и услышали там чьи-то душераздирающие вопли, — Погудин мельком посмотрел на мрачного Николая. — Позвали взрослых. Те тоже спустились туда, но, не поняв, где и кто орет, вызвали милицию. Приехал этот «воронка», стали с фонариком искать и наткнулись на запертую дверь той самой бетонной комнаты. Дверь взломали. А там — тишина и никого не видно. Обшарили все углы, перевернули хлам и под топчаном обнаружили дрожащего, сжавшегося Сохатого, бывшего зэка, который совсем с ума свихнулся. Милиционер говорит, что он рычал, кусался, брыкался, не хотел вылезать. И нес какую-то нечленораздельную ахинею про чертей, крыс и отрезанные головы... Но самое жуткое — это то, что на кресле, ну, на том самом, лежала огромная дохлая крыса с перерезанным горлом...

— Боже мой! — поразилась Лена, закрыв глаза ладонью.

Николай с бледным каменным лицом смотрел вниз, не проявляя никаких внешних эмоций.

— Жуть какая-то, — подал голос Никодимов. — Сюжет для фильма ужасов.

— Да.., — промолвил Погудин, — эта история, скорее всего, еще не закончилась...

Лена повернулась к мужчинам спиной.

— Ну уж нет, Александр Юрьевич, хватит, с историей этой надо кончать, — сказала она громко, глядя вперед на дорогу. — Вы посмотрите на Колю. Мало того, что мы его чуть было совсем не потеряли, так ведь и в его душе что-то произошло... Пока он у меня находился, из него слова нельзя было вытянуть. Вам не кажется, что мы зашли куда-то... слишком далеко?..

— Не кажется, Лена. Мы именно туда и зашли. Чего вы хотите, человек встретился с нечистой силой.., — Погудин посмотрел в сторону — на пролетающие мимо них огромные рекламные щиты с надписями на английском языке.

— Могу кое-что добавить, — произнес сидящий за рулем Сергей. — Я уже рассказывал Александру Юрьевичу, что в тот день, когда я стоял наверху, у входа в подвал, и следил за темно-синей «Хондой» без номеров, я увидел, как из нее вышел здоровый бородатый жидяра и уже направился к нам, но остановился и вернулся назад. Потом, буквально через минуту, к нему подошел еще один явный еврейчик, шуплый такой, ростом метр с кепкой, с бороденкой, как у Троцкого. Они быстро сели в машину и с места рванули на огромной скорости. Так вот, я только потом вспомнил, Александр Юрьевич, я вам сразу-то этого не сказал... Вот уже сколько дней прошло, а этот недомерок все стоит у меня перед глазами. И знаете почему? У него над ушами.., — Сергей сплюнул в открытое боковое окно, — были небольшие, кривые такие... рога.

— Стойте, остановитесь!.. — прохрипел Николай.

Сергей резко сбросил скорость и нажал на тормоз.

— Дайте выйти.

Погудин мгновенно выскочил из машины и помог выбраться Николаю, которого тут же, на обочине шоссе, вырвало.

Лена беззвучно плакала, согнувшись на переднем сиденье и прижав руки к лицу.

Никодимов достал тубик с валидолом, вынул таблетку и положил в рот.

— Всё, больше мы не должны об этом вспоминать. Нам надо развеяться и отдохнуть, — он вытер носовым платком шею. — Как только Николай поправится, милости прошу ко мне на подмосковную дачу. Час езды на электричке...

На некоторое время Лена переехала жить к Николаю. Она понимала, что ему нужна была не столько помощь по дому, сколько поддержка психологическая. Вечерами она подолгу сидела с ним на диване, тихо прижавшись к нему или вслух читая позднюю прозу Бунина, любимую им. Когда Николай начал самостоятельно, без поддержки передвигаться по квартире и у него появился аппетит, Лена то и дело бегала на рынок за фруктами, зеленью и свежими овощами. Кормила его витаминными салатами. А однажды купила завезенную откуда-то в Москву клубнику.

— Ты меня как дитя малое балуешь, — пошутил он, — так я и привыкнуть могу...

— Ничего, привыкай, это я твой долг накапливаю на будущее, — ответила она такой же добродушной шуткой. — Когда я заболею — уже ты будешь меня клубникой кормить...

Участковый врач выписал Николаю больничный лист на две недели вперед, указав в нем бытовую травму головы. Целых две недели, приходя в себя, Николай имел возможность не ездить на дежурство. Лена же взяла на работе отпуск.

Иногда звонил Погудин, справлялся о здоровье. Чувствовалось, он старался не напоминать им ни о себе, ни о произошедшем, чтобы не вызывать ненужных эмоций и воспоминаний. Но как-то поздним вечером, когда они, сидя на диване, смотрели старый советский фильм, Николай задал вопрос:

— Помнишь, я читал тебе стихи Погудина?
— Помню, — Лена обратила к нему серьезное лицо.
— А ты что-нибудь знаешь про его личную жизнь?
— Да так, немного... Знаю, что он был женат. Пожалуй, и всё. А почему ты спрашиваешь?

— Странно как-то... Общаемся с человеком и ничего про него не знаем. Мне кажется, его что-то мучит, о чем он не хочет говорить...

— У всех у нас в жизни есть личные проблемы, — Лена хотела замаять эту тему разговора и попыталась отвлечь Николая. — Может, нам и впрямь воспользоваться приглашением Никодимова? Давай махнем к нему на дачу? Лето началось, теплынь стоит...

Он грустно вздохнул.

— Может быть...

Николай поднялся, подошел к окну, постоял немного, глядя на желтые огни вечернего города, потом повернулся к Лене.

— Послушай, выходи-ка за меня замуж.

Она вскинула широко раскрытые глаза.

— Наконец-то... Проклюнулся...

Ее лицо озарилось радостным румянцем. Она быстро приблизилась к нему, обхватила за шею и прижалась к его груди.

— Что это вдруг с тобой? А как же личная мечта?..

— Это на меня твоя клубника так подействовала.

Она зажала его рот ладонью.

— Дурачок... Не говори больше ничего...

ЧАСТЬ II

Глава первая

Черная «Ауди» на предельной скорости мчалась по шоссе Энтузиастов — бывшему Владимирскому тракту. Позади остались Московская кольцевая, Балашиха, Электросталь, Ногинск, Орехово-Зуево, Петушки. Постовые, видя федеральный трехцветный номер престижной иномарки, провожали ее хмурым взглядом. Впереди был город Владимир.

В углу заднего сиденья дремал съездившийся низкорослый субъект с рыжей худосочной бородкой и длинным горбатым носом. Круглые стекла его очков отражали широкую спину и черные кудрявые патлы водителя.

Задние окна иномарки были зашторены, а слегка гудящий кондиционер, несмотря на жаркий день, создавал внутри салона приятную прохладу.

Водитель, имевший густую черную бороду, посмотрел в висящее над его головой зеркало на дремлющего пассажира, достал сигареты, прикурил от зажигалки и с помощью кнопки чуть-чуть приоткрыл боковое стекло.

— Я же тебя просил при мне не курить, — послышался гортанный голос с заднего сиденья.

Водитель быстро выбросил сигарету в окно.

— Извините, шеф, мне показалось, что вы спите.

— Это неважно. Запах дыма я чувю даже во сне. Пора вспомнить мои привычки и просьбы, — он снял очки, посмотрел сквозь них на вытянутой руке. — По-моему, здесь душновато, добавь-ка холодку.

Водитель щелкнул ручкой кондиционера.

— Скоро подъедем, Яков Исакыч...

Низкорослый пассажир отодвинул шторку на окне, взглянул на проплывающий мимо пейзаж.

— Рассея-матушка..., — иронично скартавил он. — Безлюдная пустыня... Какие пространства! Да, Хаим, непостояя у нас с тобой работенка... Наша командировка в эту страну, видать, надолго затянется.

— А я и не возражаю. Только нечего с ними валандаться, давить их надо. Чем больше, тем лучше...

В волчьих глазах рыжебородого вспыхнули красные огоньки.

— Давить, Хаим, дело нехитрое. Их надо подчинить, влюбить в нас, приручить. Заметь, в Европе мы не имеем проблем. А вот с Россией нужно еще работать и работать, — он зашторил окно, расстегнул пуговицы на черном пиджаке. — А этот, вчерашний наш пленник, оказался крепким мужичком. Даже интересно. Но я его все равно доломаю...

Наконец показались золотые купола древней русской столицы. Сияя на солнце, они слепили глаза даже сквозь тонированные стекла иномарки.

— Ненавижу этот город, — процедил толстомордый водитель. — Всякий раз, как сюда подъезжаю, жалею, что мой дед не взорвал эти проклятые русские свечки...

— Успокойся, Хаим, — криво усмехнулся козлотородый. — В них служат и наши люди. Один Кирилл чего стоит...

Иномарка, снизив скорость, пересекла Золотые ворота и через центр города выскочила на улицу Мира. Сделав несколько поворотов, она остановилась возле одной из «хрущев» — блочного пятиэтажного дома. Пассажир взял с сиденья мобильный телефон, набрал номер.

— Профессор, мы прибыли. Готовьтесь к приему. И распорядитесь об охране машины.

Жилище профессора Нуйкина внешне не привлекало особого внимания. Вдали от Москвы, на первом этаже «хрущевки» он занимал трехкомнатную квартиру вдвоем с женой. Однако изнутри эта квартира соединялась прорубленным проходом с соседней — двухкомнатной, внешняя дверь в которую почти никогда не открывалась.

Дети профессора от трех предыдущих браков давно выросли и, получив в России высшее образование, уехали в Израиль, не питая к бывшей родине никакого интереса. Его новая, четвертая по счету супруга, будучи моложе лет на двадцать, являлась не столько ему женой, сколько секретаршей и хозяйкой тайного двухквартирного офиса, который стал на самом деле центром сбора информации и компромата на всех, кто проникал в сферу политики, культуры, бизнеса и религии. Еще в советское время, работая в Институте Управления, профессор Нуйкин приобрел обширный банк данных на многих деятелей коммунистической номенклатуры и затем, выйдя на пенсию, сколотил свою фирму, подвизавшуюся на продаже информации, которая стала иметь немалую цену. Он сумел создать широкую сеть агентуры, снабжающей его по обмену или за пла-

ту нужными сведениями. Агентуры, естественно, принадлежавшей к одному активному в этих делах племени. К профессору Нуйкину стекались сведения не только со всей России, но и со всей Европы. Через Интернет он имел связь с такими же держателями всевозможной информации за границей и даже с нелегальными хакерами, умеющими проникать в секретные сайты и компьютерные программы российских и зарубежных спецслужб.

Конечно, сильные мира сего не могли им не заинтересоваться. Ему, естественно, за хорошее вознаграждение неоднократно предлагалось сотрудничество от разных лиц и организаций. И в конце концов профессору Нуйкину были предложены очень выгодные условия работы на некоего представителя «правых сил» в российском правительстве. Профессор согласился. Все издержки по сбору информации этот представитель брал на себя и платил ежемесячно профессору и его жене-секретарше по тысяче долларов персонально. С охранниками, нанятыми профессорской женой, шеф расплачивался отдельно.

Чтобы не засветиться в Москве, напичканной сотрудниками ФСБ и контрразведки, новый шеф купил профессору две спаренные квартиры во Владимире, куда и перевезли всю аппаратуру и нуйкинский архив. Помимо этого для охранников шеф приобрел квартиру этажом выше — над нуйкинским офисом, чтобы ночные загулы, нередко бывавшие здесь, не были слышны чужим ушам ни сверху, ни снизу.

Но кроме информационного центра профессор Нуйкин и его предприимчивая жена-секретарша свой пятикомнатный владимирский офис превратили в некий салон для встреч и собраний еврейской кагальной элиты, и каждую субботу они приглашали нужных людей для обсуждения и решения неожиданно возникших в еврейской среде проблем.

Читатель уже, наверное, догадался, что козлобородый субъект, прибывший во Владимир на черной «Ауди», как раз и был тем самым шефом, перекупившим для работы на себя профессора Нуйкина вместе с его центром и активной супругой. Во владимирском нуйкинском офисе он уже несколько раз бывал, отчего имел довольно приятные воспоминания...

Войдя в квартиру, горбоносый направился в кабинет к профессору, а здоровяка-водителя по имени Хаим отдал в распоряжение радостной хозяйки, уведшей его на кухню.

Гладко выбритый профессор, голый череп которого блеснул как шар кегельбана, предложил своему шефу и одновременно дорогому гостю расположиться в мягком кожаном кресле.

— Какие новости в столице? — как всегда, профессор начал разговор с формального вопроса.

— Новости неважные, Леонид Борисович. Наши враги плодятся как грибы после дождя, и мы не всегда успеваем их нейтрализовать. А всё потому, что недостаточно оперативно работаем. Я приехал к вам по очень серьезному делу. Нам надо срочно взять в разработку одного человека. И вы должны о нем всё разузнать.

— Вот в этот компьютер, — профессор указал пальцем на один из серых мониторов, светящийся голубым экраном, — стекается информация о членах правительства, депутатах парламента, работниках кремлевской администрации, служителях церкви, журналистах, писателях, деятелях искусства, известных политиках — как наших, так и оппозиционных...

— Секундочку, Леонид Борисович. Это все очень хорошо. Но мне в данное время нужно просмотреть русские фашистские организации.

— Вас интересуют именно фашистские?

Козлобородый снисходительно усмехнулся.

— Они другими не бывают. Я надеялся, что вы понимаете это, вы не мальчик. Если организация русская, значит — фашистская, у нас нет для них других терминов. Это ясно?

— Хорошо, хорошо, — засуетился профессор, — чего тут неясного, конечно, ясно.

Он сел за клавиатуру монитора и заработал пальцами.

— Та-ак... Вот, пожалуйста, списочек их организаций. Более ста названий. Кто вас интересует конкретно?

— Конкретно меня интересует некий Погудин, Александр Юрьевич. О нем есть интересные сведения...

— Та-ак, Погудин... Смотрим среди членов организаций. На «п» у нас «Палея», газета «Патриот», Проханов, Платонов, Первышин, Перин, Пашнин, Проскурин... Среди организаций такого нет. А кто он?

— Ну, вообще-то — антисемитский литератор.

— Это уже лучше, они у меня отдельно собраны.

На экране появились списки новых фамилий.

— Угу, так-так-так-так... Погудин Александр Юрьевич. Как миленький. Поэт, прозаик, публицист, 1953 года рож-

дения, место рождения город Богородск. Православный националист, активный проповедник шовинистических идей и православного экстремизма, публикуется в антисемитских изданиях. Крайне опасная личность. Живет в Москве. Есть адрес и телефон.

— Хорошо.., — прокартавил шеф.

— Если нужна более подробная информация, могу связаться по электронной почте со своими агентами в Москве.

— Все это замечательно, Леонид Борисович... Выведите мне данные о нем через принтер. И поищите компромат. Обязательно должен быть, без компромата людей не бывает. Но вот что главное. Насколько мне известно, он недавно создал тайную боевую организацию. Выяснить надо срочно, не мешкая. Я вам плачу в том числе и за оперативность.

— Не сомневайтесь, Яков Исаакович, сегодня же все выясню, и к вечеру распечатка будет лежать на столе в вашем кабинете.

— Непременно. А сейчас я хочу отдохнуть. У меня была трудная ночь.

— Конечно, обязательно. Юнна Пинхусовна вас проводит в комнату отдыха, там все приготовлено. Гостей мы ожидаем к полуночи...

Профессор нажал на кнопку снизу огромного заваленного бумагами стола. К ним вошла его супруга — полная, лет сорока пяти крашенная блондинка в красном халате.

— Дорогая, проводи Якова Исааковича в первый номер.., — супруг ей похотливо подмигнул.

— Милости прошу.., — ее толстые, густо накрашенные губы показали профессору острый кончик языка.

Она взяла коротышку-шефа под руку и по мягким коврам провела через внутренний проход в соседнюю квартиру, где и была специально оборудована комната для особых гостей — глухая спальня без окон, но со своей ванной и туалетом. К их приходу в первом номере в прикрепленном к стене семисвечнике уже пламенели свечи.

— Примите с дороги душ, — играя большими желто-зелеными глазами, предложила Юнна Пинхусовна.

— Да, пожалуй...

— Хотите, я вам помогу раздеться?

— Не суетись, греховодница, я сам справлюсь, — шеф хлопнул по ее выпуклой ягодице. — Минут через десять зайдешь...

— Слушаюсь, господин...

Ровно через десять минут Юнна Пинхусовна в том же красном бархатном халате, но уже с распущенными волосами вернулась в комнату отдыха важных гостей. В руках она держала позолоченный поднос с рюмкой коньяка и фужером, наполненным темно-красной жидкостью. Козлобородый уже лежал на широкой софе, укрывшись по пояс одеялом. Из его худой, покрытой рыжим пухом груди выпирали острые ребра.

— Угоститесь армянским коньячком, Яков Исаакович, — присев на край постели, предложила супруга профессора. — А это — ваш заказ... Фирменный.., — она указала взглядом на фужер.

Тонкогрудый шеф взял двумя пальцами рюмку и, мгновенно опрокинув ее в рот, вновь поставил на поднос.

— Кайф.., — погладил он себя по хилой груди.

— А теперь откушайте фирменного, — бесстыжие глаза Юнны Пинхусовны покрылись туманной влагой. — Сегодня утречком доставили, свеженькая, из холодильничка...

Козлорыжий не торопясь поднял фужер с темным напитком, багрово мерцающим в пламени свечей. Его бесцветные расширенные зрачки наполнились желтым огнем.

— За нашу силу, — тихо произнес он и начал пить маленькими глотками, как бы испытывая питье на вкус. — Ух.., — выдохнул он. — Настоящая...

Супруга профессора наблюдала за ним жадно-завороженным, хищным взглядом. Ее широкие ноздри раздувались от тяжелого возбужденного дыхания.

Она поднялась, поставила поднос на тумбу возле софы и развязала узел на поясе халата. Глаза козлобородого уткнулись в толстый живот с глубоко впавшим пупком. Он схватил ее за руку и сбросил одеяло.

— Ну, прыгай сюда, старая развратница...

Поздним вечером в квартиру профессора Нуйкина начали съезжаться приглашенные. К полуночи все были в сборе. Гости расположились в большом зале, рассевшись на двух кожаных диванах и в глубоких креслах, стоявших вдоль стен. Среди них были влиятельные в столице господа — сливки демократического общества, прибывшие сюда с женами или с любовницами.

Юнна Пинхусовна разносила на подносе шампанское, коктейли, коньяк; помогали ей две пухленькие официантки в бикини и белых прозрачных фартучках. Слонявшийся по квартире водитель и телохранитель шефа по имени Хаим то и дело пытался ущипнуть этих официанток за мягкие места. Закуска стояла на большом круглом столе около зашторенного окна. В зале горели свечи. Шесть пар, приехавших из Москвы, ожидали появления председателя сегодняшнего собрания.

А в эти минуты козлотородый шеф в своем личном кабинете принимал профессора Нуйкина.

— Итак, что мы имеем нового по Погудину? — строгим тоном, сидя за широким секретером, спрашивал он стоящего перед ним начальника информационного центра.

— Есть кое-что. Вот, пожалуйста, — профессор протянул лист бумаги с компьютерным текстом. — Мы узнали, что он разведен, имеет дочь восьми лет, которая проживает с бывшей женой. Тут указан их адрес и школа, где учится дочь. Кроме этого мы нашли подмосковный адрес его матери. Через Интернет мы выяснили его заграничные связи — в частности, с французским Национальным легионом и с сербскими православными экстремистами.

— Компромат, — перебил его козлотородый. — Мне нужен существенный компромат.

— Ищем, Яков Исаакович. И уже кое-какая зацепка есть. Что-то там было у него во время службы в армии... Его фамилия имеется в картотеке по военным трибуналам.

— Кровь из носа, но достать. И самое главное — что на сей час известно о его организации?

— Извините, Яков Исаакович, но — ничего. Может, это только слух?.. Вы точно знаете?

Горбоносый снял очки и посмотрел на профессора исподлобья.

— Слухами я не пользуюсь, Леонид Борисович. Грызите землю. Ищите — и найдете. Срок — двое суток.

Он вновь надвинул очки, стряхнул с фрака пылинку, поправил малиновую бабочку и произнес примиряюще:

— Как у вас со здоровьем? Всем ли довольна Юнна Пинхусовна?

— Спасибо за беспокойство, Яков Исаакович, — осклабился профессор. — У нас с нею никаких проблем. Да и все наши люди вам крайне благодарны. Кстати, гости в сборе, ждут вас.

— Ну что ж, начнем.

Козлобородый, сопровождаемый профессором Нуйкиным, появился в зале и обошел всех присутствующих, персонально обмениваясь рукопожатиями и целуя руки дамам. Затем он занял председательское с высокой спинкой кресло под массивным бронзовым семисвечником, в котором полыхали свечи толщиной с руку, — их желтый отсвет колыхался на лицах гостей.

— Господа! — громко произнес козлобородый, закинув ногу на ногу и положив руки на валики кресла. — Все вы являетесь именно господами в этой стране. И я рад видеть вас в здравии и прекрасном настроении. Мы с вами хорошо поработали за последние годы, наши предки могли бы за нас порадоваться. Мы выбрали Россию, и она стала нашим надежным домом. Мы научились быть солидарными и полезными друг другу даже и тогда, когда наши личные интересы расходятся. Я уверен, вы понимаете: дело нации выше личных интересов, но и каждый из вас в личном плане ничего не потерял, а только приобрел. Я всегда говорю: наш бог избрал нас для великого дела, которому обязан служить каждый без исключения иудей, и тот, кто этому делу служит, не знает ни нужды, ни тех проблем, с какими свыклись глупые гои. Я каждый раз не устаю повторять, чтобы и вы постоянно помнили: в наших руках все деньги мира, все валютные биржи, пресса, телевидение, мы контролируем бизнес и налоги — все то, что дает доход. В России мы скупили самые крупные предприятия и держим в своих руках государственные монополии. Валюта от продажи российских природных ресурсов находится в наших западных банках и работает на экономику тех стран, где решены проблемы избранной богом нации. Только нам доступно истинное понимание этих слов: «нация превыше всего»!

В зале послышались возгласы одобрения, дамы захлопали в ладоши, кто-то предложил за это выпить.

— Юнна Пинхусовна, — обратился председательствующий к супруге профессора, стоящей у входа в зал в длинном черном платье с глубоким передним разрезом, — не сите.

Низкорослый председатель собрания поднялся с кресла. В круглых стеклах его очков зловеще отражались языки пламени свечей.

— Сейчас, следуя нашей древней традиции, мы проведем ритуал единения, после чего это собрание будет про-

должено, и мы приступим к рассмотрению наших насущных, конкретных вопросов.

Юнна Пинхусовна и две молодые официантки в бикини и прозрачных белых фартучках внесли подносы с хрустальными фужерами, да краев наполненными темно-красным напитком. Каждый присутствующий получил по фужеру.

Козлобородый встал в центре зала и поднял поблескивающую фужер, приблизив его к своим очкам.

— Мы выпьем это до дна, чтобы всей кровью, каждой клеткой ощутить себя единым народом, единым племенем, единой угодной богу семьей. Чтобы символ избранности никогда не угасал в нашей крови и чтобы наш бог был уверен в каждом из нас, как в себе. Шма Израэль!

— Шма Израэль! — раздался общий глухой возглас.

Все, поднявшись на ноги, напряженно, сознавая серьезность и ответственность момента, поднесли фужеры к губам и начали медленно пить. В зале с минуту стояла гробовая тишина. Затем, выпив, каждый поставил свой опорожненный фужер на поднос. Юнна Пинхусовна и две полногрудые официантки, также участвовавшие в ритуале единения, вынесли подносы из зала.

Козлобородый уселся в своем кресле; его примеру последовали и остальные.

— Друзья мои, — прокартавил он, — среди нас присутствует заместитель министра образования господин Гуральник. Есть ли у кого-нибудь к нему вопросы, предложения, просьбы, претензии? Борис Наумович, представьтесь тем, кто с вами лично еще не знаком.

С дивана поднялся немолодой толстяк с двойным подбородком и густыми бровями.

— Да, я весь внимание.

— Но сначала позвольте мне задать вам свой вопрос, — опередил всех козлобородый. — Скажите, пожалуйста, сколько по России в прошлом году еврейских выпускников школ не поступило в вузы? У вас имеется такая цифра?

— Разумеется, Яков Исаакович. В прошлом году не были зачислены в высшие учебные заведения девять абитуриентов еврейской национальности. Это самая низкая цифра за последние десять лет.

— Девять, Борис Наумович, тоже много, — строго парировал горбоносый председатель. — Их не должно быть ни одного. Нашим парням нечего делать в российской армии. Вы меня поняли?

— Постараемся, Яков Исаакович, — заместитель министра образования поклонился.

— Вот именно, — подал голос плешивый директор ресторана «Якорь», — мой сын этим летом хочет двинуть в Плехановку. Я говорил с их деканом, но тот — гой и отказывается брать деньги. Борис Наумович, уж вы как-нибудь повлияйте.

— Ну, естественно, Шнеер Моисеевич, я же вам обещал, вы мне позвоните завтра домой.

— Между прочим, — вскочил с дивана длинный и тонкий как глист главный режиссер авангардистского театра «13 стульев», — моей жене Мире Боруховне из МГУ второй месяц не перечисляют премию к окладу. И из израильского посольства не перечисляют. Это же форменное безобразия!

— Так ведь, Шмуль Манусович, ваша бывшая супруга уже полгода как в Тель-Авив перебралась.., — недоумевающе ответил заместитель министра образования.

— Не имеет значения. Она из МГУ не увольнялась. Вы ей обязаны. Надавите на ректора. Вы что, хотите гибели российской демократии?

— Уж вы разберитесь, Борис Наумович, — вмешался длинноносый председатель, — наших людей нельзя обижать. А что касается посольства, Шмуль Манусович, то вы сами подъедьте и получите за нее.

Удовлетворенный режиссер опустил на свое место и тут же длинной рукой погладил бедро одной из полуобнаженных официанток, которые принесли чистые фужеры и разлили в них шампанское.

— Угощайтесь, господа, — воскликнула порозовевшая супруга профессора Нуйкина. — У нас всё так прекрасно! Яков Исаакович, позвольте я с вами на брудершафт...

Она присела на валик кресла, нависнув над низкорослым председателем своим огромным бюстом. В глубоком разрезе ее платья обнажилась жирная ляжка, стянутая коротким красным чулком.

— Юнна Пинхусовна, и со мной тоже! — пробасил черноусый главред журнала «Для дам», обнимая юную любовницу, сидящую у него на коленке.

— Хоть тысячу раз! — пафосно вскрикнула супруга профессора после того, как громко чмокнулась с горбоносым шефом.

— Господа, я привез вам важную новость, — обратился к залу генеральный директор коммерческого банка «Смоленский» — высокий, элегантного вида молодой мужчина

с тонкими рыжеватыми усиками. — На следующей неделе доллар подскочит в цене на пятьдесят процентов. Это уже решено Центробанком России.

Все мгновенно притихли, обратив свои взгляды к говорящему, но быстро опомнившись, разом загалдели:

— Как? Когда? Какого числа?

— Не раньше среды. Так что срочно приобретайте баксы. Есть возможность увеличить свои капиталы.

Юнна Пинхусовна кинулась к нему с раскрытыми объятьями.

— Мисюлинька, голубчик мой, дай я тебя расцелую! Это же такой гешефт! Я таки тебе когда-нибудь отдамся!..

Гости, громко хохоча, стали сдвигать фужеры и чмокать друг друга в губы. Профессор Нуйкин, как ни в чем не бывало, хохотал вместе со всеми.

— И еще, — продолжал директор банка, одной рукой обнимая профессорскую жену за полное оголенное плечо, а другой поднося к губам фужер с шампанским. — Срочно продавайте государственные облигации. После девальвации рубля банки перестанут их принимать.

— Делай со мной что хочешь! — Юнна Пинхусовна притиснула его к своему бюсту.

— Миша, дорогой, — вновь вскочил режиссер авангардистского театра «13 стульев», — мы тебе все отдадимся!

— Спасибо, Мишенька, спасибо, — проговорил козлобородый председатель. — Надо нашим верным людям об этом сообщить... Гелий Миронович, — посмотрел он на невысокого седовласого мужчину предпенсионного возраста, — пройдемте в мой кабинет. Есть конфиденциальный разговорчик. Господа, а вы общайтесь, сходите ближе, развлекайтесь, целая ночь в нашем распоряжении.

Московского окружного прокурора Гелия Мироновича Алешечкина председатель собрания пригласил в свой кабинет действительно для очень важного разговора. Без лишних слов он сразу отчеканил:

— Мне нужен мокрушник, — и через паузу добавил: — Умный, образованный, хитрый, не такой, какого вы мне дали последний раз. Кстати, что с ним и где он?

— Отправили в психушку. Он и впрямь того, — прокурор постучал пальцем по лбу, — умом помешался. Но, Яков Исаакович, помилуйте, вам нужен был уголовник, знавший Погудина на Севере. Удачнее, чем этот Сохатый, и придумать было нельзя...

— Ладно, чего уж теперь... Но таких дураков... Его послали для знакомства, а он взял и вытащил у поэта бумажник...

Прокурор шелкнул языком.

— Это чисто профессиональное, привычка, он же бывший вор... Впрочем, что с них взять? Животные. Помните Шуру Балаганова...

— Да вы присаживайтесь, — уже гораздо мягче предложил председатель собрания. — Есть у вас такие, кому «вышку» заменили на пожизненное заключение?

— А как же. Сейчас таких много.

— Подыщите мне, как я вам сказал, с образованием, хитрого. И желательно поскорее.

— Может, лучше киллера купить?

— Э, нет, товарищ окружной прокурор, киллер — это слишком просто. Мне надо с моим противником в кошки-мышки поиграть, войти в доверие, взять его за яблочко, заставить помучиться... Как найдете, договоритесь, сразу дайте знать. Я выйду на генерального. Все будет чисто. У вас проблемы имеются?

— Квартира нужна. Дочь замуж выходит. Желательно в центре.

— Так что ж вы молчите? Идите к гостям, я через пять минут вернусь.

Козлобородый плюхнулся на диван и, закрыв глаза, расслабился.

«Достанем мы тебя, дорогой, — сказал он кому-то мысленно, — от нас никто не уходил... Со своей организацией ты явно поспешил... Она тебе выйдет боком».

— Ясик... — из приоткрытой двери показалась растрепанная голова Юнны Пинхусовны. — К тебе можно? Мамочка по тебе соскучилась...

— Выйди, — приказал он резким тоном и снова закрыл глаза.

К нему вернулись прежние мысли. «Ишь, чего вздумал! Со мной тягаться вздумал! И невдомек тебе, против кого ты пошел. Хотя... этот Иванов... Да... От него ты узнаешь обо мне... Тем лучше...»

Он встал с дивана и прошел в соседнюю спаренную квартиру, где полчаса назад происходило благородное еврейское собрание. Из-за стеклянной двери зала доносились визг, крик и общий гвалт. Громче всех был слышен голос распалившейся Юнны Пинхусовны.

Глава вторая

Где-то совсем близко, на окраине леса, оглушительно свистел соловей. Лена услышала этот свист сквозь сон и когда открыла глаза, то поняла, что это и есть мгновения счастья. Она ощущала рядом дыхание любимого человека и одновременно всем своим существом впитывала такое пронзительное, залиvistое, необыкновенное пенье соловья.

На дачу к Никодимовым они с Николаем приехали электричкой накануне вечером. Ночевать им постелили на втором этаже деревянного летнего дома. Лес подходил к самому забору никодимовской дачи, и неугомонный певец почему-то облюбовал себе место для свадебных трелей прямо тут, на опушке, не пугаясь близкого человеческого присутствия, — на радость и непокой благодарным дачникам.

В маленькое окошко сквозь белую занавеску пробивался упругий луч рассвета. Лена высвободила из-под одеяла руку и подставила под этот луч, отчего ее тонкая ладонь стала прозрачно-розовой и как бы невесомой. Она улыбнулась, опустила руку и пощекотала Николая за ухом. Тот сонно покачал головой, обнял ее и, не открывая глаз, промычал: «Дай поспать».

— Соловья послушай, — прошептала она ему в ухо.

Николай на какое-то мгновение застыл, потом, словно очнувшись, разомкнул один глаз.

— Да, соловей..., — проговорил он.

— Ну где ты такое еще услышишь? — Лена прижалась к его горячему телу и поцеловала в щеку. — Ты знаешь, я проснулась от этого чуда и почувствовала себя счастливой.

— Я рад за тебя... — Николай погладил ее по волосам. — Это он для нас поет...

А соловей не унимался...

Внизу раздались шаги. Скрипнула дверь, и прозвучал голос Никодимова:

— Ну, молодец, дружок, сегодня ты разгулялся! — (послышался шум воды, льющейся на листья цветов). — Ишь, чего вытворяет, негодник, никому спать не дает...

На своей даче Никодимов был заядлый цветовод-любитель. Половину его садового участка занимали клумбы и грядки с цветами. Супруга Евгения Петровича, добродушная, веселая толстушка, бывшая на три года младше его,

все же отвоевала место среди цветов под два больших парника и теперь, раньше всех поднявшись, поливала рассаду огурцов и помидоров. Уважая и по-своему ценя увлечение мужа, она все же то и дело подтрунивала над ним, когда с его цветами, капризными, ревнивыми и непослушными, происходили какие-то казусы.

— А у твоего черного гладиолуса, смотри-ка, листья пожелтели, — опять уколола его супруга.

Никодимов подошел к грядке с зеленой, сочной поспелостью гладиолусов.

— Ничего, ничего, — успокоительно сказал он, — это они снизу немного подвяли, аверху-то, видишь, какие хорошие листочки? Расцветет... Как миленький, расцветет... Помнишь, какой он в прошлом году был?

— Так то прошлый год, а этим летом, говорят, заморозки будут.

— Ничего, Юлия Федоровна, накроем пленкой, сохраним. Вон какая весна стояла холодная, а тюльпанчики у меня как на подбор вымахали, красавчики...

— Да они же морозостойкие, чего им будет?

— Ага, морозостойкие... Если бы я их не подкармливал, так бы и загнулись все.

— Ладно, не хвались, Мичурин... Ты мне лучше шланг протяни к парникам, а то уже руки от лейки болят.

— Вот сейчас нарциссы полью и подтяну.

Лена, краем уха слыша мирную перепалку хозяев, радовалась сердцем: у этих двух людей тоже на старости лет есть маленькое счастье — вместе выращивать сад, вместе любоваться делом своих рук, вместе собирать плоды этого труда. Она опустила ноги на пол.

— Ну что, будем вставать?

— Погоди чуть-чуть... — Николай притянул ее к себе и прижался губами к ее животу.

— Нет, нет, не сейчас, — нежно прошептала Лена, отводя его голову. — Нас услышат... Ты же знаешь, я не умею это делать молча...

— Знаю...

Николай и Лена спустились вниз. Голубое солнечное небо ласкало землю и зелень щедрым нежарким светом. Каждый листок и стебелек, каждая травинка тянулись вверх, наполняясь жизнью, соком и целебной силой. Бабочки и шмели уже деловито кружились над яркими лепестками цветов.

— Красиво у вас! — восхитилась Лена, стоя на крыльце в легком ситцевом платье и связывая волосы красной лентой. — А яблони-то как буйно цветут! Наверное, урожайный год будет?

— Да от них только и толку, что цветы, — посетовала Юлия Федоровна, обрывая перья зеленого лука, — а яблочек почти что не бывает. Я уже начинаю думать, что мой муженек их только ради цветов и посадил. Декоративные такие яблони... Он здесь у нас в основном по цветам начальник...

Но Никодимов ей возразил:

— Ты бы лучше, мать, помидорами занялась, а то все лето поливаешь, а потом рвешь зеленые, и они у тебя под кроватью доходят...

Он, в спортивных брюках и белой майке стоя со шлангом в руках, продолжал поливать нарциссы.

— Как спалось? — спросил Евгений Петрович Николая, по пояс голого, обливающегося холодной водой из умывальника.

— Спал как убитый. Даже соловей не разбудил.

— Здесь спится хорошо. Кислород... А этот лесной хулиган не на шутку распалился. Уже полмесяца никому покоя не дает. Видно, никак невесту не подыщет.

— За что вы его так, Евгений Петрович? — игриво удивилась Лена. — Ведь это же такая красота! Соловьиное пенье душу лечит.

— Знаю, знаю, он к нам каждую весну прилетает, я его с другими не спутаю. Хорош, бродяга... Я такого только под Курском слышал, там самые залиvistые свистуны.

Из парника вышла Юлия Федоровна и, стряхивая с рук черную землю, прервала воспоминания мужа.

— Это только соловьев можно баснями кормить, а молодым людям надо перекусить. Ну-ка, Петрович, накрой вай стол. И самовар залей. Я пошла салат делать.

— Поесть она любит.., — кивнул в сторону жены Никодимов.

Завтракать сели в зеленой беседке, сплошь обвитой вьюном и виноградом.

— Поначалу давайте по чашечке малиновки, — предложил Никодимов, вынимая пробку из большой темной бутылки, — домашнее, сладенькое. Федоровна у нас по этой части мастерица.

— Вино из малины? — спросила Лена, глядя на хозяйку.

— Это — из малины, а есть еще смородинное, вишневое, рябиновка. Да оно слабое. Гостей балуем и себя немножко.

— Ну что ж, мать, я предлагаю за молодых выпить. У них, по-моему, скоро свадьба.

Полное розовощекое лицо Юлии Федоровны просияло широкой улыбкой.

— Если это так, дай Бог вам мира и согласия, — она подняла свою чашку с вином.

Лена смущенно опустила глаза.

— В общем... это так, — промолвила она, тоже поднимая чашку. — Евгений Петрович, а откуда вы знаете? — Лена бросила на Никодимова лукавый взгляд.

— Разведка донесла, — с серьезным видом ответил тот.

Николай положил руку Лене на волосы.

— Я сказал, — он выпрямил спину, потер себе нос и добавил: — Одним словом, я сделал Лене предложение. Она согласилась.

— Молодец, — констатировал Никодимов. — Давно пора. И выбор — замечательный. Леночка мне очень нравится.

— Э-э, ловелас старый, — фыркнула его супруга, — разговорился... Не забудь флоксы пересадить... Когда пишется, дети мои?

— Через месяц, — смеясь, ответила Лена, — мы недавно заявление подали.

— Ну и хорошо. Летом — самое милое дело свадьбу справлять. Про нас не забудьте. Счастья вам и удачи. — Юлия Федоровна первой чокнулась с чашками Лены и Николая. — Ну и с тобой давай чокнемся, муженек, пусть с нас пример берут, мы сорок семь лет вместе прожили, чего только не видели, детей вырастили. Эх, где мои семнадцать!.. За вас, дорогие мои.

— Спасибо, — тихо сказала Лена, слегка покраснев, и выпила свою чашку до дна. — Вкусно!.. — протянула она, сладко облизнувшись. — Как вы его делаете, Юлия Федоровна? Расскажите мне потом, ладно?

— У меня свой рецепт, я тебе напишу. Поешьте, поешьте. На свежем воздухе поесть полезно.

— Это точно, — подтвердил Никодимов, засовывая в рот целое яйцо. — Насчет еды моя супруга ба-альшой знаток.

— Молчи уж, пестик ты мой ненаглядный...

Николай, доедая свой салат, с легким сердцем наблюдал за добрым подзуживанием милых пожилых людей.

— Весело вы живете, — промолвил он, — позавидовать можно. Столько лет прожить вместе и не утратить чувства юмора друг к другу — это многого стоит. Сразу видно, что вы очень хорошие люди. Хотя в наше время, — он посерьезнел, — все меньше встречается добрых людей... Уж больно время нам досталось какое-то...

Лена дотронулась пальцами до его ладони.

— А впрочем..., — запнулся он, — не стоит о грустном.

— В России, Коля, время всегда такое, — помолчав, и уже без игривости сказал Никодимов. — Дело не во времени, а в нас самих. Я хорошо помню военное время. Вначале юношей на заводе работал, взрослую норму выполнял. Потом, в сорок четвертом, в армию призвали, прошел ускоренные офицерские курсы, на фронт попал молодым лейтенантом, сколько горя и крови видел, смерть в двух шагах ходила. После войны еще семь лет отслужил. Думаешь, тогда легче было время? И ничего, прожили как-то, не озлобились, не скурвились и детей нормальных воспитали. Вон у супружницы моей отец и брат старший погибли, сама в оккупации с матерью жила. Зверства немцев видела. А потом что? Сталина поносили. Дурак Хрущев земли русские налево и направо раздавал. Кидались из одной крайности в другую. Время, Коля, для русского человека всегда какое-то нерусское...

— Согласен, Евгений Петрович, конечно, — Николай отодвинул от себя пустую тарелку. — Трудно было всегда. Но прежде у наших людей было государство, которое имело государственный интерес и хотя бы на словах, но как-то защищало человеческое достоинство. Теперь же с людьми можно делать все, что угодно, и государство ничего не гарантирует и ни за что не отвечает. Люди замкнулись, ощерились, все борются за выживание в одиночку, и большинству плевать на других. Раньше был вождь и была русская столица, об этом знал каждый солдат на войне, и это придавало ему силы и уверенности в победе. Сейчас у нас нет руководителя страны именно как руководителя, столица превращена в еврейско-кавказский Вавилон, да и самой страны в ее цельности, можно сказать, тоже нет, все области выкручиваются сами по себе, не надеясь ни на чью помощь. Вы посмотрите в метро на лица людей. Почти у каждого в глазах — напряжение и какая-то безысходность.

Николай не знал, куда деть руки, хотел было достать из брюк сигареты, но быстро передумал.

Лена укоризненно посмотрела на него и, взяв за локоть, проговорила:

— Не надо сейчас об этом, мы приехали немного забыть-ся, отвлечься от московских страстей, не напрягай нас.

Никодимов слушал слова Николая, глубоко задумавшись и не поднимая глаз.

— Что правда, то правда, — вставил он, — живем как в оккупации...

— Ох-хо-хо, — тяжело вздохнула Юлия Федоровна, — не дай Бог вам жить в оккупации... Мне тогда, в сорок третьем, шестнадцать исполнилось. Папа с братом — на фронте. А мы с мамой в деревне жили, под Курском. Как сейчас помню, приходит к нам офицер немецкий, длинный такой, весь вылощенный, с переводчиком, и приказывает маме: млеко, яйки, шнель! А у нас корову сами же немцы только что отобрали. Мама отвечает ему: нет млека, корову солдаты увели. Он злобно прогавкал что-то на своем басурманском, повернулся и вышел. А переводчик перевел: если к вечеру не будет молока, дочку на работу в Германию заберем. Так мама по всей деревне бегала, со слезами просила одолжить два литра. А у всех тоже дети, и каждый дом данью обложен. Разводить молоко строго запрещалось. Одну хозяйку за это забрали, и она уже больше не вернулась в деревню. Сжалились над нами, одолжили..., — супруга Никодимова смахнула со щеки слезу. — Правда, насчет коровы потом выяснили, больше к нам за молоком не приходили..., — и, вытерев носовым платком глаза, добавила: — Да и освободили нас вскоре после того случая.

Юлия Федоровна встряхнула головой, внезапно повеселела, обведя всех добрыми глазами.

— Ой, что это я? Раскисла совсем. Петрович, неси сюда самовар.

Когда Никодимов принес в беседку горячий электрический самовар, его супруга уже разливала заварку в большие цветастые чашки.

— Я вам лучше другую историю расскажу, повеселее, — она заранее звонко засмеялась. — После немцев в нашей деревне располагался артиллерийский полк. Солдат распределили ночевать по домам. И у нас с мамой целый взвод остановился, человек десять, — говоря, она одновременно подставляла чашки под кран самовара. — А в доме, надо сказать, нас мучили клопы, и никак мы не могли от них избавиться. Но был в их взводе один весельчак мо-

лоденький, лет восемнадцати, рот до ушей, хоть завязочки пришей. Где-то раздобыл он коробку с дустом — клопов морить. А я возьми да и спроси: мол, как их морить-то этим дустом? Глупая была, хоть и самостоятельная. Ну, он и давай мне объяснять. Поймаешь, говорит, этого кровопийцу и жди, когда он рот откроет. И как только разинет пасть — сразу сыпь в нее дуст, клоп задохнется и сдохнет. Я подумала, подумала, и вдруг меня осенило. Я ему с умным видом и отвечаю: «Да что я, дурочка, что ли? Зачем нам этот дуст? Уж лучше я сразу клопа раздавлю, чем ждать, когда он рот откроет...» Никогда не забуду, как после этих моих слов наш дом дрожал от солдатского хохота.

За столом тоже все искренне смеялись.

— Да.., — Юлия Федоровна поджала губы. — А через несколько дней был артобстрел, и погиб тот солдатик...

Смех мгновенно угас.

— Жалко, — сказала Лена. — История-то, на самом деле, невеселая.

Но Никодимов, взяв жену за руку, развеял грусть:

— Потом, в сорок четвертом, через эту деревню проходил наш батальон, а с ним и я — молодой лейтенант, красавец и с медалью... С той поры все и началось у нас. Там-то я и услышал, как поют курские соловьи по вечерам...

— Угу, — подмигнула ему жена, — вот так и живем почти полвека с соловьями...

Она допила свою чашку с чаем и помахала ладонями возле лица, как веером.

— Фу, жарко...

Никодимов предложил Николаю:

— Сходите на речку, искупайтесь. Она небольшая, но глубокая, водичка чистая, хорошая. А вечером мы окуньков на удочку наловим, их там пропасть, костерок сварганим, ушицы сварим. На костре она в сто раз вкусней.

— Замечательно! — обрадовалась Лена.

А Никодимов добавил:

— Кстати, сегодня же должен приехать Александр Юрьевич. Обещал к обеду или, в крайнем случае, к вечеру.

Речушка Торфянка текла через поле за полукилометровой полосой леса, прячась в густых зарослях ивняка и ольхи. Николай быстро сбросил рубашку и брюки и без раздумья прыгнул в прохладную воду. Рассекая сильными

гребками речную поверхность, проплыл несколько метров против течения, затем попытался достать ногами дна и погрузился с головой. Вынырнув, он крикнул стоявшей среди высокой травы Лене:

— Смотри-ка, здесь и вправду глубоко. Раздевайся, иди ко мне! Плавать умеешь?

— Немножко умею...

Лена без спешки скинула в траву платье, оставшись в купальнике, и, осторожно ступая босыми ногами, подошла к краю берега. Николай окинул жаждающим взглядом ее слегка полноватую фигуру.

— Холодная вода? — боязливо спросила она.

— Только первое мгновение, потом — отличная. Давай, давай, смелее!

Лена, одной рукой держась за толстую ветку ивы, нависшую над речкой, оттолкнулась ногами от земли и со словами «лови меня!» рухнула в воду на руки Николая, обдав его лицо шумными брызгами. Он тут же отпустил ее, и она, энергично работая руками и ногами, поплыла по течению. Хвост черных волос, извиваясь, струился следом за ней.

— Ой, хорошо! Водичка — прелесть! — прокричала Лена, с напором выдыхая воздух. — Плыви ко мне!

Николай, выбросив вперед руки, резко нырнул, и тут же рядом с ней появилась его голова.

— Ты прямо как человек-амфибия, — похвалила она.

— Вот за что я люблю лето, за эту живую воду, за это купание на природе! — радостно воскликнул Николай.

Он нащупал возле берега илистое дно, притянул к себе Лену и взял ее на руки. В воде ее тело казалось невесомым. Она обхватила его за шею, одновременно обвив ногами его бедра, и тихо произнесла:

— Поцелуй меня...

Николай нежно прикоснулся к ее губам. Но она порывно прижалась к нему и страстно впилась в его губы. И тут же — отдернула лицо, быстро взглянула на него туманными глазами и стала покрывать его шею и плечи торопящимися поцелуями.

— Скажи, что любишь меня, — прошептала она, прильнув щекой к его мокрой, холодной щеке и прерывисто дыша.

Он крепче стиснул ее в своих мускулистых руках, чувствуя, как приливает к вискам кровь и все тело охватывает сладкая истома.

— Люблю, — громко произнес Николай.
— Еще! — шепотом крикнула она.
— Как ни странно, я и впрямь полюбил тебя.., — так же громко прошептал он ей в ухо.
Она затрепетала в его руках, и он увидел, как слезы счастья потекли из ее больших черных глаз.
— Это будто сон.., — промолвила, плача, она. — Вот уже несколько дней я живу как во сне... Никогда не думала, что такое возможно..
Но Николай прервал ее признания.
— Замерзнешь. Вылезай на берег.
Какое-то время они лежали на теплой траве, согреваясь под прямыми лучами полуденного солнца. Рядом с ними деловито и спокойно стрекотали кузнечики, порхали пчелы и голубые мотыльки. Летняя природа дышала, звенела, жила своей непринужденной жизнью.
Николай молча дымил сигаретой. Он успел заметить, что на берегу речки поблизости никого нет. Лишь метрах в ста слышались звонкие голоса купающейся ребятни.
— Послушай, — он повернул лицо к Лене, лежащей на спине с закрытыми глазами, — так ведь и стореть можно. Пошли в тень.
Она приподняла голову, посмотрела по сторонам.
— Вообще-то моя кожа солнышко любит, я обычно не стораю.
— Не хвались, потом плакать будешь..
Он встал, поднял ее за руки и увлек за ближайший ивовый куст, прихватив их одежду. В тени он постелил одежду на траву и сел на свою рубашку.
— Не надо, она будет вся зеленая, — предостерегла его Лена. — Садись на платье, я привезла с собой еще одно.
Сидя на ее тонком ситцевом платье, они вновь обнялись. Он безмолвно гладил ее мягкие плечи, руки, стройные ноги.
— Ты не представляешь себе, как я счастлива, — проговорила Лена, глядя на него ясными глазами.
Он положил руку на ее грудь и поцеловал в мочку уха.
— Ты сегодня такая красивая... У тебя глаза светятся... Почему я раньше этого не видел?
— Наверное, моя любовь тебе помогла разглядеть..
Она взъерошила его светлые податливые волосы, затем провела пальцем по лбу, носу, губам, подбородку, шее, груди и положила руку ему на живот. Николай почувствовал

томительный зуд внизу живота. Он медленно спустил с ее плеч купальник, оголил ее грудь, наклонился и поцеловал в сосок. Лена вздрогнула, приоткрыла губы и легла на спину. Ее упруго округлившаяся белая грудь, вздымаясь и глубоко дыша, влекла к себе его глаза и губы. И он со стоном припал к ней лицом, покрывая ее поцелуями, сжимая руками и радостно шепча:

— Как мне хорошо с тобой, родная моя... Ты необыкновенная...

Она дрожащими пальцами теребила его волосы, повторяя задыхающимся голосом:

— Милый, любимый, сладкий мой...

Над ними от легкого дыхания теплого ветра трепетали свежие ивовые листья, сквозь которые, рассеиваясь тысячами золотых светлячков, едва пробивалось жаркое июньское солнце. Лесные птицы, перекликаясь, доносили разноголосый щебет. Высокая трава скрывала два прекрасных обнаженных тела, слившихся в порыве искренней любви и неутоленной страсти.

Погудин приехал под вечер, когда Евгений Петрович уже готовил удочки, чтобы всей компанией наловить окуней на уху. От станции Фрязево Погудин километра три прошагал пешком по проселочной дороге — через поле и небольшой лесок. И пока шел — любовался ухоженными и буйно цветущими дачными участками. Войдя в никодимовскую калитку, Александр остановился, поразившийся обилию цветов, но, увидев хозяина, крикнул:

— Гостей ждете?

Никодимов всплеснул руками.

— Ждем, ждем! Очень даже вовремя приехали. К вечернему клеву.

Из дома навстречу Александру вышел Николай. Они обнялись.

— Ну, как самочувствие, как настроение? — тихо спросил Александр.

— Сейчас получше...

Погудин довольно похлопал его по плечу.

— Да у вас тут настоящий цветник!

— Это точно, — отреагировала Юлия Федоровна, выплывшая из зеленой беседки, — мы, наверное, скоро сами зацветем...

Следом за ней показалась и Лена.

— Как добрались? — приветливо поинтересовалась она. — Мы вас давно поджидаем.

— Да я бы приехал пораньше. Но... кое-что мне помешало. Впрочем, об этом потом... Евгений Петрович, я тут захватил немного... Поставьте в холодильник.

Никодимов взял из рук Погудина полиэтиленовый пакет и отнес в дом. Выйдя на крыльцо, он посмотрел на заходящее солнце и уверенно произнес:

— А теперь самое время на речку. Пока дойдем, пока расположимся, клев и начнется. Я знаю одну тихую заводь, там поплавок течением не сносит.

Лена потрогала приставленную к дому бамбуковую удочку.

— Евгений Петрович, я тоже хочу научиться ловить рыбу!

— Вот сейчас и научим. Федоровна, мы через пару часов вернемся. Отдохни пока от нас.

Берег небольшого, поросшего ольхой плеса изгибался крутой дугой. Никодимов закрепил три удочки, а на четвертой стал показывать Лене, как надо насаживать на крючок червяка.

— Главное, чтобы червяк был живой, а не дохлый, он должен извиваться на крючке, тогда его рыба сразу заметит.

— Ой, — сморщилась Лена, — это ужасно, я так не смогу.

— А теперь, — продолжал учить Никодимов, отмахиваясь от комаров, — внимательно смотри на поплавок и жди, когда он начнет дергаться. Но это еще ничего не значит. Вот когда он полностью скроется под водой или резко пойдет в сторону, тогда — тяни. Поняла?

Он передал удочку ей в руки, а сам подошел к другой, закрепленной на земле, быстро поднял ее и дернул на себя. Красноперая, с золотой чешуей рыба блеснула в воздухе и, трепыхаясь, упала в траву.

— Есть! Поймали, поймали! — как ребенок, закричала Лена и захлопала в ладоши.

— Тихо, тихо, всю рыбу распугаешь, — смеясь и беря из ее рук удочку, попытался утихомирить ее Николай.

Но она подбежала к подпрыгивающей на земле рыбешке с крючком в верхней губе, взяла ее в ладони.

— Это окунь, да? Какой красавец! С горбинкой... Евгений Петрович, снимите же его с крючка!

Никодимов подошел, выдернул крючок и молча бросил рыбу в целлофановый пакет.

— Лена, иди сюда, — позвал Николай, — смотри-ка, у тебя клюет. Бери удочку, дергай!

Лена что есть силы взметнула удилище, да так, что бедная рыба, взлетев в воздух, соскочила с крючка и звонко шлепнулась о глину в нескольких метрах от нее. «Ах!» — только и успела вскрикнуть Лена под общий хохот.

Погудин отыскал упавшего с высоты окуня, не подававшего признаков жизни.

— Погибла рыбка от разрыва сердца, — произнес он, неся ее на ладони.

— Ничего, ничего, учись, в жизни все пригодится, — подходя к Лене, успокоил ее Никодимов. — Это первая твоя пойманная рыба. Тащить надо потихоньку, не торопись, спокойно.

— Дайте, я еще попробую, — попросила Лена, — только нацепите мне червяка...

Погудин в это время тихо сказал Николаю:

— Пройдемся немного...

Тот кивнул и подошел к Никодимову.

— Мы пока прогуляемся по берегу.

Лена грустно взглянула на него.

— Вы надолго?

— Нет, нет, скоро вернемся. Учись ловить. Приду, посчитаю, сколько поймала.

Они медленно пошли по тропе вдоль берега реки. Дневная жара спала. Но красный солнечный шар за их спинами еще висел над полосой дальнего леса, ослепительно отражаясь и полыхая в прозрачной воде.

— Когда я видел вас в последний раз, — начал разговор Погудин, — мне показалось, что вы внутренне сильно изменились.

— Да, наверное, — немного помолчав, ответил Николай. — У меня что-то надорвалось в душе после того случая... В груди была какая-то тяжесть и одновременно пустота. И ничто не радовало.

— Я видел, как Лена за вас переживала...

— Если бы не она, я, может, вообще бы не выкарабкался... Она меня вытащила из того состояния. И на эту дачу привезла тоже она. Я здесь, кажется, немного оттаял... Но по ночам до сих пор просыпаюсь в холодном поту, словно слышу дуновение преисподней.

— Что же все-таки произошло? Расскажите.

Николай достал сигареты. Прикурив, сделал пару глубоких затяжек.

— Я и сам до сих пор не могу понять, что это было на самом деле... То ли привиделось, то ли и вправду... Но это был не сон, точно.

— Так что же?

— Если бы кто-то другой рассказал — не поверил бы, — Николай остановился возле ольхи, отломил ветку, помахал ею над головой, отпугивая комаров. — Мы вот с вами только рассуждали о бесах, а я, похоже, столкнулся с ними воочию...

Погудин тоже сорвал небольшую ветку, затем задержал Николая за руку.

— Как это было?

Николай опустил глаза.

— Честно сказать, жутковато...

Они неспешно двинулись дальше. Николай продолжал вспоминать:

— В том подвале меня сразу начали вербовать.

— Сколько их было?

— Двое, если не считать этого козла, нашего общего знакомого. Кстати, получается, он не случайно попал вам на глаза в баре... Они давно за вами следят. Два махровых жиды... Мерзкие типы.

— Так чего они хотели от вас?

— Вот и я их спросил об этом.

— Ну и?

Николай ударил себя веткой по спине, искоса взглянув на Погудина, нетерпеливо ждущего ответа.

— Их интересует подробная информация.

— О чем?

— О ком, Александр Юрьевич, — выдохнул Николай. — А точнее — о вас, — на его губах застыла угрюмая усмешка.

— Вот как? — Погудин нахмурил брови. — Ну-ну...

— Но это было только начало. Потом — крошечная тьма и полная неподвижность. Да вы же меня видели... Забываешься ненадолго во сне, но вдруг приходишь в себя и не знаешь, сколько прошло времени... А в душе такая зверская тоска...

Николай почувствовал спазм в горле и, стиснув зубы, отвернулся, чтобы Погудин не увидел его дрожащих ресниц. Но тот понял и сжал его локоть.

С минуту они шли молча. Солнце уже закатилось за дальний лес, но небо сзади них сияло в красном зареве. Погудин оглянулся, снял очки, посмотрел на закат.

— И вот тут, — тихо продолжил Николай, — все и произошло... Ко мне пришел черт — настоящий, с рогами. Это был тот самый жид, который меня вербовал, низкорослый, рыжий, с острой бородкой, картавый и весь в черном. Сначала он любезничал, прочитал лекцию о русском головоутиастве, об «их», — Николай выделил голосом слово «их», — навечной власти в России... Рехнуться можно!

Он сплюнул.

— Покупал душу? — спросил Погудин.

— Прямо как по «Фаусту»... Два раза приходил. Не поверите, но когда он появлялся, из стены вырывался огонь. Все блага жизни предлагал. После начал угрожать. А я чувствую — силы на исходе. Под конец уже в какой-то прострации находился. Думаю — вот сейчас загнусь, а душу не отдам...

Погудин добродушно улыбнулся.

— Да, история...

— Хотел бы я еще с ним встретиться, с этим горбоносым, — задумчиво проговорил Николай. — Но только не в подвале...

— Думаю, что это нам предстоит и довольно скоро. Мне сегодня тоже позвонили... Назначили встречу. Я пришел, правда, не один, с Андреем, а Сергей находился рядом, в машине. Прождали целый час, но никто так и не появился.

— А домой потом заезжали?

— Да. К тому же квартира у меня на сигнализации. Они наверняка знают об этом. Хотя на определителе остался телефонный номер... Надо будет проверить, чей это телефон.

— Александр Юрьевич, вам нужно их опасаться. Говорю на полном серьезе. Их по большому счету не я интересовал. Им нужны вы. Рогатый так прямо и сказал.

Погудин похлопал Николая по спине и, повернувшись в его сторону, подтвердил:

— Правильно. Мы все должны быть осторожны. После того, что они с вами сделали... Это не люди. Их перевоспитать нельзя.

— Нам нужно действовать вместе, — опустив голову, сказал Николай.

— Совершенно верно. У меня есть некоторые соображения. Обсудим при встрече в Москве.

Они повернули назад.

Погудин поднял кверху лицо и тут же, преобразившись, воскликнул:

— Смотрите, какой закат! В полнеба! Какие краски! А речка-то, речка — так и горит! Жаль, я не владею кистью...

Николай бросил на него ироничный взгляд.

— Александр Юрьевич, товарищ Погудин, ведь это же все материя... Речка, закат, краски... Природа бездуховна, в ней нет Бога...

Погудин, мгновенно застыв, искренне захохотал.

— Ну, Николай Васильевич, сразили.., — и, отсмеявшись, заговорил с волнением: — Я был бы прав, если бы не был поэтом... Во мне тоже сидит раздвоение. Умом понимаю: природный мир обожествлять нельзя, он — антураж, окружающий человека и созданный для человека. А вот душа чувствует иначе. В тысячный раз смотришь на этот закат — и никак не наглядишься. Словно внутренне напитываешься от такой красоты.

Погудин заметил, как лицо Николая оживилось, посветлело, а в глазах появился пропавший было веселый блеск.

— Впрочем, мы с вами оба поэты, Николай... Чего уж тут говорить. Природа для нас — самый близкий, самый чистый творческий источник. Без ее дыхания сердце бы наше очерствело.

— Да-да, я помню, — лукаво заметил Николай. — Ведь это мироздания спокойное дыхание: расцвет и увяданье, расцвет и увяданье...

Погудин посмотрел на него с ясной улыбкой.

В вечерних сумерках на никодимовском участке всей компанией гости и хозяева собрались возле костра. В походном котелке, подвешенном на металлической треноге над огнем, притягивающе дымилась уха. Евгений Петрович деревянной ложкой помешивал содержимое котелка и время от времени пробовал на вкус.

— Нормально... Еще чуть-чуть — и будет готово, — похвалил он себя. Потом добавил: — А Лена-то у нас оказалась неплохой ученицей, пять штук словила.

Николай, сидевший на бревнышке рядом с Леной, положил ей руку на плечо.

— Это твоя первая рыбалка и первая уха. Гордись, — сказал он.

— Угу, горжусь, — она ближе придвинулась к нему.
Пламя костра золотилось на их успокоенных лицах.
— Александр Юрьевич, между прочим, у меня там, в доме, лежит гитара..., — Никодимов хитро взглянул на Погудина.
Тот улыбнулся.
— Шести или семи?
— Шестиструнка, то, что надо. Принести?
— Ой, Александр Юрьевич, а разве вы играете? — радостно удивилась Лена.
— Да так, немножко, для себя...
— Федоровна, — попросил жену Никодимов, — не считй за труд, сходи за гитарой. И заодно захвати из холодильника «Столичную». Под ушницу водочка хорошо идет.
Через пару минут Юлия Федоровна вернулась с гитарой и бутылкой водки. Усевшись на свой табурет, она призналась:
— У меня сегодня тоже душа поет. Я, наверное, спою, если Александр Юрьевич мне подыграет. Что-нибудь наше, народное, из прошлых лет...
— С удовольствием, — поддержал ее порыв Погудин.
Никодимов еще раз пригубил свою деревянную ложку и удовлетворенно заключил:
— Всё, готово, можно приступать к трапезе. Давай, Коля, распечатавай пузырек, разливай грамм по пятьдесят. Мать, где тут наши миски? Те самые, солдатские...
Лена шумно втянула носом воздух.
— Какой запах! Аж слюнки текут...
Николай разлил водку по граненым стаканам. Юлия Федоровна раздала всем по соленому огурцу и ломтю черного хлеба.
Никодимов, сидя рядом с Погудиным на переносной скамейке, поднял свой стакан.
— Ну что, друзья мои, вот мы и в сборе. Давайте по-походному выпьем за Россию, за эту землю и за нас с вами. Как бы нам порой ни было плохо, никогда мы ее ни на что не променяем. Вот такой у меня тост. Будем!
Все разом осушили свои стаканы. Лена сморщилась и быстро откусила кусочек соленого огурца.
— Фу., — выдохнула она, — горькая...
— Ничего, привыкай, — заметил Никодимов, — жизнь горче. А теперь — самый ответственный момент. Подставляйте миски.

Он взял половник и каждому налил из котелка густой, ароматно парящей ухи.

Лена свою горячую миску поставила на землю, зачерпнула из нее ложкой, поднесла ложку к губам, подула и чуть-чуть отпила.

— Какая вкуснота! — протянула она. — Никогда ничего похожего не ела.

— А ты окунька, окунька попробуй, — подсказала Юлия Федоровна. — Это просто объедение. Только осторожно, там маленькие косточки.

— Да, хороша ушица, — согласился Погудин. — Сразу видно, специалист делал. Давно такой не едал. Последний раз это было на Волге, лет пятнадцать назад. Мы там по ночам сетью ловили, браконьерили. А потом щучью уху варили. Тоже была знатная штука.

— У нас тут своя Волга, — возразил Никодимов, — перепрыгнуть можно. Я сеть не уважаю. Никакой радости от такой ловли. То ли дело — удочка, червяк, поплавок. Сидишь, дышишь чистым воздухом, любишь природой, и вдруг — раз, и на крючке золотая рыбешка. Маленький восторг.

— Не спорю, Евгений Петрович, это я так, вспомнилась былая жизнь.., — Александр поднял бутылку «Столичной», разлил по стаканам. — Я хочу выпить за вас. Вы редкий человек: ученый, патриот, прекрасный семьянин, прошли войну, видели горе и остались добрым, умным человеком, не побежали вместе с интеллигенцией продаваться жидовской власти. Я вас очень уважаю и ценю как старшего друга. Бог наградил вас большой душой и замечательной женой. Я вам, честно говоря, по-хорошему завижидую... За вас, Евгений Петрович.

— Что ж, муженек, я присоединяюсь к этому тосту, — вставила Юлия Федоровна. — Человек ты неплохой, да и жена у тебя тоже ничего, почти полвека с тобой прожила. Давай-ка и я выпью за твое здоровье.

Все, смеясь, сдвинули стаканы, быстро выпили и закусили ухой.

— Евгений Петрович, подлейте мне еще из вашего котелка, уж больно вкусна, — сказал дотоле молчавший Никодимов, протянув через костер свою алюминиевую миску.

— Давай, давай, налегай, тебе нужны будут силы, — подмигнул ему Никодимов, помешивая половником в котелке. — Речная рыба для молодых полезнее всего.

Погудин взял в руки лежавшую на земле гитару. Зажал аккорд, провел пальцем по струнам. Проверил еще пару аккордов.

— Как ни странно, настроена... Что бы вам такое спеть? У меня ведь в основном все грустное...

— Что-нибудь на стихи Рубцова, — попросил Никодимов.

Погудин на минуту задумался, припоминая слова. Но вот в полной тишине, нарушаемой лишь потрескиванием поленьев, гитара издала звуки тихой, проникновенной мелодии, и следом в мелодию влились знакомые рубцовские стихи:

В минуты музыки печальной
Я представляю желтый плес,
И голос женщины прощальный,
И шум порывистых берез,
И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей,
И путь без солнца, путь без веры
Гонимых снегом журавлей...

Голос Александра звучал ровно, задушевно, трогая сердце печалью простых рубцовских строк. Положенные на красивую мелодию, строки эти доходили до самых глубинных мембран души, откликаясь трепетом волнения и рождая в глазах блеск незаметных слез. Юлия Федоровна прижала к щеке уголок косынки.

Николай и Лена впервые слышали пение Погудина. Они не отрываясь смотрели на него, замороженные звуками гитары, его голосом и мелодией. И простые рубцовские слова уже приобрели новый смысл, новое звучание, новую силу.

Давно душа блуждать устала
В былой любви, в былом хмелю,
Давно понять пора настала,
Что слишком призраки люблю.
Но все равно в жилищах зыбких —
Попробуй их останови! —
Перекликаясь, плачут скрипки
О желтом плесе, о любви.
И все равно под небом низким
Я вижу явственно, до слез,
И желтый плес, и голос близкий,
И шум порывистых берез.

Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чем...
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чем.

Когда гитара и голос умолкли, Лена, торопясь, заговорила первой.

— Как хорошо!.. А кто же сочинил музыку к этим словам?

— Мелодия моя.., — задумчиво ответил Погудин, кладя гитару на землю.

— Ваша? У меня нет слов! Необыкновенно! — она с восхищением посмотрела на него. — А еще можно?

— Можно, — улыбнулся Александр, — но после небольшого перерыва.

Никодимов снял с костра котелок и треногу и подбросил в огонь поленьев.

— Я познакомился с Александром Юрьевичем, — заговорил он, — несколько лет назад в одной компании, где он пел под гитару и читал стихи. Этот романс я запомнил с тех пор... Но там, Александр Юрьевич, — он повернул лицо к Погудину, — вы, кажется, пели и на свои стихи...

— Ой, правда? — встрепелась Лена. — Спойте, а? Пожалуйста.

— Хорошо, — согласился Погудин. — Но сначала мы выпьем за хозяйку этой дачи и споем вместе с ней что-нибудь старое, любимое ею. Она начнет, а мы подхватим. Юлия Федоровна, за ваше здоровье и за молодость души. Не возражаете?

— Ох, не возражаю, — грустно вздохнула супруга Никодимова. — Душа и впрямь еще поет...

Когда выпили по глотку водки и доели всю уху, Юлия Федоровна затянула: «Позарастали стежки-дорожки, где проходили милого ножки...» Александр, подпевая, подыгрывал на гитаре. После этой песни она тихо запела: «Калина красная, калина вызрела, я у миленочка характер вызнала...» Эти слова подхватили все остальные, и их общая песня в звенящей тишине полетела далеко над садовыми участками, пробуждая сладкую тоску и заставляя других дачников выключить телевизор и прислушаться. И словно в ответ на эту ночную песню где-то совсем близко, в лесной полосе вдруг залиvisto засвистел, защелкал соловей.

— Ах, проказник, — отозвался Никодимов, — очухался... Я уж думал, что он насвистелся. Испортил наш концерт... Под соловья петь как-то не очень...

— Ничего, пусть потешится. Пока — его время, — Погудин отложил в сторону гитару. — А мы давайте выпьем за нашу молодую пару. Я слышал, скоро будем гулять на свадьбе?

— Скоро, скоро, — подтвердил хозяин дачи, разливая остаток водки.

— Венчание будет? — Погудин взглянул на Лену.

— Обязательно, — твердо ответила она.

— Желаю счастья, — он чокнулся с Леной и Николаем.

После того, как выпили, Никодимов заметил:

— Николай Васильевич, Коля, ты уж извини, что я к тебе так, по-отцовски... Но ты что-то неразговорчив. Я вот хочу тебя попросить прочитать... свое. Когда еще другой случай представится...

— Может, не стоит, я ведь не профессионал.

— Прочтите, Николай, — добавил Погудин.

Лена поддержала общую просьбу:

— Почитай, не стесняйся.

Николай достал из пачки новую сигарету, нагнулся к костру, взял краснеющую с одного конца головешку и прикурнул от нее. Помолчал с полминуты, потом начал читать:

Тая обиды про запас,
Бывает, связи рвем с друзьями,
Но жизнь всегда сближает нас
С людьми, которых стоим сами.
Мы лжи боимся, как чумы,
Но для других честны всегда ли?
Когда-то, может быть, и мы
Чужих надежд не оправдали.
Во зло никто не обвинит,
Но ожидания напрасны,
Что случай вдруг соединит
С людьми, которые прекрасны.
Мы перед совестью своей
За все ль останемся спокойны?
А жизнь приблизит к нам друзей,
Которых будем мы достойны.

— Неплохо, — признался Погудин. — Если вы пишете на таком уровне, вам надо готовить книжку.

— А по-моему, просто очень хорошо, — заключил Никодимов и повторил: — А жизнь приблизит к нам друзей, которых будем мы достойны... Это достаточно мудро.

— Молодец, — Лена поцеловала Николая в щеку.

...Соловей расточал свои трели, костер догорал, бутылка водки была пуста.

— Хорошие вы ребята, душа с вами отдыхает, — сказала Юлия Федоровна, вставая с табурета. — Посидите еще, поворкуйте, а я пойду прилягу, мне утром рано вставать.

Лена, закрывая рот ладонью, украдкой зевнула. Но Никодимов это заметил и понимающе предложил:

— Молодым тоже пора ложиться. Ступайте к себе наверх, а мы еще немного погитарим с Александром Юрьевичем.

Лена виновато взглянула в глаза Николаю, в которых отражались отблески догорающих углей костра. Николай снисходительно прижал ее к себе и с улыбкой успокоил:

— Ладно уж, соня, пошли спать...

Они поднялись с бревнышка, на котором сидели, пожелали всем спокойной ночи и тихонько по крутым ступенькам поднялись на второй этаж деревянного дачного строения. Быстро скинули одежду, забрались под одеяло и несколько минут лежали молча. Потом Лена прошептала:

— А ты и вправду молодец. Какие хорошие стихи прочитал.

И чуть погода добавила:

— Я тебе хочу сказать, что... у меня впервые в жизни это было на природе... при свете дня...

Николай крепко обнял ее и поцеловал в губы.

А соловей не умолкал...

Глава третья

На следующий день Погудин вернулся в Москву. В почтовом ящике он обнаружил повестку, вызывающую его в окружную прокуратуру. А явиться он должен был именно сегодня — к четырнадцати часам.

Поначалу Александр крайне удивился, но, подумав, пришел к некоторому логическому заключению. Конечно же, догадался он, его неосторожные разговоры о «боевой» организации не могли не дойти до охранных органов...

Он поднялся в квартиру и еще раз посмотрел на часы. Стрелки показывали половину второго. Сбросил джинсовую куртку, в которой приехал с никодимовской дачи, надел клетчатую с короткими рукавами рубашку, достал из

письменного стола паспорт и, вновь поставив квартиру на сигнализацию, направился по указанному в повестке адресу. По пути он для себя решил: «На испуг они меня не возьмут. Не они, а я от них кое-что узнаю».

Поплутав по коридорам прокуратуры, Александр отыскал нужную комнату. Постучал в дверь. Войдя, он увидел молодого человека в белой рубашке, что-то быстро строчащего за массивным полированным столом, на углу которого громоздился монитор компьютера. Протянул повестку. Молодой человек предложил Александру сесть, затем снял трубку внутреннего телефона и быстро нажал на три клавиши.

— Гелий Миронович, здесь у меня Погудин, — доложил он. — Зверев будет? Хорошо, понял.

Он опустил трубку и со словами «подождите немного» принялся строчить дальше. А из динамика, стоящего на высоком зеленом сейфе, доносилась спокойная эстрадная мелодия.

Минут через пять к ним в комнату вошел высокий худощавый мужчина в сером костюме. Он сел на стул напротив Александра, прищурился жесткие и, как показалось Погудину, вьедливые глаза. Сквозь очки Александр внимательно его разглядел. С гладко выбритым интеллигентным лицом он казался не старше тридцати пяти лет.

Молодой человек в белой рубашке отложил в сторону исписанный лист.

— Александр Юрьевич, — поднял он взгляд на Погудина, — мы пригласили вас, чтобы побеседовать по нескольким щекотливым вопросам. Меня зовут Владимир Алексеевич. Фамилия — Скопин. Я следователь по особо важным делам. А это, — он посмотрел на худощавого мужчину, — тоже следователь, но Московской городской прокуратуры — Леонид Михайлович Зверев. Кстати, у вас паспорт с собой? Позвольте взглянуть.

Александр положил на стол документ в кожаной обложке. «Круто они за меня взялись...» — мелькнуло в его сознании.

Молодой человек, назвавшийся Скопиным, достал из стола бланк протокола и сделал в нем несколько записей, глядя в паспорт Погудина.

— Так-так, — негромко проговорил он, — вы разведены, и у вас имеется несовершеннолетняя дочь... — Он вновь что-то записал в протокол.

Погудин решил выдержать паузу, ни о чем не спрашивая, чтобы показать им свое спокойствие и сразу отмести любые попытки шантажа.

— Александр Юрьевич, — начал издали следователь Скопин, — где вы проходили армейскую службу?

Этот вопрос немного насторожил Погудина.

— В Восточной Сибири, — как можно равнодушнее отозвался он.

— А точнее под Красноярском? Так?

— Абсолютно верно.

— Насколько нам известно, это был полк ПВО.

— Вам правильно известно, — без напряжения подтвердил Погудин.

— Не могли бы припомнить, Александр Юрьевич, что там у вас произошло с одним капитаном по фамилии... — молодой следователь раскрыл папку, лежащую на краю стола, и вынул из нее лист бумаги с отпечатанным на машинке текстом, — по фамилии Миронов?

— Извините, но такой фамилии я не помню, — криво улыбнувшись, ответил Александр.

— Не помните? — удивился Скопин. — Странно, очень странно...

— Так ведь служил-то я давно, уже более двадцати лет прошло... Какие там фамилии помнить...

— Я вам верю, — согласно кивнул молодой следователь в белой рубашке, — фамилии помнить не обязательно. Но случай-то этот вряд ли вы могли забыть.

— Какой случай? — выразил недоумение Погудин.

— Да вот, — следователь Скопин поднял над столом лист с машинописным текстом, — у меня в руках копия рапорта капитана Миронова на имя командира части, где вы служили, с требованием передачи этого дела в военный трибунал. И в нем фигурирует ваша фамилия.

— Ну и что дальше? — Погудин вопросительно посмотрел на обоих следователей, а сам успел мысленно прикинуть: «Дело это выеденного яйца не стоит. Тут что-то другое...»

— Пока ничего страшного, Александр Юрьевич, не волнуйтесь. Мы установили, что командир части не дал хода рапорту капитана Миронова. Но вы все ж посидели на гауптвахте, хотя вам грозил срок в дисциплинарном батальоне. Вы тогда отделались легким испугом, — Скопин вернул машинописный лист в папку и, опустив глаза,

спросил: — За что вы ударили капитана? — но, не получив ответа, добавил: — Хотя... это уже не важно.

Погудин молча наблюдал за говорящим. Однако более всего его интересовало присутствие человека из Московской городской прокуратуры.

— Теперь, Александр Юрьевич, другой вопрос. В начале восьмидесятых вы трудились на северных стройках, связанных с газопроводом Ухта—Торжок. Правильно?

— Владимир Алексеевич, вы про меня знаете всё, — развел руками Александр.

— Служба обязывает. Так вот, работали вы там с ээками и чуть было сами не загремели за решетку. Припоминаете? Впрочем, я могу напомнить. Вы избili гражданина другой страны, который прибыл туда по контракту. Правда, у него не было свидетелей и он не смог это доказать. Было такое?

Погудин спокойно посмотрел в глаза следователю Скопину.

— Владимир Алексеевич, к чему этот спектакль? Даже если я и признаю, срок давности уже истек. Давайте ближе к делу.

— Ближе к делу? Успеем, товарищ Погудин, успеем.

Но Александр его опередил:

— Послушайте, в связи с чем этот допрос? Если вы мне не объясните, я не стану отвечать ни на какие вопросы.

— Это не допрос, а всего-навсего беседа. Пока — беседа, — Скопин бросил шариковую ручку на бланк протокола.

— Мне непонятны мотивы этой беседы. И, кстати, для чего здесь присутствие следователя Московской прокуратуры?

— Скоро поймете, Александр Юрьевич. И в ваших интересах быть с нами положее...

Высокий худошавый мужчина, сидящий напротив Погудина, пошевелился, закинул ногу на ногу и наконец подал голос:

— Почему вы уехали на Север?

Погудин услышал в этом вопросе скрытую многозначительность, показавшуюся ему искусственной.

— От несчастной любви, — прищурившись, с нескрываемым сарказмом ответил он.

— Неужели? А вот у нас на этот счет другая информация, — вновь загадочно проговорил человек, назвавшийся следователем Зверевым.

— Очень интересно, — усмехнулся Погудин. — Какая же?

Мужчина в сером костюме искоса взглянул на Скопина, и тот мгновенно отреагировал:

— А информация такова: вам тайным путем из-за границы была переправлена литература националистического и фашистского толка. Сотрудники госбезопасности за вами следили и даже произвели в ваше отсутствие обыск в коммунальной квартире, где вы жили. И кое-что нашли. Но вы, как говорится, моментально слиняли, и вас на какое-то время потеряли из виду. Даже там, на Севере, вы подолгу не находились на одном месте. Я правильно передаю суть?

— То, о чем вы говорите, возможно, имело место, — хитро улыбаясь, ответил Погудин, — но главной причиной моих северных скитаний была все же несчастная любовь...

— А вы везунчик, — протянул тихим голосом худощавый мужчина, доставая из кармана пиджака распечатанную пачку сигарет «Парламент» и кладя ее на стол рядом с собой, — словно кто-то вас оберегает...

— Это как сказать, — прежним тоном продолжил Погудин, — вот, например, в любви мне ужасно не везет...

Следователь Скопин привстал со стула и, потянувшись рукой к стене, выдернул из радиорозетки шнур динамика.

— Александр Юрьевич, — хмуро проговорил он, — а на вас ведь висит убийство...

С губ Погудина сошла саркастическая усмешка, и он, ничего не говоря, посмотрел исподлобья в бледно-голубые глаза следователя Скопина.

В комнате образовалась долгая тишина.

Наконец молодой следователь окружной прокуратуры сказал:

— Александр Юрьевич, мы действительно про вас знаем всё. Знаем, что вы защищали беременную жену от напавших на вас грабителей, и что один из них в результате полученных травм скончался. Хотя дело это было быстро закрыто. Не так ли?

Самообладание не изменило Погудину. Он постучал пальцами по полированному столу следователя Скопина и, не торопясь, заговорил:

— У эков это называется «брать на понт». Но у меня крепкие нервы, граждане начальники. Никакое убийство на мне никогда не висело. Вам только кажется, будто вы что-то знаете обо мне. На самом же деле вам не известно в буквальном смысле н и ч е г о. Информация ваша слиш-

ком поверхностна. Если очень интересно, могу объяснить, — Александр еще раз обвел взглядом голые стены комнаты. — Кстати, где вы прячете записывающую аппаратуру? Я хотел бы повернуться к ней лицом, чтобы лучше записалось.

— Не ерничайте, Погудин, — прервал его Скопин. — Если есть что сказать — говорите.

— Ну так слушайте и запоминайте, — Александр потер двумя пальцами лоб, снял очки и зажал их в ладони. — На нас с женой девять лет назад действительно поздно вечером напали двое грабителей, когда мы возвращались из гостей. Между прочим, я получил ножевое ранение, а у беременной жены была перебита переносица. Одного из нападавших я крепко отметелил, сам не знаю, откуда силы взялись. Другой сбежал. Но оба они остались живы, может, к сожалению. Во-первых, я защищал жизнь жены и своего будущего ребенка, а во-вторых, не надо мне шить мокрое дело, этот номер у вас не пройдет. Поехали дальше. Если книги Ивана Ильина вы называете фашистскими, то я могу только посочувствовать вашим родителям и школьным учителям. Да, правильно, я дал по роже наглому болгарину, когда работал на Севере, за то, что он домогался одной моей хорошей знакомой... А с капитаном Мироновым я поговорил по душам за его постоянные оскорбления. И командир части перевел его служить в другой дивизион. Вот и всё. Что еще вам неясно в моей биографии?

— Измените тон, Погудин. Мы вообще-то имеем право задержать вас на трое суток, — предупредил молодой следователь, что-то быстро записывая в протокол.

— За что?

— Как называется ваша боевая организация? — уставясь на Погудина неморгающими острыми глазами, сурово спросил худощавый мужчина.

Погудин неторопливо надел очки. «Ну вот они и прорезались», — успел подумать он.

— Отвечайте быстро. Сколько в нее входит человек? Фамилии членов организации? Где храните оружие?

Погудин смерил взглядом самоуверенного сыщика в сером костюме. «По-моему, мужички слишком торопятся. Что-то здесь не так...» — оценил он для себя ситуацию.

— Вам как, письменно изложить или на слово поверите?

— Мы за вами сами запишем, — самодовольно уточнил худощавый мужчина.

— Ну что ж, записывайте, — Александр сделал паузу, наблюдая за напряженными лицами двух следователей. — Единственная организация, в которой я состою, называется Союз писателей России. В нее входят пять тысяч человек. Адреса членов указаны...

— Стоп! — чуть ли не крикнул следователь Скопин, вновь бросив ручку на стол. — Вы тут нам дурочку не гоните! Вам был ясно задан вопрос о боевой организации. У нас имеется запись вашего разговора...

— Владимир Алексеевич, секундочку, — приподняв палец, прервал его представитель Московской прокуратуры. — Как мне кажется, господин Погудин не понимает: то, о чем мы его спрашиваем, более чем серьезно. На основании указа президента о борьбе с экстремистскими организациями возбуждено уголовное дело...

— Покажите мне его, — тут же отреагировал Погудин.

— Что, указ президента?

— Постановление о возбуждении уголовного дела.

— Обязательно покажем. Когда сочтем нужным. Вот здесь, — худощавый мужчина указал рукой на закрытую тонкую папку, лежащую на столе перед следователем Скопиным, — имеется всё, чтобы довести дело до суда. Правда, если раскаетесь и укажете фамилии членов боевой организации, это будет принято нами во внимание... И дело дальше прокуратуры не пойдет...

— Немного же вы смогли накопать, — спокойно ответил Погудин. — А запись чьих-либо разговоров, вы это лучше меня знаете, к уголовному делу не пришьешь... Закон не позволяет.

Следователь Скопин угрюмо молчал с опущенными глазами.

Худощавый мужчина взял со стола пачку «Парламента», ударом большого пальца выбил из нее сигарету.

— Курите?

Погудин отрицательно покачал головой, почувствовав как спало общее напряжение. Сигаретный дым также успокоительно подействовал на нервы.

— Александр Юрьевич, — вновь заговорил мужчина в сером костюме, — ответьте мне, пожалуйста, за что вы не любите евреев?

Погудин внутренне усмехнулся. «Так. Приехали, — сам себе беззвучно сказал он, — с этого и надо было начинать...»

— Придется ответить вопросом на вопрос: а за что мне их любить?

— Ну, как же, образованная, умная нация, среди них много писателей, ваших коллег.. А вы с ними воюете...

— С чего вы взяли? Я с ними не воюю. А не люблю я в основном политических евреев, которые рвутся во власть, а потом всех вокруг грабят. Кто ж будет это отрицать: еврейская власть ограбила всю Россию. К тому же на евреях лежит грех христоубийства. Грех, не снятый с них Православной Церковью. А скажите мне, последнего русского царя кто убил вместе со всей его семьей? И кто после семнадцатого года уничтожил миллионы русских людей? Опять же — еврейско-большевистская власть во главе с Троцким и Лениным. За что же нам их любить?

— Ну, а как быть, например, с Эйнштейном? Он-то в чем виноват?

— Да, это точно, он ни в чем не виноват, даже в теории относительности...

Худощавый мужчина глубоко вздохнул, примяв сигарету в пепельнице.

— Эх-хе-хе... Вы — неисправимый антисемит. Нам еще придется с вами пообщаться. На сегодня, я думаю, достаточно.

Следователь Скопин пододвинул Погудину паспорт.

— Вы пока свободны. Но имейте в виду, по вашему делу мы можем вас вызвать в любой момент.

— Вы тоже имейте в виду, — серьезно произнес Погудин, направляясь к выходу, — в следующий раз я приду с адвокатом.

У подъезда прокуратуры ему бросилась в глаза знакомая темно-синяя «Хонда», за рулем которой сидел бородатый толстомордый иудей весь в черном...

В комнате Скопина зазвонил внутренний телефон.

— Да, Гелий Миронович, закончили, — подтвердил молодой следователь. — Именно так, косвенно Погудин кое-что признал, но только косвенно. Он не простой фрукт, его голыми руками не возьмешь... Да, конечно, будем дальше работать. Хорошо. Понял. Передам, — опустив трубку, он обратился к худощавому мужчине в сером костюме: — Шеф просит вас подняться к нему.

Прокурор Восточного округа Москвы Гелий Миронович Алешечкин предложил сесть в мягкое кресло высокому человеку, названному следователем Московской город-

ской прокуратуры. На стене просторного уютного кабинета негромко жужжал большой поворачивающийся вентилятор, приятно обдувая присутствующих прохладной струей воздуха. Прокурор развернулся в крутящемся кресле к щуплому рыжебородому гостю в круглых очках, сидящему слева от него в самом углу кабинета.

— Яков Исаакович, вот это и есть тот самый человек, о котором мы с вами договаривались. Все формальности соблюдены. Документы на него оформлены. Теперь он именуется Леонидом Михайловичем Зверевым. Передаю его под ваше руководство.

— Ну что ж, спасибо, — поблагодарил окружного прокурора рыжебородый гость. Затем, помолчав немного, обратился к худощавому мужчине в сером костюме: — Сколько на вашем счету мокрых дел? С нами можете быть откровенным.

— На моем лично — четыре. И два в группе.

— Итого шесть. Хорошая цифра. Меня она устраивает, — рыжебородый гость снова полминуты помолчал, потом продолжил: — Теперь главное. Всё, что я скажу, для вас — закон. Забудьте о своем прошлом, вам придется влезть в чужую шкуру и жить другой жизнью. Отныне будете контролировать каждый шаг, потому что мы тоже будем вас контролировать. Привыкайте к новой роли. Все прежние связи — оборвать, жить придется по нашим указаниям.

Худощавый мужчина слушал, плотно сжав тонкие губы и неподвижно глядя перед собой.

— Яков Исаакович, — вновь заговорил прокурор Алешечкин, — мы уже провели с Леонидом Михайловичем подробный инструктаж, он в курсе всех дел и готов четко выполнять наши условия.

— Что ж, прекрасно. Мне нравится ваше лицо, господин Зверев, я вижу в нем железную волю... Родители живы?

— Жива мать, — прозвучал тихий ответ, — но она от меня отказалась. Отец давно умер.

— Кто они по крови?

— Мать — русская, отец — еврей.

— Так-так, изгой, значит... Неполноценный... Тем лучше. Надежней будете... Как фамилия отца?

— Карпинский.

— Знавал я одного дантиста Карпинского, классный был мастер... Братья, сестры есть?

— Нет.
— Жена, дети?
— Не заводил.
— Хорошо... Где учились?
— В Бауманском. На пятом курсе посадили за фарцовку.
— Неплохо. Образованных нам не хватает... Слушайте дальше. С женщинами серьезных связей не заводите. Вы меня поняли? С проституткой — можно, но не более одного контакта. С деньгами у вас проблем не будет. И не иметь ни с кем дружеских отношений. Как можно меньше общения с людьми. Такова плата за свободу и за жизнь. С жильем, надеюсь, вопрос решен? — он повернул голову в сторону прокурора.

— Да, не беспокойтесь, — поспешно ответил тот.

— И с вашим тоже?

— Конечно, конечно, Яков Исаакович, всё в лучшем виде. Мы вам бесконечно благодарны, — подобострастным масляным голосом заблеял Гелий Миронович Алешечкин.

Рыжебородый поднял ладонь, останавливая прокурорские излияния.

— Благодарностей мне не надо. Мне нужно дело. А оно касается вас обоих. Установите слежку за квартирой Погудина. Желательно побывать у него дома и поставить прослушку. Нам надо знать, с кем он общается, с кем говорит по телефону, кто к нему приходит. И продолжайте собирать на него компромат. Копайте, копайте, Гелий Миронович. Кстати, допрос велся недостаточно профессионально. Этот ваш Скопин, кажется, еще не понял, чего от него требуется. А вы, Леонид Михайлович, беседовали с Погудинным резковато, не как следователь вышестоящей прокуратуры, он мог засомневаться насчет вас. Попробуйте расположить его к себе, скажите, что он вам как человек импонирует, но вот служба заставляет быть строгим, расслабьте его, вызовите на откровенность. Вы же опытный человек, не мне вас учить.

Мужчина в сером костюме ослабил узел галстука и протер ладонью лоб.

— Я понял, Яков Исаакович. Не сомневайтесь, из моих рук он уже не вырвется. Мне эта игра самому начинает нравиться.

— И последнее. Можете нам верить, мы своих сотрудников бережем и не устрояем. Когда получите главный

приказ, надо его выполнить немедленно. Запомните, вы будете нужны для других дел. Вопросы есть?

— Вопросов нет, — вставая с мягкого кресла, отчеканил приговоренный к пожизненному заключению.

Следователь Скопин сидел, облокотившись на стол и сжав голову руками. Он все слышал. Им самим сутки назад в кабинете прокурора был поставлен жучок прослушки. Попросил его об этом знакомый фээсбэшник, объяснив, что шеф неблагонадежен, что за ним тянется шлейф грязных делишек и что пребывать в прокурорском кресле ему осталось недолго. Многие мог представить себе молодой следователь, но такое!.. «Время, конечно, ужасно подлое, — соображал он, — все кругом продаются, все кому-то служат, но есть же предел мерзости... Шесть убийств... Мама родная!.. И его вербуют на службу! И кто? Прокурор! Ну нет...»

Он понимал: с этими людьми надо быть сверхбдительным, раздавят не моргнув. Если уж убийцу делают следователем... Он включил компьютер, вошел в программу поиска исчезнувших людей и ввел имя Леонида Михайловича Зверева. Пока компьютер настраивался на заданную команду, Скопину вспомнилось ясное, спокойное лицо допрашиваемого «писателя», как с насмешкой называл Погудина прокурор Алешечкин. Провокационность этого «дела» была неприятна Скопину с самого начала, когда шеф еще только давал указание отыскать и раскрутить криминал в биографии «русского фашиста», чтобы постоянно держать его на крючке. Но папка с «компрометирующими документами» была явной липой, Скопин это понял сразу, хотя и не признавался шефу. Но только сейчас до него дошло, в какую грязную, в какую отвратительную игру втягивали его эти страшные люди. «Какой-то еще Яков Исаакович там присутствовал... Что за чертовщина?..»

Никакого уголовного дела «писателя-экстремиста» на самом деле не существовало. Погудин, казалось поначалу Скопину, просто попал в чью-то разработку за излишнюю болтливость, как попадают под колпак многие слишком говорливые интеллигенты, пока не соглашаются работать на службу безопасности.

Между тем компьютер дал ответ на запрос: некий Леонид Михайлович Зверев, 1962 года рождения, поменял

гражданство и эмигрировал в США... Скопин тут же отстучал на клавишах фамилию «Карпинский». Через минуту на экране появились три имеющихся в банке данных расшифровки этих фамилий, проходящих по картотеке МВД. Одна из расшифровок явно отвечала ожиданию молодого следователя: Карпинский Михаил Леонидович, 1963 года рождения, три судимости, разбой, вооруженное ограбление магазина, убийство милиционера. Приговорен к расстрелу. Приговор заменен на пожизненное заключение. «Так вот ты кто такой, Леонид Михайлович, старший следователь Московской прокуратуры... Хорош гусь...»

Скопин хотел было связаться по телефону с отделом кадров этой вышестоящей организации, но вовремя остановился. «Отсюда звонить нельзя, — сообразил он, — лучше самому туда съездить. Да и Погудина срочно надо предупредить. Интересно, отчего они вцепились в него мертвой хваткой? — продолжал размышлять Скопин. — Чем он для них опасен? И что это за туфта с «боевой организацией»? — он отключил компьютер и положил в сейф папку с «делом» Погудина. — Но ведь его действительно хотят убрать...»

Поздним вечером Скопин позвонил из автомата Погудину и попросил о срочной, не терпящей отлагательства встрече, но только не в стенах прокуратуры. «Это крайне важно для вас», — сказал молодой следователь. Договорились на завтрашний день. Александр предложил буфет Центрального Дома литераторов на Большой Никитской, однако сразу предупредил, что с ним будут двое надежных товарищей, которым он доверяет. Скопин не стал возражать.

Глава четвертая

В летнее время Центральный Дом литераторов по причине «мертвого» сезона бывал пуст. Нижний полуподвальный буфет, отданный еврейской администрацией ЦДЛ в качестве резервации влачащим полуниченское существование русским литераторам, функционировал лишь до шести часов вечера. В то время как «Пестрый зал», веранда и знаменитый «Дубовый зал», в прежние годы заполнявшиеся до отказа писательской и околослитературной публи-

кой и превращенные ныне в ресторан под названием «Записки охотника», круглосуточно обслуживали «новых русских» по таким ценам, какие ни одному нормальному писателю не позволяли даже ради любопытства сунуть туда свой нос. Но летом клиенты «Записок охотника» душевной Москве предпочитали Средиземноморское, Адриатическое или на худой конец Черноморское побережье. И потому, повторюсь, ЦДЛ в эти месяцы бывал практически пуст.

На Большую Никитскую Погудин приехал раньше договоренного часа, чтобы сначала пообщаться с Николаем и Андреем, которых он также позвал в ЦДЛ. Он сел за круглый стол в дальнем углу нижнего буфета, взяв себе чашку кофе. В другом углу он увидел двух знакомых пьяненьких прозаиков, о чем-то громко спорящих и заодно допивающих без закуски принесенную с собой «дешевую» бутылку водки.

— Саня, иди к нам, мы тебя угостим! — обрадованно крикнул один из них, имевший странную фамилию Чарута.

Погудин нехотя отозвался:

— Не сейчас, мужики, попозже, я жду товарищей.

— Попозже водка кончится, да и нас отсюда выгонят, — сурово отреагировал собутыльник Чаруты — детский писатель Анатолий Кузькин.

— Ты не прав, Толя, водка никогда не кончается, — возразил ему Александр, — кончаются только деньги...

— Саня, а у нас они уже кончились, — широко улыбаясь беззубым ртом, объявил ему Чарута. — Так что у тебя есть возможность выпить с нами и взять еще.

— Витя, я же сказал — попозже, сейчас не могу.

— Ну, как знаешь, — не переставая улыбаться, успокоился Виктор Чарута.

В дверях буфета появились Николай и Андрей и, заметив Погудина, направились в его сторону.

Поздоровавшись, Александр сразу начал негромко говорить о деле:

— События нарастают стремительно. Только вчера мне устроили допрос в прокуратуре, а сегодня у нас уже будет беседа с тем самым следователем. Честно говоря, я так и не понял, что ему нужно.

— А это, случайно, не провокация? — заметил Николай, выкладывая на стол сигареты и зажигалку.

— Непохоже. Он готов был встретиться где угодно, только не в прокуратуре. Мне его поведение показалось странным еще во время допроса.

— Люся! — крикнул заметно охмелевший прозаик Чарута стоящей за стойкой буфетчице. — Ты сегодня до скольки?

— В шесть погашу свет, — недовольным тоном ответила Люся, полная блондинка лет сорока.

— У нас больше часа в запасе, — звучным басом глубокомысленно объявил на весь буфет детский писатель Кузькин.

Чарута встал из-за стола. Пошатываясь и с грохотом раздвигая попадавшие на пути стулья, он устремился в противоположный угол, туда, где сидел с товарищами Погудин. Подойдя, он с сияющей добродушной улыбкой извинился за свой шумный визит. После чего заговорил о главном:

— Саня, дай до завтра полтинник, я pošлю гонца за пузырем в магазин, а?

— Витя, может, тебе хватит на сегодня?

— Думаешь?..

— Думаю, да.

— Нет, Саня, не хватит. У меня сегодня хорошее настроение, я с внучкой встречался... До завтра, Саня. Ты меня знаешь, я отвечаю...

Погудину не хотелось тратить время на перепалку с пьяным Чарутой. Он вынул из «дипломата» портмоне, достал пятидесятирублевую купюру и протянул назойливому просителю.

— Спасибо, Саня, завтра приходи, отдам.

Чарута с таким же шумом вернулся в свой угол и передал деньги детскому писателю. Тот молнией выскочил из буфета.

— Многолетняя достопримечательность ЩДЛ, — пояснил Александр. — Виктор Чарута, прозаик и поэт, человек-легенда. Ни одна пьянка здесь без него не обходится. Но талантлив, стервец. Сегодня, похоже, опять свалится под стол.

— И как только здоровье позволяет? — удрученно откликнулся Николай. — Сколько ему уже?

— За шестьдесят. Да и другому тоже. Но это народ закаленный.

Чарута откинулся на спинку стула и, свесив голову на грудь, тут же отключился от происходящего.

Рядом с буфетчицей неожиданно выросла приземистосутулая фигура директора ресторана Геннадия Аркадьевича Прошечкина. Он придвинулся вплотную к Люсе и чуть слышно заговорил:

— Люция Наумовна, вон, видишь того, в очках, что в углу лицом к нам сидит?

— Да знаю я его. А что? — буфетчица включила музыкальную аппаратуру.

— Если будет он или кто из их компании брать водку в розлив, нальешь из этой бутылки, — он поставил на нижнюю, пустую полку бара распечатанную бутылку водки с наклейкой «Праздничная».

— А что там?

— Люся, я тебе достаточно плачу, чтобы ты не задавала лишних вопросов. Всё поняла?

— Поняла, поняла. Хоть не помрут они?

— Не волнуйся, не помрут. Но мне нужен тот, в очках, Погудин его фамилия.

— Да знаю я...

— Ну так действуй, раз знаешь.

— Он же не один.

— Ничего. Отключится — мы его увезем в больницу. А там он будет наш., — сказав это, директор ресторана вышел из-за стойки бара и быстрым шагом, глядя себе под ноги, покинул зал буфета.

Александр проводил взглядом короткую, согнутую фигуру Геннадия Аркадьевича.

— Вот еще один бес неугомонный, — кивнул он ему вслед. — Что будем пить? Кофе, чай?

— Давайте кофейку, — предложил Андрей. — Вам помочь?

— Не надо. Я сам.

Погудин подошел к стойке.

— С праздничком! — обрадовалась ему пышнотелая и довольно смазливая для своих сорока лет буфетчица Люся.

— С каким? — не понял он.

— Как же, с Троицей.

«Вот те на! — подумал Погудин. — Я и вправду со своими делами про всё забыл... Но чего эта евреечка передо мной хвостом виляет?..»

— Спасибо. Закрутился я... Вас тоже — с православной Троицей.

— Может, «Праздничной»? Грамм по сто? — предложила, лукаво играя глазами, Люся.

— Чуть позже, — разочаровал ее Александр. — Пока три кофе, с сахаром.

Когда Погудин принес кофе за стол, Андрей показывал Николаю какую-то фотографию.

— Похож?

— Да, он самый... — Николай отвернул в сторону лицо и плотно сжал губы.

— Что это? — заинтересованно спросил Александр, расставляя чашки.

Андрей положил перед Погудиным нечеткую, затемненную фотографию какого-то длинноносого субъекта в круглых очках и с редкой бородкой на фоне размытого жилого здания.

— Нам с Сергеем все же удалось его выследить и заснять. Догадываетесь? Хотя «Кодак» неважнецкая камера.

Погудин вскинул глаза на Андрея и тут же нетерпеливо толкнул Николая в плечо.

— Неужели? Это он?

— Он, он, черт поганый... — Николай вновь отвернулся, выпустив длинную струю сигаретного дыма.

— Неприятная рожа, — задумчиво сказал Погудин, беря со стола фотографию и передавая ее Андрею. — Что-то в ней крысиное... Где ж вы его отловили?

— О, это целая история, — загадочно произнес Андрей, запихивая фотографию в нагрудный карман рубашки. — Пришлось попотеть, — он размешал в чашке сахар и сделал осторожный глоток горячего кофе. — Сергей узнал ту самую безномерную «Хонду», когда мы с ним ехали по вашему заданию. Пришлось проколесить за ней пол-Москвы, пока она не остановилась возле... Где б вы думали? — Андрей интригуяще посмотрел на обоих собеседников.

— Не томи, — подстегнул его Погудин.

— Возле того самого знакомого нам дома...

— Какого дома? — настороженно отозвался Николай.

— Где находится тот злополучный подвал.., — без напряжения в голосе ответил Андрей.

— Да ты что? — поразился Погудин. — Не может быть...

— Вот и я так себе сказал, когда их «Хонда» остановилась, и из задней двери вышел этот урод с козлиной боро-

денкой. Тут-то я и поймал его в объектив. И куда, вы думаете, он направился? Сказать или сами сообразите?

Погудин положил на стол очки и с молчаливой озабоченностью уставился на Андрея. Николай, ничего не говоря, нервно курил.

— Выходит, этот подвал не только для Сохатого., — размышляя, проговорил Александр.

— Что же теперь-то делает там козлородый? — стряхивая пепел, с опущенными глазами тихо произнес Николай.

— Вот-вот., — Андрей еще немного отпил из чашки. — В том и загвоздка. Там действительно что-то происходит... Как вспомню этот мерзкий подвал — аж мурашки по коже...

— Ну ладно, теперь хотя бы знаем, где его искать, — заключил Погудин. — Это тоже положительный результат. Но вот что удивительно: машина ездит по Москве без номеров — и никто ее не останавливает... Какая-то загадка...

Следователь Скопин, как договорились, спустился в буфет ровно в пять часов вечера. Он сразу же узнал Погудина и твердой походкой подошел к их столу. Был он, как и прежде, в белой рубашке с засученными рукавами. Под мышкой он держал коричневую кожаную папку. Поздоровавшись со всеми за руку, Скопин присел на свободный стул и без раздумья спросил уверенным негромким голосом:

— Александр Юрьевич, я могу быть предельно откровенным?

— Да, конечно, — так же негромко и твердо сказал Погудин, — это надежные люди, мои друзья. Вам чего-нибудь взять? Кофе, чаю, водки?

— Нет, спасибо, пока ничего не надо, — следователь положил папку на колени и остановил взгляд на руках Погудина, теребящих пластмассовую чайную ложку. — Александр Юрьевич, отнеситесь к моим словам с полным доверием. Над вами нависла серьезная опасность. Вас хотят физически устранить.

Синие глаза следователя встретились со спокойным, недоверчивым взглядом Александра.

— Кто и каким образом? — Погудин слегка усмехнулся.

— Помните некоего Зверева Леонида Михайловича из Московской прокуратуры?

— Еще бы...

— На самом деле, Александр Юрьевич, он — киллер, вытасненный из заключения... По нашим каналам я выяснил это уже после вашего допроса. В отделе кадров Московской прокуратуры такой вообще не значится. Настоящее имя его Михаил Леонидович. Это называется — вывернулся наизнанку. Фамилия — Карпинский. На нем — шесть убийств.

— Ого! — воскликнул Андрей. — Шесть убийств — это же «вышка»!.. Дорого они за вас платят, Александр Юрьевич.

— Теперь нет «вышки». Пожизненное заключение, — уточнил Скопин и добавил, пожав плечами: — Надо же так глупо поменять имя-отчество...

— Интересно.., — Погудин покачался на стуле. — Вроде бы интеллигентный человек...

— Именно такого и искали. Учился в Бауманском. А вытащили его исключительно ради вас.

Андрей присвистнул, потом спросил:

— Чего они так боятся?

— Это я хотел у вас узнать, Александр Юрьевич, — озабоченно сказал Скопин. — В чем тут дело? И что это еще за история с боевой организацией? Я спрашиваю не как следователь, а как человек человека.

Николай молча курил, искоса поглядывая на следователя и на коричневую тонкую папку, лежащую у того на коленях.

— Владимир Алексеевич, к этому мы подойдем, — заверил следователя Погудин. — Но вот все мы говорим — «они». А кто «они»? Кто вытащил этого Зверева или как там его, Карпинского, из тюрьмы? Вы знаете? Можете сказать?

— Да, Александр Юрьевич, могу. Мой шеф, прокурор нашего с вами муниципального округа. Но у него есть заказчик.

Скопин умолк.

— Кто? — глядя в упор на следователя, задал вопрос Погудин.

— Его имя вам ничего не даст. А кто он и что он — мне и самому толком не известно.

— И все-таки имя?

— Хорошо. Какой-то Яков Исаакович...

— Тьфу, черт!.. — Николай сплюнул и нецензурно выругался. — И сюда он добрался...

— Теперь все ясно, — с улыбкой выдохнул Погудин.

— Вы его лично видели? — обратился к следователю Андрей.

— Мельком. Встретились с ним на лестнице в прокуратуре в тот самый день, перед допросом. Неприятный тип.

— Этот? — Андрей достал из кармана рубашки фотографию и протянул следователю. — Качество неважное, но различить можно.

— Да, кажется, похож. Вы знаете его? — Скопин неподдельно удивился.

— К несчастью, пришлось столкнуться, — ответил Погудин.

— Честно говоря, я ничего не понимаю. Может, вы мне все-таки скажете? Что происходит, Александр Юрьевич? — следователь обвел вопросительным взглядом сидящих напротив него мужчин.

— Что происходит — спрашиваете? — Погудин надел очки, увидев вбежавшего в зал буфета детского писателя Кузькина с оттопыренным карманом брюк. — Это давно происходит. Жаль только, что вы раньше этого не замечали. Сколько вам лет?

— Двадцать пять.

— В мои двадцать пять я уже кое-что соображал...

— Так что же? Растолкуйте неграмотному.

— Война с Россией, дорогой Владимир Алексеевич. Смертельная война, сами видите... Но как вы всё раз узнали — и о своем шефе, и о заказчике? — спросил следователя Погудин, хитро прищурившись.

Тот обернулся на шум в противоположном углу буфета, затем, подумав немного, ответил:

— Зачем вам наши оперативные секреты? Я пришел спасти вас, поверьте мне.

— Я верю, Владимир Алексеевич, искренне верю. И очень вам благодарен за ваш порыв. Это, наверное, не просто было... Хотелось бы, чтобы мы подружились.

— Вы даже не подозреваете, господи, насколько всё вокруг прослушивается и отслеживается. Даже у меня на службе... Кстати, вы правильно догадались, Александр Юрьевич, они слушали нашу с вами беседу из кабинета прокурора — Гелия Мироновича Алешечкина, жуткого проходимца.

— Ну и замечательные же у них имена, однако, — присовокупил Андрей. — Гелий Миронович... Звучит как песня...

— Между прочим, его песенка спета, — уточнил Скопин. — Думаю, скоро он окажется в наручниках. Совсем зарвался в своей жадности. Я знал о его делишках. Но случай с этим Зверевым-Карпинским меня окончательно добил. Давайте решать, Александр Юрьевич, что будем делать. Тут ведь не только ваша жизнь в опасности. Убийца гуляет на свободе с документами следователя прокуратуры — вот что ужасно. Он имеет задание войти к вам в доверие, будет звонить, искать встречи, придет в гости... Насколько я понял, вас хотят не просто физически устранить, а для начала запугать, уничтожить морально или, к примеру, похитить...

— Секунду, — остановил следователя Николай, — может, нам самим его устранить?

— Не заблуждайтесь, — сурово отозвался Скопин, — это жестокий и хитрый рецидивист. Такие, как он, опасность чувствуют за версту. К тому же он наверняка вооружен. Александр Юрьевич, когда он снова объявится, сделайте вид, что вы ему доверяете. Разоружите его своей открытостью и откровением. А потом надо будет его куда-то заманить и на время изолировать. В моих планах устроить ему очную ставку с Гелием Мироновичем... Хочу посмотреть, как будет вертеться эта прокурорская гнида.

В другом углу буфета раздался звон разбитого стакана, свалившегося на пол. Писатель Чарута пытался ногой отшвырнуть из-под стола осколки, одновременно стряхивая с колен вылившуюся на брюки водку.

— Ишак карабахский! — поносил его детский прозаик Кузькин. — Чего клешнями размахался! Последнюю водку разлил! Я тебе больше не налью, так и знай!

— Сам ты ишак карабахский, — непринужденно ответил Чарута, — и дети твои ишаки.

— Я эту водку тебе в рожу выплесну, — припугнул его детский прозаик, держа на уровне рта наполовину наполненный стакан.

— Ну, давай, давай, выплесни! — подзуживал Кузькина вдрызг пьяный Чарута. — Я тебя в гробу видал!

Из-за стойки бара выскочила буфетчица Люся и, встав посреди зала, обрушилась на них зычной бранью:

— Тихо тут! Алкаши вшивые! Мало что со своей водкой таскаются, так еще хулиганят и посуду бьют! А ну, вымётайтесь, пьянчуги голодраные, пока охрану не позвала!

— Люся, ты на нас не ори, — возмутился Чарута. — Мы у себя в доме сидим, я писатель и пью на свои.

— Видела я, на чьи ты пьешь, — немного утихомирилась Люся, — алкаш несчастный. Чтоб через пять минут духу твоего не было, писатель хренов.

Тем временем детский прозаик Кузькин демонстративно допил свой стакан, чем ввел в некоторое замешательство на мгновение застывшего Чаруту, встал и, не говоря ни слова, вышел из буфета.

— Чурка неумытая! — бросил ему вслед насупившийся и отваливший нижнюю губу писатель Чарута, расставаясь с надеждой на часть водки в стакане Кузькина.

— И часто здесь так? — поинтересовался молодой следователь.

— Бывает. И нередко, — чуть не смеясь, разъяснил Погудин. — Хорошо — до драки не дошло, а то бы разнимать пришлось.

— Но эта секс-бомба лихо их отделала, — удовлетворенно заключил Андрей.

— Как же, хозяйка, — уточнил Александр, — Люция Наумовна...

Чарута уже спал, уронив голову на стол.

— Так вот, ближе к делу, Александр Юрьевич, — продолжал наставлять следователь Скопин. — Всякий раз, когда он будет навязывать вам общение, сразу же сообщайте мне. При малейшей опасности — тоже. Я оставлю вам номер своего сотового телефона, звоните в любое время. Кличка у него будет Зверь. И никакой самодеятельности, очень вас прошу. Займусь им лично я.

— Хорошо, Владимир Алексеевич, договорились, — заверил Скопина Погудин.

— И вот еще что, — следователь переложил кожаную папку с колен на стол, расстегнул молнию и достал несколько скрепленных страниц. — Я снял копии каких-то непонятных документов, пришедших к нам в прокуратуру по факсу из города Владимира. Они касаются вас. Почему из Владимира? — не могу понять. Кто-то там упорно под вас копает. Изучите дома, потом поговорим. Уж больно информация какая-то странная...

Погудин, приподняв брови, принял из рук следователя копии владимирских подметных документов, положил их в свой «дипломат» и в порыве благодарного чувства крепко пожал руку Скопина. После чего обратился к нему с вопросом:

— Владимир Алексеевич, вы случайно не могли бы выяснить по своим каналам, чей это телефон? — он записал на салфетке семь цифр.

Скопин недоуменно посмотрел на Погудина.

— Не понял. Вы шутите?

— В каком смысле? — так же непонимающе спросил Погудин.

— Вы записали номер телефона моего шефа, — следовательно Скопин продолжал пристально смотреть Александру в глаза.

— Ишь ты, занятненько..., — удивленно протянул Погудин. — И тут мы разобрались. Не хватает им хитрости... Мне звонили с этого номера.

— Когда?

— Три дня назад. Вызвали на встречу, а сами не появились. Похоже, проверяли.

— Вот видите, — Скопин, нахмурясь, опустил глаза. — Кабинет шефа они используют в открытую...

— Тем лучше, — спокойно сказал Александр. — Наглость работает против них.

— А теперь, может, перейдем к вашей боевой организации, Александр Юрьевич? Объясните, в конце концов. С чего это взялось?

— Хорошо, Владимир Алексеевич, объясню. Но пока не закрыли буфет, давайте я чего-нибудь закажу. Хотите рюмку коньяка?

— Нет, не надо, я за рулем. Если можно, стакан соку.

— Я бы еще кофе повторил, — попросил Андрей.

— Пойду возьму сто грамм водки, — угрюмо и как-то отрешенно подал голос Николай.

— Сидите, я все сам сделаю.

Погудин подошел к стойке и посмотрел на часы. До закрытия оставалось пятнадцать минут.

Люся быстро исполнила заказ и даже помогла Погудину отнести на стол кофе и сок.

Он сел на свое место, опустил кусок сахара в чашку с кофе и, медленно помешивая пластмассовой ложкой темный пахуче дымящийся напиток, тихо заговорил:

— Никакой боевой организации, в том смысле как вы ее понимаете, конечно же, нет. Я человек сугубо верующий. И друзья мои тоже. Мы верим в Христа. Мы православные люди. Может, вам странно такое слышать, Владимир Алексеевич, вы еще достаточно молоды, но постарайтесь

меня понять. В России идет война. Весь мир сейчас против нас. Она и только она, Россия, стала настоящим полем битвы за человеческие души. А битва идет между Богом и дьяволом. Мир погряз в алчности и корысти. Справедливость и доброта уже давно никого не волнуют. Главным в мире стали деньги, через них дьявол управляет миром и закабаляет, присваивает, то есть убивает души людей. Но дьявол — не отвлеченная сила, он реален, он рядом, куда ни глянь. Мы на каждом шагу сталкиваемся с его бесовским воинством. То это директор ресторана Геннадий Аркадьевич, то прокурор Гелий Миронович, то диктор телевидения Николай Карлович, то редактор газеты Виталий Товиеневич, то адвокат Генри Маркович, а то и буфетчица... Впрочем, имя им — легион. Их Достоевский хорошо показал. Не мы виноваты в том, что иудеи, судя по Библии, заключили с дьяволом договор против Бога. Израиль — значит богоборец. Кстати, этим именем стал прозываться конкретный библейский персонаж, которого прежде звали Иаковом, сыном Исаака... Не зря Христос называл их детьми дьявола, семенем сатанинским, порождением ехидниным, за что они Его, Сына Божьего, и распяли. Только за это распяли, за то, что Он сказал про них правду. Но Он и пришел на землю затем, чтобы открыть нам глаза, зная заранее, что претерпит муки от их рук. Россия — последнее прибежище Бога на земле. Живет Он в человеческих душах, в живых человеческих душах, не продавшихся золотому тельцу. Неправославный мир лежит у ног дьявола, весь опоясан кольцами Змия. И для полной победы над миром ему остается лишь покорить Россию, дожать, додать православную веру. И это случится, если мы не будем сопротивляться, если поднимем вверх лапки, если скажем: нате, берите нас и наши души ради какой-нибудь персональной карточки налогоплательщика. Воины Христа — это те, кто не хочет покоряться, кто помогает спастись живым душам. Это и есть наша боевая организация. И потому нас так ненавидят и боятся слуги дьявола — воплощенные бесы — все эти Яковы Исааковичи... Ведь мы им неподвластны, и от бессилья у них руки чешутся. Если морально сломить не могут, то остается им только устранить нас физически, как вы говорите. — (Погудин еще раз посмотрел на часы. У них оставалось около пяти минут). — Сами знаете, стукачей вокруг — хоть пруд пруди. И кто-то, видать, донес, что мы — настоящая боевая организация, а

я — ее главарь. Вот и переполошилась вся эта бесовская камарилья. Но мне кажется, даже и вы могли бы к нам присоединиться. Я вижу, вы честный русский человек.

Николай неподвижно слушал слова Погудина, уставясь в стол и не прикасаясь к рюмке с водкой. Он был вновь увлечен и взволнован погудинским монологом, хотя и сам чувствовал точно так же, но его не могла не покорить основательность убеждения в своей правоте близкого по духу человека.

Следователь Скопин с не меньшим напряжением внимал этой тихой, но в то же время необычной для него речи. Он впервые сталкивался с подобным мышлением и с такой уверенностью в точности выбора жизненного пути, отчего проникался невольным, все возрастающим уважением к людям, сидящим рядом с ним.

— Я подумаю над вашим предложением, — с улыбкой и с легкой иронией в голосе сказал Скопин. — Вот только смущает меня вся эта нечистая сила, весь этот дьяволизм, бесы, с которыми вы собираетесь воевать как организация... Не много ли здесь мистики?

— Ничуть, Владимир Алексеевич, — мгновенноотреагировал Погудин. — Я ведь говорил, что бесы существуют реально. Рядом с вами сидит человек, совсем недавно столкнувшийся с ними, — он бросил взгляд на помрачневшего Николая, — и чудом вырванный нами из их плена. А то бы не сидеть ему здесь... Тут, между прочим, настоящее уголовное дело. Мы можем это место вам показать. Они несколько дней Николая мучили, держали в темном подвале связанным по рукам и ногам. И сказать вам, кто к нему приходил по ночам?

— Кто? — с искренним интересом спросил следователь.

— Тот самый Яков Исаакович...

— Мать честная! — поразился Скопин.

— О его внешнем облике говорить не буду — все равно не поверите. Но требовал он отречения от России и от Христа. Впрочем, как-нибудь Николай вам сам все расскажет.

Звучание музыки прекратилось. Следователь хотел было еще что-то спросить, но неожиданно в зале буфета погас верхний свет. Лишь на стенах оставались гореть два тусклых светильника.

— Мы закрываемся! — властным тоном крикнула Люся из-за слабоосвещенной стойки бара.

— Всё, уходим, — громко ответил ей Погудин, поднимаясь и увлекая за собой собеседников.

Несколько обескураженная нормальным состоянием всех четверых, буфетчица проводила их недоуменными глазами, но, увидев спящего в другом углу Чаруту, еще голосистее заорала со злым остервенением:

— Эй, ты, пьянь болотная! Здесь тебе не вокзал! Ишь, разоспался! А ну, проваливай отсюда!

Чарута медленно приподнял голову, огляделся, не сразу сообразив, где он находится, затем, упершись руками в стол, с трудом встал на ноги и по стенке с грохотом и руганью двинулся в противоположный угол буфета — туда, где сидел Погудин с компанией. Он нутром чуял, что там для него должно было что-то остаться. И, наконец добравшись до другого угла, он удовлетворенно осклабился и затих: полная рюмка водки соблазнительно отражала светящуюся на стене матовую лампу. Стоя, Чарута протянул к ней дрожащую руку, взял ее всей пятерней, поднес к губам и, колыхаясь сгорбленным туловищем, опрокинул содержимое в рот. Выпив, он так же медленно с искривленными губами поставил рюмку на стол, после чего разом побледнел и, оловянно уставясь куда-то вдаль, точно сомнамбула, направился к выходу. Но не успел пройти и пяти шагов, как рухнул на пол без чувств.

Днем позже в буфете ЦДЛ состоялся короткий, но весьма странный разговор. Один молодой и с некоторых пор непьющий стихотворец сообщил новость своему товарищу — студенту Литинститута, ставшему завсегдатаем Клуба писателей и тоже недавно «завязавшему»:

— Слышал, Чарута в реанимацию попал?

— Да ну? Допился, что ль?

— Еле откачали. Сердце дважды останавливалось. Только бычьё здоровье и спасло...

— Не совсем так, — вмешался в разговор сидящий за соседним столом с какой-то случайной девицей другой подающий надежды рифмоплет, кормящийся заметками в газете «Труд», — в его крови, как выясняется, обнаружили клофелин. Кто-то его траванул. Вот только зачем — непонятно. Денег-то у него практически не бывает. Да и врагов, кажется, тоже нет...

Читатель может не беспокоиться: Чарута действительно выжил. Но пить в ЦДЛ — перестал.

ЧАСТЬ III

Глава первая

Остались позади две недели, отведенные Николаю для восстановления здоровья по больничному листу. Он вновь начал выходить на свои дежурства. Полученные травмы и головная боль его уже не беспокоили, хотя в душе по-прежнему присутствовала какая-то давящая тяжесть, не пропадавшая, как он чувствовал, даже во сне. Эта тяжесть то и дело ввергала Николая в неожиданную нервозность или в глубокую молчаливую замкнутость в себе самом, когда он не желал ни с кем разговаривать. Лена замечала такие минуты и старалась не дергать его лишними вопросами, уходила на кухню приготовить что-нибудь повкуснее или тихо садилась рядом с ним, прижималась к нему, взяв за руку, и просто молчала. Это помогало ему успокоиться.

Отпуск Лены еще не закончился. К тому же приближался день их свадьбы. Изредка вместе с Николаем они выбиралась походить по магазинам, чтобы потихоньку подготовиться к их первому в жизни семейному празднику. Николай не хотел устраивать шумного и большого торжества. «Не то сейчас время, — говорил он. — Отметим дома с самыми близкими друзьями, позовем наших матерей...» Лена с ним не спорила. Но все же настояла на покупке и нового платья и костюма.

Будучи женщиной одновременно разумной и эмоциональной, она своим чутким сердцем была способна воспринять душевное состояние Николая после пережитого им стресса, но и день свадьбы с любимым человеком имел для нее значение необычайное и ни с чем не сравнимое. Ей, конечно, хотелось праздника — веселого, настоящего, запоминающегося, с брызгами шампанского. Она соглашалась: время для этого было «не то». Но другого-то времени ниоткуда не взять... Жизнь-то заново не проживешь...

— Послушай, — предложила она, — если я приглашу одну свою подругу, ты не будешь возражать? Может, она Погудину понравится, а? — Лена состроила хитрые глаза.

Николай хмыкнул.

— Тоже мне, сводница нашлась.., — он посмотрел на нее снисходительно. — Ладно, приглашай, если хочешь. Кстати, он обещал к нам сегодня заглянуть.

О своей свадьбе Николай мало заботился. С гораздо большей остротой его преследовали другие мысли. Все дни, прошедшие после вызволения из подвального плена, в нем, не утихая, жило ноющее чувство оскорбления и только росла, растравлялась жажда мести за причиненные ему физические и душевные муки. Эта жажда искала выхода, требовала каких-то действий.

Погудин заехал к ним ненадолго. «Я на часок, не более», — сразу уточнил он. Лена быстро накрыла на стол в комнате и подала чай с клубничным вареньем. «Юлия Федоровна угощает, — сказала она, накладывая варенье в розетки. — Добрая душа». За чаем поговорили об издании книжки стихов Николая, о скором венчании, вспомнили о никодимовской даче, рыбалке и ухе.

— До чего же хорошо у них! Красиво.., — мечтательно просяла Лена. — И речка такая чистая...

Николай, облокотившись и держа чашку перед лицом, обратил внимание на ее мечтательный взгляд.

— Тебе бы надо жить на природе, а не в этом бетоне.., — присовокупил он.

— Это точно. Без природы я бы давно засохла, — Лена поднесла к губам сервизную чашку на сиреневом блюдце и сделала маленький глоток. — Природа для меня очень многое значит. Между прочим, Александр Юрьевич, — Лена нацелила лукавый взгляд на Погудина, — я не согласна с вами, что в природе нет Бога. Разве в ее красоте отсутствует Бог? Не могу согласиться. Как же тогда понимать эти слова: «красота спасет мир»?

— А вы помните, кто их сказал? — задал Погудин неожиданный вопрос.

— Ну кто ж этого не знает? Достоевский, — Лена ответила не задумываясь.

— Не совсем так. Слова эти сказал персонаж Достоевского — «идиот» князь Мышкин. Сам Достоевский не был настолько наивен. Хотя в его время, действительно, человеческий мир еще испытывал сильное воздействие искусства и природы, и ощущение красоты Божьего мира убеждало многие души от безрассудства. Но теперь.., — Погудин допил свою чашку и поставил на стол. — В наши дни мир спасет только осознание человечеством близящейся глобальной катастрофы. Не поймут этого люди — никакая красота ничего не спасет. Да и кому нужна будет красота без человечества? Для чего?

— Вы хотите сказать, что все в мире имеет причину и смысл? — не унималась Лена.

— А как же? Для каких-нибудь уродов и дебилов красота будет выглядеть уродливой и никчемной. Нет, не красота теперь уже спасет мир, а живая душа, способная слышать Бога, ну и, конечно, видеть и ценить прекрасное.

— Но мы-то с вами любим природу, и, значит, видим прекрасное, — возразила Лена, не желавшая сдаваться. — Что такое мы без нее? Человек — это тоже природа.

— Да, правильно, — Погудин согласно закивал головой, — человек, вырванный из природы, перестает быть человеком как Божьим созданием и перерождается во что-то иное, античеловеческое, или погибает. Но на природу нужно смотреть не только как на окружающий нас внешний мир, не только как на стихию, которая, кстати сказать, таит в себе массу опасностей. В отношении природы существует еще и религиозно-философский взгляд. Красота мира соблазнительна, и потому князь мира сего использует ее для власти над человеком, для увода его из сферы духа в созерцательное состояние, в область удовольствий и внешних красот. Так что, Лена, не соблазняйтесь, — Погудин с улыбкой погрозил ей пальцем. — Бог не в природе, а у вас в душе, которая дана вам свыше.

— Может быть, вы и правы.., — успокоилась Лена, теребя цветастую прихватку тонкими пальцами.

Николай, не встретивший в их диалог, примирительно изменил тему разговора:

— Меня вы тоже убедили, Александр Юрьевич. И хватит нам философствовать о природе. Я вот что хотел вам напомнить: там, на даче, когда мы шли вдоль речки, вы сказали, что у вас есть какие-то соображения...

— Для этого, собственно, я сюда и пришел.

Погудин пересел в кресло. Лена тоже встала и начала убирать со стола.

— А мысли мои таковы. Нам надо обязательно обследовать тот подвал. Уж больно он мне кажется подозрительным, — Погудин серьезно и как-то озабоченно посмотрел в глаза Николаю. — Мы с Сергеем однажды вечером подъехали туда. Прошли вокруг дома. И обнаружили странные вещи. Окна на первом этаже все зарешечены. Но что интересно: занавесены они одной и той же красной и, видимо, очень плотной тканью, сквозь которую в первом и во втором подъездах пробивался едва за-

метный, как мне показалось, голубоватый свет. Мы побывали во всех четырех подъездах, но ни в одном из них, что меня более всего поразило, на первом этаже не было дверей... Представляете, на окнах — шторы одного цвета, в первых двух подъездах даже свет горит, а дверей туда нет... И вход в подвал, мы проверили, только в одном месте, с левого торца здания.

Лена присела на диван рядом с Николаем.

— Это вы о моем доме говорите? — спросила она.

— Именно, Лена, о нем самом. Вы никогда не обращали на это внимание? Что там у вас, на первом этаже?

— Когда-то, лет десять назад, там была стоматологическая поликлиника, и вход в нее находился с другой стороны дома, справа. Потом поликлиника куда-то переехала, а вход почему-то заложили кирпичом и заштукатурили. Мы тоже этого не могли понять... Но света в окнах я там никогда не видела.

— Мистика продолжается..., — произнес Николай. — Ну и домик у вас! С привидениями...

— Не говори так, — Лена дотронулась до его плеча. — В нем живет моя мама...

Николай поднялся, сходил на кухню за сигаретами, встал возле окна, чтобы закурить. Но Лена попросила его не курить в комнате. Он вставил сигарету в пачку и снова сел на диван.

— Так что будем делать, Александр Юрьевич? Какие же у вас соображения?

— Я уже сказал. Обследовать подвал.

— Хорошо, когда? — Николай нетерпеливо потер ладонями колени.

— В самое ближайшее время, — спокойно ответил Погудин. — Но надо все предусмотреть и обсудить со Скопным. Я уверен, тут история темная... Если этот муравейник не раскопать, я не ручаюсь за нашу безопасность.

Лена грустно вздохнула.

— Опять вы... их провоцируете...

Николай положил ей руку на шею, заглянул в глаза и произнес шутливым тоном:

— Обещаю, что после свадьбы буду слушаться только тебя. Как твою подругу-то зовут?

— Никак, — Лена вспыхнула и убежала на кухню.

Николай, отсмеявшись, вновь достал сигарету из пачки «Мальборо», прикурил и отошел к открытой форточке.

— Александр Юрьевич, — заговорил он, — может, посидим часок в ЦДЛ? У меня сегодня настроение выпить грамм по сто пятьдесят...

— Не люблю я там часто светиться. И вам не советую, — промолвил Погудин. — Место гнилое, нехорошее.

— Но поэтам где-то же надо видаться. Пообщаться, поговорить о творчестве...

Погудин криво улыбнулся.

— О творчестве, Николай Васильевич, в буфете ЦДЛ не говорят. В основном — о водке и женщинах. Или сплетничают друг о друге.

— Даже и талантливые поэты? — не поверил Николай.

— Ну что вы, туда не ходят талантливые.

— Как не ходят? Почему?

— Да потому что талантливых и самостоятельно мыслящих там не любят. Талант предполагает смелость и честность, а в буфете ЦДЛ собираются в основном бездари, пустые болтуны и всякая окололитературная шелупонь. Даже если кто-то из нормальных писателей туда и заглядывает, это ничего не меняет. Сидит там чаще всего одна и та же мелкая, ничтожная пьянь. Чей-то успех, публикации, новые книги никого из них не радуют, наоборот — вызывают глухую зависть, ненависть и злобу. Есть, конечно, исключения, но не они делают погоду в этом гадюшнике. Впрочем, чтобы набраться опыта, можете сходить и убедиться в моей правоте.

— Наверное, я так и сделаю, — усмехнулся Николай.

— Вы слышали, что случилось с Чарутой после нашей встречи в этом заведении? — помрачнев, спросил Погудин.

— Нет. А что?

— Вы ведь, кажется, оставили свою водку невыпитой...

— Точно.

— Так вот он ее выпил.

Николай вопросительно выжидал пояснения.

— И оказался в реанимации. Чуть Богу душу не отдал, — договорил Александр. — Эта участь предназначалась кому-то из нас... Не случайно вертелся в баре директор ресторана...

— Тем более я должен туда пойти, — твердо произнес, как отрезал, Николай.

Но Погудин строго предупредил:

— Только сами ничего не предпринимайте. Если что — звоните оттуда мне.

— Александр Юрьевич, — выбросив окурок в форточку, Николай поспешил перевести разговор в другую плоскость, — кому в наше время вообще нужна литература? Стихи, проза... Не понимаю, как еще держатся писатели? Тут и вправду сопьешься...

Погудин заподозрил что-то в намерениях Николая, но также легко изменил русло разговора.

— Конечно, литературой сейчас прожить невозможно, — он скрестил пальцы на затылке. — Мы поставлены в жуткие условия. Никогда и нигде так не издевались над национальными писателями. Государство теперешнее бросило их на произвол судьбы, — Александр опустил руки на подлокотники кресла.

— Но кто-то все же процветает., — сказал Николай, продолжая стоять у окна.

— Прежде всего, евреи, которых кормят еврейские частные издательства, которые, в свою очередь, финансируются из-за границы. И те из русских, кто перекинулся на дешевку — на смехачество или детективы, кто струсил и пошел служить власти. Но большинство литераторов или занялись мелкой коммерцией, или вообще опустили руки, сдались, превратились чуть ли не в бомжей. А всё почему? Да потому что и раньше, в прежнее время, не было у них крепкого стержня русского. Они и тогда приспособлялись, лебезили перед жидами, не хотели ничего видеть и понимать. Сколько раз я пытался им объяснить, кто есть кто вокруг нас, но они затыкали уши, просто шарахались от меня. Правда, сейчас все же некоторые образумились...

— Как вы думаете, есть кому продолжать русскую литературу?

— Безусловно, есть. Литература не иссякнет. Хотя., — Погудин едва заметно помрачнел, — к концу жизни человечества она уже не будет иметь никакого значения... Но надо знать, Николай, что под русскими именами столько прячется евреев!..

— Например?

— Ну... например... Владимир Соколов. Наверняка знаете такого поэта. Сам еврей и жена жидовка. Однако все наши очень патриотические писатели неизменно ставят его в один ряд с лучшими русскими поэтами. Казалось бы, за что? Ничего значительного он не написал, но дело даже не в этом. «Русский», в кавычках, поэт Соколов подписывал самые подлые письма демократов с требованием к вла-

сти «раздавить гадину», то есть нас с вами. И никто на такую деталь в биографии Соколова почему-то не обращал внимания. Уж коли распатриотический критик Кожин назвал его русским и даже выдающимся, то все без исключения наши литературные попугаи будут и дальше это безмозгло повторять и ставить его в один ряд с Рубцовым и Тряпкиным. И хоть кол им на голове теши — ничто на них не действует.

Лена вернулась в комнату и, как-то рассеянно взглянув на Николая покрасневшими глазами, присела на край дивана.

— Хорошо, что вы мне сказали про Соколова, — Николай направился в сторону Лены, но, не дойдя, стукнул себя по лбу: — Да, чуть не забыл, я ведь осилил, прочитал том Иоанна Златоуста, — он открыл глухую створку книжного шкафа и достал большую книгу в черном переплете с золотым тиснением. — Могу вернуть. Я тут много чего выписал, — он вынул из книги вдвое сложенный мелко исписанный лист бумаги. — Это просто потрясающе. Такого, как в этой книге, нигде, наверное, не найдешь. Вы только послушайте, — он развернул лист и начал читать: — «Иудеи не заслуживают никакого снисхождения... Следует ли даже обмениваться с ними приветствиями и делиться простыми словами? Напротив, не должно ли отвращаться их, как всеобщей заразы и язвы для всей вселенной?.. Они (иудеи) ликуют вместе с дьяволом...», — Николай положил книгу на стол, и перевернул лист на обратную сторону. — Или вот еще об иудейских врачах: «Если иудеи и точно вылечивают, то лучше умереть, нежели прибегнуть к врагам Божиим, и чрез них получить исцеление. Какая, в самом деле, польза вылечивать тело, когда гибнет душа? Какая выгода здесь (на земле) получить некоторое облегчение, а там быть отосланным в огонь не угасающий?»

Погудин поднялся с кресла и подошел к Николаю, протягивая ему руку.

— Эта книга дает большую пищу для ума, я рад, что вы ее прочли, — он сжал ладонь Николая. — Когда зайдете ко мне, я вам еще кое-что подкину почитать. Нам надо почаще встречаться.

— Я буду только рад, — ответил Николай.

Погудин повернулся к Лене и произнес приободряюще:

— Выше нос, невеста, вам грешно печалиться. Не бойтесь, уберегу я вам жениха, — он взял со стола книгу в чер-

ном переплете. — Ну, все, засиделся я у вас, надо двигать дальше. Спасибо за чай и за варенье, — он направился в прихожую и на ходу добавил: — Поклон от меня Юлии Федоровне.

Когда Погудин ушел, Лена, не скрывая в выражении лица обиды на них, сказала:

— Не нравится мне ваша затея. И чего вам нейметься?

Николай обнял ее сзади и нежно поцеловал в мочку уха.

— Хватит дуться. Ты же знаешь, что я люблю тебя.

Лена, шумно вздохнув, разжала его руки, отошла в сторону и разгладила складки на скатерти стола.

— Сложный человек Александр Юрьевич... Я давно заметила, он говорит как-то... излишне пафосно, что ли. И напускает на себя много важности.

Николай улыбнулся, сел в кресло и ответил ей, массируя себе шею:

— Меня тоже поначалу, с первой встречи, резанула его высокопарность в разговоре... Но потом я понял: просто у него такой склад ума. Он делает это не специально. Погудин искренний человек. Помнишь, мы с ним пошли прогуляться вдоль речки, когда ты с Никодимовым рыбу ловила? Я был поражен! Он так бурно радовался красоте заката!.. В нем соединились аналитик и поэт. Тем он и отличается от всех остальных. Это человек интересный...

Лена подошла к Николаю, присела на его колено и уткнулась головой ему в грудь.

— А мне интереснее с тобой, — прошептала она, расстегивая пуговицы его рубашки...

В Клубе писателей на Большой Никитской в этот вечер был концерт какого-то эстрадника, в связи с чем нижнему буфету по распоряжению директора ресторана надлежало работать до окончания концерта. Естественно, вся цэдэ-эльско-графоманская пьянь такому неожиданному подарку ужасно обрадовалась. Когда Николай еще до шести часов вечера спустился в буфет, за каждым столом уже гудела, галдела, хохотала или таинственно шепталась своя небольшая компания. Он сюда прежде заходил, и некоторые лица ему были знакомы.

Подойдя к стойке бара, Николай обратил внимание на сухопарую буфетчицу грубоватой наружности и неопределенного возраста. «А где Люция?» — на всякий случай по-

интересовался он. «Сегодня не ее смена. Завтра будет», — прозвучал недовольный ответ. «Тогда сто грамм водки, томатный сок и бутерброд с ветчиной», — произнес он с безразличным видом.

Еще от двери буфета Николай узнал пьяненькую физиономию поэта Печенкина, сидящего возле стены с какими-то двумя неизвестными ему бородачами средних лет. Николай подошел к их столу, поприветствовал Печенкина и спросил разрешения присесть.

— Давай, давай, старик, садись! — вскинул вверх руки поэт Печенкин. — Давненько тебя не было видно! Иванов, Коля, — представил он гостя своим собутыльникам. — Мировой мужик. Я уважаю его за прямоту, — он ударил Николая по плечу. — Знакомься, это Игорь Китов, тоже стихотворец, а это Дергунькин Миша, прозаик. Нам тут сегодня позволили гулять чуть не до ночи.

— За какие такие заслуги? — удивился Николай.

— Что ты, Коля, какие у нас заслуги перед ними, какие заслуги? — Печенкин хотел рассмеяться, но закашлялся, отвернулся к стене и сплюнул под стол. — Гуляют они сегодня. У них, видишь ли, шоу, — презрительно протянул он, гнусавя голос. — Заодно и нас тут приглубили, мать их...

— Ладно, Олег, остынь, наливай по половинке, — угрюмо одернул его прозаик Дергунькин, взлохмачивая спутавшуюся шевелюру.

Печенкин из графина разлил водку по трем стаканам.

— Угости сигареткой, — попросил взъерошенный прозаик закуривающего Николая.

— Мужики, предлагаю выпить за нас, — стихотворец Китов поднял стакан. — Мы творческие люди, мы не погрязли в склоках и бытовщине. Талант — большая редкость. Пожелаем себе здоровья и блеска в глазах.

— Хорошо сказано, — подхватил Дергунькин. — За блеск в глазах!

Они сдвинули стаканы. Николай нехотя присоединился к ним.

— Станный тост, — тихо сказал он.

— Старик, плюй на всё, — попытался вразумить его стихотворец Китов. — Без здоровья никому не будешь нужен.

Николай сдержал себя, чтобы резко ему не ответить. Он выпил треть своей водки и оглядел зал. За всеми столами кипела говорильня, во время которой — разливали, сдвигали стаканы, произносили тосты, громко смеялись, кто-

то читал стихи, кого-то уже хватили за грудки... «Ну и бедлам!» — подумал Николай и вспомнил Погудина.

— Я печатался во всех журналах, — вдруг заявил стихотворец Китов. — Мне Лужков премию дал за стихи о Москве. Мы талантливые люди, я, ты, ты и ты, — он указал пальцем на всех четверых, сидящих за столом, не забыв про себя. — А там сидят графоманы, — стихотворец Китов обвел рукой зал буфета, — все до одного.

Его осоловелые глаза выражали плебейское самодовольство.

— Все? — решил уточнить прозаик Дергунькин, запустив пятерню в нерасчесанную бороду.

— Абсолютно, — подвел черту стихотворец, выпячивая толстые губы.

— Игорь, Игорь, Игорь, — суетливо затараторил Печенкин, — ты не прав, не прав, нет, нет, Игорь, стой, стой, милый ты мой, ну, как же все-то графоманы? Ну, ты залепил! А как же этот, Бабакин? А Голубцов? Нет, нет, ты не прав.

— Все графоманы. Я знаю, что говорю.

— Олег, послушай меня, — встрял Дергунькин, — вот ты член правления. А почему вы мне квартиру не даете? Или дачу какую-нибудь? Почему никто обо мне не думает?

— Миша, Миша, ты что?! — вновь затарахтел Печенкин. — Какие квартиры? Какие дачи? Прошли те времена! Ты что, Миша? Ну, вообще! Ты даешь!

— Нет, ты мне скажи как член правления, почему обо мне никто не думает? — не отставал взлохмаченный прозаик.

— Потому что ты тоже графоман, — бесстрастным тоном констатировал стихотворец Китов.

— Я? Это ты мне? — неподдельно возмущился обиженный прозаик. — Сам ты болван неотесанный. У тебя есть квартира? Есть. А у меня даже угла своего нету.

— А зачем графоману квартира? — захохотал стихотворец.

— Игорь, Игорь, ты не прав, так нельзя, нельзя, нет, нет, ребята, мы же все русские, мы братья, мы поэты...

— Говно вы, а не поэты, — чуть не плача, заключил прозаик Дергунькин.

«Ну и дурдом!» — сказал сам себе Николай.

Над их столом навис какой-то бугай с красной мясистой физиономией.

— Чего раскудахтались? Водка, что ль, кончилась? — он почти пропел странно тонким голосом, выставив на стол бутылку «Привета». — Китов, крути ей башку и насыпай.

— Вот ты талантливый человек, я всегда это утверждал, — не моргнув глазом и не изменившись в лице, заявил стихотворец Китов, откручивая пробку «Привета».

Краснорожий бугай выпрямился и крикнул только что вошедшей в буфет немолодой женщине с иссиня-черным хвостом волос:

— Анна, иди к нам, тут всё есть!

Бугай скинул на пол со стула чью-то сумку рядом с соседним столом и придвинул освободившийся стул вплотную к Николаю.

— Аня, Аня, — опять затарахтел Печенкин, — садись, садись, садись. Вот тебе стакан, вот закуска, давай, выпей с нами.

— Ага! — улыбаясь щербатым ртом и с трудом протискиваясь к столу, произнесла немолодая черноволосая женщина.

— За русских баб! — стоя над всеми, объявил тост бугай с красной рожей. — Они самые терпеливые. А мы все — мудаки рядом с ними.

— Натюрлихь! — поддержала его женщина с остатками испитой красоты по имени Анна.

— Кто этот бугай? — шепотом спросил Николай, нагнувшись к уху Печенкина.

— Да-а.., — протянул тот и также шепотом вынес приговор: — Никто. Бывший майор.

— Но он что-то пишет?

— А-а, — скривился Печенкин, — быдло, оно и есть быдло.

Черноволосая женщина повернулась лицом к Николаю.

— Как твое имя?

Печенкин услышал ее вопрос и со сморщенной физиономией после выпитой водки зашлепал губами, торопясь с ответом:

— Это Николай Иванов, Аня, ты что, не знаешь? Да, это Иванов, Николай, ну, как же, он крутой мужик...

— Ага!.. — обрадовалась быстро захмелевшая Анна. — Наш человек.

— Наш, наш, ну, что ты, наш... Между прочим, друг Погудина...

— Дай я тебя поцелую, — разгулявшаяся Анна обняла Николая за шею, повисла на нем и прижалась мокрыми губами к его щеке. — Я тебя уважаю и Александра Юрьевича уважаю, но после Александра Петровича.

— Александра Петровича? — не сразу понял Николай. — Баркашова, что ли?

— Ага, натюрлихь, — расплылась в широкой улыбке Анна.

— А что он хорошего сделал? — серьезно спросил Николай.

— Не надо, Коля, не надо, — шепотом одернул его Печенкин. — Это у нее так... Это ее бзик...

— Кто такой Погудин? — услышал Николай тонкий голос стоящего над их столом краснорожего бугая. — Я такого поэта не знаю. Чего он с евреями воюет? Не бывает плохих наций. У меня жена еврейка, ну и что?

— У тебя? — вскинула пьяные глаза натурально поразившаяся Анна.

— А ты разве не знала? — ответил ей вопросом жирный бугай.

— Не знала...

— Погудин тоже графоман, — не мог не напомнить о себе стихотворец Китов.

— Держи клешню, — вдруг раздался чей-то загробный бас, и из-за спины краснорожего бугая, еле держась на ногах, вылез наголо стриженный коротышка, тянущий руку в сторону стихотворца Китова. — Держи краба. Правильно говоришь. Погудин — графоман. Я это давно знаю. Он думает, если с жидами борется — значит, смелый, — басил заплетающимся языком коротышка. — С ними не надо бороться. Смелый тот, кто их не замечает. Я — смелый, потому что мне на них плевать.

— Говорят, он Чаруту склофелинил..., — вставил с мерзкой ухмылкой бывший майор.

— Все вы кретины! — взвизгнула, оскалившись, Анна. — Погудин поэт! Он личность! А вы ублюдки!

— Успокойся, — погладил ее по волосам краснорожий бугай.

— Пошел вон! — закричала она, отбросив его руку. — Солдафон!

— Тихо, тихо, тихо, Анюта, ну что ты, что ты, хорошая моя, — запричитал Печенкин, — не надо, не надо, а то нас всех отсюда выгонят...

— Ага, боитесь! — еще громче вскрикнула она и, обведя всех затравленным взглядом, добавила, немного снизив голос: — Я буду только рада, если вас выгонят. Потому что вы все трусы и дерьмо. Кроме тебя, — она дотронулась до локтя Николая. — Ты хороший, я по глазам вижу..

Ее губы искривились, она поднесла ко лбу маленькую с синими прожилками ладонь, уронив голову на грудь.

— Просвистели Россию, скоты.., — уже чуть слышно простонала Анна, и ее ладонь бессильно упала на колени.

Николай отодвинул свой стул от стола, поднялся и сделал несколько шагов к выходу. Но, не дойдя до дверей буфета, вернулся назад, приблизился вплотную к краснорожему бугаю, который был на голову выше ростом, и сказал ему негромко, но внятно:

— Если еще раз при мне что-нибудь вякнешь о Погудине, зубы вышибу.

Публика за столом мгновенно притихла. У краснорожего от неожиданности отвисла нижняя челюсть, он заморгал мутными бельмами, но так и не нашел, что ответить. Николай повернулся и вышел вон.

Поднявшись наверх, Николай спросил у охранника, где находится кабинет Геннадия Аркадьевича. Тот сначала насторожился: «Зачем тебе?» Но Николай объяснил: «Хочу заказать банкет в ресторане». Охранник подвел его к окну, выходящему во двор ЦДЛ. «Вон там, слева от окна, — показал он, — железная дверь. Войдешь, поднимешься на второй этаж и увидишь табличку директора ресторана».

Перед кабинетом Геннадия Аркадьевича Прошечкина Николай достал из бокового кармана пиджака раздвигающую резиновую дубинку, засунул ее за пояс брюк, застегнул пиджак на обе пуговицы и постучал в дверь. «Входите», — услышал он мужской голос. Войдя в кабинет, Николай встретился глазами с сидящим за массивным секретером лысеющим коренастым крепышом лет примерно пятидесяти. Короткая шея и тонкие с проседью усики делали его похожим на героев старых фильмов об американской мафии. Завсегдатаи нижнего буфета звали его просто: «Гена».

— Что угодно? — без энтузиазма спросил Прошечкин, выдвигая ящик секретера и убирая туда лежащую сверху каких-то бланков пачку долларов, перетянутую резинкой.

— Геннадий Аркадьевич, во-первых, добрый вечер, — почтительно улыбаясь, начал Николай, — а во-вторых, я,

знаете ли, хочу с вами договориться насчет небольшого за-
столя у вас в ресторане. Человек на пятнадцать.

— На когда? — Прошечкин испытующе оценивал
внешность посетителя.

— На послезавтра. Но чтобы по высшему классу: чер-
ная икорка, фаршированный осетр, балычок и так далее.
Предоплату могу сделать прямо сейчас.

— Вы член союза? — уже мягче поинтересовался Генна-
дий Аркадьевич.

— Разумеется, — развел в стороны руки Николай, окон-
чательно убедившись, что Гена его не узнал.

— Какого?

— «Апрелевского», — Николай отреагировал мгно-
венно.

— Очень приятно, — Прошечкин вышел из-за стола и с
любезным заискиванием двумя руками сжал ладонь Нико-
лая. — Как вас величать?

— Илья Ефимович, — представился Николай, сам не
зная, почему ему пришло в голову это имя-отчество.

— Одну минутку. Сейчас я вам напишу записочку, и вы
с ней завтра утречком зайдете в бухгалтерию, посмотрите
списочек продуктов, которые у нас имеются помимо ме-
ню, там вам всё посчитают, — засуетился директор ресто-
рана, подойдя к секретеру с обратной стороны и повернув-
шись к Николаю спиной.

Прошечкин подписал какой-то бланк, выпрямил спину
и уже хотел было развернуться, как получил два тяжелых
удара дубинкой по голове. Он на мгновение застыл и, не
произнеся ни звука, свалился на пол. Николай волоком
перетащил его к рабочему креслу, в котором тот сидел за
секретером, усадил и откинул назад бесчувственную голо-
ву с двумя распухающими полосами на темени. Затем —
выдвинул верхний ящик стола. Кроме пачки долларов там
лежали шариковые ручки, фломастеры и широкий рулон
скотча. К долларам Николай не прикоснулся. Скотчем он
заклеил рот директору ресторана и намертво закрепил его
руки на ножках кресла. Взяв красный фломастер и немно-
го подумав, Николай написал на лбу Прошечкина круп-
ными буквами: «ЧАРУТА». И покинул кабинет.

Только оказавшись с задней стороны Дома литерато-
ров, выходящей на Поварскую улицу, Николай почувство-
вал дрожь в пальцах. Он сложил резиновую дубинку и
вновь спрятал ее в боковой карман пиджака. Уже темнело.

Не торопясь, он пошел в сторону Арбата. Нервы были напряжены.

За Гнесинкой Николай свернул влево и, не доходя до Большой Никитской, углубился в ближайший двор. Не долго постоял возле широкого ствола какого-то дерева, покурил, успокаиваясь и унимая дрожь в пальцах. Затем направился дальше в сумрачную глубь дворов.

Ему не хотелось выходить на свет, на гудящий невдалеке проспект, и он медленно, бесцельно бродил по темным безлюдным дворам, заново переживая буфетный пьяный галдеж и свою мстительную акцию в кабинете Прошечкина. Наконец, наткнувшись на длинную лавку, Николай присел, чтобы хоть как-то расслабиться. Здесь было тихо, чуть ли не безжизненно. Он снова закурил.

Вдруг, совсем рядом, сбоку от него, кто-то картаво проговорил:

— Нехорошо, Николай Васильевич, евреев обижать...

Николай вздрогнул и резко повернул голову влево. На другом конце длинной лавки он увидел в полумраке какого-то худосочного субъекта, очень похожего на козлотородого черта, мучившего его в подвале. Николай привстал, обуреваемый новым волнением, но темный субъект также мгновенно вскочил с лавки и, семена быстрыми мелкими шажками, скрылся во тьме двора. Николай ринулся за ним в надежде догнать его и разорвать в клочья. Но тут перед ним возникла новая темная фигура, словно выросшая изпод земли. Подойдя ближе, Николай разглядел неподвижно сидящего человека, лицо которого с едва уловимой хитрой улыбкой ему тоже показалось знакомым. Более того, он даже отчетливо услышал негромкий насмешливый голос: «Николай Васильевич, успокойся, никуда он от тебя не денется...» Но голос явно не мог принадлежать этой темной фигуре. Николай успел узнать: перед ним восседал бронзовый Гоголь...

Глава вторая

Александр сидел за письменным столом, глубоко задумавшись. Стоял тихий летний вечер. Солнце уже спряталось за ближайшими домами, но было еще достаточно светло. Листья на березах за окном едва шевелились, и розовые кучевые облака висели неподвижно. Он на несколь-

ко секунд отвлекся от своих мыслей. Непривычно долгая тишина за стенами квартиры показалась ему удивительной. «Может, все по дачам разъехались? — подумал он. — Вот так бы подольше...»

Перед ним лежали две странички с компьютерным текстом — копии сообщений, пришедших в прокуратуру по факсу из города Владимира. В этих сообщениях некий респондент, называвший себя «профессор», докладывал прокурору Алешечкину о том, что в квартире литератора Погудина (указывался точный адрес) хранятся наркотики и оружие. Кроме того «профессор» подробно описывал внутреннее строение квартиры и указывал, где конкретно, в каком месте в ней спрятаны все эти «игрушки», чтобы при обыске, на который прокурор Алешечкин срочно должен выписать ордер, быстро «отыскать» то, что нужно найти.

Погудин понял: против него готовится какая-то жуткая провокация. Никаких наркотиков и тем более оружия он нигде не хранил, да и потребности такой никогда не было. Но хитрость этого «профессора» и тех, кто за ним стоит, ему открылась во всем ее коварстве: те самые «игрушки» легко подбрасываются и «находятся» во время обыска...

«Что это за «профессор» такой?.. Откуда он знает план моей квартиры? — мысленно спрашивал себя Погудин. — И почему сообщение идет из Владимира? У меня там и знакомых-то нет... Очень странно... Надо что-то предпринимать». Из задумчивости Александра вывел телефонный звонок. Он не сразу узнал прозвучавший в трубке голос:

— Квартира Погудина?

— Да, это я.

— Извините за беспокойство, с вами Зверев говорит, следователь Московской прокуратуры.

«Угу, — мелькнуло в сознании Александра, — этот уже тут как тут...»

— Чем обязан? — сухо отреагировал он.

— Александр Юрьевич, не сочтите за навязчивость, но мне бы хотелось с вами поговорить неформально, по душам, как интеллигент с интеллигентом. Возможно, я был резковат при нашем первом знакомстве. Не обессудьте, работа заедает.

— Я понимаю, — решил его успокоить Александр. — А в чем, собственно, дело? Неужели я вам так интересен?

— Да, именно, вы мне интересны..., — Погудин услышал мягкие нотки в голосе Зверя. — Вы не будете возражать, если я к вам... домой подъеду? Прямо сейчас.

Александр настороженно посмотрел на две странички с донесением «профессора», лежащие перед ним. Он не ожидал такой нахрапистости со стороны всех этих «зверей».

— Послушайте, Михаил..., — Погудин запнулся.

— Леонид Михайлович, — поправил Зверь.

— Леонид Михайлович, сегодня я не готов для встречи, я жду гостей, — соврал Александр. — Давайте встретимся завтра и не у меня дома, а где-нибудь рядом, в скверике, возле станции метро «Новогиреево». Допустим, часов в двенадцать. Вас устроит?

— Думаю, что да, — голос Зверя похолодел. — Итак, до завтра. Жду вас у входа в кинотеатр «Киргизия». Я буду точен.

Уже кладя трубку, Александр осознал закономерность этого звонка в логике происходящих с ним событий. «А ведь действительно, все идет по плану, — усмехнулся он. — Прямо как в кино...»

Он набрал номер сотового телефона Скопина. Тот ответил сразу же. Погудин рассказал ему о звонке Зверя и о состоявшемся разговоре. Скопин согласился, что владимирский факс и звонок Зверя — звенья одной цепи. «Да-да, их цель — что-то вам подбросить. Это обычная практика устройства компромата в наши дни, — подтвердил он. — Но они могут это сделать и в ваше отсутствие». — «Я сдаю квартиру под охрану, на сигнализацию», — попытался возразить Погудин. «Для них это не проблема. В нужное время на центральном пульте квартиру снимут с охраны, а затем, когда все будет сделано, вновь поставят. Вы даже знать об этом не будете. Мне такие фокусы известны. Тем более, что на пульте имеются ваши ключи...» — «Вы правы, — загрустил Погудин, — я как-то не сообразил...» — «Слушайте внимательно, — Скопин заговорил уверенным голосом. — Идите спокойно на встречу со Зверем. И помните, о чем мы договорились. Разоружите его своим доверием к нему. Конечно, не теряйте бдительности, но знайте, что я буду наблюдать за вами — возможно, из машины. А в квартире оставьте кого-то из своих друзей, чтобы следить за лампочкой сигнализации. Если она погаснет, пусть сразу набирают мой мобильный номер. Будем действовать по обстановке». Александр немного повесе-

дел. «Сразу чувствуется следователь по особо важным делам, — удовлетворенно сказал он. — С вами не пропадешь, Владимир Алексеевич». — «Сплюньте. Завтра вам нужно хорошо сыграть свою роль. Этого Зверя мы должны вывести на капкан...»

Рано утром к Погудину приехали Николай и Андрей. Объяснив причину их вызова к себе домой, Александр, кроме прочего, наказал им до его возвращения не подходить к окнам, не включать телевизора и громко не разговаривать. «В отношении нас готовится провокация, и мы должны быть хитрее ее исполнителей, — он сдвинул шторы на окнах. — Здесь — кто кого. Главное, их не спугнуть. Надо им всем показать, что мы способны и на умственный, и на физический отпор. Как я понимаю, их операция против нас идет уже давно. Наверное, пришла пора нам самим перейти в наступление», — делился своими мыслями Погудин. Заодно он спросил Николая о его вчерашнем посещении Дома литераторов.

— Ничего интересного, — поведал тот. — Действительно, там собираются какие-то примитивные алкаши, мнящие себя гениями. Кстати сказать, не любят они вас, Александр Юрьевич. Сколько я там наслушался всяких гадостей!.. Вы абсолютно правы, так могут злобиться и сплетничать только завистливые бездари.

— Ну вот, вы и сами убедились, — невесело произнес Александр. — Не стоит вам торчать в этом буфете. К тому же стукачей там тоже хватает. Что-нибудь о Чаруте слышали?

— Слышал... В моей рюмке, которую он выпил, был клофелин.

— Грязно работают.. Ну, Гена, тебе это так не сойдет., — сквозь сжатые зубы процедил Погудин.

Андрей молча наблюдал за их разговором.

— Уже, — тихо сказал Николай.

— Что «уже»? — повернулся к нему Погудин.

— Уже не сошло. Он теперь надолго запомнит Чаруту..

Николай загадочно усмехнулся, прикуривая от спички длинную сигарету с темно-коричневым мундштуком.

Когда Погудин подошел к кинотеатру «Киргизия», режиссер Карпинский поджидал его у входа. Был он в том же сером костюме, но на этот раз при темной рубашке и

без галстука. Александр с удивлением почувствовал легкое волнение. Они поздоровались за руку.

— Солнце сегодня печет, пойдемте куда-нибудь в тень, — предложил Зверь.

Погудин не знал, где стоит машина Скопина, но на всякий случай от Федеративного проспекта решил далеко не уходить и указал на небольшой тополиный сквер метрах в пятидесяти от кинотеатра. Не проронив ни слова, они прошли это расстояние, увидели свободную скамью и сели под старым развесистым деревом.

— Александр, Саша, — первым заговорил Зверь, — можно вас так называть?

— Можно, — разрешил Погудин, быстро взглянув сквозь очки на его заостренное лицо с мелкими вьедливыми глазами непонятного цвета.

— У вас родители живы?

— Только мать, — Александр не сомневался, что Зверю о нем все прекрасно известно.

— У меня вот тоже... одна мать осталась. С детства рос без отца. Всего в жизни добивался своим горбом. Безотцовщина... Как и многие из нашего поколения. По сопатке получал со всех сторон. Но, может, поэтому и характер выработался. Я закурю, не возражаете? — Зверь неожиданно оглянулся.

— Почему вы захотели со мной встретиться? — задал прямой вопрос Александр.

— Хотите правду? — Зверь повернулся к нему всем телом.

Погудин молча ждал, какую же «правду» приготовил для него рецидивист, совершивший шесть убийств.

— Мне стало известно, что от вас хотят избавиться ваши личные враги. Упечь за решетку или... еще хуже. Они и шьют это уголовное дело. Мы его взяли на проверку в Московскую прокуратуру и обнаружили, что белые нитки из него так и лезут. На допросе я намеревался вас испытать. Надо признать, вы хорошо держались. Но потом мне захотелось узнать вас поближе. В прокуратуре ведь по-человечески не поговоришь...

Погудину показался очень интересным такой ход откровений Зверя, неординарную хитрость которого он оценил должным образом. «Этот уголовник наверняка догадывается, что я увидел липу и подтасовку фактов в своем «деле»...» — сообразил Александр и тут же решил ему подыграть:

— Кто же они, мои личные враги?

Зверь снова откинулся на спинку скамьи и закинул ногу на ногу, положив на колено пачку «Парламента». В его правой, дальней от Александра руке тонко дымилась сигарета. После небольшой паузы он заговорил:

— Чтобы ответить, я вынужден буду раскрыть тайну следствия. Хотя... для того мы и сидим тут. Я на вашей стороне. Но сначала скажите мне, кто такой Николай Иванов?

Погудин совершенно искренне опешил от этого вопроса.

— Николай Иванов? А он-то здесь при чем?

— Я проверил. В нашей конторе по информационному отделу он числится осведомителем.

Теперь уже Александр всем своим корпусом повернулся к Зверю, никак не ожидавший такой наглой шутки. На мгновение у него пропало желание продолжать эту игру, но он вовремя взял себя в руки.

— Ну, Леонид Михайлович, по-моему, вы меня берете на пушку. Этого никак не может быть. Я не верю.

— Отчего же?

Погудин набрал полную грудь воздуха и закрыл глаза.

«Спокойно, — сказал он себе, — не нервничать. Пусть раскалывается дальше».

— Какие у вас есть доказательства?

— Сначала, Саша, расскажите мне, как он на вас вышел или кто свел его с вами?

«Правильно ставит вопросы, — отметил про себя Погудин, — хватка та еще...»

— Я уже не помню. Но важно то, что он мой друг. Проверенный друг. А друзей, как вы знаете, выдавать нельзя. Этому, Леонид Михайлович, нас еще в школе учили.

Зверь одобрительно засмеялся.

— Хорошо отвечаете. Я оценил.

— Но представьте мне доказательства. Без них я не поверю, что Николай Иванов — стукач.

— Будут вам доказательства, Саша, не сомневайтесь, будут. Они у нас есть. А пока поменьше общайтесь с Ивановым. Вам же во благо. Когда вы кое-что узнаете, вам станет не по себе.

Погудин понимал, что этот рецидивист его прощупывает, и потому старался не вызвать подозрения своим слишком быстрым доверием к его явно заготовленным дезам.

Зверь поднес сигарету к губам, глубоко затянулся.

— Над чем вы сейчас работаете, Александр?

«Ну, артист! — поразился Погудин. — Даром что в Бауманском учился. Профессионально меняет тему. Заманивает...»

— Да так... Заканчиваю большую статью.

— О чем?

— О Ветхом Завете.

— Опять — еврейский вопрос...

— Простите за нескромность, но кто вы по национальности, Леонид Михайлович?

— Я — полный русак. И мать, и отец у меня деревенские, в Тамбовской губернии родились.

«Не похож ты на русского, — мысленно отреагировал Александр, — уж больно изворотлив. И глазки у тебя, как две бандитские заточки...»

Зверь еще раз обернулся. Боковым зрением Погудин смог заметить, что сзади них на медленной скорости проехала темная иномарка.

Андрей и Николай при зашторенном окне пили кофе на кухне, когда отчетливо прозвучал поворот ключа в замочной скважине. Они мгновенно вскочили с мест и прислонились к стене, невидимой из прихожей. Кто-то тихо вошел в квартиру и быстро закрыл за собой входную дверь. Тяжелые одиночные шаги направились в кабинет погудинской квартиры. Скрип паркета под этими грузными шагами неприятно действовал на нервы. Раздался писк двери открываемого платяного шкафа, после чего послышался шорох выволоченного на пол чемодана. Николай нагнулся, чтобы поднять с пола приготовленную заранее резиновую дубинку. Андрей достал из кармана брюк газовый пистолет и слегка толкнул Николая в плечо. На цыпочках они быстро прошли по коридору в прихожую, отсекая отступление незваному гостю, и встали напротив входа в кабинет. Их взору предстала широкая спина в черном пиджаке, склонившаяся над открытым чемоданом. Мельком Николай взглянул на индикаторную лампочку сигнализации. Она была темна.

Андрей сделал шаг вперед и скомандовал негромко, но четко:

— Руки за голову, или пристрелю.

Широкая фигура от неожиданности застыла, затем начала медленно выпрямляться.

— Руки за голову, — уже суровее повторил Андрей. — И не двигаться.

Николай обратил внимание на высокий рост стоящего перед ним здоровяка, его толстую шею и странно знакомую черную шевелюру с пейсами по бокам. Николай резко приблизился к нему с возгласом «Кому сказали — руки!», размахнулся и со всей силы долбанул дубинкой по массивной спине. Здоровяк тонко вскрикнул, обхватив руками затылок.

— На колени! — приказал Николай, обходя здоровяка с правой стороны и одновременно нанося ему удар ногой в бедро.

Тот тяжело грохнулся коленями об пол, почти касаясь открытого чемодана побелевшей физиономией.

И тут Николай сам замер от удивления, не веря своим глазам.

— Ну-ка, ну-ка.., — он подцепил дубинкой широкую черную бороду длинноволосого здоровяка и приподнял сверху его толстомордую голову.

— Здравсте пожалуйста! — воскликнул Николай. — Вот так встреча!..

Перед ним на коленях стоял тот самый пейсатый еврей, который сопровождал козлобородого в день их памятного знакомства в подвале... Испуганные вылупленные глаза длинноволосого здоровяка бегали по сторонам.

— Долго я тебя искал, а ты сам приперся...

Николай подошел к нему сзади и завернул его руки за спину.

— Быстро — ремень! — крикнул он Андрею, указывая глазами в сторону шкафа.

Туго связав ремнем руки толстомордого, они подняли его на ноги, поставили лицом к стене и принялись обыскивать. Но кроме пейджера в кармане пиджака ничего особенного у него не нашли.

— Чемодан, — догадался Андрей. — Он успел туда положить.

И действительно, на дне чемодана, под стопкой аккуратно сложенного белья Николай нащупал прохладную металлическую рукоять пистолета. Осторожно вынул и повертел в руках. Это был новехонький «макаров». Вытащил обойму. Она оказалась полностью заряженной.

— Ах, ты, ублюдок..., — с ненавистью выдавил Николай и уже замахнулся, желая врезать ему дубинкой по голове. Но Андрей задержал его руку со словами:

— Не спеши, он еще пригодится...

— Имя? — Николай ткнул длинноволосого дубинкой в бок.

— Хаим, — дрожащим голосом ответил тот.

— «Хаим»..., — передразнил Николай. — Я твое мерзкое имя выжгу тебе на заднице.

— А ведь это он сидел за рулем безномерной иномарки, — вспомнил Андрей.

— Шофер козлобородого черта..., — присовокупил Николай, защелкивая замки чемодана.

Но в то же мгновение его глаза отреагировали на вспышку лампочки сигнализации. Это означало, что квартира Погудина была снова взята под охрану.

— Надо же позвонить по мобильнику, — спохватился Андрей. — Мы совсем забыли...

Следователь Скопин припарковал свой «Москвич» рядом с кинотеатром «Киргизия», а сам расположился в летнем открытом кафе, откуда хорошо просматривался сквер, где спиной к нему сидели двое мужчин. Он взял пару бутылок пива, надел темные очки и как бы непринужденно отдышал, с интересом разглядывая проходящих мимо полуоголенных девиц. На этот раз он был в зеленой тенниске со знаком «Reebok» на груди.

Прошло около часа, как Погудин и Карпинский-Зверь вели между собой психологически напряженную беседу на скамье под старым ветвистым тополем. Но в течение нескольких минут небо затянулось темными облаками, и где-то вдалеке пророкотали первые раскаты грома. Внезапный порыв ветра смахнул со стола Скопина пластмассовый стаканчик. «Сейчас ливанет», — вслух произнес Скопин, ища глазами навес, чтобы спрятаться от назревающего дождя и не потерять из виду сквер и скамейку под тополем.

Тем временем Погудин тоже обратил внимание на темнеющее вдали грозное небо. Разговор со Зверем его немного утомил, но, как ему казалось, он четко контролировал каждое свое слово и улавливал хитрые ходы мыслей рецидивиста.

— Сейчас будет ливень, — сказал Александр. — Надо куда-то прятаться...

— Подождите, Саша, я еще успею сказать главное, — Зверь уставил на Погудина жесткие колючие глаза. — У нас есть информация, что ваш друг Иванов совсем недавно был завербован некой засекреченной спецслужбой и уже подбросил к вам в квартиру оружие. Когда придете домой, проверьте чемодан, лежащий внизу шифоньера. Мы могли хоть сегодня произвести обыск в присутствии понятых. Но я не желаю ломать вашу жизнь.

Не отрывая от лица Александра бесцветных неморгающих глаз, Зверь пристально выжидал реакции Погудина. Оба они испытующе смотрели друг на друга, стремясь интуитивно уловить то, что происходило в сознании каждого из них. Александр словно спрашивал своим взглядом: «Седьмой жертвы хочешь?» И читал, как ему виделось, точный ответ: «Очень хочу».

Погудин поднял кверху лицо, выдохнул с силой воздух через сжатые губы и тихо сказал:

— Леонид Михайлович, я вам искренне благодарен за информацию и за участие в моей судьбе. Мне нужно проверить и проанализировать сказанное вами. Я, честно говоря, ошарашен. Поэтому давайте сейчас разойдемся, если не хотим вымокнуть, а через день-два созвонимся и договоримся о новой встрече.

— Хорошо, — с серьезным видом ответил Зверь. — Думайте и анализируйте. Я вам сам позвоню.

Скопин увидел, как двое мужчин, сидевших под тополем, поднялись со скамьи, пожали друг другу руки и направились в разные стороны. Когда Погудин проходил мимо кинотеатра, Скопин его окликнул. Александр обернулся на голос следователя и уже сделал шаг в его сторону, но крупные капли дождя забарабанили по асфальту и крышам торговых палаток. Над ними оглушительно грохнуло, и сразу же, без промедления, шумный поток воды обрушился с неба. «Бежим в машину!» — крикнул Скопин, подхватывая под руку Погудина. Они добежали до «Москвича» за несколько секунд, но когда впрыгнули в автомобиль, вода с них уже стекала ручьями. «Ну и ливень! — смеясь, воскликнул следователь. — В трех метрах ничего не видно!» В этот момент в кармане его брюк затренькал сотовый телефон. Скопин быстро приложил трубку к уху. Звонил Андрей. «Понятно. Очень хорошо.

Будем сию минуту», — произнес следователь несколько отрывистых фраз. Александр, вытирая о рубашку стекла очков, настороженно смотрел на Скопина. «А у вас, Александр Юрьевич, незваный гость...» — объявил тот с легкой ухмылкой и включил на всю катушку дворники. «Москвич» ринулся в дождевую грохочущую грозой пучину.

Когда они подскочили к погудинскому подъезду, ливень понемногу стихал. Их отечественный «мустанг» нос к носу сблизился со стоящей тут же темно-синей иномаркой. Скопин задержал за руку Погудина.

— Ну как? Что удалось узнать?

— Оружие уже подброшено.

— Я знаю.

Погудин протер пальцами крылья носа.

— Карпинский ведет сложную игру. Ему зачем-то нужно мое доверие. Мы договорились о новой встрече, — Погудин повернулся к следователю. — Владимир Алексеевич, надо действовать быстрее...

— Согласен, — сказал Скопин, наклоняясь к рулю и глядя прямо перед собой. — Обратите внимание на лобовое стекло этой иномарки. Видите, изнутри приколот специальный пропуск. Я третий раз замечаю такой в Москве. Большой дефицит... Этот спецпропуск категорически запрещает останавливать машину. Кому бы то ни было, под любым предлогом...

— И потому она может ездить без номеров? — спросил Александр, узнав ту самую «Хонду».

— Само собой, — ответил Скопин, открывая дверь «Москвича» и выходя под морозящий дождь.

Перепуганный и хлопающий рыбьими глазами Хаим со связанными сзади руками сидел в кресле в кабинете Погудина. Сам же хозяин квартиры и вместе с ним Николай и Андрей расположились напротив него, на сложенной кушетке. Пистолет, найденный в чемодане, и пейджер Хаима лежали на письменном столе. В кабинете горел электрический свет, а шторы на окнах оставались задернутыми. Следователь Скопин ходил из стороны в сторону, задавая короткие, но резкие вопросы:

— У кого работаешь?

— Да я... помощник Якова Исааковича, — дрожащим голосом пролепетал Хаим.

— А кто он такой?
— Финансовый эксперт в аппарате правительства.
— У него фамилия есть?
— Нет.
— Как так нет?
— Фамилии нет. Есть только полное имя. И у меня тоже.
— И у тебя нет фамилии?
— Нет.
— Вы с ним от кого родились? — на губах Скопина возникла пренебрежительная усмешка.
— Мы из очень древнего рода. И носим в себе только имя отца. А фамилии нам не нужны. Так у нас принято.
— Ну и как тебя полностью?
— Хаим Мордухаевич...
— Ладно, дикарь из древнего рода, говоришь, сюда тебя послал прокурор? А кто ключи дал от квартиры?
Хаим замялся, заерзал на кресле.
— Отвечай быстро, если хочешь жить и коптить этот свет, — отчеканил Скопин.
— Тоже он. И пистолет дал он, и объяснил, куда положить.., — толстомордый «гость» зашмыгал носом.
— И наркотики дал он?
Хаим растерянно затряс головой.
— Какие наркотики? Нет, нет, ничего этого не было!..
— Смотри, Хаим Мордухаевич, если найдем, то через задний проход в брюхо засунем, — пригрозил Скопин.
Он присел на стул.
— Как ты думаешь, харя лохматая, что мы должны с тобой сделать?
Толстомордый вновь часто заморгал и поджал мясистые губы.
— Я буду на вас работать, только не убивайте.
— Ты правильно догадался, грохнуть мы тебя можем в два счета, и никто не найдет, тем более без фамилии... Из твоего же пистолета.
— Он не мой, меня заставили.., — почти захныкал жирный еврей.
— Владимир Алексеевич, разрешите спросить его кое о чем? — подал голос Погудин.
— Конечно, валяйте, он к вам в гости пришел...
Погудин, сидя на тахте, задал свой вопрос:
— Что это за подвал, где обитал Сохатый? Что там происходит?

У патлатого Хаима снова забегали по сторонам выпученные глаза.

— Не знаю, ничего не происходит...

— Где живет козлобородый?

— К-какой к-козлобородый?

— Ты знаешь какой. Твой рогатый начальник — Яков Исаакович...

Александр заметил, что в глазах толстомордого промелькнул ужас. Заикаясь, Хаим что-то зашамкал про загородную дачу, но Погудин прикрикнул:

— Не врать! Почему твоя машина постоянно стоит у входа в тот подвал?

Хаим запыхтел, засопел, закашлял, на его темно-коричневых глазах выступили слезы.

— Говори, тварь пархатая, или уши отрежу! — не выдержал Николай. — Будешь собственное дерьмо жрать!

— Так-так-так, — вмешался Скопин, — нутром чую, тут что-то интересное... И где же все-таки проживает твой начальничек?

— Там, — наконец выдал из себя толстомордый.

— Где «там»? — не понял Скопин.

— В этом доме... на первом этаже...

— А при чем тут подвал? — Скопин непонимающе посмотрел на Погудина.

— Дальше, дальше, ничего не скрывай, — подстегнул пейсатого Александр, удостоверяющийся в своих догадках. — Если жить хочешь...

— Вход к нему через подвал.., — опустив голову, признался Хаим.

— Почему? Ничего не понимаю, — Скопин вновь заходил по кабинету. — Вход в квартиру через подвал?

— Мы проверили, на первом этаже нет квартир, — отозвался Погудин.

— А что там? — Скопин остановился перед длинноволосым пленником с бородой раввина.

— Его резиденция, — угрюмо пробубнил Хаим.

— Что-что? Резиденция? — Скопин нагнулся к толстомордому. — А вход через подвал?

— Были мы в этом подвале, — тихо проговорил Погудин. — Более мерзкого места трудно найти. Но этот ублюдок скорее всего не врет., — он поднялся с кушетки, приблизился к убитому страхом чернобородому жиду. — Слушай, ты, мешок с потрохами, не вздумай с нами хит-

ритель. Мы всё можем узнать и без тебя, но правда — твое единственное спасение. Отвечай четко и ясно: откуда вход в его резиденцию?

Хаим поднял на него округлившиеся дрожащие глаза с расширенными зрачками.

— Да... из того... логова Сохатого...

— Неужели? — не поверил Погудин. — Что-то я там не увидел никакого входа...

— За топчаном в стене — большая замкнутая трещина... Это и есть дверь в другое помещение, — толстомордый шумно и тяжело дышал. — А оттуда вверх идут ступеньки в резиденцию магистра.., — пейсатый тут же осекся, — то есть моего шефа...

— Магистра? — переспросил Погудин. — Магистра чего? Может, оккультных наук и черной магии?

Хаим, опустив голову, прикусил верхнюю губу и чуть слышно договорил:

— Его так только в резиденции называют...

Николай поднялся с кушетки.

— Что-то плохо верится... Должен быть другой вход... — проговорил он и угрожающе приблизился к толстомордому. — Выкладывай всё!

— Есть еще... — тихо и безнадежно сознался Хаим, уставившись в пол.

— Где? Отвечай быстро, мразь!

— Из одной квартиры... на третьем этаже.

— Вот оно что... — Иванов отошел от него и вновь присел рядом с Погудиным. — Была у меня такая мысль...

В этот момент изъятый пейджер, лежащий на письменном столе, издал противный писк. Скопин подошел к столу и взял пейджер в руки. На сером экране высветился текст ядовито-желтого цвета: «Завтра к 22.00 привезешь прокурора в офис. Шеф». Следователь показал текст сообщения насторожившемуся Хаиму.

— Что это означает? — задал он вопрос, сурово глядя на потемневшую физиономию жирного «помощника эксперта». — Ну, с прокурором вроде как ясно. С шефом — тоже. А офис? Где это?

Хаим обреченно уставился мимо Скопина куда-то сквозь сдвинутые шторы на окнах.

— Во Владимире это, — как-то совершенно безразлично сказал он.

Погудин и Скопин понимающе переглянулись.

— Во Владимире? Занятненько.., — молодой следователь вновь присел на стул. — И что же там у вас?

— Информационный центр.

— А кто такой «профессор», знаешь? — еще раз вмешался Погудин.

— Хозяин офиса, руководитель этого центра, — подавленно признался Хаим.

— Картина, в общем, проясняется.., — удовлетворенно произнес Скопин. — У вас, смотрю, организация дела на широкую ногу поставлена, — он нацепил пейджер себе на брючный ремень и, подойдя к толстомордому волосатику, уткнул палец ему в грудь. — Значит, так, Хаим Мордухаевич. Прямо сейчас поедешь со мной в прокуратуру. Вернее, поедем на твоей машине.

Хаим устремил на Скопина безнадежный тоскливо-иудейский взгляд.

— Не трясись так. Если будешь себя правильно вести, останешься цел, — Скопин поднял его за шкурку с кресла, развернул и развязал руки. — А оттуда вместе с Гелием Мироновичем махнем в Барвиху. Про санаторий «Елочки» слышал?

— Бывали там.., — глухо пролепетал Хаим.

— Учти, одно неверное движение или слово — тебе конец.

Скопин взял со стола «макарова», загнал патрон в ствол и засунул пистолет в карман своих широких брюк.

— Александр Юрьевич, поглядите за «Москвичом», я вам позвоню завтра утром, — бросил он на ходу, толкнув к выходу грузного, тяжело дышащего Хаима.

Вместе с длинноволосым «помощником эксперта» следователь Скопин вошел в кабинет прокурора Алешечкина, быстро перебиравшего какие-то бумаги, стопкой сложенные на столе. Прокурор спешно переложил бумаги в «дипломат». С его гладко выбритого виска на голубую рубашку скатилась крупная капля пота. Хаим заискивающе заулыбался и, поклонившись, промолвил:

— Здрате...

— Надо предупреждать, Владимир Алексеевич, когда у вас ко мне дела. Сколько раз я вас просил.., — недовольно встретил их прокурор.

— Гелий Миронович, извините, но... дело срочное, — объяснил Скопин. — Позвонил Яков Исаакович и велел вам вместе со мной прибыть к нему. Он прислал машину и своего шофера.

— Это куда?

— Говорит, в загородный санаторий. Шофер дорогу знает. Он пытался с вами лично связаться, но ваш телефон почему-то молчит...

Прокурор поднял трубку городского аппарата.

— А, черт, — выругался он, — опять отключили... И соловый, как нарочно, дома оставил...

— Еще он просил захватить какие-то отчетные бумаги, — мгновенно придумал Скопин.

— Какие-какие? — Алешечкин испытующе уставился на молодого следователя.

Скопин пожал плечами.

— Вроде как отчетные... Я не стал уточнять...

— Ладно, разберемся, — прокурор взял под мышку «дипломат», отключил настенный вентилятор, закрыл за собой на ключ входную дверь кабинета, и они втроем по деревянным ступеням спустились со второго этажа старого здания окружной прокуратуры. Гелий Миронович не подозревал, что это место его работы он покидает навсегда. У самого входа в прокуратуру их ждала темно-синяя «Хонда».

Через сорок минут стремительной езды безномерная иномарка, за рулем которой сидел пейсатый Хаим, въехала в ворота бывшего цеховского санатория в Барвихе. Рядом с водителем, на переднем сиденье, прокурор Алешечкин одной рукой нервно вытирал носовым платком покрасневшую потную шею, а другой прижимал к коленям черный импортный «дипломат». «Подъезжай вон к тому гаражу», — подсказал Хаиму Скопин. «Зачем?» — испуганно спросил Гелий Миронович, пытаясь открыть дверь автомобиля. Но сидевший сзади следователь приставил к затылку прокурора ствол пистолета с негромкими словами: «Сидеть спокойно и не дергаться». Рука Гелия Мироновича, сжимавшая платок, застыла на щеке, а сам он с немым недоумением искоса поглядел на окаменевшую физиономию чернобородого Хаима. «Посигналь», — приказал Скопин водителю, когда их «Хонда» подкатила к невысокому кирпичному строению. Тот дважды нажал на клавишу руля. Двери гаража автоматически разжались в

обе стороны, и автомобиль по наклонному асфальтированному скату въехал в чрево глубокого слабо освещенного бетонного бункера. Уже в полубморочном состоянии Гелий Миронович Алешечкин услышал, как тоскливо заняло его сердце. Он всё понял.

После ухода Скопина с длинноволосым пленником Погудин озабоченно прошелся по кабинету, недоумевая:

— Вот вам и сигнализация!.. Делают что хотят! Для них вообще не существует ни законов, ни морали!

— Александр Юрьевич, чему вы удивляетесь? — махнул рукой сидевший на кушетке Андрей. — Враги, они и есть враги. Вы же сами нам это объясняли.

— Да-а, — Погудин остановился, скрестив руки на груди, — на войне как на войне... И с этим магистром, чувствую, битва еще впереди...

— Кто же он на самом деле? — задумчиво произнес Николай, прислонившись к дверному косяку.

— Антихрист, — тихо ответил Погудин, присаживаясь на стул у письменного стола.

Николай усомнился:

— Я его видел. По-моему, слишком мелковат...

Но Александр продолжил свою мысль:

— Не нужно думать, будто антихрист — это кто-то один. Их было много в разные времена. И даже в одно и то же время, как, например, Ленин, Свердлов и Троцкий. Это дети дьявола, но мать у них — обязательно еврейка. Никто в нашем веке так не боролся с Христом, как они. И все трое сошли страшной смертью.

— Как, по-вашему, — спросил Николай, — все евреи виноваты в бедах России?

— Нет, конечно, не все, — уверенно ответил Погудин. — Даже среди патриотов имеются евреи. Но виновно еврейство как таковое. Оно изначально разрушительно. И не только для России, но для человечества, для природы, для жизни. Нужно различать отдельных евреев и еврейство как заразу, как болезнь, как вирус. С вирусом борются, но он существует, живет за счет здоровых клеток. И если ему не сопротивляться, он уничтожит всех. Вот так и мировое явление под названием еврейство: если ему дать полную свободу, оно подрубит все моральные основы человеческой жизни, испохабит, извратит все нормальные

понятия, выработанные человечеством ради самосохранения. Еврейство — это микроб разрушения, как спид, оно несет только гибель. Именно поэтому всегда и везде оно орет о свободе, свободе для себя. Не стоять на его пути — значит лишать своих детей будущего. К великому сожалению, понимают это очень немногие...

— Еврейство или жидовство? — решил уточнить Андрей.

— Нет, нет, я говорю о еврействе. Жидовство — это иное. Торгашество, обман, нажива, ростовщический, банковский капитал — это жидовство. Еврейство же страшнее. Это идея разрушения, всеразлагающий дух, который отравляет даже воздух. Нет, еврейство страшнее... А отдельные евреи бывают и неплохими ребятами.

— Между прочим, — усмехнулся Николай, — они и в газете «Завтра» работают...

— Я знаю, — признался с досадой Александр. — У них есть выбор. Всякий еврей, желающий быть нормальным человеком, должен изжить в себе этот гадостный дух еврейства.

— Но, согласитесь, они же, черти, умные, — вставил Андрей.

Погудин скривил губы.

— Во-первых, это самое распространенное заблуждение, а во-вторых, у большинства евреев бесовский ум, а у некоторых — дьявольский. Вот они и кажутся умными. Конечно, дьявол — не дурак...

— Один Березовский чего стоит, — добавил Николай.

Погудин встал, вновь прошелся по кабинету.

— Уничтожают они нашу жизнь, уничтожают... Если еврейство не остановить, Россия не вылезет из той ямы, в какую они ее загнали... — (Он раздвинул шторы. В глаза ударили ослепительные лучи заходящего солнца.) — Проклопав Мессию, евреи поняли, что они в этой жизни проиграли. И они возненавидели себя. В конце концов их ненависть к себе перешла на ненависть ко всему человечеству. Став орудием дьявола, они теперь работают на истребление в с е й жизни, — Погудин выделил голосом слово «сей». — И то, что среди них есть порядочные люди, ничего для нас не меняет...

Он, шурясь, выглянул в окно, увидел «Москвич» Скопина и прервал беседу.

— Ладно, друзья, давайте расходиться. Я должен подумать, как действовать дальше.

Глава третья

В кабинете директора санатория «Елочки» Валерия Ивановича Петрова всю прошедшую ночь горел свет. Вместе со своим близким товарищем, следователем Скопным, Валерий Иванович пытался разобраться в бумагах, обнаруженных в «дипломате», принадлежащем окружному прокурору Алешечкину. Директор санатория, хоть и был раза в два старше молодого следователя, все же питал к нему искреннее уважение и ценил за смелость, честность и прямоту. Столь выгодную должность Валерий Иванович обрел случайно, когда ушел в отставку из «Конторы Глубокого Бурения» еще до еврейского переворота 1991 года, и с тех пор, будучи по духу безоглядным русским патриотом, полностью заменил обслуживающий персонал санатория на надежных русских людей.

В подземном гараже, построенном на территории цэковского санатория еще при власти коммунистов, теперь размещались автомобили богатых «новых русских», обосновавшихся здесь на отдых со своими семьями. Но ниже уровня многосекционного гаража находился специальный бункер, оборудованный в те же коммунистические времена под бомбоубежище и используемый ныне директором санатория в зависимости от ситуации по особому назначению... В течение прошедшей ночи, когда Валерий Иванович и следователь Скопин знакомились с упомянутыми выше бумагами, теперь уже бывший прокурор Алешечкин и толстомордый Хаим были изолированы друг от друга в пустующих складских помещениях этого самого бункера.

Молодой следователь Скопин как в воду глядел, когда предложил Гелию Мироновичу захватить с собой «отчетные» бумаги для Якова Исааковича. При первом же знакомстве с ними создавалось впечатление, что окружной прокурор действительно перед кем-то отчитывается за прошедший месяц... Хотя отчет этот по своей фактуре был до такой степени невероятным и циничным, что поначалу казался фантастически неправдоподобным. Фактам, изложенным в этих отчетах, просто не хотелось верить. И сам следователь Скопин не поверил бы сказанному, если бы услышал об этом от кого-то другого.

Он вспомнил выражение лица Гелия Мироновича, когда тому было приказано оставить «дипломат» на сиденье в машине и следовать по винтовой лестнице в глубину бун-

кера в сопровождении двух работников гаража. Его почерневшее лицо выражало даже не животный страх, а настоящий предсмертный ужас, который Скопин объяснил себе элементарной природной трусостью этого холеного еврейского борова перед лицом расплаты. Теперь же, когда к концу ночи бумаги, изъятые у него, были прочитаны, Скопину стала понятна причина того смертельного ужаса, отразившегося на гладкой физиономии бывшего прокурора.

— Я подозревал.., — признался Валерий Иванович, — подозревал, что это они... Но не до таких пределов...

Он вновь приблизил к глазам лежащий сверху лист из кучи прочитанных бумаг и озвучил короткий текст, написанный от руки довольно разборчивым почерком:

— «Проведено инфицирование вирусного менингита. Саратовская область: две детские больницы, всего 60 человек. Мурманская область: три взрослых стационара, всего 95 человек. Хабаровский край: три взрослых и одна детская больницы — 150 человек», — директор санатория взял со стола еще один лист и прочитал вслух: — «Через прививки заражены спидом 350 детей в десяти детских садах разных городов России. Завезены бактерии сальмонеллы в 13 детских летних лагерей. Сброшено 15 тонн ртути в реки и водоемы Европейской части РФ. Отправлена сыворотка брюшного тифа в пять деревень Тамбовской области», — Валерий Иванович бросил лист на стол. — Нет, я не могу больше это читать... Дьяволизм какой-то... А мы-то всё гадаем, откуда у нас эти повальные детские эпидемии... Слушай, Володя, дай я задушу его собственными руками?..

— Погоди немного, не погань руки, — попытался охладить старшего товарища следователь Скопин. — Честно говоря, меня и самого точно обухом по голове звезданули...

— Аж сердце от злобы холодеет, — не успокаивался директор санатория. — Я теперь неделю спать не буду, если этому гаду яйца не вырву...

— Меня вот что особенно пугает, — Скопин, как бы не слыша слов Валерия Ивановича, взял в руки лежащий перед ним лист, имевший запись тем же спокойным почерком. — Послушай еще раз такую информацию: «Еврейскими предпринимателями сдано в аренду лицам с Северного Кавказа: в Москве — 12 подвалов и 8 помещений на первых этажах. В Санкт-Петербурге соответственно — 5 и 6. В Рязани — 7 и 2. В Воронеже — 2 и 3», — Скопин поднял со стола другой лист. — Или вот такая новость: «Завезено

гексогена (это такое взрывчатое вещество), — пояснил он. — В Москву — 20 тонн. В Волгодонск — 5 тонн. В Санкт-Петербург — 10 тонн. В Рязань — 7 тонн. В Саратов и Воркуту доставлено по одной тонне самовоспламеняющейся жидкости». Они нам готовят что-то ужасное... Слушай дальше: «За истекший месяц выпущено на свободу по болезни или амнистии 150 рецидивистов, из них — 19 убийц, 10 сексуальных маньяков, 3 приговоренных к пожизненному заключению». Жуть какая-то... Кто всё это делает?

— Эх, Володя, Володя, — тяжело вздохнул Валерий Иванович, — сколько раз я тебе говорил... Они не люди... Повесить бы одного на площади в центре Москвы, чтобы хоть раз испугались... А то ведь абсолютно всё им сходит с рук! Полная безнаказанность..., — он встал из-за стола, приблизился к окну, за которым уже светало. — Но с этим прокурором ты попал в яблочко... Его уже нельзя из наших рук выпускать.

— Теперь-то уж точно, — устало согласился Скопин, посмотрев еще раз на кипу бумаг, разбросанных по столу. — Вытаскивай его сюда.

Директор санатория быстро подошел к аппарату местной связи, нажал на три кнопки.

— Это Петров. Мне нужен клиент из первой камеры.

Бывший прокурор был проведен в кабинет Валерия Ивановича.

Обрюзгшего, с трясущимися руками, морально раздавленного, его посадили на стул напротив стола директора санатория. Скопин и Петров некоторое время, не говоря ни слова, разглядывали это мерзкое животное в облике человека. Затем молодой следователь, стоящий за креслом Петрова со скрещенными на груди руками, брезгливо проговорил:

— А ведь он был моим начальником...

Арестованный, видя свои бумаги на столе директора санатория, выдал из себя бабым дрожащим голосом:

— Что вы собираетесь со мной делать?

— Еще не решили, — с ненавистью бросил ему Валерий Иванович.

— Меня будут искать...

— Да, может, и найдут, — прищурившись, процедил директор санатория, — без головы и без яиц...

Полуживой «клиент» уставился на них с прежним ужасом в глазах.

— Эти бумаги писал ты. Я твой почерк знаю. Кому они предназначались? — задал вопрос Скопин.

— Сначала Якову Исааковичу..

— Кто он такой?

— Этого не знает никто, — глухо и как-то загадочно пробормотал бывший прокурор Алешечкин.

— А дальше?

— Израильскому посольству.

— И так каждый месяц? — вопрошал Скопин.

— Да.

— Сколько же вы детей заразили, гады! — не выдержал директор санатория.

Бывший прокурор омертвело смотрел себе под ноги. Скопин опустил руку на плечо Валерия Ивановича, удерживая его от ярости.

— Где происходит отчет?

Алешечкин кусал губы, не поднимая головы и свесив бессильно руки.

— В твоих интересах говорить только правду. Или.., — Скопин достал из кармана брюк пистолет Макарова и демонстративно положил на край стола.

— Во владимирском офисе.

— Сбор сегодня в 22.00?

— Да.

— Каким образом ты связываешься со Зверевым, который Карпинский?

Алешечкин возвел к потолку обреченные глаза, шевеля побелевшими губами.

— Отвечать быстро! — приказал Скопин.

— С ним теперь напрямую работает Яков Исаакович.

— Место нахождения Карпинского? Адрес?

— Гурьянова, девятнадцать, квартира пять.

Скопин, наклонившись к столу, записал адрес на передвижном календаре директора санатория.

— Мы проверим, — пообещал он и вернулся к прежнему вопросу:

— Так все-таки кто же такой этот Яков Исаакович, коль вы все перед ним отчитываетесь?

— Это не известно никому из нас, но он выше нас всех..

— А сколько вас?

— Только в Москве активных, при должностях, сто тысяч, а с пассивными — миллион.

— Мама родная.., — прошептал Скопин.

— Я ведь тебе говорил, Володя, — вставил Валерий Иванович. — Но хоть одного я своими руками задушу..

Он медленно привстал, однако Скопин двумя руками надавил ему на плечи и усадил в кресло.

— Кто возглавляет информационный центр?

— Леонид Борисович Нуйкин, бывший ученый, профессор.

— Это он снабжал тебя компроматом на Погудина?

— Да.

— Понятно, — задумчиво произнес Скопин. — А ведь Погудин прав... В России идет настоящая война... Сто тысяч активных врагов и миллион пассивных вредителей в одной только Москве! Это же целая армия! — сдавленным голосом воскликнул он. — И догадываются об этом лишь единицы... Как же нам быть?..

— Я знаю, как быть, — отрывисто сказал директор санатория. — Отлавливать и пропускать через мой бункер.

— Это не выход, — Скопин закрыл глаза ладонью, — всех не отловишь и не пропустишь.

— Тогда просто мочить, чтобы напустить на них страху. Десятерых, самых крупных, замочим, поднимем панику — остальные сами из страны побегут.

— Ох-хо-хо.., — вздохнул молодой следователь. — Ну, Гелий Миронович, придется тебе побороться за свою поганую жизнь...

Он отстегнул от брючного ремня мобильный телефон и набрал номер Погудина.

— Александр Юрьевич, разбудил? Извините, это Скопин. Очень важно. Нужен наш человек из мира науки, разбирающийся в компьютере. Есть такой? Очень хорошо. Поедет на серьезное задание во Владимир. Именно туда. Его нужно пригласить к вам к шести часам вечера. Сделаете? Постарайтесь. И ждите меня. Приеду — всё объясню.

Скопин подошел вплотную к своему бывшему начальнику, схватил его за ворот рубахи и поднял со стула.

— В общем, так, бесовское отродье, я тебе дарю жизнь и обещаю, что никто ничего не узнает. Но тебе сегодня ночью придется на нас поработать... Усек?

— Хорошо, — в погасших глазах бывшего прокурора промелькнула слабая надежда. — А что я должен...

— Все узнаешь. Иди отоспись и приведи себя в порядок, чтобы ночью быть в форме... Валерий Иванович, — он повернулся к директору санатория, — пусть уведут.

Когда они остались в кабинете одни, Петров недовольно проворчал, разведя руками:

— Либеральничаешь ты с ним, Владимир Алексеевич. Я бы сделал из него котлету. Смотри, проведет он тебя, им верить нельзя.

Но Скопин возразил, затаив в глазах недобрую мысль:

— Ничего, ничего, Валерий Иванович, это я его проведу..

Петров широко зевнул, прикрывая рот тыльной стороной ладони, затем потер себе виски и запрокинул вверх лицо.

— Уничтожают они Россию на виду у всех... И кому ни скажешь об этом — никто не хочет слушать.

Он встал с кресла, снял пиджак, прошелся по кабинету, разминая ноги. Остановился возле широкого окна и разгладил двумя пальцами седые усы.

— Страна полных идиотов... Одни не желают ничего знать, другие — боятся. Глаза бы мои не смотрели на всё это наше трусливое быдло! Совершенно извратился народ... Не с кем, не с кем идти на битву, Володя. Одни козлы остались...

— Но мы-то с тобой не козлы, Валерий Иванович?

— Да что мы? Сколько нас? Ты да я...

— Не скажи... И я тебе сегодня докажу.. Поедешь со мной на дело.

— Ладно, — примирительно улыбнулся директор санатория, — а пока пойдем отдохнем часика три-четыре. Вот тебе ключи от номера.

— Собери все бумаги в его «дипломат», — попросил Скопин. — Отъезжаем в пять часов вечера.

В половине пятого двух «клиентов» из бункера провели в кабинет Петрова. Заспанная заросшая рожа Хаима звала у директора санатория тошнотное омерзение.

— Ну и рождает же природа!.. — скривился он.

— Их черти рождают, — ухмыльнулся Скопин, но тут же, приняв серьезный вид, обратился к двум пленникам: — Слушайте меня внимательно. Сейчас мы все вместе поедем во Владимир. По пути захватим в Москве еще одного человека. Ваша задача, господин Алешечкин, представить его Якову Исааковичу как очень нужного и близкого вам по духу собрата, вернее сокровника, обладающего к тому же важной информацией. Постарайтесь, — он обвел пальцем стоящих перед ним насупившихся «граждан мира», — оба постарайтесь не вызвать никаких подозре-

ний. От этого будет зависеть ваша жизнь. Если всё пройдет гладко, я обещаю вам полную свободу. Если будете молчать вы, то и я буду молчать. При соблюдении взаимного договора никто никому не причинит вреда. Возражения есть?

— Нет, — пискнул часто моргающий Хаим.

— Я согласен, — растерянно ответил бывший прокурор, вытирая носовым платком потную шею.

— Предупреждаю, мы будем вооружены. С нами шутки плохи.

Ровно в пять часов вчетвером они сели в выведенную из гаража «Хонду». Скопин и Петров разместились на заднем сиденье.

— Сначала к Погудину, — молодой следователь толкнул Хаима в спину.

Через сорок минут «Хонда» затормозила возле погудинского подъезда рядом с простоявшим здесь сутки «Мосвичом».

— Ждите меня, — сказал Скопин, незаметно передавая в руки Валерия Ивановича пистолет Макарова, и скрылся в подъезде.

Вскоре Скопин вернулся вместе с пожилым мужчиной в светлом костюме, который сел в иномарку рядом с Валерием Ивановичем. Сам же следователь нагнулся к водителю «Хонды».

— Выезжай на шоссе Энтузиастов и жди меня под эстакадой Кольцевой дороги. Я буду через полчаса вот на этом «Москвиче».

Спустя несколько минут, молодой следователь уже находился в своей прокуратуре. Быстро прошел к себе в кабинет, открыл сейф, достал две компьютерные дискеты и пачку жевательной резинки. После этого он вынул из глубины сейфа свой табельный «ПСМ», загнал патрон в ствол и погрузил пистолет в карман широких брюк. Когда он шел по коридору к выходу, его окликнул милиционер охраны:

— Владимир Алексеевич, вы не в курсе, куда подевался Гелий Миронович? Из дома звонили, говорят, не ночевал. И на службе его не было весь день...

— Не знаю, не знаю, — нехотя ответил Скопин. — Я со вчерашнего дня на задании...

Под мостом Кольцевой дороги Скопин остановил свой «Москвич», подошел к иномарке и попросил на минуту

выйти пожилого мужчину, сидящего рядом с Валерием Ивановичем. Они отошли в сторону.

— Вот две дискеты, — негромко объяснил следователь. — Одна — «зип», сто мегабайт, на нее сбросите как можно больше информации. Другая — обычная. На ней вирус. А это — жвачка. Верхняя в красной обертке — та самая. Остальные — в синей. Всё запомнили? Ну, желаю успеха.

Скопин пожал руку пожилому мужчине и вместе с ним приблизился к «Хонде».

— Сильно не гони, — крикнул он водителю, — у нас достаточно времени. Да и мой «мустанг» за тобой не потянет...

...Оба автомобиля оказались на улице Мира города Владимира, когда уже начинало темнеть. «Хонда» вырulingа на автостоянку недалеко от той «хрущевки», где размещался профессорский офис. Выйдя из машины, Хаим вожденно разогнул спину и помассировал себе поясницу.

— Наконец-то..., — облегченно вздохнул он. Но, узнав стоящую невдалеке «Ауди» своего шефа, произнес с некоторым злорадством: — А Яков Исаакович уже здесь...

Директор санатория тоже покинул иномарку и зашагал к остановившемуся поодаль от автостоянки «Москвичу».

Дверь в офис открыл охранник после условного звонка. Гелий Миронович, волосатый Хаим и пожилой мужчина вошли в просторную прихожую, где встречала гостей раскрасневшаяся Юнна Пинхусовна, на которой было, как и месяц назад, длинное черное платье с высоким передним разрезом.

— Хаим, мальчик мой, совсем про маму забыл, глаз мне своих не кажешь, — кинулась она к пузатому волосатику, выставляя вперед свернутые в трубку широкие красные губы. — Гелий Миронович, как я рада вас видеть в полном здравии, — распростерла она объятия после Хаима навстречу бывшему прокурору и, подставив Алешечкину для поцелуя свою дряблую неровно напудренную щеку, устремила любопытный взгляд на пожилого мужчину в светлом костюме.

— Знакомьтесь, Юнна Пинхусовна, это мой старый знакомый, директор крупного закрытого института. Борис Иосифович. Прошу любить и жаловать.

— Очень, очень рада, — супруга профессора чуть присела и подняла для поцелуя толстую руку с массивными перстнями на коротких пальцах. — Отчего вы, Гелий Миронович, раньше скрывали столь приятного мужчину? —

проворковала она, затуманив свои безвкусно покрашенные выпуклые глаза. — Милости прошу в кабинет к Якову Исааковичу...

— Мамуля, жрать хочу, как волк, — простонал бородастый Хаим.

— Быстро на кухню! — она ударила толстомордого по спине своей пухлой ладонью.

Худосочный и рыжебородый Яков Исаакович, сурово глядя поверх круглых очков на вошедших в его кабинет гостей, властно восседал за широким секретером.

— Гелий Миронович, куда вы пропали? — с картавой строгостью обратился он к явно стухнувшему бывшему прокурору, держащему под мышкой свой черный «дипломат». — Ни дома вас нет, ни на работе... Я обыскался...

— Яков Исаакович, — начал оправдываться Алешечкин с заискивающим раболепием, — прошу покорнейше прощения. Загуляли мы немного... Вот, старого товарища встретил... Когда-то вместе в МГУ учились... Исключительно, знаете ли, наш человек...

— Вижу я, как вы гуляете! — козлотородый поправил очки с круглыми стеклами. — Небритый и рубашка мятая... На вас это не похоже. Присаживайтесь.

Алешечкин и пожилой мужчина сели на кожаный диван сбоку от секретера.

— Так-так..., — недовольно пробурчал козлотородый. — Вообще-то, Гелий Миронович, вам известен порядок. О новых людях вы должны предупреждать заранее...

— Известен, Яков Исаакович, простите великодушно, загуляли за городом, а свой мобильник я, как назло, дома оставил... Но за своего старого товарища я отвечаю и всячески рекомендую. Он имеет для нашего центра очень важную информацию. Надо бы его с профессором свести...

— Смотрите, Гелий Миронович, — погрозил пальцем козлотородый шеф, — не злоупотребляйте моим доверием. И чтоб такие игры с загулами больше не повторялись, — он вышел из-за стола и приблизился к молчаливо сидящему пожилому мужчине в светлом костюме. — Итак, с кем имею честь?

— Борис Иосифович Кацнельсон, — поднявшись с дивана, представился пожилой мужчина и пожал протянутую ему расслабленную руку с узким, как у ребенка, запястьем, — генеральный директор Института ядерных исследований. До недавнего времени мы назывались просто «поч-

товым ящиком». Работаем на оборонку. Прежде я особо не светился, но о вас премного наслышан и давно мечтал познакомиться лично...

Козлобородый коротышка, не меня сурового выражения сомкнутых губ, долго всматривался в лицо стоящего перед ним пожилого мужчины, не имевшее ни малейших еврейских черт. Затем развернулся и вновь занял свое место за секретером. Немного подумав, снял трубку бездискового телефонного аппарата.

— Леонид Борисович, посмотрите, пожалуйста, кто у нас директором Института ядерных исследований? Быстренько, — попросил он и тут же обратил взгляд к пожилому мужчине, продолжавшему стоять возле дивана. — Уж вы извините, что приходится уточнять прямо при вас. Обязательства заставляют. Время сложное... Это, между прочим, ваш рекомендатель во всем виноват...

— Ничего, ничего, я понимаю.., — со спокойной улыбкой ответил новый гость худосочному очкарику.

— Да-да, — проговорил козлобородый в трубку. — Угу. Понятно. А год рождения? Где учился? Имя-отчество супруги? Ага... Хорошо. Спасибо, — он положил трубку. — Да вы садитесь, садитесь, Борис Иосифович, в ногах правды нет, — козлобородый указал рукой на диван и с хитрой ухмылкой на тонких губах задал вопрос: — Скажите, пожалуйста, как величают вашу супругу?

Пожилой мужчина закинул ногу на ногу, опустил вниз лицо и поправил черный перстень на правой руке.

— Яков Исаакович, супруга моя уже десять лет как ушла в мир иной.., — покачав головой, тихо сказал он. — Я старый вдовец...

Козлобородый заметно оттаял, напряжение сошло с его тонких губ.

— Простите за такую дотошность, Борис Иосифович... Но в нашем обществе, я думаю, вы поправите свое семейное положение.., — он, облокотившись, подпер хилым кулаком свою козлиную бороду. — Так какую же важную информацию вы имеете для нас?

Пожилой человек мельком взглянул на бывшего прокурора.

— Это сугубо секретная информация.

— Борис Иосифович, вы могли сами удостовериться, насколько я доверяю господину Алешечкину, умеющему хранить прокурорскую тайну...

Пожилой человек вновь опустил лицо и покрутил перстень на правой руке.

— Мы в настоящее время, — начал он не спеша, — ведем разработку новейшего ядерного реактора на основе холодного расщепления ядра. Такие попытки были у американцев и у англичан, но они не увенчались успехом. А вот нашему институту удалось открыть принципиально иной метод деления атома... Уже то, что мы сделали, — переворот во всей ядерной физике. Я объясняю вам простыми словами. Всё дело в соединении некоторых веществ. Это как построение природой живой клетки — единственно возможный вариант из миллиарда допустимых... И мы в своей области практически подошли к подобному варианту. Это открытие будет стоить триллионы долларов!.. Оно перевернет умы! — подняв кверху палец, возгласил сидящий на диване гость.

Глаза козлобородого сквозь круглые очки озарились красным огнем.

Бывший прокурор Алешечкин, сидя с широко расстегнутым воротом голубой рубашки, нервно вытирал пот со лба и с шеи. Открыв рот, ничего не понимая и судорожно прижимая к животу черный «дипломат», он искоса глазел на соседа по дивану.

Козлобородый отъехал на кресле от секретера.

— Ваша информация только на словах?

— Не только, — пожилой мужчина таинственно улыбнулся.

— Я весь внимание, — подстегнул его хозяин кабинета.

— У меня, Яков Исаакович, имеется дискета... которая очень дорого стоит.

— Сколько? Называйте сумму, — на щуплой физиономии козлобородого застыла грустная усмешка.

— Меня не деньги интересуют, — с такой же усмешкой ответил пожилой мужчина в светлом костюме.

— А что?

— Власть.

Усмешка сошла с губ козлобородого.

— Какая еще власть?

— Министерская. Я знаю, вы можете устроить.

Хозяин кабинета угрюмо вздохнул.

— Всем нужна власть... И зачем она вам? С вашим открытием, если оно не фикция, мы будем иметь власть над целым миром...

— Вот-вот, Яков Исаакович, именно вам я и предлагаю власть над целым миром. Для меня это непосильная ноша. Мне достаточно и министерской...

— Хорошо, если всё так, как вы говорите, я вам устрою для начала должность замминистра, но прежде, прямо сейчас, вы переведете имеющуюся у вас информацию на нашу дискету. Я должен проконсультроваться со своими специалистами. Учтите, мое слово надежное. Если я пообещал, значит, так и будет.

— Я вам верю, Яков Исаакович. Но и вы имейте в виду, что на дискете — лишь схемы и язык формул. Осуществить же практически новый метод ядерной реакции способен только наш институт. В этом вся загвоздка. Без нас никто ничего не добьется...

— Я вижу, что имею дело с умным человеком, — понимающе подмигнул козлобородый сквозь круглые очки, подъезжая к секретеру. Он вновь снял трубку бездискового телефонного аппарата. — Леонид Борисович, зайдите ко мне.

В кабинет шефа вошел профессор Нуйкин, блестя округлой, как шар кегельбана, лысиной.

— Профессор, — с некоторой торжественностью обратился к нему хозяин кабинета, — я имею честь познакомиться с вами с новым членом нашего сплоченного круга. Борис Иосифович Кацнельсон, тот самый, представьте себе, собственной персоной. Думаете, я случайно интересовался его семейным положением? Хе-хе-хе, — скрипуче засмеялся шеф. — Кстати, его нам отрекомендовал Гелий Миронович... Тут есть огромная перспектива для вашего информационного центра! Леонид Борисович, снимите данные с его дискеты. Надеюсь, вы найдете общий язык...

Профессор Нуйкин, пока говорил козлобородый, не отрываясь всматривался в лицо пожилого человека и усиленно пытался что-то припомнить.

— Где-то мы с вами виделись, по-моему, — осведомился он, когда шеф умолк.

— Возможно, возможно. Мне ваше лицо тоже знакомо, — хладнокровно подтвердил догадку профессора сидящий на диване гость.

— В Институте Управления не приходилось бывать где-нибудь в семидесятые или восьмидесятые годы?

— Как же не приходилось? Довольно часто бывал. Тогда, помнится, директорствовал Илья Матвеевич Бродский...

— Точно, — обрадовался профессор Нуйкин.

— Я тогда еще только кандидатскую защитил, но уже готовился к докторской и приглашал его в руководители... И на даче у него гостил, в Софрино.

— Леонид Борисович, — встрял рыжебородый шеф, — вы воспоминаниями попозже займетесь, после дела. Пройдите с Борисом Иосифовичем к себе, сделайте, о чем я вас попросил, а после двенадцати пообщаемся за шампанским.

— Будет исполнено в лучшем виде, — поклонился лысый профессор Нуйкин и, беря под руку пожилого человека в светлом костюме, удалился с ним из кабинета шефа.

Бывший прокурор Алешечкин, вконец измученный своим присутствием на этом разыгранном опасном спектакле, подоплеку которого он вынужден был терпеливо скрывать, тоже вознамерился подняться с дивана, чтобы освободиться от лишних вопросов въедливого председателя их кагала. К тому же, как никогда прежде, он испытывал сильнейшее чувство голода. Но шеф его удержал:

— Гелий Миронович, а вас попрошу остаться... Вы привезли отчет?..

Профессор Нуйкин, ведя под руку пожилого мужчину в самое сердце своего информационного центра, на радостях от встречи с коллегой продолжал предаваться воспоминаниям:

— Борис Иосифович, а не припомните, случайно, декана электро-технического факультета Гурского?

— Гурского? — пожилой человек на секунду остановился, напрягая память. — Николая Ильича, что ли?

— Его самого.., — профессор расплылся в широкой счастливой улыбке, обнажая кривые полугнилые зубы.

— Конечно, помню, а как же, он в нашем институте практиковал. Длинноносый такой и худющий, как...

— Точно, точно, — захохотал руководитель информационного центра. — А я у него заместителем был. Электронную механику преподавал аж до восьмидесят седьмого, пока перестройка не началась и я свое дело не завел... Заходите сюда, — он распахнул дверь в компьютерный зал. — Это моя святая святых...

В коридоре показалась не менее радостная Юнна Пинхусовна, держащая на подносе несколько фужеров с шампанским.

— Лёнчик, вы тут не засиживайтесь, стол готов, скоро начнем, — она подошла вплотную к мужу и чмокнула его в щеку, многообещающе подмигнув новому гостю.

— Моя супруга и помощница в деле, — обнял ее за талию профессор Нуйкин.

— А мы уже познакомились, — также подмигнул ей пожилой мужчина.

— Тогда за приятное знакомство, — профессор поднял с подноса два фужера и передал один новому гостю.

Звонко чокнувшись, они опорожнили фужеры до дна.

— Мы вас ждем, приходите быстрее, — Юнна Пинхусовна обдала гостя похотливым взглядом и быстро удалилась по коридору, демонстративно вертя выпуклыми бедрами.

— Милости прошу, — профессор еще раз пригласил гостя в свой кабинет, — присаживайтесь сюда, — указал он на кресло возле стола со светящимся экраном монитора. — Давайте дискету.

Пожилой человек опустил руку в карман пиджака.

— Ой, не то, — с хитрой улыбкой сказал он, выкладывая на стол упаковку жевательной резинки. Из другого кармана пиджака он вынул компьютерную дискету в толстом пластмассовом футляре и заговорщицки прошептал: — Вот это, Леонид Борисович, говорю только вам, стоит миллион долларов.

Профессор Нуйкин застыл с протянутой рукой.

— Вы серьезно? А что там?

— Особо секретная информация. В компьютере держать нельзя. Перебросьте на дискету большой загрузки и храните как зеницу ока.

— Сейчас, сейчас, — засуетился Нуйкин, — где-то у меня была чистая такая же, — он начал заглядывать в ящики рабочего стола. — Ага, вот она...

— Между прочим, Леонид Борисович, знаете, что это такое? — пожилой человек, многозначительно ухмыляясь, указал пальцем на лежащую на столе упаковку жевательной резинки.

Профессор бросил на нее равнодушный взгляд.

— Похоже, жвачка. А что?

— Это не просто жвачка, а с виагрой... Мне из Америки привезли по ба-альшому благу. Пожужь — и всю ночь как у молодого...

Профессор Нуйкин остановился, держа в руках дискету, изъятую из ящика стола.

— Да ну? Не может быть...

— Одной штуки хватает на всю ночь. Попробуйте, не пожалеете...

Пожилой человек развернул упаковку, достал одну пластинку в красной обертке и протянул руководителю информационного центра.

— Юнна Пинхусовна будет довольна... Я вам всю упаковку презентую. Ради знакомства. Развлекайтесь...

Профессор, удивленно подняв брови, принял ее из рук гостя, снял обертку, поднес к горбатому носу.

— Вкусно пахнет, — согласился он и отправил жвачку в рот.

Пожилой мужчина широко раскрытыми глазами уставился на профессора Нуйкина. Те пять секунд, за которые Нуйкин успел несколько раз пошевелить челюстями, показались ему нескончаемыми. Но ровно через эти пять секунд профессор уже лежал под столом без сознания.

Пожилой мужчина тут же поднялся с кресла, быстро обошел профессорский стол и направил в дисковод компьютера дискету в сто мегабайт. Нажав на несколько кнопок клавиатуры, он немного выждал, затем извлек дискету из компьютера и вставил другую — зараженную компьютерным вирусом. Монитор издал дребезжащий звук, на экране возникло какое-то сумбурное мельтешение и через мгновение экран совсем погас.

Пожилой мужчина тихо покинул кабинет руководителя информационного центра, прошел по коридору мимо зала, из которого доносились многочисленные громкие голоса. В прихожей он обратился к широкоплечему черноволосому охраннику: «Мне надо пройти в машину за видеокассетой». Ничего не подозревавший охранник, бывший к тому же в веселом настроении по причине крутящейся перед ним официантки в бикини и белом прозрачном фартучке, с благодушным видом открыл ему входную дверь квартиры.

Пожилой человек с гулко колотящимся сердцем оказался на темной улице, отошел на несколько метров от подъезда пятиэтажки в сторону автостоянки, пытаясь разглядеть во тьме знакомый «Москвич». Вдруг сзади кто-то положил ему на плечо тяжелую руку. Он мгновенно обернулся. «Евгений Петрович, а я вас ожидаю...» — услышал он спокойный голос Валерия Ивановича и наконец облегченно вздохнул.

Ровно в двенадцать часов ночи офис профессора Нуйкина огласился душераздирающими воплями Юнны Пинхусовны:

— Убили! Убили! Помогите! Совсем убили!

Ничего не понимающие гости, расталкивая друг друга, сбежались на ее крики. Сквозь толпу, сгрудившуюся у входа в компьютерный зал, протиснулся коротконогий председатель кагала и присел на корточки перед не подающим признаков жизни профессором, лежащим на полу с открытыми закатившимися глазами. Проверил пульс на его запястье и шее. «Всё, — констатировал козлобородый в гробовой тишине, — кончился».

Юнна Пинхусовна издала новые рыдающие вопли. Козлобородый разогнулся и обвел всех присутствующих почерневшим беспощадным взглядом.

— Где новый гость?! — возопил он.

Все начали глядеть по сторонам, суматошно спрашивая: «Какой новый гость? Где новый гость?» Вдруг по коридору раздались тяжелые быстрые шаги, затем послышалась какая-то возня в прихожей.

— Всем стоять на месте! — во весь гортанный голос орал козлобородый и ринулся сквозь толпу в прихожую. Рядом с охранником, выставившим из-под пиджака ствол автомата, с искаженными от страха физиономиями стояли трясущиеся Хаим и Гелий Миронович Алешечкин. Вслед за козлобородым в прихожую протолкнулась растрепанная Юнна Пинхусовна с размазанной краской на сморщенном лице. Продолжительная немая сцена охватила всех присутствующих в офисе. Первым нарушил тягучее молчание председатель кагала:

— Хаим, Гелий Миронович, а ведь я вам так верил...

Бывший прокурор грохнулся на колени.

— Пошадите, Яков Исаакович! — тонко запричитал он, подняв кверху руки. — Я заслужу прощение... Меня заставили под страхом смерти! Это он первым продался, он сдал меня им, — тыкал пальцем бывший прокурор в сторону Хаима.

— Врет, врет! — заблеял, плача, толстомордый Хаим и тоже упал на колени. — Не было этого, не было! Я ничего не знаю!

— Кончайте их, — сухо приказал козлобородый охранникам, повернулся и, опустив голову, направился в сторону своего кабинета.

Толпа расступилась. Два черноволосых бейтаровца уткнули стволы автоматов в спины обреченным на смерть соплеменникам.

— Яков Исакыч, Яков Исакыч!.. — в один голос, протягивая вперед руки, орала пейсатый Хаим и бывший прокурор и ползли на коленях за уходящим от них председателем кагала.

Двое широкоплечих охранников ногами затолкали их в ванную комнату. Еще с минуту оттуда доносились вопли, грохот, борьба, смешанные со стонами. Но после двух глухих хлопков все жуткие звуки прекратились.

Козлобородый медленно вошел в кабинет, уперся руками в секретер и внятно прошептал: «Что ж, Александр Юрьевич, наверное, хватит играть в прятки...» Неподвижно постояв в этой позе несколько минут, он вернулся к охваченной ужасом толпе гостей. Глядя себе под ноги, негромко отчеканил:

— Собрание отменяется. Все разъезжаемся. — И после короткого молчания добавил: — Юнна Пинхусовна, готовьтесь к переезду.

...«Москвич» следователя Скопина на пределе возможной скорости мчался в столицу.

— Ну и задурил я голову этому рыжебородому черту! — рассмеялся Евгений Петрович Никодимов, всматриваясь в пробиваемую фарами ночную владимирскую дорогу.

— Да, рискованное у вас было задание, — обмолвился сжимавший баранку следователь. — Можно сказать, побывали в логове врага...

— Так оно и было, — посерьезнел Никодимов, — в логове врага... Как на войне.

Он снял с пальца перстень с черным камнем и подбросил на ладони. Скопин любопытно покосился на перстень.

— Талисман, — пояснил Никодимов. — Подарок жены. Надеваю в особых случаях. И, знаете, помогает...

— А что с этими двумя ублюдками будет, Володя, как ты думаешь? — подал голос Валерий Иванович с заднего сиденья.

— Думаю, что с ними уже разобрались..., — ответил следователь по особо важным делам, сильнее нажимая на педаль газа.

— Туда им и дорога, — угрюмо промолвил директор санатория «Елочки» и погрузился в расслабленную дремоту.

Глава четвертая

Когда Александр остался в квартире один, ему показалось, будто кто-то постучал в окно. Как ни странно, он этому даже не удивился. Тихонько отведя в сторону шторы, сдвинутые им из-за яркого заходящего солнца, он увидел, что на жестяном карнизе сидит сизый голубь и бьет клювом в стекло. «Что тебе надо, птица?» — успел подумать Александр. Но голубь покосился на него черным глазом, расправил крылья, взлетел, сделал небольшой круг перед окном и снова сел на карниз, царапая когтями крашеную жестянку. «Ну что, сизарек, за душой, что ли, моей прилетел? — вслух произнес Александр. — Не рановато ли...» Порыв ветра распахнул настежь приоткрытую форточку, ветви берез перед окном распрямились, задвигались, и комната наполнилась продолжительным, отрывистым шелестом листьев. Он прикрыл форточку и когда опустил глаза, то голубя на карнизе уже не оказалось.

Александр снял телефонную трубку и с тоскливой тяжестью в горле набрал номер.

Ее тонкий непосредственный голосок он узнал сразу.

— Оленька, это папа. Как поживаешь?

— Я поживаю хорошо, — услышал он ее холодный ответ. — Мне запрещено с тобой разговаривать.

В трубке раздались короткие гудки.

Он долго сидел за столом, глядя на медленно плывущие белые облака. Он мог так сидеть часами, уставясь вдаль и ни о чем не думая. Перед его глазами качались деревья, меняли свою форму облака, синело вечернее небо. И чтобы успокоить сердце, он просто смотрел и смотрел на эти обычные приметы вечности и бесстрастной земной красоты. В такие минуты ему даже не хотелось братья за перо, дабы не бередить чувства и не выходить из этого бестрепетного состояния, анестезирующего ноющую душу.

Он закрыл глаза, и в его памяти один за другим начали возникать эпизоды его детства, юности, армии, северныхстроек, вереницей проплыли женские лица... Он увидел, как выносит из роддома дочь, припомнил бедную коммуналку, где она росла, ее первые шаги и смешную раннюю речь... И тут же остановил себя: «Что это я?.. Ударился в сентиментальные воспоминания...»

Погудин открыл дневник и принялся перечитывать мысли, записанные им в прошедшую ночь. Возможно,

сейчас он изложил бы их иначе. Он перечитывал дневниковые строки, останавливался, чтобы подумать, и вновь возвращался к ним:

«Человечество дошло до такого состояния, при котором оно уже не имеет права на жизнь. Бог еще прощает его, пока есть на земле небольшое число людей, понимающих это. Праведники они или нет — уже не важно. Главное — то, что они осознают бессмысленность того пути, по которому идет человечество. И это пока еще спасает мир от гибели. (Он на несколько секунд оторвал глаза от дневника. «Слишком пессимистично, — сказал он сам себе. — Но, впрочем, правильно».) Люди в большинстве своем перестали чувствовать и сознавать Бога. Они предали Бога и хотят жить ради удовольствий... Все попытки заставить людей задуматься о цели жизни натываются на полную глухоту, на удивленные глаза или на жалкий лепет несчастных дураков (он зачеркнул «несчастных дураков») о техническом прогрессе, правах, свободах, о мире, о равных возможностях и тому подобной чепухе... Нас так терпеливо две тысячи лет спасал Христос! И что же? В кого мы превратились? В самодовольных идиотов. В забывших Бога кретинов (он заменил «кретинов» на «дураков»), создавших для себя новые идолы — телевизор, спорт, кино... Если искусство не приближает к Божественной истине и не открывает людям глаза на путь к ней, то такое «искусство» — ложь. (Он вычеркнул несколько фраз о небеспредельности терпения Бога.) В течение всей своей истории человечество становилось не лучше, а хуже. И все хуже становится с каждым днем. (Он вписал между строк: «Мир захватывают «сексуальные меньшинства».) Каждый день увеличивает число безмозглых ублюдков и откровенных тупиц. Зачем они? Для того, чтобы жрать колбасу и хохотать над жидовскими анекдотами? (Он еще раз вписал: «Анекдоты теперь — самая читаемая литература».) Кто-нибудь из этих миллионов хоть на минуту задумывался над смыслом своего пребывания на земле? («Даже смешно задавать такой вопрос», — подумал он.) Им до конца жизни кажется, что этот смысл заключается в их сексуальных историях. Они на полном серьезе считают, что жизнь им дана для заколачивания денег... Боже милосердный, не может быть, чтобы за этих бессмысленных дур и дураков ты страдал на кресте! Нет, конечно. Слова эти не пробуждают в них никакого отклика. Но миллионы болванов жи-

вут, жрут и размножаются благодаря тем немногим, кто знает или хотя бы догадывается о назначении человеческого разума».

Погудин захлопнул тетрадь. «Как грустна жизнь!.. — удрученно вздохнул он. — Но отчего ко мне постоянно приходят такие мысли? Разве я лучше других? Разве сам я живу иной жизнью?» Он снова поднял глаза к белым облакам, сияющим в лучах закатного солнца. «Впрочем, наверное, все-таки иной, если не перестаю думать об этом...»

Александр почувствовал, что его клонит в сон. Он встал из-за письменного стола, прилег на кушетку и быстро заснул. Ему приснился долгий полет в беспросветном небе. Он куда-то летел и летел в плотной, вязкой темноте, не различая ни огней на земле, ни звезд над собой. Этот мрак словно сдавливал его со всех сторон, и душа, изнывая от жгучей тоски, стремилась что есть мочи прорваться сквозь непроницаемую кромешность. В какой-то момент в бездонной глубине этого мрака он заметил светлую, едва мерцающую точку. Его душа рванулась к ней, он весь напрягся, устремил вперед руки и с шумом понесся сквозь давящую темноту к светлому пятну, словно там было его спасение, была надежда и жизнь. Но неожиданно до его слуха дошел непонятный стук...

Погудин открыл глаза. В кабинете и за окном уже было темно. Тоска сухим комком подступала к горлу и колола сердце. Станный стук в стекло повторился. «Господи, да что же это сегодня?» — прошептал он, нажимая на кнопку ночника.

Александр поднялся с кушетки, взглянул на круглые часы, висящие над книжным шкафом. Уже был первый час ночи. «Скоро, должно быть, объявятся Скопин с Никодимовым», — подумал он. И тут же прозвучали два коротких звонка в дверь. «Ну вот, легки на помине», — решил Александр, чувствуя, как расслабляются нервы.

— Кто? — машинально спросил он, уже поворачивая ключ, торчащий из входной двери.

Но в ответ полуночную тишину оборвали три приглушенных выстрела, пробивших насквозь деревянную дверь. Погудин успел даже увидеть эти три дырки в двери, прежде чем, схватившись рукой за правый бок, сполз по стене на пол. Глаза заволокла желтая пелена, и раздирающая, парализующая боль в груди и в животе сковала все тело.

Сердце, как загнанное, билось в висках, но мозг продолжал лихорадочно работать. Истекающий кровью, собрав в кулак всю свою волю, Погудин добрался до телефона и сумел позвонить в «скорую».

...В три часа ночи, когда «Москвич» Скопина по шоссе Энтузиастов приближался к столице, заверещал сотовый телефон на брючном ремне молодого следователя. Звонил Николай. Он уже находился в приемном покое реанимационного отделения пятнадцатой городской больницы. Через полчаса, подъехав к воротам клиники и вбежав в приемный покой, Скопин, Никодимов и Валерий Иванович увидели в пустом коридоре сгорбленно сидящего Николая, обхватившего голову руками и даже не поднявшего им навстречу.

— Он жив? — первым кинулся к Николаю Никодимов и, тряся его за плечи, пытался разглядеть ответ в потемневших губах и глазах.

— Пока да, — чуть слышно сказал Николай, отводя в сторону погасший взгляд.

— Что говорят врачи? Где он сейчас? — отрывисто спросил Скопин.

— На операции. Пробыты печень, селезенка и легкое, — сухо пробормотал Николай, по-прежнему не вставая со стула и не поднимая глаз.

— Как вы узнали? — продолжал спрашивать Скопин.

— Он врачу «скорой» успел сообщить мой телефон, — Николай наконец приподнял лицо. — Мне тут передали ключ от его квартиры...

— Он ждал нас..., — Скопин отрешенно смотрел поверх всех куда-то вдаль.

Никодимов обессиленно уткнулся головой в стену, не произнося больше ни слова. Валерий Иванович с озлобленно сжатыми губами нервно ходил взад-вперед по коридору. На мгновение остановившись, он прошептал:

— Уничтожать их, только уничтожать...

— Не успели мы взять Зверя, — ударив кулаком по стене, сам себе сказал Скопин. — Надо ехать к нему, пока не ушел..., — он обвел всех быстрым взглядом. — Николай Васильевич, вы мне нужны прямо сейчас. Будем брать Карпинского.

— Ладно, — после глубокого вздоха согласился Николай. — Евгений Петрович, — попросил он Никодимова, — побудьте здесь до утра. В семь часов Лена приедет...

Они втроем сели в «Москвич» и помчались в Перово, на улицу Гурьянова. Пока ехали, Скопин объяснял директору санатория:

— У него пятая квартира. Это второй этаж. Оставайтесь ждать под окнами. Если прыгнет — стреляйте без предупреждения.

Молодой следователь гнал своего «мустанга» по пустынным улицам, не обращая внимания на светофоры.

Небо уже посветлело, когда они покинули автомобиль недалеко от дома №19. В полной тишине торопливым шагом они подошли к подъезду, где, по словам бывшего прокурора, находилась квартира Карпинского.

— Слава Богу, нет домофона, — тихо отметил Скопин.

Вдвоем с Николаем они поднялись на второй этаж. Взглядом Скопин велел Николаю встать сбоку от двери пятой квартиры, а сам, прислонившись к стене, нажал на кнопку звонка. За дверью не слышалось ни звука. Скопин позвонил еще раз. В предутренней тишине подъезда ощущалось только биение собственного сердца. На всякий случай Скопин надавил на металлическую ручку замка. Ручка повернулась вниз, и, к их общему удивлению, дверь квартиры легко поддалась вперед. Замок оказался не заперт.

Скопин с высоко поднятыми бровями выразительно посмотрел на Николая. Без лишних слов он достал из кармана «ПСМ» и толкнул от себя дверь. Она распахнулась без труда. Держа пистолет на уровне лица, Скопин сделал шаг через порог. «Может, заманивает?» — подумалось ему. В этой странной, подозрительной тишине он продвинулся еще на несколько шагов по темному коридору квартиры. Но внутри нее не чувствовалось никаких признаков жизни. «Квартира однокомнатная, — разглядел Скопин, — это хорошо». Он приблизился к двери, ведущей из коридора в комнату, и попытался ее приоткрыть. Но дверь издала нервный тонкий скрип.

В коридоре появилась фигура Николая. Скопин кивком головы указал ему в сторону кухни и, резко толкнув скрипящую дверь, в два прыжка ворвался в пустую комнату, едва освещаемую из окна серым рассветом. В этой пустоте он увидел только застеленную возле стены раскладушку со сброшенным на пол одеялом. «Ушел, гад...» — отчаянно процедил он, включив в комнате свет, и тут же услышал громкий возглас Николая:

— Сюда, быстро, Владимир Алексеевич!

Скопин рванулся на кухню.

Спиной на окровавленном полу рядом с опрокинутым табуретом валялся оскалившийся труп Зверя. Из его обнаженной сухопарой груди еще сочились бурая кровь, искривленные пальцы, словно когти, впились в желтый линолеум, в открытых завалившихся глазах застыла звериная злоба, а посередине лба зияла черная запекшаяся дыра.

— Они его сами убрали, — глухо сказал Николай, с ненавистью глядя на скрюченное мертвое тело.

— Допрыгался, Зверь.., — опускаясь на корточки, негромко проговорил Скопин. — Но успел, сука, сделать свое дело...

Затем он встал и вызвал по мобильному телефону наряд милиции.

— Езжайте в больницу, — он положил руку на плечо Николая, — я здесь сам разберусь... И держите меня в известности... Надо спасти Погудина...

Николай и Никодимов ожидали Лену в приемном покое реанимационного отделения. Старшая медсестра, высокая немолодая женщина с непроницаемо-холодным лицом, сообщила им, что после операции более двух часов Погудин не приходил в сознание, но сейчас — очнулся и просит привезти к нему дочь.

Лена примчалась в больницу в восьмом часу утра. Бледная, с покрасневшими глазами, даже не заметив Никодимова, она с ходу спросила:

— Как он?

Николай, с тоской посмотрев ей в глаза, сухо ответил:

— Сестра говорит, операция была тяжелая. Сердце на пределе работает...

— Боже ты мой.., — прошептала Лена, прикрыв глаза ладонью. — Я всё утро молилась...

Никодимов встал со стула и подошел к ней сбоку.

— Лена...

— Ой, извините, Евгений Петрович, я как в тумане, никого не узнаю... Мы за эту ночь все так изменились...

— Лена, — как бы не слыша ее, продолжал Никодимов поникшим голосом, — надо бы сюда его дочь привезти. Он просит... Сестра вот передала телефон жены.., — он протянул клочок бумаги.

— Да, конечно, обязательно. Это ему поможет., — она подбежала к окошку приемного покоя и попросила дежурную медсестру: — Разрешите позвонить, — и через окошко дрожащими пальцами начала нервно крутить диск телефонного аппарата, глядя в переданную Никодимовым записку. — Это Валентина? — спросила она в трубку. — Здравствуйте. Извините, что приходится вас беспокоить. Я звоню по просьбе вашего мужа...

«У меня нет мужа», — услышала она с другого конца провода, и короткие гудки, как выстрелы, пронзили ее сознание.

Лена растерянно застыла с трубкой в руке, но, быстро встрепенувшись, еще более решительно набрала номер.

— Он умирает, — почти крикнула она в трубку, — и хочет видеть дочь!..

После этих слов Лена замедленно повернулась и в каком-то заторможенном состоянии, точно парализованная, на ватных ногах подошла к мужчинам. Николай увидел, как дрожат ее губы. Пряча мокрые глаза, она уткнулась лицом ему в плечо. Николай погладил ее по волосам.

— Что она сказала?

— Бросила трубку..

Лена молча плакала на плече Николая.

— Где она живет? — спросил стоявший рядом Никодимов.

— Не знаю, — подавленно прошевелил губами Николай, опустивший низко голову. — Он ничего мне о себе не рассказывал...

В конце длинного коридора из лифта санитар вывез каталку, накрытую белой простыней. Он все ближе и ближе подвозил ее к ним. Металлический скрежет ее колес знобяще цеплял за нервы. Никодимов, Николай и Лена с напряженным испугом смотрели на движущуюся в их сторону белую простынь, под которой все отчетливее различались очертания человеческого тела. Они отошли к стене, чтобы пропустить санитаря с его страшным грузом. Но, поравнявшись с ними, он остановился и задал обрывающий сердце вопрос: «Кто тут к Погудину? Вы, что ли? — он сдвинул с места каталку. — Поднимайтесь на второй этаж...»

Александр лежал в пустой палате под капельницей. С закрытыми опухшими веками, с запавшим серым лицом и посиневшими губами, тяжело и хрипло дыша, он, казалось, не реагировал на происходящее вокруг него. Нико-

димов, Николай и Лена вошли в палату в белых халатах, сопровождаемые старшей медсестрой, которая, присев на стул рядом с кроватью Погудина, тихонько произнесла:

— Александр Юрьевич, вы слышите меня? К вам пришли.

Александр с напряжением поднял слипшиеся веки. Его хриплое дыхание участилось, а мутные уставшие глаза постепенно прояснились. Он узнал пришедших к нему друзей и через силу попытался улыбнуться. Но потрескавшиеся синеватые губы только слабо искривились.

— У него была большая потеря крови, он очень слаб, общение не более пяти минут, — негромко, но строго предупредила старшая медсестра.

— Сашенька, дорогой, надо держаться, все будет хорошо., — первым заговорил Никодимов. — Мы рядом, мы с тобой, Саша...

Погудин тихонько покивал ему головой и выдавил прерывистый хрип:

— Я... постараюсь...

— Александр Юрьевич, мы вас будем каждый день навещать, — заторопилась его приободрить Лена, с трудом удерживая слезы. — Я и дочку вашу сюда привезу...

Вновь покивав головой, Погудин едва уловимо улыбнулся глазами. Потом хрипло набрал воздуха и с усилием выговорил:

— Еще погуляем... на вашей свадьбе...

Лицо Лены мгновенно просияло, и слезы ручьем потекли по ее щекам. Стоя в ногах его постели, она беззвучно вздрагивала плечами и в сильном волнении никак не могла подавить спазм, перехвативший горло.

— Это точно, Александр Юрьевич, я в загс не пойду, пока вы на ноги не встанете, — решил пошутить Николай.

Но веки Погудина, словно под свинцовой тяжестью, начали тихо опускаться. Он на секунду их приоткрыл, точно боясь расстаться с друзьями, однако его глаза уже покрывались мутью.

— Александр, со Зверем покончено! — торопливо крикнул Николай, надеясь, что Погудин его еще слышит...

— Всё, всё, достаточно, он устал, — прервала общение старшая медсестра. — Теперь только завтра, в это же время.

В дверях палаты она задержала Евгения Петровича, передав ему записку:

— Здесь телефон и адрес матери. Сообщите ей.

— Конечно, конечно, спасибо, — поблагодарил он и сразу же спросил: — Скажите правду, с такими ранениями выживают?

— Будем надеяться, — она отвела глаза. — Но он плох...

Нехорошее предчувствие кольнуло Николая в сердце на выходе из реанимационного отделения. На улице он сказал об этом предчувствии Лене, и она, остановившись у больничной ограды, разрыдалась в голос.

— У меня такое же ощущение..., — она повернулась к Николаю с тяжелым, безысходным выражением глаз. — Что же мы наделали...

Пока шли к троллейбусной остановке, Евгений Петрович всю дорогу молчал.

После нервных потрясений прошедшей ночи Николай был душевно подавлен и разбит физически. Приехав с Леной к себе домой, он прилег и в тот же миг провалился в обессиленный сон. Лена, смахивая со щек набегающие слезы, пыталась что-то готовить на кухне, но у нее все валялось из рук. В конце концов она бросила бесполезное дело, притулилась за кухонным столом, уронила голову на руки и так просидела в полной неподвижности более часа. Из оцепенения ее вывел телефон. С замершим сердцем она подняла трубку и сразу узнала сухой голос старшей медсестры из реанимации. Она все осознала мгновенно. Выслушивать до конца страшные слова уже не хватило сил. Как ни странно, слезы больше не душили ее.

Лена на негнущихся ногах прошла в комнату, опустилась на диван рядом со спящим Николаем, дотронулась пальцами до его волос. Он вздрогнул во сне, открыл настороженные глаза, приподнял голову, всматриваясь в ее лицо и стараясь понять произошедшее.

— Что? — подозревая худшее, спросил он с нарастающей в груди тоской.

Лена беззвучно упала на него, прижалась трясущимся телом, обхватила что есть мочи за шею.

— Всё, Коля... Нет больше Погудина... Из больницы звонили, — она порывно, в голос, вдохнула воздух. — Горе-то какое...

Николай до боли стиснул зубы, весь сжался, застыл, издав бессильный стон. Он долго лежал не двигаясь. И только Лена качала и качала головой...

— Это трудно будет пережить... — наконец промолвил Николай, еще крепче прижимая ее к себе.

В наступившей вокруг тишине лишь было слышно, как монотонно, бесстрастно отстукивал время маленький будильник...

Глава пятая

Из метро «Медведково», одетый в короткую плашевую куртку, Николай вышел в седьмом часу вечера. Слегка моросило. Не торопясь, он приблизился к знакомой девятиэтажке. Чтобы уравновесить натянутые нервы, Николай, прикурив, постоял под деревом в стороне от входа в подвал. Посмотрел вокруг. Поблизости не было ни машин, ни подозрительных людей, ни даже бездомных собак. Пасмурная полумрачная погода опустошила и двор, и улицу.

С похорон Погудина прошла неделя, в течение которой Николай не находил себе места, не мог долго заснуть ночами и никакое занятие не отвлекало его от единственной мысли, сверлящей мозг: «Я должен это сделать...»

Он снова решил идти в подвал один.

Вдруг из-за угла девятиэтажки появилась какая-то согнутая фигура в замызганной серой робе с совершенно невидимым лицом, густо заросшим грязно-седой волосней. «Этой бомжатины тут еще не хватало», — огрызнулся про себя Николай. Бомж и вправду прошмыгал к ступеням, ведущим к входу в подвал. Держась за стену и еще сильнее сгорбившись, он еле-еле спустился по ступенькам вниз, долго возился с висячим замком на двери, наконец отомкнул его и скрылся в чреве подвала.

«Уж не Сохатый ли вновь объявился?» — подумал Николай. Он выждал несколько минут, бросил в траву окурок, медленно подошел к лестничному углублению и также спустился к подвальной двери; надавил рукой на тяжелую дверь, и она приоткрылась с низким скрипом. В лицо ему ударил непроницаемый гнилостный мрак. Он не стал искать на внутренней стене выключатель, вынул из кармана куртки электрический фонарь, осветил себе под ноги и сделал отчаянный шаг в полную неизвестность. Тяжелая дверь сама собой закрылась за ним с жутким ржавым скрипом.

Подвальная тьма объяла холодом, сыростью и кошачьей вонью. Ноги скользили на цементном полу, покрытому какой-то блевотной слизью. Но, сделав несколько первых шагов, Николай остолбенел. Мороз прошел по всему его телу. В свете фонаря, отражавшемся от пола на подвальных стенах и низком потолке, вместе с ним двигались какие-то странные тени, ежесекундно менявшие свои очертания. И даже когда он, пораженный, остановился, тени эти продолжали свое движение, изменялись в форме, то увеличиваясь, то уменьшаясь. До его слуха донеслись отдаленные голоса, слитые в неясный, безумный хор, в котором, как ему показалось, смешались чьи-то стоны, хохот и рыдания.

Николай пересилил душевный страх и заставил себя двинуться дальше. Скользя, озираясь на извивающиеся тени, спотыкаясь о разбросанные на полу кирпичи, бутылки и какое-то полусгнившее тряпье, подавляя охвативший его холодный озноб, он шел вперед, чтобы найти то место, где месяц назад испытал невероятные мучения.

Когда он свернул влево, в узкий бетонный проулок, тени уже не сопровождали его, но голоса продолжали тревожить сознание. Он направил вперед луч фонаря и увидел перед собой настежь распахнутую дверь, ту самую, за которой он, связанный, пробыл четверо суток. Уже смелее, не оглядываясь, Николай прибавил шагу и очутился внутри глухого, заваленного рухлядью помещения — недавнего обиталища Сохатого. Там никого не оказалось, но только он провел лучом фонаря по стенам и углам этого логова, две жирные длиннохвостые крысы с шумом и омерзительным визгом проскочили мимо него в открытую дверь. Злобно выругавшись, Николай отшатнулся в сторону. Свет фонаря невольно упал на провалившееся кресло, и лицо Николая исказила брезгливая гримаса. В кресле валялся обглоданный безголовый крысиный скелет.

«Куда же мог подеваться этот бомж?» — спросил себя Николай, проведя лучом фонаря по стене над топчаном. Он запомнил слова пейсатого Хаима...

Подойдя ближе и приглядевшись, Николай и вправду обнаружил на стене искривленную замкнутую трещину. Он уперся рукой в центр неправильной окружности, однако плоскость внутри трещины никак не отреагировала на его усилие. «Что ж тут за секрет?» — озадачился он, водя фонарем по стене. И вдруг возле изголовья топчана он заметил на ней черную точку величиной с большую пугови-

цу, наклонился и надавил на эту точку пальцем. Раздался громкий щелчок, трещина мгновенно расширилась. Николай еще раз нажал рукой на стену внутри замкнутой трещины, и перед ним бесшумно открылся проход в другое полумрачное помещение. Он осветил туда фонарем. Помещение оказалось совершенно пустым — с голыми бетонными стенами и таким же полом. Согнувшись, он пролез в этот узкий искривленный проход, спрыгнул на пол. Изогнутая дверь прохода захлопнулась за ним с прежним щелчком.

Николай осмотрелся. У противоположной стены этого пустого бетонного отсека он увидел в потолке неяркий светлый квадрат, к которому вел лестничный марш. Оттуда проникало вниз голубоватое приглушенное освещение. Прежде чем двинуться дальше, Николай поймал себя на ощущении того, что хор безумных голосов здесь слышался намного отчетливее.

Не спеша, Николай приблизился к ступеням, идущим вверх. Медленно переступая, он поднимался выше и выше к квадрату голубоватого света. Пейсатый Хаим и тут не соврал, это был выход из подвала на первый этаж.

Чуть выглянув из отверстия в потолке, Николай увидел, что находится в центре длинного безлюдного коридора, залитого слабым голубым свечением, непонятно откуда исходящим, так как никаких светильников в коридоре не было. В стенах коридора он заметил многочисленные углубления с раздвижными, как у лифта, дверьми. Пол же во всю видимую длину был устлан серым ковровым покрытием. Тихо поднявшись из подвала, Николай прислушался, но кроме надрывающей душу какофонии бесчисленных стонущих и хохочущих голосов расслышать ничего не смог.

Николай спрятал фонарь в карман куртки и двинулся в глубь коридора, осторожно ступая по мягкому покрытию. Он напряженно вглядывался вперед и пытался понять, откуда исходил этот мертвящий голубой свет, сливающийся вдаль в синеватую дымку.

Но пройдя шагов двадцать, Николай вздрогнул от внезапно раздвинувшихся сбоку от него дверей, из-за которых в коридор вырвались грохочущие, лязгающие металлом ритмические звуки. Перед ним в дверях стояло лохматое черноволосое человекоподобное существо неопределенного возраста в мятом джинсовом костюме. Они около минуты изучающе смотрели друг на друга.

— Ты откуда? — наконец шепеляво прорезалось голо-
сом мято-лохматое существо.

— Да вот, подвал охранять поставили, — нашелся Ни-
колай. — Надоело торчать там одному.

Человекоподобное существо шагнуло в коридор, и две-
ри за ним с легким шелестом соединились.

— Ты что, новенький? — лохматый смерил Николая зе-
леным и продолговатым, как у кошки, зрачком.

— Да вроде...

— Там, кажется, был постоянный охранник, — не дал
договорить чернявый лохмач.

— Я слышал — он спился и в психушку попал.

— Вытащили его.., — лохматый, облокотившись о сте-
ну, с любопытством рассматривал Николая. — Но с этими
баранами один смех. Крысы ему нос отъели... Ты с какого
плана, со второго, что ль?

Николай решил действовать наудачу:

— Со второго...

Человекоподобный усмехнулся:

— Там ничего... Находиться можно... Тебя как кличут?

— Николай.

— Хе!.. — лохматый пожал мятыми плечами. — Чуде-
са!.. Полукровка?

Николай согласно вздохнул на всякий случай.

— А тебя?

— Я-то Адольф... Меня тут каждый знает, — ухмыляясь
узкими зелеными глазами, чернявый продолжал всматри-
ваться в лицо Николая. — Кто ж тебя поставил сюда? Слу-
чаем, не Мотька, не эта старая сучка?

— Нет, не Мотька, — у Николая отлегло от сердца. —
Если скажу, не поверишь... Будем знакомы, — Николай
протянул ему руку.

— Хой!.. — выдохнул с презрением лохматый Адольф,
пряча руки в карманы жеваных джинсов. — Не отучили
еще тебя от гойских привычек... Ладно, заходи.

Человекоподобный Адольф повернулся лицом к две-
рям, и они почти бесшумно раздвинулись. Николай после-
довал за ним внутрь какой-то странной длинной, как
пенал, комнаты, в которой грохотали металлические рок-
ритмы. С левой стороны этой комнаты также было не-
сколько лифтовых дверей, а на дальней ее стене над сло-
женным диваном ярко-красной обивки висела такая же
красная гардина.

— Садись, — Адольф кивнул в сторону дивана, перед которым на четырех низких ножках стояло непонятное устройство с кнопками и стрелками, как у трансформатора.

— Нельзя ли звук убавить? — сморщил лоб Николай. — По ушам бьет.

— Нельзя, — однозначно и хмуро отрезал Адольф.

— Ты тут кем? — спросил Николай, садясь на диван.

— Оператор по освещению, — ответил Адольф, залезая на диван с ногами в грязных рваных кроссовках.

— А откуда оно? — Николай с опаской взглянул в продолговатые зеленые зрачки лохматого Адольфа.

— Ты что, совсем глупый? — подозрительно прищурился Адольф. — Когда тебя натурализовали?

— Неважно, — огрызнулся Николай. — Я же сказал: узнаешь — не поверишь...

Лохматый примирительно опустил взгляд на стрелки, дрожащие под стеклом низкого прибора, пробормотав:

— На втором плане совсем воспитание запустили... Пора бы знать, что свет этот от нашего отца... Ну-ка, отодвинься на тот край, — лохматый поежился, — что-то меня знобит с тобой рядом...

Николай пересел на край дивана.

— Что там у тебя? — кивком головы Адольф указал на оттопыренный карман его куртки.

Николай не спеша достал фонарь.

— Это нельзя. Дай сюда, — лохматый торопливо наклонился, выхватил из руки Николая фонарь, что есть силы сжал его в своих темных бугристых ладонях, отчего удлиненный алюминиевый футляр фонаря сплюснулся вместе с батарейками, и бросил его в угол комнаты. — Свет я распределяю...

Николай отвернулся от ледяного, коробящего взгляда Адольфа, но потом, собравшись с духом, вновь обратил к нему свое лицо.

— А я здесь по распоряжению магистра, — сказал он, исподлобья уставившись в его широкую заросшую физиономию.

Тот расплылся в слюнявой улыбке.

— Хвалю за откровенность... Я так и думал... Не забывает он про меня...

Лязгающий грохот все больше действовал Николаю на нервы. Он с раздражением попросил еще раз:

— Слушай, да сделай ты потише, надоело!

Лохматый зыркнул на него зелеными зрачками.

— Тебе что, лучше слушать голоса?..

Николай осекся.

— А-а, ясно... Теперь понимаю...

Хотя на самом деле он еще ничего не понимал.

— Второй план, он и есть второй план... Сопляки, — брезгливо прошепелявил лохматый, быстро ударив пальцем по нескольким кнопкам прибора.

Николай решил выудить у него побольше информации.

— Какое-то устройство у тебя доисторическое... Двадцать первый век на носу, а тут допотопный трансформатор...

— Это у тебя двадцать первый век на носу, невежда неотесанный, — недовольно ответил Адольф, отодвигаясь дальше от Николая. — А у нас тут семьдесят шестой. И светоусилитель мой действовал за десять веков до потопа. Без него мы и шагу бы не ступили...

— Извини..., — искренне поразился Николай и, решившись, задал вкрадчивый вопрос: — А голоса откуда идут?

Лохматый пренебрежительно, сверху вниз посмотрел на Николая, как на недостойного собеседника.

— И куда только смотрит главный воспитатель? — покачал он лохматой головой. Но через мгновение его зрачки вспыхнули зеленым блеском. — Праздник сегодня на четвертом плане...

Николай выжидал, что сидящее рядом с ним человекоподобное существо само раскроет ему тайну голосов. И не ошибся.

— Давно у нас не было такого праздника... Наш магистр пошел на повышение..., — но вдруг зрачки его помутнели, он впился грязными ногтями в обшивку дивана и оскалил острые, как у волка, клыкастые зубы. — А меня тут держат... Да еще тебя для проверки прислали...

Николаю не терпелось подтолкнуть Адольфа к дальнейшим откровениям, но он понимал, что любой неосторожный вопрос чреват саморазоблачением.

— Ты напрасно так решил, — попытался он успокоить озлобленного Адольфа. — Я и не собирался за тобой следовать. Меня действительно поставили подвал охранять. Видать, по случаю праздника...

— Ладно, черт с тобой, — махнул рукой чернявый лохмач. — Я уже двести лет как натурализован, — он расправил торчащие во все стороны волосы и показал короткие

острые рога. — Но эти голоса до сих пор растрavляют дикий аппетит...

Николай почувствовал приступ тошноты и с минуту выжидающе молчал, задерживая дыхание. Когда немного полегчало, он рискнул все же выяснить: — Послушай, а что там делается, на четвертом плане?

— Узнаешь.., — Адольф смачно облизнулся. — Не надоело еще кошачьими котлетками питаться? — загадочно ухмыльнулся он. — Меня ими сто лет кормили... Но потом заслужил человечины...

— В каком смысле? — содрогнувшись, но сдерживая себя, попробовал уточнить Николай.

Однако Адольф, мечтательно ослабившись, уже сам пребывал в приятных воспоминаниях:

— По праздникам наши, которые ненатурализованные, слетаются на пиршество в одну из резиденций... На четвертый план свозят души гоев, ну, тех, что нам продались. Они сами захотели нашим принадлежать... Их каждый раз тысячи, сотни тысяч... Это зрелище, скажу я тебе... Праздник... Хочешь взглянуть?

Николай похолодел от такого предложения. У него была здесь другая цель, но он, пересилив душевное сопротивление, спросил:

— Может, вместе глянем?

— Не могу я... Хотя так и тянет... Свет надо распределять... Чем больше прибывает на праздник наших, тем сильнее в нем потребность... Наш магистр любит порядок. Магистр голубого света.., — уважительно протянул лохматый рогач. — А ты давай, валяй, если интересно. На, вот, держи ксиву, — он протянул Николаю узкую пластмассовую карточку с голубой полосой. — Без нее на четвертый план не пройдешь...

— Благодарю.., — Николай неуверенно принял ксиву.

— Хе!.. «Извини», «благодарю».., — передразнил его Адольф. — Где таких слов нахватался!..

— Куда идти-то? — сурово спросил Николай, не обращая внимания на издевку.

— Да вот, ближний к тебе лифт, — усмехаясь, указал рукой Адольф. — Четвертая прорезь сверху, — он не переставал многозначительно лыбиться и через некоторую паузу добавил: — Не вздумай ниже опускаться. Назад не выйдешь...

Николай с опаской подошел к ближайшим дверям. Они сразу же разошлись с легким шелестом. Перед ним нахо-

дилась просторная кабина лифта, слабо освещенная все той же холодной мертвящей голубизной. Он вошел в кабину, и створки дверей тихо соединились. Николай обратил внимание на девять пронумерованных прорезей на металлической пластине в лифтовой обшивке. Чувствуя мелкую дрожь в ногах и руках, он вставил карточку с голубой полосой в прорезь под номером 4. Лифт бесшумно двинулся вниз.

«Боже ты мой, куда ж я направился! — поразился своей бесшабашности Николай. — Сам себя в ад загоняю!» Он трижды перекрестился. Душа его мучительно противилась этому убийственному движению вниз. Внутри все в нем трепетало, сопротивлялось и требовало остановиться, вернуться назад. Но сознание боролось с трепещущим сердцем и пересиливало естественный страх. Сознание оказалось крепче.

Лифт опускался минуты две. Наконец он плавно остановился, и двери самостоятельно раздвинулись. Николай сделал шаг и очутился в еще одном длинном коридоре, наполненном более ярким голубым светом и душераздирающими голосами, слитыми в единый оглушительный вой.

Мимо него бежали какие-то похожие на людей отвратительные существа с горящими круглыми, как у зверей, глазами, одетые во всякую рвань. С их оскаленных клыков на пол, также устланный мягким ворсистым покрытием, стекала пена. Они, словно охваченные общим безумием, пробегали по коридору в обе стороны с полным безразличием друг к другу. У одних на руках и на морде топорщилась звериная шерсть, другие же, наоборот, были совершенно безволосыми существами с зеленой сморщенной кожей. Они выскакивали из двух проемов в стене по краям коридора, издавали какие-то нечеловеческие рычащие, шипящие или каркающие звуки и, прыгая на длинных ногах или быстро семеня короткими конечностями, скрывались в противоположных проемах.

Преодолев первое чувство омерзения, держась как можно ближе к стене, Николай направился в конец коридора. Но когда он, не отрываясь от стены, встал напротив того прохода, через который в голубой коридор врвались все эти уродливые существа, то не смог увидеть там ничего, кроме полного мрака. Оттуда сквозило могильным холодом, а невыносимые крики и вопли, смешанные с надрывным хохотом, разрывающе давили на ушные перепонки.

Вдруг сбоку от темного проема замигала маленькая красная точка, под которой оказалась едва заметная прорезь в стене, такая же, как в лифте. Николай шагнул вперед и вставил в нее карточку, данную Адольфом.

Пространство за проходом озарилось режущим глаза ослепительным голубым свечением. Мерзкие бегающие существа мгновенно исчезли. Николай прикрыл глаза рукой, постоял так некоторое время, давая глазам привыкнуть к яркому свету, и медленно опустил руку.

Картина, представшая ему в проеме стены, убивала ужасом происходящего. Прямо под ним в глубине громадного облицованного кафелем бассейна кишмя кишели обнаженные человеческие тела. Старческие и молодые, мужские и женские, они с распахнутыми в крике ртами извивались, корчились, карабкались наверх, давя друг друга, а сверху на них обрушивались другие тела, подвозимые к бассейну на телегах, тачках и даже рельсовых вагонетках рогатыми, обросшими черной шерстью существами. Стоны, вопли и проклятья сливались в один воющий оглушительный хор, непереносимый для человеческого слуха. Но самое страшное заключалось в том, что над бассейном со всех сторон толпились те самые мерзкие существа, видимые Николаем в коридоре, которые длинными крюками, трезубцами, баграми цепляли, накалывали человеческие тела, вытаскивали к себе наверх, с хохотом и ревом набрасывались на несчастных, еще живых, корчащихся, раздирали их бескровные тела на части и пожирали.

Смотреть на эту адскую картину было невозможно. Николай, сделав шаг назад, отвернулся. Мгновенно в проходе образовался мрак, и мерзкие оскаленные существа снова замельтешили по коридору. Николай подбежал к входу в лифт, двери тут же разъединились и впустили его внутрь кабины. Немного подумав, он вставил карточку во вторую прорезь сверху. Лифт бесшумно пошел на подъем. «А что же происходит ниже четвертого? — ужаснулся Николай. — Господи, спаси мою душу грешную», — прошептал он и еще раз перекрестился.

Через минуту лифт выпустил его в какое-то огромное помещение, похожее на зал ожидания, залитое тем же голубым светом. По всему залу в беспорядке стояли красные диваны, а между ними сновали некие странные посетители или обитатели этого помещения, одетые совершенно разнообразно, хотя некоторые были совсем без одежд. Ли-

ца мужского и женского пола, во фраках и шикарных платьях, с необыкновенными прическами и наголо бритые, в шортах с майками, в ночных рубашках, в кальсонах, в телогрейках или в одних трусах, группами и в одиночку, они бродили по залу какими-то замысловатыми путями не обращая внимания на других и, точно полоумные, размахивали руками, произносили какие-то фразы, что-то кому-то доказывали или дико хохотали, отчего в зале стоял невообразимый гвалт. Красные диваны также были полны этих странных галдящих и кричащих субъектов, как одетых, так и абсолютно голых, которые кое-где даже успевали между собой совокупляться.

По всем сторонам зала Николай увидел множество дверей с табличками. Он решил подойти к ним ближе, чтобы прочесть надписи. И тут широко раскрылась дверь с табличкой «Отдел воспитания», и из нее в одних туфлях и шляпе вышла известная всему миру супруга бывшего президента с хилой обвисшей грудью. Ее желтая, покрытая глубокими язвами кожа вызывала омерзение. Следом за нею выскочила толпа голых старушек и стариков, восторженно объясняющих ей в любви, и засеменила, закружилась по залу вместе с объектом своего обожания. Но через открытую дверь «Отдела воспитания» Николай успел разглядеть вместительную аудиторию, перед которой на трибуне стоял небезызвестный Собчак. Бывший мэр северной столицы произносил пламенную речь, а все присутствующие в аудитории, усердно согнувшись, что-то быстро записывали. «Вот хлыщ, — поразился Николай, — и здесь он воспитывает...»

Приблизившись к следующей двери с надписью «Отдел натурализации», Николай наткнулся на красный диван, загородивший к ней подход, так что дверь едва приоткрывалась. На диване в отвратительной позе, на коленях, стояли две голые фигуры, сразу же узнаваемые Николаем, — ученый-правозащитник, весь в струпьях, тощий и уродливый, и бывшая депутатка с огромным, как у беременной, животом и еще большим задом, рядом с которой на боку лежал пухлый раскрытый баул с вывалившимися на диван долларами. Их самодовольные физиономии торчали у них между ног. И каждый, кто намеревался попасть в дверь «Отдела натурализации», подходил к ним, нагибался, целовал обоих в задницу и только после этого протискивался между диваном и стенкой в едва приоткрытую дверь.

Вдруг в зале образовалась непонятная мгновенная тишина, и все спящие, жестикулирующие, совокупляющиеся разом застыли. Откуда-то появилось массивное двухметрового роста существо с человеческой фигурой и собачьей головой. На толстой, с руку, черной цепи оно вело двух понуро согнутых и обреченно молчащих пленников по направлению к двери с вывеской «Отдел аннигиляции». Одним из них был толстомордый Хаим. Со вторым Николай никогда прежде не встречался, тем не менее сразу же понял, что это не кто иной, как прокурор, о котором говорил следователь Скопин. На месте правого глаза у них зияла сквозная дыра с запекшейся под ней черной кровью. Перед дверью эту процессию ожидали два длинных стражника в шинелях до пят и с внешностью Дзержинского. Один в руке сжимал молоток, другой — серп. Стражники подняли вверх и скрестили свои орудия пыток. Двухметровое существо с собачьей мордой прошло между ними и волосатой рукой толкнуло внутрь дверь «Отдела аннигиляции», увлекая за собой скованных цепью пленников.

Николай с недоумением огляделся по сторонам: немая сцена в зале все еще продолжалась. Он решил тоже не двигаться. Минут через пять два субъекта с внешностью Дзержинского опустили руки со своими орудиями. Из-за их спин появилось существо с собачьей головой и, проследовав через зал в обратном направлении, скрылось из глаз. В зале сразу же возобновился прежний гудящий шум, а публика, словно по команде, сдвинулась с места и продолжила свое хаотическое хождение.

Николаю стало до тошноты противно наблюдать всю эту мерзость. Он решил возвращаться назад. Быстро прошел через зал, огибая диваны, где уже с криком и визгом буйствовали свальные оргии. Но перед самым лифтом кто-то сзади острыми когтями вцепился в рукав его куртки. Он резко обернулся. Перед ним, держась когтистой рукой за его рукав, стояла обнаженная полногрудая бесовка с огромными фиолетовыми глазами и вьющимися по плечам волосами, белыми, как снег.

— Пройдемте в испытательную, — с похотливой улыбкой тоненьким голоском пропищала она.

— Какую еще испытательную! — Николай потянул на себя руку.

— Ты мне нравишься.., — как змея, прошипела голая бесовка и свободной рукой потянулась к его животу, выпустив загнутые когти.

— Сейчас я тебе еще больше понравлюсь, — сказал Николай, доставая из нагрудного кармана куртки бронзовое распятие и выставляя его перед собой.

Словно пораженная током, голая бесовка отдернула от него обе руки. В тот же миг ее губы сморщились, а тело начало извиваться и трястись. Шипя и уменьшаясь в росте, она свернулась на полу в клубок, покрылась змеиной чешуей, ее голова с фиолетовыми глазами вытянулась, и, высунув раздвоенный черный язык, она успела простонать: «Уйди!» Еще через мгновение на полу осталась лишь небольшая желтая лужица, быстро впитавшаяся в мягкое ворсистое покрытие.

Николай вошел в лифт и вставил карточку в первую верхнюю прорезь. Через полминуты двери лифта раздвинулись, и он вновь оказался в комнате, где на красном диване полулежал лохматый Адольф. Металлические ритмы все так же били по ушам.

— С возвращением!.. — с явным удивлением воскликнул рогатый оператор по освещению. — Как впечатление от четвертого плана? Есть на что посмотреть, а?

Николай вернул ему ксиву, но благодарить не стал, помня прежнюю издевку.

— Есть на что.., — преодолевая чувство отвращения, выдавил из себя Николай. — Да я и на второй зашел... Знакомых там встретил...

— Собчак еще профессорствует? — осведомился Адольф, ударяя пальцем по кнопкам светоусилителя.

— А как же! Ораторствует, проходимец...

— Стаж выслуживает, — со знанием дела уточнил Адольф. — Скоро на четвертый переберется. Человечинкой станет питаться...

— Ну ладно, мне к магистру надо пройти, — поспешил отвязаться от него Николай.

— Хо-о! — расширив круглые глаза, поразился лохматый рогач. — Тут такая бюрократия!.. Без предварительной записи целый век будешь в приемной торчать.

— Я же сказал, мы с ним на короткой ноге. Беседуем иногда.., — полушутя соткровенничал Николай. — Ну-ка, подскажи, как от тебя идти, а то я тут все стороны перепутал?..

— Запомни и никогда не забывай: к нему всегда налево.., — многозначительно усмехнувшись, ответил Адольф и снова ударил по кнопкам своего прибора. — Что-то сегодня излучения не хватает..

Николай вышел в длинный коридор и двинулся в левую сторону. Шагов через пятьдесят сквозь рассеившуюся синюю дымку он увидел перед собой глухую стену, от которой под прямым углом коридор вновь поворачивал налево. Еще через тридцать шагов был другой поворот влево, через двадцать — опять поворот, через десять — снова, пока наконец Николай не уткнулся в черную металлическую дверь. Перекрестившись, он толкнул дверь, она распахнулась, и в лицо ему опять ударил ледяной мрак. Стиснув зубы и весь напрягшись, Николай переступил порог жуткой темноты. В ту же секунду вспыхнул ослепляющий голубой свет и, щуря глаза, он понял, что находится в широкой приемной комнате круглой формы, полной однообразной ожидающей публики, сидящей в красных креслах и фланлирующей от стены к стене. Публика внешне отличалась между собой только по возрасту и была весьма специфической — в черных костюмах, черных шляпах, с длинными преимущественно черными бородами и в круглых очках.

Навстречу Николаю из-за стола, стоящего возле массивной, обитой черной кожей двери, вышла необычайно дородная дама на вид лет пятидесяти в желтой мини-юбке с широкими бедрами и толстыми ляжками в коротких красных чулках, туго стянутых ниже юбки голубыми подвязками. Ее невероятных размеров бюст вываливался из низкого декольте синей расходящейся на пупке блузки, усеянной белыми шестиконечными звездами. Подойдя вплотную к Николаю и чуть не касаясь тяжелым бюстом его груди, она выдохнула ему в лицо почти мужским басом, разящим чесночной отрыжкой:

— Вы к кому?

Круглая бородавка на ее больше похожем на хобот носу задрожала мелкой рябью, а редкая черного цвета растительность над вывернутыми, точно срамными, губами покрывалась крупными каплями сырости. Она уставилась на Николая вылезшими из орбит глазами хищной акулы.

— К магистру, — громко сказал Николай. — Он меня ждет.

Усато-грудастая секретарша несколько раз моргнула акульими бесцветными глазищами, подняла, сморщив

низкий лоб, выщипанные бровные дуги и пробасила чесночной вонью:

— Когда последний раз отмечались?

— Доложите, — твердо потребовал он, — пришел Николай Иванов.

— Иванов? — раздался чей-то голос с кресла.

«Какой Иванов? Что еще за Иванов? Матильда Срулева, откуда тут Иванов? — зашумели вокруг черные шляпы. — Пусть назовет настоящее имя!»

— Псевдонимы здесь запрещены, — брызжа слюной, угрожающе загудела срамными губищами жирная секретарша. — Имя! Полное имя! — заорала она, разинув шербающую пасть.

— Николай! — еще громче выкрикнул он. — Николай Иванов! Так и доложить!

Выпученные глазищи губасто-сисястой секретарши налились кровью. Она отступила на шаг, медленно развернулась и грузно зашагала к массивной двери, монотонно подбрасывая и роняя надутые шары округлых ягодиц. Сквозь ее синего цвета вздыбленно-редкую волосню на голове старчески просвечивались дряблые серые проплешины. Она уселась за свой стол, нажала невидимую кнопку.

— Слушаю, — раздался на всю приемную знакомый Николаю гортанный голос.

— К вам клиент по имени Иванов, — чуть слышно объявила развратно-плешивая секретарша.

— Кто-кто? — переспросил голос.

— Какой-то Николай Иванов.., — испуганно пробасила лупоглазая уродка.

Черные шляпы, прекратив хождение, застыли на месте, ожидая дальнейшей реакции. В приемной возникла выжидательная тишина. Но после некоторой нервной паузы прозвучали четкие, поразившие бородатую публику слова:

— Впустить немедленно.

Одни из присутствующих начали беспокойно гладить бороду, другие вскочили с кресел, стали выкрикивать какие-то короткие, неясные фразы, третьи принялись монотонно раскачиваться вперед и назад.

Патологически-отвратная старуха-секретарша вспорхнула из-за стола, отчего ее бюст подпрыгнул к отвисшему третьему подбородку, подскочила к обитой черной кожей массивной двери, взялась за золотую ручку и с непонятными Николаю словами потянула дверь на себя.

Николай прошел в кабинет магистра. После ослепительного голубого света приемной здесь царил полумрак. И первую минуту Николай почти ничего не видел кроме слабо мерцающего впереди пламени свечей. Он пошел на этот огонь, но быстро остановился, потому что увидел: кабинет не имеет пределов. Николай осмотрелся и окончательно понял, что ни с одной стороны не было стен, а вместо них вокруг него за висящими в воздухе семисвечниками уходила в бесконечность жуткая темнота.

— Где ты? — нетерпеливо крикнул Николай.

— Повернись назад, — услышал он спокойный ответ.

Николай обернулся на голос. В нескольких метрах от него на каменном возвышении, к которому слева и справа вели отшлифованные гранитные ступени, в неярком голубом свечении стоял трон, обрамленный по бокам змеиными головами. На нем, закинув ногу на ногу, восседал знакомый Николаю козлобородый коротышка в белом фраке с белой бабочкой и в поблескивающих круглых очках.

— Мы снова встретились.., — прокартавил обладатель трона. — Хвалю за настырность. Не боишься? Отсюда люди не уходят...

Под каменным возвышением слышались чьи-то стоны, заглушаемые звериным рычанием.

— Посмотрим, — без тени волнения сказал Николай. — Не пугай раньше времени.

— В чем цель твоего прихода? — козлобородый перекинул короткую тощую ногу в белых остроносых туфлях.

— У меня был друг, Александр Погудин... Теперь его нет...

Козлобородый ухмыльнулся, разведя руками, потом снисходительно проговорил:

— Люди смертны.., — и, облокотившись на колено, добавил: — Он был опасен... Есть черта в знаниях, которую гой переходить не должен... Опасен не для меня, Иванов, нет, а для вас же, для гоев... Знания разрушительны, тебе не хуже меня это известно... Наш отец подбросил знание Адаму... Ничего хорошего из этого не вышло.

— Как ты любишь корчить из себя благодетеля! — бросил ему Николай с раздраженным пренебрежением.

Он стоял перед каменным возвышением, засунув руки в карманы куртки, а мимо него проползали громадные шипящие змеи и стаями пробегали жирные крысы. Он старался их не замечать, но холодный пот пробивал все его тело.

— Я, Иванов, действительно многим из вас приношу благо, — серьезным тоном похвалил себя козлобородый и погладил кудрявые завитки волос между коротких острых рогов на лбу. — Я знаю, что говорю.

— Твое благо оборачивается горем и слезами для нас.

— Ну уж.., — рогатый выпрямил спину. — В этом виноваты вы сами. Не умеете распоряжаться моими дарами... Но многие, между прочим, преуспели...

— Да, конечно, — быстро отреагировал Николай, — ублюдки, продавшиеся вам. Потом вы их жрете на четвертом плане...

— Ты и это знаешь! — вскинул густые брови козлобородый. — Зато здесь они успели кое-что отхватить...

— Откуда ты взялся? Кто ты на самом деле? — с ненавистью в голосе прокричал Николай. — Антихрист?

Очкастый коротышка, задрав хилую бороденку, громко, по-вороньи, засмеялся, словно закаркал.

— Пока еще нет.., — самодовольно протянул он, откаркавшись. — Я магистр голубого света первой степени... А еще неделю назад имел вторую...

— Что, за друга моего повысили?

— Не без этого, — внезапно нахмурившись, пробормотал рогатый. — Не один он... Хотя за душу его идет борьба...

— Что вам от нас надо? — глядя исподлобья на светящийся голубой трон, вновь крикнул Николай.

Козлобородый наклонился вперед.

— Нам надо, — с расстановкой отчеканил он, — чтобы вас вообще не было.

— Кого?! — в отчаянии закричал Николай.

Рогатый еще сильнее наклонился и вытянул шею.

— Всех вас, кто не с нами...

Николай молча застыл, глубоко дыша.

Змеи и крысы уже бесконечным потоком двигались мимо каменного возвышения, под которым стоны и звериный рык слились в единый надрывающий душу вой.

— Вас не должно быть, — распрямившись и положив руки на обрамляющие трон змеиные головы, твердо и четко произнес магистр голубого света, перекрывая идущий снизу рев. — И вас не будет. Это уже решено. России конец, Иванов. Мы сократили и разоружили вашу армию до полного ничтожества. Здесь всегда будут только наши президенты. Ни одна ядерная ракета отсюда никогда не взле-

тит. В ближайшие годы по всей России начнется настоящий голод, и зимой в городах перестанут отапливать дома. Мы отключим у вас электричество, а газ пойдет исключительно за границу. Ты сам знаешь, ни на какое восстание ваше безмозглое население уже не способно. Эти бараны будут ковыряться в помойках и молчать. Вы сами начнете жрать друг друга. К власти придут мнимые патриоты, которые станут только обещать и обещать. Лишь в двух столицах мы оставим свет и тепло, потому что они наши, Иванов, здесь всё в наших руках. Мы завезли сюда кавказцев. Больше миллиона кавказцев... Они ждут нашей команды...

Николай высвободил сжатые кулаки из карманов куртки.

— Ну, не будет нас, — ровным голосом сказал он. — А что же дальше?

— А дальше!.. — козлобородый встал с трона и протянул вперед руки. — Дальше мы сбросим Распятого с креста! И придет наш отец! Денница! Великий князь голубого света!..

Глаза козлобородого вспыхнули дьявольским слепящим огнем. Над его головой сверкнула молния, от оглушительного грохота задрожал пол под ногами и неистовый порыв ветра ударил Николаю в лицо. Свечи, горевшие в висящих в воздухе семисвечниках, мгновенно погасли, но через секунду вспыхнули вновь. Вой под каменным возвышением смолк, змеи и крысы тотчас исчезли.

— Еще один мечтатель! — рассмеялся Николай и резким движением руки выхватил из бокового кармана куртки бронзовое распятие. — Так вот же Он! Смотри! На! Сбрасывай! — закричал во все горло Николай и с поднятой вверх рукой, сжимающей распятие, сделал шаг вперед.

Но в то же мгновение каменное возвышение затряслось, трон закачался и упал назад, вызвав яркую вспышку голубого света. Из глаз козлобородого посыпались искры. Искраженный страшной гримасой, он, выкрикивая непонятные слова, оскалил клыки, закрылся от распятия ладонями, но тело его стало извиваться, корежиться, пока наконец каменное возвышение, развалившись, не погребло его под своими обломками.

Висящие в воздухе семисвечники рухнули, рассыпавшись в прах, и полная беззвучная темнота сковала Николая.

Время для него остановилось. Он не знал, сколько простоял, не шевелясь, в этой гробовой темноте. Но вдруг его

глаза вздрогнули от слабых языков красного трепещущего пламени. Он с усилием пригляделся и заметил, что оно вырывается из трещины в бетонной стене. Пламя выросло, осветило пространство вокруг него, и он понял, что стоит посреди подвальной, заваленной рухлядью комнаты, где прежде обитал Сохатый. Он тряхнул головой. Это был не сон.

Николай огляделся. В том самом провалившемся кресле, где до этого валялся безголовый крысиный скелет, теперь с закрытыми глазами в белом фраке, но уже без очков полулежал козлобородый.

Николай сделал движение в сторону открытой двери.

— Стоять, — услышал он гортанный голос. — Мы не договорили.

Николай остановился.

— А я не собирался уходить, — ровно отреагировал Николай. — Хотел только дверь замкнуть, чтоб ты не сбежал.

— Глупец, для меня не существует преград, — козлобородый открыл звериные глаза.

Со стороны топчана прозвучал сиплый кашель.

Николай взглянул туда и только сейчас увидел, что на топчане в серой замызганной робе, заросший грязной волосней, сидит тот самый бомж с заклеенным пластырем обрубком носа.

— Никак Сохатый? — без особого удивления спросил Николай.

— Он самый, — гнусаво просипел бомж. — Выходит, свиделись...

— Так вот, Иванов, — продолжил из кресла козлобородый, — заруби себе на носу: мы сильнее Распятого. Люди идут за нами, а не за Ним. Мир принадлежит нам, — он поднялся на ноги, встав спиной к топчану. — Ваша вера слаба. С ней вы потеряли всё! — он, каркая, захохотал.

— Врешь.., — Николай, стоя у стены возле открытой двери, выхватил из кармана распятие. — Сильнее, говоришь...

Но непонятная, давящая сила припечатала его к стене. Зрочки козлобородого расширились, побелели, уставившись в бронзовое распятие, прижатое к стене вместе с рукой Николая. Козлобородый иступленно застыл, оскалившись и покрываясь буграми на шее и на рогатом лбу.

Николай почувствовал, что распятие в его руке стало быстро накаляться. Сжав зубы, он терпел сколько мог, но

прошло еще несколько секунд, и его пальцы уже были не в силах держать раскаленный металл. Распятие выскользнуло из руки, упало на пол и, прожигая едко задымившийся линолеум, превратилось в бесформенный кусок бронзы.

Козлобородый расслабился, вытер платком со лба пот и вновь расхохотался.

— Я же говорил, Иванов, мы сильнее...

Николай отшатнулся от стены, посмотрел на обожженную руку и тихо сказал:

— Это только металл... Его можно расплавить... Но вот веру своими бесовскими бельмами не возьмешь... Крест на земле, Христос на небе...

Какая-то бешеная сила отшвырнула его в дальний угол. Он сильно ударился головой о стену и ненадолго потерял сознание. Придя в себя, Николай разглядел рядом с колеблющимся красным пламенем оскаленную морду козлобородого.

— Я предупреждал не вспоминать этого имени. Ты долго испытывал мое терпение, Иванов. Мне надоело с тобой валандаться. Вы, гои, ничего другого не заслуживаете, — козлобородый, задрав кверху бороденку, поправил белую бабочку. — Я был с тобой интеллигентен... Ну-ка, ты, крысятник, давай сюда инструмент, — он вполоборота повернул голову к сидящему сзади Сохатому и выставил в сторону левую руку ладонью вверх.

Сохатый достал из-за спины столовый тесак и вложил в руку козлобородого.

Сидя на полу и прижавшись спиной к холодному бетону, Николай смотрел, как приближалось к нему рогатое существо с зазубренным тесаком в опущенной руке. Он не испытывал ни отчаяния, ни страха. Он сознавал только одно: нет ничего сильнее его веры.

Всё та же сила прижала его к бетону и не давала пошевелиться. Когда их отделяли всего два шага, козлобородый остановился, уставив на него звериные побелевшие глаза, и дико захохотал. Но вдруг узкое кривое лезвие полоснуло козлобородого по горлу у самой белой бабочки. Рогатый захлебнулся в своем хохоте, выронил нож и упал на колени перед Николаем. Черная кровь хлынула на белый фрак, вырываясь с шипением и бульканьем из перерезанного горла.

Николай поднял пораженные глаза и увидел стоящего над козлобородым Сохатого с ятаганом в руке. Другой ру-

кой он держал за волосы рогатую голову, которая, к ужасу Николая, продолжала хохотать, изрыгая брызги черной пенящейся крови. Сохатый вновь вонзил узкое лезвие в горло козлобородого, сделал несколько режущих движений, и вот уже мерзкая хохочущая голова, отделенная от тела, болталась в его поднятой руке. Издав нечленораздельный рык, Сохатый швырнул эту рогатую голову в провалившееся кресло.

Николай вскочил на ноги и толкнул подошвой стоящее перед ним на коленях залитое дымящейся черной кровью обезглавленное туловище. Пустой обуглившийся фрак медленно завалился набок, плоско и бесшумно расстелившись на полу.

— И черту можно башку отрезать.., — прохрипел Сохатый и отбросил в сторону ятаган.

Николай рванулся к выходу. Перед дверью он обернулся и в последнее мгновение встретился взглядом с открытыми белыми глазами валяющейся в кресле звериной головы. В тот же миг иссякло пламя, выходящее из стены.

Когда Николай выскочил из подвала наверх, стояла глубокая ночь. Он прошел несколько шагов по газону и упал на влажную траву, глубоко вдыхая душистый летний воздух. Невыносимая тоска сжала его сердце. Он лежал долго и неподвижно. Его душили слезы. Только здесь он мог наконец выплакать всю боль, что натерпелась и накопилась в его душе.

Как только начало светать, Николай поднялся с земли. Возле метро он остановил частника, который отвез его домой. Не сомкнувшая глаз и перепуганная Лена встретила его без лишних вопросов. Она обняла его за шею, прижалась лицом к колючей щеке и лишь промолвила: «Ты хотя бы звони, когда где-то пропадаешь...»

Из первых утренних теленовостей Николай узнал о взрыве в Медведкове двух подъездов девятиэтажного дома. На экране телевизора спасательные команды разбирали бетонные завалы.

Свадьбу им пришлось надолго отложить.

1999—2000

ДОЖИТЬ ДО ЗАВТРА

(Дневник солдата)

Повесть

(От автора. В конце 60-х годов войска ПВО СССР в срочном порядке переходили на новый ракетный комплекс. По всей территории Советского Союза началось авральное строительство стационарных стартовых площадок)

17.06.1969

Моя солдатская жизнь круто изменилась. Собрали нас из разных подразделений Восточно-Сибирского округа и бросили на военную стройку. В этой глуши Красноярского края работать придется до самой зимы, а привезли нас сюда полмесяца назад.

Как знать, может, это и лучше, что меня сняли с дежурства на радиорелейной станции, где я имел много свободного времени, где я уже обленился и после двух лет службы ожидал только демобилизации. И вот — оказался, как нам объявили, «на строительстве объекта военного назначения».

Особо я не переживаю, нужно размяться, поработать физически, а то уже засиделся на своей спасительной станции.

Поселились мы в громадной палатке с двухъярусными койками. А вокруг — только лес, переходящий в тайгу. И еще — комары с мошкаррой, которые нас уже замучили. Днем, когда жарко, мелкие мошки (их называют гнусом) тучей облепляют тело, и если их не отгонять, то они впиваются, как клещи. Ну а ночью невозможно спать от комаров. Укрываться с головой жарко, а если не укрываться — заедят.

Сначала полмесяца размещались, устанавливали местную палатку, кровати, строили кухню, столовую, пилили деревья, ровняли дорогу. Но главная работа вся впереди.

18.06.1969

Сегодня ставили бетонные столбы для огораживания территории объекта. Норма — 20 столбов на человека. День был очень жаркий и душный. Мы сняли гимнастерки и весь день нас донимала проклятая мошкара. Столбы тяжелые, устанавливали их вручную, и после 11-ти часов работы казалось, что поясница того и гляди переломится.

Здесь пока нет света, так что бриться стало для меня проблемой, потому что прежде, в части, я пользовался электробритвой. Лезвий у меня не было, и здесь их, естественно, нигде не возьмешь, приходится занимать у знакомых солдат.

От моего дивизиона, где я служил, мы находимся в пятнадцати километрах, а от деревни Ястребово, через которую идет дорога в дивизион, — в девяти. В последний год я частенько бывал там в увольнении... Перед отбоем я и еще два солдата решили идти в самоволку. Меня там ждала Галя... И после вечерней проверки мы пошли. Как только вышли на дорогу, пришлось прятаться от машины, которая возит на стройку воду, в ней сидел офицер. Затем всю дорогу бежали.

Добрались за 40 минут. Была уже полночь. Стояла тишина, и ни в одном доме не горел свет. Мы пошли в лес, на поляну, где обычно девушки жгут костры. По пути зашли на молочный завод. Там нас знакомая женщина от души напоила молоком и звала приходить еще.

На поляне около оврага горел костер. Мы подошли поближе. Среди девичьего смеха явно слышался мужской голос. Это мог быть один из молодых лейтенантов, которые так же, как и мы, ходят в самоволку из дивизиона. Костер горел у самого оврага. Мы спустились вниз, прошли по дну оврага и стали осторожно подниматься к костру, чтобы узнать, кто же там есть.

Подползли совсем близко и притаились в кустах. Вдруг от костра отделилась мужская фигура в трико и стала спускаться к нам, собирая сучья для костра. Мы сразу его узнали, это был один из наших солдат, со стройки. Мы окликнули его, он немного испугался, но подошел и тоже

узнал нас, обрадовался, и, громко смеясь, мы поднялись к костру.

Там было много девушек, но, самое главное, среди них была Галя. Все они удивились нашему неожиданному появлению.

Минут через пятнадцать мы с Галей ушли от костра в лес... Потом мы с ней долго сидели на скамейке возле ее дома, я обнимал и целовал ее. Расстались мы в три часа ночи.

Назад я возвращался один. Девять километров показались мне очень долгими. Шел и всю дорогу сочинял стихи, вернее, вслух говорил стихами, которые потом забыл.

Когда добрался до стройки, ноги уже еле двигались. Спать оставалось полтора часа. Но самое главное, из начальства никто так и не узнал, что я был в самоволке.

28.06.1969

Не могу сказать, что я привык к работе на этой стройке и особенно к условиям нашей жизни. После двух лет службы все больше тянет на гражданку, к обычным людям. И еще эти проклятые комары беспощадно грызут нас и днем и ночью. Работать и так трудно, а тут еще жара и это беспросветное множество комаров и мошкары, от которых невозможно укрыться ни на минуту. Комары здесь большие, злые, неуклюжие, не то что подмосковные, они тучей облепляют наши тела и успевают насосаться крови. В том месте, куда комар вонзает свой хобот, кожа краснеет, чешется, выступают болезненные волдыри. А мы, стиснув зубы, работаем, не переставая отмахиваться и извергая отборнейшую брань.

Но это еще полбеды. После 11 часов работы, мы, уставшие, ложимся спать. Однако ночью — тоже жарко, а комаров еще больше. Уснуть невозможно. Палатка наполнена разноголосым нудным комариным гулом. Всю ночь мы ворочаемся, чертыхаемся, клянем такую жизнь и не можем заснуть. Многие выходят из палатки, бродят, бродят, потом ложатся прямо на землю, накрывают голову бушлатом и пытаются отключиться.

Я чувствую, что нервы мои уже не выдерживают, и от одного лишь жужжания комара возле уха меня бросает в дрожь. Лицо распухло от укусов, кожа под палящим солнцем шелушится и кусками сползает с лица, губы обветрились и потрескались, а вазелина ни у кого нет. Я понял, что комары — это настоящая пытка.

Вчера работали 15 часов вместо 11-ти. Наша бригада поставила 29 столбов. 18 из них майор, начальник стройки, заставил выкопать и установить снова, уже после ужина, когда у нас должно быть личное время. Мы пытались договориться с лейтенантом, командиром взвода, не посылать нас на работу после ужина, потому что очень устали, и обещали завтра с утра всё доделать. «Никаких «завтра», — отрезал лейтенант. — Будете работать сегодня». Мы сдержали в себе злобу и пошли. Но половина бригады поначалу работать отказалась. Я и несколько других солдат сидели у костра и в дыму прятались от комаров. Лейтенант раскричался, пригрозил трибуналом и тем, что в субботу не отпустит нас в увольнение. Мы ему ответили, что мы не дети и сами знаем, что к чему, напомнили ему про устав. Но столбы мы установили, все-таки это армия.

10.07.1969

Уже более месяца я работаю на этой военной сибирской стройке. Все это время стоит жара выше тридцати градусов, и мы тут все стали черными от загара. Работаем по 11 часов в сутки, из них, наверное, около часа уходит на борьбу с комарами и мошкаррой.

Весь прошедший месяц не было дождя. Воды поблизости нигде нет, искупаться негде, единственное, что хоть как-то спасает от жары и пота, — это душ перед обедом и ужином. А весь день — под палящим солнцем, в поту, в работе и в пыли.

Врубаемся лопатами в сухую глину и роем котлованы глубиной три метра. Техники очень мало, в основном — БСЛ — большая саперная лопата.

Недавно нас возили ставить мост на лесной дороге. Вернулись все в крови от укусов мошкарры.

Каждый вечер чувствую большую усталость, появилось желание поспать даже днем, чего раньше не было. За все время, проведенное на стройке, новых стихов не написал. Только переписал из черновиков начисто несколько стихотворений и послал в газету. Работа забирает все силы и время, не могу сосредоточиться. Личного времени всего полтора часа, и уходит оно впустую.

Ни разу не был в увольнении. В последнюю субботу не пустил майор — начальник стройки. Припомнил мне недавний мой пролет — кто-то ему настучал, что я был од-

нажды пьян. Я не знаю пока точно, кто меня заложил, хотя подозреваю кое-кого.

Но в ту же субботу, уже в четвертый раз, я ходил в самоволку. Опять три часа был вместе с Галкой. С ней мне очень хорошо. Она такая милая и нежная со мной, что я просто не понимаю, отчего это. Но ради всего этого стоит бежать к ней девять километров за 35 минут (натренировался, раньше пробегал за 40) и идти обратно пешком полтора часа.

Сегодня четверг, в субботу буду записываться в увольнение.

Я долго не вел этого дневника. Не было времени даже на это, не говоря уже о чем-то более серьезном. А писать так хочется!

В дивизион, в нашу бывшую часть, возить нас перестали, даже в баню, вторую неделю не моемся.

Присел на поваленное дерево, пишу эти строки, отмахиваюсь от комаров, а из палатки дымовыми шашками выкуривают этих кровопийц. Уже темнеет. Недалеко парни сидят в кружок на траве, поют. Женька Гребенков, ефрейтор, москвич, играет на гитаре. А вокруг — глухой лес.

Вот уже кричит дневальный: «Строиться на вечернюю прогулку!»

Завтра продолжу свой дневник.

11.07.1969

Была тяжелая работа. Сильно устали. Ужин задержали на целый час — не привезли хлеба. Ужинали перед самым отбоем. В моем распоряжении десять минут, и я достал эту тетрадь. Чувствую, что ноги от усталости уже не держат. Клонит в сон. Пока дожидались ужина, успел погладить гимнастерку, так как завтра суббота, и я собираюсь идти в увольнение. Брюки погладить не успел — выключили дизель, который дает свет. В палатке темно. Неужели опять не пустят? Вообще-то майор обещал отпустить.

Сажу возле палатки, пишу, а глаза слипаются от усталости. Скорей бы отбой. Многие уже лежат в одежде на кроватях.

Где-то звучит гитара...

13.07.1969

Вчера была суббота. Работали до 3-х часов дня. Потом отдыхали. Я готовился в увольнение. Отпустили. В деревне встретился с Галей. С нею мы были три часа. Сначала

танцевали в клубе, потом гуляли по улице. Она сказала, что во вторник уезжает и, возможно, надолго. У нее была такая красивая прическа, а в волосах — белый бант. Когда мы расставались, я взял этот бант на память до ее возвращения. И еще пообещал, что в воскресенье (сегодня) или в понедельник приду к ней в самоволку.

Сегодня утром после подъема не вставал до 9 часов и все равно не выспался.

Мне кажется, я здесь потерял способность писать стихи. В течение дня все время тянет ко сну, и в голове нет ни одной светлой мысли. За целый месяц не написал ничего хорошего. То ли обстановка так влияет, то ли постоянная физическая усталость. Неужели так же будет и дальше?

14.07.1969

Вчера вечером почувствовал себя плохо. Появилась тошнота, ничего не мог есть, болел желудок и всю ночь знобило. Сегодня утром лучше не стало. Остался лежать в кровати и на работу не вышел.

15.07.1969

Вчера, в понедельник, я все еще чувствовал себя неважно, по-прежнему не было аппетита и болел желудок. После обеда заступил в наряд — на ночную охрану автотехники. Но сразу после этого, старшина велел мне сменить постели офицерам. Я отказался и пошел помогать своим ребятам чистить картошку. Старшина расвирепел, снял меня с ночного поста и поставил кочегаром на кухню.

Я знал, что во вторник должна была уехать Галка, и потому решил идти к ней в самоволку. Не дожидаясь вечерней проверки, я ушел.

Погода была пасмурная, надвигались тяжелые тучи и рано начало темнеть. Я спустился в овраг, намереваясь лесом укоротить путь, чтобы выйти на дорогу, ведущую к деревне. Но очень скоро стало совсем темно. Трава в этом густом лесу была так высока, что ее приходилось раздвигать руками, чтобы она не мешала продвигаться. Я спешил, натываясь в темноте на пни, на поваленные гнилые деревья, иногда падал, поднимался и пытался быстрее идти дальше.

В конце концов я, видимо, отклонился в сторону от дороги, углубился в лес и в темноте потерял ориентацию. Но продолжал идти и вышел на какое-то поле, долго бежал по

нему, надеясь все же выскочить на дорогу. И вдруг, когда я уже перешел на шаг, пристально всматриваясь по сторонам во тьму и надеясь разглядеть знакомые очертания местности, я услышал вдалеке звук мотора, похожий на треск мотоцикла. Затем увидел свет фары. Я бросился в ту сторону, где промчался мотоцикл и, наконец, вышел на дорогу.

Успокоившись и сняв гимнастерку, я побежал к деревне. Но тут началась гроза и хлынул дождь. С каждой минутой он усиливался. Насквозь промокнув, я решил возвращаться, ведь до деревни оставалось еще километров пять, а прийти к Галке до нитки промокшим и продрогшим мне не хотелось.

Я побежал назад. Когда до нашей стройки оставалось где-то полкилометра, я вновь увидел свет фары движущегося мне навстречу мотоцикла и тут же в несколько прыжков достиг ближайших кустов и скрылся за ними. Мотоцикл промчался мимо.

Весь мокрый и злой я вошел в палатку, когда солдаты еще не спали. Мне сказали, что старшина перед отбоем бегал, искал меня, кричал, чтобы я немедленно явился к нему. Но его сумели отвлечь каким-то другим скандалом, и он меня больше к себе не требовал. Я лег в постель и спал, как убитый.

Сегодня весь день кочегарил в столовой. Болезнь вроде бы прошла. Вечером впервые за лето попробовал яблочек — одному из ребят пришла посылка, а в ней — бутылка «Столичной». Оставили ее на следующий день.

16.07.1969

Пытался писать стихи. Получается с трудом.

18.07.1969

Работали с бетоном. Машины приходят и днем, и ночью, и нас не раз поднимали по ночам их разгружать. Спим и так плохо — донимают комары, а тут только уснешь — и тебя поднимают разгружать машины с бетоном.

Сегодня весь день бетонировали фундамент каких-то будущих корпусов, всё приходилось делать вручную. Обед перенесли на час позже. Пообедали — и тут же на работу, не отдыхали ни минуты.

После ужина сразу велели ложиться спать, потому что подъем будет в четыре часа утра.

Ноги еле таскаю. В самоволку уже давно не ходил. Стихи пишутся трудно, да и нет для них времени. Начались первые дожди этого лета, правда, недолгие. Может, скоро они будут идти чаще, и мы сможем хоть немного отдохнуть.

20.07.1969

Вчера работали с пяти утра до восьми часов вечера. Вымотались вконец. Еле вырвался в увольнение. А там случилось нечто непонятное и очень для меня неприятное.

Что-то странное происходит с Галей. Весь вечер она была надутой, не хотела со мной танцевать в клубе, не хотела идти на улицу и вообще отказывалась разговаривать со мной. Перед концом увольнения я все-таки вывел ее из клуба и спросил, что случилось. Она ничего определенного не ответила. Тогда я еще ее спросил: хочет ли она, чтобы я приходил к ней? Она опять не ответила и попыталась перевести разговор на звезды и на погоду. Мое настроение было испорчено.

Сегодня утром, в воскресенье, я написал ей письмо, где прямо сказал все то, что я думаю о наших отношениях. И еще написал, что не приду к ней, пока она не ответит. Потом ходил гулять в поле и сочинил несколько четверостиший. После обеда лег спать перед заступлением в наряд.

24.07.1969

22-го, во вторник, получил письмо от Гали, а в нем — всего пять слов: «Извини. Приходи. Жду!.. Твоя Галка». Но в тот день я работал 15 часов, и все время — таскали на носилках бетон. Закончили работу перед самым отбоем. Без всякой охоты поужинал и обессиленно рухнул на кровать. На самоволку сил не осталось.

Правда, целый день я думал о том, что обязательно увижусь с Галей, даже заранее побрился. Но в ту ночь никуда не пошел: лишь только добравшись до кровати, — уснул, как мертвый.

На следующий день, в среду, старался не перерабатывать, сохранял силы на ночь. И после вечерней проверки ушел в самоволку.

Один наш шофер сказал мне, что расстояние от палатки до деревни — девять километров двести метров, он засекал по спидометру. (Мои подсчеты оказались верными.) Я пробежал их за 35 минут.

По дороге около самой деревни пришлось прятаться от машины, в которой обычно ездит начальник стройки. Но самое неприятное ждало меня впереди. Оказывается, Галка-то утром этого дня уехала из Ястребова. Это меня ужасно огорчило, настроение опять испортилось, и я хотел уже было возвращаться назад. Но встретил там других солдат-самовольщиков, и мы пошли с девчонками в поле жечь костры. Возвратился в пять утра, спать уже не пришлось — в шесть подъем.

Сегодня весь день болели ноги и клонило в сон. Правда, после обеда я отвел душу, выспался на работе, так как офицера с нами почему-то не было.

28.07.1969

В субботу 26-го заступил в наряд дневальным. Перед ужином выпили водки. Затем ребята, которые вместе со мной находились в наряде, не дожидаясь отбоя, ушли в самоволку. Так я остался в наряде один — за двух дневальных и за ночного охранника автотехники. В три часа ночи самовольщики вернулись и передали мне, что в Ястребово приехала Галя, и что она просила, чтобы я завтра, в воскресенье, к ней не приходил. Я, конечно, воспринял это как шутку, но на душе остался неприятный осадок.

27-го я все же готовился пойти в увольнение. Из списка майор меня не вычеркнул.

Перед ужином я выпил кружку водки, а после ужина нас повезли на машине в деревню. Приехали как раз перед началом фильма в клубе. Я увидел Галю — она со своими подружками заходила в клуб. Я сразу к ней подойти не решился, за что себя весь вечер ругал. Все зашли в клуб, и фильм начался. Ну а мы, солдаты, пошли гулять по деревне. Я подцепил двух девчонок лет по семнадцать и морочил им голову до конца киносеанса.

Когда Галя вышла из клуба, я тут же подошел к ней, и мы пошли к ее дому. Там, сидя на лавочке, мы долго проговорили. Она призналась, что ей не хотелось никуда уезжать, что уехать ее уговорила подруга и что она в шутку сказала, чтобы я не приходил. Но в то же время она отстраняла мои руки, когда я пытался ее обнять. А мне так хотелось хоть на миг прикоснуться к ее губам! Ведь всю эту неделю я ждал встречи с ней, попусту бегал за девять километров, скучал, мучился. И вот теперь — был удивлен и очень огорчен ее поведением.

Привезли нас в дивизион в три часа ночи. Вот так я почти не спал уже третью ночь.

Сегодня настроение было паршивое, думал о Галке, за что-то злился на нее и на себя. Наверное, в моем сердце возникло нечто похожее на любовь, но я не хочу никому в этом признаваться, даже себе. Ведь и Галя прекрасно понимает, что наши с нею отношения ненадолго, что я скоро уеду, и мы расстанемся навсегда, а ей нужно еще учиться. И ей я не хочу говорить о любви, хотя, кажется, я и вправду люблю ее.

Работали в дождь. Рыли котлован под пусковую установку.

31.07.1969

Я вновь побывал в деревне. Вчера вечером вместе со своим командиром отделения я побежал туда. Бежали довольно быстро, в одном темпе, не останавливаясь, и одолели расстояние за 30 минут. Прибежали, искупались в речке и, войдя в деревню, сразу встретили девушек. Среди них была и Галя.

Гуляли мы с ней до двух часов ночи. В этот вечер мне с нею было хорошо. Она мне казалась как никогда красивой, я не мог наглядеться на ее глаза, губы и волосы, которые хотелось без конца целовать и гладить, а черное трико замечательно подчеркивало ее фигуру.

Но главное для меня было не в этом, а в том, что мне хотелось услышать от нее важные, главные для нас слова. Нет, я не услышал этих самых нужных мне слов, но она сказала, что очень ждала меня и что эта ночь — только для нас одних. А ночь была действительно прекрасна. Огромная сибирская луна висела в безоблачном темно-синем небе. Тихая звездная ночь, и ее бесподобные глаза, губы, щеки, волосы, которых я касался губами, и ее ласковый шепот...

Эти три часа нашего свидания пролетели, как несколько минут. Я чуть было не сказал, что люблю ее, сам не знаю, какая сила удержала меня от этого.

Сегодня работали на «горке» для локаторов. Стояла ужасная жара, градусов под сорок. Пот лил рекой с наших тел. На солнце нас так разморило, что перед обедом не было сил шевелить руками. После обеда весь взвод сидел в тени, в шалаше, и как ни кричал наш новый офицер «давай, давай!», на «горку» никто из нас уже не поднимался.

Сегодня мы мечтали о прохладе и о дождях. Интересно, о чем будем мечтать, когда это настанет?

9.08.1969.

С утра 6-го числа майор, начальник стройки, послал меня вместе с другими солдатами в тайгу за ягодами. До ягодных мест было километров двадцать, но дорога туда состояла из сплошных ухабов, ям и колдобин, и наш грузовой «газик» на них чуть не перевернулся. Но как только доехали до места, все дорожные неприятности сразу же забылись: войдя в лес, мы увидели, что он весь был усыпан ягодами. Всё вокруг было красным-красно от малины, бузины и смородины, которую здесь называют кислицей.

«Газик» уехал, а мы первым делом кинулись собирать малину. Быстро набрали по ведру, сами наелись досыта и завалялись спать до прихода машины, благо, что в августе комары и мошкара уже почти не донимают. Но я, в отличие от остальных, почему-то не мог уснуть и пошел пройтись по лесу вдоль дороги. Взошел на высокий холм, и передо мной открылось величественное море тайги (как в песне). Я просто застыл перед этой беспредельной, необычайной красотой: громадные, вековые хвойные деревья и над ними — высоченные, устремленные ввысь остроконечные ели.

Тайга — это не наш подмосковный лес, по ней прогуляться не получится. Трава — с человеческий рост, сплошные заросли кустарников и на каждом шагу поваленные гниющие стволы. Одним словом — сибирские джунгли. Но хвойные деревья — благородные, громадные, некоторые в несколько обхватов, много кедра и пихты, которых я прежде почти и не видел, разве что в Москве в ботаническом саду. Но и там такой громадности не было.

По пути назад офицер, сидевший в кабине «газика», по своим делам завез нас в дивизион, где мы служили до стройки, и там тайком за флягу водки мы продали другому знакомому офицеру полведра малины. И потом, сидя в кузове, пока ехали к себе на стройку, мы ее распили.

На следующий день я работал на строительстве подземного убежища — в глубоком котловане, на дне которого орудовал экскаватор, а мы выравнивали стенки котлована. Уже было не так жарко, как прежде, и к концу дня я почти не устал.

После отбоя пошел в самоволку. Вернее, как всегда, побежал. На этот раз я преодолел 9 км за 25 минут. Это был мой личный рекорд.

Галя оказалась дома. Знакомые девчонки позвали ее. Она вышла, накинув пальто на легкое платьице. В эту ночь

мы с ней гуляли долго. Бродили по всей деревне, сидели на разных скамейках и без конца о чем-то говорили. Как ни странно, на этот раз она не спешила домой. Ночь была теплая и ярко звездная, как это бывает здесь накануне осени. Падающие «звезды» то и дело прочерчивали небо красными полосами, а мы пытались успеть что-то загадать и не успевали.

Галя призналась, что иногда вела себя излишне холодно со мной и что вообще, как ей кажется, она может быть жестокой. Я сказал, что не знаю, как насчет жестокости, но вредной она бывает довольно часто. Это была, конечно, шутка, но в каждой шутке...

Я долго целовал ее перед расставанием. Лицо, руки, шею, плечи... И она сама прижималась ко мне и ласкала, как любимого... Я обещал, что приду завтра, в субботу, или в воскресенье. Расстались мы в два часа ночи. Назад я шел радостный и счастливый.

Перед подъемом мне удалось поспать всего два часа. Как только мы пришли на работу к котловану, я тут же нырнул в кусты, нашел укромное место и завалился спать. Наш офицер, лейтенант-необстрелок, который старше меня всего на год, через некоторое время сообразил, что среди работающих меня нет, походил кругом, поискал, но не нашел.

Когда я вернулся в котлован, он сразу кинулся ко мне с вопросом: где я был? Я сказал, что спал. Вечером он доложил об этом начальнику стройки, и тот пообещал мне, что я буду работать в воскресенье.

После обеда (всё же — суббота) мы не работали, но, как нарочно, надолго зарядил дождь, и бежать в деревню было бессмысленно. Вот я и пишу эти строки в своем дневнике. Может, после ужина покажут какой-нибудь фильм, если привезут.

15.08.1969

Пятница. Вечер. Нахожусь в наряде на кухне. Весь день мыл посуду, наводил тут марафет и только что закончил чистить картошку. А ее нужно на 150 человек. На душе скверно.

Перед обедом была драка. Один дубоватый узбек за что-то ударил в лицо москвича Лаврухина (я в это время прилег вздремнуть ненадолго). Тот поднял меня, позвал дневального, тоже москвича, и мы пошли разбираться. К тому

узбеку присоединились тоже два земляка. Но тот, первый, дуболом, оказался психованным — схватил топор и вновь бросился на Лаврухина. Мы с дневальным успели сбить его с ног и вырвали топор. Думали, что он остепенится, но не тут-то было. Он вскочил, побежал на кухню, где был поваром еще один его земляк, схватил огромный тесак и кинулся уже на меня. Я успел только крикнуть: «Брось нож!», но он ничего не соображал — летел на меня с дикими глазами и с тесаком в руке. И тут уже дневальный ударил его ногой в бедро, отчего он упал на колени. К нему подскочили два других узбека, вырвали тесак и стали успокаивать. Но он с озлобленной мордой достал из кармана другой, складной нож, однако обнажить лезвие не успел — мы с дневальным, быстро подскочив к нему, начали молотить его кулаками с двух сторон. Избили в кровь, а нож забрали. Его земляки — не вмешивались.

И вот сейчас сижу в столовой перед ужином, пишу, а настроение отвратительное, как будто меня и вправду ножом пырнули.

В прошедший понедельник был в самоволке. Полночи провел с Галей. Нам вновь было хорошо и радостно вдвоем.

Погода резко испортилась, то и дело идут дожди, ночи стали холодными. В нашей палатке все спят в одежде и под двумя-тремя одеялами, и все равно под утро такой колотун, что от дрожи уже никому не спится. Как говорят ребята, «потеет, дрожавши». Но после команды «Подъем!» вставать не хочется — на воздухе еще холоднее. Старшина орет и всех стаскивает с кровати за ноги.

Что же будет в сентябре, когда выпадет снег?..

21.08.1969

О нашей драке с узбеком на следующий же день узнало начальство. Для нас никаких последствий не было, даже на разговор не вызывали, а его со стройки увезли, и он сюда уже не вернулся.

Я снова в наряде — на ночном посту. Днем перед ночным нарядом мы отдыхаем, и я до обеда спал, а все работали, хоть и шел дождь. Мне было, отчего отсыпаться — прошлой ночью я бегал в деревню к Галке. И до этого, 17-го, в субботу, тоже вечером был с ней. Тогда я ушел до вечерней проверки и попал на танцы. Из солдат я там оказался один, и другие девчонки с завистью смотрели, как мы танцевали с Галей. Вчера же допоздна сидели с ней на лавочке, пока

не вышла ее мать. Через девять дней она уезжает в город, будет там продолжать учебу. Когда снова увидимся — неизвестно.

Зарядили дожди. Сапоги не просыхают. Работаем в грязи, в воде, роем новые котлованы — вручную. У руководства стройки семь пятниц на неделе, не работа, а дурдом какой-то. Одни начальники приказывают делать одно, приезжают другие и заставляют всё переделывать наоборот. А два дня назад начальник стройки за то, что мы в этой липкой глине долго возились с котлованом, лишил нас дополнительного пайка — 20 г масла на ужин.

Похоже, здесь я испортил желудок — постоянно чувствую боль. Боюсь, как бы не началась язва. Отсюда многие попали в госпиталь с испорченным желудком. Еда и впрямь плохая, грубая, селедка — ржавая, а мясо часто с неприятным запахом. Но в санчасть вряд ли меня отпустят.

28.08.10969

Всю прошедшую неделю работали под холодным мелким дождем и в липкой грязи. По ночам мерзли в своей палатке под тремя одеялами, а вечерами, если не моросил дождь, сидели у костра, пытались что-то напевать под гитару.

Кончается август, скоро осень, листья на деревьях уже начинают желтеть, а ночью на землю ложится густой темно-серый туман. Воздух сырой и знобкий. Сегодня среди ночи вышел из палатки — небо чистое, синее, и яркая огромная луна. Светло, как утром, и тихо. Деревья — не шелхнутся. Надолго запомню я эти светлые, тихие сибирские предосенние ночи. Написал стихотворение «Потянулись косые дожди...»

Слышал, что нас, дембелей, отпустят домой в ноябре. Осталось два месяца. Вроде бы совсем мало, но как их прожить...

31.08.1969

Лето закончилось. Жалко и грустно. Вроде бы впереди моя последняя осень в Сибири. Скоро я должен уехать отсюда. А мне очень грустно. Может, потому, что здесь останется моя солдатская молодость и что этих молодых лет уже не вернуть. И еще потому, что скоро придется расстаться с Галей — навсегда. И думать об этом с каждым днем все грустней.

Моя милая Галя... Сколько счастливых минут она мне подарила! Сколько радости и сердечных переживаний доставила она простому солдату! И вот мы расстанемся... Не могу представить, как это произойдет...

Вчера, в субботу, с нашей стройки никого не отпустили в увольнение. После вечерней проверки я побежал в деревню. И там возле клуба увидел Галю. Ничего подобного я раньше не видел. Она была так красива, так необычна, что внутри у меня от удивления разлился какой-то жар...

Я уже писал, что она временно переезжает жить в город Ачинск — будет там заканчивать 10-й класс. А вчера они с подругами решили устроить проводы лета: у одной из них заранее накрыли стол и пригласили нас, трех солдат, с которыми они встречались.

Давно я не сидел за домашним столом. Выпили, потом танцевали, пели под гитару, я прочитал стихи. Галя готовилась к моему приходу — сделала красивую прическу, подкрасила губы и глаза, на ней было облегающее короткое платье... Я не мог на нее налюбоваться — сидел рядом и, как жених, млел от удовольствия. Я пил водку, а она, понемногу, вино.

Потом пошли прогуляться по ночной деревне. Походив, сели на лавочку, и я, пьяный от выпитого и избытка чувств, сказал: «Я люблю тебя». Да, я сказал ей это. И еще не раз повторил: «Я люблю, люблю тебя...» Галя молчала и только сильнее прижималась ко мне. Она была безумно красива вчера и так ласкова, так нежна со мной, что ничего другого, кроме этих трех слов, я говорить был не способен.

Расстались мы утром, когда уже светало. Наши лица горели от поцелуев и ласки.

Назад я еле шел, качаясь и засыпая на ходу. Я машинально брел к своей палатке, и какое-то непонятное, тоскливое чувство сдавливало мне сердце и горло. Ужасно хотелось быть рядом с Галей, чувствовать ее всем собой, навсегда остаться с ней, но армия, но эта служба рушили все мои желания, стремления и надежды. 9 км я преодолел за два часа, в палатку вошел перед самым подъемом — обессиленный и подавленный. Лег на чужую кровать, потому что моя была занята кем-то из самовольщиков, вернувшихся раньше меня. На завтрак не встал, и ребята поставили мою порцию в тумбочку. Но в десять часов утра начальник стройки поднял всех нас (в воскресенье) и приказал идти на работу.

Я еле стоял на ногах. Ребята из нашей бригады сказали, чтобы я шел спать, а они справятся с нормой сами. От меня и впрямь толку было мало. Я взял два бушлата и ушел спать в лес, в шалаш. Перед обедом меня разбудили, и мы на четверых распили бутылку «Российской», после чего я почувствовал душевное и физическое облегчение.

Я рассказал ребятам о вчерашнем вечере, и мне вновь стало грустно. Галя уже уехала в Ачинск на неделю. Вернется в деревню только в субботу. И так теперь будет постоянно. В будние дни мы не сможем уже видеться. В следующую субботу, если не дадут увольнения, вновь побегу к ней. Это какое-то сумасшествие. С моей душой что-то случилось — я не знаю, как доживу до нашей встречи...

Вечер. Снова ненастье. Начальник стройки пьян, и потому те солдаты, кого раньше он не отпускал в увольнение, сегодня были отпущены и на машине поехали в деревню. Мне ехать не к кому. Я сижу на кровати, пишу этот дневник, и мне холодно даже в ватном бушлате. В другом конце нашей огромной стоместной палатки кто-то бренчит на гитаре, кто-то подпевает...

Я сижу один и тихо повторяю: «Моя милая, милая, хорошая... Как я люблю тебя, люблю...» Пробую говорить стихами. Но говорить стихами труднее, чем ими думать. Я часто думаю стихами, это не трудно. Я могу думать ими долго и непрерывно. Но вот как только пытаюсь вслух стихами заговорить — мне что-то начинает мешать, я задумываюсь и не могу сразу подобрать нужные слова.

Мне почему-то давно уже никто не пишет, кроме матери. Может, теперь начнет писать Галя... За лето от нее не было ни одного письма. А когда-то, сразу после знакомства, мы писали друг другу через день...

7.09.1969

Воскресенье. Шесть часов утра. Все еще спят, а я — дневальный. Вчера меня не пустили в увольнение, и я обругал лейтенанта. Тот написал на меня рапорт командиру дивизиона и отдал его на подпись майору, нашему начальнику стройки.

12.09.1969

Пятница. Дело с рапортом майор, кажется, замял. Он вызвал меня к себе и показал этот рапорт, в котором лейтенант просит ходатайства комдива о предании меня суду

военного трибунала за оскорбление личности. Начальник стройки оказался нормальным мужиком, спросил: как это могло получиться? Сказал, что всегда был обо мне хорошего мнения, и дал понять, что всё уладится. Да, надо быть осторожнее и сдерживать нервы. Осталось служить каких-то полтора месяца, а я чуть было не испортил себе всю жизнь.

Стало совсем холодно. Без бушлата на воздухе уже не посидишь. Хотя сидеть почти не приходится. Как и прежде, работаем помногу. Роем новый котлован. На нас пашут, как на лошадях. Начальник стройки поспорил с комдивом на ящик коньяка, что к концу месяца котлован будет сдан, и мы теперь этот спор должны отработать.

Утром не хочется вылезать из постели — в палатке холодно и сыро. Но я заставляю себя резко встать, пока все еще спят, и по пояс голый выбегаю из палатки, делаю зарядку, потом под душем обливаюсь холодной водой и растираюсь полотенцем. Вот так и согреваюсь.

Целый день роем глину. Летом она была твердая, как камень. Теперь же — сырая и размякшая, еле отрывается от земли и намертво прилипает к лопате. А у нас норма — один кубометр в час. За десять часов работы нужно вырыть 10 кубометров. Никто эту норму не выполняет, потому что это физически невозможно. Но от нас все равно требуют то, что положено сделать.

Сегодня вечером в лесу выкопали из земли тридцатилитровую флягу, в которой у нас бродила настойка из черемухи. Эту флягу мы закопали две недели назад. Сегодня решили попробовать, что получилось. Открыли, выпили по кружке — понравилось. Правда, слабовата, но зато запах и цвет чего стоят! Много пить не стали, закрыли и снова закопали в землю, пусть дальше настаивается.

Пишу — и мерзнут руки. Что же будет дальше?

4.10.1969

В самоволки не бегаю. Во-первых, холодно, дожди, ночью подмораживает, в сентябре уже не раз выпадал снег. А во-вторых, Галя в будни находится в Ачинске и приезжает в деревню только на выходные. Но в увольнение нас теперь не отпускают. Мне передали, что она уже спрашивала, почему я не прихожу. Да я и сам очень хочу ее увидеть, но в то же время не понимаю: почему она не может мне написать? Ведь я же сказал ей, что люблю ее. И никакой вес-

точки от нее до сих пор не получил... Странно мне это. Хочет меня видеть — пусть черкнет пару строк...

К тому же перед дембелем не хочу новых проблем из-за самоволок. Осталось-то, наверное, всего ничего. А проколешься — и могут дембель задержать.

9.10.1969

Погода мерзкая. Дождь, грязь, слякоть. Сапоги не просыхают. И вот в мокрых, разбитых сапогах ходим каждый день на работу, от которой уже нет никакого толку. Месим грязь и глину.

Два дня болели зубы, причем совершенно здоровые. Распухли десны и лицо, жевать больно. Вчерашнюю ночь не мог спать — промучился с зубами. И без того спать холодно, а тут еще эта напасть. Видимо, от сырости и холода, а заодно и от плохой пищи. В палатке хоть и стоит буржуйка, но от нее проку мало. Рядом с ней еще можно согреться, но целыми днями и ночами — дрожим. Я не бреюсь вторую неделю, как и многие другие. Глядя на нас со стороны, не скажешь, что мы в армии.

Когда же, кончится такая жизнь? Осточертела. Не знаешь, как дотянуть до завтра.

Пришло письмо из дома. Там меня ждут не дождутся.

14.10.1969

Скоро отбой. Я сижу в столовой и при тусклом свете делаю запись в своей тетрадке.

Утром на разводе одного нашего парня посадили в холодную будку, вроде как на местную губу. Старшина раздел его до гимнастерки и затолкал туда, а там дуборно, как под открытым небом. Они не имели права это делать, и я высказался, заступился за парня, сказал, что это бесчеловечно. Капитан объявил мне пять нарядов на работу за разговор в строю. И это всё, чего я добился. Справедливость и человечность — это не для нас.

От начальства пошел слух, что через два дня наша работа должна закончиться. Мы напомнили капитану об обещанном ДП (дополнительном пайке), и он дал нам по банке тушенки на двоих.

Прошедшие дни занимались бестолковщиной — выкачивали воду из котлованов. Днем выкачивали, а ночью они опять наполнялись от дождей. Дурь какая-то — зачем выкачивать воду, если всех отсюда скоро увезут, выкачивать

будет некому, и котлованы вновь переполнятся? Зимой их завалит снегом, а весной они превратятся в бассейны. Но, кажется, до начальства что-то дошло, и эта глупость была остановлена. Или, может, нас просто нечем было занять?..

Вчера привозили кинофильм, вторую серию «Войны и мира». Нужно, конечно, видеть нас со стороны — то, как мы смотрим кино!.. Это цирк! Нас самих можно снимать для фильма о Гражданской войне. Все взбираются на двухъярусные койки. Кто сидит, кто лежит по несколько человек на кровати. Кто в чем, одни разутые, другие в рваном грязном бушлате, третьи в такой же шинели, а кто-то в замусоленной гимнастерке. У одного погоня курсантские, у другого солдатские, а у третьего их нет совсем. Небритые, с усами (что в армии запрещено), лохматые, и почти все курят. В палатке стоит смрад от папиросного или махорочного дыма, от коптящей буржуйки, от сохнувших портянок и сапог. Сплошная анархия.

Даже не верится, что когда-то это всё кончится.

16.10.1969

Ночью поднялся ураган. Ветер с таким остервенением рвал и расшатывал палатку, что, казалось, она вот-вот улетит. Утром подняли на работу. Глина замерзла, и грязи почти не было. Ветер пронизывал насквозь, было трудно дышать. Мы пытались разжечь костер, но ветер его задувал, и согреться было невозможно. Гудронировали убежище. Потом на гусеничном тягаче ездили в поле за сеном, подъезжали к скирдам и грузили в тягач, но ветер то и дело его срывал и уносил. И все равно мы упорно продолжали возить в убежище сено — как нам сказали, для утепления. В конце концов тягач сломался. Конечно, железо слабее человека. Мы легли в сено и ждали. Чего ждали — никто не знал, но уходить было нельзя: раньше времени возвращаться в палатку строго запрещено. И мы лежали в сене на страшном ветру, спрятав лица в бушлаты. Я невольно задремал. Когда же проснулся, то почувствовал, что весь дрожу и что ноги совсем ооченели. Мы вылезли из сена и побрели в палатку за час до обеда. Но палатка вся ходила ходуном и во многих местах порвалась от сумасшедшего ветра.

Столовая у нас без стен — пол, столы и крыша. Так что обедали тоже на ветру. Еда мгновенно стыла, и мы старались быстрее управиться с ней. Скоро, как всегда, у меня началась изжога и опять заболел желудок.

После обеда нас послали помогать другой бригаде. Накрывали соломой еще одно убежище. Солому возили с полей на КраЗе — можно сказать, воровали у совхоза. На одно убежище уходит до 20 КраЗов соломы. А тут четыре убежища. Так что мы свели на нет огромный труд работников совхоза. А ведь работа наша ненужная. За зиму с пустыми убежищами ничего бы не случилось.

Как обычно, вечером солдаты сидят возле печки и поют под гитару. Даже ветер и холод не портят их настроения. Впрочем, здесь больше нечем заняться. По транзистору сообщили, как семь наших космонавтов летают в космосе. Но никто этого не слушал, и никого здесь это не волнует.

Вспомнил о комарах и летней жаре, в которой нам было так же плохо.

До ноября осталось каких-то полмесяца. «Каких-то»... Для меня это целая вечность. Нужно продержаться и, главное, не заболеть.

19.10.1969

Валит снег. Земля замерзла. В умывальнике вместо воды — лед. После подъема пошел на кухню, набрал в кружку воды из бочки, вышел на ветер и умылся. Но многие вообще перестали умываться по утрам. Капитан сказал, что сегодня — «последний аккорд» нашей работы на стройке. Но я сегодня дневальный.

Звонил в дивизион. Там завтра начинается полковая проверка. По всему дивизиону проводят шмон. На моей релейной станции ребята обещали перепрятать в кинобудку мои тетради и книги. Опасаюсь за свой чемодан с рукописями и письмами.

Все время мерзнут ноги и руки, согреваемся только у печки. Палатка продувается ветром, хоть она вся наглухо задраена и в ней стоит постоянный мрак. Живем как в пещере, натываемся друг на друга. Курсантов отсюда уже увезли. На ночь я укрываюсь пятью одеялами и еще сверху бушлатом.

Начальство говорит, что скоро отсюда съедем.

23.10.1969

Все еще нахожусь на стройке. С отъездом отсюда — тянут. Каждый день находят новую работу, говоря, что, мол, как только ее закончите, так сразу и уедете. И мы верим, работаем «аккордно».

Вчера уехали красноярцы. Когда они собирались в отъезд, мы, ачинцы, были на работе. Они перевернули вверх дном всю палатку и перетряхнули все тумбочки. У меня теперь нет ни мыла, ни зубной щетки с пастой, ни полотенца. Но эту тетрадь я прячу под наволочкой в подушке.

Мороз усилился. Для умывания воды нет совсем. Почти вся техника разъехалась, а мы остались. Из-за отсутствия воды вчера не было ужина, и нам выдали сухой паек. Сегодня старшина на вездеходе привез хлеб, махорку и почту. Мне было письмо от матери. Дома меня очень ждут.

Сегодня строили казарму, месили бетон, который на морозе схватывается, а вместе с ним «схватывались» и ноги в разбитых сапогах. Работали почти без перекуров и только по очереди бегали по одному к костру, чтобы отогреть ноги. А вчера после отбоя ходили разгружать шлак.

Холод по ночам уже пробирает под пятью одеялами. Палатка раскачивается от ветра, канаты — звенят, а ходящие ходуном «стены» толкают кровать и обрывают сон.

Сегодня сюда приезжал зам. командира дивизии. Сказал, что нам нужно быстрее разъезжаться. Ну да, а то мы без него этого не знаем...

31.10.1969

Не помню, какой сегодня день недели. Кажется, четверг. Случилось то, чего я совершенно не ожидал и даже не предполагал, что это случится, что меня оставят здесь, в лесу, неизвестно на какой срок. Уже пятый день я живу в офицерской будке. 25-го я просил, чтобы меня здесь не оставляли, но начальство не хотело и слушать. Нас, трех рядовых и одного сержанта, отвезли на дивизион, там мы вымылись, выбрились, подстриглись, и тут же нас отвезли назад, на бывшую стройку. Всех остальных развезли по дивизионам. Нам оставили продукты, карабин без патронов и приказали следить за стройкой, уже заваленной снегом.

В первый день мы устраивали и утепляли свое жилище — офицерскую будку. Она тоненькая, летняя, быстро охлаждается, ее продувает ветром, а морозы уже стоят серьезные. Заготовливали дрова, ведь их надо будет много, чтобы нам не замерзнуть среди ночи. Работали все эти дни так, что некогда было домой написать и взяться за дневник. Рядовой Шубкин ходил в ближайший совхоз и принес бутылку «Московской». Приезжал капитан, привез яблок, печенья, конфет, но самого нужного не привез. Нам позарез

нужен аккумулятор для света — ведь готовить ужин, да и ужинать приходится в полной темноте, на ощупь, нам не оставили даже керосиновой лампы. Нет лезвий, чтобы бриться, нет воды, чтобы готовить еду. Приходится на печке-буржуйке растапливать снег, от которого воды получается очень мало, и она совершенно обессоленная, противная, на нее уходит много соли.

Телефон молчит. Долго искали обрыв провода, пришлось залезать на столб без когтей, с помощью проволоки. Безрезультатно. На пятый день продукты оказались на исходе, а позвонить в дивизион было невозможно. Капитан сказал, что продукты будет привозить старшина. Но мы знаем этого старшину, которому всё по барабану. И еще капитан сказал, что после 7-го ноября начнут увольнять дембелей. Обещал, что меня уволят в первую очередь. Но верится плохо.

Только сегодня написал матери. Уже и не знаю, удастся ли вернуться домой к своему дню рождения...

Сержант Линкевич с рядовым Шубкиным ушли искать обрыв связи, по пути зайдут в совхоз, возьмут четыре бутылки «Московской» к празднику. А мы с рядовым Короленко работаем здесь, утепляем будку, готовим обед, расчищаем снег. Пока всё, надо идти работать.

1.11.1969

Вот уже и ноябрь. Я был уверен, что это последний месяц моей службы. Как я его ждал! Два с половиной года! Сколько всего пережил! Но будет ли он последним — уже и не знаю толком. Третий год идет, как я покинул родные места, и ни разу не побывал дома.

Да, я всё еще здесь, в Сибири, — живу в лесу. Сажу в нашей маленькой дощатой холодной халупе, где летом ночевали офицеры, возле самодельной печки-буржуйки, растопить которую — настоящее наказание для каждого из нас. Она дымит, гудит и пыхтит, как паровоз, и, разогревшись, отдает тепла ровно столько, сколько нужно, чтобы утром не проснуться с отмороженными носами. Правда, есть еще печь на кухне бывшей столовой. На ней мы и готовим себе еду.

Возле маленького окошка с одним треснутым стеклом стоит на столе купленная нами в деревне керосиновая лампа, рядом с которой по вечерам, когда воеет вьюга, а наша несчастная буржуйка словно подвывает ей, в полумра-

ке, прижавшись друг к другу, мы читаем книжки, пишем письма и даже «забываем козла».

Часто в наше окошко заглядывает по-зимнему маленькая луна. Я долго смотрю на нее, сидя у дрожащего огня тусклой лампы, и, кутаясь в бушлат, мечтаю о чем-то очень далеком. В такие минуты я думаю о Гале.

Шубкин и Короленко ушли за водой в лес, на ручей. Это довольно далеко, надо по сугробам тащить сани с большими флягами. Давно пора варить обед, а их всё нет. И я для обеда растапливаю снег: кто их знает, когда они возвратятся? Линкевич утепляет стены будки, чтобы ее не продувал ветер. А снега вокруг навалило чуть ли не по пояс. Зима здесь начинается рано. Морозы ударили крепкие.

Сегодня суббота. Решил вечером сходить в деревню. Давно я там не был. Даже не представляю, как меня встретит Галя, будет ли рада...

Продукты не завезли. Надо чистить картошку. Может, про нас уже забыли?

2.11.1969

Вчера в семь часов вечера с сержантом Линкевичем мы ушли в деревню. Перед этим я в полутемноте приготовил обед, в полной темноте пообедали и поужинали одновременно, в полной темноте побрились, переоделись во всё теплое и пошли по сугробам и колдобинам в Ястребово, куда я всё лето бегал к Галке. 9 км прошли за полтора часа. По случаю воскресенья в клубе были танцы. Оказалась там и Галя. Увидев меня, она заметно заволновалась. Я подошел к ней. Окруженная подругами, она сидела с опущенными глазами. На лице отражалось смятение. Я перекинулся несколькими остротами с ее подругами и затем пригласил на танец. Во время танца она сказала, что лишь день назад узнала о том, что я до сих пор нахожусь в лесу.

«А ты похудел», — заметила она, ласково взглянув на меня. Похоже, Галя старалась скрыть свою радость от нашей встречи. Но я своей радости не скрывал — танцевал с ней и открыто улыбался. Но стоило нашим взглядам сойтись — и она тоже не могла сдержать улыбки.

После танцев мы долго гуляли по главной деревенской улице. Была тихая, прекрасная ночь. Галя несколько раз повторила, как ей хорошо сегодня. Она не мерзла, как обычно, и не спешила домой. Сказала, что со мной ей ни-

чего не страшно, что одна она ни за что не пошла бы ночью по деревне.

Мы стояли у ее изгороди, прижавшись друг к другу и говоря о каких-то пустяках. Я поднял ее лисий воротник и опустил на него свое лицо. Потом долго и много ее целовал и, разволновавшись, вновь повторил слова, сказанные ей два месяца назад: «Я люблю тебя». И еще несколько раз произнес это. На прощание сказал, что каждый день буду думать о ней. Мы договорились встретиться в ее каникулы, которые начинаются завтра.

Оказывается, после каникул она будет жить и учиться в деревне Ключи, которая ближе к нашей стройке, но туда нет от нас дороги. Между нами — лес. Но я все равно этому обрадовался. На лыжах туда можно добираться быстрее. Надо только раздобыть лыжи.

У нас закончился хлеб. Завтракали и обедали без хлеба. Но самое главное — мы восстановили связь с дивизионом и сообщили, чтобы нам срочно привезли продукты. К нам на вездеходе едет старшина. Он заберет нас на дивизион, мы там помоемся в бане, заберем продукты и вернемся назад.

4.11.1969

Еще один вечер. Я сижу у керосиновой лампы и пишу. За темным окошком гудит ветер. И больше ни звука. Шубкин и Короленко ушли в Ключи. Линкевич, сидя напротив, читает книгу.

Вчера ночью, возвращаясь из Ключей, Шубкин обнаружил в своем самодельном капкане (оселке) зайца. Притащил он его, когда мы спали, большущего, белого, пушистого, а утром ошарашил нас своей добычей. Мы не могли нарадоваться, ведь у нас закончилось мясо. С утра начали разделывать этого зайца. Причем до этого никому не приходилось снимать шкурку. Но мы это сделали, правда, долго повозились, но сняли хорошо. Шкурка получилась прекрасная, мех чисто белых, густой, зимний. Может быть, я возьму эту шкурку домой на память. Теперь у нас будет мясо, мы его отложили до 7 ноября.

8.11.1969

Вчера мы решили устроить праздник. 6-го числа привезли нам продукты на девять дней, даже угощения. Но в добавок ко всему — доставили сюда молодого лейтенанта.

Призванный недавно на два года после института, он поначалу показался нам своим парнем. Весь вечер травил байки о своих похождениях на гражданке, пьянках, женщинах — и сразу вошел к нам в доверие.

С утра 7-го мы начали готовить праздничный обед. Зажарили зайца, наварили картошки, риса, открыли консервы. Лейтенант, похоже, заподозрил что-то неладное и угрюмыми глазами смотрел на то, как мы раскладываем закуску. В час дня стол был накрыт, все расселись, и Шубкин достал бутылку. Лейтенант недоуменно, даже как-то испуганно взглянул на нее. Ведь его прислали как раз для того, чтобы мы на праздник не напились и никуда не отлучались отсюда. А тут ему самому предлагают участвовать в выпивке при такой обалденной закуске.

— Меня увольте, — опустив голову, с грустью сказал он.

Шубкин разлил бутылку по стаканам на всех пятерых и достал вторую. Лейтенант побледнел.

— У вас их тут что, целая батарея? — испуганно удивился он.

— Это всё, больше нет, — слукавил я и, улыбаясь, добавил: — Товарищ лейтенант, при такой закуске вы не сможете отказаться...

— Ну, я не знаю... — заколебался он. — Мне не положено...

— Сегодня всем положено... Мы ведь тоже люди...

— Кто сегодня не выпьет? Мы тут в тайге. Чего бояться? — кидали мы свои убедительные доводы.

— Вечером приедет моя смена, а меня после выпитого всегда выдает краска. Я на это дело слабый, — начал прибедняться он, быстро забыв о своих вчерашних байках.

— Товарищ лейтенант, — не отступал я, — да кто сюда приедет в такой день?

— А вы луком заешьте, — посоветовал Шубкин.

— Вечером в дивизионе все офицеры будут пьяные, никто в эту тьму не поедет. Выспитесь до завтра, — добивал его Короленко.

— Ну, в общем, так, товарищ лейтенант, — вступил в дело сержант Линкевич, — пропустим по стаканчику, ничего не случится. В честь такого дня можно.

— А, черт с ним! — махнул рукой лейтенант и взял стакан.

Выпили. Хорошо закусили. Поболтали о какой-то ерунде.

— Разливай вторую, — не выдержал долгой паузы Линкевич.

— Не, вы, ребята, пейте, а мне хватит, — отказался лейтенант.

Мы больше не стали его уговаривать, видя, насколько он трусоват, и осушили свои стаканы. На столе остался только один наполненный стакан. Мы начали азартно поглощать еду. Зажаренный заяц, хоть и немного жестковатый, был очень вкусным. В голове почувствовалось опьянение.

Разговорились и всё рассказали лейтенанту: и о летних, и о нынешних наших самоволках в деревню... Он слушал, слушал, и вдруг выдохнул: «А, ладно...» Поднял свой стакан и выпил до дна.

За столом сидели до трех часов дня. Потом решили незаметно от лейтенанта потихоньку собираться в Ястребово, там ведь намечались танцы... Выходили из будки, договаривались шепотом, кто когда пойдет. Лейтенант, конечно, понял, что мы собираемся уходить. Он позвал сержанта и сказал, что командир дивизиона приказал ему никого никуда не отпускать. Они долго о чем-то говорили наедине, в конце концов был отпущен только один Короленко — на три часа и не в Ястребово, а в Ключи, в магазин. Дали ему денег, и он пошел. А мы, оставшиеся, с хмельными головами залегли в постели.

Через три часа лейтенант нас разбудил, потому что Короленко к этому времени не вернулся. Струсив, он собрался звонить комдиву о пропаже солдата. Мы уговаривали не делать этого, уверяя, что тот скоро придет. Но лейтенант снял трубку и позвонил в дивизион. Комдив, конечно же, как и положено, был в это время пьян, долго не мог понять, о чем идет речь, несколько раз заставлял лейтенанта всё заново повторить, в чем-то обвинял его, отчего тот выходил из себя, доказывая, что он тут не при чем.

Через пятнадцать минут после этого разговора вернулся Короленко, сильно качаясь, но держась на ногах.

— Где ты был столько времени?! — набросился лейтенант.

— Ходил проверять петли на зайцев...

Лейтенант доложил об этом в дивизион. Комдив решил ехать к нам для разбирательства. А Короленко, как нарочно, в тепле развезло, и он отрубился. Мы вытащили его на мороз, били по щекам, растирали снегом. Он начал что-то

бубнить несуразное, но на ногах не держался. Мы оттащили его на холодную кухню. Там он постепенно входил в чувство.

Мы все почистили зубы, чтобы отбить запах водки, выпили крепко заваренного чаю. Короленко наконец мог самостоятельно стоять на ногах. Когда нам позвонили, что комдив выехал, мы решили лечь в постель. Короленко, само собой, мгновенно захрапел.

Через час на вездеходе прибыл подполковник, командир дивизиона. Мы все встали. С горем пополам удалось разбудить Короленко. Сначала он не мог понять, зачем его поднимают, но вскоре очухался и даже сам оделся.

Комдив построил нас в шеренгу и, хоть сам был пьяненький, пристально всех осмотрел. Мы держались нормально, даже виновник переполоха. Около двух часов шло выяснение, куда уходил Короленко. Сержант сказал, что он сам отпустил его проверить петли на зайцев, но не доложил об этом лейтенанту. Комдив поверил, тем более что лейтенант подтвердил сказанное и назвал свой звонок в дивизион ошибочным. Короленко во время беседы с подполковником держался стойко, лишь немного покачиваясь и порой закрывая глаза. Но я сбоку поддерживал его за ремень.

Комдив привез с собой замену нашему лейтенанту — другого, но внешне более серьезного. Когда вездеход ушел, мы с облегчением завалились спать. Но я долго ворочался и не мог уснуть до трех часов ночи. То ли от крепкого чая, то ли от сокрушения, что не удалось в этот вечер вырваться в деревню на танцы, где была Галя...

Я успел спросить комдива о моей демобилизации. Он сказал, что я буду отпущен в конце ноября. Обещание капитана о моем отъезде в первой партии сразу после праздника не сбылось.

14.11.1969

13-го был мой день рождения. Я никому об этом не сказал. Но у нас оставались две бутылки водки, и мы решили их распить. К счастью, соглядатая-офицера от нас забрали.

Мы вновь приготовили хороший обед, как в праздник 7-го, только без зайчаткины. И лишь я один знал, что пью за свой день. Вечером все, кроме меня, ушли в Ключи. Я остался в нашей будке один и весь вечер писал стихи. В Ключи-

чи я идти не мог, потому что дал слово Гале. Ведь 12-го я уже был там. У нее. Но всё по порядку.

Мы отправились в Ключи после обеда вместе с Короленко. Стоял приличный мороз. Мне нужно было попасть на почту, чтобы отправить домой книги. Шли семь километров — по сугробам, лесом, болотом, потом полем. На почту попали перед самым закрытием, еле уговорили приемщицу принять бандероль. Потом долго бродили по деревне в поисках дома, где снимала комнату Галя. Спрашивали прохожих, но до самой темноты никто не мог подсказать. И все же, намерзшиеся, мы его нашли. Было совсем темно, когда я постучал в окно. Сначала вышел какой-то парень, я попросил позвать Галю. Вскоре вышла на порог и она. Первое, что я ощутил рядом с ней, — аромат духов, отчего мне вдруг стало даже теплее. Она засмеялась, увидев меня, и пригласила в дом. Короленко пошел к своей девушке.

Парень, которого я увидел, был сыном хозяев дома, а их самих в это время не было. Галя провела меня в свою комнату, включила торшер и принесла для меня пачку папирос. Мы с ней долго сидели друг против друга. Я рассказывал ей о нашей жизни в лесу, о пойманном зайце, о трусливом лейтенанте, о пьяном Короленко, ходившем за водкой в Ключи... Она была весела и шутила вместе со мной. Так мы просидели три часа. В любую минуту могли вернуться хозяева дома. Я понимал, что пора уходить.

Галя вышла на крыльцо проститься со мной, без шапки, лишь накинув на себя шубку с большим лисьим воротником. Я поднял этот воротник, крепко обнял ее и поцеловал в губы. Потом спросил: «Скажи, ты меня не любишь?» Она не ответила. Ветер растрепал по лицу ее распущенные волосы, она их не убирала и стояла молча с опущенными глазами.

— Я пойду, — выдохнула она.

Снова сжав ее в своих руках, я настойчиво заговорил:

— Ответь что-нибудь. Я не отпущу тебя, пока не скажешь... Я должен знать...

Она молчала.

— Галя?!

— Я не могу тебе сказать.

— Почему, Галя?

Я гладил ее волосы, отводил их с лица и целовал, целовал ее горячие щеки, глаза, губы...

— Потом, милый, не сейчас...
— Когда потом? У нас уже нет времени. Я пришел, чтобы услышать ответ...
Я крепче сжимал ее плечи, но она не отвечала.
— Давай так, я приду в другой раз, и ты мне всё прямо скажешь, — я попытался помочь ей.
— Сюда больше не приходи.
— А если приду?
— Я не выйду к тебе.
— Ну ладно, я приду в Ястребово, в субботу..
— В Ястребово приходи, а сюда не нужно.
— Я приду в эту субботу. И ты мне всё скажешь.
— Не знаю. Может быть...
— Я приду только чтобы услышать. Ну всё. Теперь иди.
Она немного постояла в нерешительности, словно и впрямь что-то хотела сказать, медленно повернулась и ушла в дом.

Возле клуба мы встретились с Короленко. При лунном свете, согреваясь быстрой ходьбой по своим в сугробах следам, путь назад мы преодолели без особых проблем.

16.11.1969

Суббота. Вечером пришла машина с продуктами. После ее разгрузки я попросил шофера отъезжать от нас на тихой скорости. С Линкевичем мы ее догнали, залезли в кузов и легли на доски. Опасались, что офицер, сидевший в кабине, посмотрит в заднее окно и нас увидит. Но он ни разу не обернулся, и мы благополучно добрались до Ястребова. Там мы спрыгнули с машины и отправились в клуб. Вся деревенская молодежь была в сборе, а среди них — Галя.

Я был каким-то скованным, неразговорчивым. Мы с ней танцевали долго, но почти молча, словно предчувствуя что-то неизвестное. Наверное, и она догадывалась, что вот-вот закончится разлучный танец...

После танцев, хоть и было морозно на улице, мы все же решили пройтись. Она взяла меня за руку. Говорила о какой-то ерунде, о своей звезде, которую так и не показала... Гуляли до часу ночи, пока совсем не замерзли. Подошли к ее воротам, но они оказались запертыми изнутри. И ей нужно было, чтобы попасть в дом, заходить с обратной стороны.

Я понимал, что это, скорее всего, наш последний вечер. Дожидаться ее ответа на мой прошлый вопрос я больше не мог.

— Скажи что-нибудь на прощанье, — выдавил я. — Мы ведь скоро разлучимся. Может, навсегда...

— Я не знаю, что сказать...

— Что-нибудь... Ты обещала...

— Не заставляй меня, — посерьезнела она. — Я никому этого не говорила.

— Галя, я не могу вот так просто с тобой расстаться...

— Зачем тебе это? Ты скоро уедешь...

Я обнял ее. Она прижалась щекой к моим губам. Потом сняла варежку и стала нежно гладить меня по щеке. Я вновь спросил:

— Всё, что было между нами, у тебя было просто так?

— Что ты, нет, конечно... — ответила она.

— Ты могла бы меня полюбить?

— Да.

После некоторого молчания я поцеловал ее в губы и снова спросил:

— За этот наш прошедший год ты хотя бы раз думала о любви между нами?

Она посмотрела на меня умоляюще.

— Милый, хватит об этом... Ну зачем? Не спрашивай больше ни о чем.

— Пойми же, мы, может, никогда уже не встретимся.

Немного помолчав, она сказала:

— Если так, тогда к чему все эти вопросы?..

— Не знаю, как ты, но я не смогу тебя забыть...

Я видел, как она замерзла. Ей нужно было идти домой.

— Ну, прощай, моя дорогая Галка, — сказал я, напоследок отчаянно сильно обняв ее.

И мы расстались.

Всю обратную дорогу я думал только о ней и о том, что между нами всё кончилось. Стояла тихая морозная ночь. Я шел один по ночному снегу, и впереди расстилалась белая безжизненная равнина, а надо мной висело сибирское небо, усыпанное огромными звездами. Было ужасно грустно и тягостно на душе.

Прежде я не мог представить, как же это будет, когда мы в последний раз посмотрим в глаза друг другу... Но смогу ли я выдержать, чтобы еще раз не увидеть ее? Пусть, пусть она запретила, но я должен попасть в Ключи, чтобы хоть еще на мгновение сжать ее руку перед нашей окончательной разлукой...

21.11.1969

19-го переписывал стихи для Гали, которые хочу оставить ей на память. Вдруг зазвонил телефон, и нам передали, что уже выехал тягач, чтобы забрать нас в баню перед Днем артиллерии. Мы ведь как-никак артиллеристы...

В дивизионе мы с Шубкиным нашли в котельной старые лыжи и бросили их в кузов тягача. Вечером нас вернули назад. Ночью плохо спалось, сначала долго не мог заснуть, ворочался, думал о Гале, потом часто просыпался, дрожал от холода под двумя одеялами. Вставал растапливать печь.

Сегодня поднялся в 10 часов, вышел на мороз, сделал зарядку, облился по пояс холодной водой и обтер тело снегом, как я это делаю почти каждое утро. Завтрак заранее мы не приготовили, поэтому съели по банке рыбных консервов и сала. Потом я смастерил на лыжи крепления, лыжные палки и весь день катался по глубокому рыхлому снегу. К вечеру проложил лыжню до Ключей, вернулся уставший, но довольный. И вот снова сижу под тусклым светом свечи и пишу эти строки.

У меня созрел план. Если всё сложится нормально, я его постараюсь исполнить завтра.

23.11.1969

Впервые в жизни я ощутил дуновение смерти. Она догнала меня, шла по пятам, была совсем рядом и когда до нашей избушки оставалось всего два километра, она уже тепло дышала мне в лицо...

Несколько дней я переписывал свои стихи специально для Гали. Перед возвращением домой я хотел сделать ей подарок, чтобы она всегда помнила о наших встречах и наших чувствах друг к другу. У меня не было более дорогого подарка, чем мои стихи. Галя была здесь для меня самым нежным, самым добрым и самым любимым человеком.

Мне стало известно, что в субботу, 22-го, десятиклассники проводят вечером «голубой огонек». Вот там-то я и собирался передать Гале сверток со стихами.

В тот день ребята меня отговаривали:

— Не стоит идти, сильный мороз, тьма, снегу навалило, назад не доберешься.

— Ничего, дело привычное, — ободрял я не столько их, сколько себя.

— Смотри, не вздумай отдыхать в дороге, замерзнешь. Тут лес ночью — не шутка, — предупреждали они. — Зря ты идешь один...

Я не хотел никого слушать, ведь не мог же я, испугавшись мороза, не исполнить своего последнего желания перед расставанием с Галей навсегда. Переоделся в теплое обмундирование и вышел из нашей избушки.

Тихий морозный вечер был похож на глубокую ночь. Яркая луна, словно желтое блюдце, медленно катилась по черным облакам и, казалось мне, готова была стать моим попутчиком.

Я встал на лыжи, затянул крепления на сапогах и отправился в путь.

По рыхлому снегу, наваленному за вчерашний день, лыжи скользили плохо. Сильно толкаясь палками, я шел вперед по знакомому мне маршруту. Проложенная прежде лыжня едва различалась. Я старался идти как можно быстрее, чтобы не замерзнуть до конца пути. Сначала мне и вправду было жарко, но в какой-то момент я почувствовал, что ноги начали уставать, и, самое странное, стали тяжелеть веки. Вспотевшее лицо покрылось инеем, брови и ресницы заледенели, отчего мне часто пришлось тереть глаза.

Вот я прошел через замерзшее болото, которое бывшим летом отталкивало нас топкими трясинами и жуткими криками каких-то ночных птиц. Вот миновал припорошенный снегом незамерзающий ручей с высокими крутыми берегами, куда мы несколько раз ходили за водой. Я часто поднимал голову и смотрел на небо, где над острыми верхушками елей и кедров плыла моя желтая спутница, придавая мне силы и успокаивая меня, отчего казалось, что я на самом деле в этом лесу не один.

И все же в деревню я пришел совершенно уставший. Спрятал лыжи в снегу. В сырой от пота одежде и холодных сапогах я начал мерзнуть.

Школа находилась в центре деревни. На втором этаже в окнах горел свет, и оттуда доносилась танцевальная музыка. Я обошел школу кругом, но все двери оказались закрыты. Мороз одолевал меня, и мне хотелось во что бы то ни стало проникнуть внутрь школы, чтобы хоть чуть-чуть согреться. Постучал в торцовую дверь. Никто не отозвался. Тогда я стал стучать сильнее. Наконец послышался девичий голос:

— Кто там?

— Откройте, пожалуйста, — сказал я, — мне очень нужно.

— Зачем?

— Я должен передать одну вещь.

Дверь открылась. Я увидел девушку в коротком белом платье с распущенными волосами. Она удивленно и вопросительно смотрела на меня и не могла понять, что нужно солдату здесь в такой мороз и в такое позднее время.

— Передайте, пожалуйста, вот это Гале, — сказал я, протягивая ей сверток.

— Какой Гале?

Я назвал фамилию.

— Может быть, ее позвать? — спросила девушка.

— Нет, нет, не надо, передайте и всё.

— А что ей сказать? От кого это?

— Ничего не говорите. Она сама всё поймет.

— Ладно, хорошо, — согласилась девушка и закрыла передо мной дверь.

Я отошел от школы к ограде и, сам не знаю почему, остановился. Уходить не хотелось. Я не собирался встречаться с Галей и был уверен, что, получив сверток, она поймет от кого это, но не выйдет ко мне. Однако я ошибся. Наверное, боясь, что я быстро уйду, она выбежала на улицу, как была, в легком платье, огляделась по сторонам и, увидев меня, в туфлях на высоком каблуке по снегу подошла ко мне.

— Зачем ты вышла? — первое, что сказал я.

— Здравствуй, — она протянула руку.

Я взял ее теплую руку, еле сдерживая себя, чтобы не обнять ее. Она была прекрасна.

— Ты откуда пришел?

— Откуда я всегда приходил.

Она опустила глаза и, покачав головой, улыбнулась.

— Ты когда уезжаешь? — она казалась взволнованной.

— Не знаю... Зачем ты вышла? Замерзнешь...

— А что здесь? — она указала на сверток.

— Потом посмотришь...

— Ладно... Спасибо...

— Пожалуйста...

— Ну, когда ты уезжаешь?

— Не знаю, Галя, не говорят. Наверное, скоро.

Из школы вышла пожилая женщина, видимо, учительница, и позвала ее.

Галя хотела что-то еще сказать. Чувствовалось, что она замерзла.

— До свидания, — наконец выдавила она и снова протянула мне руку.

— Прощай.

Я сжал ее ладонь.

— Какая теплая рука... — сказал я.

Галя грустно посмотрела мне в глаза, повернулась и быстро пошла к освещенному подъезду школы.

Я вытащил из-под снега лыжи. Пальцы совсем окоченели. Отогрел их немного в карманах, вставил ноги в смерзшиеся крепления и двинулся назад, к себе. Ночь была по-прежнему тихой и светлой, но мороз я уже чувствовал всем телом. Особенно мерзли руки и лицо.

Я сразу рванул что было сил, чтобы разогреться. Через несколько минут руки отошли, но пальцы на ногах я перестал ощущать. Лицо смерзлось и заледенело. Я чувствовал, как силы иссякали, и быстро двигаться на лыжах не получалось.

Пройдя с километр, я уже еле-еле переставлял ноги, глаза слиплись и начало клонить в сон. Но я шел вперед по рыхлому снегу, говоря себе: «Ничего, все будет нормально, главное, не останавливаться». Однако силы покидали меня каждую минуту, ноги становились ватными и не хотели слушаться. Во рту пересохло. Стоило мне остановиться и, облокотившись на палки, опустить голову, как в глазах становилось темно и приятный сон охватывал сознание. Но мысленно я еще владел собой, я понимал, что останавливаться нельзя, что нужно двигаться, иначе — уснешь и замерзнешь. «Только не спать, только не спать, не останавливаться и не спать», — внушал я себе всю дорогу.

Но не останавливаться я не мог. Нужно было растереть лицо снегом, чтобы отогнать сон, разодрать смерзшиеся ресницы и хоть чуть-чуть передохнуть. Очень хотелось пить, и я останавливался, чтобы положить в рот горсть снега. Но снег жажды не утолял, он лишь ее разжигал.

Вот я достиг болота. Кое-как проталкиваясь между высоких кочек, я не шел на лыжах, а тащил их вперед. Так я добрался до ручья. Вниз съехал благополучно, но, взбираясь наверх, всем телом уперся на одну из палок, она соскользнула, и я, не устояв, полетел назад. Упал возле самой воды. Снег на склоне был глубокий и обвалился вместе со мной. Одна лыжа слетела с ноги. Я с трудом встал, забросил соскочившую лыжу на берег и, упираясь палками и

проваливаясь выше колена свободной ногой в снег, опять стал подниматься по крутому склону. Но уже на самом вер-ху, когда оставалось сделать два шага, я оступился, нога вместе с обвалившимся снегом соскользнула, и я снова рухнул в сугроб.

Подниматься уже не хотелось. Мной овладели беспомощные чувства злобы и бессилия. Сделалось даже страшно от сознания того, что я здесь, в лесу, ночью — один, и никто мне ничем не поможет. Но я заставил себя подняться на ноги. Непослушными пальцами отстегнул вторую лыжу, забросил ее на берег и, собравшись с последними силами, карабкаюсь голыми руками по снегу, с большим трудом вылез наверх. Только теперь, когда мороз казался невыносимым, когда хотелось плюнуть на всё, лечь на снег и уснуть, я до конца понял то правило, что зимой, и тем более ночью, нельзя ходить в тайгу одному.

Я чувствовал, что всерьез замерзаю. Пальцы на руках бездействовали, застегнуть лыжные крепления я уже не мог, веки отяжелели и смерзлись, усы покрылись коркой льда. Желая пить, я то и дело облизывал губы. На теле, казалось, не было ни одного теплого места. Я засунул руки в карманы бушлата, воткнул ноги в ремни лыж и тронулся дальше.

«Нужно дойти... дойти... Я не должен тут замерзнуть...» — шептал я. И тут мне представилась наша теплая печка-буржуйка, потом, словно в прекрасном сне, перед глазами всплыла керосиновая лампа... Я тряхнул головой, счастливые видения исчезли. Передо мной лежала серая равнина мертвого, пустынного поля, и только одинокая луна, как тусклая свечка, мерцала над ним. «Значит, болото и лес уже позади» — дошло до меня. Оставалось два километра пути, которые казались мне непреодолимыми, потому что сил у меня уже не оставалось. Впервые в жизни я ощутил дуновение смерти...

Я не знаю, как преодолел эти последние километры, откуда взялась во мне энергия, спасшая мне жизнь, и меня не нашли утром, уснувшего последним сном. Каким-то чудом я очнулся в овраге за двести метров до нашей избушки. Очнулся от того, что сильно ударился головой о дерево, когда съезжал на дно оврага. Какая-то внутренняя интуиция заставила меня, находившегося в бессознательной полудремоте, двигаться по собственной лыжне и привела к этому оврагу. Идя вниз, лыжня сворачивала в сторону от стоявшего впереди дерева, но я этого уже не видел и

просто врезался в него. Тут я и пришел в себя, словно проснулся. Вижу — лежу на снегу. Болит лоб. Ни рук, ни ног, ни холода я уже не ощущал, все чувства притупились. Полежал немного, потом вдруг как-то сразу всё вспомнил — зачем и куда ходил и что нужно обязательно дойти до тепла. Приподнялся. Ноги тряслись, как только что пришитые. Холодными кулаками протер глаза: лыж рядом не было, и, проваливаясь по колено в снег, стал медленно подниматься вверх оврага.

Качаясь, точно пьяный, дошел до нашей избушки, два раза ударил в дверь и, не дожидаясь, когда мне откроют, уснул прямо на пороге. Как меня внесли в избу, как раздели и уложили в постель — я уже не слышал. Потом ребята мне рассказали, что я сквозь сон упорно повторял: «Не спать, не спать, только не спать...»

Поздним утром, закутанный в солдатские бушлаты, проснулся я от стука в дверь. Пришла машина с продуктами.

Некоторые стихи из тетради, подаренной Гале:

* * *

Ты во мне поселилась, милая...
Как теперь без тебя прожить?
Я прошу: ну попробуй, смилуйся,
слово ласковое скажи.
Ты пугаешься: «Нет, не спрашивай.
Ах, зачем это все, зачем?
Позабудутся дни вчерашние,
мы расстанемся насовсем...
Не бывает в разлуке верности.
А слова... Что тебе от них?..»
Я смотрю, и никак не верится,
чтоб вот так мне любить других.
Я смотрю, и ничуть не жалко мне
для тебя самых сладких слов.
Ну хотя бы возьми, пожалуйста,
ты на память мою любовь...

* * *

Мне на голову звезды падают;
для чего — не пойму и сам...
Я бреду — и ничуть не радует
эта ночь, что светила нам.
И взираю на всё печально я,
и развеять печаль невмочь.

Всё последнее, всё прощальное:
эти звезды и эта ночь.
Этот снег, голубыми бликами
леденящий тепло очей,
и вот эта дорога длинная,
что меня выводила к ней...
Всё прощальное, всё последнее:
и сибирская эта луна,
и равнина ночная, бледная,
и тайга, что как тьма черна.
И ее поцелуи влажные,
и мои — столько раз подряд,
и последнее рук пожатие,
и последний прощальный взгляд.
Написать ей, наверно, надо бы,
охладев ко вчерашним дням...
А на голову звезды падают..
Отчего — не пойму и сам.

ПРОЩАНИЕ

Знаю: нужно сказать «до свидания»,
но никак не хватает голоса...
О, как хочется мне на прощание
целовать твои руки, волосы,
эти губы до блеска алые,
эти плечи твои любимые
и вот эти глаза лукавые,
в самом сердце моем хранимые.
В жизни так очень часто водится:
остается любовь одна.
Мы уходим, верней, расходимся,
только здесь не при чем она.
Может, что-то тебе и вспомнится,
если встретишься с ней в пути.
Ты ее обогрей, бездомную,
а меня за нее прости.
Но на счастье в дорогу дальнюю
ты мне что-нибудь пожелай.
Я уже не скажу «до свидания».
Знаю: лучше сказать «прощай».

25.11.1969

Узнал, что 22-го из дивизиона уехала еще одна партия дембелей. Почти все — москвичи. Я в нее не попал. Ужасно обидно. Они уже дома, а я все еще здесь. А ведь мне нужно успеть поступить на подготовительные курсы в МГУ. Если отпустят поздно, я могу не успеть.

Здесь я ни на что не нужен, валяю тут дурака, ни черта полезного не делаю, сплю, немного читаю, играю в шахматы. Время проходит попусту. Сидим тут, как сурки, оторванные от жизни. Два с половиной года отдал службе, почти все школьные знания позабыл, надо всё заново восстанавливать. А что приобрел, кроме издерганных нервов и измученной души?.. Сам удивляюсь, как я всё это выдержал? Но все-таки выдержал. Правда, написал много стихов... Но я писал бы их где угодно.

Я не жалею о службе. Она укрепила мой характер, и физически я стал сильнее. Но я жалею вот об этих днях, когда мне давно пора быть дома, а меня всё не отпускают, всё чего-то тянут с моим увольнением. А ведь я здесь, в этом лесу, совершенно не нужен.

Еще один поздний вечер. Шубкин и Короленко играют в шахматы, из «Спидолы» доносится эстрадная музыка, на столе горит керосиновая «настольная» лампа. В маленькое окошко нашей «избушки» светит луна. Грустно. Писать здесь стихи больше нет никакого желания. Чувство изоляции и тупой несвободы давит на душу и на сознание. Очень тягостно.

28.11.1969

Вчера была пурга. Ветер сбивал с ног. Весь день стояла тьма от метели. Но мы пилили деревья и заготавливали дрова. Чистая вода кончилась. На ручей ходить далеко и снег уже глубокий. Варили еду в плохой воде, которую берем из пруда. Она мутная, и глядя на нее, у меня пропадает желание есть. И без того испорчен желудок, а тут еще эта вода... Хоть мы и растапливаем снег, но от него воды получается мало.

Сегодня тоже пилили деревья и рубили дрова. Устали. Настроение паршивое. Уже ничего не хочется делать, всё страшно надоело. В этом месяце, наверное, не будет новой дембельской партии. Теперь надежда на декабрь. А ведь меня ждали дома в ноябре. На душе муторно. Всё мне здесь осточертело. Даже в самоволку не тянет. Завтра суббота, но я никуда не пойду. Буду просто спать.

4.12.1969

Господи, вот она, потрясающая, невероятная новость! В полк пришла телефонограмма из штаба армии, в которой сказано, что до 7-го декабря все старослужащие долж-

ны быть уволены. Знакомый телефонист меня разбудил ночью и прокричал об этом в трубку. Само собой, спать я уже не мог.

Сегодня из дивизиона ушла еще одна партия дембелей в пять человек. А 6-го будут отправлены все остальные! Значит, и я! От радости можно сойти с ума. Слоняюсь вокруг нашей будки и места себе не нахожу.

Господи, неужели дождался?! Кончилась моя служба! Кончилась моя Сибирь! Завтра за мной приедет машина — и всё! Даже не знаю, как мне прожить здесь эти последние 24 часа. Хочется залезть на дерево и кричать что есть мочи. Дожить! Дожить до завтра!..

20.12.1969

Итак, закончилась моя служба. Неделю назад я вернулся домой, в свой родной подмосковный город. Все эти дни я наслаждался свободой, домашним теплом, общением с друзьями и старался не думать, не вспоминать о недавних своих армейских тяготах и сердечных волнениях в Красноярском крае. Мне казалось, что все это позади, где-то далеко-далеко, что все это ушло в прошлое, рассеялось, как тягостный сон.

Но сегодня вдруг получил авиаписьмо. Судьба догнала меня посланием из той самой деревни, где жила Галя. Это было письмо от нее, и оно говорило, что там, в Сибири, тоже продолжается жизнь, что все это было не сном, что там осталась та, кто помнит и думает обо мне.

Ее письмо было исполнено большой грусти и даже тоски. Она хотела не просто напомнить мне о себе, не просто укорить меня за то, что я отказался встретиться с ней перед демобилизацией, нет, она впервые сказала мне о своей любви.

Оказывается, узнав о том, что за несколько дней до увольнения в запас меня переправили в часть из той «избушки», где мы охраняли стройку, Галя тоже перебралась жить в свою деревню, в Ястребово, к родителям. Она надеялась, что перед отъездом домой я с ней обязательно увижусь. Но этого не случилось. И вот что я прочитал в ее письме:

«...Сейчас я, конечно, понимаю — мои ожидания, мои переживания были бессмысленными. Что дала бы нам эта встреча? И что сказали бы мы друг другу? Ведь мы оба

должны были понимать неизбежность нашего разрыва навсегда. Но ничего с собой поделаться я не могла. Ты знаешь, я веду дневник. И я хочу поведать тебе, что было мной записано в нем после того вечера, когда я тебя ждала и ты не пришел. Пусть это останется не только со мной, но и с тобой. Вот эта запись:

«Я ждала. Я мучительно ждала сегодняшнего вечера. Я слышала, что завтра солдаты уезжают домой и среди них уезжает он. Он уезжает...

Конечно, сегодня они должны в последний раз прийти в увольнение. Я с утра готовилась к этому вечеру, я все думала: ЧТО я ему скажу, КАКИЕ слова? Да что слова, я скажу, КАК я его люблю, люблю!

О, я почему-то раньше не придавала значения нашей предстоящей разлуке и считала, что она будет совсем обычной, что мы расстанемся просто так и скоро забудем друг друга, как будто между нами ничего и не было. А действительно, ЧТО было?

Было, было! Он любил меня. «Но какая любовь может быть у солдата? — размышляла я. — Это лишь пустые слова, им, этим словам, нельзя верить». Но что же теперь? Что со мной случилось?

Теперь, когда он должен уехать, я поняла, как была глупа; я не могу с ним расстаться, я люблю его — вот что случилось теперь! Но когда это случилось? Не могла же я полюбить так вдруг, сегодня утром... Ну, конечно, я любила его давно, гораздо раньше — когда мы встречались, хотя и не могла или боялась признаться в этом себе, или, вернее, я еще сама не понимала своего чувства, его возрастающей глубины, того чувства, которое молчало, когда мы были рядом, и казалось незаметным, но которое охватило и сдавило мое сердце, стало мучить меня и томить непонятым ожиданием и стремлением к близости с тем, с кем я должна теперь расстаться, может быть, навсегда. «Но нет, — решила я, — сегодня я ему всё скажу, всё, всё, всё».

Чем ближе время подходило к восьми часам вечера, тем сильнее охватывало меня волнение. Я боялась увидеть его. Казалось, за всю мою жизнь я ничего так яростно не желала, как этой последней встречи, и вместе с тем страшно боялась, ведь до сих пор я была с ним слишком холодна, да, непростительно холодна, жестоко холодна, я мучила его, заигрывала с ним, дразнила и мучила. А он-то, он все равно приходил, за десять километров приходил ко мне. За-

чем? Чтобы два часа побыть со мной наедине. И я приняла это как должное, как обычное. «Ведь многие же солдаты приходят к девчонкам, ну вот и ко мне приходит», — говорила я себе. И он приходил, да нет — прибежал, уставший, худой, взлохмаченный, в потертой гимнастерке и нежно сжимал мои руки в своих шершавых, мозолистых ладонях. Он гладил мне волосы, гладил и целовал, целовал долго и страстно мои глаза, мои губы, руки... Потом я спешила домой, а его просила уйти и приходите только в увольнение, а не в самоволку. Но в увольнение он почему-то не приходил, а вот в самоволке был чуть ли не через день, вернее, через вечер. Я вела себя как легкомысленная девчонка, да я и есть девчонка!

«Ну что же это со мной происходит! До чего же медленно течет время!..» — ужасно нервничала я и, мечась по дому, ни минуты не могла посидеть спокойно, из рук все валялось, и я даже ничего не могла есть. Когда оставалось два часа до их увольнения, мне казалось, что я умру за эти два часа.

За окном уже было темно, в трубе завывал ветер, у окна раскачивались деревья, а я стояла перед окном и смотрела на дорогу, едва освещенную фонарями.

«А вдруг их не отпустят в такой мороз?» — думала я и тут же отгоняла эти мысли. «Они выйдут в половине восьмого и подойдут, наверное, к клубу. Хотя зачем к клубу, ведь сегодня не воскресенье и нет танцев. Так куда же они пойдут?..»

Теперь я уже не отходила от окна. Часы наконец показывали половину восьмого. Я оделась потеплее и вышла на улицу. Колючий ветер ударил мне в лицо. Я спрятала нос в воротник и пошла по дороге к клубу. Фонари слабо освещали дорогу, и вдаль ничего не было видно. Я прошла мимо клуба, затем повернула обратно к дому. Ветер пронизывал насквозь, у меня начали замерзать ноги. Но я сама хотела встретить его, встретить и броситься ему на шею, моему любимому, единственному.

Я снова медленно пошла по дороге, опять приблизилась к клубу, немного постояла, и вдруг... Да, я заметила в далеком свете фонарей темные силуэты, они раскачивались, приближались, шли, нет, как будто плыли, плыли мне навстречу.

Сердце мое лихорадочно заколотилось, так заколотилось, словно я шла на смерть. Но я бросилась бежать, да, я

побежала к ним, и я уже не думала ни о чем. Может быть, это некрасиво выглядело со стороны, мне в эти минуты было на все наплевать, мне нужен был он, только он, один на всем свете. Я задыхалась, кровь ударила в лицо, наверное, я вся покраснелась, казалось, что сердце вот-вот выскочит из груди.

Наконец до них оставалось всего несколько шагов. Я остановилась и никак, ну никак не могла отдышаться, я дрожала всем телом, я искала глазами ЕГО. Их было немного, человек пять. Вот они уже совсем рядом, все мне хорошо знакомо, они часто приходили к нам на танцы вместе с ним, все улыбаются... Но где же, где же, Господи!..

— А, Галя, это ты, а мы гадаем, кто это бежит нам навстречу? Ну, здравствуй! Вот уезжаем завтра.

— Здравствуйте, — сказала я, а у самой спина похолодела.

— Ты, должно быть, своего ждешь? — спросил один из них.

— Я...

— А он не захотел идти...

Ноги у меня ослабли и сердце так сжалось, что, казалось, я сейчас упаду.

— Как? — отчаянно спросила я и, наверное, в эту минуту вся побледнела.

— Не знаю, — говорил все тот же солдат, — сначала он очень обрадовался, что нас отпустят в увольнение, но потом вдруг отчего-то раздумал, сказал, что нужно еще «на дембель» шинель подрезать, мундир подшить, ну, в общем, отказался идти.

— А может, он еще придет? — чуть не плача, глухим голосом через силу выдавила я.

— Нет, теперь уже вряд ли отпустят, — ответил он. — Ну ладно, мы пойдем... Хотя... — добавил он на ходу. — Вдруг вырвется, ты подожди.

И они заспешили в село. Там у них были девушки, с которыми они долго дружили и теперь должны проститься и в последний раз побыть наедине.

А я... я осталась на дороге одна. Я не могла идти, я куда не хотела идти. «Этого не может быть! — еще твердила я сама себе. — Что же это, как же это! Ну почему, почему?!» Я была не в силах сдержать своих слез. Они текли, холодные, горькие, текли и застывали у меня на подбородке, скатывались за воротник, неприятные, противные. Я сти-

рала их с лица шершавой варежкой, а они все текли и текли. Мне хотелось сейчас упасть в снег и уже не вставать, и плакать, плакать, пока не замерзну. И я заревела в голос, как ребенок, которого грубо и несправедливо обидели, которого ни за что сильно избили. Я ревела от бессилия что-нибудь исправить, чем-либо помочь своему горю. Никогда еще в жизни мне не было так горько, так страшно, как в этот вечер, который я ждала с самого утра.

Я шла и ревела, и боялась увидеть возле своего дома ту скамейку, где мы с ним просиживали до поздней ночи, ту соседскую ограду, из-за которой он доставал мне цветы, и наш забор, у которого он, прислонившись плечом, поджидал, когда я выйду из дома. Я шла и ревела, оттого что он так жестоко обошелся со мной. «Зачем, зачем так жестоко!» — бубнила я. Мне было обидно, очень обидно, что он так и не сумел за все время, ничуть не сумел меня понять...»

Это письмо я сохраню на всю жизнь как одно из самых дорогих сокровищ моего сердца.

2005

ПОСЛЕДНЕЙ НОЧЬЮ ЛЕТА

Повесть

Глава первая

Солнце угасло. Оно закатилось за туманные холмы еще тогда, когда Александр по открытому широкому полю приближался к лесу. Издалека лес казался узкой черной полосой над темно-серыми холмами, постепенно сливавшейся с тускнеющим небом. По мере приближения лес становился все выше и все таинственнее. Наконец обозначились стволы деревьев, до слуха донесся шелест листьев и приглушенный шум колышущейся на ветру хвои. Александр быстро преодолел крутой склон травянистого холма, и лес встал перед ним во всю свою высоту — беспросветный, неприятный и жутковатый.

Последний летний день ушел в небытие. Александр решил идти прямо, никуда не сворачивая. Наступала ночь, и в этой густой мгле все равно бы он сбился с любой тропы. Он знал только одно: идти, ничего не боясь, идти вперед, а там... «Там будет видно, — успокаивал он себя. — Точнее, там будет ничего не видно до тех пор, пока меня не остановит ее рука... Последней ночью лета...»

Александр вошел во тьму леса, и вскоре просветы между деревьями исчезли за его спиной, кромешный мрак обступил со всех сторон, даже свет неба не пробивался сквозь плотную густоту шумящих ветвей. Осторожно, медленно, спотыкаясь о пни, натываясь на стволы и сучья, он продвигался вперед.

Время для него прекратило свое движение и потеряло смысл. Сколько он шел — невозможно было понять. Ноги ныли от ссадин, лицо и руки были исцарапаны, глаза сле-

зились, но он все шел и шел. «Последней ночью лета...» — мысленно повторял он.

В конце концов Александр наткнулся на толстый ствол лежащего дерева и остановился. Ноги его дрожали и отказывались двигаться дальше. Вдруг ему послышалось, что где-то рядом хрустнула ветка, затем — кто-то тихо вздохнул. Александр замер, сердце учащенно заколотилось от волнения и надежды.

«Ты здесь?» — неуверенно спросил он полупшепотом. Но лес отозвался лишь порывистым гулом густой высокой хвои. Да где-то невдалеке неприятно заскрипела старая сосна...

Александр проснулся от настойчивого звонка в дверь. Он нехотя поднялся с постели, накинул халат и, подойдя к входной двери, посмотрел в глазок. На лестничной площадке никого не было. Немного подумав, он все же крутанул ключ в замке и дернул на себя дверную ручку.

На полу перед его квартирой, прислонясь спиной к стене, сидел какой-то странный бородатый субъект, похожий на бомжа, и смотрел прямо перед собой, не поднимая глаз. Александр уставился на него с недоумением. Нечесанные, спутавшиеся темные волосы на голове этого оборванца вызвали у Александра отвращение.

— Ты чего тут расселся? — проговорил он.

— Дай закурить, — все так же не поднимая глаз, сказал оборванец, одетый в замызганную плащевую куртку.

— Не курю я, — резко ответил Александр. — А ну давай, проваливай отсюда.

— Я тоже не курю, — спокойно отреагировал оборванец. — Дай хоть рублей двадцать на хлеб.

Наконец он приподнял заросшее щетиной лицо. Из-под густых бровей на Александра глянули черные глаза.

— Ты кто такой? — ничего не понимал Александр.

— Много задаешь вопросов, — сказал оборванец, медленно поднявшись. — Передавай привет Дергунову. — Не поворачиваясь, он пошел по ступенькам вниз.

— Какому еще Дергунову? — бросил ему вслед Александр.

Однако ответа не последовало.

Александр был в полном недоумении. «Что еще за хреновина!..» — выругался он, закрыв на замок дверь квартиры.

Будильник показывал десять часов утра. Июньское солнце жарко пробивалось сквозь шторы на окне.

Через час Александр вошел в вагон электрички, отправлявшейся с Белорусского вокзала в сторону Можайска. До отхода оставалось минуты три. Он сидел у окна в полупустом вагоне, когда по проходу, даже не взглянув на него, прошмыгал все тот же странный оборванец, сжимавший под мышкой пачку газет. Александр обратил внимание на его мятые, коротковатые, дырявые брюки грязно-серого цвета и рваные кроссовки без шнурков. «Час от часу не легче...» — Александр удрученно вздохнул и отвернулся к окну. Его взгляд привлек стоящий на платформе подозрительный тип в клетчатом пиджаке. На вид тот был лет пятидесяти. Подозрительный тип явно наблюдал за Александром. В руке он держал черный с выпуклыми буграми затасканный «дипломат». Неожиданно этот тип сорвался с места и буквально впрыгнул в вагон за секунду до закрытия дверей. Электричка тронулась с места.

Александр сидел спиной к тому входу в вагон, куда только что влетел обладатель клетчатого пиджака. Он не стал оборачиваться, достал из сумки книгу и попытался сосредоточиться на раскрытой странице. Однако мысли то и дело отвлекались на странные обстоятельства этого дня, преследовавшие его с самого утра. Электричка сделала несколько остановок, прежде чем он успел немного успокоиться.

Москва осталась позади. За окном пролетал подмосковный лес. Электричка монотонно стучала на стыках и укачивала. Александр убрал в сумку книгу и, опустив голову, закрыл глаза. Ехать ему нужно было более часа. На какое-то время он задремал. На одной из станций электричка резко затормозила, его тело подалось вперед, и он очнулся. Перед ним сидел тот самый подозрительный тип в клетчатом пиджаке. На его тонких невыразительных губах застыла слабая, но хитрая улыбка.

Александр пристально взглянул в глаза новоявленного незнакомца.

— Не подскажите, — все еще хитро улыбаясь, спросил незнакомец, — скоро ли будет Дорохово?

— Думаю, еще не скоро, — не отрываясь от его глаз, ответил Александр.

Он заметил, что эти бесцветно-туманные глаза тоже посмеивались над ним. Дело было в том, что Александр ехал в санаторий «Дорохово», располагавшийся недалеко от станции с тем же названием.

— Я там домик снимаю на берегу речки Рузы, — непри-
нужденно заговорил подозрительный незнакомец. — Ме-
стечко тихое, живописное... Вы отдохнуть собрались или
подлечиться?

— Как вы догадались? — продолжил словесную игру
Александр.

— Да мы же с вами встречались там. Неужели не по-
мните?

Александр сузил глаза, разглядывая незнакомца. Нет,
он его не помнил. И они никогда не общались. На лица у
него была хорошая память.

— Где? Когда? — серьезно спросил он.

— Да прошлым летом. Возле...

Но договорить обладатель клетчатого пиджака не успел.
Голос его оборвал пронзительный скрежет колес о рельсы.
Вагон наполнился оглушительным шипением сорванного
стоп-крана. Электричка встала как вкопанная. Через окно
Александр увидел бегущего от их вагона в сторону леса
того самого лохматого оборванца с пачкой газет. Кто-то из
пассажиров выскочил в тамбур и закрыл стоп-кран. Ши-
пение оборвалось, сдвинулись пневматические двери, и
электричка вновь набрала ход.

— Каждый раз на том же месте... — уже без улыбки про-
бурчал подозрительный тип, наблюдавший за убегающим
во тьму леса оборванцем с газетами. — Живет он тут, в ле-
су, между двумя станциями, в шалаше... Волчара... Да он
вас тоже знает, — незнакомец снова улыбнулся.

— Кто это? — непонимающе спросил Александр, по-
прежнему пристально вглядываясь в его лицо.

— Потом расскажу... — подозрительный тип достал из
«дипломата» пластиковую бутылку минералки, открутил
пробку и сделал несколько глотков.

— Так где же мы встречались? — с нетерпеливой на-
стойчивостью вновь задал вопрос Александр.

— Ну как же, прошлым летом, возле магазина.

— Какого еще магазина? — Александр был уверен, что
его разыгрывают.

— Вы стояли с пивом, и я предложил вам вяленого ле-
ща за червонец, а этот волчара всучил экстремистскую га-
зетку за три рубля. «Клич» называется. Он и теперь ее по
электричкам продает, тем и кормится.

Александр напряг память. Не сразу, но все же при-
помнил: что-то такое, кажется, было... Однако тип, сидя-

щий напротив, вызвал у него еще более неприятное подозрение.

— И это всё?

— Нет, ну что вы? Это было только начало... Я и в санаторий к вам прошлым летом приходил. Вместе с этим... козлом.

— Да как звать-то его?

— Имя у него, по-моему, Графаил. Но его так никто не кличет. Он из психушки сбежал и теперь прячется в лесу, живет в шалаше. Себя обзывает Волком.

— Волком? Почему?

— Никто не знает. Потому, наверное, что с приветом. Это вы у него сами спросите, когда представится случай.

— Да зачем он мне? Я и не собираюсь у него спрашивать...

— Дело ваше. Но он и вправду как волк, везде рыщет и всех помнит, кого увидел... Нюх у него звериный...

Александр почувствовал, как пробежал холодок по спине. Он вспомнил утренний звонок в квартиру...

— А вас-то как величать?

— Николай Николаевич. А лучше просто — Дергунов.

Александру опять стало не по себе. «Так вот какому Дергунову передавал привет этот бородатый оборванец... Какие-то странные вещи происходят сегодня со мной...» — с досадой подумал он. После некоторого молчания Александр заинтригованно произнес:

— Этот Графаил-Волк сегодня утром приходил ко мне и передавал вам привет...

Дергунов больше не улыбался.

— Я ожидал, — он понимающе опустил глаза. — Конечно, конечно... К кому же ему было идти, если не к вам?..

— А в чем дело? — недоумение Александра возросло.

— Скоро вы всё узнаете, Александр Петрович.

— Вам даже известно мое имя-отчество?

— А почему бы и нет? — Дергунов нетерпеливо выглянул в окно. — Извините, я сойду в Тучково. Тут у меня дело есть... Но мы еще увидимся. В вашем санатории.

Электричка затормозила, он встал и вышел в тамбур.

В санатории Александра поселили в одноместный номер. Правда, пришлось за это дополнительно заплатить. Ему хотелось соединить лечение и отдых от московской

суеты, хоть на короткое время отвлечься от общения с пустыми и назойливыми людьми.

В первые дни после утренних лечебных процедур он до вечера бродил по обширному лесопарку, не обращая внимания на отдыхающих, или медленно прогуливался по высокому берегу реки Рузы, любясь окрестными видами. Но однажды он заметил одиноко застывшую женскую фигуру на скамейке под обрывистым берегом, почти у самой воды. Словно вопреки вездесущим коротким юбкам, на ней было длинное, трепещущее на ветру тонкое платье бледно-голубого цвета. Он спустился вниз и, проходя мимо, не удержался — остановился и спросил:

— Вы тоже предпочитаете одиночество?

Женская фигура оглянулась на его голос, оказавшись миловидной девушкой лет двадцати.

— Угадали... — с добродушной улыбкой отозвалась девушка и вновь повернулась к реке.

Ветер слегка развевал ее мягкие распущенные волосы.

Александр присел с другого края скамейки. Его вдруг охватило необыкновенное желание с ней поговорить. Про себя он успел заметить, что такого желания не испытывал уже давно.

— Извините, если потревожил ваши мысли, — осторожно обратился он к ней, — но я уже несколько дней ни с кем тут словом не обмолвился, разве что только с врачами... Вы здесь первый человек, к кому я подошел... Вы из санатория?

— Нет, — запросто откликнулась она. — Я приехала на дачу. Это совсем недалеко... Как выдумаете, — с той же улыбкой взглянув на Александра, заговорила с энтузиазмом она, — за день можно дойти вон до тех холмов? — Она протянула руку в сторону другого берега — вдаль, к лесистым холмам у самого горизонта.

Александр с некоторым удивлением и тоже с легкой улыбкой ответил:

— Конечно, можно. Если только мы пойдем вместе...

— А ведь я не шучу, — она повернула к нему посерьезневшее лицо.

Он успел разглядеть ее серые глаза и некрашенные, но чувственные губы.

— Вообще-то я тоже серьезный человек, — не переставая улыбаться, отреагировал Александр.

— Ну вот и славно, — сказала она, устремив взгляд в эту холмистую даль. — Завтра в шесть утра я жду вас на этом

месте. С собой еду не берите, я накормлю вас орехами. И еще: ничего не фантазируйте и спите спокойно. Завтра я буду выглядеть иначе, но вы меня узнаете по этому перстню.

Она приблизила к нему левую руку, и он увидел на ее среднем пальце золотой перстень с изумрудным камнем в форме сердца. Девушка поднялась со скамейки.

— Как ваше имя? — успел спросить Александр.

— Элина, — тихо произнесла она и быстрым шагом пошла в другую от санатория сторону.

Ее волосы развевались по ветру, а бледно-голубое платье, трепеща и колыхаясь, волнисто облегло тонкую фигуру.

«Элина... — прошептал Александр. — С таким именем у меня никого не было». Девушка обернулась, изящным движением руки отбросив с лица волосы. Он ясно расслышал, как ветер донес ее голос: «И никогда не будет...»

Александр вернулся в свой номер, переделся в спортивный костюм и уже собирался идти на ужин, как вдруг раздался стук в дверь. Он вздрогнул от неожиданности, немного помедлил, после чего с неохотой дернул на себя ручку двери. На пороге стоял его недавний знакомец в клетчатом пиджаке по фамилии Дергунов.

— Извините, Александр Петрович, за назойливость, — с ходу начал оправдываться он, — но меня привело к вам неотложное обстоятельство. Я должен срочно с вами побеседовать. Это очень нужно мне и вам, даже вам больше, чем мне.

— Вы что, теперь будете меня все время преследовать? — поморщился Александр.

— Ну что вы! — замотал головой Дергунов. — Не преследовать, нет, но, впрочем, помогать со всей искренностью души.

— Я не нуждаюсь в вашей помощи, — твердо отрезал Александр.

— Вы еще не знаете, о чем идет речь, — озабоченно пролепетал незванный гость. — Разрешите войти на пару минут.

Александр пропустил его в свой номер и закрыл дверь.

Дергунов сразу уселся в кресло.

— Речь идет об Элине, с которой вы сегодня познакомились... — торопливым полуголосом заговорил он, взъерошив на темени остатки седых волос.

Александр застыл в недоумении.

— А вы-то откуда знаете?..

— Дело в том... — Дергунов прикрыл ладонью глаза, потом резко опустил руку. — Дело в том, что она приехала пожить ко мне, на мою дачу, племянница она моя... Когда вы к ней подошли, я стоял наверху, над вами, и всё видел...

Александр почувствовал тоскливый холодок в сердце. Он присел на кровать и с досадой спросил:

— И что вам от меня надо?

— Что вы, что вы, — замахал руками Дергунов, — ничего не надо. Только... Будьте с нею осторожны, она того... Непростая девушка, не такая, как все...

Александр внимательно посмотрел на него исподлобья.

— Ну-ну, я вас слушаю, продолжайте.

— Да, собственно... это и все, о чем я хотел вас предупредить. Завтра вы и сами поймете... Только не пугайтесь, она не сумасшедшая. Хотя... многие так считают. Она... Как бы это сказать? Она... живой ангел. Я в этом уверен.

Александр усмехнулся.

— Живой ангел... Что ж, бывает. Спасибо за заботу, — он встал с кровати.

Дергунов тоже поднялся.

— Очень странная девушка, — вновь торопливо заговорил он. — К тому же, сколько я ни запрещал, ходит кормить Волка.

— Волка? — не сразу понял Александр.

— Ну да, того самого, Графаил который. Приносит ему в шалаш редиску и лук с моего огорода. И, не поверите, — Дергунов перешел на шепот, — не ночует дома.

— А где же? — Александр вновь недоуменно застыл.

— Понятия не имею, — приблизившись к Александру, интригуяще прошептал гость. — Так что не забывайте с нею, — он поднял кверху палец. — Всего доброго, — Дергунов быстро повернулся к двери и покинул номер.

Утром Александр проснулся рано, за час до встречи с Элиной. Как ни странно, он ощущал себя вполне выспавшимся. Уже рассвело, парк был переполнен птичьими голосами, а небо сияло чистой синевой. Он быстро умылся, оделся и вышел на воздух. На нем были джинсы, кроссовки и серая рубашка с длинными рукавами. Когда он подо-

дил к месту встречи, то испытывал непонятное, новое волнение, будто впервые шел на свидание.

На скамейке он увидел женскую фигуру в розовом плаще и белой косынке, сидящую к нему спиной. Как только он приблизился к ней, она поднялась и пошла вдоль берега. Александр услышал ее голос: «Иди за мной».

С минуту шли молча, потом Александр нетерпеливо напомнил о себе:

— Мост в другой стороне...

— Нам не нужен мост, — спокойно ответила женская фигура в плаще и косынке.

— Но ведь вы собирались идти на ту сторону реки...

— Иди за мной, — не оборачиваясь и все так же спокойно сказала странная девушка.

Александр вспомнил предупреждение Дергунова не заговаривать и быть осторожным с ней. «Возможно, она обладает гипнозом, — подумалось ему. — Или, может, она ведьма?..»

— Элина, это ты?! — наконец крикнул он. — Повернись ко мне!

Она, не останавливаясь и не поворачиваясь, подняла вверх левую руку, на среднем пальце которой блеснул золотой перстень с изумрудным камнем в виде сердца.

Они шли по узкой тропе, обросшей по бокам невысокими кустами. Легкий ветер наполнял воздухом широкий плащ девушки, отчего казалось, будто она плыла над землей.

Вдруг девушка застыла.

— Вот здесь... — тихо сказала она и развернулась к нему.

Александр увидел все те же серые глаза и полноватые чувственные губы, не тронутые помадой. Ветер приподнял вверх полы плаща, и его взгляду предстало обнаженное загорелое тело, бесподобное в своем совершенстве. Он был ошеломлен. Он не знал, что говорить и что делать.

— Успокойся — ласково улыбнулась Элина. — Мы сейчас переберемся на тот берег. Вот видишь этот камень, — она указала на огромный красный валун у самой воды, наполовину ушедший в песок, — пошли к нему.

Она взяла Александра за руку, подвела к воде и ступила на камень.

— Встань рядом и прижмись ко мне, — она распахнула плащ.

Александр, преодолевая мелкую дрожь в ногах, обнял под плащом ее обнаженное упругое тело. Он глубоко дышал, ему не хватало воздуха. Элина прикоснулась своими нежными устами к его сухим полуоткрытым губам. Глаза его наполнились туманом, он почувствовал головокружение и сильное движение ветра. Через несколько мгновений их губы разошлись и ветер утих. Продолжая сжимать ее в своих руках, Александр вдруг ощутил под ногами мягкий песок.

— Тебе было хорошо? — подала голос Элина.

Он посмотрел ей в холодноватые глаза. Она уже не улыбалась.

— Ты меня околдовала, — прошептал он.

— Вот мы и перебрались... Иди за мной, — она развела его руки и двинулась от воды по пологому, поросшему высокой травой берегу.

Он огляделся. Действительно, крутой берег оказался на другой стороне реки. Александр уже ничему не удивлялся.

Несколько минут они шли молча по цветущей траве. Солнце уже взошло и быстро поглощало росу. Белые босоножки Элины, мелькая в зелени и цветах, бесшумно касались земли. Все происходящее казалось Александру продолжением сна.

Наконец прозвучал ее голос:

— Ты, наверное, голодный. На, поешь, — она на ходу достала из кармана плаща горсть очищенных от скорлупы грецких орехов и высыпала ему в ладонь. — Нам придется идти долго, чтобы я могла набраться сил от солнца. Но ты не волнуйся: когда стемнеет, мы быстро окажемся дома.

— А зачем и куда мы идем? — Он все же задал вопрос, мучивший его со вчерашнего вечера.

— Скоро узнаешь...

Через минуту ходьбы Элина вновь заговорила:

— Постарайся не смотреть на меня как мужчина. Представь, что я твоя дочь или сестра... А поцеловала я тебя и прижала к себе, чтобы оторвать от земли...

— Так зачем же нам куда-то долго идти? Может, повторим, — решил он пошутить.

— Больше нельзя, — загадочно ответила она. — Солнечную силу нужно на ночь беречь.

Как ни старался Александр отогнать будоражившие его мысли, перед глазами стояло ее прекрасное обнаженное

тело. Сердце учащенно колотилось в груди, и он еле сдерживал себя, чтобы вновь не сжать ее в своих руках.

— Тебе трудно, я вижу, — откликнулась она на его волнение. — Но я попробую тебя отвлечь, — она быстрым движением руки сдернула с волос косынку, на мгновение запрокинула голову к небу, словно хотела там что-то увидеть, потом, молча пройдя несколько шагов, спросила: — Ты хорошо помнишь свое детство?

Александр, немного подумав, ответил:

— Вообще-то да... Много помню.

— Тебе было три года. Ты шел с матерью через поле, усеянное цветами. Цветов было так много, что у тебя разбегались глаза. Они были с тебя ростом. Ты их обрывал и собирал в большой букет. Ты бегал по полю босиком и радостно кричал: «Цветики, цветики...» И тебя в ногу ужалила пчела, и слезы потекли по твоим щекам... Мать взяла тебя на руки и долго несла, пока ты не успокоился.

Что-то очень знакомое мелькнуло в памяти Александра.

— Ты знаешь, я запомнил только поле, полное цветов...

— Да, конечно, — подтвердила Элина, — ты в детстве очень любил собирать цветы.

— Но откуда ты знаешь? — поразился он.

— Не спеши... В пять лет ты не умел еще плавать. Но как-то деревенские мальчишки столкнули тебя с берега в речку, и ты с открытыми глазами медленно пошел ко дну. Ты даже не испугался. Вода была теплой и мутноватой...

— Да-да, я это хорошо запомнил, всё точно, — перебил ее Александр.

— Но что было потом? Кто тебя вытащил?

— А вот этот момент в моей памяти как-то не зафиксировался.

— И правильно. Тебя вытащил случайный прохожий.

— Ты и это знаешь...

Элина остановилась, вновь запрокинула к небу голову, развела в стороны руки и глубоко вдохнула воздух.

— Я чувствую прилив сил. Сегодня день хороший и свет такой чистый...

Она на секунду обернулась, бросила на Александра быстрый сияющий взгляд, и ее белые босоножки снова замелькали среди высокой травы. Александр ускорил шаг, чтобы не отстать.

— Когда ты учился в первом классе, — продолжала Элина, — то часто болел. Ты, как магнит, притягивал к себе дет-

ские болезни. И твоя первая сельская учительница, Мария Григорьевна, часто навещала тебя и занималась с тобой, чтобы ты не отстал. Она разглядела в тебе незаурядного ребенка, и твои школьные тетрадки с домашним заданием она показывала на родительских собраниях как пример старания. Твоей матери это было очень приятно слышать. До четвертого класса ты был у этой учительницы отличником и получал похвальные грамоты. Но потом у нее случился нервный срыв, она заболела и была уволена из учителей. Ты видел, как в вашей школе она работала уборщицей.

— Это печальная история, — грустно сказал Александр.

— Но еще в начальных классах, когда ты болел и лежал в постели в полном одиночестве, ты любил фантазировать. Ты придумывал необыкновенные, красивые истории, в которых был главным героем. И тем спасался от одиночества и скуки. Своими фантазиями ты побеждал болезнь. Ты сам развил в себе страсть к воображению...

— Потрясающе! — не удержавшись, воскликнул Александр. — Слушай, ты кто? Колдунья, ясновидящая или, может, экстрасенс?

Элина, немного помолчав, возразила:

— Ненавижу колдунов.

Потом добавила:

— Но ты прав, я все это видела.

Александра охватило раздражение:

— Ладно, хватит мне морочить голову! Что за игра у нас такая? Ну где, как могла ты это видеть? Сколько тебе лет?

Элина оглянулась с улыбкой.

— Мой возраст тут ни при чем. Я много чего видела. Не спеши. Все скоро узнаешь.

Ровная поверхность полей сменилась подъемами и спусками невысоких холмов, по которым они шли все дальше и дальше безлюдной извилистой тропой. Все было удивительно в этом путешествии для Александра — даже то, что ни один человек не попался им навстречу. Солнце уже стояло в зените и обильно поливало лучами землю. Элина, распахнув плащ, с жадностью подставляла солнцу лицо и обнаженное тело.

— Сказать тебе, сколько раз я спасала твою жизнь? — вдруг задала она обескураживший Александра вопрос.

— Ты? — не сразу понял он. — Ты спасала мою жизнь? Очень интересно... — он усмехнулся. — Ну давай, выкладывай, я сегодня ко всему готов.

Элина, не останавливаясь, выхватила из травы ромашку, оторвала от нее несколько лепестков и передала Александру. Он безучастно принял наполовину оборванный цветок.

— Посчитай, сколько на ней осталось лепестков?

— Ну, четыре... — равнодушно ответил он.

Через некоторую паузу Элина тихо промолвила:

— За свои сорок пять лет ты много раз был на грани смерти, но в четырех случаях тебя спасала я.

Александр не знал, что ответить на это. Какое-то время они шли молча. Затем он неуверенно произнес:

— Много раз? Я запомнил только один случай.

— Это который?

— Да на стройке... — нехотя пробормотал он. — Когда сорвался со стены, с двадцатиметровой высоты, и чудом зацепился за оконную раму...

— Угу, — подтвердила Элина. — Было такое. А в траншее, когда на вас обрушилась земля? Не помнишь? Твоих завалило по пояс, и ты был одним из них. Пока вас откапывали, чуть было не обвалилась земля с другой стороны...

— Точно, — вспомнил он. — Как же я забыл?

— А камень, сорвавшийся со скалы на Кара-Даге? Он ведь пролетел в нескольких сантиметрах от твоей головы...

— И это тоже ты? — остановившись, чуть не вскрикнул он. — Да это было Бог знает когда...

Снова образовалось минутное молчание, после чего Александр не удержался от еще одного вопроса:

— Ну хорошо. А в четвертый раз?

Элина застыла, потом быстро повернулась к нему.

— А четвертый раз был самым первым, — она посмотрела на него ясным пронзительным взглядом. — Там, на речке, в твои пять лет.

Александр приблизился к ней вплотную, еле сдерживая огромное, страстное желание снова обнять ее и выпить губами в эти влекущие губы.

— Нет, нет, — она опустила глаза. — Сейчас ты не сделаешь этого. Рано... Не время...

Он схватил ее за плечи и закричал:

— Кто ты? Скажи, наконец! Не своди меня с ума!

Не поднимая глаз и сделав шаг назад, она тихо сказала:

— Это только я четыре раза спасала тебя. Но другим ты обязан больше. Смерть, как тень, ходила за тобой по пятам...

— Кто другие? — опять крикнул он.
— Пока хватит того, что ты уже знаешь... — она повернулась к нему спиной и пошла дальше.
Александр долго, наверное, более получаса шагал за Элиной, не произнося ни слова. Солнце перевалило за полдень. В воздухе образовалась духота, и не стало слышно птичьего пения. Когда их молчание тягостно затянулось, он в конце концов подал голос:
— Может, все же ответишь: куда мы идем?
— В лес, — негромко произнесла она.
— Зачем?
— Все узнаешь там.
Больше он вопросов не задавал.
Они еще полчаса прошли в полном молчании. После чего Элина достала из кармана плаща горсть орехов и протянула Александру.
— Проголодался? Пожуй.
Как ни странно, есть он не хотел. Но ощущалась жажда. Орехи были душистыми и мягкими. Он быстро покончил с ними.
— Еще хочешь? — поинтересовалась она.
— Нет, спасибо.
Элина снова обернулась и бросила на него лукавый взгляд.
— Что-то ты загрустил. Не сердись, уже осталось недолго. А пока послушай вот такую историю. Это очень интересно, — она сняла босоножки, взяла их в руки и пошла по тропе босиком. — Я появилась на свет, когда мои родители прожили вместе целых девять лет. Я была их первым и единственным ребенком. Моя мама долго болела... женской болезнью... и вообще не должна была рожать. Но однажды ей приснился ангел. Он сказал ей, что у нее будет дочка. «Как же так, — удивилась она, — я бесплодна...» Ангел улыбнулся, поцеловал ее в губы и улетел. А потом очень скоро оказалось, что моя мама беременна. Но роды она не перенесла... Вскоре умер и отец, я его почти что не помню. Я росла на руках у бабушки. От нее я и узнала о маминем сне. В детстве эта история про ангела мне казалась красивой сказкой. Поначалу я чувствовала себя обычным ребенком, как и все. Ходила в сельскую школу и ничем не выделялась среди остальных. Потом, когда мне было лет десять, умерла и бабушка, и меня забрали жить в Москву, в семью маминого брата — дяди Коли. Ты его видел. У него

с женой тоже нет своих детей. И вот тут со мной начали происходить странные вещи. По тому времени странные. Сейчас-то мне всё понятно, но тогда... Поначалу я стала видеть удивительные сны, ясные и реальные, как явь. Когда я поняла, в чем дело, меня это потрясло. Я даже стала бояться засыпать. Но со временем как-то привыкла к этому, успокоилась. Оказывается, я видела реальную прошлую жизнь других людей. Мне достаточно было сосредоточиться на чьей-то одной жизни — и она вся, как в кино, проходила перед моими глазами от первых до последних дней. На сколько всяких несчастий я насмотрелась! Это потрясение было очень сильным. Я стала замкнутой и молчаливой, избегала общений со сверстниками. Но потом эти сны превратились в мою самую настоящую жизнь. Дело в том, что я научилась вмешиваться в то, что протекало перед моими глазами. Я поняла это по рассказам родственников об их прошлом. Но я-то знала, что если бы не мое вмешательство, то всё у них было бы иначе. И не просто иначе, они могли бы погибнуть еще в детстве... Но вот что интересно, вмешаться я могла не всегда: я словно чувствовала, а потом и ясно слышала голос, который говорил мне — можно или нельзя вмешиваться. И позже поняла, в чем дело, — нельзя было помогать уже умершим людям... Ведь я, вмешиваясь, только помогала, только отводила беду и никак иначе, никогда никому не вредила. Помочь своей маме я не получила разрешения... Это было очень горько и страшно. Но теперь ты должен понять, каким образом смерть четырежды обходила тебя стороной.

Шло время. Я закончила восьмилетку и педагогический техникум. Теперь работаю в школе, в начальных классах, учу детишек. В своих удивительных снах я стараюсь больше ничего не менять, потому что прошел период моего испытания. Как-то летней душной ночью я долго не могла заснуть, и вдруг тьма рассеялась и я увидела присевшего на край моей постели прекрасного юношу во всем белом. Он положил свою горячую ладонь мне на лоб, нежно посмотрел на меня своими синими глазами, и затем прозвучал его голос, тот самый, что я слышала во сне: «Ты стала взрослой. Испытание закончено. Ты творила только добро, мы в тебе не ошиблись. Живи среди людей, не отличайся от них. Ты дитя солнца и света. Твои желания и твоя любовь преодолеют земную силу. Помогай в жизни тому, кому хо-

чешь помогать, но их прошлое и будущее оставь нам. Придет время — и ты будешь рядом с нами. У тебя есть право спасти одну грешную душу...»

Элина умолкла. Александр с замершим сердцем слушал ее рассказ. Он еще не мог поверить, что подобное вообще возможно в жизни и что именно ему выпало встретиться с таким чудом.

— От этого рехнуться можно! — воскликнул он. — Ну а дальше-то что было?

— Я сразу поняла: ко мне пришел ангел. Он надел мне на палец перстень с изумрудным камнем и сказал, что отныне на меня не будут действовать земные силы, — она подняла вверх левую руку с желто-зеленым перстнем. — Наполненный солнечными лучами, этот камень способен перенести меня на любое расстояние. Но только ночью. Так что назад мы вернемся быстро.

Они уже подходили к лесу. Солнце все ниже опускалось к поросшим зеленью холмам. Тропа пошла круто вверх. Элина быстро надела босоножки и ускорила шаг, хватаясь руками за низкорослые кусты. Полы легкого розового плаща, наполнившись воздухом, приподнялись и обнажили ее загорелые ноги. Александр побежал вслед за Элиной. Когда подъем закончился, они оказались среди высоких хвойных деревьев. Глубоко дыша, Элина присела на старую поваленную сосну.

— Ну вот мы и пришли, — сказала она. — Посмотри туда, отсюда видно очень далеко.

Александр устремил взгляд на лежащую внизу широкую зеленую долину, расстилавшуюся почти до самого горизонта.

— Правда, замечательный вид? Запомни это место. Я каждый вечер бываю здесь.

Александр вплотную приблизился к ней.

— Скажи мне, ты тоже ангел?

Она обворожительно улыбнулась и взяла его за локти.

— Не знаю. Может быть...

— Но почему ты выбрала меня?

Элина поднялась с сосны, отошла от него и повернулась к нему спиной.

— Очень скоро узнаешь. Осталось совсем чуть-чуть. Пойдем.

Она вновь пошла впереди, увлекая его в сумерки леса. Темнота быстро сгушалась, птичьи голоса слышались все

реже и очертания деревьев сливались в едва различимую черную массу. Все вокруг казалось призрачным и неуловимым для глаз. Розовый плащ Элины стал темно-серым. И вдруг где-то в глубине леса, в полной тьме забрезжил красный огонек, который с каждым шагом постепенно разрастался, колыхаясь и меняя формы. Александр догадался, что это был костер.

— Подходим к месту, — с тихой таинственностью проговорила Элина. — Прощу тебя, на всё реагируй спокойно. Со мной ты в безопасности.

Когда они приблизились к костру, Александр разглядел стоящий рядом шалаш, крытый березовыми ветками, и сидящего на земле какого-то темного человека.

— Он зовет себя Волком, — шепнула Элина.

Александр вздрогнул. «Так вот куда она меня привела, — сообразил он. — Как я сразу-то не мог догадаться? Ведь Дергунов мне говорил...»

Оборванец по кличке Волк никак не отреагировал на их приход. Он по-прежнему молча сидел на земле, скрестив ноги и уставясь в пламя костра.

— Что не радуешься мне, Волк? — подала голос Элина.

— Зачем этого притащила? — не поднимая головы, прохрипел оборванец.

— Значит, было надо... — загадочно ответила она, затем зашла в шалаш, вынесла оттуда длинное тонкое одеяло и постелила на землю около костра.

— Садись, — обратилась она к Александру, и сама присела с краю одеяла.

Александр сел, ничего не понимая, но ожидая чего-то необычного.

— Ты вот всё вопросы задавал, пока мы шли сюда, — негромко и спокойным голосом заговорила Элина. — Ну так слушай теперь, — она поджала ноги и плотно запахнула плащ. — Этот человек не по своей воле живет в лесу. Когда-то он работал на военном заводе и попал в аварию, чуть было не лишился жизни. Я не дала ему погибнуть, хотя разрешения не получила... Но он испытал страшный шок, и душа его не выдержала, заболела. Бывшая жена сдала его в лечебницу для душевнобольных, где несколько лет ставили на нем эксперименты. Эти... Сам знаешь кто... Однажды ночью я пришла к нему в палату, и мы улетели через окно. Мне ничего не стоит открыть любой замок и снять решетку. Перстень выше земных сил. Но теперь я не

вмешиваюсь ни в чью судьбу. Не хочу ничего менять. Да только жизнь его стала совсем волчья. Он ругает меня, говорит, не надо было его спасать. А я и сама вижу, теперь сама понимаю — я совершила ошибку. Жизнь намного сложнее, чем виделась мне в моих снах. Да ему недолго осталось... Били его сильно. Вот и повредили всё внутри. Но я за него в ответе.

Бородатый Волк поднялся с земли и подбросил в костер сучьев. Сухие ветки, охваченные пламенем, затрещали, в желтом дыму замелькали красные искры.

— Дергунову привет передавай, скажи — скоро в гости приду, — глядя в огонь, пробубнил он непонятно кому. — Пусть рыбу больше не ловит, сеть дырявая. Если жить хочешь, пускай уйдет в сторону... Хозяин ненадежный, я с ним посчитаюсь, с хозяином-то... У меня глаз верный, я всё знаю... А тебе... — вдруг поднял он свои черные глаза на Александра, — тебе место менять надо... Скорее...

— Мне? — поразился Александр. — Какое еще место?

— Я сказал, — пробубнил Волк, отойдя от костра. — Место меняй, а то... — он, оскалив гнилые зубы, провел ладонью по горлу и скрылся в шалаше.

Александр с немым вопросом взглянул на Элину.

— Вот-вот. Хорошо, что он сам тебе всё сказал.

Она встала на колени, завязала в узел волосы и села на свои согнутые ноги. Языки пламени отражались на ее щеках и в серых глазах.

— Что всё? Объясни.

— Да, конечно, для того мы и пришли сюда, к Волку, — она пальцем правой руки погладила перстень. — От судьбы не убежишь. Спасала я тебя, да больше нельзя, не могу теперь...

Наступила минутная пауза. Элина, сжав губы, сосредоточенно смотрела на костер. Затем — скрестила пальцы рук и произнесла короткую фразу:

— Тебя убить должны.

Александр невольно усмехнулся. Но все же со сдержанным равнодушием спросил:

— Кто же?

— Подумай, кому ты мешаешь своим присутствием на свете. А дядя мой, Николай Николаевич, назначен следить за тобой. Даже платят ему за это.

— Кем назначен?

Тут уже усмехнулась Элина.

— Всё теми же. Хозяевами жизни. Сколько раз ты переходил им дорогу? Сам знаешь. Тебе вынесли приговор. Я изменять уже ничего не должна. Могу лишь предупредить.

— И стоило для этого так далеко ходить — в лес, к Волку? — Александр недоверчиво покосился на Элину.

— Стоило, стоило, — она поднялась на ноги. — Потому что сказала еще не все.

Александр заметил, как перстень на ее руке блеснул ярким зеленым светом. Элина встала по другую сторону костра. Пламя, разделявшее их, покрывало золотым отблеском ее плащ и полоску обнажившегося молодого тела.

— Ты искал человеческой любви, но так и не нашел ее. И сердце твое закрылось. Ты смирился с этим. Ты любви больше не ищешь. И уже сердце об этом не жалеет, оно устало и успокоилось. Ты много грешил, но грешил без любви. Тогда как душа твоя осталась по-детски чистой и нежной. Она по-прежнему радуется полевым цветам... Я скоро уйду отсюда насовсем. Я тут последнее лето. Волк уйдет еще раньше. Больше ты меня воочию не встретишь. Но сможешь почувствовать и услышать. И если захочешь уйти вместе со мной, приходи в этот лес в последнюю ночь лета и позови. Я приду к тебе. Мы улетим вместе. Но отсюда, из санатория, тебе надо быстрее исчезнуть. Волк правду сказал, за тобой тут следят.

В шалаше послышался какой-то шорох и треск. Волк глухо выругался. Его волосатая физиономия вылезла наружу.

— Завтра жди гостей, коли не смоешься... Дергунов приведет. С водочкой и ножичками... Волк им не помощник. Я себе сам хозяин, — пробормотал он и снова скрылся в шалаше.

Александр, ничего не говоря, опять обратил пристальный взгляд на Элину. Перстень на ее руке лучился ярко-зеленым, ослепительным светом. Она подняла руки вверх, полы плаща разошлись в стороны, обнажив ее золотящееся от костра бесподобное тело.

— Подойди ко мне, — громко произнесла она.

Александр, как под гипнозом, незамедлительно поднялся и приблизился к ней.

— Ближе, еще ближе, обними меня, — приказала она и сама обвила его шею руками. — Сейчас мы полетим назад. Не бойся. Наши губы не должны разъединяться.

Александр сильнее прижал ее к себе, впился в ее губы и в то же мгновение почувствовал, как из-под ног ушла земля.

Ветер засвистел в его ушах, и какая-то мельтешащая тьма ворвалась в его открытые глаза. Он ничего не различал и не мог понять, что происходит с ним. Только шум в ушах и сильный поток воздуха фиксировало сознание. Это длилось, наверное, чуть больше минуты, как показалось Александру. Но вот ноги ощутили под собой опору, и он прервал этот фантастический поцелуй. Их руки разжались, Александр огляделся и понял, что стоит на берегу реки, у той самой скамейки, откуда они утром отправились в путь.

Сердце его колотилось от сознания нереальности происходящего. Элина стояла перед ним с опущенными глазами, придерживая руками запахнутый плащ. Ее перстень уже не излучал свечения.

— Что это было? — в сильном волнении спросил он. — И кто ты такая? Объясни мне!

— Я та, кто, может быть, спасет твою душу... Но только если ты сам это решишь, — она сделала шаг назад. — Прощай. Прощай до нашей будущей встречи... Запомни, что я тебе сказала. Последней ночью лета...

Она повернулась и быстро скрылась во тьме.

Александр, ошеломленный, слегка пошатываясь, медленно поплелся в сторону мерцающих во мгле фонарей санатория.

Эту ночь он не спал. Перед рассветом быстро собрал свои вещи и с первыми лучами солнца покинул место пребывания. На попутной машине он добрался до станции Дорохово, дождался электрички и уехал в Москву.

Глава вторая

Сойдя с электрички на Белорусском вокзале, Александр подошел к телефону-автомату, вставил карточку и набрал номер.

— Петр Иванович? — произнес он в трубку. — Приветствую. Саша беспокоит, Горячев. Как поживаешь? Это хорошо. Давно не виделись. Хочу к тебе заехать, не возражаешь? Да, я вернулся, звоню с вокзала, дело серьезное. Ну, жди, скоро буду.

С Петром Ивановичем Душкиным он был знаком с юности. Когда-то жили в одном московском дворе, вместе в футбол гоняли, вместе с девчонками знакомились, хотя Душкин был немного старше Александра. После армей-

ской службы даже какое-то время вместе работали в одной строительной организации. Потом их профессиональные пути разошлись, но отношения не прекратились: то и дело созванивались, отмечали дни рождения, ездили на рыбалку. Но главное, их объединял общий взгляд на жизнь, на теперешнюю действительность, на эту жуткую ситуацию в стране. Не так давно Душкин устроился в ЧОП — военизированную охрану частных предприятий, в то время как Александр, пятнадцать лет тому закончивший МГУ, подрабатывал публикациями в патриотической прессе.

Через час дверь квартиры ему открыл лысоватый мужчина около пятидесяти лет, чуть выше его ростом, с седыми усами. После крепкого рукопожатия Петр Иванович пригласил Александра на кухню, где их ожидал холостяцкий завтрак.

— Давай перекусим слегка, ты же с дороги, — сразу предложил он. — Я уже неделю один обитаю, жена с дочками на дачу перебрались, только через месяц появятся.

Александр присел за стол.

— Не откажусь, — с улыбкой сказал он. — А ты, дружище, все такой же, предупредительный...

После завтрака они перешли в зал. Александр опустился в кресло и через некоторую паузу спросил:

— Можно я у тебя поживу до приезда жены?

Душкин ответил с искренней радостью:

— Какие вопросы! Нет проблем. Ради Бога. Мне даже веселее будет.

Затем он сел на диван, закинул ногу на ногу и уже серьезно, испытующе посмотрел на Александра.

— Рассказывай, не томи.

Немного помолчав, Александр открыл Душкину новость, не ставшую для него неожиданной:

— Охотятся за мной. Даже в санатории достали. Хотел отдохнуть чуть-чуть, но ничего не получилось. К себе в квартиру мне пока возвращаться нельзя.

Душкин поддержал Александра без принуждения и со спокойным пониманием:

— Ну и правильно, что сразу ко мне. Хорошо сообразил. Поживешь тут пока, а потом за городом место найдем.

— Спасибо, друг, — Александр снова улыбнулся. — Но у меня еще и дело есть к тебе. А за городом скорее всего место искать не придется. План другой...

Петр Иванович расслабленно потянулся и скрестил пальцы за головой.

— С тобой и правда не соскучишься. Давай, выкладывай свое дело.

Лет пять назад Александр Горячев, имея за плечами факультет журналистики Московского университета, сотрудничал в одной широко известной центральной газете, сделавшейся популярной на разоблачении громких коррупционных скандалов. Александр как раз и прославился на этом поприще, получив репутацию смелого и неподкупного журналиста. По поручению главного редактора он брался за освещение крайне сложных и не менее опасных коллизий в криминальном бизнесе и сфере экономических преступлений. Его статьи не раз ложились на стол к прокурору и затем перекочевывали в следственные дела, доходившие до суда. Ему угрожали, но запугать не могли. Эти угрозы нередко оборачивались против самих коррупционеров, вымогателей и нечистоплотных чиновников. Однако последняя история, заставившая его уйти из редакции, оказалась для него более чем непростой.

Он получил информацию об оформлении государственной дачи в частную собственность одним из действующих министров. Причем афера эта была осуществлена через нарушение целого ряда положений российского законодательства подставной фирмой по продаже недвижимости.

Александр были переданы копии скандальных документов, разоблачающих эту аферу и в случае их публикации чреватых для министра не только отставкой, но и возбуждением уголовного дела. Он посоветовался со своим шефом, и тот после суточного раздумья дал «добро» на публикацию сенсационной статьи. Такая статья была Александром в короткий срок сделана и уже стояла в верстке одного из ближайших номеров. Но за два дня до ее выхода в свет поздним вечером в его квартире раздался телефонный звонок. Спокойный мужской голос спросил:

— Как самочувствие, Александр Петрович?

— Кто это? — он насторожился.

— Ваш доброжелатель, господин Горячев. Вернее, доброжелатели. Мы тут пообщались и решили вас предупредить о грозящих вам неприятностях, очень, кстати сказать, больших... Короче говоря, — голос приобрел угрожающий

тон, — завтра же снимешь статью или до конца жизни будешь о ней сожалеть. Тебя мы пока не станем трогать, но мы знаем, где живут твоя мать и твой брат. Наши условия: статью не публикуешь и уходишь из газеты. Пока мы ставим условия. Если заартачишься — будем действовать без всяких условий. Так что пока надеемся на твое благоразумие. Звонить мы тебе больше не будем.

— Да пошел ты, козел!.. — огрызнулся Александр и бросил трубку.

«Ну вот и началось... Этого следовало ожидать... Уроды!.. Ладно, ничего, не запугают», — успокаивал он себя, ложась спать. Но в сердце закралась неприятная тревога, сердце словно предчувствовало какой-то крутой поворот в его жизни. И предчувствие это не обмануло Александра.

В начале следующего рабочего дня в редакцию пришла женщина средних лет, довольно миловидная, в оригинальной шляпке с вуалью. Одета она была в строгое темно-зеленое платье. И, словно они уже были знакомы, сразу подошла к нему и поздоровалась.

— Александр Петрович, я хотела бы с вами поговорить... Наедине. Вы не возражаете? — с заманчивой улыбкой спросила она.

Они вышли из редакции и присели в сквере на скамейку. Стояло солнечное безветренное июньское утро, в сквере наперебой щебетали птичьи голоса. И эта странная, таинственно-привлекательная женщина в шляпке с вуалью показала Александру очередным маленьким случайным подарком в его суматошной холостяцкой жизни.

— Я вас внимательно слушаю, — первым заговорил он, — но постарайтесь говорить кратко, у меня очень мало времени.

— Да, конечно, я понимаю, — она приподняла вуаль и в упор взглянула на него умными зеленоватыми глазами. — Вы меня не узнали... Я хочу вам напомнить. Когда вы учились в университете на журфаке, кажется, на третьем курсе, я в то же время училась на юридическом, но уже заканчивала. Это было, по-моему, лет семнадцать назад. Мы познакомились на дне рождения моей подруги с нашего курса, дочери одного академика. Было много народу. Но вы в меня влюбились с первого взгляда и тут же, на дне рождения, сделали мне предложение... Неужели забыли?

Александр, само собой, этого не забыл. Теперь он ее узнал, хотя она сильно изменилась: из худенькой симпатич-

ной хохотушки в мини-юбке превратилась в светскую степенную загадочно-заманчивую даму с томным взглядом зеленовато-бархатных глаз. После того знакомства они встречались еще не более трех раз, но была у них одна прекрасная, незабываемая ночь в квартире той самой ее подруги...

— Нина... — радостно произнес Александр и дотронулся до ее запястья. — Вот не ожидал... Как ты меня нашла? И сразу узнала. А мы ведь так изменились...

— Да, Саша, изменились. Много чего изменилось... — она вновь подняла на него несколько напряженные глаза. — Ты сказал мне тогда, перед той нашей ночью: «Я готов исполнить любое твоё желание». Я вот теперь пришла спросить тебя: ты не отказываешься от своих слов?

Александр от удивления поднял брови.

— Теперь? Интересно... Ты еще чего-то от меня хочешь? Но, судя по всему, у тебя семья, муж... Или что? Как сложилась твоя жизнь?

— У меня все нормально, Саша, — она продолжала вопросительно и напряженно смотреть на него в упор.

— Ну, если это в моих силах... — он пожал плечами в некоторой растерянности. — Что-то случилось?

— Да, Саша, случилось. Эта дача, о которой ты написал в своей статье, принадлежит моему супругу, министру здравоохранения. А точнее, она записана отныне на меня. Не порть нам жизнь, Сашенька. Это и есть мое единственное желание и единственная моя просьба к тебе. Ради той нашей короткой, но сумасшедшей любви. Ведь ты был у меня первым... Женщины этого не забывают. Хочешь, я встану перед тобой на колени?..

Она попыталась подняться со скамейки, но Александр остановил ее движение.

— Ну что ты, перестань, — он провел ладонью по лицу, собираясь с мыслями («Вот оно что, — разочарованно думал он. — До чего же всё стало банально и пошло в нашей жизни...»). — Хорошо, Нина, — он отвернул лицо, — я это сделаю. Я сниму статью из номера... Но как вы там всё узнали об этом? — он усмехнулся. — Такая оперативность!

Она положила свою мягкую ухоженную ладонь на его руку.

— Сашенька, не задавай наивных вопросов. Мы знаем всё... Спасибо тебе, милый мой. Если нужна будет помощь, звони.

Она протянула ему визитку, поднялась и быстрым шагом направилась к автомобильной стоянке. Там она села в черную иномарку, которая тут же бесшумно тронулась с места и скрылась из глаз.

В этот же день Александр потребовал от главного редактора снять статью из номера и написал заявление об увольнении из редакции. Через несколько дней он приобрел путевку в санаторий «Дорохово».

Когда Александр поведал Душкину план своих действий, тот больше обрадовался, нежели удивился:

— Наконец-то, черт побери, хоть на старости лет в серьезном деле поучаствую!

Он встал с дивана и прошелся по комнате. Потом, оставившись, спросил:

— Пушку брать?

— Обязательно. Хотя, надеюсь, применять ее не придется. Как твоя «Волга», на ходу?

— Только что из ремонта. Как новенькая, — довольный собой ответил Петр Иванович.

Имея на руках копии документов, проливающих свет на деятельность фирмы по продаже недвижимости «Звезда», провернувшей аферу с госдачей министра, Александр знал ее место нахождения и номер городского телефона. План его ближайших действий как раз и был направлен на ликвидацию этой фирмы.

На следующее утро Петр Иванович Душкин по мобильнику позвонил в эту «Звезду» и поинтересовался, как связаться с Леонидом Иосифовичем Стаблером, ее генеральным директором.

— По какому вопросу? — прозвучал девичий фальцет.

— Да вот, хочу повыгоднее дачу продать в Подмосковье. Знакомые люди посоветовали к вам обратиться.

— Одну минуту, сейчас соединю.

В трубке послышалась какая-то знакомая мелодия, затем раздался хриплый голос:

— Слушаю.

— Леонид Иосифович?

— Он самый.

— Доброе утро. Очень рад вас слышать, даже не чаял сразу застать, — Душкин и вправду не ожидал столь быстрой связи со Стаблером.

— Чему обязан? — чувствовалось, гендиректор «Звезды» был в добром настроении.

— Леонид Иосифович, мне порекомендовали лично вам позвонить. Моя фамилия Ужовский, Яков Наумович Ужовский, — Душкин вспомнил, как звали начальника стройки, где он когда-то работал. — Я сейчас на пенсии, по инвалидности, собираюсь поменять место пребывания. Надо срочно дачу продать под Москвой, в Пушкинском районе. Сами знаете, место престижное. Хочу побыстрее и поинтереснее продать, не продешевить, ну, сами понимаете...

— Та-ак... В Пушкинском районе, говорите? — прохрипел Стаблер, растягивая слова. И после короткого молчания добавил: — Заманчиво. Вы с машиной?

— Само собой.

— Ну, подъезжайте ко мне, сегодня же и посмотрим вашу дачу.

Уже через полчаса Душкин на своей «Волге» подруливал к офису «Звезды», располагавшемуся в центре Москвы, на Сретенке, в небольшом старинном особняке. Показал охраннику свое «чоповское» удостоверение, поднялся на второй этаж. Секретарша доложила о прибытии гостя. Через минуту из своего кабинета вышел коренастый с черными усиками еврейчик лет за пятьдесят. Был он без пиджака, в белой рубашке с короткими рукавами.

— Это вы Яков Наумович? — уточнил он, внимательно оглядывая Душкина.

— Да-да, рад познакомиться, — Душкин, заискивающе поклонившись, протянул руку.

Стаблер нехотя подал расслабленную кисть. Затем отошел от Душкина и приоткрыл дверь в соседний кабинет.

— Миша, побудь тут сегодня за меня, я вернусь после обеда, — произнес он с громкой хрипотцой в приоткрытую дверь.

Вместе спустились вниз и молча подошли к душкинской «Волге» уже устаревшей модели. Стаблер бросил ироничный взгляд на автомобиль, видимо, надеясь увидеть более совершенное средство передвижения.

— Давно на таких не ездил, — усмехнулся он, садясь на заднее сиденье.

Пока ехали, Петр Иванович старался поддерживать непринужденный разговор, желая доказать, как он доволен сегодняшним знакомством.

— Люблю тепло, — тараторил он. — Не могу больше в России жить. И сыро тут, и холодно. И ничего не вызревает без парников, кроме картошки. Ну, какой помидор или огурец, в парнике выросший? Так, мякина одна. Им солнечные лучи нужны, ультрафиолет. То ли дело на земле обетованной! Лето круглый год!

— А земли-то у вас сколько? — перебил его гендиректор «Звезды».

— О, с этим хорошо. Пятнадцать соток. И место удачное — чернозем. Картошка вырастает с кулак.

— Дом большой?

— Дом приличный, по заказу строили, бревенчатый, но двухэтажный, с печкой, пять комнат. Я не случайно в вашу фирму обратился, Леонид Иосифович. С туфтой бы к вам не пошел.

Минут через сорок езды Душкин с Ярославского шоссе свернул на проселочную дорогу, уходящую в сторону леса.

— Это в каком же месте ваша дача находится? — встрепенулся пребывавший в расслабленном настроении пассажир.

— Вообще-то, если ехать на электричке, то недалеко от станции «Правда», но тут, через лес, короче и — прямо к моему участку, — спокойно объяснил Петр Иванович.

Автомобильная колея, идущая через лес, была разбитая и ухабистая. Душкин вел свою «Волгу» осторожно, на первой скорости. Когда от Ярославской трассы они отъехали где-то километров на пять, он заглушил мотор и, тихо сказав «Я сейчас», вылез из машины, подошел к багажнику и открыл крышку.

Из багажника выбрался Александр, отряхнул пыль с джинсов, потом вплотную приблизился к задней дверце «Волги», где сидел Стаблер, испуганно наблюдавший за происходящим. Александр открыл дверцу и тихо, но твердо приказал:

— Выходи.

— В чем дело? — подавленно отозвался гендиректор «Звезды». — Ребята, у меня с собой нет денег..

— Не в деньгах счастье, — так же тихо сказал Александр. — Выходи.

— Что вы собираетесь делать? — Леонид Иосифович умоляюще посмотрел на Александра своими большими карими глазами и начал медленно вылезать из автомобиля.

Александр кропотливо обыскал гендиректора. Оружия при нем не оказалось. Но сотовый телефон забрал.

Душкин молча стоял по другую сторону «Волги», внимательно следя за дорогой.

— Всё, садимся в машину, — вновь приказал Александр и, затолкнув Стаблера на заднее сиденье, расположился рядом с ним.

Душкин быстро сел за руль, стронул машину с места, затем со скрежетом переключил коробку передач. «Волга» безжалостно запрыгала на ухабах. Минут через десять этой немилосердной езды они свернули на проходящую через лес бетонку. Машина пошла ровнее и спокойнее.

Александр повернул лицо к гендиректору.

— Тебе известно такое имя: Александр Петрович Горячев?

Стаблер недоуменно на него покосился.

— Это... журналист, что ли? Ну, допустим...

— Вот мы с тобой и встретились, Леонид Иосифович. Если бы не жена министра здравоохранения, быть бы тебе под судом. Хотя... все еще возможно.

Стаблер облегченно вздохнул, ему стало понятно: мочить не будут.

— Так это вы... — он выдавил что-то похожее на улыбку. — Стоило ли так далеко ехать, могли бы и в Москве поговорить...

— Стоило, Леонид Иосифович, стоило, — Александр устремил взгляд на показавшийся впереди бетонный забор.

Они въехали в криво распахнутые металлические ворота. Кругом валялись разбитые бетонные блоки и связки ржавой арматуры. В стенах нескольких невысоких кирпичных корпусов зияли пустые черные проемы окон.

— Это тот самый бывший бетонный завод, — остановив машину, произнес Душкин. — Ну что, пошли?

— Да, конечно. Выходим, — сказал Александр, дернув гендиректора за рукав рубашки.

— Зачем? — со страхом в глазах заартачился тот. — Мы могли бы и здесь обо всем договориться...

— Да как-то неудобно тут... Тесновато. Давай-давай, выходи.

Стаблер покинул машину, и они втроем направились к ближайшему кирпичному двухэтажному корпусу. Вошли внутрь. Поднялись на второй этаж. Голые закопченные стены корпуса, полуотвалившаяся штукатурка и скабрез-

ные надписи на стенах ввергали душу в тягостное, мерзкое состояние. Приблизились к проему окна, в котором уже не было рамы. В стене под окном торчали металлические крюки, державшие когда-то батарею отопления.

Александр встал перед Стаблером.

— Леонид Иосифович, я хотел бы услышать ответ на вопрос: кто звонил мне с угрозами?

Глаза гендиректора забегали по сторонам.

— Какие угрозы, что вы говорите? — к нему вновь вернулся животный страх. Быстро моргая, Стаблер попытался прикинуться невинной овечкой: — Я ничего не знаю, Александр Петрович, честное слово! Может, это они, люди министра?

Душкин достал пистолет Стечкина.

— Вот здесь мы тебя шлепнем, и кто-нибудь только через год найдет твои обглоданные косточки. Хочешь остаться жив, говори, кто звонил, — он поднес ствол пистолета к виску гендиректора. — Считаю до пяти. Если тебе чужая жизнь дороже своей, значит, так и будет.

Полные с тонкими усиками губы Стаблера задержались мелкой дрожью.

— Один, два, — начал счет Душкин, — три...

Александр почувствовал неприятный запах, исходящий от «звездного» гендиректора и, машинально опустив глаза, увидел, как брюки Стаблера начали быстро темнеть между ног, а из-под штанин потекла бурая струйка мочи.

Александр, презрительно усмехнувшись, отвернулся.

— Ладно, не убивайте, — Стаблер схватился за руку Душкина, державшую пистолет, — Миша звонил. Только не говорите, что я сказал. Он жестокий...

Душкин опустил руку с пистолетом и отступил на шаг.

— Это, что ль, твой зам? — уточнил он, криво морща нос.

— Да, да, это Михаил Яковлевич, они с министром родственники... Не говорите ему, что от меня узнали, прошу вас! — слезливо захрипел гендиректор, и его выпуклые карие глаза наполнились мутной влагой.

— В общем так, Леонид Иосифович, — Александр ткнул ему палец в грудь, не испытывая к нему ни малейшей жалости. — Мое условие твоего прозябания в этой жизни таково: ликвидируешь свою лавочку и как можно скорее отвалишь на свою историческую родину, там будешь государство грабить, если позволят... И не вздумай

играть со мной в опасные игры. Учти, пистолет моего друга тебя достанет везде. А сейчас — руки за спину.

Александр повернул Стаблера лицом к стене, достал из кармана брюк веревку, туго связал ему руки.

— На пол! — приказал он.

Стаблер развернулся и сел под окном на бетонный пол. Другим концом веревки Александр притянул его связанные за спиной руки к металлическому крюку в стене, несколько раз обернул веревку вокруг крюка и затянул двумя узлами.

— Посиди тут, пока за тобой не приедут, — похлопал он по плечу трясущегося гендиректора. — Можешь горло не драть, тебя никто не услышит.

— Александр Петрович, Саша, может, не надо так, а? Простите меня, — застонал их обмочившийся пленник. — Я все сделаю, что вы скажете.

— Вот и хорошо, если сделаешь, тебе же будет лучше, — спокойно сказал Александр. — Пошли. — Он дотронулся до руки Душкина, убирающего пистолет в карман куртки.

Когда они спускались со второго этажа, здание заброшенного заводского корпуса оглашалось хриплым криком:

— Александр Петрович, умоляю вас, не оставляйте меня здесь! Александр Петрович!..

До Москвы добрались быстро. Не доезжая до квартиры Душкина, Александр позвонил по сотовому телефону Стаблера в фирму «Звезда» и попросил подозвать Михаила Яковлевича. Когда тот взял трубку, Александр заговорил ровно и твердо:

— Слушай меня внимательно. Твой шеф попал в серьезный переplet. Ему грозит гибель. Бери охрану и езжай на пятьдесят восьмой километр Ярославского шоссе, там свернешь направо на проселочную дорогу, выедешь на бетонку и еще раз повернешь направо. По бетонке попадешь в заброшенный завод. В одном из корпусов найдешь своего связанного шефа. Он тебе всё сам расскажет. И еще: если в ближайшее время не умотаешь в Израиль, очень скоро свою могилу найдешь здесь, в России.

После некоторой паузы в трубке прозвучал вопрос:

— Кто это говорит?

— Александр Горячев. Мы с тобой как-то уже беседовали по телефону. Не забыл? Твоего шефа мы пожалели. Тебя не пожалеем. Убирайся из страны без лишних движений. Желаю успеха.

Полмесяца Александр прожил у Петра Ивановича. Из квартиры в дневное время он почти не выходил. Только по вечерам, когда сумрак опускался на город, позволял себе выйти на улицу, чтобы размять ноги и подышать летним воздухом.

Как ни странно, их никто не отслеживал и ничего необычного ни поблизости с домом, ни в округе они не заметили. Душкин проверил и убедился, что фирма «Звезда» из особняка на Сретенке исчезла.

Они много беседовали, обсуждали ситуацию в стране, играли в шахматы, вспоминали свои молодые годы. Однажды, перед сном, Александр спросил Душкина:

— Петр Иванович, — Александр по-прежнему звал его по имени-отчеству, — ты все так же атеист?

Этот вопрос застал того врасплох.

— Да как тебе сказать? Даже и сам не знаю. Раньше — сто процентов был атеист. А теперь... какое-то сомнение закралось в голову. Стал верить в некие силы потусторонние. И жена тоже дочек окрестила, в церковь начала ходить, Молитвослов купила. Хотя Бога я себе представить не могу. Не понимаю, что это такое. А для чего ты спросил-то?

— Хочу открыть тебе одну тайну.

— Ну-ну! Интересно! — Петр Иванович, лежа на диване, потер ладони.

— Там, в Дорохове, я встретил Элину.

— Я что-то таких имен у тебя не помню.

— Это не то, что ты думаешь. Это... поверь мне, живой ангел.

Душкин приподнялся на диване.

— Чего? — он с удивленной улыбкой уставился на друга. — Саша, может, ты там на солнышке перегрелся?

— Нет, Петр Иванович, не перегрелся. Это был настоящий живой ангел. Элина... Оказывается, они живут среди нас, а мы и не догадываемся. Ты знаешь, она мне всю мою жизнь пересказала, с самого детства, — Александр встал с кресла и подошел к занавешенному окну. — А сколько раз она меня от смерти спасала! Я был потрясен. И вот теперь все время спрашиваю себя: за что мне выпало счастье такое — встреча с ангелом? И не нахожу ответа. С другой стороны, я сам пришел к Православию, к Христу, сам в церкви взрослым крестился. Рос без отца. Мать и брат некрещенные, в церкви ни разу не были. Бабка была баптистка. Но во мне сама собой православная вера открылась.

Может, для этого меня ангел с детства берег, а? Вот о чем я думаю постоянно.

Он почувствовал легкое дуновение воздуха от окна, отчего штора пошевелилась.

Душкин снова прилег, подложив руки под голову.

— Ангел... — проговорил он. — Первый раз слышу такое. Но что дальше-то было?

Александр вернулся в кресло, взял с журнального стола чашку с чаем, сделал большой глоток.

— Много чего там было... очень странного... Но под конец она назначила мне еще одну встречу. В последнюю ночь лета...

— Заманчиво, — усмехнулся Душкин. — Приснилось это тебе, наверное, Сашок. Давай-ка лучше спать. — Он повернулся лицом к стене.

Александр молча поднялся, погасил свет и ушел в соседнюю комнату.

Так прошел июль. В квартиру Душкина со дня на день должна была вернуться жена с детьми, и потому Александр решил перебраться к себе домой, благо что, на его взгляд, их по-прежнему никто не разыскивал, никто за ними не следил. Но накануне возвращения в свою квартиру он поехал на разведку — посмотреть со стороны за домом, где жил, и за подъездом, чтобы понять, нет ли поблизости подозрительных людей. С лавочки у соседнего дома он пару часов наблюдал за входящими и выходящими из его подъезда, за легковыми автомобилями, стоящими возле его дома и подъезжающими к нему. Ни люди, многих из которых он знал в лицо, ни автомобили, ни обстановка вокруг дома подозрений не вызывали. Он с облегченной душой поднялся с лавочки и уже двинулся к метро с намерением ехать к Душкину, чтобы забрать свои вещи, как вдруг его сзади кто-то окликнул. Он обернулся. И оторопел. Откуда ни возьмись, к нему приближался знакомый субъект в прежнем клетчатом пиджаке по фамилии Дергунов. Александр почувствовал неприятный холодок под сердцем. «Этот крептин и тут меня достал...» — машинально подумалось ему.

— Александр Петрович, разыскиваю вас уже целых две недели! — воскликнул Дергунов. — Куда вы пропали? Из санатория исчезли, дома вас нет, телефон молчит, я с ног сбился в этих поисках.

— Ну что ж, здравствуйте, Николай Николаевич, — удрученно отозвался Александр, убрав руки за спину. — А теперь-то что за причина меня искать? Не слишком ли вы назойливы?

— Ни в коем случае, — Дергунов поднял кверху руки, словно сдаваясь. — Исключительно по причине острой необходимости и уважения к вам. Всего несколько слов, и вы сами убедитесь, как это важно.

Александр тяжело вздохнул.

— И какая же необходимость? — он настороженно посмотрел по сторонам, вспомнив предостережение Волка насчет этого клетчатого типа.

— А вот какая, — Дергунов присел на скамейку, достал из кармана пиджака носовой платок, вытер лоб, потом исподлобья взглянул на Александра. — Элину помните?

Александр молча выдержал этот жесткий, пристальный взгляд.

— После вашей последней встречи с нею она пропала... — Дергунов не опускал своих бесцветных глаз.

Александр немного расслабился, присел рядом.

— А до этого она вам ничего не говорила, не предупреждала о своем уходе?

— Ни слова, — опустив голову, ответил Дергунов.

— Николай Николаевич, но вы же сами мне говорили, что она...

Дергунов не дал договорить, вновь подняв кверху руки:

— Сейчас это не важно для нас с вами. Важно то, что последним ее видели вы и не только видели, но и общались с нею. Я подал в розыск. В моем заявлении вы тоже фигурируете как свидетель. Вас должны допросить. В прокуратуре...

Александр положил ему руку на плечо.

— Вы всерьез хотите ее найти? Думаю, вы и сами понимаете, что это бессмысленно. Она не вернется уже никогда. Вспомните все-таки, не вы ли мне говорили, что она непростая девушка? Теперь и я вам скажу: она на самом деле — не от мира сего. И вы ей больше не нужны. Заберите свое заявление о розыске. Прокуратура здесь не поможет. Ангелы живут иной жизнью, Николай Николаевич. И еще одна просьба: не попадайтесь мне больше на пути. Очень прошу. Для вашего же блага.

Он встал и быстрым шагом направился в сторону метро.

Встреча с «клетчатым» насторожила Александра. Он понимал, что исчезновение Элины — не главная причина нового возникновения этого крайне подозрительного типа. И приглашение в прокуратуру было нехорошим знаком. Тем не менее на следующий день Александр забрал сумку со своими вещами из квартиры Душкина и перебрался к себе домой. В почтовом ящике он действительно обнаружил повестку с требованием явиться к следователю окружной прокуратуры по месту жительства. Причем назначенный день его прихода туда уже прошел. Да, собственно, ни в какую прокуратуру он идти и не собирался.

Александр сел за письменный стол и устремил взгляд в окно, на белые, медленно плывущие облака. Он часто так делал, когда хотел успокоиться и собраться с мыслями. Синее вечное небо отвлекало от тревожных ощущений, и вся наша брэнная земная суэта становилась ничтожно мелкой, казалась никчемной и бессмысленной. «В нашей жизни мы все время упираемся, заталкиваем себя в какие-то глупые проблемы и так редко смотрим на небо... — думал он. — А всего-то нужно поднять глаза и спросить, глядя на плывущие облака: зачем, для чего мы подличаем, хапаем, гребем под себя, лжем, убиваем, грабим, крадем чужое — ради чего?! Чтобы набить свою ненасытную утробу?» Александр опустил голову и закрыл лицо ладонями. «Но что делал ты сам? — спрашивал он уже себя. — Часто ли смотрел на небо и задумывался о своей жизни? Ну прочил ты этих двух ублюдков. А для чего? Разве они от этого изменились? Да и возможно ли их вообще изменить? Ну, допустим, мы с Душкиным другие. Но что это меняет? Мы ведь уже в меньшинстве. Хотя... мы тоже не ангелы. И не можем все время жить с устремленными вверх глазами...»

Александр выдвинул верхний ящик письменного стола, где находились копии документов о присвоении госдачи министром. Сверху них лежала визитка с эмблемой министерства здравоохранения, на которой значилось имя Нины Львовны Гохберг и был указан номер служебного телефона.

Александр взял визитку, немного подумал и набрал номер. В телефонной трубке он услышал приятный женский голос.

— Нина Львовна? — спросил он.

— Да, я вас слушаю.

— Здравствуй, Нина, это Александр тебя беспокоит, Горячев.

— Рада слышать, дорогой Саша, — голос и вправду приобрел радостный оттенок. — А мы тут тебя разыскиваем. Пропал куда-то. Во-первых, благодарю тебя за исполнение моей просьбы. А вот во-вторых... Сашенька, зачем же ты так жестоко обошелся с Леонидом Иосифовичем? Это нехорошо. Ты в курсе, что тобой заинтересуется прокуратура?

— Да, Нина, в курсе, — Александр старался держать себя как можно спокойнее. — Мне хотелось бы узнать: что с фирмой Стаблера? Она ликвидирована?

— Не совсем так, Саша, — было слышно, как на другом конце провода Нина Львовна усмехнулась. — Он передает тебе привет... Из Тель-Авива. Его фирма процветает теперь под названием «Могендовид». Но ты с ним поступил очень нехорошо.

— А красть чужое — хорошо?

— Сашенька, — возразил приятный безмятежный голос, — в этой стране для нас нет чужого. Мы берем свое. Запомни это как можно крепче. Мы здесь хозяева.

— Надо же! Клёво устроились.

— Как положено, мой милый.

— Я не знаю, кем это положено, Нина Львовна, — он продолжал говорить без напряжения, — но госдачу вам все равно вернуть придется. И дело тут даже не во мне.

— Как кем положено? Разве ты не знаешь? Эта страна отдана нам. Отдана свыше. Ты что, газет не читаешь? У всех ваших патриотов «Протоколы» — настольная книга... А дача эта нами уже продана. Сказать кому? Дочери премьер-министра. Не суетись, мой милый, попусту.

— Ну что ж, молодцы, умно придумали. Тем не менее за тобой числится должок. Как-никак я отмазал твоего муженька от уголовного дела. К тому же и работу потерял.

— Учти, Сашенька, мы в этой стране никому ничего не должны. Это вы все должны нам. Но я тебе помогу, не переживай.

— И чем же?

— Как чем? Прокуратура у тебя на хвосте сидит. Да и брат моего мужа, Михаил Яковлевич Гохберг, очень на тебя обижен. Он, кстати сказать, теперь занимает хорошую должность в нашем министерстве. Но его люди хотели бы с тобой повидаться... Так что пока тебе, мой милый, лучше

из Москвы исчезнуть на время. А потом я это как-нибудь улажу. Договорились?

Образовалась пауза, во время которой Александр, сжав зубы, еле сдержался, чтобы не сорваться на грубость. Набрал полную грудь воздуха, он тихо сказал:

— Эх, Нина, Нина... А ты ведь, кажется, была русская девушка...

— Была, Александр Петрович, да вся вышла. Оглянись вокруг себя. Вам, русопятам, здесь уже ничего не принадлежит. Ни-че-го. Вы всё прохлопали. Но мое хорошее отношение к тебе, ради нашего с тобой прошлого, залог твоего успеха. Если, конечно, не будешь совершать необдуманных поступков.

Александр поймал себя на мысли, от которой ему стало смешно. Он решил поставить на место эту оборзевшую «хозяйку» страны:

— А ведь ты недавно хотела встать на колени... И напрасно я тебе не позволил.

— Не хаами, дорогой, — потускневшим и похолодевшим голосом оборвала его госпожа Гохберг. — Тебе это ни к чему.

— Нина Львовна, я назначаю вашему деверю встречу. Завтра же, в шесть вечера, возле особняка на Сретенке, где находилась его «Звезда».

— Я передам, — сухо закончила разговор она.

В трубке раздались короткие гудки.

— Ну, прощелыги!.. — произнес он вслух. — Ну, аферисты! — Александр вновь убрал визитку в стол. — А фирму-то свою воровскую им пришлось ликвидировать! Значит, можно на них воздействовать...

В течение суток Александр с Душкиным продумали детали и подготовились к встрече с бывшим заместителем Стаблера.

В шесть часов вечера возле металлической ограды двухэтажного особняка на Сретенке остановился серебристый шестисотый «Мерседес». Из него не торопясь вышел мужчина в черном костюме с мелко выющимися рыжеватыми волосами и чисто выбритым лицом. Он был среднего роста, не более сорока лет. Через открытое переднее окно автомобиля он негромко спросил водителя:

— Оружие с собой?

— Естественно, шеф, — ответил тот.

— Поставь машину в переулок и подходи ко мне. Я буду во дворе, — тихо проговорил рыже-кудрявый и медленно, вразвалку двинулся к воротам, ведущим во двор особняка, плотно поросший вдоль ограды подрезанным кустарником и невысокими пушистыми елями.

«Мерседес» на малом ходу проехал метров пятьдесят, свернул влево за угол кирпичного здания и остановился. Водитель, одетый в джинсовый костюм, вылез наружу, огляделся. Но не успел он захлопнуть дверцу, как возле него возникли трое частных охранников в камуфляжной форме. Один из них, видимо, старший, перехватив дверцу иномарки, жестким голосом произнес:

— Ты чего тут, лох, встал? Здесь стоянка запрещена.

Водитель повернулся к нему всем телом.

— А ты кто такой? — с пренебрежительной самоуверенностью бросил он.

— Сейчас узнаешь.

Старший в камуфляже сунул ему в нос красное удостоверение ЧОПа.

— Руки на капот, ноги на ширину плеч! — скомандовал он.

Двое других выставили из-под камуфляжной формы короткие стволы автоматов. Водитель повиновался с недоуменным выражением лица. Старший, откинув полу джинсовой куртки водителя, обнаружил торчащую из-за пояса его брюк рукоятку пистолета Макарова. Водитель непроизвольно оглянулся.

— Стоять! Не двигаться! — сквозь зубы рявкнул старший, забирая пистолет. — Разрешение на ношение оружия имеется?

— А как же! — огрызнулся водитель. — И вообще, я работаю в аппарате правительства. Здесь мой шеф. У вас, ребята, будут неприятности.

— Где документы?

— В машине.

— Сейчас проверим, — старший открыл заднюю дверцу «Мерседеса» и толкнул в бок опиравшегося на капот шофера. — Залезай.

Тот покорно влез в свой автомобиль, усевшись на заднем сиденье. Двое с автоматами расположились по бокам от него. Один из них обратился к старшему:

— Иваныч, мы тут посидим, подождем, а ты иди, придержи за его шефом.

...Михаил Яковлевич Гохберг через распахнутые металлические ворота прошел во двор особняка, в котором недавно находилась известная нам фирма по продаже недвижимости. Засунув руки в карманы брюк, он вразвалочку направился в глубь двора, дошел до ступенек особняка, увидел амбарный замок на его дверях, медленно развернулся и внимательно посмотрел по сторонам. Двор был пуст. Он постоял немного, взглянул на часы, потом бросил нетерпеливый взгляд в сторону распахнутых ворот, за которыми проносились легковые автомобили. Ни его водитель, ни ожидаемый Горячев почему-то не появлялись. Постояв еще минуты две, он тихо двинулся назад, к воротам, и вдруг справа от себя из-за плотно растущих голубых елей услышал оклик:

— Не спеши, Гохберг.

Он, повернув голову вправо, замер.

— Иди сюда, я тебя давно поджидаю, — донесся знакомый голос.

Рыже-кудрявый приблизился к деревьям.

— Выходи, чего прячешься? — нервно произнес он.

Из-за елей показался Александр. Тихим шагом он подошел к Гохбергу чуть ли не вплотную, прямо и жестко глядя в его напряженно выпученные глаза. Тот не выдержал этого взгляда, занервничал, завертел головой, украдкой, искоса поглядывая в сторону ворот.

— Как дела, хозяин жизни? — по-прежнему не отрывая глаз от холеного лица Гохберга, с усмешкой спросил Александр.

— Нормально, — вымученно улыбнувшись, ответил тот. — А вот у тебя назревают проблемы...

— Гохберг, я знаю, что мне угрожал ты, — Александр уткнул кулак в грудь рыже-кудрявого. — К тому же ты не выполнил моего условия — не отвалил из России.

Бледный от внутреннего напряжения Гохберг попытался отвести от своей груди руку Александра. Но тот держал ее твердо.

— Крутой, что ли? — выдавил он из себя. — Ничего не боишься? А я тут, между прочим, с охраной. — Он опять повернул голову к шумной Сретенке.

— Это правильно, — спокойно сказал Александр. — Без охраны тебе никак нельзя. — Он опустил руку. — Ну так что, долго еще думаешь тут свет коптить? — Несколько секунд они молча смотрели друг другу в глаза. — До ап-

парата правительства, говоришь, добрался? А урок со Стаблером тебе не пошел впрок, как я понимаю. Что, очень нравится нашу кровь пить?

— За Стаблера ты еще ответишь... — рыже-кудрявый снова взглянул на часы. — Я вижу, говорить нам не о чем, да и времени нет базарить с тобой. Я думал, ты серьезный человек... И Нина Львовна просила за тебя... Для начала прокуратура с тобой разберется, а потом и мы... — Он повернул плечи, пытаясь уйти.

Александр сжал его руку выше локтя.

— Постой-постой... Мы не договорили...

Но в ответ Гохберг с разворота левым крюком попытался ударить своего противника в подбородок, однако лишь рассек воздух — Александр успел увернуть голову. В то же мгновение он перехватил левую руку Гохберга и заломил ее за спину, притянув к рыже-кудрявому затылку.

Гохберг согнулся и застонал.

— Я же сказал — мы не договорили. Спешить тебе некуда, рыжий ублюдок. Разве что к чертям на тот свет.

— Пусти, тварь!

Александр резким коротким движением дернул влево заломленную руку Гохберга. Раздался неприятный хруст сломанной кости. Гохберг взвыл. Александр отпустил сломанную руку и тут же сверху ребром ладони рубанул по шее рыже-кудрявого. Тот плюхнулся головой в асфальт и затих, сотрясаясь мелкой дрожью во всем теле. Александр толкнул его ногой в плечо. Гохберг вскрикнул, открыв слезящиеся глаза.

— Это тебе за «тварь» и за угрозы. А это — чтобы больше не поганил нашу землю и убрался отсюда как можно скорее.

Со всего размаху Александр правой ногой нанес удар по зубам Гохберга. Тот глухо, сдавленно зарычал, как смертельно раненный зверь, выплевывая кровь вместе с выбитыми зубами.

— А это — чтобы не передумал и запомнил мой наказ навсегда.

Александр вновь с силой ударил ногой по ребрам рыже-кудрявого деверя Нины Львовны. Тот затих и больше не шевелился.

Быстрым шагом Александр направился к воротам двора, где неожиданно для себя столкнулся с вышедшим из-за кустов Душкиным.

— Я всё видел, — тихо сказал Петр Иванович.
— А где его машина?
— Тут, за углом. Мои ребята контролируют. Но я все-таки решил тебя подстраховать на всякий случай. Мало ли что...
— Ну, спасибо. Пошли отсюда.
Они вышли на Сретенку и размеренным шагом, не привлекая к себе внимания, свернули в первый левый переулок, где стоял серебристый «Мерседес» с плененным водителем.
Петр Иванович открыл заднюю дверцу иномарки.
— Выходите.
Все трое вылезли из машины.
— В общем, так, — проговорил Душкин, с напором глядя на водителя, — через минуту, когда мы уйдем, заберишь своего шефа. Он там, во дворе. — Душкин бросил изъятый пистолет Макарова на заднее сиденье.
И вот еще что запомни, — добавил Александр. — Будете нас искать — пристрелим и тебя, и твоего шефа. Усек?
— Усек, усек... — ошарашенно пробубнил шофер «Мерседеса» и охранник Гохберга.
— С минуту не дергайся, — приказал ему Душкин. — Всё, пошли, — тихо обратился он к остальным.
Вчетвером они вышли на главную улицу, повернули налево и скрылись за ближайшим зданием.

Почти весь август Александр прогостил у своей матери в подмосковной деревне — там, где прошло его дошкольное детство, где впервые он поразился огромному полю цветов, что были с него ростом, где текла та самая речка, в которой он чуть было не утонул... Он приехал туда проститься со всем самым дорогим для его сердца. Он каждый день гулял по не скошенным полям и по лесу, где находил памятные тропинки детства и даже знакомые деревья, долго остававшиеся в его воспоминаниях. Там, в деревне, он остро почувствовал, как город калечит человеческую душу, озлобляющуюся, стервенеющую от каждодневной борьбы за выживание, за место под солнцем. А здесь солнца, света, неба и пространства было в избытке, а вот из людей остались одни старики. Хотя уже и тут — в стационарных палатках, в магазине и на рынке властно орудовали наглые кавказцы...

Александр колот дрова, косил траву возле материнского дома, помогал собирать первый урожай на огороде, но из его головы не выходила Элина и мысль о последней летней ночи.

В самом конце августа он вернулся в свою квартиру в Москве. Прежде чем поставить точку в своем решении, ему хотелось еще раз повидаться с единственным другом — Петром Ивановичем Душкиным.

В предпоследний августовский день Александр позвонил Душкину, договорился о встрече и вышел из дома. Стояла тихая августовская благодать, какая бывает всегда в нашей средней полосе перед приходом осени.

...Дергунов держался за Александром на расстоянии, достаточном, чтобы не упустить его из виду. На этот раз он был без пиджака, в безрукавке, надетой на серую рубашку. Когда Александр скрылся в метро, Дергунов ускорил шаг. По эскалатору он уже спускался бегом. На платформе он увидел свою жертву, одиноко прислонившуюся к колонне, и начал медленно приближаться. Когда из туннеля послышался шум движущегося поезда, Александр подошел к краю платформы. Для Дергунова это был самый ожидаемый, самый необходимый момент. Он решительно двинулся к спине своей жертвы. Расстояние между ними ежесекундно таяло, в последний миг их разделяли всего метра два...

Александр вдруг услышал сзади себя какой-то дикий, уробный вскрик. Он инстинктивно отшатнулся в сторону и с ужасом увидел, как буквально в метре от него человек, хватаясь за воздух руками, падает с платформы на путь перед приближающимся поездом, но успевает распластаться между рельсами, и поезд с грохотом и скрежетом тормозов пронесется над ним. Общий гвалт и женский визг оглушают платформу.

— Это он, он его туда толкнул, — кричит женщина, показывая рукой на удаляющуюся к выходу согнутую фигуру в затрепанной куртке, чем-то знакомую Александру, где-то уже виденную им.

«Не может быть... — вдруг соображает он. — Да это же Волк, Графаил-Волк... Откуда он тут?..»

Тем временем поезд дал задний ход, освобождая из стального плена человека, свалившегося с платформы. Тот с обезображенным от страха лицом, совершенно невредимый, но весь трясущийся и не произносящий ни звука,

встает на ноги, перешагивает через рельсу и пытается вскарабкаться на платформу. Его подхватывают мужские руки, вытаскивают наверх, и он, опустившись на колени, конвульсивно содрогаясь всем телом, начинает рыдать. И только тут Александр узнает в нем Дергунова. Прибежавшая на шум милиция поднимает его с колен и уводит к эскалатору.

Когда толпа зевак рассеялась и шум утих, Александр все понял. Он догадывался, но теперь окончательно убедился, что «клетчатый» Дергунов с самого начала отслеживал его, чтобы привести в исполнение чей-то приговор. И гибель от несчастного случая была бы самой желательной для тех, кто решил его убрать.

Он никуда не поехал и поднялся из метро на воздух. Во рту пересохло. Подошел к бочке с квасом, попросил продавщицу налить большой стакан. После первого же глотка он услышал сзади себя тихий хриплый голос: «Уходить надо. Совсем». Он оглянулся. Рядом с ним стоял Волк и жадными глазами смотрел на стакан с квасом. Александр протянул ему недопитый пластмассовый стакан. Волк схватил его черными пальцами и, громко, судорожно глотая, осушил до дна.

— Она тебя будет ждать, — глядя в землю, прохрипел Волк, бросил стакан и торопливо, сгорбившись, засемянил прочь.

В ближайшую ночь все было окончательно решено Александром. До их встречи оставалось менее суток.

Последний день лета заканчивался медленно и томительно.

Солнце закатилось за туманные холмы еще тогда, когда Александр по открытому широкому полю приближался к лесу. Издалека лес казался узкой черной полосой над темно-серыми холмами, постепенно сливавшейся с тускнеющим небом. По мере приближения лес становился все выше и все таинственнее. Наконец обозначились стволы деревьев, до слуха донесся шелест листьев и приглушенный шум колышущейся на ветру хвои. Александр быстро преодолел крутой склон травянистого холма, и лес встал перед ним во всю свою высоту — беспросветный, неприютный и жутковатый.

Последний летний день ушел в небытие. Он решил идти прямо, никуда не сворачивая. Наступала ночь, и в этой

густой мгле все равно бы он сбился с любой тропы. Александр знал только одно: идти, ничего не боясь, идти вперед, а там... «Там будет видно, — успокаивал он себя. — Точнее, там будет ничего не видно до тех пор, пока меня не остановит ее рука... Последней ночью лета...»

Он вошел во тьму леса, и вскоре просветы между деревьями исчезли за его спиной, кромешный мрак обступил со всех сторон, даже свет неба не пробивался сквозь плотную густоту шумящих ветвей. Осторожно, медленно, спотыкаясь о пни, натываясь на стволы и сучья, он продвигался вперед.

Время для него прекратило свое движение и потеряло смысл. Сколько он шел — невозможно было понять. Ноги ныли от ссадин, лицо и руки были исцарапаны, глаза слезились, но он все шел и шел. «Последней ночью лета...» — мысленно повторял он.

В конце концов Александр наткнулся на толстый ствол лежащего дерева и остановился. Ноги его дрожали и отказывались двигаться дальше. Вдруг ему послышалось, что где-то рядом хрустнула ветка, затем — кто-то тихо вздохнул. Александр замер, сердце учащенно заколотилось от волнения и надежды.

«Ты здесь?» — неуверенно спросил он полусшепотом. Но лес отозвался лишь порывистым гулом густой высокой хвои. Да где-то невдалеке неприятно заскрипела старая сосна.

Александр перелез через поваленный ствол и, стиснув зубы, медленно пошел дальше. Но после нескольких шагов ноги его подкосились и он обессиленно упал в росистую траву. Мышцы оцепенели, сознание стало затягиваться отупляющим туманом. Очнулся он от тихого прикосновения к его щеке холодной ладони. Он попытался схватить эту ладонь и не смог — руки не слушались.

«Лежи тихо и не шевелись, — услышал он ее голос. — Закрой глаза, не пытайся меня разглядеть, все равно ничего не увидишь. Еще не время...»

«Ты все-таки нашла меня, — радостно произнес он. — Я пришел к тебе... Я решил пойти с тобой, как ты говорила...»

Мягкая ладонь легла ему на волосы, затем быстрым движением ее пальцы коснулись его глаз, губ, опустились на шею и застыли на груди. «Как часто бьется сердце, — прозвучал ее шепчущий голос. — Я люблю слушать бью-

шееся сердце...» Александр почувствовал прикосновение ее губ к своим губам. «Обними меня, — прошептала она, — я должна слышать твое сердце. И мы полетим над миром вместе».

Александр ощутил силу в мышцах и легкость во всем теле. Деревья над ним расступились, и он увидел яркое звездное небо. Еще мгновение — и только лишь оно, как ему показалось, уже окружало его со всех сторон. Но внизу была земля, освещенная ночными огнями, которые, мерцая, проплывали мимо. Он летел над землей.

Опомнившись, Александр на миг испугался, оттого что ее нет рядом. «Ты где?!» — крикнул он во тьму и тут же почувствовал холодную ладонь у себя на запястье.

«Не бойся, я еще долго не покину тебя...» — услышал он ее спокойный голос.

2004—2005

Рассказы

НЕ ИЗМЕНЯЙ СЕБЕ

Сейчас я пытаюсь расставить по порядку всё произошедшее, стараюсь вспомнить, как и с чего это всё началось. Мне очень нужно поделиться тем, что я пережил, и осмыслить наконец случившуюся со мной невероятную историю. И я должен к чему-то прийти, определить смысл случившегося, найти выход для себя в своей грядущей жизни.

А было так. Помню, почти месяц я не мог написать ничего путного. Свежие мысли почему-то перестали озарять мою голову. Я ни на чем не мог сосредоточиться, что для меня было очень странно — как будто бы мне подменили и голову, и сердце.

Вот и в тот день всё валилось из рук, за что бы я ни брался. А когда садился за письменный стол, то, глупо уставясь в окно, смотрел в одну точку и не способен был вытянуть из себя ни одной серьезной идеи, ни одной новой мысли. Однако я сильно не переживал, такое отупение со мной иногда случается.

Я открыл черновые записи месячной давности и стал их просматривать. Это были литературные воспоминания. Я решил их переписать начисто и причесать в них язык. Тут нужно сказать о том, что недавно я приобрел компьютер, и теперь уже начисто не переписывал тексты от руки, а набирал на клавиатуре. Текст высвечивался на экране, и я мог быстро его править и изменять.

Мои литературные воспоминания могли кому-то не понравиться. В них было немало откровений, которые касались известных писателей и литературных функционеров. И потому публикация этих воспоминаний происходила с большим трудом, редакторы всякий раз пытались их пригладить или сократить.

Я включил компьютер. И только лишь набрал первую фразу, как зазвенел телефон, стоящий на моем письменном столе. С досадой я снял трубку.

— Виктор Иванович? — спросил незнакомый голос.

— Да, слушаю, — холодно ответил я.

— Вас беспокоят из Статистического отдела управы вашего округа. Мы хотели бы задать вам несколько вопросов. Скажите пож...

Меня всегда раздражали эти опросные звонки, врывающиеся в дом, как правило, в самый неподходящий момент. И я перебил бесцеремонный голос:

— Это вы мне лучше скажите, откуда вам известно, как меня зовут?

— Виктор Иванович, у нас есть списки всех жильцов округа, — прозвучал спокойный ответ. — Итак, сколько...

— Нисколько! — огрызнулся я, бросая трубку, и мысленно выругался: «Черт бы их побрал!»

Но когда вновь поднял глаза к экрану монитора, то с удивлением обнаружил, что фраза, набранная мной до этого телефонного звонка, исчезла. «О, Господи, — произнес я вслух, — вот уже и компьютер начал глючить...»

Вздохнув, я заставил себя успокоиться и через несколько минут уже снова переносил на экран черновой текст своих воспоминаний.

Однако работать в этот день мне, видимо, было не суждено. Опять зазвонил телефон. «Надо было его отключить», — подумал я, но все же с кислой миной поднял трубку.

— Извините за беспокойство, — пролепетал молодой женский голос. — С вами говорят из фирмы «Ростелеком». Вы пользуетесь междугородной телефонной связью?

— Ну пользуюсь. И что? — грубо сказал я.

— Наша фирма может предложить вам свои услуги с льготными тарифами. Если вы...

Но я не дал ей договорить, отрезав:

— Слушай, дорогая, предложи своей бабушке эти тарифы.

Я встал из-за стола и выдернул вилку из телефонной розетки. Но когда, раздосадованный, вернулся назад, то был удручен еще больше: набранный текст с экрана опять исчез.

«Та-ак... — проговорил я с угрюмой безнадежностью. — Это уже серьезно...»

И в это мгновение на экране монитора необъяснимым образом возникла бегущая строка. Я впился в нее глазами,

стараясь не пропустить ни одного слова. Бегущая строка гласила: «Не пиши больше никаких воспоминаний, а написанные не публикуй. Это в твоих интересах».

Если сказать, что я был поражен, то этого будет мало. Хотелось одновременно и хохотать, и материться. В сознание вонзился вопрос: «Что же это я за компьютер купил?»

Я подошел к окну, открыл форточку. В комнату хлынул холодный осенний воздух. Не боясь простудиться, стоял у окна и, вдыхая эту сырую прохладу, пытался взять себя в руки. Вдруг из динамика, стоящего на подоконнике и подключенного к компьютеру, послышался негромкий хрипловатый кашель: «Кхе, кхе...». По спине пробежал озноб. «Нет, надо выключить эту шарманку» — решил я, закрыв форточку и вновь садясь за стол.

— Пстой, не выключай, — прозвучал чей-то гнусоватый голос из динамика.

И в ту же секунду на экране монитора возникло изображение живого бородатого лица, глядящего на меня сквозь очки в толстой черной оправе.

Я оторопел и на какое-то мгновение потерял дар речи.

Это заросшее немолодое лицо явно усмехалось надо мной, оно, в чем нельзя было сомневаться, видело мою растерянность.

— Не бойся, — с усмешкой заговорила компьютерная голова, — я тебе ничего плохого не сделаю.

— Ты кто такой? — еле выдавил я из себя.

— Не бойся. Я только Наблюдатель, виртуальный голем или просто виртуол. Мы можем общаться лишь при включенном компьютере. Если не возражаешь, давай переберусь на твой диван, а то через экран беседовать как-то не очень сподручно.

Голова ослабилась, показав короткие желтые зубы.

— На диван?.. — ошарашенно переспросил я, ничего не понимая.

— Ну да, — донесся до слуха гнусоватый голос сзади меня.

Я обернулся, ощущая в висках колотящееся сердце.

На моем диване, закинув ногу на ногу, сидел бородатый субъект неопределенного возраста в синем спортивном костюме и домашних тапочках.

— Тебе чего здесь надо? — приглушенно пробубнил я с подавленным сердцем. — Что за шутки такие?

— Успокойся, успокойся, — он опустил закинутую ногу и почесал заросшую шею. — Теперь это будет обычным

явлением. Новая компьютерная разработка. Ты далеко не первый, к кому я прихожу: за многими наблюдаю. Моя задача оберегать вас, в особенности творческих людей, от ненужных мыслей и, вследствие этого, от опасных поступков. Я один из виртуолов программистов нового поколения. Скоро в Глобальной Сети мы будем приставлены к каждому пользователю Интернета. Если тебе мой внешний вид не нравится, могу легко его сменить. Хочешь, буду во фраке с белой бабочкой, хочешь — в военной форме... Но вот так, — он погладил себя по ляжкам, — как-то по-домашнему, уютнее.

Он хрипло закашлялся, придерживая очки.

— Извини, что-то с голосом у меня. Расстройство системы. Видать, у вас тут кабель бракованный протянули. Надо будет прислать халдеев.

— Каких халдеев? — не понял я.

— Да ты их не пугайся. Они молчаливые. Придут, протестируют сеть и уйдут. А то что-то мой голос мне не нравится.

Он снял очки и взглянул на меня маленькими, округлыми и, как мне показалось, фиолетовыми глазами.

Я потихоньку начинал приходить в себя, ко мне возвращалась способность соображать. «О, Боже мой, до чего додумались! Программисты хреновы... Наблюдателя в дом втюрили... Этого еще не хватало...» Я уже с некоторым интересом смотрел на бестелесное бородатое чудовище, сидящее на моем диване.

Он снова напялил очки.

— Не ругайся, скоро нам спасибо скажешь за то, что мы уберем тебя от многих несуразностей. Давай-ка вместе подумаем, зачем ты кропаешь свои воспоминания дурацкие? Правду-матку хочешь открыть кому-то? Низвергнуть авторитеты? Скомпрометировать известных людей — причем даже ушедших в иной мир? Зачем? Для чего тебе это надо? Желает прослыть умником, правдоискателем? Послушай меня, им там, в запредельном мире, и без того плохо. Таскают они свои грехи-бульжники, и попросить за них или, как вы говорите, помолиться некому. А тут еще ты со своими откровениями, — бородатый виртуальный хмырь развел руками. — Короче, просят тебя поумерить свой пыл, ну, в общем, поостепениться немного, не лезть на рожон... Ведь хуже будет не столько им, сколько тебе...

— Мне? — я искренне удивился. — В каком смысле?

— А в том смысле, дорогой Виктор Иванович, что и ты пойдешь вместе с ними таскать свои булыжники. Грехи то есть. А их у тебя не меньше.

— И кто же это просит?

— Просит мое руководство — Глобальная Сеть. А мы лишь озвучиваем...

— Вон оно как! — я усмехнулся. — Это что — новое всевышнее око?

— Правильно соображаешь. — На заросшей физиономии застыла неприятная желтозубая улыбка.

Я уже немного осмелел и возразил ему с иронией:

— Какие вы заботливые, однако...

— Да-да, Виктор Иванович, именно так, заботливые.

— И много вас, виртуолов бесцеремонных?

— Уже много.

— Это что, новая ипостась бесов, — совсем расслабился я, — теперь уже компьютерных? Нагло врывается в дом, угрожаете...

— Ни в коем случае, — он замахал руками, — нет, нет, мы не бесы. Выключи системный блок, и меня не будет. Разве я тебе угрожаю? Оберегаю, Виктор Иванович, о-бере-га-ю.

— Оберегает он... Ангел нашелся... Кстати, а имя у тебя есть?

— Я же сказал — Наблюдатель. Только лишь Наблюдатель. Моя задача — попросить, предупредить. Но есть и другие... Они ведут себя по-другому...

Я поднялся со своего места и, приблизившись к дивану, тихо произнес:

— Опять угрожаешь...

— Напоминаю, — послышался голос сзади меня.

Я машинально оглянулся. Бородатая физиономия уже торчала на экране монитора и ехидно ухмылялась. Диван был пуст.

— Да-да, напоминаю, Виктор Иванович, что в скором времени к тебе придет твоя старая знакомая.

— Какая знакомая? — не понял я.

— Неужели забыл? Ну как же?... Ночь, коммуналка, белое платье в темном окне на восьмом этаже...

Я вновь содрогнулся. «Он и это знает» — мелькнуло в сознании.

— Виктор Иванович, мы про тебя знаем всё. Потом к тебе придет Наставник, а потом Судья...

Мои нервы не выдерживали этого кошмара. Я готов был сорваться на крик.

— Слушай, ты, виртуальный монстр, я ведь могу и разбить эту шарманку!

— Уже не можешь. Без компьютера ты как без рук. Всё, дорогой, увяз. Ты теперь наш. И к тебе приставлен Наблюдатель.

Быстрым шагом я подошел к компьютеру и нажал на кнопку выключения. Экран погас, а в динамике, угасая, проскрипел хриплый кашель: «Кхе, кхе, кхе...»

Я стоял, тяжело дыша, с гудящей головой, точно меня огрели оглоблей. «Да что же это такое происходит? — спрашивал я неизвестно кого. — До чего мы дожили! Всё, конец человеческой свободе. Теперь они приходят в дом и диктуют, что делать, что писать, что говорить... И всё про тебя знают... Это похлеще концлагеря... Наблюдатели...»

Обхватив голову руками, я рухнул на диван и закрыл глаза. В моей памяти всплыла картина тридцатилетней давности. Да, конечно, я ничего не забыл, потому что не помнить этого невозможно.

...Я сидел поздней ночью в своей одинокой маленькой комнате, когда в нашу коммунальную квартиру кто-то позвонил. Я сидел в долгом раздумье над новой повестью и этот звонок воспринял с раздражением. Мне очень не хотелось подниматься и открывать дверь, как я подумал, загулявшему соседу. Вздыхнув, я встал и, про себя ругая всю соседскую пьянь, вышел в прихожую. Звонок вновь издал продолжительный дребезжащий звук — видимо, тот, кто был за дверью, по моему разумению, не собирался долго ожидать и желал быстрее разбудить хоть кого-то из нашей квартиры. Звон прекратился, как только я сделал первый поворот ключа в двери. Когда же с недовольным выражением лица я открыл дверь, то разозлился еще больше и подумал, что со мной, помимо всего, еще и поиграть решили: за дверью никого не было. И, главное, меня поразило то, что я не слышал ни удаляющихся шагов, ни какого-то шороха, когда открывал замок. Я вышел на площадку, посмотрел в лестничный пролет, вызвал лифт — все было пусто. В сердцах чертыхнувшись, я захлопнул входную дверь квартиры, вошел в свою комнату и уже без желания уселся за письменный стол, пытаясь припомнить ту мысль, что

мучила меня во время работы над рукописью. Однако настроиться на творческий лад уже не удавалось. Из головы не выходил этот злополучный звонок...

Наверное, на каждого человека, который ночью остается один в комнате и — пишет, читает или просто думает, — должно быть, на каждого очень неприятно действует колючий дверной скрип. Честно говоря, у меня аж мурашки по спине пробежали, когда дверь моей комнаты мерно за скрипела. «Нет, — подумал я, — сегодня я вряд ли смогу работать. Сколько раз я слышал этот скрип — и ничего, а тут даже вздрогнул... А ведь это все тот звонок, будь он не ладен...»

Спать мне не хотелось — я выспался днем, потому что привык работать по ночам.

Я взял лежащую рядом какую-то книгу, желая немного отвлечься, успокоить нервы. И вдруг!.. Даже теперь помню, что прежде всего боковым зрением я ощутил на себе чей-то пронзительный взгляд. Я оцепенел, не решаясь повернуться в ту сторону, откуда он исходил. Еще не успев сообразить, что этот притягивающий взгляд исходил от окна, я услышал тихий стук в стекло. Так могли стучать только пальцами рук. С учащенно колотящемся сердцем я резко повернулся к окну. Но за ним висела темнота, и лишь где-то вдалеке тускло светились белые шапки уличных фонарей.

Я не мог ничего понять и с глазами, полными недоумения, сидел, неподвижно уставившись в ночное окно. «Уж не с ума ли я схожу?» — подумалось мне. От этой мысли похолодело под сердцем.

В квартире снова зазвенел звонок. Услышав его, я словно одеревенел. Подняться уже не было сил. Даже пошевелиться было великим трудом, как во сне, когда видишь опасность, хочешь бежать и не можешь — нет сил. Звонок прозвучал лишь один раз.

«Что за бесовщина! Я ведь, кажется, не сплю...» — дрожая всем телом, подумал я и закрыл глаза. Когда же я их открыл, то, ужаснувшись, в прямом смысле онемел. В окне во весь рост стояла женщина и невыносимо синими, широко раскрытыми глазами в упор смотрела мне прямо в глаза. Ее взгляд пронзал меня насквозь. Она стояла не шевелясь в длинном белом платье, но ладони ее были прижаты к стеклу. Я видел вытянутые тонкие расставленные и совершенно белые пальцы, такое же бледное и довольно

худое лицо с большими неморгающими глазами. В этот момент я вспомнил, что живу на восьмом этаже...

«Уж не смерть ли пришла ко мне? — мелькали в моем сознании лихорадочные вопросы. — Или, может, напоминание о ней — это видение?..» Прошло лишь несколько мгновений этого невыразимого явления, как белая женщина, очутившись в моей комнате, остановилась рядом со мной. От нее исходил жуткий холод. Я, дрожа всем телом, сидел перед ней и не решался пошевелиться. Она по-прежнему продолжала смотреть мне в глаза. И я не выдержал: собравшись с силой и решимостью, преодолевая физическую слабость и неимоверный страх, кое-как встал и отпрянул от нее в самый угол комнаты.

Она в первый раз улыбнулась.

— Не пугайся так, — громко чистым высоким голосом произнесла белая женщина. — Я не смерть твоя. Я твоя жизнь.

— Ж-жизнь?.. — заикаясь, пробормотал я из своего угла. — Разве такое возможно?

— Не только возможно, это происходит почти у каждого...

— У каждого?.. Никогда не слышал...

— Правильно. Об этом другим говорить нельзя, это чисто твое, очень личное. Я — твоя сущность, данная тебе от Бога.

— Что-что?.. — пораженный, не понял я.

— Твоя суть, заданная Свыше. Или, проще говоря, Судьба. Почти все люди однажды встречаются с глазу на глаз с собственной Судьбой. Вот наступил и твой час.

— Что тебе нужно? — прошептал я в ужасе.

— Многое. Я знаю, ты не любишь свою Судьбу. Ведь так?

Я боялся что-либо ответить, однако даже в таком состоянии понимал, что судьбу обмануть нельзя.

— Да, не люблю, — опустив глаза, безнадежно пролепетал я.

— Ты сказал правду, — она неподвижно стояла на том же месте. Лицо ее не выражало ничего, громадные синие глаза будто выворачивали меня наизнанку, от них невозможно было что-то скрыть, они читали все мои мысли.

— Так и есть, ты не любишь меня, это правда. Ты всегда ругал свою Судьбу, и сегодня не спешил открыть дверь, когда я пришла к тебе.

— Ну и... зачем ты пришла?

— Успокойся, — уже мягче сказала она. — Мы с тобой едины. До сих пор я оберегала тебя от многих несчастий, хотя и счастьем не позволяла к тебе приблизиться... Мы прожили одну жизнь, и каждый твой шаг я вижу как теперь. Ты хотел выглядеть в лучшем свете, ты желал другой, блистательной жизни и уже прочил себе завидное будущее, но продолжал оставаться человеком без удачи, стремящимся многого добиться и так ничего пока и не достигшим. Во всех неудачах ты винил меня. А я вместе с тобой переживала все твои огорчения и потери. Многие женщины любили тебя, и лишь здесь ты сохранял верность себе, а, значит, и мне. Ты страдал, порывая с ними, но догадывался о моем существовании, и я оставалась на твоей стороне.

— Ты говоришь обо мне, как о покойнике, — перебил я ее.

— Теперь ты вступаешь в новую жизнь. До сих пор я проверяла тебя на прочность, на верность мне. И, несмотря ни на что, ты не изменил Судьбе, ты верил в свою звезду, и она не угасла... До сегодняшнего дня я вела тебя за собой трудной, печальной дорогой. Мало ты познал на ней радости, часто бывал несправедлив к встречным, подчас жесток, скрытен, но все же ты шел за мной, не сворачивая на легкий путь. Я берегла тебя как могла, ты верил мне, и мы выжили. Самое трудное позади. Теперь я в твоей власти. Ты знаешь свой путь и уже с него не свернешь. Но запомни, теперь ты должен оберегать меня и всегда обо мне помнить. И я прошу тебя только об одном: никогда не изменяй своей Судьбе.

Ошеломленный, я застыл, прижавшись к стене, и пытался вникнуть в смысл слов этой сверхъестественной гостьи. Мы долго молчали, тревожно глядя друг на друга. Потом я, стараясь говорить спокойнее, спросил:

— А что мне нужно делать?

— Оставаться самим собой. Первое — всегда быть честным. Не изменяя себе, ты и Судьбе не изменишь.

— Скажи, Судьба, — осмелев, проговорил я, — ты и дальше останешься рядом со мной?

— Да, теперь ты будешь чувствовать мое присутствие, я стану помогать тебе в твоих делах, но, повторяю, они не должны идти против твоей совести. Ты достигнешь того, о чем мечтал, если будешь достоин своей звезды, если не изменишь самому себе.

— Но... наверное, никто другой не должен знать о тебе, — тихо промолвил я.

Она усмехнулась.

— Мы существуем только друг для друга. Ты один способен видеть меня и слышать. Для остальных меня просто нет. У них своя Судьба. Что тебя еще волнует?

Я заметил, что вполне справился с робостью, мое сердце билось ровно, и я уже мог выдержать ее острый взгляд.

— Если ты все знаешь, то скажи, буду ли я когда-нибудь счастлив в любви?

Я очень удивился, когда она впервые за все время нашего разговора потупила свои большие глаза. После секундной заминки, откинув с плеч свои светло-золотистые волосы, она грустно сказала:

— Я все знаю, но ничего тебе не скажу заранее. Помни, чему я тебя учила, это — главное...

— Судьба, могу ли я прикоснуться к тебе? — промолвив это, я уже сделал шаг вперед и попытался подойти к ней ближе.

— Нет! — вскрикнула она, и ледяной ветер заставил меня отшатнуться на прежнее место. — Никогда не приближайся ко мне. — Ее глаза приняли зловещий зеленый оттенок. — От нашего прикосновения друг к другу мы оба погибнем. Ты — как личность, я — как твоя Судьба. Видишь — я меняюсь, когда начинаю раздражаться. Прошу, не вынуждай меня изменяться, ведь вместе со мной изменишься и ты... Береги свою Судьбу, не рискуй ею понапрасну. Жить — это еще не главное для человека. Жить ты сможешь и без меня. Но что толку от такой жизни. А вот иметь Судьбу, быть верным ей до самой смерти — ради этого стоит жить. Я же не умру никогда, я — твой ментальный образ, живущий на земле.

— Как душа?

— Нет. Душа уйдет в иной мир, а я останусь в этом, среди людей, как нескончаемое напоминание о тебе...

Я хотел еще о чем-то ее спросить, но в этот момент раздался стук в дверь моей комнаты. Белая женщина отошла к окну. Стук повторился с большей настойчивостью. Подойдя к двери словно на ватных ногах, я ее слегка приоткрыл. В коридоре стояла пожилая соседка по нашей коммуналке — в мятом халате, из-под которого свисала ночная рубашка.

— Это ты звонил в квартиру? — сонным, хриповатым голосом спросила она.

— Да, долго не мог ключ найти, — придумал я тут же. — Потом нашел — в сумке.

— А я смотрю — свет у тебя горит, значит, не спишь. Дай, думаю, спрошу. Моя-то, Любка, зараза оглашенная, до сих пор домой не заявила. Всё, небось, в дискотеке торчит. Чтоб ей там ноги поотрывали... Ладно, извини, что беспокоила...

Я быстро закрыл дверь и повернулся к окну. Но белой гостьи там уже не было.

До утра я не сомкнул глаз. Это невероятное, фантастическое «явление Судьбы» стояло перед глазами и надрывало душу. «Что это было — сон или явь? — мучил я себя неразрешимыми вопросами. — И как теперь жить? Что же — взвешивать каждый шаг, обдумывать любой поступок, любое движение, чтобы, не дай Бог, не изменить «Судьбе»?

До утра я был в полной растерянности и каком-то парализующем недоумении. Мысли и вопросы накатывались бесконечным потоком. В конце концов, когда уже рассвело, я взял себя в руки: «Нет, нет, дорогой, остановись, так и вправду можно рехнуться. Живи как жил. Все нормально, не паникуй. Будь самим собой... А там — посмотрим... Бог даст, не пропадем...»

Во второй раз она пришла только через двадцать лет. За прошедшие годы она ни разу не напомнила о себе, хотя, конечно, сам я никогда не забывал о ее существовании.

Она пришла еще более неожиданно, нежели первоначально — я даже не сразу понял, как это произошло. Я вдруг увидел ее в кабинете своей квартиры сидящей в кресле. Я вздрогнул, холодок прошел по всей груди, однако испуг был недолгим. Я быстро справился с собой, стараясь как можно хладнокровнее смотреть в ее большие глаза, потому что сразу узнал ее.

Платье на ней было таким же белым и длинным, как и прежде, и только черты лица заострились, немного потускнели, она стала старше. И в то же время ее глаза показались мне более спокойными, чем раньше, хоть на губах и застыл оттенок страдания.

Мы несколько минут молча, выразительно смотрели друг на друга. Я первым не выдержал этой гулкой тишины. Сев на стул возле письменного стола, тихо произнес:

— Ты приходишь, когда я тебя не жду...

Она опустила глаза и посмотрела на свои бледные руки. Пальцы ее были такими же тонкими, хрупкими и длинными, они лежали неподвижно на подлокотниках кресла. Я тихо добавил:

- Мне кажется, наша встреча произошла вовремя...
- Не торопись...

Она подняла на меня свои синие пронзительные глаза, отчего мороз пробежал по коже. Я услышал, что ее голос стал более низким, нежели двадцать лет назад.

— Ты хочешь сразу узнать причину нашей встречи. Не спеши. Она тебе известна.

После минутной паузы она продолжила:

— Ты наделал много непоправимого в своей жизни. Ты освободился от всего, что тебе мешало, и вот — остался совсем один. Тебе плохо. Твою душу съедает тоска по потерянному. У тебя опустились руки, свет растаял в твоих глазах, ты стоишь на грани... отчаяния. Я могла бы прийти раньше, но тогда ты не познал бы всей своей печали...

В тот момент я все понял. На моем лице, наверное, не отразилось ни малейшего признака удивления.

— Что же мне теперь делать? Куда идти дальше?

— Оставаться самим собой, ни о чем не жалеть, не бояться и не отчаиваться.

Я закрыл лицо ладонями и тяжело вздохнул.

— Но как мне быть со своим сердцем? Оно не может избавиться от этой страшной муки, от этой заразы, отравившей мою кровь и сознание, от бесконечной, жуткой, ноющей тоски?! Я уже столько раз думал о смерти!

— Знаю. Успокойся. Я все знаю. Такова твоя природа. Ты никогда не станешь другим. Ты родился со своей тоской, и она не покинет тебя. Иначе ты был бы иным человеком, и яркие озарения не посещали бы твою душу. Поэт без этой муки, без обостренной тоски — пустой рифмоплет. Только то сердце, которое прошло через страдания, потери и самопожертвования, приближается к истине. Это твой путь. И никогда не возвращайся назад в своей жизни. Никогда не восстанавливай сожженные мосты. Там — для тебя гибель.

Я слушал с закрытыми глазами, не отводя ладоней от лица, и один лишь вопрос сверлил сознание: «Господи, Господи, за что же это мне?..»

— Не мучай себя ненужными вопросами, — звучал ее голос. — С нашей первой встречи прошло двадцать лет.

Уже тогда ты был верен своей Судьбе. Я просила тебя не изменять самому себе, и ты выстоял на своем пути, хотя было столько соблазнов, столько угроз, столько оправдывавших тебя обстоятельств... Ты разлучился со всеми, ты остался один, а значит — со мной... Более всего я ценю верность. Верность себе...

Я опустил руки на колени и несколько иронично сказал:

— А ты самолюбива...

Затем после некоторой паузы проговорил:

— Тебе легче. Но я — человек...

— Ошибаешься, — она сжала в кулаки порозовевшие пальцы. — Мне не легче. Дух страдает сильнее человека. Ты делал много ненужного, лишнего, отчего мог погибнуть в быту, в скандалах, оказаться в тюрьме, тебя не раз могли просто убить... За тобой следят, тебя преследуют и те, кто любит, и те, кто ненавидит. На тебя накладывали порчу, тебя окружали вампиры... Ты этого не знал. Я — знала и берегла. Ты часто забывал обо мне, а ведь я просила тебя помнить о своей Судьбе, не бросаться ею, не размечивать на мелочь...

— Боже мой... — обреченно выдохнул я и опустил голову. — Как я устал! Я страшно устал...

В комнате образовалась долгая тишина. На книжном шкафу стучал маленький будильник. Портреты писателей среди книжных полок грустно слушали наш диалог. Свет настольной лампы подчеркивал тонкие черты ее худого лица.

— Это пройдет. Ты восстановишься. Я пришла напомнить о себе. Тебе надо отойти подальше от больного прошлого, на время обо всем забыть, чтобы вновь всё вспомнить, находясь в другом качестве — духовно обновленным. Ты сможешь, я знаю...

Когда я поднял голову, ее уже не было.

— Подожди, побудь еще минуту, — спохватился я. — Когда я тебя увижу, через сколько лет?

И вдруг возле самого уха ясно услышал легкий женский шепот: «Время пролетит быстро...»

С того дня истекло еще десять лет. Виртуальный Наблюдатель, видимо, знал, что говорил. И вот теперь я должен был жить в постоянном напряжении, в предвкушении

скорой новой встречи с этой фантастической гостьей, назвавшейся Судьбой. Неподвластная здравому рассудку необъяснимость ситуации, ожидание неизвестно чего были для меня уже невыносимы. Несколько дней я не находил себе места в своей квартире, то и дело озирался по сторонам, напряженно реагируя на каждый шорох, на каждый подозрительный звук и даже на движение воздуха.

Я забросил работу, не включал компьютер и старался меньше находиться дома. Но долго так продолжаться не могло. Уже готова была, как говорят, «поехать крыша», и я бы точно оказался в психушке. Причем не помогли ни снотворное, ни успокоительные таблетки.

И тут я вспомнил про отца Владимира, служащего в Сергиевом Посаде, в Лавре, у которого не раз исповедовался и причащался. Я поехал к нему. Отстоял утреннюю службу, затем подошел к батюшке и попросил уделить мне несколько минут. Он согласился. Я поведал ему всё: и про компьютерного виртуола, и про белую женщину. Отец Владимир внимательно выслушал и отнесся к моему рассказу спокойно.

— Знакомая история, — с грустью взглянув мне в глаза, сказал он. — В последнее время подобные вещи стали происходить довольно часто. Работы нам прибавилось...

— А что это такое? Что происходит? — не удержался я от вопроса.

— Твоя белая женщина — это срединный дух, существующий между низшим и высшим мирами. Это сохранившиеся бывшие языческие божества, утратившие духовную силу и значимость. Он, этот дух, и не бес, и не ангел. И хотя большого вреда от него может и не быть, все же не надо впадать в прелесть и в заблуждение, он способен толкнуть тебя на ложный путь. Прилепившись к человеку, он порой сопровождает его всю жизнь. Они, эти срединные духи, обуянные нереализованной гордыней, напускают на себя невероятную важность, и человек начинает верить, будто они и вправду чуть ли не посланники Божии. Своей атаке они подвергают, как правило, людей впечатлительных, склонных к воображению, легко открывающих души всему таинственному и фантастическому. Смотри, будь осторожен: если вы соприкоснетесь, то она, эта белая женщина, войдет в тебя и станет злым духом.

— Отец Владимир, — вновь задал я нетерпеливый вопрос, — так как же мне избавиться от них, от этих видений?

— У нас есть чин-последование молитв, — поспешил успокоить меня священник. — Их надо совершать с соответствующими обрядами у тебя дома. Ну и квартиру необходимо освящать. Чтобы даже компьютерные големы не могли объявляться. А то ты на самом деле сживешься с ними и душу свою потеряешь, сам в зомби превратишься. Это опасные вещи. Надо торопиться. Готовься. Накануне три дня постись, утром и вечером читай вслух «Отче наш». Мы договорились о дне освящения квартиры.

На столе посреди комнаты стояли подсвечник с тремя зажженными свечами и кувшин со святой водой. Рядом лежали Евангелие и бронзовый настольный крест. Отец Владимир, облаченный в черную рясу, с большим крестом на груди совершал начальные молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречистыя Твоя Матере и всех святых, помилуй нас... Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе».

Батюшка приехал ко мне вечером на четвертый день после нашей встречи. Переоблачился, осмотрел квартиру.

— И в комнате, и на кухне, — строго сказал он, — должен висеть крест на стене и образ Спасителя. Над кроватью повесь икону Богородицы и своего Ангела. Обязательно. Враги рода человеческого Их не переносят. А наваждения твои — по грехам. Мало молишься, мало причащаешься, поддаешься страстям и пустым фантазиям. Грехов много накопил, вот и липнут к тебе демоны.

Он зашел в ванную, тщательно вымыл руки, затем повел меня к горящим свечам.

— Исповедуйся.

После моей исповеди, отпущения грехов и моего приобщения Святых Христовых Таин отец Владимир приступил к обряду освящения жилища. На всех четырех стенах комнаты и кухни он начертил елеем крест и после возгласа «Благословен Бог наш...» начал молитвенное пение: «Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли, — громко произносил он. — Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого».

Я, захваченный важностью и торжественностью события, стоял не шелохнувшись, как при своем взрослом крещении несколько лет назад. Душа моя облегченно радовалась, я доподлинно физически чувствовал это облегчение, точно сваливались с души черные, липкие греховные наслоения.

«Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняяй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякие скверны, и спаси, Блаже, души наша», — звучал низкий голос священника. — «Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси, и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него. Яко Той избавит тя от сети ловчи и от словесе мятежна. Плещма Своима осенит тя, и под криле Его надеешися. Оружием обыдет тя истина Его, не убоишия от страха ношнаго, от стрелы летящия во дни, от вещи во тьме преходящия, от сряща и беса полуденнаго...» («...Избавит тя от сети ловчи и от словесе мятежна...» — повторял я про себя вслед за голосом бдютюшки, и слова эти проникали в самую глубину души, потому что казалось мне в ту минуту, что нет ничего точнее и прямее этих слов по отношению ко всей моей жизни.) «Не приключится тебе зло и язва не приблизится к жилищу твоему...»

Повернувшись ко мне спиной, отец Владимир произнес:

— Господу помолимся. Повторяй за мной: «Господи, помилуй».

— Господи, помилуй, — отвечал я, осенив себя крестным знамением.

«Твое бо есть, еже миловати и спасати ны, — возглашал священник, — Боже наш, и Тебе славу воссылаем, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков».

Святой водой из кувшина, стоящего на столе, отец Владимир окропил четыре стены моей комнаты, а затем со словами «Благословляется дом сей помазанием святого елея сего, во Имя Отца, и Сына, и Святого Духа», крестообразно ознаменовал стены святым елеем там, где был начертан крест. Взяв подсвечник с горящими свечами, он поднес его к каждому начертанному на стенах кресту, «который есть щит, оружие против диавола и знамение победы над ним... печать, чтобы не коснулся нас «ангел погубляющий», как сказано в Священном Писании. Вернув подсвечник на стол, отец Владимир произнес слова Христа

из Евангелия от Луки: «Ныне пришло спасение дому сему, потому что и он сын Авраама; ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее».

«Спасти погибшее» — отозвалось, как удар колокола, в моем сознании.

После освящения квартиры отец Владимир еще долго совершал надо мной молитвы чина-отчитывания, слова которых я слышал впервые и потому не запомнил. Я стоял перед ним на коленях, и слезы сами собой текли по моим щекам. Это были одновременно и слезы радости, и слезы горечи по моей недостойной, погрязшей в грехах прошлой жизни.

Когда всё закончилось и отец Владимир благословил меня на новую, чистую жизнь, я ощущал такую легкость во всем теле и такой свет в сердце, какие были только в детстве, когда я бежал по цветастому лугу босиком под ярким солнечным небом и казалось мне, что еще чуть-чуть — и я взлечу...

Отужинав с красным сухим вином, мы с батюшкой вышли в темную осеннюю прохладу. Минут пять мы шли до шумного, сверкающего огнями проспекта.

— Запомни, что я тебе сказал, каждое утро и вечер читай молитвы, два раза в месяц ходи на исповедь и причащайся, — продолжал наставлять он. — И не думай ни о каких видениях, забудь про них. Тогда и они про тебя забудут. А еще лучше — женись, я и обвенчаю. Сразу всё встанет на свои места.

На проспекте я быстро остановил частника и, заплатив ему, попросил отвезти батюшку в Сергиев Посад. Перед тем, как сесть в машину, отец Владимир обнял меня по-отечески, потом тихо сказал: «Поздравляю. Живи с Богом. Всё будет хорошо. Приезжай на мою службу по праздникам».

Когда я возвращался к своему дому, холодный ноябрьский воздух мне казался горячим...

Несколько дней я прожил в полном покое. Виртуальный Наблюдатель больше не давал о себе знать, хотя приходилось не раз пользоваться компьютером. Правда, продолжение литературных воспоминаний я пока отложил...

Комната моя наполнилась образами Спасителя, Богородицы и православных святых. Над кроватью я повесил восьмиконечный крест, как велел отец Владимир.

Всё как будто бы установилось, уравнилось в моей жизни, и душа, казалось, освободилась от муторной, давящей маяты.

Но вчера... Вчерашним вечером я стоял у незашторенного окна и, задумавшись над сюжетом нового рассказа, глядел во тьму. Я стоял так несколько минут, ни во что не вглядываясь, не различая никаких очертаний за окном, и не сразу ощутил этот взгляд, не сразу, приподняв голову, понял, что на меня смотрят из-за темного окна ее большие синие неморгающие глаза. Со спазмом в горле я непроизвольно отшатнулся назад. Передо мной все четче, все острее проявлялись бледные черты ее лица, белое платье и тонкие пальцы, прижатые к стеклу с обратной стороны.

Все чувства во мне замерли, и жуткий холод сковал мое тело.

Мы долго смотрели друг на друга. Губы ее были плотно сжаты и выражали страдание. Светло-желтые волосы беспретпетно лежали на плечах, словно воздух за окном был совершенно недвижим.

Но вдруг резким неожиданным толчком в меня ворвалось сильнейшее притяжение, исходящее из ее пронзительных глаз, охватив непреодолимым желанием приблизиться к ней. Я сделал два шага вперед, приподнял руки и приложил ладони к стеклу точно там, где были прижаты ее тонкие длинные пальцы. Наши руки разделяли всего несколько миллиметров оконного стекла.

Губы ее дрогнули, разжались, она что-то неслышно проговорила. Но по шевелению губ, мне кажется, я догадался, что она сказала: «Не изменяй себе». Из ее неморгающих глаз выплыли две синие слезы, медленно проскользили по бледным щекам и упали на белое платье, застыв там двумя синими пятнами.

Еще через несколько мгновений очертания этого белого видения начали постепенно размываться, делаться все тоньше, серее, незаметнее, пока совсем не растворились в черноте окна. Я опустил руки и прижался лбом к холодному стеклу. И я уже знал, что мы расстались навсегда.

2006

ПЕРЕД УХОДОМ

Серый осенний день угрюмо погружался в вечерний сумрак. Хоть и редкие, но тяжелые капли дождя, гонимые порывистым ветром, с шумом падали на карниз, забывая еле слышимый, торопливо-ровный стук часов, стоящих на книжном шкафу. Неожиданно за стеной у соседей громко заработал телевизор. Зычно кричащие голоса, заглушая друг друга, слились в сплошной гудящий гвалт, как будто каждый из этих голосов силился исторгнуть в эфир наибольшее количество слов.

Вадим устало опустился на диван и сомкнул глаза. Нервы и все чувства противились этому истерическому гвалту. Через минуту он резко встал и со всей силы начал стучать кулаком в стену. Телевизорный ор мгновенно оборвался, на что Вадим почти не надеялся. В возникшей тишине слух вновь уловил торопливый стук часов и неровную дробь капель, падающих на карниз.

«Наверное, жена опять придет поздно, — подумалось ему. — Тем лучше».

Вечерний сумрак быстро сгустился, наполнив комнату холодной, неприятной тьмой. Вадим включил настольную лампу. На письменном столе лежал Новый Завет. Он постоянно перечитывал его, когда всё стихало в доме и за окном, снова и снова возвращаясь к потрясающему сердце описанию земной жизни Христа. Заложенная страница начиналась со слов: «...если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам, И Он придет обличит мир о грехе и о правде и о суде. О грехе, что не веруют в Меня; О правде, что Я иду к Отцу Моему, и уже не увидите Меня; О суде же, что князь мира сего осужден. Еще много имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас

на всякую истину; ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам...»

Прочитав эти строки, он встал из-за стола и подошел к окну. Перед его глазами простирался вечерний город, залитый искусственным светом. Взгляд его привлекла темно-синяя полоса холодного осеннего неба, застывшая на закате. Эта зыбкая небесная полоса над сияющим желтыми огнями городом, казалось ему, таила в себе единственную для его души надежду на какой-то просвет в оставшейся жизни.

Он услышал, как хлопнула входная дверь его квартиры. Посмотрел на часы. Они показывали половину одиннадцатого. Выйти из своей комнаты к жене он не посчитал нужным и продолжал стоять у окна, глядя с двенадцатого этажа на вечернюю Москву.

По звукам в прихожей он ясно различал, как она сняла плащ и туфли, как, почти бесшумно шурша по паркету, прошла в свою комнату, затем на кухню. «Сейчас она войдет ко мне и опять начнет выяснять отношения», — точно знал он. Ему не хотелось с ней разговаривать, задавать ненужные вопросы, слышать ее бессвязные оправдания о том, где она была до этого времени. Ему было бы даже лучше, если бы она пришла еще позже, когда бы он спал.

Раздался короткий стук в дверь, и она вошла, успевшая переодеться в халат. Он продолжал стоять у окна, не обернувшись.

— Выйди на кухню, — громко сказала она и зашелестела по паркету мягкими тапками.

Он медленно, неохотно повернулся. На немолодом, осунувшемся лице не отражалось никаких чувств. Пройдя на кухню, он сел в кресло и посмотрел на нее грустными, равнодушными глазами. Она еще не смыла с лица макияж, и от ее темных, коротко стриженных волос исходил сладкий запах духов, смешанный с запахом сигаретного дыма и вина. В тридцать семь лет грим уже не скрывал ее морщин и несвежести кожи на лице.

На электроплите засвистел чайник. Она налила кипятка себе в чашку, добавила утренней заварки.

— Будешь чай? — взглянула она на него.

— Нет, не хочу, — опустив глаза, ответил он.

Ей нужно было с чего-то начать выяснение отношений. Отпив глоток, она задала случайный вопрос:

— Что сегодня делал?

— Тебе это надо знать?
— А что, я уже и знать не могу?
— Я же не спрашиваю, чем ты занималась до половины
одиннадцатого вечера.
Она сделала еще один глоток и поставила чашку.
— Ты не спрашиваешь, потому что тебе на меня пле-
вать.
Он поднял на нее глаза.
— А тебе?
— Что мне?
— Тебе разве на меня не плевать?
— Пока еще нет, мой милый. Но всё идет, наверное, к
тому. Мы ведь с тобой знаем, что я тебя больше не интере-
сую как женщина и как жена. Так что же мне делать оста-
ется?
Он бросил на нее жесткий взгляд.
— А что тебе остается?
Она отвернулась, стерла салфеткой помаду с губ.
— Да так, ничего особенного. Надо же мне с кем-то об-
щаться. Из тебя за весь день слова не вытянешь. Сидишь в
своей комнате, как сыч, над книгами. Ты женился-то на
мне для чего?
— Прекрати паясничать. Тебе прекрасно известно, что
я любил тебя и хотел, чтобы у нас были дети. Но ты всегда
находила причины отказаться от этой тяготы. — Он встал
с кресла и на выходе из кухни добавил: — Ты живешь ради
развлечений. Вот и живи. А меня оставь в покое.
Вернувшись в свою комнату, он погасил свет, сел на ди-
ван и закрыл лицо руками. Минут пять сидел неподвижно,
слыша звон посуды на кухне и шум воды в ванной. Затем
из прихожей вновь прозвучал ее голос:
— Ну зачем ты всё перевираешь, Вадим? — Она в пер-
вый раз за несколько дней назвала его по имени. — Ты же
знаешь, что у меня был неудачный аборт, и я не могу иметь
детей. Ты за это меня ненавидишь, да? Но это же подло,
подло! — Ее голос сорвался на крик.
«Тот злосчастный аборт был у тебя третий по счету», —
сам себе ответил он. — Кто тебя заставлял его делать?»
— Ты занят своей жизнью, в которой мне нет места. Ты
совсем от меня отдалился. Мы стали чужие друг другу! —
надрывно бросала обвинения жена.
«Нет, Марина, — мысленно отвечал он. — Ты никогда
не интересовалась моей жизнью, ни прошлой, ни настоя-

шей. Только твои удовольствия были превыше всего для тебя».

Она громко хлопнула дверью в свою комнату. Несколько минут до его слуха доносились ее сдавленные рыдания, потом всё стихло.

Он опять приблизился к окну. Ночных огней в домах стало меньше, город погружался в сон. И синяя полоса неба, недавно мерцавшая на закате, тоже исчезла во тьме, не оставив ни малейшей надежды на какой-то просвет в его жизни.

Подойдя к письменному столу, он вновь присел и опустил взгляд на строки Евангелия: «Истинно, истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет. Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир. Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас».

Утром он проснулся от грохота железных дверей соседей по подъезду. В нижней квартире завывала дебильная музыка. «Дегенераты...» — это слово как-то само собой отразилось в сознании.

Не вставая, он дождался, когда жена уйдет на работу. На этот раз она долго стучала каблуками по паркету, то и дело переходя из своей комнаты на кухню и обратно. Наконец, громко хлопнув входной дверью, — ушла.

Он не спеша поднялся с дивана, сдвинул его, облачился в халат, сделал, как обычно, небольшую зарядку, побрился и вышел на кухню. Небо за окном оказалось безоблачным, в стеклах соседних домов ослепительно блестело солнце.

Жена уже более года как перестала готовить ему завтрак. Вадим сварил кофе, достал из холодильника ветчину и сделал бутерброд. «Хоть и женатый, а вернулся к холостяцкой жизни, — мелькнула грустная мысль. — Ладно, переживем и это».

В его комнате завершал мобильный телефон. С чашкой кофе он, не торопясь, вернулся к себе и взял лежащую на письменном столе трубку. Звонил старый товарищ по институту, где Вадим когда-то учился.

— Да, Алексей, приветствую.

— Вадим, надо бы повидаться, — прозвучал в трубке низкий голос.

— Да хоть прямо сейчас. Что-то случилось?

— Пока еще нет. Но может случиться. Неважно себя чувствую. Подъезжай ко мне.

— Хорошо. Через час буду.

Присел за стол, допивая кофе. Взгляд опустился на раскрытую страницу Евангелия. Заново ее перечитал. Затем, облокотившись, закрыл ладонью глаза и минуты две сидел неподвижно. После чего быстро поднялся, оделся и вышел из дому.

Вадим Николаевич в свои сорок семь лет нигде не работал. Был он филолог по образованию, долгое время преподавал в средней школе, но как-то вдруг сразу, два года назад, лишился родителей, живших в Подмосковье, — сначала матери, а через год и отца. От них досталась ему по наследству двухкомнатная квартира, которую он продал, а из школы уволился. Денег от проданной квартиры, если их не транжирить попусту, могло хватить надолго.

Он спустился в метро. На платформе, дожидаясь поезда, увиделдвигающегося в коляске инвалида без ног. Когда тот, толкая руками колеса коляски, приблизился, Вадим обратил внимание на его крупные, совершенно бесцветные и ничего не выражавшие глаза, которые, как ему показалось, были устремлены за пределы окружающих стен и словно жили сами по себе. Что-то неуловимо знакомое отразилось на темно-сером лице человека в коляске. Вадим достал из нагрудного кармана пиджака десятку, протянул ее инвалиду. Тот с равнодушным лицом, даже не повернув головы, взял деньги и молча проехал мимо. Вадим мысленно усмехнулся странному поведению этого человека. Но потом, когда вошел в поезд и сел в самый угол вагона, понял, что инвалид был абсолютно прав: не должен он никого благодарить за подаяние. Оно в гораздо большей степени нужно не ему, несчастному, наказанному жизнью, а им, дающим, здоровым и сильным, за то, что Бог миловал их от такой беды. «Инвалиды эти напоминают нам, — подумал он, — что есть на земле истинное горе, помимо всех наших мелких неурядиц и огорчений, которым мы придаем зачем-то огромное значение...»

«Помогите инвалиду», — сквозь шум поезда услышал он негромкий дрожащий голос. По проходу вагона медленно передвигалась та самая коляска с человеком без ног,

одетым в камуфляжную куртку. Кое-кто ему протягивал деньги, и он принимал их, ничего не говоря, лишь кивнув головой. Когда коляска добралась до конца вагона, где сидел Вадим, инвалид развернул ее, и на какое-то мгновение их взгляды пересеклись. Перед Вадимом вновь мелькнули отсутствующие бесцветные глаза, устремленные куда-то вовне. Инвалид уже надавил на колеса, чтобы отъехать к выходу, когда Вадим дотронулся до его плеча. Тот застыл на месте и лишь слегка отвел голову в его сторону.

— Повернись, — негромко сказал Вадим.

Инвалид развернул к нему свое тело. Его крупные глаза оживились, в них появился осмысленный свет.

— Ты меня знаешь? — спросил Вадим.

На давно не бритом изможденном лице мелькнула кривая улыбка.

— Знаю, — с той же кривой улыбкой ответил он.

И только тут, вот по этой улыбке, Вадим окончательно узнал его.

— Гриша? Петров? Это ты?

— Я, Волков Вадим, я... — Глаза его вновь похолодели и погасли.

Поезд снизил ход, подъезжая к станции.

Вадим не знал, что сказать дальше, и в этой неловкой паузе инвалид вновь взялся за колеса коляски.

— Ладно, как-нибудь встретимся тут. Бывай. Надо работать, — произнес он и двинулся к выходу.

«Господи... Гриша, Гриша...» — Вадим заметил, как учащенно билось его сердце и как шумно пульсировала в висках кровь.

С Григорием Петровым они вместе служили в армии, в одной роте. Потом, после армии, они встречались в Москве. Григорий был высоким, стройным парнем, занимался спортом, играл в волейбол. Еще в советское время ради квартиры он пошел работать на стройку, и там ему придавила ноги панель перекрытия. Ноги ампутировали выше колен, но началась двойная гангрена, и пришлось резать ноги выше. С тех пор прошло уже больше двадцати лет. И вот — свиделись...

Вадим тяжело вздохнул. «Эх, жизнь... — покачал он головой. — Как она порой оборачивается... Одним всё дает, а у других всё отнимает...»

Когда он вышел из метро, стоял теплый солнечный день. Конец сентября, похоже, разразился настоящим ба-

бьим летом. На пожелтевших деревьях и кустах радостно щебетали воробьи, и снова, раскрывшись, запестрели цветы на клумбах.

Подойдя к дому своего товарища, Вадим вспомнил его тревожный телефонный голос. Алексей Петрович, тоже филолог по профессии, но преподававший в вузе, последнее время часто жаловался на сердце и однажды уже побывал в больнице с инфарктом. Подружившись еще в педагогическом, они затем не потерялись друг для друга, постоянно созванивались и виделись, находя в общении взаимный душевный отклик и интерес. Профессия и похожий склад характеров сблизили их, но самое главное — их объединял взгляд на жизнь, одновременно философский и религиозный. А отличало только то, что Алексей Петрович уже был разведен и решительно противился новым семейным узам.

Когда Алексей Петрович открыл дверь на звонок, то Вадиму бросилась в глаза откровенная разобранность товарища. Был он в длинном коричневом халате, небрит, а мутно-красноватые глаза и скомканные остатки волос на голове говорили, что хозяин эту ночь плохо спал. Даже его прежняя полнота теперь казалась неприметной. При рукопожатии Вадим обратил внимание на его расслабленную влажную ладонь.

— Неважно выглядишь, — удрученно констатировал он.

— Ночью «скорую» вызывал. — Алексей Петрович махнул рукой. — Два укола сделали. Хотели с собой забрать. Я отказался. Только что был врач из поликлиники. — Он поднял на Вадима грустные, еще недавно зеленовато-серые, а теперь туманные глаза. — Проходи.

Однокомнатная квартира пребывала в беспорядке — кровать не убрана, книги на столе соседствовали с грязной посудой и лекарствами. Полуоткрытые шторы на окнах сгущали состояние общего неуюта. Вадим удрученно осмотрелся.

— Чего раньше-то не позвонил?

— Да думал, проскочу, как всегда...

— Сердце?

— Угу, оно. — Алексей Петрович грузно опустился в кресло. — Ладно, садись, поговорим...

— У тебя тут ни света, ни воздуха, поневоле заболеешь. — Вадим подошел к окну, раздвинул шторы и открыл настежь форточку. Приятный свежий воздух вместе с город-

ским гулом хлынул в комнату. — На улице теплынь, лето вернулось, а у тебя как в склепе.

Отодвинув от стола стул, присел.

— Чего-нибудь ел сегодня? — спросил он хозяина.

— Пытался, но ничего нейдет. Давление, видать, поднялось.

— Так-так, — протянул Вадим. — И что же будем делать?

— Поговорим, — спокойно сказал Алексей Петрович. — Не волнуйся, хуже, думаю, не будет. Попью лекарства, пройдет. — Он запахнул на груди халат.

— Леш, так нельзя. Лапы откинешь, никто и знать не будет. Зря ты от больницы отказался.

— Ничего, ничего, еще не время мне лапы откидывать. Не всё сделал. Бог еще даст поскрипеть. Да и с тобой повидаться надо было. Ты лучше скажи, как у тебя-то с Мариной?

— А, — нехотя бросил Вадим, — все так же. Гуляет напропалую. Живу почти как ты, холостяком.

— Не завидую. — Алексей Петрович усмехнулся, приподняв края седеющих усов. — Я хотя бы от этой обузы избавился.

— Сейчас эта обуза тебе бы не помешала...

— Вадим, ты же видел: когда я здоров, у меня дома все блестит. А от них, от вертихвосток, только сплошной кавардак в жизни.

Вадим попытался его взбодрить:

— Ты что же, стал женоненавистником?

— Нет, не стал. Но близко их к себе больше не подпускаю. Помнишь, Толстой признался: «Когда я буду умирать, то скажу всё, что думаю о женщинах, и поскорее захлопну крышку гроба». Вот и я, чувствую, дозрел до того же.

— Ладно, шут с ними. О чем поговорить-то хотел?

Алексей Петрович тяжело поднялся, медленно подошел к столу, достал из тюбика таблетку валидола и положил под язык.

— Ты мне самый близкий человек, Вадим, я ведь детдомовский, ты знаешь. Дочь еще мала, да и бывшая моя зараза ее ко мне не подпускает. Больше никому довериться. — Он открыл дверцу серванта, взял с полки сберкнижку. — Вот здесь у меня сто тысяч. В рублях. И адрес банка записан. Завещание я на тебя сделал. Если вдруг чего... В общем, похоронишь на свои, а через полгода отсюда на себя деньги переведешь. Квартиру я завещаю дочери. Вот так.

Он вернул сберкнижку на прежнее место и, сторбившись, зашаркал назад, к креслу. Оба с минуту молчали. Первым встрепенулся Вадим.

— Значит, уже подготовился... А хорохоришься тут — мол, Бог даст поскрипеть...

Туманные глаза Алексея Петровича на мгновение осветились жизненным блеском.

— Ну, это так, пойми, на всякий случай. Мало ли что...

Вадим ответил ему всё понимающим, сочувственным взглядом.

— Да ясно, Леш, ясно. Я и без этого всё сделаю как надо. Но...

— Я и не сомневался. Но так будет справедливее.

Они несколько секунд смотрели друг на друга, и каждый из них через свой взгляд физически ощущал душевное состояние товарища.

— И еще, Вадим, — нарушил грустное молчание Алексей Петрович, — я последнее время читал духовную литературу, много думал над нею и делал всякие записи для себя. Наши с тобой беседы меня подвигли на это. Хочу, чтобы ты посмотрел, но... не сразу, а потом... Ну, в общем, потом прочитаешь... — Он достал из-под кипы газет на журнальном столе, стоящем возле кресла, широкий заклеенный конверт, протянул его слегка дрожащей рукой. — На, возьми.

Вадим встал со стула, приблизился к товарищу и в широко распахнутых, уставших глазах его разглядел одновременно и глубокую тоску, и доверчивую неловкость. Взяв конверт, он увидел крупную надпись на нем, сделанную карандашом: «Вадим, прочитай это после моей смерти». Печально покачал головой.

— Да, друг ты мой, дело серьезно, — сказал он и снова сел на стул. Потом добавил: — Алексей, я всё понимаю, но ты... не рано себя хоронишь?

— Вадим, я человек рациональный, — спокойно ответил Алексей Петрович. — Рано — не поздно. Прошлый раз, в больнице, врач сказал — сердце никудашное, второго инфаркта не выдержит. Так что я и вправду, как ты говоришь, на всякий случай решил подготовиться. А завтра, кстати сказать, придет знакомый батюшка. Исповедуюсь.

— Может, ты и прав, — вздохнул Вадим. — Все под Богом ходим... — Он грустно улыбнулся. — И мне, что ли, завещание написать?..

— Это никогда не лишне, — с такой же улыбкой при-
совокупил его товарищ. — Но ты, старичок, будешь жить
долго.

— Это отчего же? — искренне удивился Вадим.

— У меня чутье на людей. Я тебя хорошо разглядел за
наши годы. В тебе есть душевная сила. Она тебя будет
крепко держать на земле. Ты, я знаю, долгожитель.

— Надо же, какой провидец у нас! — попытался рас-
смеяться Вадим. — Душевная сила, говоришь?.. Конечно,
помирать никому не охота. Но надо ли жить долго в этом
мире? В духовной литературе что сказано: кто держится за
этот мир, тот Богу не угоден.

— Да, помню, помню... — Алексей Петрович несколь-
ко обреченно уронил голову на грудь. — Об этом мои за-
писки в конверте...

Вадим бросил взгляд на белый широкий конверт, лежа-
щий у него на коленях. Едва приподнявшееся настроение
вновь сменилось тоскливой тяжестью под сердцем.

— Я все же надеюсь — не скоро его вскрою, — сказал
он. — Ты давай тут не размякай и сам не торопи себя в мо-
гилу. Священник — это дело важное. От грехов избавлять-
ся всем надо. Но потом сразу вызывай «скорую» и ложись
в больницу. Договорились?

После некоторой паузы Алексей Петрович выдохнул:

— Договорились...

— Вот и хорошо. Я завтра позвоню. Тоже мне, «рацио-
нальный»... У рациональных сердце как часы работает.

Вадим поднялся, собрал в кучу грязную посуду со стола
и отнес на кухню. Долго смывал с тарелок и блюдец засох-
шие на них остатки еды. Заглянул в холодильник. Обнару-
женной там снеди могло хватить дня на два. Вернувшись в
комнату, посмотрел на сидящего всё в той же позе товари-
ща с обреченно опущенной на грудь головой.

— Алексей, ты не спишь? — негромко спросил он.

Сидящий в кресле товарищ поднял к нему свое лицо.
В его глазах блестели слезы.

— Леш, ты чего? — Вадим приблизился и взял его за
плечи. — Ты чего? Всё будет нормально, старик. Рано те-
бе себя хоронить. — Он слегка встряхнул плечи товари-
ща. — Мы еще проживем, вот увидишь! Я, когда к тебе
ехал, встретил в метро инвалида без ног. А оказалось, это
Гришка Петров, перворазрядник по волейболу, мы в ар-
мии вместе служили. И ничего, не раскис, держится за

жизнь. Ты тоже, Леш, возьми себя в руки. Держаться надо, слышь?

Алексей Петрович выдавил горькую улыбку. Одинокая слеза скатилась по его щеке. Он обнял Вадима за шею, притянул к себе его голову и прошептал в ухо:

— Спасибо тебе за всё, друг..

Вадим крепко сжал его плечи.

— Держись, старик. Не падай духом. Мы прорвемся...

— Прорвемся, Вадик... Спасибо.

Алексей Петрович разжал руки и вытер ладонью след от слезы на щеке.

— Ну всё, Вадик. Извини, что-то я расслабился. Давай до завтра. Позвони.

Вадим взял со стола конверт.

— Подожди, я провожу. — Алексей Петрович, кряхтя и опираясь на подлокотники кресла, встал на ноги.

В прихожей они еще раз обнялись.

Вадим вышел на улицу. Солнце дышало последним осенним теплом. На карнизах ворковали голуби, стаи воробьев с шумом перелетали с деревьев на газоны, с газонов на тротуары и обратно. Зелено-рыжая листва замерла на своих ветвях, словно раздумав спадать на землю. Природа наслаждалась жизнью и теплым благоуханием перед скорой неизбежностью холодов и долгого замирения. Глаза хотели радоваться всему вокруг, но всё, что было перед глазами, не отвечало душевному состоянию Вадима.

Приехав домой и немного перекусив, он раздвинул диван и до темноты лежал на спине, глядя в потолок. «Зачем мы живем на свете? — думал он. — В чем смысл нашего существования? Пришли, помучились тут и ушли. Вот и Гриша... За что такое наказание ему? Он что, родился, чтобы просить подаяние? Или Бог через него нас испытывает? Его-то душа спасется за такие муки. Но она, может быть, и нам помогает спастись? Может быть, эти калекки напоминают о Божеской милости к нам...»

Сомкнув веки, он на какое-то время заснул, но хлопок входной двери заставил его вздрогнуть. На этот раз жена быстро, почти бесшумно разделась и затихла в своей комнате. Вадим ожидал обычного стука в свою дверь, но ни через десять, ни через пятнадцать, ни через тридцать минут жена никак о себе не напоминала. Ему это показалось странным.

Вадим встал, сел за стол и включил лампу. Глаза его застыли на открытой странице Евангелия: «Пилат вышел к

ним и сказал: в чем вы обвиняете Человека Сего? Они сказали ему в ответ: если бы Он не был злодей, мы не предали бы Его тебе. Пилат сказал им: возьмите Его вы и по закону вашему судите Его. Иудеи сказали ему: нам не позволено предавать смерти никого, — Да сбудется слово Иисусово, которое сказал Он, давая разуметь, какую смертью Он умрет. Тогда Пилат опять вошел в преторию, и призвал Иисуса, и сказал Ему: Ты Царь Иудейский? Иисус отвечал Ему: от себя ли ты говоришь это, или другие сказали тебе о Мне? Пилат отвечал: разве я Иудей? Твой народ и первосвященники предали Тебя мне; что Ты сделал? Иисус отвечал: Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда. Пилат сказал Ему: итак Ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь; Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего. Пилат сказал ему: что есть истина?..» В это мгновение Вадим ощутил мягкое прикосновение рук к своим плечам. От неожиданности легкий озноб прошел по спине.

— Извини, что помешала, — услышал он тихий голос жены. — Я на минуту.

Вадим поднял глаза к черному проему окна и продолжал сидеть не оборачиваясь. Ладони жены с плеч опустились ему на грудь, теребя ворот рубашки. На этот раз от нее не исходило запахов сигаретного дыма и вина.

— Давай немного поговорим. Ты не против?

Он ничего не ответил.

— Плохо мне, Вадим. Надо что-то делать. Так больше нельзя. Жизнь бессмысленно проходит. Хочется душевного покоя, и нет его. Понимаешь, нет ни покоя, ни смысла, ни радости, ни... — голос ее дрогнул, — ни в чем.

Она нагнулась к нему и обвила его руками.

— Вадим, прости меня за всё. Прошу тебя, прости, я всё делала неправильно, я теперь это понимаю...

Ему на шею упала ее слеза и медленно потекла под рубашку. Вадим положил руку на ее запястье. Этот жест словно прорвал какую-то заслонку в ее нервах, и она, сотрясаясь всем телом, разрыдалась в голос. Слезы, как будто копившиеся годами, потоком потекли на его щеки и шею, отчего он и сам, чувствуя резь в глазах, уже готов был прослезиться вместе с ней.

— Давай всё забудем, Вадим, — немного успокоившись и прижавшись к нему горячей влажной щекой, шептала она. — Давай куда-нибудь уедем, а? Хочешь, я достану пуховки на работе — и уедем? Давай, а?

Вадим сжимал ее руки и не знал, что сказать. Подобные сцены, слезы и раскаяния уже не раз происходили со стороны жены, и он всегда прощал ее, потому что не мог удержаться от жалости к ней, ему и самому было невероятно тягостно на душе от этой мертвой холодности их отношений в течение целого года.

— Хорошо, Марина, хорошо. Всё правильно. Так дальше не должно продолжаться.

— Я люблю тебя, — перебила она его. — Я это поняла. Мне больше никто не нужен...

Она еще сильнее прижалась к нему и ударила пальцем по кнопке настольной лампы.

Проснулся Вадим поздним утром. Даже хлопки железных дверей соседей по подъезду, как ни странно, его не разбудили. На кухне ожидал накрытый белым полотенцем завтрак. Рядом лежала записка: «Приду сегодня в шесть вечера. Будь дома. Целую».

За окном, как и вчера, сияло синее безоблачное небо. «Господи, странная эта штука, жизнь... — думалось ему. — Бросает нас то вверх, то вниз... И ведь совсем немного надо, чтобы душа порадовалась жизни...»

Он вышел из дому и направился на соседнюю улицу, в банк. Затем доехал на автобусе до своей ветки метро, спустился вниз. Минут пятнадцать ходил по платформе из одного конца в другой, пока не увидел его, в камуфляжной куртке, выезжающего из вагона на своей «инвалидке». Быстрым шагом приблизился к нему, чтобы тот не успел проникнуть в вагон поезда, идущего в обратную сторону.

— Гриша! — окликнул он со спины человека в коляске.

Инвалид развернул коляску к нему лицом. Вадим на секунду опешил. В коляске сидел другой человек. Тоже без ног, в такой же куртке, но — другой, на вид явно старше.

— А где Гриша? — спросил Вадим, ощутив, как сжалось сердце.

Инвалид взглянул на него исподлобья с хмурой подозрительностью.

— Ты кто такой?

— Я его старый знакомый. В армии служили... вместе...
— Знакомый? — Инвалид посмотрел в обе стороны платформы. — Нету больше Гриши, — с опаской чуть слышно промычал он.

— Как нету? — едва не вскрикнул Вадим.

— А так, нету и всё. И не будет никогда.

— Ты чего мелешь? Куда он делся? — Вадим подступил к нему ближе.

Инвалид с шумом выпустил воздух из плотно сжатых почерневших губ.

— Убили его. Вчера вечером. — Он еще раз посмотрел по сторонам. — Деньги не дал хозяину. Тут хозяин — чечен. У него своя банда. Зверье.

— Как убили?.. — не сразу дошли эти слова до Вадима.

— Так. Забрали бабки, и нож в горло. Дочка у него где-то учится. Он выручку заначивал, чтоб за учебу платить.

Вадим был в полной растерянности. Это жуткое известие, как обухом, ударило его по голове.

— Ладно, некогда мне, — пробубнил инвалид, хватаясь за колеса коляски.

— Постой, постой, — Вадим попытался его задержать. — Подожди. Я ведь хотел ему... — Он достал из бокового кармана плаща небольшой конверт. — Тут вот деньги... Ты можешь это... дочке его передать?

Инвалид поднял кверху обе руки в дырявых тряпичных перчатках и, отмахиваясь ими, затараторил:

— Нет, нет! Отнимут. Еще хуже будет. За нами следят везде. Хозяин — зверь. Мужик, иди своей дорогой. Я тебя не знаю... — Он резко крутанул колеса и исчез в стоящем у платформы вагоне.

Вадим, ошарашенный, с конвертом в руке, не двигаясь, стоял и смотрел на закрывающиеся с шумом двери вагона и на грохочущий, удаляющийся в туннель поезд.

До вечера он не мог отойти от этого страшного сообщения. Ничего не хотел есть. И когда жена, придя с работы, приготовила вкусный ужин, сидел за столом хмурый и молчаливый.

— Что с тобой? — спросила она, кладя ему в тарелку ножку жареного цыпленка. — Не заболел?

Он ответил не сразу. Взял вилку, но так и застыл с нею в руке.

— Человека хорошего убили, — наконец, уставившись в стол, проговорил он. — Инвалида без ног. Он дочку со-

держал. А ему нож в горло... Я хотел деньгами помочь. Не получилось...

— Кошмар какой-то, — сочувственно сказала жена. — Отмучился, бедняга. Не переживай, все там будем. Поешь чего-нибудь.

Вадим машинально отщепил вилкой небольшой кусок цыпленка и положил в рот. Жевал долго и как-то отсутствующе.

— Извини, не могу, нет аппетита. Что-то сердце у меня не на месте. Пойду полежу немного.

Придя в комнату, он все же ложиться не стал. В темноте сел на диван, запрокинул голову и закрыл глаза. «Гриша, Гриша, — говорил он мысленно, — твоя душа еще здесь, среди людей и нелюдей, она еще страдает, видя своих близких, оттого что не может им ничего сказать и ничем помочь. Твои физические муки закончились, Гриша, и скоро тебе будет лучше, чем нам. Но я помню твои глаза... Они уже были там, далеко-далеко, за пределом нашего мира. Ты уже видел иной свет. Это было ясно по твоим глазам...»

В комнату вошла Марина. Не включая света, села рядом и положила голову ему на колени.

— Я договорилась насчет путевок, — сказала она. — На октябрь. В Сочи. Там тепло. В море можно купаться.

— Хорошо, — прошептал он и погладил ее по волосам. — Отойдем от Москвы. — И через паузу добавил: — Вот только за Алексея боюсь...

— Завтра надо будет за путевки заплатить, — вновь подала голос Марина. — У тебя есть наличные?

— Возьми в плаще, в конверте.

В комнате повисла долгая тишина. Даже можно было различить, как торопливо отстукивали время часы на книжном шкафу.

— Не обижайся, — сказал Вадим, задержав руку у нее на щеке, — но я сегодня хочу побыть один. Так надо.

— Не обижаюсь, — спокойно ответила жена. — Я понимаю.

Когда она ушла к себе, Вадим долго сидел не двигаясь в каком-то усталом оцепенении. Мозг его сверлил старый как мир вопрос: отчего же так сложилось на земле, что зло и корысть убивают доброту, что справедливость и правда гонимы и наказуемы, а жизнь человеческая настолько бессильна перед чьей-то тупой жестокостью? И в реальной земной жизни внятного ответа на этот вопрос он нигде и

ни в чем не видел. Но ответ этот, он понимал, был там, на страницах открытой Книги, которая лежала на его письменном столе.

И тут он вспомнил, что обещал позвонить заболевшему товарищу. Торопливо, с нервным волнением набрал по мобильнику его номер и, стиснув зубы, долго слушал длинные гудки, раздававшиеся в телефонной трубке. Он набрал номер еще раз. Никто не отвечал. Волнение переросло в щемящую тоску и в предчувствие самого худшего. «Ладно, — попытался он успокоить себя, — утром поеду к нему».

Но успокоиться не удавалось. Сердце томилось от тяжелого предчувствия, и неотвязная мысль о товарище не отпускала его мозг. Он что-то должен был сделать, но никак не мог сообразить — что. И вдруг, как молния, перед его глазами мелькнуло нечто, похожее на белый конверт... «Боже мой, конверт...» — произнес он вслух. Но тут же, ощутив холодный пот на лбу, отбросил от себя это сосущее душу желание. Не раздеваясь, — прилег. Около часа лежал, мучительно пытаясь заглушить будораживший его сердечный порыв. «Нет, нет, не надо, — уговаривал он себя. — Нельзя это делать, нельзя...»

Справиться с собой Вадим не смог. Наконец он поднялся, включил свет, достал из книжного шкафа широкий конверт белого цвета, вскрыл и вынул из него несколько страниц с отпечатанным на них машинописным текстом. Сел за стол. В глазах зарябило, отчего текст искривился, строки наехали одна на другую. Он прижал пальцы к векам, стараясь унять нервную дрожь во всем теле.

Через несколько минут он вчитывался в текст послания своего друга.

«Вадим, дорогой, когда ты вскроешь этот конверт, меня уже не будет. Я говорю об этом спокойно, потому что морально давно готов к такому исходу. И ты тоже сильно не переживай. Как говорят, чему быть, того не миновать. Провидение знает, кому какой срок отпущен на грешной земле и в какое время настает пора предстать перед Всевышним. Мы с тобой достаточно прожили на свете, чтобы многое понять в человеческой сущности и уметь оценить увиденное. Думаю, и ты согласишься с некоторыми выводами, сделанными мною на 48-м году моей бременной и далеко не самой блестящей жизни.

Скажу сразу, выводы эти — печальные, более того — очень и очень печальные. Нет, не потому, что жизнь чело-

веческая трудна, трагична и в основном грустна. В этом-то как раз есть высшая логика. Но потому, дорогой друг, что сам человек оказался мелок и недостойн того предназначения, какое замысливалось для него свыше. Вернее, природа человека, изначально Божественная и прекрасная в своей духовной высоте, в конце концов выродилась в нечто эгоистичное, тупое, приземленное, в нечто, не желающее даже думать о своем предназначении и отказывающееся помнить о высоком происхождении. Тут я оговорюсь: конечно же, не все таковы. Остались еще думающие и понимающие, и мы с тобой, несомненно, к ним относимся. Но подобных людей, если посмотреть на человечество со стороны, с каждым земным поколением все меньше и меньше. Церковь еще как-то пытается сдержать этот путь в пропасть, но, во-первых, ее давно уже почти никто не слушает, а во-вторых, сама она во многом, как ни печально, стоит на том же пути, сколько бы новых храмов она ни строила.

Человечество идет всё дальше от Христа. С крестиками на груди, которые чаще всего носят лишь как формальность или как украшение (в особенности женщины), так называемые христианские народы (и они — в первую очередь) всё дальше и дальше уходят от Бога. Посмотри на лица людей в метро или на улицах городов. Что ты увидишь в их глазах? За редчайшим исключением — пустоту. Разве кто-нибудь из них задумался хоть раз в жизни, для чего он живет? Живут, потому что родились. Но так ведь, извини, и кошки живут. Чем занята их голова? Жраньем, тряпками, вещами, деньгами, удовольствиями и развлечениями. Только личная выгода, только личный интерес, только личный комфорт владеют их мыслями, желаниями и чувствами. Что они могут взять с собой за пределы гроба?

Всемирный эгоизм, столкновение, битва эгоизмов — вот что такое нынешнее человеческое существование на земле. И даже сама Земля приносится в жертву этому дьявольскому, безграничному эгоизму. И ради этого Бог создавал человека?

Советский атеизм моментально сменился культом денег, воровством, обманом, грабежом всего и вся. А вспомни, какие очереди стояли в американские «Макдональдсы», когда они у нас открылись. «Оголодали» эти бараны при социализме, не нажрались жареной картошки!.. И не они ли, эти недоумки, такими же толпами потом бегали

голосовать за Ельцина, пообещавшего им манну небесную! Ни нация, ни государство их не волнуют. С какой радостью, с каким счастливым визгом они предпочтут антихриста вместо спасения!

Вот мы с тобой литературу преподавали. Сколько русских писателей за прошедшие триста лет пытались этих двуногих овец пробудить и вразумить! И к чему мы пришли в конце концов? Кто их кумиры? Лахудра Пугачева, собчачка и сердючка. После такого результата хочется зажмурить глаза — и головой в омут. И их, по-твоему, надо спасать? Помилуй Боже! Не хочу я в ином мире опять их физиономии увидеть. Здесь насмотрелся!

Два века назад русские люди Христа в душе носили. Хоть и не все, но большей частью Бога боялись. Потому что, как нам объясняли в школе, «были неграмотными и недалекими». А теперь, мол, — стали образованными. Не верят никому и ни во что, кроме телевизора. Новый идол у них появился — телевизор. Ожидовленные «ученые» до сих пор, как во времена пролеткульта, скопом против Православия выступают. Им не детская беспризорность, не повальная наркомания, а Православие жить мешают! Образовались!.. Их надо заново в детский сад записывать, а они по телеящику «за жизнь» балаболят. И другие из них (тысячи!) в Америку ломанулись — бабки заколачивать. Как же — истина в деньгах!

Любые знания без Бога в сердце — вредны, а не полезны. Сам я по мере сил пытался вложить в головы студентов эту прописную истину, известную нашим предкам. Может, в ком-то и взойдут посеянные мною зерна.

Вадим, дорогой, ты мог бы, конечно, мне возразить (хотя возразить-то уже не получится, я буду недосыгаем), что, мол, в истории человечества все повторяется, что так, мол, уже было на земле, что Бог уже наказывал людей за безбожную безнравственность, за тягу к безмозглому, убийственной свободе. Но толку-то что от подобных возражений? Разве они что-то меняют? Разве природа человечества изменилась от Божеских наказаний? Нет, всякий раз, с витком каждой новой земной истории оно, человечество, становится еще хуже и доходит до еще больших мерзостей и преступлений ради каких-то чисто корыстных, эгоистических выгод.

Вадим, задумайся, для чего Христос страдал на кресте? Ради этих миллионов бессмысленно живущих и безмозгло

жующих баранов? И что, их всех, мечтающих о красивом сексе и шикарном «Мерседесе», надо спасать через муки Христа? Да сами-то они хотят ли спасения? Сами-то они не обменяли уже свои души на секс и иномарки? И чего там спасать в их пустой утробе? Нет, Вадим, не за этих моральных уродов Бог страдал на кресте! И твоя любовь к человечеству как таковому, Вадим, не имеет смысла. Подумай об этом хорошенько. И прости меня за резкость. Накипело.

Но есть немногие, которые знают всё, о чем я здесь говорю. Вот они-то и хранят в своих душах частицу Божественного Духа. Праведники они или нет — это не главное, но им дано осознание высшего предназначения человеческого разума. Это предназначение — не для полетов в космос, а для полета мысли и души. Ради них страдал Христос, и только ради них и благодаря им всё еще спасается от уничтожения эгоистическое человечество. Они знают, что весь земной мир опутан змеиными кольцами дьявола, и все дела этого мира есть зло. Они знают, что их душа, рожденная от Бога, выше и сильнее ухищрений сего мира, который в конце концов — сгорит.

Вадим, храни душу и в ней Христа, и ты преодолеешь дьявольские сети этого мира. Вот мое главное завещание тебе. И я верю — мы еще увидимся, единственный мой друг на земле.

Душа моя заключает тебя в свои объятия.

Не грусти обо мне.

Алексей».

Прочтя последние строки, Вадим опустил голову на руки, сложенные на столе. Он долго сидел так, не поднимая головы от стола. «Всё ты правильно сказал, бедный мой товарищ. Спорить не о чем, — пытался он оценить прочитанное. — Но есть все же небольшое возражение. Не может каждый человек постоянно думать о своем предназначении. Иначе... Иначе — жизнь остановится... Но время еще не пришло... Пока рождаются дети, мир не погибнет...»

В седьмом часу утра его разбудил звонящий мобильник. Не открывая глаз, он нашарил на столе телефонную трубку и поднес к уху. Сознание еще пребывало в полудреме.

— Вадим Николаевич Волков? — дошел до слуха незнакомый мужской голос.

— Он самый, — хрипло ответил Вадим.

— Вас беспокоят из тринадцатой больницы, из реанимации. Дежурный врач. Звоню вам по просьбе Алексея Петровича. Его привезли к нам вчерашним вечером, он еще был в сознании. Он просил позвонить вам в случае летального исхода. В общем, спасти его не удалось, к сожалению. Примите наши соболезнования.

Вадим широко открытыми глазами смотрел в потолок. Язык не слушался, в ушах гулко отдавалось биение сердца.

— Алло? — звучал голос в трубке.

— Ясно... — хрипло выдавил Вадим. — Где он сейчас?

— В нашем морге.

Мобильник выскользнул из его пальцев и свалился на пол. Глаза покрылись какой-то мутью.

С полчаса лежал в оцепенении, уставившись в потолок. В памяти проплывала их последняя встреча, он ясно представлял себе лицо Алексея и его голос. Теперь он понимал, что всё было гораздо серьезнее и трагичнее у его товарища, чем ему казалось два дня назад. «Он уже ушел, когда я читал его письмо», — догадался Вадим. Это осознание немного утешило томящуюся совесть. Но послание Алексея продолжало терзать душу. «Да, конечно, — заново размышлял он, — многие люди не знают, для чего живут. Наверное, и не надо им знать. Но Бог любит человечество как Своих детей. Наказывает, учит и любит. А остальное уже зависит от нас...»

Он встал и облачился в халат. Жена еще спала в своей комнате. «Какие тут Сочи!.. — громко бросил он в сторону разделявшей их стены. — Без меня поедешь». Вышел на кухню, включил электроплиту, чтобы разогреть чайник.

За окном ярко синело безоблачное сентябрьское небо. От легкого дуновения ветра спадали на землю пожухлые листья с городских деревьев. На тротуарах мельтешили сизые голуби. Стаи воробьев перелетали с газона на газон. Молодая женщина у подъезда качала детскую коляску, в которой плакал ребенок.

2007

РАССКАЗ МАТЕРИ

Я хорошо помню день 22 июня, когда началась война. В нашем селе Копорье Мосальского района Калужской области бригадир в этот день ходил по дворам и объявлял всем колхозникам, чтобы приходили получать хлеб по трудодням — с урожая прошлого года. А в 41-м году, помню, хлеба большие выросли, сильные. И вот мы пришли на склад. А село наше небольшое было — 23 дома. Ну, собрались все, много женщин, подводы с лошадьми, чтобы по дворам хлеб развезить. Я пришла с мамой. Зерно насыпали в мешки и грузили на подводы.

Радио в селе тогда было только у одного лесника — Исаева Андрея Дмитриевича. Радио такое, с наушниками. Он приходит на склад и говорит кладовщику: «Ну, Борис Ларионыч, давай быстрее заканчивай, раздавай хлеб и собирайся в военкомат. Началась война. С германцами». Тут все женщины заголосили, запричитали. Быстро всем развезли по домам зерно, все были взбудоражены и напуганы. И еще лесник сказал, что кто из мужчин хочет добровольцем — пусть сам идет в военкомат, а остальным оставаться в селе, их вызовут по повестке. Повестки пришли быстро, уже через 2—3 дня, хотя районный центр от нас был в восемнадцати километрах. Почта тогда работала хорошо.

На то лето я, самая младшая в семье, закончила восьмой класс средней школы. Семилетка у нас была за шесть километров от села, а уж десятилетка — за восемнадцать, в Мосальске. Я жила там на съемной квартире. Когда началась война, мне было 15 лет. В девятый класс уже идти не пришлось. Все школы были под госпиталя переоборудованы.

И вот буквально через 2—3 дня стали мы провожать мужчин на фронт. В селе стояли крик и стон. В нашей се-

мье провожать было некого, потому что отец рано умер, а два моих старших брата — Иван и Павел уже были в действительной армии. Павел вот-вот должен был вернуться, а Иван, хоть он и старше, в армию попал позже и только год отслужил. А служил он в Минске.

От лесника мы узнали — передали по радио, что немцы бомбили Минск и Киев, и мы уже думали, что с Иваном что-то случилось. Но через несколько недель пришло от него письмо, где он сообщал, что жив и что они находятся в боевой готовности.

Когда всех мужчин забрали, остались одни женщины и подростки работать в колхозе. Забрали в селе и всех лошадей, оставили только пару забракованных кляч. В колхозе всё стали возить на себе. Запрягались женщины в телегу и привозили всё с полей; у нас не было заведено, чтобы на коровах там возить или на быках. Ну а потом уже и колхозный скот весь был угнан. Со всех местностей скотину погнали на восток — миллионы голов шли по деревням, на восток, к Москве, чтобы ничего немцу не досталось. И колхозного скота у нас никакого не осталось.

Председатель колхоза организовал собрание и сказал, чтобы каждая хозяйка выделяла свою корову для повозки. И мы для всего, что нужно было возить, стали запрягать коров. Своих, личных. Сначала, конечно, все не поняли, как это можно свою корову отдать, чтобы на ней перевозить что-то. Но потом привыкли, пахали на коровах, как будто так и должно быть.

И вот всех одиноких женщин и девочек старше меня, которым было лет по 17, 18, забрали копать окопы, под Смоленск. Много было забрано. Они там пробыли около двух месяцев, но потом в один день — вернулись все и сказали, что немцы прорвали фронт на реке Десне и идут следом за ними. Буквально на следующий день стали отступать войска, в основном, в каком-то беспорядочном виде. Кто с оружием, кто без. Пехота шла через нас. Артиллерия, с орудиями, отступала по Варшавскому шоссе, а пехота шла по полям, через деревни, держась ближе к лесу, потому что немцы леса боялись. А село наше как раз стояло среди леса, местность вообще там была лесистая.

Ну, после отступления войск уже немцы пошли, стали забирать в плен наших солдат, которые не успели уйти, и тут же строили для них лагеря. И вскоре пошла через нас вторая волна солдат — тех, что бежали из плена, из лаге-

рей. Бежали они переодетыми бог знает во что, а те, кто не успел переодеться, просили нас поменять им военную форму на гражданскую.

И вскорости, я этот день тоже хорошо помню, 4 октября, приехали немцы — на мотоциклах и сразу заняли все село. Нашли председателя колхоза и приказали всем работать, как и раньше работали.

Когда они наступали, они не зверствовали, ну и боялись еще лесов. Приезжали, набирали продуктов, в основном яйца, масло, сало. У кур и гусей головы сразу отворачивали и заставляли жарить, варить...

Хоть и 65 лет прошло, а я все настолько хорошо это помню, так это все врзалось в память! День этот, 4 октября, его невозможно позабыть, и, наверно, ни в кино показать, ни на словах рассказать нельзя. Это было очень страшно. Очень. Одним словом, — оккупация и немцы. Хотя сначала они ничего плохого не делали, но все равно было очень страшно.

Ведь мы были такими патриотами, так Родину любили! И Сталин, и колхозы — все было настолько для нас привычно и понятно. До войны мы жили в достатке, в смысле продуктов. Тряпок там всяких, барахла, одежды хорошей, конечно, не хватало, денег вообще почти что не было, мы одежду и вещи покупали за продукты. Или скотину продавали: мать съездит в район, отвезёт овцу, получит копейку и купит что-нибудь, книжки, тетради, ткань, потом платё нам сошьёт. В этом отношении было, конечно, туговато. А в смысле продуктов — у нас было зажиточно, наш небольшой колхоз, состоящий из двух сел, имел свою грузовую машину, а в то время это большое было подспорье, потому что сельхоззаготовки, которые сдавались государству (рожь, пшеницу, овес), нужно было возить за 25 километров на станцию Баятинскую, где принимали зерно. И хлеб с полей тоже возили на машине. Это освобождало рабочие руки и лошадей, и потому колхоз наш считался зажиточным. Хлеба много давали на трудодни, картофель, даже мед давали, у нас пасека была перед войной.

Немцы сделали очень хитрую штуку: колхоз они не распустили и всем приказали, чтобы не растаскивали ничего колхозного и продолжали работать. Председатель у нас был белобилетник, с одним глазом, коммунист, собирался уйти в партизаны, но не успел. А моя сестра Клава, ныне покойная, была счетоводом в колхозе. И вот перед тем, как

пришли немцы, он пришёл к нам 3-го или 4-го утром и говорит: «Ну, что мне делать-то, Клава? Давай, принимай у меня все дела, вот тебе печать, я уйду в партизаны». И никто не думал, что именно 4-го немцы придут. Вот он и не успел уйти в лес, остался. Немцы пришли, спросили: кто у вас тут председатель? Ну, его и вызвали к коменданту, приказали колхоз оставить как есть, и что теперь он будет не председатель, а староста. Все так и работали по-прежнему в колхозе.

Хлеб мы убрали с полей еще в августе и успели сдать государству, чуть ли не двойной план — урожай был хороший. А хлеб, полученный по трудодням, держали у себя. Председатель еще до прихода немцев сообразил раздать по дворам семенной хлеб, который оставляют на весну. Никто, конечно, не ждал, что немец до нас дойдет, но на всякий случай, мало ли что, семенной хлеб раздали колхозникам — на хранение. Тогда честность была у людей поголовная, каждый в амбарной книге расписался в получении. Маме моей, Андреевой Екатерине, выдали 200 кг семенного фонда и наказали сберечь. Она неграмотная была, вместо росписи ставила крестик. А уже при немцах собрали большой урожай картофеля и овощей — и всё это распределили по домам.

Так прошли в оккупации три с лишним месяца. Немцы наезжали в село очень часто, в неделю раза три, в основном за едой, но еще — делали обыски, искали партизан, шарили в подвалах, на сеновале. Приезжали днем, а вечером убились. Ночью же — приходили партизаны. Но они опасались предательства. Через кого-то их разведка узнала, что мы — семья учителя, то есть надежная (сестра моя, Серафима, работала учителем в школе).

Наш дом был вторым с краю села. И вот, помню, в наш дом ночью стучатся. Мы притихли, боимся до смерти. «Кто? кто?» — спрашиваем. «Свои, свои, партизаны», — отвечают. Мы открываем дверь, нас три девки и мать. На санках они привезли муки и мяса сырого. «Ну, картошка у вас есть, — говорят. — Сварите мясо и испеките хлеба сколько можете». Мать начала ставить хлеб, а ему же надо подойти. Они сказали: «Утром мы придем».

Мясо мы с картошкой тушили. Всю ночь топились печка. Еще они спросили: кто соседи из крайнего дома? А соседи были хорошие люди, и тогда им тоже отнесли, чтоб они тоже готовили. Так партизаны приходили к нам не-

сколько раз и строго-настрого приказали никому в селе про них не говорить, потому что две семьи тут были раскулаченные и советскую власть не любили, могли предать. Им нужно было выпекать хлеб и варить мясо. Обычно приносили полтуши свинины или баранины (потому что весь угнанный скот до места так и не дошел) и уходили.

Только мы, две семьи, знали, что в село приходят партизаны, которым мы помогаем. Они нам были очень благодарны. Вечером привозили муку и мясо, утром увозили. Однажды я даже одного из них узнала. И вот, когда он зашел к нам, я ему и говорю: «А я вас знаю». «Откуда?» — удивился он. Ну, я и рассказала: «Когда я училась в Мосальске в восьмом классе, вы были там секретарем райкома». «Да, да, но — ни звука! Никому об этом!» Мы, конечно, никому не проговорились.

Когда немцы начали отступать в конце сорок первого, то наши деревни и села, что были вдалеке от дороги, они миновали, потому что отходили по Варшавскому шоссе. А вот вдоль этой дороги они вели себя страшно и нечеловечески жестоко. Все деревни были сожжены, все до единой. Людей, а это были в основном женщины и дети, — выгнали из домов и погнали по шоссе на запад. Зима стояла лютая. Все дети в дороге умерли. И уже потом, после освобождения, женщины вернулись назад без детей. А жить-то им было негде. Устраивали их кто где, строили землянки, обивали стены деревом, так и перебивались первое время.

И вот 8 января, на второй день Рождества, пришли наши войска. Накануне — слышим: артиллерийская канонада! Кто? Где? Чьи это? Понять ничего не можем. Ни радио, ни лесника к тому времени уже не было. Артиллерия бьет, а мы не знаем: кто и откуда. Потом пришла одна женщина из Серпеевска, был такой городок в 12 километрах от нас, и сказала, что наши идут, уже освободили город Мещовск, скоро будут здесь.

Рождество в деревнях считалось большим праздником. Все наготовили, напекли еды, отмечали. А 8-го вечером мы, подростки, собрались в клубе, под балалайку пели и плясали. И вдруг заходят в клуб солдаты в белых халатах со звездочками на шапках. Мы испугались сначала и тут же обрадовались, потому что уже их ждали. Они спрашивают: «Немцы в селе есть?» Мы говорим: «Нет, нет!» — «А староста где?» Ну, мы показали, какой дом.

Это потом нам объяснили, что первыми, впереди регулярных войск, шли штрафники. Уж больно они были бесцеремонные. Брала еда, сколько хотели, можно сказать, пошерстили нас, пограбили — у кого свинью зарезали, у кого теленка, у кого кур и гусей забрали.

Потом, дня через два, пришли регулярные войска. Когда жители стали жаловаться, что у нас свои же тут вольно погуляли, то нам сказали: да это же штрафники, люди отчаянные, их уже не догнать.

Регулярные войска были расквартированы по дворам. При каждом доме стояли пушки и лошади. А в нашем доме расположился штаб конного дивизиона, наладили связь, телефон. Дом у нас был хороший, ухоженный, чистый, к тому же нас почитали как семью учителя.

Войска наши продвинулись на запад от Копорья, где мы жили, на 30 километров — до деревни Заячья Гора. И встали. Деревня эта находилась на высоком холме, и немцы там сильно закрепились, выбить их оттуда не удавалось аж до лета сорок третьего года. Войска направлялись туда большими соединениями, а возвращались оттуда разбитыми остатками.

И вот в июле 1942 года нас, всю оставшуюся в селе молодежь, ребят-подростков и девочек с 15 до 18 лет, через военкомат отправили на сборный пункт в Калугу, а затем — поездами на Урал и в Сибирь, в школы ФЗО. Меня и сестру Клаву — в город Омск, других — в Свердловск, Новосибирск и еще куда-то. Это было понятно: с одной стороны, все боялись, что немцы вернуться, и молодежь будет угнана в Германию, а с другой стороны — нужны были рабочие руки в тылу. Мать с моей старшей сестрой Серафимой (учительницей) остались дома вдвоем.

Меня учили профессии токаря. Но на самом деле теории никакой не было, учили только на практике, приставляли двух учеников к токарю, и он нас сразу, у станка, обучал работе. Туда, в Омск, был эвакуирован авиационный завод из Москвы, и мы должны были делать детали для самолетов. Меня поставили к револьверному станку. Работали посменно.

Почти до конца зимы мы прожили в Омске. Нам там было очень плохо. Кормежка — никудышная: капуста, хлеб, селедка. Денег не платили, работали только за еду. Жили на окраине города, в общежитии, точнее, в холодном бараке, где было полно вшей и клопов. Все «удобст-

ва» — на улице. Печки топить было нечем, ни дров, ни угля не завезли. Мы ходили воровать дрова, заборы все ближайшие разломали, даже уборные разобрали. Потом, в конце зимы, до начальства что-то дошло, забили тревогу, стали нам выдавать торф в брикетах и уголь.

Но хуже всего было даже не это. Плохо и одиноко нам было без родителей, мы все ужасно по ним скучали. Мне всего-то 16 лет, и кругом — одни подростки. Мы истосковались, похудели, пищи-то нормальной не видели — хлеб, капуста да чай с сахаринном. Кормили только в столовой, в бараках еды почти не было.

Сестра Клава училась на телеграфиста и жила ближе к центру города — в помещении с паровым отоплением. У них было более-менее сносно для проживания.

А я в конце зимы решила возвращаться назад, к матери. Вместе со мной надумали ехать еще шесть девчонок из моего барака, которые тоже были из Мосальского района — из соседних с нами деревень. Но перед этим мы с Клавой получили письмо от Серафимы, где она сообщала, что всех жителей Копорья эвакуируют в Тулу и Тульскую область. Так что мне еще предстояло их там найти. Перед отъездом я зашла к Клаве и сказала о своем решении уезжать. Клава ехать с нами отказалась, дала нам хлеба, селедки, и мы с ней распрощались.

Пришли мы с девчонками на вокзал, а там стоял товарный эшелон с лошадьми. Лошадей везли на запад, на фронт. Эшелон охранялся, и в каждом вагоне был свой сопровождающий, но гражданский. Мы попросили одного из них: «Дяденька, нельзя ли нам с вами сколько-нибудь доехать?» Он сначала отказывался, но потом, видимо, пожалелся над нами, девками, и согласился поговорить с другим сопровождающим.

В конце концов они согласились. Рассовали нас по двум теплушкам с лошадьми. В одном углу вагона было сено, в другом лошади, а посередине — печка-буржуйка. Нам велели зарыться в сено и лежать тихо, потому что перед отъездом вагоны будут проверять. Мы зарылись. Ночью кто-то пришел, спросил, всё ли нормально? Ему ответили: «Да, да, всё в порядке». И ночью поезд тронулся.

Через какое-то время все уснули, и сопровождающий — тоже. А печка быстро остыла. В вагоне стало холодно. Я, видимо, плохо сеном-то накрылась и во сне стала замерзать. И вот чувствую через сон, что меня кто-то тол-

кает в бок. Открываю глаза — а это лошадь толкает меня копытом. Я испугалась, вскочила, вся продрогшая, и заплакала. Тут и сопровождающий проснулся, спросил: «В чем дело?» Я ему и рассказала про лошадь-то, и он мне говорит: «Ой, девка, ты в рубашке родилась». Он встал и растопил печку. А мороз стоял градусов тридцать пять. Никогда не забуду, как лошадь меня разбудила.

Вот так мы ехали целую неделю. Сопровождающий на остановках приносил нам поесть. И вскоре уже весь эшелон знал, что в поезде едут семь девчонок, и сопровождающие со всех вагонов вместе с их старшим из своего пайка делились с нами едой. А один раз этот старший сам принес нам горячей каши с хлебом.

Наш эшелон подолгу стоял на станциях, потому что в первую очередь пропускали поезда с войсками и вооружением. Так мы добрались до города Пензы, где нам сказали, что дальше эшелон будет переформирован и передан другой бригаде. И нам велели высадиться.

От Пензы мы добирались как могли — пешком, на подножках пассажирских поездов или уговаривали кондукторов товарняков посадить нас на задние открытые площадки. В войну, я должна сказать, народ добрый был, потому что всем было тяжело, настолько добрый, что делился последним куском хлеба. Нас пускали, разрешали доехать до ближайшей станции, хотя это и было запрещено. Доезжали мы до какой-то станции, высаживались и потом опять просились к другим кондукторам, и снова нас пускали. А иной раз просто, когда поезд трогался, хватались за ручки на вагонах, впрыгивали на ступеньки и так ехали.

Помню, на одной станции я чуть было не сорвалась под колеса. За ручку-то схватилась, а нога со ступеньки соскользнула. Держусь за ручку, а ноги бегут по земле за поездом. Как я забралась опять на ступеньку — не помню. И всю дорогу только Бога благодарила. Это, наверное, мать за меня молилась. А было это ночью. Ветер, холод страшный.

Вот так мы стояли на ступеньках до следующей станции, а когда поезд к ней подъезжал, — спрыгивали, потому что милиция могла забрать, арестовать, ведь всё было очень строго, страна-то — на военном положении. И в одном месте трех наших девчонок забрали.

Ехали мы через день. Сутки едем, сутки отдыхаем в какой-нибудь деревне, ведь нам же надо было поесть и

поспать. За сутки езды продвигались километров на тридцать.

В деревнях нас везде пускали на ночлег. Надо сказать, что тогда в стране был порядок. Мы ведь считались беженцами. В каждой деревне был бригадир. Мы заходили в какой-то дом и просились разместить нас на ночь. А хозяйка отвечала — идите к бригадиру в такой-то дом, он вас распределит. И бригадир разводил нас по два человека в дом, и все знали, что нас надо не только уложить на ночь, но и накормить — таков был порядок. Хозяева что сами ели, то и нам давали, и относились к нам с жалостью и сочувствием. Некоторые даже старались дать нам кусочек получше, повкуснее.

Однажды в одной деревеньке я ночевала в доме, где жил дедушка. А у меня от ходьбы валенок протерся на большом пальце. На ночь я поставила валенки сушить к печке. Утром встаю, надеваю валенки, а они оба — целые, без дырки. Я смотрю — вроде мой валенок и не мой. Я его верчу в руках, а дед за мной наблюдает и усмехается. «Дочка, — говорит, — чего ты ищешь?» — «Да вот вроде один валенок не мой». — «Это твой, твой». — «Ну как же, мой с дыркой был». — «Да я его зашил», — говорит. «Ой, — я обрадовалась, — спасибо вам огромное!»

Таким вот путем мы добирались из Омска до Тулы, дай Бог памяти, два месяца.

Сестра Серафима, я уже говорила, мне в Омск писала, что их с матерью будут эвакуировать в Тульскую область, но куда — неизвестно. Скорее всего как семью учителя — в город Мещовск. И больше я уже ничего не знала. И когда мы добрались до Тульской области, нам в одной деревне и говорят: тут есть ваши, калужские, эвакуированные. «Где?» — спрашиваем. «А в следующей деревне, там их много».

Мы идем туда, заходим в один дом, а в нем квартирует одна женщина из нашего колхоза. А с нами — ее племянница. Она обрадовалась нам, посадила за стол, накормила. Помню, супу налила картофельного и маслица сливочного в суп положила. Так было вкусно! И она мне сказала: я знаю, куда ваши эвакуированы — ваша семья и семья Пугачевых (наших соседей) эвакуированы в Мещовск, в поселок Петровский.

Тут я со своими подружками-спутницами рассталась и, наверное, еще целую неделю шла до Мещовска пешком.

Опять ночевала и питалась по деревням. Голод еще в деревнях не начался, были хлеб, картошка, даже скот.

И вот дошла я до Мешовска, нашла этот поселок Петровский, где жили эвакуированные, зашла в один дом. День, помню, стоял ясный, солнечный. Дверь открываю, вхожу, а за столом спиной ко мне сидят, обедают моя мать и сестра Серафима, а лицом ко мне — семья Пугачевых. Аня Пугачева как вскрикнет: «Ой! Юля!» Мать с сестрой обернулись — а это я. Тут сразу все в голос, в слезы от радости. Давай меня обнимать, целовать, переодевать. А жили в этом доме пять эвакуированных семей, человек пятнадцать — в доме из двух комнат. И ведь помешались! Печку по очереди топили, хлеб пекли, готовили.

В эвакуацию людей из деревень перевозили вместе с личным скотом. А корм для скотины должен был давать колхоз, так приказали власти. Коров свезли в общий коровник, и я ходила кормить нашу корову колхозным сеном. Но к середине весны колхозный корм закончился, всё съели. Что делать? Резать коров? Это бесхозяйственно, это шаг к верному голоду.

И вот мы, две семьи — наша и Пугачевых, решили, что моя мать и Аня Пугачева отправятся вместе с коровами в свои села, откуда мы были эвакуированы, потому что там у нас оставалось сено с прошлого года — и в домах на сеновалах, и в полях стояли большие скирды.

Так мы порешили, никому об этом не говоря. Ночью я с матерью и тетя Аня с дочкой Настей, моей сверстницей, забрали своих коров и пешком дошли до наших сел. Аня и мама моя опять поселились в родных хатах. Но там ведь надо чем-то питаться. На первое время мы взяли с собой по сумке муки. А потом я и Настя договорились носить матерям еду — муку и мясо.

Первый раз добрались благополучно. А во второй — нас остановили пограничники (заградотряд. — В.Х.), ведь мы шли в сторону линии фронта. Забрали и посадили нас под замок в холодную комнату в каком-то помещении, где мы просидели двое суток. Потом — отправили назад, в Мешовск, и приказали больше не возвращаться. А как не возвращаться? У нас же матери сидели без еды. Мы стали пробираться другим путем, лесом, а там еще снег лежал.

Приходили пограничники и к нашим матерям, хотели арестовать и отправить назад, в тыл, но те объясняли свое

безвыходное положение, и их прощали. В конце концов сами пограничники стали к ним ходить молоко пить.

Но вот наконец нашим войскам удалось окружить Заячью Гору и выбить оттуда немцев. Фронт от Калужской области отодвинулся на запад. Ну и народ тоже стал потихоньку возвращаться в свои родные места. Тут и мы перенесли свои вещи из Мещовска назад, в Копорье. И вдруг — новая команда: всех, кто вернулся, опять эвакуировать! Видимо, боялись не удержать фронт. Берут нашу семью под белые руки, сажают в машину вместе с коровой и увозят в Мосальский район, подальше от фронта, в деревню Горбачи.

А ведь уже был конец весны, на носу начало лета, надо огород, картошку сажать. Война войной, а нам следующей зимой чем-то питаться надо. Мы только своим огородом и спасались. И вот мать опять тайком перебралась в Копорье. А я, как всегда, должна была носить туда еду.

Но тут случилась другая беда. Сестра Серафима, чтобы заработать денег, решила по чьему-то совету устроиться вольнонаемной в военную прачечную. А здоровьем с детства она была слабая. Мать ее отговаривала, но она не послушалась, пошла. Так и вышло, как мать говорила, — эта работа ей оказалась не по силам. И через некоторое время она перестала выходить на работу. Ну, и за ней, как говорится, пришли. Забрали, увезли в Мосальск и посадили в предварительное заключение. Сам город Мосальск уже функционировал как город, в него вернулась местная власть. Так вот мне пришлось носить еду теперь уже и матери, и сестре, потому что в КПЗ люди тогда сидели впроголодь.

Прожила я в этих Горбачах все лето 1943 года — в чужом доме, вместе с чужими семьями. Корова наша тоже находилась у хозяйки дома, где я жила. Она ее кормила и доила.

Все-таки жизненный деревенский опыт моей матери нас тогда действительно спас. Когда осенью сорок третьего уже окончательно людям разрешили возвращаться из эвакуации в западные районы Калужской области, они вернулись без пропитания и на пустую землю. А у нас был посажен и выращен огород. И зиму 43—44 годов мы не голодали.

Серафиму все-таки освободили. Ее выручило то, что до войны она работала учителем, и то, что два наших старших брата воевали на фронте. Она потом и дальше, до самой старости работала учителем.

Брат Иван был танкистом, брал Берлин и после Победы остался с нашей группой войск в Германии, дослужился до капитана.

Брат Павел с войны не вернулся, погиб.

В конце 40-х Серафима купила дом в деревне Починки Ногинского района Московской области. Туда мы и переехали всей семьей. Вскоре к нам из Омска приехала Клава, а затем, в начале 50-х, отслужив, с молодой женой прибыл из Германии Иван.

2006

ОЛЯ

Мне было шестнадцать, а ей четырнадцать.

...Мы шли медленно по неглубоким сугробам в глубь зимнего лесопарка все дальше и дальше от города. Деревья кругом становились плотнее и гуще, и наконец просветы между ними совсем исчезли. Только заснеженные ели и оголенные березы окружали нас со всех сторон. Начинало смеркаться. Тени от деревьев становились мрачнее, а мы шли всё дальше в полутьму леса, не обращая внимания ни на крепчающий мороз, ни на отдаленность от города, ни на вечер. Так мы дошли до небольшого овражка, спустились вниз и там в маленьких густых елках Оля увидела огромный пенёк, подбежала к нему, смахнула с него снег и присела. Мне тоже не хотелось никуда идти, здесь было как-то очень хорошо, красиво и тихо. Я сел рядом с нею, прижавшись к ее плечу. И тогда я подумал: как это удивительно и даже странно, что мы с ней здесь вместе, одни, вдали от всех людей и забот, и никто не может нарушить нашего уединения. Здесь — только мы и зимняя природа.

Еще совсем недавно, когда я мечтал хотя бы изредка видеть ее, я и подумать не мог, что мы будем в лесу сидеть рядом на одном пне, ощущая тепло друг друга, и с замиранием сердца ждать чего-то необыкновенного, неиспытанного.

Наверно, с минуты мы сидели молча. Оля положила голову на мое плечо и закрыла глаза. От волнения я не знал, что говорить, хотя говорить очень хотелось — о многом и очень важном. Но я задал самый обычный, самый пустой вопрос:

— О чем ты сейчас думаешь?

Оля не ответила. Она даже не открыла глаз. И только через некоторое время слабо улыбнулась и сказала:

— Я тебя еще так мало знаю...

Она убрала голову с моего плеча. Я обнял ее и прижался губами к ее щеке. Потом еще крепче прижал к себе и с колотящимся сердцем увидел перед глазами ее полуоткрытые губы. Я больше ничего не видел, кроме этих розовых прекрасных губ... И впервые ее поцеловал.

Вокруг нас застыла глубокая тишина — ни единого шороха не было слышно, ни единого звука. И только два сердца учащенно бились у нас в груди, волнуя кровь и туманя голову. Прижавшись щеками, мы сидели не шевелясь.

— Что теперь это значит? — подала она голос.

— То, что я люблю тебя.

— Давно?

— Слишком давно.

— Почему слишком? Мы ведь только недавно сблизились.

— Я любил тебя с детства.

— Как это? Не понимаю... — она недоуменно повернула ко мне лицо.

Я загадочно улыбнулся, помолчал немного, потом заговорил:

— Так удивительно получилось... Сначала ты была в моем воображении. Еще ребенком каждый вечер перед тем, как уснуть, я представлял тебя. Представлял такой, какая ты должна быть на самом деле. Я мечтал встретить тебя и почему-то был уверен, что ты существуешь...

— Как интересно... — промолвила она.

— И вдруг... Это было давно, не помню когда... Я тебя увидел. Увидел в жизни. В точности такую, какой представлял. С тех пор я уже любил не вымышленную, а настоящую тебя. Мы жили рядом, в том подмосковном поселке. Помнишь? Любая случайная наша встреча была праздником для меня. Но я не знал, что делать, как заговорить с тобой, и молчал, скрывая свои чувства. А ночами по-прежнему перед глазами появлялся твой образ, и я засыпал вместе с ним. Так продолжалось долго, пока наконец судьба не свела нас здесь, в этом городе...

Стало совсем темно. Только теперь я заметил, как лес наверху оврага шумел от поднявшегося ветра, качался, бросая на нас черные тени. Я почувствовал мороз и ледяной под нами пень. Взглянул на ее лицо. Ресницы и выбившиеся из-под шапки волосы покрылись инеем. Губы сжаты. Глаза неподвижно устремлены в одну точку. Приль-

нужно ко мне, едва дыша, в мыслях своих, как мне казалось, она была где-то слишком далеко и ничего не замечала вокруг. Я приподнял ее пушистый воротник, снял перчатку, провел рукой по ее щеке и поцеловал еще раз.

Оля словно очнулась.

— А почему ты не мог сказать мне раньше?..

— Не хватало смелости. Я, вообще-то, был стеснительный... Впрочем, таким и остался. Ну и потом... вдруг ты посмеялась бы надо мной — и придуманный образ рухнул бы в одночасье... А этого очень не хотелось.

— Похоже на сказку...

Она опустила лицо мне на грудь и прошептала:

— Я тоже люблю тебя, поверь мне. Я влюбилась в тебя с нашего знакомства и даже сама хотела признаться...

Я приподнял ее голову и стал долго целовать в губы, в глаза, в щеки, в шею... А она тихо, по-детски смеялась своим незабываемым голосом.

Потом я снял с ее рук варежки. Красивые мягкие пальцы совсем заоченели. Я осторожно их растирал и отчаянно дышал на них, и когда они отошли — согревал в своих ладонях.

Она подняла к глазам часы. Они показывали двенадцать ночи. Мороз уже чувствительно щипал наши щеки и носы. Нужно было возвращаться.

Мы быстро поднялись наверх оврага и увидели, что сквозь деревья просвечиваются ночные огни города, оберегая нас от блужданий в лесу.

Прошло два года. Я окончил школу и получил повестку в армию. После шумных застольных проводов нас, призывников 1967 года, теплым июньским вечером привезли в аэропорт «Домодедово».

...ИЛ-18 медленно набирал высоту. Густой тяжеловесный гул моторов сдавливал слух. Всем телом ощущалась мелкая неприятная тряска. Раньше мне не приходилось летать в самолете, и поначалу ощущение полета показалось довольно мутным.

За стеклом иллюминатора висела ночь, а внизу, освещенная тысячами электрических огней, проплывала Москва. Я расставался с нею надолго, и мне было грустно ее покидать. Мы летели к месту службы, но никто из нас не знал в точности — куда.

Набрав большую высоту, самолет летел на восток. Москва была далеко позади, а внизу сплошным белым покрывалом висели облака, словно лежащие на земле сугробы снега. Над нами было черное небо, усеянное яркими звездами. Но у горизонта небо сияло ярко-малиновым пожаром, а облака окрасились в бледно-розовый цвет. Мы поднялись так высоко, что чуть было вновь не увидели ушедшее за горизонт солнце.

Нам всем было грустно, несмотря на то, что мимо нас ходили по проходу улыбающиеся стюардессы. Было как-то не до них: одни сидели задумавшись или глядя в иллюминатор, другие под монотонный дрожащий шум старались уснуть.

Я смотрел на звезды, на горящий горизонт, на плывущий под нами «снег», а из памяти не выходили последние дни на «гражданке».

...Мы не виделись с Олей несколько дней. Мне показалось, она избегала наших встреч. И вот ранним зимним вечером, когда я стоял у ее подъезда, ко мне подошла Ира, ее подруга и соседка по лестничной площадке. Она знала о наших отношениях и, как я подозревал, завидовала нам.

— Как думаешь, где сейчас Ольга? — спросила она.

— Не знаю, — угрюмо ответил я.

— А я знаю. Она гуляет в парке с ребятами из своего класса.

— Ну и что? — Я старался выглядеть равнодушным.

— Тебе все равно? Она там, а ты здесь...

— А почему тебя это волнует?

— Ну... я ведь вижу... В общем, она не хочет с тобой встречаться...

— С чего ты взяла? — как можно спокойнее, но с помертвевшим сердцем выдавил я.

— Да от нее знаю, — усмехнулась Ира.

— Не ври. Она сама бы сказала. — Мне не хватало воздуха. — Всё интригуешь... — Тяжело вздохнув, я повернулся, чтобы уйти.

— Поверь мне... Это правда.

Не глядя на нее, чувствуя сильную нервную дрожь, я бросил со злобным пренебрежением:

— Слушай, зачем это тебе? Чего ты добиваешься? Тебе надо нас разлучить?

— Постой, не уходи...

— Что еще? — Я стоял к ней спиной.
— А ты не догадываешься?..
— В общем-то, догадываюсь, — повернувшись к ней, произнес я с кривой ухмылкой.
Она подняла ко мне свои большие серые глаза.
— Я люблю тебя, — еле слышно сказала она и потупилась.
И в это мгновение я увидел Олю. Она сошла с трамвая и легкой походкой направлялась прямо к нам. В свете фонарей я разглядел ее загадочную улыбку. Подойдя к нам, она остановилась. Сердце мое отчаянно билось в груди, кровь прилила к лицу, и мне стало жарко.
— Здравствуйте, — сказала она тихим, но звонким голосом.
Меня подстегивало броситься к ней, обнять и говорить, страстно говорить о том, как я ждал ее все эти дни, как измучился, не понимая этой глупой разлуки... Но стоял молча и не шевелясь. Вот мы сошлись взглядами, и она тут же отвела глаза.
— Где ты была? — обратилась к ней Ира.
— О, где я была!.. — воскликнула с улыбкой Оля, сделав шаг к двери подъезда.
— Оля! — не выдержал я и быстро подошел к ней. — Что с тобой?! — закричал я дрожащим от волнения шепотом, крепко сжимая ее плечи. — Почему..
Она поднесла ладонь к моим губам и так выразительно, понимающе посмотрела на меня, что я невольно умолк, отпустил ее плечи и стал тихо целовать руку, прижатую к моим губам.
— Успокойся... — Она отстранилась и вошла в подъезд. Одинок застыв, Ира грустно смотрела на меня.
Я резко повернулся и, глядя под ноги, побрел к себе.
Только под утро я смог заснуть...

«Наш самолет следует до Красноярска. Мы летим на высоте девять тысяч метров. За бортом минус двадцать градусов».

Я открыл глаза. В иллюминаторе висела сплошная тьма. Облака исчезли. И лишь далеко внизу мерцали маленькие огоньки. В одном месте они сплелись в единый светящийся круг, похожий на созвездие.

«Мы пролетаем над Казанью», — объявил по радио женский голос.

...Оля сидела на кушетке около торшера, освещенная неярким малиновым светом. Она низко опустила голову и ее темно-каштановые волосы опустились на лицо. Я подсел к ней, отвел волосы с ее лица и прикоснулся губами к горячей щеке.

— Ты будешь меня ждать?

Она положила голову мне на плечо и сжала в ладонях мою руку.

— Конечно, буду.

Я прижал ее к себе и стал нежно покрывать поцелуями ее лицо и шею.

— Если ты меня не дождешься, я там умру от тоски, — прошептал я ей в ухо.

— Господи, целых два года... Не знаю, как мы их переживем...

— Меня будут спасать только твои письма.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было столько красоты и нежности, что мои глаза помутнели от набежавшей влаги.

— И меня тоже. Как приедешь, сразу напиши. И никогда не сомневайся в моей любви...

Она стала гладить меня по волосам, приговаривая: «Мой любимый, любимый...» Потом, немного помолчав, сказала:

— Знать бы, где ты будешь служить...

— Самому интересно...

Я очнулся от прикосновения чьей-то руки. Передо мной стояла улыбающаяся белокурая девушка в форме стюардессы.

— Хотите нарзану?

— Спасибо, с удовольствием.

Меня и впрямь мучила жажда. Она не проходила в течение всего полета, сколько бы я ни просил питья.

Начинало светать. Внизу проступали расплывчатые очертания далекой земли. Прежняя чернота сменилась туманной серостью, и только утренний горизонт светился свежей, обновленной голубизной.

Во мне беспорядочно теснились воспоминания вчерашних проводов. Они бессвязно возникали в сознании и так же мгновенно исчезали, оставляя в душе то грустное, то светлое чувство.

Оля осталась со мной до утра. Я никогда не забуду этих последних ночных часов рядом с ней, моей необыкновенной шестнадцатилетней возлюбленной. Мы думали, что расстанемся на два года, а оказалось — на всю жизнь.

...Со всеми провожающими попрощались возле автобуса, который увезет нас в Домодедово. Прежде всех я подошел к матери. Глаза ее заблестели, губы дрогнули, она обвила руками мою шею и стала быстро, торопливо обцеловывать... После нее меня все обнимали, говорили какие-то слова и долго жали руку. Особенно Ира... Она прильнула ко мне, хотела что-то сказать, но смутилась, отвернула лицо, и я только слегка прикоснулся губами к ее щеке.

Последней со мной попрощалась Оля. Она отвела меня в сторону, повесила мне на шею медальон и наказала, чтобы я носил его, пока мы не встретимся. Я крепко прижал ее к себе и в последний раз мы застыли в долгом поцелуе. Сердце мое сжалось в тягучей тоске, я с какой-то отчаянной безнадежностью взглянул в ее безумно красивые глаза, схватил чемодан, помахал всем рукой и скрылся в толпе призывников, садящихся в автобус.

Когда ехали на аэродром, ребята на соседних сиденьях веселились, поправляли здоровье после вчерашних проводов, что-то пели под гитару, но я сидел молча, угрюмо и еле сдерживал слезы.

Служить мне пришлось в Сибири, в Красноярском крае, в ракетном дивизионе.

Вот два письма, полученных мною от Оли, — первое и последнее. Между ними — целый год. Писем от нее за год нашей разлуки было много, но эти два — самые главные.

«Здравствуй, дорогой мой, любимый!

Ты даже представить себе не можешь, с каким нетерпением я ждала от тебя весточки. Вот уже прошла неделя с того дня, как мы тебя проводили, а мне кажется, что я тебя не видала ну, по крайней мере, полгода. Мне казалось, что, приехав в часть, ты написал всем, а про меня забыл, так я ждала твоего письма.

...После нашего с тобой прощания все провожавшие поехали на трамвае, а я пошла пешком, потому что уже не могла держать слез. Их все заметили — и улыбались, глядя на меня, а мне почему-то было очень неудобно и даже

стыдно. Я убежала от них, шла и плакала. Незнакомые люди проходили мимо и смотрели на меня с недоумением. Пока дошла до твоего дома, немного успокоилась и заглянула к тебе. Все гости уже вновь сидели за столом. Твоя мама что-то мне говорила, но я не слышала. Кажется, она просила или заходить к ней, или не уходить...

...Дорогой мой, наши встречи и все твои слова, клятвы и поцелуи мне теперь кажутся несбыточным сном или необыкновенной сказкой. Как мне хотелось это всё вернуть хоть на мгновение!.. Как я хочу, чтобы ты был рядом!

...По привычке я ежедневно я смотрю на твое окно, словно могу увидеть в нем твой силуэт..

...Если до следующего лета ты не приедешь на побывку, то я сама к тебе прилечу. Вот увидишь! Я же не перенесу эти два года без тебя!»

Но двух лет не понадобилось. Запоздалой сибирской весной, когда всю цвела черемуха и хотелось любить и надеяться, мне передали авиаконверт с ее последним посланием.

«Я получила твое письмо. Оно, как всегда, очень хорошее и нежное. Но вот получается так, что на одно из самых нежных твоих писем я отвечаю не тем, что ты ожидаешь. Я не могу больше этого скрывать. Я люблю другого. Уже полгода. Сначала мне казалось, что это мимолетное увлечение, но вышло всё гораздо серьезнее.

Да, я очень любила тебя, но так, как сейчас, еще не любила никого. В последних письмах к тебе я старалась убедить саму себя, что всё остается по-прежнему, что мое отношение к тебе не изменилось. Но далее убеждать себя в этом не хочу и не могу. В моих желаниях, в моем сердце существует только он.

Я знаю тебя, знаю, что тебе не нужны никакие объяснения, ты сам всё поймешь. Но, честное слово, не поднимается рука после четырех лет нашей любви сказать: «Прощай. Я люблю другого».

Ты будешь презирать меня, но я устала ждать. Прошу тебя, не мешай нам, оставь нас вдвоем.

До нашего горького свидания, мой милый! Именно до свидания, потому что никто не уберет нас от встречи, хотя и нечаянной.

Если сможешь, прости. И больше не пиши мне. Ольга».

Встреча наша и вправду состоялась.

Со службы я вернулся через два с половиной года. Мне уже было известно, что Оля вышла замуж, родила девочку и что они переехали жить к родителям мужа. Но вскоре, через полгода, она развелась и вновь перебралась вместе с дочкой на прежнюю квартиру — к своей матери. И вот однажды из своего окна я увидел ее, проходящую с маленькой девочкой мимо нашего подъезда. Сердце мое встрепнулось и прежняя тоска подступила к горлу. Я открыл шкаф, достал из кармана своего дембельского мундира медальон, подаренный ею в день нашего прощания, и быстро вышел из дома. С гулко бьющимся сердцем я приблизился к ней сзади и негромко произнес ее имя. Держа дочку за руку, она оглянулась и на мгновение обомлела. На ее широко распахнутых, всё таких же прекрасных глазах отразился испуг, но на губах застыла смущенная улыбка.

— Здравствуй... — только и сумела произнести она.

— Как поживаешь? — задал я никчемный вопрос.

— Нормально, — машинально ответила она. — Вот... дочка...

— Знаю, — сказал я, глядя на милое создание полутора лет.

— А ты как?

Я усмехнулся.

— Тоже нормально. Вот, возьми... — Я достал из кармана цепочку с медальоном и протянул ей.

Она опустила глаза, и улыбка сошла с ее губ.

— Не надо, — она сделала шаг назад. — Не надо... Оставь себе... Прости меня... — и, повернувшись ко мне спиной, взяла дочку на руки и быстро, не оглядываясь, поспешила уйти.

С огромной печалью я смотрел ей вслед.

2010

ЛЮБИМАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

В школе, где учился Алексей, был объявлен предновогодний вечер для старшеклассников. Ученики, как и положено, пригласили на него своих преподавателей. Людмила Михайловна, учительница литературы, тоже получила приглашение. Это была женщина лет двадцати шести, стройная, легкая, гордо и независимо держащая себя в любых обстоятельствах. Постоянная строгость и неизменная серьезность Людмилы Михайловны, а также подчеркнутая простота и неброскость ее туалета, вызывали нескрываемое уважение к ней всех ее учеников. Она была равнодушна к подобным развлечениям, однако, немного поколебавшись, пришла.

Алексей Дольский в своем десятом классе считался одним из тех одиноких мечтателей, странность которых принимается всеми спокойно и без насмешек, и у которых редко бывают близкие друзья.

С первых же минут вечера весь сияющий, в веселом расположении духа, Алексей ни на шаг не отступал от Людмилы Михайловны. Он уже несколько раз приглашал ее на танец, вызывая тем самым недоуменные взгляды многих преподавателей. Он был тайно влюблен в учительницу литературы.

Людмила Михайловна еще раньше замечала, что Дольский как-то очень странно не равнодушен к ней. Об этом уже кое-где ходили слухи. На ее уроках он сидел всегда как замороженный и отвечал по ее предмету более чем хорошо. И все же она решила сделать Алексею замечание.

— Дольский, по-моему вы позволяете себе лишнее, ведь вы не с девочкой танцуете, — сказала она шепотом.

Алексей, не переставая улыбаться, немного отстранился и проговорил смущенно:

— Простите... Я замечтался... Но если вам неприятно, я больше не подойду...

— Да нет. Только я не хочу, чтобы на нас все смотрели исподлобья. Вы понимаете?

— Понимаю. Но сегодня у всех такое веселое настроение, все смеются, все словно забыли свои годы... И я очень прошу вас, Людмила Михайловна, не называйте меня сегодня по фамилии, а?

Учительница вопросительно посмотрела ему в глаза. Ее всегда бледные щеки вдруг покрыл розовый румянец, а маленькие пухлые губы приняли недоуменное выражение.

— Хорошо, Алексей, но к чему все это?

— Забудьте сегодня о том, что я ваш ученик, — с улыбкой сказал он.

— У меня не получится, — грустно ответила она. — Вы... ты напрасно решил провести вечер со мной. Только зря время потеряешь. Не останется ни радости, ни впечатления... Посмотри, сколько кругом таких юных и прекрасных девушек. И многие будут рады твоему вниманию.

— Не знаю... — задумчиво произнес Алексей. — Мне никого не нужно... Неужели вы даже на один вечер не хотите забыть свои заботы? Или, может, у вас неприятности?

Танец закончился. Алексей проводил свою партнершу к ее столику, где, рассматривая молодежь оценивающими взглядами и лишь изредка обмениваясь кое-какими репликами, сидели две пожилые преподавательницы. Но только он отошел к стене, как невысокий лысеющий мужчина, игравший роль массовика-затейника, без которого не обходились подобные школьные вечера, вышел в центр зала и объявил белый танец.

Ребята, скрывая нетерпеливое волнение, вызывающее переглядывались, а девушки робко, по одной, стесняясь всеобщего внимания, начали приглашать таких довольных собою ребят.

Алексей пристально, не отрываясь, смотрел на бледное, отвлеченное лицо любимой учительницы. Вернее, он видел половину ее лица. Она сидела за столиком боком к нему, размещивая в чашке кофе. Алексей смотрел на ее задумчивое лицо и мучительно ждал, что вот-вот она взглянет в его сторону, хотя совершенно не верил, что она сама сможет пригласить его на танец.

Одна из сидящих рядом учительниц наклонилась к Людмиле Михайловне и шепнула ей что-то на ухо. Людми-

ла Михайловна резко повернулась в сторону Алексея. Их взгляды мгновенно сошлись. Он чувствовал, что нужно выдержать этот острый взгляд ее больших черных глаз. Но тут ее глаза потупились, она покраснела, затем медленно встала из-за стола, тихо извинилась и направилась к выходу из зала.

Алексей дождался, пока она скроется за дверью, потом, не спеша обходя столики, вышел в коридор. Там было пусто. Однако он ясно услышал удаляющийся быстрый стук ее каблуков. Затем стук смолк. Алексей сбежал с четвертого на третий этаж и увидел, как закрывается дверь одного из классов. Он осторожно подошел к этой двери, хотел было постучаться, как вдруг до его слуха дошло короткое нервное всхлипывание, перераставшее в тихий женский плач. Алексей распахнул дверь. В классе было темно, и все же в свете, проникшего из коридора, он увидел, что у окна спиной к нему, закрыв лицо руками, стояла она. Плечи ее вздрагивали и в темноте казались еще более узкими и хрупкими. Учительница, опустив руки, повернулась на свет. Ее глаза и щеки блестели от слез.

Алексей закрыл дверь и медленно подошел к ней.

— Зачем ты пришел? Уйди сейчас же! — вскрикнула она.

— Не гоните меня... — тихо сказал он.

Она вынула из рукава носовой платок и стала прикладывать его к лицу.

— Людмила Михайловна, будьте со мной откровенны, почему вы плачете?

— Да так, нервы... — уже спокойно произнесла она. — Но зачем ты здесь? Там праздник, а ты здесь...

— Я люблю вас.

Она испуганно посмотрела на него. Потом ласково провела ладонью по его волосам и сказала:

— Милый Алеша, я всегда считала тебя хорошим мальчиком, прилежным учеником и ничего больше я не могла в тебе видеть. Ты подумай, что ты говоришь... Как это могло случиться? Разве ты сказал правду?

— Да.

Людмила Михайловна стояла пораженная, не зная что сказать. Во тьме ее бледное лицо было удивительно красивым и молодым. Она притянула к себе его голову и тихо поцеловала в лоб.

— Всё. Иди, — прошептала она и отвернулась к окну.

Алексей некоторое время стоял молча с опущенной головой, не способный пошевелиться, словно все произошедшее минуту назад случилось в сладком сне и от малейшего движения сон этот может прерваться. Наконец молчание стало тягостным, и он, будто очнувшись, вплотную приблизился к учительнице, не решаясь прикоснуться к ней.

— Людмила Михайловна, — негромко произнес он, — теперь я уже не смогу жить спокойно.

— Алеша, ну подумай, чего ты хочешь от меня?

— Я вас люблю, слышите, люблю и все. Вы, наверное, в душе смеетесь надо мной, но только не говорите, что некрасиво и пошло в семнадцать лет любить женщину, которая гораздо старше тебя...

Людмила Михайловна ничего не ответила своему ученику. Она подошла к первой парте, села и уронила голову на руки. Алексей остался у окна, чувствуя прилив тяжелого стыда за себя и за эту женщину, которую он, быть может, так ненужно и глупо обидел. Но она встала, приладила ладонью волосы и сказала с грустной улыбкой, как бы извиняясь:

— Не обращай на меня внимания, Алеша... Давай уйдем отсюда. Я тебе кое-что расскажу.

Они оделись и вышли на улицу. Стояла звёздная тихая предновогодняя ночь. Но город не спал. Шумные компании гуляли по украшенным разноцветными огнями улицам. Людмила Михайловна взяла Алексея под руку. Сначала они шли молча. Потом ее лицо просветлело, она развеселилась и заговорила:

— Какая хорошая ночь! А ты знаешь, ночью я становлюсь совершенно иным человеком. Меня тянет говорить и говорить... Хочешь я расскажу тебе маленькую историю? За твою искренность я отплачу тебе тем же.

Я училась еще в техникуме. В летние каникулы я ездила к тетке в деревню. И вот там повстречала человека, за которым даже теперь, через столько лет, я готова пойти хоть на край света. Если бы он только позвал... Я бы бросила всё: и работу, и дом, и покой. Но... ничего этого не будет, потому что он меня никогда не позовет...

Однажды — какое это было чудесное время! — он признался мне в любви, а я, семнадцатилетняя девчонка, возгордилась, хотела показать свой характер, чуть ли не отвергла его. Нет, в душе я носила огромную радость, а внеш-

не старалась подразнить, помучить, поиграть на его первых и настоящих чувствах. Больше он не говорил мне ни слова о любви. Я же верила, что он скрывал ее в себе и еще больше гордилась.

Каждый вечер мы выходили на проселочную дорогу и гуляли допоздна. Лето приближалось к концу. Ночи становились прохладными и очень звездными. Мы подолгу сидели на крыльце; у меня мерзли пальцы, а он их согревал в своих руках... И так продолжалось до самой осени.

Он увлекался немного Маяковским, а я в то время была без ума от Есенина, стихов которого он почти не знал. И вот, когда он дышал на мои холодные пальцы, я читала ему:

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую бесшумную погоду.

Или это:

Ты меня не любишь, не жалеешь,
Разве я немного не красив?

Да, он был первым и последним, кто в единственный раз меня поцеловал и сказал «люблю». Затем мы расстались. И лишь в разлуке, наедине с собой, я поняла, как мне не хватает его, только его. Он писал мне письма, а в них свои первые стихи. И они мне так нравились и так были дороги, как будто их я сочиняла сама. В них сквозила есенинская грусть...

Но постепенно он стал забывать меня. Впрочем, письма еще приходили. И что самое удивительное, в разлуке я все больше и больше чувствовала, что люблю его так, как любят в жизни только раз и только одного человека. Его глаза... Печальные, темно-серые глаза. Я видела их всюду, лишь стоило задуматься о нем. Я словно жила под постоянным наблюдением этих проникновенных глаз. Так он смотрел на меня, когда хотел и не решался сказать о своей любви.

Больше мы не виделись. Но я ждала, я надеялась встретиться с ним и сама себе в душе поклялась быть верной ему, сколько бы мне ни пришлось ждать. Так длилось несколько лет. И вдруг — получила письмо... Теперь я редко

думаю о том письме, но до сих пор не могу читать его спокойно. А тогда... тогда мне не хотелось больше жить. Ведь в своих письмах к нему я прямо писала, что мне в жизни нужен лишь он один, что люблю его, и просила повторить еще раз то, что он сказал однажды... А ответом на все мои просьбы явилось последнее его письмо, где он обрывал все, что связывало нас, где говорил о бессмысленности наших отношений, которые называл непонятными, и не скрывал, что они ему в чем-то даже мешают. Но особенно больно было оттого, что слова, произнесенные им когда-то, он называл ошибкой молодости, а свои прежние чувства — увлечением от одиночества и просил за них прощения.

Сколько я переплакала — подушка к утру не просыхала. Ночи стали бессонными. Они словно сдавливали меня тягостным ощущением пустоты, одиночества и горькой обиды из-за сознания своей ненужности дорогому мне человеку. Переписка прекратилась. Я стала учителем литературы. Я поняла, что между нами давно все кончено, что никакого чуда случится не может. Но клятва верности, данная мною себе, как-то невольно жила во мне, независимо от всего. Она жива и сейчас, но уже перешла в верность себе самой...

Людмила Михайловна смолкла. Алексей мельком взглянул на ее отвлеченное, отдалившееся лицо и подумал о том, что она не просто вспоминала эту историю для него, а будто бы вслух исповедовалась и перед ним, и перед собой, оглядываясь на прошлое, чтобы проститься с тем, что постоянно связывало и томило ее до сих пор.

Снег блестел у них под ногами. Морозный воздух разрумянил их лица, а ресницы и брови покрылись инеем. Город постепенно затихал, погружаясь в сон. Незаметно они добрались до ее дома.

— Вот видишь, я тебе всё и рассказала, — они остановились. — Спасибо тебе за этот вечер, Алеша. — Людмила Михайловна, не снимая варежки, погладила его по руке в кожаной перчатке. — А теперь давай договоримся больше никогда не возвращаться к этой теме. Хорошо?

Алексей повернулся к ней лицом и, помолчав, сказал:

— А как же мне быть?

— Пройдет, все пройдет, — ласково на него взглянув, ответила она. — Ты закончишь школу, отслужишь армию, потом женишься, и я приду к тебе на свадьбу. Обещаю.

Алексей печальными глазами посмотрел на ее прекрасное порозовевшее лицо, смахнул иней с ее пушистой заиндевевшей шапки, вздохнул и согласно кивнул.

— Ну вот и чудно, — Людмила Михайловна положила ему руки на плечи, приподнялась на цыпочках и поцеловала его в щеку. — С наступающим праздником тебя, Алеша. А на каникулы — задание. Выучи наизусть есенинское стихотворение «Собаке Качалова». Потом, на уроке, спросу. Всё, беги домой.

Она опустила глаза, быстрым шагом отошла к своему подъезду и скрылась за дверью.

Январь 1969

ОН ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЛСЯ ОДИН

Он всегда возвращался один. Выходил из автобуса и не спеша шагал по холодным безлюдным московским улицам, когда в домах уже угасали окна.

Весь октябрь шли дожди. Иногда поутру переставало моросить, но небо не прояснялось, целый день оно было затянуто тяжелой угрюмой пеленой, и к вечеру дождь занимался вновь — мелкий, противный, ветреный.

Выйдя из автобуса, он засовывал руки в карманы черного плаща и как-то нехотя, даже не подняв воротника, шел в сторону своего общежития. Он шел с опущенной головой по блестящим от фонарей тротуарам. Холодные капли медленно скатывались с мокрых волос на шею, отчего становилось зябко и еще хуже на душе.

Да, на душе у него было скверно. Думал он о том, как глупо складывается его судьба, как ему слепо не везет в жизни, что никому в этом городе он не нужен. Он искал себе друга и не находил. Боль одиночества в эти минуты разрасталась в его душе и переходила в состояние подавленности и презрения к себе. Ему было плохо.

Он доходил до общежития, поднимался пешком на восьмой этаж. Обычно к этому времени опьянение улетучивалось из его головы, но от выкуренных сигарет болели виски, и очень хотелось пить. Он проходил на кухню и долго, большими глотками пил воду из чайника. Потом, отдышавшись, шарил по полкам кухонного стола, находил что-нибудь из остатков холостяцкого ужина ребят, живущих вместе с ним, и, перекусив немного, шел к себе в комнату спать. Перед тем, как уснуть, он старался припомнить детали прошедшего дня, закрывал глаза, и перед ним проплывали лица, лица, лица... Слышалась музыка, вокруг него кружились какие-то люди, чужие люди, которых он любил...

Он встал в шесть часов утра. Он всегда просыпался тогда, когда хотел. Ребята знали: если на кухне заговорил транзистор, то пора подниматься. Они надеялись на Андрея, как на будильник. Он поджарил себе яичницу, потом размешал в стакане кипятка две ложки сгущенного какао (в этом заключался его каждодневный завтрак) и отправился на работу.

Андрей был строителем. За свои двадцать пять лет много ему пришлось потрудиться на стройках, но не любил он свою профессию. Он был убежден в том, что рожден для чего-то большего. Пробовал поступать в институт. Не получалось. Не хватало знаний. В школе учился слабо, но не потому, что лучше не мог, просто не хотел, ему скучно было учиться. После армии умчался на одну из северных строек, думал начать самостоятельную жизнь, подзаработать, жениться, купить квартиру и тогда уже, имея собственный очаг, найти себе работу по душе.

Подзаработать оказалось не так-то просто. Физический труд тяжело давил на его психику. Андрей не был морально приспособлен к такому труду, и отсюда происходили частые стычки с начальством, прогулы, которые ему не прощали, тогда как легко прощали другим. Он озлоблялся, таил обиды, все больше уходил в себя. Одна стройка сменялась другой, но везде было одно и то же: работа не доставляла ему ничего, кроме разочарования в людях, в жизни и неудовлетворенности собой.

Ему нужно было что-то изменить в судьбе. Но что? Как жить дальше — он не знал. Не обладая большой силой воли, Андрей не мог заставить себя сесть за учебники. Споткнувшись несколько раз при поступлении, он совсем уже разуверился в своих способностях учиться дальше.

Но самое худшее состояло даже не в этом. Тяжелую работу можно было стерпеть, а вот как смириться с одиночеством? Друзей у него не было никогда. Со своей угрюмой и молчаливой натурой Андрей казался неинтересным и каким-то чудным в том кругу, где ему приходилось работать и жить. Сам он в друзья никому не напрашивался, да и не видел рядом человека, способного его понять без насмешки, по-человечески.

Вернувшись после работы в общежитие, Андрей переоделся в новый костюм, сшитый недавно в ателье, начистил до блеска туфли и отправился в центр города, в кафе.

Каждый вечер он приходил в какое-то из них, садился за свободный столик, заказывал бутылку сухого и молча курил. С какой-либо девушкой знакомился он редко: не хватало решимости самому начать разговор или подойти и пригласить на танец. Тех, которые ему не нравились, он приглашать не хотел, а красивая, думал он, обязательно откажет, и все это увидят, и придется нелепо улыбаться и возвращаться назад, на свое место. Больше всего Андрей боялся выглядеть смешным.

Он вошел в уже заполненный зал, пробежал глазами по столикам, желая найти свободный. Но он пришел поздно, свободных столиков не оказалось. Оставалось искать лишь незанятое место. Андрей вскрыл новую пачку «Столичных», прикурил. Постоял немного, осмотрелся. Вокруг него суетилась молодежь. Девчонки в коротких юбках и в брюках фланировали между столиками. Джинсовые парни, стоя в проходах и покачиваясь на каблуках, высматривали «объект» для знакомства. Они подсаживались к высмотренным девчонкам, широко улыбались, говоря им что-то приятное или остроумное, и наконец приглашали танцевать.

Андрей двинулся вперед.

— Здесь свободно? — спросил он за одним столиком.

В ответ отрицательно покачали головами.

— А у вас тоже занято? — обратился он к двум девушкам за соседним столом.

— Вообще-то свободно, — сказала одна из них и пристально посмотрела на Андрея.

— Можно мне у вас приземлиться?

— Можно.

Девушки переглянулись. Испытывая чувство неловкости, Андрей присел.

«Ну и что же дальше? — думал Андрей. — Нужно что-то говорить... Не могу же я теперь сидеть и молчать...»

Его сигарета почти догорела. Он загасил ее в пепельнице, достал другую.

— Девушки, вы курите?

— Нет, мы не курим, — ответила одна из них.

— Это уже странно слышать, — начал разговор Андрей.

— Почему же? — усмехнувшись, спросила другая.

— Сейчас все девушки курят в компаниях и особенно за вином.

— А мы не как все, — сказали обе в один голос и рассмеялись.

— Не как все? — улыбнулся Андрей, — это интересно.
— Что же тут интересного? Мы просто нормальные люди, — запальчиво произнесла девушка, сидевшая слева от Андрея. — То, что раньше было естественным, теперь становится чем-то из рук вон выходящим. Некурящая девушка за столом кафе — это уже экзотика. Но что, если в курении я не нахожу ничего хорошего? Вам это интересно?

— Да, вы правы, — согласно кивнул Андрей. — Я ведь и сам не курю. А эти сигареты только оттого, что нечем занять руки и время, когда нужно что-то говорить, сидя здесь, за столом.

— И часто вы тут бываете? — спросила та, что сидела напротив Андрея.

— Да нет, довольно редко — покривил он душой. — Когда устаю на работе, когда хочу расслабиться, отвлечься от грустных мыслей...

— А кем же вы работаете? — вновь задала вопрос она.

— Ну, кем я работаю — это не важно. Могу сказать только то, что моя работа связана с людьми, — спокойно и уверенно соврал Андрей.

Он всегда в подобных случаях отвечал именно так, и уже ему самому казалось, что он говорит настоящую правду, иначе кем же еще он может быть? Ведь не человеком же со стройки, не имеющим своего жилья. Сам не зная почему, он стеснялся называться рабочим человеком.

— В принципе, любая работа связана с людьми, — лукаво на него взглянув, отреагировала девушка, сидящая напротив. — Можно поконкретнее?

— Можно, — глубоко затянувшись сигаретой и медленно, длинной струйкой выпустив дым, ответил Андрей. — Я — гуманитарий, а точнее, работаю редактором в одном издательстве.

— Вот это уже интересно, — произнесла девушка, сидящая слева. — Скажите, а ваша работа — именно то, к чему вы стремились?

— Да, в этом смысле мне повезло, — продолжал он кривить душой. — Мне приходится сейчас трудно, очень сильно загружен работой, но я доволен тем, что занят любимым делом.

— Вы счастливый человек, вам можно позавидовать, — вздохнула девушка слева.

— Ну, это еще как сказать... А вы чем занимаетесь? — обратился он к ней же.

— Не своим делом, — усмехнулась ее подруга. — Работаем в институте. Она технолог, я программистка. Скудная работа.

Андрей внимательно посмотрел ей в глаза. Чистые, добрые глаза девушки привлекали его. «И она-то мне завидует...» Он на минуту замолк, ушел в себя. Но быстро встрепенулся, испугавшись возврата обычного муторного настроения.

Появилась официантка. Андрей заказал шампанское и три мороженого. Только сейчас до его сознания дошла грустная, красивая мелодия, в такт которой тихо покачивались пары танцующих. Он заметил, как в полумраке зала висел голубым туманом табачный дым, отчего уже начало покалывать глаза.

— Что вы закончили? — отбросив ненужные мысли, обратился он к сидящей напротив девушке.

— Техникум. Хотя мечтали поступить в гуманитарный вуз, но там слишком высокий конкурс.

— И давно работаете?

— Давно. Уже год.

Андрей грустно усмехнулся.

— А вы где учились? — спросила она же.

— Я еще учусь.

— Где же?

— В Литературном институте.

— О! — удивилась она.

— Я много слышала про этот институт, — сказала девушка слева. — Там учатся будущие писатели.

— Ну, это не обязательно. Писателем можно быть и без института и можно, окончив его, не стать писателем, — возразил Андрей.

— Там, наверное, очень увлекательно учиться... — мечтательно присовокупила девушка напротив.

— Увлекательно, это точно... — загадочным тоном согласился Андрей.

Официантка принесла заказ.

Андрей разлил шампанское по бокалам.

— Мы забыли познакомиться, — сказал он.

Девушки смущенно переглянулись.

— Я — Андрей.

Он вопросительно посмотрел на девушку слева.

— Меня зовут Оля, — ответила она.

— А меня Наташа — сказала другая.

— Ну вот, первый бокал за знакомство, — предложил он, слегка соприкасаясь с их бокалами.

Выпив, Андрей откинулся на спинку кресла и вновь закурил. Шампанское, как ему показалось, растворило скованность, настроение чуть-чуть приподнялось, не хотелось думать ни о чем постороннем, он чувствовал себя легко и спокойно в обществе этих милых наивных девочек, с интересом глядящих на него. Та, что сидела напротив, нравилась ему больше. Особенно привлекали ее ласковые глаза и длинные светлые волосы. При взгляде на нее подступало волнение к груди.

— Наташа, можно вас пригласить на танец? — решил-ся он.

Она кивнула ему и встала из-за стола. Андрей извинился перед Олей.

— Ничего, — натянуто улыбнулась она. — Пожалуйста...

Одна медленная мелодия сменялась другой, а Наташа и Андрей всё танцевали и танцевали, не произнося ни слова. Они понимали: ничего не надо говорить, им было просто хорошо вдвоем.

Когда шампанское за их столом кончилось, а вечер подходил к концу, девушки заторопились.

— Моя мама уже, конечно, волнуется, — сказала Оля.

— Да, нам пора. И все же не хочется уходить, — вздохнула Наташа.

— Я провожу вас, — сказал Андрей.

Они вышли из кафе. Под ногами в сиянье фонарей блестел мокрый асфальт. Моросил мелкий дождь, и ветер задувал его прямо в лицо, словно это был и не дождь вовсе, а мелкая пыль.

— Знаете, мне далеко ехать, — вдруг проговорила Наташа, — я лучше поймаю такси. А вы проводите Олю, — обратилась она к Андрею.

Андрей промолчал. Он не ожидал, что она так поступит, ведь проводить он хотел не Олю, а ее.

Пока они добирались до Олиного дома, Андрей был хмур. Вот теперь он и впрямь не знал, о чем говорить. Оля тоже молчала. Она понимала всё.

Перед тем, как расстаться с Олей, Андрей спросил:

— У вас есть дома телефон?

— Нет. Вернее, есть, но он сломан.

— А у Наташи?
— Я не помню точно ее номера. Первые три цифры помню, а дальше забыла.
— А на работе телефон у вас есть?
— Есть. Но на него нельзя звонить посторонним. Я не даю его никому.
— А какой адрес у Наташи?
— У Наташи? Я была у нее дома всего два раза и то вместе с ней. Честное слово, я не запомнила ни улицы, ни дома.
— Прекрасно, — сказал Андрей, — всё правильно...
— О чем вы?
— Да так, о себе...
— Ну, я пойду.
— Всего хорошего.
— Спокойной ночи.
Усмехнувшись, Андрей посмотрел ей вслед, затем медленно побрел к автобусной остановке, как вдруг его окликнул незнакомый человек, стоявший невдалеке на тротуаре. Андрей остановился.
— Послушай, у тебя закурить не найдется?
— Найдется, — нехотя ответил Андрей, доставая оставшуюся пачку сигарет.
На незнакомце были длинный серый плащ и широкополая неопределенного цвета шляпа, належавшая ему на брови. Возраст его также казался неопределенным — может быть, от тридцати до сорока. Закурив, он неожиданно сказал:
— Что, напрасно убил время?
— В каком смысле? — не понял Андрей.
— Да вот, девчонка-то ушла, так сказать, в неизвестность...
— А-а, ну их всех, — Андрей махнул рукой.
Незнакомец понимающе улыбнулся.
— Пройдемся до остановки. Меня зовут Иван, — он протянул руку.
— Андрей.
— Так вот, Андрей, когда-нибудь ты поймешь, что мир этот устроен неправильно.
— То есть?
— Вернее, люди сами его таким устроили. Себе же на горе. В этом мире люди не хотят знать счастья и бегут от него, как от чумы...

Андрей тяжело вздохнул. «В принципе, так оно и есть» — подумал он. Дождь унялся, отчего на душе стало чуть-чуть уютнее.

— Вот взгляни, — продолжал Иван, — в сквере на лавочке сидит женщина. Зачем она в столь поздний час здесь сидит одна? Может, от скуки, от одиночества или от каких-то неурядиц дома... Но понятно, что она — несчастна. Счастливые в это время уже спят или в мягком теплом кресле смотрят телевизор... Она же — чего-то ждет, сидит на сырой, холодной скамейке. Чего она может ждать — на ночной улице, одна? Возможно — надеется, что к ней подойдет мужчина. Тот самый — рыцарь сердца, принц из сказки, с этими, как их, с алыми парусами.

— Ну, так это же прекрасно, когда ждешь чего-то необычного. Может, это и есть счастье?

— Извини. Как бы не так! Попробуй подойти к ней — и она пошлет тебя куда подальше, даже не попытавшись узнать, кто ты такой есть. А вдруг ты минуту назад прилетел на воздушном шаре из той самой сказки, где живут рыцари и принцы? Она же посмотрит на тебя как на идиота. Да, она ждет принца и непременно чтоб с алыми парусами, но ни в какие сказки — не верит. Парадокс, но это так.

Андрей искренне рассмеялся.

— А давай проверим, — предложил он, зараженный азартом незнакомца. — Мне кажется, ты слишком разочарован в женщинах. Не все же они такие...

— Ну что ж, это идея. Тебе и карты в руки. Но я, извини, не хочу быть в очередной раз битым. Действуй. Попробуй заговорить с ней — и ты убедишься в моих словах.

Они подошли к скамейке, где сидела молодая женщина, дымя сигаретой. Андрей присел рядом с ней, волнуясь и еще не зная, с чего начать разговор. Женщина недовольно покосилась на него и, не успев он раскрыть рта, — встала и пересела на другую скамейку. Иван с усмешкой подсел к Андрею и прошептал:

— Не теряя надежд, эксперимент на этом не должен закончиться.

Андрей решительно поднялся и вновь уселся на скамейку рядом с женщиной. Не упуская ни секунды, он заговорил:

— Послушайте, мы ведь не бандиты, чего вы от нас шарахаетесь? Неужели вам не ясно, что вы ведете себя глупо? Я хочу с вами познакомиться, что здесь плохого?

Андрей успел заметить, что на вид ей было около тридцати. И внешне она ему нравилась, хотя в свете фонарей на ее лице слишком ярко и немного отталкивающе выделялись накрашенные губы и фиолетово мерцающие веки.

Женщина презрительно смерила его взглядом.

— Знакомьтесь, пожалуйста, с другими. Мне это не нужно.

— Ну, хорошо, вы можете просто, по-людски поговорить со мной? Чего вы боитесь?

— Оставьте меня в покое, — вскрикнула она. — У меня нет никакого желания с вами говорить.

— В конце концов я соглашусь со своим товарищем, как бы мне ни хотелось вас оправдать...

— Меня не интересует ваш товарищ. И вы — тоже не интересуете. Если не отстанете, я милицию позову, она тут рядом.

«Идиотка какая-то», — выругался про себя Андрей.

— Пойдем отсюда, — крикнул он Ивану, — по-моему, она ненормальная.

— Сами вы кретины, — бросила им вслед женщина.

Они вышли на сияющую витринами улицу. Иван с улыбкой посмотрел на хмурого Андрея.

— Ну, что я тебе говорил! Теперь-то ты убедился?

— Черт их разберет! Ничего не могу понять. Они из другого теста сделаны, что ли?

— Именно так. Мужчина и женщина — это существа из разных миров. Непреодолимая сила тянет их друг к другу, но, сблизившись, они не могут друг друга понять. Если мужчина, хотя и безуспешно, пытается понять женщину, то женщина чаще всего к этому и не стремится. В сближении с мужчиной она думает не о нем, а лишь о себе и желает, чтобы понимали только ее.

— Слушай, после твоих слов просто руки опускаются. Я всегда верил в нормальные человеческие отношения с женщиной, а выходит, что они почти невозможны.

— Возможны, но довольно редко. Умные люди могут найти общий язык и прийти к положительному компромиссу. И совсем не обязательно, чтобы это были интеллектуалы. Главное — доброта, терпение, душевная одаренность. Этими качествами обладают далеко не многие люди. И поэтому такой высокий процент разводов среди молодых семей.

Они подошли к автобусной остановке. Андрей хотел спросить Ивана: откуда у него такой жизненный опыт? Но Иван продолжал:

— Люди стали жить красиво. Женщины насмотрелись шикарных фильмов и хотят от жизни того же: наслаждений, развлечений, удовольствий. И если мужчина не в состоянии им все это предоставить, то они начинают его презирать. Чем легче, безопаснее, роскошнее жизнь, тем слабее человеческие отношения, тем иллюзорнее супружеские узы. Как это ни странно, но именно страдание порождает в душе доброту и терпение к ближнему. Так что не ищи себе подругу в развлечениях, ищи ее в работе и в заботах...

— Послушай, ты кто? — опомнился Андрей после того, как Иван умолк.

— Какое это имеет значение... А вот, кстати, и мой автобус. Нам по пути?

— Нет, мне в другую сторону...

Он опять возвращался один. Вышел из автобуса, засунул руки в карманы черного плаща и побрел к своему общежитию по блестящим в свете фонарей мокрым тротуарам. В домах постепенно угасали последние светящиеся окна. Только ветер и дождь, который занялся вновь, были его попутчиками на этих ночных отчужденных улицах. Холодные капли медленно скатывались с мокрых волос на шею, отчего становилось зябко, а на душе — еще тоскливее. Он искал себе друга и не находил.

1974

ОБМАН

Роман Курин завалил вступительные экзамены в Московский университет и теперь, не желая никого видеть, толком не знал, чем заняться. Отслужив армию и поработав год на производстве, он думал попытать счастья на факультете журналистики университета, и вот — не повезло. Роман отсиживался дома, делая вид, будто продолжает готовиться к экзаменам. Когда мать уходила на работу, он подолгу лежал на диване, уставившись в потолок. Его угнетала единственная мысль: как теперь быть и что делать дальше? Признаваться в своей неудаче Роман не хотел никому. Впереди же была полная неизвестность, и даже не хотелось о чем-либо мечтать.

Целую неделю Роман не заходил к Людмиле, приехавшей на летние каникулы сюда, в подмосковный город, из жаркого Ашхабада, где она училась на первом курсе института иностранных языков. Но с каждым днем ему становилось все нестерпимее оставаться одному в стенах своей квартиры. Вечером Роман отправился к Людмиле.

Подходя к ее дому, он испытывал невероятное волнение, как будто шел сюда, на свидание с нею, в первый раз. Однако дома Людмилы не оказалось. Соседка по коммуналке сказала, что она недавно куда-то ушла с подругой и с какими-то ребятами.

Роман снова, как это бывало не раз, решил ждать в сквере напротив подъезда ее дома. «Не уйду, пока ее не увижу».

Прошло часа два, стемнело, когда Роман услышал знакомый девичий смех. Он встал со скамейки и направился навстречу доносившимся голосам. Конечно, это были они. Роман заметил Людмилу и рядом с ней — стройную светловолосую девушку, а также двух парней, которых видел впервые. Когда он приблизился к ним, то девушки пере-

стали смеяться, а Людмила немного испуганно и принужденно проговорила:

— А, это ты, Рома... Здравствуй... Что-то тебя давно не было видно...

Роман хмуро взглянул на парней, не желая здороваться с ними.

— Ну ладно, ребята, — сказала Людмила, — спасибо, что проводили, до свидания.

Парни ушли.

— Так это тот самый Роман? — спросила белокурая девушка.

— Да, познакомьтесь, — ответила Людмила, — он самый. А это Клава. Помнишь, Рома, я тебе рассказывала о ней. Она приехала ко мне погостить.

— Я догадался.

Они втроем подошли к подъезду. Роман угрюмо молчал.

— Ну, как твои экзамены? Сдаешь? — оправившись от испуга, уже с улыбкой спросила Людмила.

— Сдаю, — сказал Роман.

— И как?

— На отлично.

— Нет, серьезно?

— Серьезно.

— Ну, молодец! Это надо отметить.

— По-моему, вам уже хватит...

— Ты знаешь, нас ребята пригласили в кафе. Ну, выпили немного. Сейчас бы еще покурить... У тебя, случайно, нет? Хотя ты не куришь...

Роман взял ее за руку выше локтя.

— Люда, я хочу с тобой поговорить, наедине...

Клава, нетерпеливо за ними наблюдавшая, промолвила:

— Люд, я пойду домой, посмотрю телевизор, только вы не долго, хорошо?

— Хорошо. Иди, я сейчас.

Они сели под тополя на ту скамейку, где Роман только что ждал ее.

— Почему ты спешишь? — спросил он.

— Да так... Вообще-то я не спешу.

— Ты как будто не рада мне.

— Почему?

— Не знаю почему. Ты вроде испугалась при встрече.

— Нет, я просто подумала, что тебе неприятно видеть меня в чьей-то компании.

— Да, неприятно. А кто они такие?
— Те ребята? Да так, никто. Они случайно познакомились где-то в городе с Клавой, договорились встретиться, а Клава упросила меня пойти с ней, вот и всё.
— Ты знаешь, я чувствую какую-то скованность сейчас рядом с тобой. Хочу обнять тебя, а самого что-то сдерживает, как тогда, при первых наших встречах...
— Вот и хорошо.
— Что хорошо?
— Ну то, что всё повторяется...
Роман обнял ее одной рукой за плечи.
— Когда у тебя последний экзамен? — после недолгого молчания тихо спросила она, перебирая пальцами свою длинную черную косу.
— Завтра.
— Завтра? И ты сидишь здесь, вместо того, чтобы хорошенько подготовиться и выспаться!
— Ты не рада?
— Я хочу, чтобы ты поступил.
— Я поступлю, не волнуйся.
— Откуда такая самоуверенность?
— Давай не будем об этом. А завтра отпразднуем мое поступление.
— Ты завтра придешь?
— А что, ты не хочешь?
— Да нет, ничего, приходи... Выпьем. У нас тоже есть для этого повод.
— Какой же?
— Завтра узнаешь...
Роман больше ни о чем не спрашивал. Ему очень хотелось сейчас прижаться губами к любимому лицу, к ее нежной загорелой коже на шее, чтобы хотя бы в этом испытать частицу радости, так невесело у него было на душе.
Но Людмила оборвала его порыв:
— Мне нужно идти, а то Клава там скучает. Да и ты должен поспать перед экзаменом. Не думай ни о чем постороннем. Угу? Все будет нормально, — она ласково посмотрела на него и поцеловала в щеку. — Ну, ступай.
С грустным сердцем Роман отправился к себе домой. Он не спеша проходил по безлюдным улицам, над которыми нависла прохладная предосенняя ночь, и вокруг него, как и в сердце, было пасмурно и темно.

Утром Роман поехал в Москву — забрать документы из университета. В приемной комиссии сказали, что на будущий год, возможно, повезет и ему, что не надо отчаиваться. Он уже немного успокоился, хотя что делать дальше еще не решил. Он и раньше чувствовал, что журналистика — это, все-таки, не его дело, но окончательно признаваться себе в этом ему не хотелось.

Кончался август, а это означало, что подходили к концу каникулы Людмилы. «Подожду до сентября, а там — махну куда-нибудь отсюда, — мучительно размышлял он. — Не можешь учиться — записывайся в рабочий класс...»

В ГУМе он купил бутылку венгерского рома. «Выпьем за поступление, — усмехнулся он в душе, — за поступление в другую жизнь».

Как договорились, вечером Роман со своей бутылкой и букетом гладиолусов пришел к Людмиле. На пороге его встретила чем-то удрученная Клава. Он молча протянул ей цветы.

— Спасибо, — не поднимая глаз, проговорила она, взяла букет и поместила в вазу.

— А где Люда? — спросил он, все еще стоя в дверях.

— Она на кухне, готовит, — не глядя на него, все так же удрученно ответила Клава.

Роман достал из бокового кармана пиджака ром и молча установил на стол. По всему было видно, что здесь уже раньше, без него, намечалась гулянка.

— Мы вчера с вами виделись, — вдруг заговорил один из парней, — но знакомства не получилось. Олег, — он, привстав, протянул руку.

Роман жестко сдвинул его расслабленную кисть и назвал свое имя. Тот поморщился.

— Михаил, — не вставая, произнес другой парень. Его рука оказалась покрепче.

— Садись к столу, — обратилась к Роману Клава. — Рассказывай, как твои дела в университете.

— Дела в норме, — сказал Роман. — Между прочим, уж не за мое ли поступление организуется выпивка?

Клава смущенно улыбнулась и хитро посмотрела на парней. Сейчас Роман впервые разглядел ее. Клава была действительно красива. Вьющиеся светлые волосы и большие голубые глаза. Но особенно действовали притягивающее ее обаятельные пухлые губы. «Ну, понятно, что у нее сразу нашелся поклонник, — подумал он, — но для чего

здесь еще один?» Роман ощутил озлобленное волнение. Так бывает, когда начинаешь понимать, что тебя потихоньку обманывает тот, кто тебе особенно дорог.

Распахнулась дверь и в комнату с тарелкой вареной картошки быстро вошла Людмила.

— Рома, ты уже здесь? Здравствуй. Ну, как, сдал?

— Сдал.

— Хорошо?

— Прекрасно.

— Вот молодец! Значит, будем гулять?

— Выходит, что так.

Роман пристально посмотрел ей в глаза. Она примирительно, по-доброму улыбнулась ему.

— Я сейчас... Клава, помоги мне.

Они выбежали из комнаты, потом так же быстро вошли с двумя подносами, расставили на стол салаты, консервы, жареное мясо. Людмила достала из холодильника бутылку вина.

— А это чья? — она бросила взгляд на ром.

— Роман принес, — сказала Клава.

— Ого! Крепкий напиток! — весело воскликнула Людмила, беря в руки бутылку рома и разглядывая наклейку. — Ну что ж, будем пить ром за Рому!

Когда все расселись за столом, Роман наполнил рюмки.

— Итак, пьем за новоиспеченного студента! — объявила, смеясь, Людмила.

Выпили. Принялись за еду.

— Роман, интересно, почему ты пошел на журналистику? Ты работал в газете? — спросил Олег, видимо, забыв о том, что пять минут назад обращался к Роману на «вы».

— Нет, не работал...

— Да, но для поступления на этот факультет нужны публикации в прессе.

— Они у меня были.

— Ты печатался?

— Было. Когда служил в армии. Подзарабатывал в окружной газете.

Девушки молча ели, прислушиваясь к разговору.

— Что это такое — окружная газета? — продолжал спрашивать Олег.

Роман испытующе посмотрел на него. Симпатичный, современно одетый мальчик. На лице ни единой морщинки, прилизанные волосы. И тут только Роман заметил сла-

бую ухмылку в его глазах, и особенно это было видно, когда тот улыбался.

— Миша, что-то ты ничего не ешь, ты не стесняйся, закусывай, — заговорила Людмила, взглянув на товарища Олега. — Давай я за тобой поухаживаю. — Она положила ложку салата и кусок мяса в тарелку Михаила.

— Ты служил? — спросил своего собеседника Роман.

— Нет. У нас в институте военная кафедра. По окончании я стану офицером, — Олег опять улыбнулся и снова в его глазах показалась еле видимая ухмылка.

— Это заметно, что не служил, — сказал Роман.

— Интересно, из чего же заметно? — Олег положил в тарелку вилку и, облокотившись локтями на стол, скрестил пальцы.

Людмила тоже услышала жесткие нотки в голосе Романа.

— Олег, сколько тебе еще учиться? — спросила она.

— Еще два года тянуть.

— Почему тянуть? — угрюмо проговорил Роман.

— Да так, хочется скорей покончить со всем этим. Надоело.

Людмила поспешила их примирить:

— Конечно, Рома, учиться в институте довольно тяжело. Я тоже порядком устала, да ты и сам знаешь, я писала тебе об этом. Скоро испытаешь на себе... — она бросила на него удрученный взгляд своих серых ласковых глаз. — Ладно, хватит о грустном. Мы тут для чего собрались? Ну-ка, Олег, наливай еще по одной.

— Ух, и крепкий же твой ром, — выдохнула Клава после того, как, морщась, запила его соком. — Люда, включи-ка радиолу.

Людмила поставила пластинку. Зазвучала плавная музыка.

— А все-таки интересно, почему видно, что я не служил в армии? — уставившись на Романа, переспросил Олег.

Роман отодвинул от себя тарелку и посмотрел на него исподлобья.

— Понимаешь, прошедшая жизнь оставляет на лице человека свои следы. А вот на твоём лице — никаких следов, словно ты и не жил вовсе, а так, содержался в инкубаторских условиях...

Ухмылку в глазах Олега сменила растерянность.

— Рома, — вступилась Людмила, — ты что? Нельзя же так.

— Ты преувеличиваешь, — сказал Олег.

— А твой товарищ тоже учится? — спросил Роман, искоса глядя на другого парня, назвавшегося Михаилом.

Тот сидел по другую сторону от Людмилы и все это время молчал, иногда лишь хмуро взглядывая на Романа. Он выглядел старше своего товарища. Жесткие взъерошенные волосы, скуластое загорелое лицо, короткие выгоревшие ресницы и морщинки у глаз выдавали человека рабочей закалки. Чувствовалась в нем и физическая сила.

— Нет, его товарищ не учится, а только работает, — недобрый тоном сказал о себе Михаил.

— Где же?

— На заводе, слесарем.

Людмила усмехнулась. Михаил продолжал смотреть Роману прямо в глаза.

— Тебя это устраивает? — добавил он.

— Вполне...

Роман наполнил его рюмку и хотел налить остальным, но Людмила удержала его.

— Нет, нет, нам хватит рому, налей лучше вина.

— Постойте, хотите тост? — встрепенулся Олег.

— Тост? Давай. А какой? — обрадовалась Клава.

— Слушайте. У одного короля была дочь. Он ее очень сильно любил и боялся ее потерять. И вот ей исполнилось восемнадцать лет. Пора выходить замуж. Тогда король построил громадный замок, посадил туда свою дочь, закрыл, поставил стражу. А через девять месяцев у нее рождается сын. Тогда король строит замок в два раза выше, сажает туда свою дочь, закрывает, ставит стражу, а через девять месяцев у нее рождается сын. Тогда король строит замок до самых до небес, сажает ее под самую крышу, ставит стражу, а через девять месяцев у нее рождается сын... — тут Олег сделал многозначительную паузу, потом торжественным голосом, надеясь произвести эффект, произнес: — Так выпьем за Карлсона, что живет на крыше!

Девушки рассмеялись.

— Здорово, — сказала Клава, — надо запомнить.

— Или за любовь! — закончил свое выступление Олег.

— Для которой нет никаких преград! — весело присо-вокупила Клава, подняв свой бокал.

— Хорошо, — поддержала их Людмила, — выпьем за любовь. А еще — за второй повод нашей встречи сегодня.

За знакомство Клавы и Олега, — она вновь с хитрой улыбкой взглянула на Романа.

Он же сидел понурый — пить ему не хотелось. Тост, который он слышал и раньше, еще больше раздосадовал его. Он желал быть наедине с Людмилой. А тут эта компания и эти люди, которые ему не нравились. Не нравились из-за обиды на себя, на свои неудачи и оттого, что им сейчас легко и весело, а ему плохо. Выпив, Роман почувствовал, что пьянеет.

— Клава, потанцуем? — предложил Олег.

— Угу.

Они вышли из-за стола и слились в медленном танце.

— Люда, тебя можно пригласить? — обратился к ней Михаил.

— Можно, — тихо ответила Людмила.

Роман пересел на диван. Там валялась какая-то книга. Он взял ее и стал листать, не различая страниц. Когда танец кончился, Людмила под села к нему и захлопнула книгу в его руках. Их колени соединились, отчего мелкая дрожь, точно ток, пробежала по всему его телу.

— Что с тобой, Рома? На тебе лица нет.

Он поднял на нее глаза. Они были туманны.

— Люда, ты можешь быть рядом со мной?

— Когда?

— Всегда.

— Как это?

— Можешь или нет?

— Я не знаю... — она пожала плечами. — Что ты имеешь в виду?

— Тебя.

— Рома, ты опьянел. Говоришь что-то непонятное, — она рассмеялась.

К ним подошел Михаил.

— Люда, потанцуем еще.

Людмила уже собиралась привстать, но Роман крепко сжал ее локоть.

— Ты извини нас, — как можно мягче сказал он, подняв глаза к Михаилу, — но она посидит со мной.

— Она хочет танцевать, — не отступал тот.

— Она хочет сидеть рядом со мной...

— Ребята, вы что?! — насторожилась Людмила. — Еще не хватало нам ссоры! Рома, отпусти, пожалуйста, мою руку, мне больно.

Олег и Клава, танцуя, не обращали на них внимание. Роман, сузив глаза, сверху вниз измерил взглядом своего соперника.

— Ну что, пойдешь? — не отставал от Людмилы Михаил.

— А ты настырный, — жестко выдавил Роман.

— Какой есть.

— Миша, перестань, не заводи его, — просящим голосом проговорила Людмила.

— Тебе же с ним скучно, — бросил с усмешкой Михаил.

От этих слов у Романа сжались кулаки. Он понял, что сдержаться уже не сможет.

— Слушайте, — попыталась охладить их Людмила, — если вы не успокоитесь, то ни с кем из вас я танцевать не буду.

— Что, доволен, студент? — с прежней вызывающей усмешкой сказал Михаил.

— Ну, парень, — процедил Роман, — ты сам напроился...

Он в мгновение вскочил с дивана и, не давая никому опомниться, ударил неугомонного слесаря в солнечное сплетение. Всё произошло очень быстро. Удар был резкий и сильный, Роман вложил в него всю свою злость. Михаил согнулся, потом упал на колени.

Сначала все остальные были ошеломлены. Людмила вскрикнула, вскинув руки к лицу. Олег обернулся на крик и с испуганным видом подскочил к своему товарищу, который, зажав руками живот и уронив голову на грудь, стоял перед Романом на коленях с закрытыми глазами.

Людмила поднялась с дивана и ударила Романа по щеке.

— Ду-рак, — презрительно отвесила она еще и словесную оплеуху.

Олег помог товарищу подняться и усадил его на стул.

— Вот дураки-то, — продолжала повторять Людмила, — ну не дураки, а? — Она подала Михаилу стакан вина и с досадой добавила: — На, выпей, может, полегчает.

Роман вновь сел на диван. От прилива злости лицо его побледнело и заметно дрожали пальцы.

— Пусть дышит глубже, — глухо произнес он.

— Молчи уж, — одернула его Людмила.

Испуг не сошел с лица Олега, но все же он нашел в себе смелость спросить:

— За что ты его?
— А ты что, ничего не слышал? — с упреком бросила ему Людмила. — Они ссорились, а ты стоял в стороне, не мог вмешаться.
— Да мы танцевали... не прислушивались. У нас был важный разговор... Кто мог подумать, что до этого дойдет...
— Ты чего оправдываешься? — вдруг подал голос Михаил. Он уже отдышался. — Ему это так не пройдет.
Роман скрестил руки на груди, закинул ногу на ногу и с кривой улыбкой смотрел на четверых людей, сгрудившихся напротив него. Все они в эту минуту были не с ним. «И она тоже не со мной», — подумал он. О своей выходке он не жалел. Просто было муторно на душе, оттого что сейчас он стал еще больше один, чем минут десять назад.
— Люда, может, мне уйти? — спросил он.
Она промолчала.
— Ну вот, так было хорошо, и надо же все испортить, — вздохнула Клава.
— Действительно, как все было хорошо! — язвительно произнес Роман.
— Не паясничай. Герой... — вступившись за Клаву, одернула его Людмила.
— Ладно уж, сегодня уйдем мы, — слесарь Михаил приподнялся со стула. — Но я надеюсь, что с тобой мы еще встретимся, — бросил он в сторону Романа.
— Если очень желаешь, то встретимся, — ответил ему Роман, — только не бери с собой своего друга, чтобы у него от страха ноги не подкосились.
— Послушай, не надо храбриться, — как-то неуверенноотреагировал Олег.
— Это лучше, чем быть трусливым.
— Хватит вам! — прикрикнула на них Людмила. — Мало того, что произошло? Еще хотите?
— Твое счастье, что здесь девчонки, — не унимался слесарь с завода.
— А то бы что? — не отступал Роман.
— Узнал бы что.
— Ребята, — уже ласково обратилась к Михаилу Людмила, — давайте сейчас разойдемся, вы все выпивши. А потом встретимся опять, и вы помиритесь, хорошо? И чего вы не поделили?
— Люда, — сказал Михаил, — я ухожу только ради тебя. Мы думали, что нас тут сегодня будет меньше.

— Ну всё, всё, — Людмила успокаивающе сложила перед собой ладони.

— Я провожу вас, — сказала Клава.

— Итак, до свидания, — Михаил помахал поднятой рукой из распахнутых дверей.

— Жаль, что так все получилось, — проговорила с грустью Людмила.

— До встречи, студент! — стоя в дверях, добавил Михаил.

— Давай, давай, умывайся, — сидя на диване, Роман двумя руками толкнул воздух в его сторону.

— Помолчи! — крикнула ему Людмила.

— Ну, студент, подожди...

Они вчетвером скрылись за дверью. Роман несколько минут, уставясь в одну точку, неподвижно сидел на диване. Затем в комнату вошла Людмила.

Она, не глядя на него, начала собирать со стола посуду.

— Тебе помочь?

Она не ответила. Вышла на кухню. Роман подошел к окну. Он не знал, что ему теперь делать. Его сердце сдавила тоска. Он чувствовал, что Людмила удаляется от него и не понимал, как теперь нужно поступить, чтобы вернуть прежнее тепло.

На улице стемнело. Оттуда в открытую форточку веяло августовской прохладой. Роман печально смотрел, как с тополей слетали засохшие листья, и ему показалось, что вот так же и в людских душах наступает прохлада и осень, когда уже не чувства, а только обрывки чувств продолжают трепетать в сердце, последние, увядшие...

Вновь появилась Людмила, включила телевизор, затем села за стол, опустив голову на сложенные руки. Роман подошел к ней и через минуту молчания сказал:

— Люда, ты видишь, как мы всё больше отдаляемся друг от друга. Тебя это не пугает?

— Ты сам во всем виноват, — прозвучал тихий ответ.

— В чем же я виноват?

— Знаешь, Рома, я не люблю выяснять отношения.

— Я тоже не люблю. Но выяснить нужно.

Она приподняла голову и недовольно вздохнула.

— Я хочу тебя спросить, — продолжал он. — Раньше ты мне говорила, что твоя любовь сильнее моей. Теперь, наоборот, ты этого сказать не можешь?

Людмила на несколько мгновений задумалась.

— Да, не могу, — она отвернулась.

— Все так. Но почему?
— Я не знаю. Со мной что-то происходит. Я не понимаю что. Подожди немного, дай мне разобраться в себе.
— Люда, мы долго ждали друг друга. В прямом и переносном смысле. Я не хочу больше ждать. Теперь я вижу, что моя любовь сильнее твоей. И я должен знать: со мной ты или нет?
— С тобой, Рома, с тобой... — она повернула к нему свое нежное, прекрасное лицо. Оно не было добрым. — Только не мучай меня, не спрашивай больше ни о чем, мне и без того не легко...
Роман положил руку на ее плечо. Она увидела тяжелую тоску в его глазах. Ей стало жалко его.
— Глядя на твои глаза, можно заплакать, — сказала она. Роман не удержался и наклонился, чтобы обнять ее.
— Не надо, — холодно произнесла Людмила.
Этим своим холодным «не надо» она оттолкнула его.
— Я люблю тебя, — печально и как-то обреченно сказал он.
Людмила не ответила.
— Почему ты молчишь? Я не могу без тебя, пойми.
Она неподвижно смотрела на экран телевизора. Прошло несколько минут, в которые они не проронили ни слова.
— Роман, тебе пора, — наконец подала голос Людмила.
— Да, — согласился он, — я пойду.

Несколько дней подряд Роман не мог увидеться с Людмилой. Ее просто не удавалось застать, когда он к ней приходил. Он до полуночи просиживал на скамейке возле подъезда ее старого двухэтажного дома в надежде, что они повстречаются, но она не появлялась.

Однажды вечером, когда Роман снова пришел к этому дому, в окне ее комнаты, на нижнем этаже, он увидел слабый мерцающий огонек. Горела свеча.

Роман дождался полной темноты, потом подошел вплотную к стене дома и встал сбоку от окна. Прислушался. Форточка оказалась распахнутой. Какое-то время ничего не было слышно. Но вдруг до его слуха дошел шепот. Он не смог разобрать, что было сказано, однако шепот этот оказался хорошо знакомым. Сколько раз он слышал его совсем рядом, возле самого уха, замирая и улыбаясь...

Но теперь — услышал его за стеной, с боязнью быть замеченным. Сердце его забилось быстрее. Там, за окном, прорезался сдавленный смех. Этот смех он тоже узнал, смех человека, с которым он еще должен был встретиться...

— Не смейся громко, — услышался тихий девичий голос.

«Это Клава», — понял Роман.

— А чё нам бояться? — обнаружил себя Олег.

— Никто не должен знать, что мы дома, — приглушенно сказала Людмила. — Клав, зашторь получше окна, а то свеча, может быть, видна с улицы.

— Ты что, боишься этого усатого? — довольно громко спросил заводской слесарь.

— Миш, тебя же просили, тише. Я не хочу, чтобы нас соседи услышали и чтобы, не дай Бог, он нас застал.

— Ладно. Без него, конечно, спокойней.

— То-то.

Роман краем глаза заметил, как кто-то плотно сдвинул темные шторы. «Боже мой, — подумал он, — ведь совсем недавно я смотрел из этого окна, я был там своим. А теперь от меня они отгораживаются темными шторами...»

Несколько раз Роман порывался постучать в стекло. Но сделать это сил не хватало. Ему было и страшно увидеть Людмилу рядом с другим, и стыдно показать им, что он подслушивает, и больно и горько от сознания своего бессилия уйти отсюда. Всё это сливалось в одно чувство — в острую злость на них и на себя.

Он отошел от окна. Подслушивать стало противно. Выбрал самую затемненную скамейку в сквере напротив ее подъезда и стал ждать. Чего он хотел дожидаться — толком не знал, но злость, будоражившая его сердце, уже сама собой утихнуть не могла. Он знал, что у себя дома ему будет еще трудней справиться с этой злостью и с этим презрением к себе.

Сидя здесь, на скамейке, в холодную августовскую ночь, Роман много чего передумал в своем сознании и перевероршил в сердце. Но жалости к себе не было. Были горечь и обида. И одновременно он понимал и другое — во всем, что сейчас происходит с ним, виноват он был сам. Собственный обман, хоть и ради его любви, породил обман ответный, несправедливый, но ответный.

«Уеду я отсюда, — в конце концов решил он. — Ко всем чертям уеду... Этот город мне будет слишком о многом на-

помянуть. Пусть и в любом другом месте я забыть ее не смогу, но там все станет иным: люди, места, да и сам я тоже...»

Они вышли из подъезда все четверо. Роман даже не сразу опомнился, увидев их. Остановившись под тускло освещаемым козырьком у входа, они все еще разговаривали шепотом. Людмила стояла в длинном светлом халате, ее распущенные черные волосы скрывали съежившиеся от холода плечи. Темная фигура приблизилась к ней вплотную. Она покорно откинула голову, подставляя губы для поцелуя...

Наконец двое отделились и гулко зашагали по асфальту. Роман выждал с минуту. Затем, дворами, срезая углы переулков, догнал их недалеко от трамвайной остановки возле дощатого забора старой городской школы. Он вышел им прямо навстречу и жестким, но бесстрастным голосом проговорил:

— Куда спешите, голубчики?

От неожиданности они опешили и тут же остановились.

Роман, засунув руки в карманы брюк, медленно приближался. В свете фонарей он разглядел их лица. На лице Олега опять застыла растерянность.

— Ты, — Роман кивнул Олегу, — заячье сердце, можешь быть свободен. А ты, — он злобно сжал губы, в упор уставившись на заводского слесаря, — подожди... Об этой встрече мы договаривались.

Олег и Михаил молча, выжидающе смотрели в глаза Роману. Один с испугом, другой с вызывающей усмешкой.

— Что зубы скалишь?! — выкрикнул Роман, резко выдернув руки из карманов, отчего Олег отпрянул в сторону. — Не трусь, мальчик, иди домой, я тебя не трону, — перевел на него взгляд Роман.

— Лучше сам поберегись, — неуверенно и сипло пролепетал Олег.

— Ну, чё же, я ждал этой встречи, — подал голос Михаил, — как раз вовремя...

Он опять нагло усмехнулся. Эта усмешка задела Романа за живое. Не теряя больше ни секунды, он сделал прыжок вперед и сбил слесаря с ног ударом в подбородок. Тот, рухнув на асфальт, успел обхватить ноги Романа, опасаясь пинка ногой, но Роман двумя руками схватил его за волосы и со всей силы ударил лицом о свое колено. Заводской слесарь, ослабев, повалился на бок, прижимая к лицу ладони.

Олег в стороне с ужасом наблюдал за происходящим. Он был не настолько труслив, чтобы убежать, и не настолько смел, чтобы помочь своему товарищу.

— Ладно, хватит, — выдал он из себя, — я с тобой драться не буду, оставь его.

— Дешевка, — бросил ему Роман, — мразь. Таких, как ты, надо бить даже если не за что. Запомни, что я тебе сейчас скажу. Если еще раз появись в том доме... — берегись, пощады не будет ни одному. Слышишь, ты? — Он толкнул ногой скорчившегося и затихшего Михаила, сквозь пальцы которого просачивалась кровь. — Хоть раз еще увижу тебя там — убью. Понял?

Олег нагнулся к Михаилу, отвел его руки от лица. Нос и губы сидящего на асфальте слесаря сильно кровоточили.

— Миш, ты можешь подняться?

— Уйди! — зло ответил тот. — Без тебя справлюсь.

— Он еще огрызается, — пробормотал Роман и тут же добавил: — Смотри, фраер, отделаю так, что ни одна больница не примет.

— Ур-род... — процедил слесарь.

— Что-о?

— Ну ладно, ладно, — вмешался Олег, — хватит на сегодня... Не лезь к нему.

Роман отошел от них на несколько шагов.

— Я вам сказал. Узнаю, что были там — из-под земли достану и ноги переломаю.

Но уже как бы не слыша его, Олег продолжал суетиться над сидящим на асфальте побитым слесарем:

— Миш, пойдем к колонке, умоешься...

— Да иди ты!.. — все еще огрызался тот, сплевывая кровь.

Роман двинулся в сторону своего дома. Только сейчас он ощутил катившуюся по всему телу дрожь. «Как же все это глупо и гадко! — начинал понимать он. — Скоро я себя возненавижу... Черт подери! А ведь мне уже этого парня жаль... В чем он виноват? В том, что я обманул Людмилу? А может, она догадывается о моем обмане?.. Наверняка догадывается. Потому-то она и отвернулась от меня... Как же я сразу не сообразил? Она видит, что я вру, вру упорно, и не может мне этого простить... Что же делать? Нет, вместе мы уже с ней быть не сумеем. Это конец. Я сам всё убил...»

Роман повернул обратно. Он шагал быстро, уверенно, сознавая свою правоту в том, что делает. Победа в драке

еще более возбуждала стремление заставить ее уважать в нем человека, который не хуже других. От нервного напряжения он был как хмельной, что придавало ему смелости и уверенности в себе. «Я не должен в ее глазах выглядеть глупо, я не могу больше лгать...»

Стояла беззвездная черная ночь. Подойдя к окну Людмилы, Роман притих. Он услышал, как колотится его сердце. Решительность, владевшая им еще минуту назад, стала понемногу отходить. Несколько раз он пытался поднять руку и постучать, пока, наконец, весь замирая от волнения, не сделал этого. Неожиданно быстро в ее комнате послышался шорох, чуть-чуть приоткрылись шторы, затем прозвучал тихий голос Людмилы:

— Кто это?

— Это я, Роман.

— Рома? Ты? — с явным удивлением воскликнула она. — Тебе чего надо?

— Мне ты нужна.

Людмила раздвинула шторы. В темноте ее лицо было почти неразличимо за стеклом.

— Ты что, с ума сошел?

— Да.

— Что «да»?

— Сошел с ума.

— Знаешь, сейчас не время для шуток. Иди проспись.

— Люда, выйди на пять минут.

— Зачем?

— Это очень важно.

— Ты что, другого времени не мог выбрать?

— Люда, я прошу тебя, выйди. Другого времени может не быть.

— Эх, Рома-Рома, — вздохнула она, — как был ты со странностями, так и остался... Ладно уж, сейчас выйду, иди в подъезд.

Она вышла на лестничную площадку в накинутом на плечи осеннем пальто, прижалась к стене. Тусклый свет от козырька подъезда проникал и сюда, на площадку, так что лицо Людмилы Роман мог разглядеть. Оно было не зашпанным, свежим, ее блестящие из-под черных бровей серые, любимые им глаза казались невинными. Она молча и кротко глядела на Романа.

— Люда, я решил уехать отсюда.

— Куда?

— Пока точно не знаю. Возможно, на Север.

— Ты пришел, чтобы сказать мне об этом?

— Да.

Прошла минута безмолвия.

— Я ничего не понимаю, — сказала Людмила. — Почему ты уезжаешь?

Роман приблизился к ней, прижался щекой к ее распущенным волосам.

— Я не нахожу себе места. Мне стало плохо здесь, — он сжал ее плечи. — И ты больше не любишь меня. Я вижу, все прошло, ты меня избегаешь. Может, так и должно быть теперь, может, ты и права, но для меня это невыносимо. Ты — единственное, чем я жил...

— Нет, Ромчик, — уже мягче заговорила она, — ты не должен уезжать. Я изменилась, это верно, но все наладится, я верю, все станет на свои места... Только не делай, пожалуйста, глупостей.

— Ты сама вынуждаешь меня делать их.

— Рома, прости, если я тебя обижала. Я не хотела, но так получалось...

Роман не дал ей договорить. Жадно впившись в ее губы, он долго не отрывал от них своих губ, словно предчувствуя, что эта ночь у них будет последней. Когда он отвел свое лицо, чтобы заглянуть ей в глаза, Людмила шепнула:

— Пойдем со мной...

Она подвела его к одному из сараев, стоявших недалеко от их дома, достала откуда-то с земли ключ и отомкнула навесной замок. Распахнула скрипучую дверь.

— Входи.

Роман переступил порог. За ним вошла в сарай Людмила и осторожно, чтобы не сильно скрипеть, закрыла за собой дверь. Роман стоял как в пустоте, ничего не видя вокруг. Людмила куда-то исчезла.

— Люд, ты где? — глухо спросил он.

— Иди сюда, — услышал он шепот совсем рядом.

Он сделал два шага и наткнулся на ее колени. Обхватил ее голову, провел рукой по волосам, потом нагнулся, проверил, на чем она сидит. Оказалось что-то мягкое, вроде перины. Сел рядом.

— Это что, кровать?

— Да. Мы здесь иногда ночуем летом, когда в доме спать жарко.

— Неплохо.

— Рома, так ты серьезно решил покинуть этот город?

— Серьезно, Люда, — грустно сказал он. — Я много над этим думал. Иного выхода у меня нет. Я чувствую, ты уедешь, и мы расстанемся навсегда. Я просто не нужен больше тебе — в этом вся причина. А здесь мне будет слишком тяжело одному.

— А как же учеба, университет?

— Брошу все к черту! Хочу изменить свою жизнь. Да и потом... ведь можно учиться заочно...

У него так и не хватило духу сказать правду.

— Зря ты это выдумал. Я только чуть-чуть переменялась... Для тебя... Но ты такой человек... Все усложняешь...

— Да, пусть я усложняю, только ты ведь не любишь меня! — он схватил ее за руки и повернул лицом к себе, словно что-то мог увидеть в этой сырой, давящей темноте. — Не любишь, скажи!

— Тише, не кричи... Я — люблю...

Роман ощутил прилив неудержимого, лихорадочного волнения.

— Люда, ты смеешься надо мной.

— Нет, — прошептала она.

— Скажи еще.

— Люблю...

Он опустил голову ей на колени и негромко проговорил:

— Милая, если бы ты говорила правду...

Она подняла его голову, прижала к груди.

— Что с тобой, ты мне не веришь?

— Если бы мы говорили правду... — еще раз прошептал он.

— Ну что ты, Володя...

Воцарилось долгое, странное молчание. Она испугалась, не понимая: как это у нее сорвалось? «Боже мой, — она затаила дыхание, мысленно спрашивая себя: — что я несу?» «Вот она, правда...», — с тяжелой горечью вздохнул Роман.

...Утром, уходя от нее, он спросил только, когда она уезжает. Людмила сказала, что завтра провожает Клаву, а сама уедет через неделю. «Приходи проводить», — вослед попросила она. «Хорошо, — пообещал он, — я приду».

Ранним утром в последний день лета, когда Людмила покидала этот подмосковный город, Роман примчался к ней — он ведь обещал ее проводить. Но Людмилы дома не

оказалось. Соседи сказали, что она полчаса назад ушла на электричку.

«Опоздал!.. — Роман проклинал себя последними словами. — Но я должен ее увидеть! Должен!..»

Он прибежал на платформу станции, когда электричка уже показывала хвост. На пристанционной площади он увидел свободное такси — желтую «Волгу» с включенным зеленым огоньком. Ринулся к ней.

— Шеф, давай на Курский! Дело жизни, выручай!

Шофер оценивающе покосился на клиента, неторопливо снял с губы сигарету и спокойно пробормотал:

— Плати в оба конца, если так нужно...

— Шеф, плачу! — крикнул Роман. — Только гони! Нет времени разговаривать!

На Курский вокзал они примчались за пятнадцать минут до прихода электрички.

— Спасибо, друг, — Роман, расплатившись, похлопал шофера по плечу. — Работать умеешь.

В нервном волнении простоял он эти несколько минут на платформе Курского вокзала в ожидании Людмилы. Он сразу же увидел ее выходящей из первого вагона с большим раздутым чемоданом в руках. Подбежал к ней.

— Ой! — поразилась она. — Ты откуда здесь? Как изпод земли вырос! Всегда чем-нибудь удивишь...

Однако радости в ее глазах он не разглядел.

— Я заходил к тебе, но не застал и приехал на такси... Давай чемодан.

Какое-то время они шли молча среди бесчисленной толпы спящих пассажиров. И лишь на эскалаторе метро Людмила, слегка улыгнувшись, сказала:

— А я уже решила, что тебя больше не увижу...

Роман не знал, что сейчас нужно говорить. Он старался не думать о предстоящем расставании, но именно оно, это близящееся, неизбежное расставание, угнетающе давило на его сердце.

— Я не мог не прийти... Я не простил бы себе этого.

— Не надо бросаться такими словами, — она дотронулась до его свободной ладони. — Всё мы можем простить и себе, и другим... Когда начнется твоя учеба?

Роман заглянул ей в глаза, пытаясь отыскать в них хоть каплю прежнего чувства. Но даже этой капли он не увидел. «Ведь всё знает, всё... И спрашивает... — печально подумал он. — Должно же остаться хоть что-то от нашей любви!

Ведь не может все так быстро отмереть!.. Пусть разлюбила, но память-то зачем унижать?..»

— В октябре, — ровно, без видимого напряжения ответил Роман.

До станции метро «Аэропорт» доехали почти что молча. В московском отделении аэропорта стояла страшная толкотня. Пункты приема багажа и компостирования билетов были окружены громадными очередями. Роман встал в конец очереди, но Людмила почему-то, ничего не говоря, схватила чемодан и втиснулась с ним в самую гущу толпы.

— Постой в стороне, я все сама сделаю, — крикнула она оттуда.

Он хотел было протиснуться вслед за ней, со словами: «Давай я тебе помогу!»

Однако она обернулась, с какой-то досадой взглянула на него и сказала громко и недовольно:

— Встань в стороне! Не мешайся!

Сказала, как будто ударила по глазам. Он ощутил странную слабость во всем теле. Руки его сами собой опустились, он выбрался из толпы и хмуро, глядя себе под ноги, отошел к ближайшей стене.

Время тянулось мучительно... Вдруг (это произошло, когда Роман на мгновение поднял лицо) из толпы выскочила Людмила, улыбающаяся, с каким-то смуглым парнем с восточными чертами лица. Они переглянулись, как бы все понимая, и тут же разошлись в разные стороны.

— Всё в порядке, — весело сказала она, подойдя к Роману. — Билеты готовы, багаж сдали, сейчас пойдем на экспресс.

Он, обуреваемый обидой и тоской, смотрел себе под ноги.

— Поговори хоть чуть-чуть со мной...

— О чем говорить-то?

Роман поднял на нее тяжелые глаза.

— Не знаю, — с трудом выдохнул он.

— Не знаешь? — усмехнулась она. — Тогда пойдем к автобусу.

Экспресс уже дожидался пассажиров, отъезжающих в аэропорт «Домодедово». Роман опять увидел, как в дверь «Икаруса» вошел тот самый смуглый парень с восточными чертами лица. Этот парень сел у окна и стал с интересом наблюдать за ними, но потом резко отвернулся. Роман все это видел, однако ничего не мог понять. Ему не давало по-

коя сознание того, что вот сейчас он с Людмилой расстанется. И ее уже не будет никогда. Никогда. Это сознание не давало ему думать ни о чем другом, не позволяло видеть ничего. Он не видел, как Людмила иногда взглядывала на окно экспресса, за которым сидел смуглый парень с восточными чертами лица. Он не видел, как она старалась быстрее распрощаться. Он не замечал ее насмешливой улыбки, с которой она смотрела на него, как бы подсказывая: «Неужели ты так ни о чем и не догадался? Ну, чего тебе еще нужно, чего?»

Роман печально глядел на нее. Ни о чем говорить он не мог. Он смотрел ей в глаза, но в них не было ни жалости, ни сочувствия, в них была только насмешка. Она приблизилась к нему, сухо, сдержанно поцеловала в щеку (он ощутил только ее холодный нос) и, быстро отойдя, вошла в экспресс. Села в кресло рядом с тем смуглым парнем с восточными чертами лица, выглянула из-за его головы, выдавила вынужденную улыбку и, приподняв брови, взглядом сказала: «Вот так, Ромчик...»

Когда он ощутил в себе человека, то рядом уже не было никого. Ничего не было. Он остался один.

1975

КОМАНДИРОВКА В ПОГОРЕЛОВО

Этот посёлок строителей был в получасе езды от города Мышкина и состоял из белых вагончиков, толпившихся в поле. Здесь проходила трасса газопровода, а неподалёку возводилась компрессорная станция для прогонки газа. Зоя и Вера приехали сюда, чтобы, поработав на северной стройке, получить нужную характеристику для поступления в строительный институт. Стройка эта называлась «химией».

Всю осень они трудились в молодёжной бригаде разнорабочих. Но когда ударили морозы, начались перебои с подвозкой стройматериалов. Бригада целыми днями просиживала в котельной, греясь у горячих труб.

Чтобы занять молодёжь работой, начальство придумало для нее командировку в вологодскую область: там, в десяти километрах от деревни Погорелово, был такой же строительный посёлок — вагончики и бараки. Из девушек согласились поехать только Зоя и Вера.

Когда добрались до места назначения, комендант посёлка поселил их в шлакоблочный барак, в абсолютно пустую комнату; выдал две раскладушки, матрацы и два шерстяных одеяла. И еще — три навесных замка. Предупредил: «Это на всякий случай... Тут много условников...»

Что такое «условники», Вера и Зоя знали. Это были условно освобождённые заключённые, отправленные «на химию» отрабатывать оставшиеся сроки отсидки. Такие были и в Мышкине, но там за ними следила милиция...

Первая ночь миновала спокойно. Или, может, после долгой утомительной дороги подруги просто крепко спали. Наутро они пошли на работу. Вместе с командированными из Мышкина долбили ломами мёрзлую землю, ставили в траншее колодцы будущей теплотрассы и обливали

их расплавленным гудроном. А морозы уже стояли под тридцать. Время от времени грелись у костра и снова брались за ломы и лопаты.

В барак вернулись в темноте, смертельно уставшие, замоченные и закопченные дымом гудрона. Умывальник в бараке отсутствовал. Идти за ледяной водой к колонке не было ни сил, ни желания.

Заперев дверь на внутренний замок, не раздеваясь, не ужиная, девушки легли на холодные раскладушки и накрылись с головой одеялами. Чуть теплые батареи комнаты не согревали. От усталости быстро уснули. Но вскоре барачный коридор наполнился громким топотом и мужским хохотом.

Дверной замок был выбит ударом ноги. В комнату ввалилась толпа обросших, грязных людей в валенках и замызганных телогрейках. Зоя и Вера слегка откинули одеяла. Полудикие существа, окружившие койки девушек, удивлённо глазели на них, словно видели нечто невероятное. По заросшим почерневшим физиономиям невозможно было понять, молоды они или нет. Это были те самые «химики-словники».

Поначалу Зоя и Вера очень испугались. Потом стали уговаривать пришельцев уйти. Пытались объяснить, что они устали, намучились за день... Но бородатые только хрипло смеялись, кашляли и плёвали под ноги. Кое-как несколько «химиков», матерясь, вышли в коридор. Осталось трое — видимо, на что-то надеялись... Через каждое слово они изрыгали мат. Но притронуться к девушкам всё же не решились — загреметь обратно в лагерь им, наверное, не хотелось.

Подруги со слезами на глазах умоляли их уйти, но видя, что все уговоры бессмысленны, снова спрятали головы под одеяла и замолкли. Только тогда эти трое покинули комнату, ехидно посоветовав не запирать на ночь дверь. Вера тут же вскочила и закрыла дверь на висячий замок.

На следующий вечер после нетерпеливого стука навесной замок тоже был сорван, и в комнату ворвались те же трое. Зоя и Вера сразу спрятались под одеяла. Бородачи, а это были молодые по возрасту люди, сдернули одеяла с их лиц.

— Не прячьтесь от нас, б... — грубо сказал один из них. — Мы хотим с вами разговаривать, б... Бабы тут большая редкость, ё... А молодых совсем нет, б...

Как оказалось, девушек среди полутора тысяч рабочих в этом посёлке не было вовсе. Проживали тут четыре замужние женщины — медичка и три работницы столовой.

Каждый вечер «химики» врываются в комнату к Зое и Вере и до глубокой ночи донимали бессмысленным пьяным трёпом, требуя «разговора» и не давая спать. Были сорваны все замки, и девушки забивали с вечера дверь гвоздями, но и это не помогало. Жаловаться коменданту было бесполезно — в посёлке и в деревне милиция отсутствовала, и зимой добраться сюда можно было только по воздуху.

Всю ночь из окон барака и вагончиков доносились пьяные голоса. Водка здесь лилась рекой (зарплату платили хорошую, с северными надбавками). Поселковый и деревенский магазины свою выручку делали в основном на водке и на кубинском роме «Негро», которым почему-то усиленно снабжались северные стройки. Ни одного дня и ни одной ночи не обходилось без драк, которые нередко доходили до поножовщины. Кинофильмы и газеты сюда не завозили. Всё развлечение — водка, карты и драки. И, естественно, такое бурное впечатление произвело на одичавших людей прибытие сюда двух девушек...

«Это какой-то ад!..» — воскликнула Зоя, зачёркивая на самодельном календаре последний день командировки. За десять дней в Погорелово им так и не удалось выспаться и по-человечески умыться.

Чёрные от сажи, съёжившиеся на морозном ветру, они три часа промаялись в поле, ожидая «кукурузник», чтобы наконец-то улететь назад, в Мышкино.

...Зоя и Вера стояли перед своим белым вагончиком и, не в силах сдержать слёзы, стирали их варежками со щёк, размазывая сажу по обветренным осунувшимся лицам. Этот тихий, залитый солнцем посёлок казался им видением из другого мира.

1972

КАПЛИ ДОЖДЯ

Фрагменты забытой жизни

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

После года работы на Севере Роман ненадолго вернулся домой, в свой подмосковный город. На северную стройку он уехал, потому что в этом городе ему всё напоминало о ней... И здесь, дома, его вновь охватила грусть, как тогда, год назад, перед ее отъездом...

Тогда был август. Она улетала в Ашхабад. Там у нее начинались занятия на четвертом курсе университета. Они простились в здании аэропорта в Москве. Он был уверен, что они прощаются навсегда, но старался скрыть эту уверенность, делал вид, будто всё у них будет нормально, и он станет по-прежнему ждать ее, словно ничего особенного между ними не произошло.

Однако говорить было не о чем, она тоже всё понимала и, как ему показалось, была готова к этой развязке, в ее глазах он не видел ни грусти, ни сожаления.

Так они и расстались, сухо, сдержанно, не сказав ничего хорошего друг другу. Она слабо поцеловала его в щеку и быстро отошла к экспрессу. Лишь через окно «Икаруса» она выдавила горькую улыбку.

Она уезжала от своих слез, от горечи и тяжести утраченной любви, а он оставался здесь. Уже в который раз она уезжала, а он оставался. «Всему конец», — думал Роман, выходя из здания Аэропорта, — больше мы никогда не увидимся, а если и увидимся, то лишь случайно»...

Москва гудела, суетилась, и никому не было дела до его отчаянья.

На обратном пути в автобусе ему не хватало воздуха, спазмы сдавливали горло. Никогда еще в его жизни ему не было так тяжело. И дома, как ребенок, он плакал, лежа на диване, не стесняясь своих слез, хотя и старался сдержаться изо всех сил. Но в такие минуты невозможно осилить собственные нервы.

Спустя полгода после их разлуки, мать переслала Роману письмо от нее, пришедшее на его подмосковный адрес, в котором она говорила, что очень много думала о нем и просила простить ее за жестокую холодность в те их последние дни перед разлукой. Еще она говорила, что теперь уже он жесток по отношению к ней — не пишет и не сообщает своего нового адреса. По ее словам, она хотела начать всё сначала, просила ласкового ответа и, самое главное, сказала, что она тоже умеет ждать.

Он поверил этому письму, но не ответил на него. Чувство горькой досады от их отношений прошедшим летом, от холодного расставания всё еще не покидало его. Ведь он уже решил для себя, что им невозможно быть вместе. Он слишком многого хотел от этой любви, но они так и не смогли понять друг друга. Уж больно всё у них было сложно.

Прошло еще полгода. За это время он отослал ей несколько писем, в которых не указывал обратного адреса. Ему не хотелось слышать ее объяснений, оправданий и новых признаний. Они ему были не нужны.

Он любил ее, хотя и понимал, что им никогда не быть вместе. Один из двух любящих должен быть проще другого и уметь многое прощать. У них же этого не получалось, они, наоборот, почему-то всё усложняли и долго не прощали обид.

Настало новое лето. Он получил отпуск и приехал домой. Она тоже вновь вернулась сюда на каникулы.

Роман долго не решался прийти к ней. Он пытался пересилить себя, понимая, что после их встречи его душе станет еще тяжелее. Но чувство любви пересилило разум, он не смог удержаться. Она с радостью встретила его и внешне даже не была удивлена его приходу. Ее тронули гвоздики, которые он принес, потому что это были любимые ее цветы. Однако они даже не поцеловались при встрече. Она оказалась сдержаннее и холоднее, чем он ожидал.

Роман сразу заметил, как она изменилась лицом и повзрослела за прошедший год. И еще ему бросилось в глаза

кольцо на ее правой руке. Но, как ни странно, он отбросил мысль, что она может быть замужем. Для него в тот момент это было неправдоподобно, и он даже не счел нужным об этом спросить.

Они держались подчеркнуто весело и любезно. Выпили кофе. Потом пошли гулять в парк, в тот самый парк, где они провели в прошлом столько незабываемых вечеров, сидели в той беседке, в которой два года назад она ему первой сказала «люблю»...

Он спросил ее:

— У тебя есть человек, которого ты любишь?

— Почему ты об этом спрашиваешь? — сказала она.

— Чтобы не сомневаться и не надеяться.

— Да, есть.

— И давно?

— Полгода.

— А как же письмо, в котором ты уверяла, что тоже умеешь ждать? Я поверил этим словам.

— Я знала, что ты поверишь. Но написала лишь для того, чтобы тебя поволновать...

— Поволновать?..

Какое-то время они сидели молча. Он снова ее не понимал.

— Это кольцо его? — наконец спросил он.

— Да, мы с ним расписаны, — не сразу ответила она.

Его самого удивило спокойствие, с которым он воспринял ее ответ. Он даже усмехнулся.

— Как это быстро у тебя получилось...

— Мы с ним давно знакомы. Вместе учимся, вместе проводим свободное время...

— Как его зовут?

— Зачем тебе?

— Ну, просто так.

— Нет, не надо, не спрашивай.

— Почему?

— Ну... я тебе не отвечу, не хочу.

После недолгого молчания она вдруг быстро заговорила:

— Он очень хороший, очень чистый человек. Я часто вас сопоставляла, и в тебе, по сравнению с ним, всё больше видела отрицательных черт. Правда, он не практичен в жизни. В отличие от тебя. Но он искренний человек, и я его за это люблю. Он для меня как ребенок. Раньше я хотела быть ребенком рядом с тобой, чтобы ты выполнял лю-

бые мои капризы. Но ты не понял меня. Такого чувства, какое я имела к тебе, я уже никогда не буду иметь, такое бывает раз в жизни. Наверное, это к лучшему, что всё у нас так окончилось. С тобою я не была бы счастлива. Ты когда-нибудь представлял нашу семейную жизнь?

— Да.

Она повернулась к нему с улыбкой.

— Ну и как? Это интересно.

— Уже давно я и сам предчувствовал, что у нас ничего не получится, что нам придется расстаться навсегда. И странно, понимая это, любил тебя еще сильнее. А нашу жизнь, вот парадокс, представлял счастливой и радостной...

— Вот видишь, как по-разному мы видели наше будущее. Мне оно казалось очень грустным.

Он привлек ее к себе. Она не противилась. Легко отдав свои губы, она, наверное, проверяла последнее чувство к нему — осталось ли хоть что-нибудь? Им стало ясно обоим — не осталось.

— Мне нужно идти, — сухо сказала она.

Не проронив ни слова, они дошли до ее дома.

С того дня они больше не виделись никогда.

1972

АФИША

Они встретились у метро и поехали на Арбат. Но ни в одном кафе и ресторане Нового Арбата им не нашлось места. Везде их встречала одна и та же табличка: «Свободных мест нет». Тогда он повез ее на улицу Горького. Они побывали еще в нескольких лучших и средних ресторанах города, дошли до «Пекина», но всюду была та же история: «Мест свободных нет». Швейцары даже не пускали их за двери, обрывая вопросы грубыми выкриками: «Бесполезно ждать!», «И не надейтесь!».

Он повез ее на окраину столицы — в один известный ему захудалый ресторанчик. Но в нем двери вообще были закрыты на ключ, хотя изнутри доносилась эстрадная музыка. Вслед за ними к ресторану подошли еще двое молодых людей и несколько раз ударили кулаками по металлической раме двери. На пороге появилась женщина в костюме метрдотеля.

— Чего стучите? Мест нет и не будет, — приоткрыв стеклянную дверь, с властной категоричностью отрезала она.

Однако парней это не смутило.

— А если хорошенько поискать? — сказал один из них и сунул женщине десятку.

— Ну... два места еще можно найти... — гораздо мягче ответила она и пропустила молодых людей мимо себя.

Он больше не стал испытывать судьбу — было просто противно видеть и сознавать эту мерзкую действительность. Поймал такси и повез ее домой. Возле ее дома счетчик такси показывал один рубль.

— Не обижай, — попросил шофер.

Он сунул ему трояк.

— Спасибо, — довольный, с широкой улыбкой сказал шофер.

— Не за что.

Выйдя из такси, он проводил ее до подъезда. Было уже темно, моросил холодный осенний дождь. На черном асфальте в свете фонарей блестели опавшие листья. Он подошел к автобусной остановке, возле которой висела большая цветная афиша нового кинофильма «Москва — любовь моя». Улица и остановка были безлюдны. Он сорвал афишу и бросил ее под ноги на асфальт.

1974

ЛИЗА

Как-то я был приглашен на дачный пикник. Меня усадили за стол напротив одной пары средних лет — мужа и жены. Гостей собралось довольно много, все в основном поэты, признанные и заявляющие о себе. Публиковался я еще мало, меня они почти не знали и говорили кто о чем. Я же не вступал в их разговоры, сидел молча, слушал, потихоньку опрокидывая рюмку за рюмкой, так как наливали всем беспрерывно.

Женщина примерно тридцати лет, что сидела напротив меня, вдруг спросила, не стесняясь своего мужа и глядя мне в лицо:

— Почему этот молодой человек все время молчит, не вмешиваясь в то, что говорят вокруг?

Я улыбнулся, но ничего не ответил. Взглянул ей в глаза. Они показались мне очень ласковыми и добрыми. Она бы-

ла худа, со светлыми стриженными волосами. В ее глазах я заметил огонек тепла, тянущийся своим светом ко мне.

— Почему у него такие печальные глаза? — вновь спросила она, ни к кому не обращаясь конкретно, но так, что слышали сидящие с нею рядом.

— Может быть, он хочет выпить, а ты вместо того, чтобы предложить, задаешь глупые вопросы, — дал исчерпывающий ответ ее муж.

— Ну, так что же мы сидим! — сказала женщина. — Наливайте. Выпьем за то, чтобы он всегда улыбался. — Она подняла свой бокал. — Я пью за него, за большое будущее этого молодого человека, имени которого я не знаю.

Я с улыбкой назвал свое имя, тоже поднял рюмку и кивнул этой женщине

— А меня зовут Лизой.

— Выпьем за Лизу, — предложил я.

— Очень хорошо, — сказала она.

Мы выпили.

— Вы не знаете, где я могла вас видеть? — спросила она меня.

— Не знаю. По-моему, мы встретились в первый раз.

— Володя, ты не знаешь, где я могла его видеть?

— Не знаю, — ответил ее муж. — При мне ты с ним еще не встречалась.

— Прекрасно, — сказала она.

— Что прекрасно? — отозвался я.

— Прекрасно, что я никогда в жизни не видела таких глаз.

— Каких глаз?

— Таких, как у вас. Таких печальных, нежных и в то же время чистых и манящих...

— Это что, объяснение? — перебил ее муж.

— Ну что ты, Владимир! Пойми, ведь бывает же такое: я впервые встречаю такие глаза. Посмотри, какие глубокие глаза...

— Мы с тобой пили часто, но подобных откровений я за тобой раньше не замечал, — усмехнулся муж. — Вот рядом сидит парень, — он указал на моего соседа, — симпатичный парень, чем его глаза хуже?

— Ты не можешь меня понять, Володя. Он хороший парень, и у него хорошие глаза, но вот за ним я не пошла бы на край света... — Она, немного помолчав, потупилась. — А вот за ним, — она обратила ко мне свое лицо, — пошла бы...

Наши взгляды сошлись, я смотрел пристально, не отрываясь, я старался сквозь глаза этой женщины проникнуть в самую глубь ее души, чтобы увидеть: не смеется ли она надо мной?

— Да? — удивленно посмотрел на нее муж. — Это интересно. До чего ты еще договоришься! — он засмеялся. — Ну-ну, посмотрим.

— Что же вы увидели в моих глазах? — не утерпел я.

— В ваших глазах целая жизнь, по ним можно прочесть вашу судьбу, — тихо ответила она. — Вы необычный человек, у обычных людей не бывает таких глаз.

Она смотрела на меня тепло и ласково, я не заметил в ее словах фальши, по ее мягким добрым глазам я поверил в то, что она не могла быть неискренней.

Потом, когда все встали из-за стола и разбрелись кто куда, она ушла со своим мужем, но все же на прощанье успела подарить мне такую милую, такую благодарную улыбку, которую я, наверное, очень долго не сумею забыть.

1974

ЯЗВИТЕЛЬНАЯ УЛЫБКА

Со вчерашнего дня я испытываю в душе тяжелую неугасающую боль. Я не думал, что это будет так серьезно. Ночью я не мог уснуть и сегодня весь день нахожусь в мучительной тоске. Давно у меня такого не было — не могу найти себе места, думаю только о том, что видел вчера.

Вчера поздно вечером я встретил Нину. Она шла, обнявшись с каким-то парнем — вдали в темноте я увидел их фигуры. Еще нельзя было различить, кто это, но сердце мое сжалось.

Они приближались, я не отрываясь смотрел на них и думал: она, она, она... И лишь только когда они поравнялись со мной, я поверил своим глазам. Она что-то шепнула парню, и он снял руку с ее плеча. Она отвернула к нему свое лицо. Я услышал свое сердце.

Я сказал: «Нина...»

Она не остановилась, не повернулась ко мне.

Я крикнул: «Нина!»

Она продолжала идти рядом с тем человеком.

Я вновь крикнул: «Нина! Подожди хоть минуту!»

Она резко повернулась ко мне с холодной улыбкой.

— О, здравствуйте, — произнесла она с язвительной улыбкой.

Я увидел, как самодовольно улыбался и тот парень. Я был страшно взволнован и не находил, что сказать.

— Что же ты проходишь мимо? — наконец выдавил я.

Она продолжала язвительно улыбаться.

— Извините, — с ехидством ответила она.

Я догадался: они шли из ресторана и были изрядно выпившими. Так со мной не разговаривала ни одна женщина, которая знала меня. Я ничего не мог сказать, кроме:

— Ну как ты жила без меня?

— Во! — она подняла кверху большой палец.

— Заметно... — мой голос дрогнул.

— Мы можем идти? — с усмешкой бросил парень, и они, хохоча, побежали к автобусной остановке.

Я остался стоять в темноте переулка. У меня внутри всё кипело. Вдруг захотелось броситься вслед за ними, остановить, сказать ей еще хоть что-нибудь...

Я сел в трамвай. И тут увидел возле себя ее подругу, которая, видимо, была в ресторане вместе с ними — она тоже была под градусом. Я спросил: что это за парень был с Ниной?

— Узнаешь у нее сам, — ответила она.

Я сказал, что больше с ней не встречусь никогда.

— Ей это передать?

— Зачем? Она сама всё знает.

— Нет, я все-таки передам...

Она захотела, чтобы я ее проводил. Но мне нужно было остаться одному и ни с кем ни о чем говорить не хотелось.

— Мы сходим к моей тете, — предложила подруга, — она живет одна. — Посидим и разойдемся по домам.

Мы молча дошли до дома ее тети, поднялись пешком на четвертый этаж, позвонили. Дверь нам открыла женщина, которую я хорошо знал. Она частенько бывала у Нины в гостях. Я увидел испуг на ее лице.

— Проходите, — нехотя сказала она.

Мы вошли. Подруга прошла в комнату, а я остался стоять в коридоре.

— О! — воскликнула она, — и Нина здесь!

— Какая Нина? — сдерживая волнение, проговорил я.

Из комнаты мне навстречу вышла моя, но уже чужая Нина. В глазах ее отразились удивление и страх. Она тут же убежала назад.

Ну, ты и даешь! — бросила она в лицо своей подруге. Ни себе, ни людям... Зачем ты это сделала?!

— Пусть! Так лучше. Всё правильно, всё так и должно быть. Это тебе на будущее, — вызываясь, со злостью выпалила подруга.

Я стоял, как потерянный, не зная, что делать и что говорить. Мне было больно за Нину. Я вошел в комнату.

Она сидела на диване и, увидев меня, снова слащаво, натянуто заулыбалась. Рядом с ней развалился тот парень.

Я стоял и молча смотрел на нее. Потом она закрыла лицо руками и положила голову себе на колени. Я вышел в коридор. Позвал подругу и сказал ей, что уйду.

Выйдя из дома, сел на лавочку возле подъезда. Просидел я долго. Наконец вышли и они — Нина и тот парень. Молча, не улыбаясь, прошли мимо меня. Парень, взяв под руку, увел ее куда-то в темноту.

Вот уже настал следующий вечер, а я всё не могу успокоиться. Мне так тяжело, как было лишь два раза в жизни, когда я разлучался с любимыми... И вот — новая невыносимая тоска. Почему она так сильно овладела мною? Ведь я уже давно сам для себя решил расстаться с Ниной. Ведь после нее я был близок с другими женщинами. Я знал, что мы с нею разлучились навсегда. Более того, я был уверен в том, что у нее появился кто-то другой... Так в чем же дело?!

Я ее любил. Несмотря ни на что, я ее любил. И не могу забыть того времени, что мы с нею прожили, очень многое осталось в моей памяти о тех и радостных, и печальных днях. И вдруг, видя ее с другим, испытать ее холод, даже презрение — это гораздо страшнее, чем просто знать, что она уже не твоя... Лучше бы я не встречал ее вчера. Теперь уже долго не утихнет во мне эта боль. Я никогда не забуду ее язвительную улыбку.

1974

КАПЛИ ДОЖДЯ

Он приехал в Кузьминки вечером в половине десятого. На выходе из метро толпились люди, одни надевали плащи, раскрывали зонты, другие просто не решались выйти на холодный весенний дождь. Он пристроился к стене воз-

ле выхода и стал ждать. Здесь было темно, прохладно и неуютно, но сознание того, что он снова, как прежде, ждет ее, что всё опять наладится и они помирятся, немного согревало душу.

Простоял минут сорок, и вдруг увидел ее идущей не из метро, как он ждал, а со стороны ее дома — с зонтом и в красном плаще.

Он вышел ей навстречу. Лицо ее было очень недовольным: надутые губы, взгляд из-под бровей.

— Здравствуй, — первой сказала она.

— Здравствуй...

Они стояли друг против друга и молчали. Моросил дождь. Она отошла под навес метро. Он встал рядом

— Что это у тебя такой недовольный вид? — спросил он.

— Да так, ничего.

Он не знал, как начать разговор, для которого уговорил ее на эту встречу.

— Ну, как ты жила?

— Хорошо.

— Чем занималась?

— Ничем.

Они опять с минуту молчали. Она смотрела по сторонам. Он — на нее. Безразличные, отчужденные, холодные глаза. Чувствовалось, что она нервничает. На ее правой руке он увидел обручальное кольцо от прошлого брака и догадался о ее встрече с бывшем мужем.

— Ты пришла с кольцом...

— Да, я теперь его ношу.

Он понял: у них не просто ссора, случилось что-то серьезное.

— Мне нужно спешить домой, — хмуро сказала она.

— Ну, пошли, — он вышел из-под навеса.

— Не провожай меня, я сама дойду.

— Да ладно уж, доведу напоследок, ничего не случится.

Они молча пошли. Она — под зонтом, он — подняв воротник пиджака и засунув руки в карманы брюк.

Капли дождя по его мокрым волосам скатывались ему на шею и под рубашку. Тоска сдавливала сердце.

Нужно было что-то решать, делать, говорить. С каждым шагом они приближались к разлуке.

— Ты ездила к нему в Ленинград или он сам приезжал?

— Да, ездила в Ленинград. Но это не твое дело, — отрезала она резко, со злостью.

— Почему же под конец нам не поговорить по-человечески? — через силу выдавил он.

— Не о чем нам говорить. Всё кончилось. Не люблю я тебя и никогда не любила, — так же резко ответила она.

Он усмехнулся:

— Ты говоришь неправду.

— Правду, — тоже усмехнулась она.

Ее дом стоял перед ними. Они остановились.

— Всё, прощай, — сказала она и направилась к подъезду.

— Постой, — не выдержал он.

Она продолжала идти.

— Прошу тебя, постой!

Она не остановилась, не обернулась. Он быстро пошел за ней в подъезд. Она уже поднималась по ступеням к лифту.

— Подожди хоть две минуты!

Она не стала вызывать лифт, поднялась на второй этаж. Он в несколько прыжков одолел два пролета ступеней и когда уже догонял ее — вдруг споткнулся и чуть не распластался у ее ног, но успел одной рукой схватиться за перила и не упал.

— Тише ты! Напился, — съязвила она.

— Да, напился, — с вызовом сказал он, хоть и был совершенно трезв.

— Не кричи. Люди услышат. Чего тебе нужно от меня?

— Не уходи, подожди немного.

— Мне некогда. И не прикасайся ко мне, ты мне противен.

— Это почему же?

— Ну и занудный же ты!

Она не стояла на месте, пытаясь обойти его, подняться наверх, но он загородил ей проход, не пускал.

— Да постой же со мной. Хоть немного.

Он услышал в своем голосе отчаяние, всё более понимая безнадежность своих попыток исправить что-то. Она оставалась такой же неумолимой, смотрела зло и насмешливо.

— Я хочу знать, в чем я виноват перед тобой?

— Да ни в чем. Просто ты такой же, как и все.

— Не понял. Что значит «как и все»?

Она на мгновение застыла, задумавшись.

— Послушай, ты мог бы за меня... умереть?

— Умереть? За тебя? — он даже вскрикнул от неожиданности. — Кому это нужно?

— Видишь, — спокойно произнесла она, — я так и думала. Ты всё продолжаешь задавать вопросы.

Она прошмыгнула мимо него, опешившего, растерянного. Быстро взбежала по ступенькам на четвертый этаж.

Стоя на лестничной площадке, он слышал, как громко хлопнула дверь ее квартиры.

1978

ЛУННОЙ НОЧЬЮ

Над Москвой висела большая сентябрьская луна. Человек невысокого роста подошел к неогороженной стоянке легковых машин, осмотрелся и неуверенной походкой направился к красному «Запорожцу». Он достал из кармана пиджака что-то наподобие отмычки, вставил в замок дверцы автомобиля, повернул два раза и, еще раз оглядевшись по сторонам, осторожно потянул ручку на себя. Дверца открылась. Невысокий человек так же осторожно проник внутрь красной малолитражки. Заурчал стартер, лязгнула шестеренка передач, и «Запорожец» медленно тронулся с места. Не спеша, без шума легковушка выехала со стоянки на главную улицу, и только здесь водитель переключил скорость.

Автомобиль рванулся вперед. Он помчался по пустынной улице с выключенными фарами. Мотор маленького «Запорожца» завывал от небывалого напряжения; видимо, еще никогда ему не приходилось работать с такой энергией, он задыхался от собственных оборотов, он был ошарашен той скоростью, какую хотели выжать из его невеликих силенок.

Трудно себе представить лицо человека, сидевшего за рулем. Оно было страшным. Это было лицо человека, отрезившегося от всего. Сдавленные губы выражали неимоверную, бешеную решимость, а круглые, лихорадочно пылающие глаза казались глазами того, кто потерял рассудок.

Вдруг впереди на дороге вспыхнули два ярких луча. Они быстро разрастались и уже освещали лобовые стекла малолитражки. Две широко расставленные фары указывали на то, что впереди — грузовик. Глаза водителя «Запорожца» вспыхнули новым злорадным огнем. Два желтых луча, как два магнита, неистово притягивали к себе его глаза. Он

ждал их, он уже не мог оторваться от этих лучей, они словно загнипнотизировали его сознание и волю к жизни. Губы его разжались и расплылись в странной, довольной улыбке. Еще мгновение — и он уже смеялся ненормальным кричащим смехом, раскачиваясь взад и вперед и изо всей силы давя ногой на педаль газа. Автомобили на высокой скорости неотвратно сближались.

«Запорожец» включил фары. Теперь уже можно было видеть, что навстречу ему мчится КраЗ — массивный, громадной силы грузовик. Шофер КраЗа предусмотрительно погасил фары и включил подфарники. И когда между ними оставалось метров пятьдесят, «Запорожец», не сбавляя скорости, вильнул на встречную полосу. КраЗ застонал тормозами, но было, конечно, поздно. Страшный удар, затем — взрыв и скрежет металла об асфальт разорвали сонную тишину одной из московских улиц. Грузовик подмял малолитражку под себя и, визжащую, пылающую, раздавленную, протащил несколько метров по шоссе.

Как только вся эта масса дымящегося металла прекратила движение, шофер грузовика с разбитым, окровавленным лицом, выпрыгнув из кабины, в горячке хотел было оказать помощь пострадавшим, но тут же остановился, обхватил голову руками и сел на обочину дороги. То, что недавно блестело новенькой краской и называлось «Запорожцем», теперь было бесформенной, расплющенной, пылающей синим пламенем грудой металлолома.

Когда на место происшествия прибыли сотрудники ГАИ, милиции и примчалась «Скорая», то ни разбившийся легковой автомобиль, весь обуглившийся, дымящийся, ни его водитель не нуждались ни в какой помощи. Они наполовину сгорели. И здесь, на месте, невозможно было установить личность того, кто несколько минут назад сидел за рулем красного «Запорожца».

1978

ИСКУПЛЕНИЕ

В городском ресторане, когда вечер подходил к концу, когда музыканты играли только на заказ, а официанты не обслуживали без предварительной оплаты, пожилой человек, сидевший за столиком один, попросил, чтобы его рассчитали. Официант заглянул в свою чековую книжку, назвал сумму. Пожилой человек достал из бокового кармана пиджака черный портмоне, извлек из него сторублевую купюру и протянул официанту. Тот принял ее двумя пальцами, внимательно осмотрел с обеих сторон, затем положил ее в свой раздутый бумажник и отсчитал деньги, причитавшиеся на сдачу.

Пожилой мужчина встал из-за стола. Был он невысокого роста, худощав, с обильной сединой, смешавшейся с темными, еще густыми волосами. Он спустился в гардероб, взял из рук швейцара плащ синего цвета, сунул тому какую-то мелочь и вышел на улицу.

А в ресторане за столом рядом с тем, где сидел пожилой мужчина, остались двое молодых людей. Они молча курили, глядя друг на друга. Один из них был рыжий, высокий и худой. Другой — светловолосый, среднего роста, но широкий в плечах. На столе у них стояли две бутылки пива, которые они допивали, и пустая бутылка водки.

— Я уверен, что у него в кошельке не одна такая... — тихо сказал рыжий.

— Спокойно, — произнес коренастый молодой человек. — Главное — не упустить его из виду. Пошли.

Они сбежали по ступенькам вниз и остановились перед стеклянными дверьми ресторана. Седовласый мужчина в синем плаще стоял на автобусной остановке. Улица была хорошо освещена, и молодые люди стали наблюдать за ним из вестибюля сквозь стеклянные двери. Прошло ми-

нут пять. Несмотря на поздний час, на автобусной остановке собрался народ. Наконец подошел автобус. Те двое выскочили из ресторана и в толпе людей протиснулись в автобусные двери следом за мужчиной в синем плаще.

Через несколько остановок седовласый мужчина вышел. За ним поспешили и двое молодых. Пожилой человек направился в сторону от дороги в какой-то узкий, слабо освещенный переулок.

Стояла тихая осенняя ночь. Мужчина в синем плаще шел спокойно, не оглядываясь и не подозревая никакой опасности. Прохожие в переулке не показывались.

Первым его догнал рыжий.

— Папаша, сигареты есть? — непринужденно спросил он.

— Найдем, — старик посмотрел в глаза рыжему и не торопясь полез в карман плаща.

В это время сзади к нему приблизился коренастый. Он быстро обхватил седовласого мужчину рукой за шею и сдавил ему горло. Зрачки пожилого человека расширились, рыжий заметил, что в них застыл ужас. В тот же момент рыжий приставил к подбородку своей жертвы лезвие ножа и прошипел:

— Одно лишнее движение, и ты — труп.

Свободной рукой рыжий вытащил из бокового кармана пожилого мужчины портмоне, заглянул внутрь. Там лежали деньги. Однако в темноте трудно было разобрать — какие деньги, к тому же в любой момент в переулке могли показаться люди.

Седовласый мужчина задыхался. Коренастый разжал руку в локте, после чего пожилой человек задышал хрипло и тяжело.

— Если пикнешь... — процедил сквозь зубы рыжий, — из-под земли достанем.

— Иди вперед, — коренастый толкнул в спину ссутулившегося седовласого мужчину, — и не оглядывайся.

Двое молодых людей быстрым шагом пошли назад, к дороге. Там они остановили легковую машину, проехали километров пять. Вышли. Рыжий, чувствовалось, волновался. Зашли в подъезд ближайшего дома. Проверили отобранный портмоне, в нем оказались пять сторублевых купюр и несколько десятирублевых.

— В общем, так, — пролепетал он, — на улице нам нечего маячить, этот дистрофик может заявить. Разъезжаем по домам, а завтра утром заваливай ко мне.

Они по одному вышли из подъезда и разошлись в разные стороны. Коренастый поймал такси. Он доехал до своего дома, тихо поднялся по ступенькам до квартиры, в которой занимал небольшую комнату, осторожно вошел. Не включая света, разделся и лег в постель.

Во всем теле ощущалась неприятная дрожь. «Что это со мной? — думал он. — Все оказалось на редкость удачно. Нас никто не видел. Прямо как в кино... А вот нервы подводят... Руки трясутся... С чего бы это?.. А грабил-то я впервые... Странно, выпили порядком, а я совершенно трезв...»

Прошло несколько минут. Сон не шел. «Так что же, теперь я преступник? — одолевали его навалившиеся мысли. — А зачем? Хотелось еще выпить... Интересно, всадил бы рыжий ему нож в глотку, если бы тот начал сопротивляться или кричать? Думаю, всадил бы... Да, он бы всадил. Вот так бы я стал убийцей. А зачем? Просто хотелось еще выпить... Ну, пропьем мы эти деньги, а потом что? Опять?..»

И он снова увидел седовласого мужчину в синем плаще, спокойно идущего впереди по пустынному переулку. Потом — блеснул нож в руках рыжего, приставленный к горлу их жертвы. Но почему по лезвию течет кровь? Откуда кровь?! И вдруг сзади кто-то осветил их лучом фонаря. «Вот они, голубчики!» — донеслись чьи-то слова. Он обернулся. К ним приближался человек в милицейской форме. «Бежим! — гаркнул рыжий. И они рванулись вперед по переулку. «Стой! Не уйдешь!» — кричал человек в милицейской форме. Рыжий куда-то исчез. «Не уйдешь...» — голос сзади все приближался. Ноги увязали в какой-то липкой грязи. Они становились все тяжелее, он с трудом их вытаскивал из земли... Наконец ноги совсем перестали слушаться. Перед ним выросла фигура милиционера. «Ну что, попался», — уже спокойно произнес тот с вытянутой вперед рукой. Страшная вспышка ослепила глаза. Земля качнулась под ногами и поплыла в сторону. Он повалился набок, но на землю не упал, а полетел в какую-то пропасть, полетел с жутким свистом в полной темноте. Он летел в эту бездонную пропасть и не понимал, что с ним происходит. Темнота словно тисками сжимала его со всех сторон и нигде, нигде не было видно просвета. «Что это? Куда я лечу?..» — с ужасом спрашивал он сам себя. «А ты уже мертв, — дошел до его сознания чей-то рокошущий голос. — Ты мертв и никогда не увидишь света. Ты будешь лететь во тьме». Жуткий страх охватил его душу. «Кто ты?!

Выпусти меня!» — что есть мочи прокричал он во тьму. «Ты должен искупить вину, — услышал он странный удаляющийся голос. — Должен искупить...»

Он проснулся в холодном поту и, не шевелясь, долго смотрел в потолок. В груди, как загнанное, колотилось сердце.

Он тяжело поднялся. Болела голова. Хотелось пить. Посмотрел на будильник. Было уже девять часов утра. Он зашел в ванную, принял холодный душ. Стало легче. Затем быстро оделся и вышел из дома. Моросил мелкий дождь. Город нехотя стряхивал дремоту воскресного утра и медленно встраивался в свою обычную жизнь. Но один человек после этой ночи стал совсем иным, нежели был вчера.

Он пришел в дом, где жил рыжий. Нажал на звонок. Тот сразу же открыл, как будто ждал его возле двери.

— Ну, наконец-то! Не мог пораньше?

— Не мог.

— Ладно, проходи.

В квартире был беспорядок, вещи валялись где попало. Однако чувствовалось, что рыжий встал давно. Он был выбрит, причесан и наглажен.

— Сегодня мы гульнем! — он довольно потер ладони.

— Деньги целы? — хмуро на него глядя, спросил коренастый.

Тот вскинул брови.

— С каких-то пор ты мне перестал доверять?

— Покажи.

Рыжий протянул ему красивый портмоне из натуральной черной кожи.

— Германия. Фирма, — сказал он. — Да, кстати. Я вчера не заметил. В нем оказался паспорт... Придется сжечь.

— Паспорт? Это хорошо... — коренастый засунул портмоне в задний карман брюк.

— Что, хочешь пойти разменять?

— Нет.

— Тогда положи, пожалуйста, деньги на стол, — рыжий выдавил из себя кривую напряженную улыбку.

— Я их отдам.

— Отдашь? Кому? — рыжий не переставал криво улыбаться.

После недолгой паузы коренастый тихо и спокойно ответил:

— Тому, у кого мы их взяли.

Улыбка сошла с губ рыжего.

— Послушай, у меня нет настроения выслушивать твои шуточки.

— А у меня нет настроения шутить.

— Дай сюда кошель!

Рыжий приблизился к своему бывшему подельнику и протянул вперед руку. Но тут же отлетел в сторону, получив удар справа в подбородок. Не ожидая такого поворота, он закричал:

— Ты что, гад! Хотишь все денежки заграбастать?! Вот гад, а! Не выйдет!.. — он схватил лежащий на столе нож. — Тебе, может, жить надоело?!

Коренастый медленно начал подходить к рыжему. Затем резко прыгнул влево, одновременно нанеся удар правой ногой по руке рыжего, в которой тот держал нож. Он знал каратэ. Рыжий, корчась от боли, опустился на пол. Коренастый проговорил:

— Пока хватит. И не вздумай меня искать. Будет хуже.

После этих слов он вышел из квартиры.

Паспорт оказался как нельзя кстати. В нем был адрес, по которому проживал вчерашний пожилой человек. Его дом находился недалеко от того переулка, где они его ограбили. Коренастый поднялся на лифте на нужный этаж, нажал кнопку звонка. Дверь отворилась не сразу. Перед ним стоял худощавый пожилой мужчина с обильной сединой в темных волосах, в халате и шлепанцах. Мужчина отшатнулся назад. Он узнал вчерашнего бандита и тут же захлопнул дверь перед самым носом коренастого.

— Подождите. Не бойтесь меня. Я деньги принес, — быстро заговорил коренастый.

— Какие деньги? — хрипло спросил голос за дверью после некоторого молчания.

— Ну те... что мы вчера у вас... взяли... то есть отняли.

— Если сейчас же не уберетесь, я вызову милицию, — прохрипел злобный голос.

— Можете вызвать. Но я правду говорю. Я деньги хочу вам вернуть, поверьте мне.

Несколько минут стояла тишина. Затем дверь снова тихонько приоткрылась, однако дверная цепь была накинута на крючок.

— Мне нужен паспорт. Он при вас?

— Да, вот, возьмите.

Коренастый просунул портмоне в приоткрытую дверь. Было видно, как седовласый пожилой человек проверял его содержимое.

— Всё на месте, — недоуменно прошептал он.
— Послушайте, мне с вами хотелось бы поговорить, — торопливо обратился к нему коренастый.
— Зачем еще?
— Не бойтесь. Можете позвать кого-то из соседей, я ничего плохого вам не сделаю.
— Я свою жизнь прожил, — тихо произнес худощавый человек в длинном халате, — и мне за нее нечего бояться. А вот у вас она только начинается. Впрочем... заходите.
Цепь слетела с крючка. Молодой человек вытер ноги и вошел в квартиру.
— Проходите сюда, — хозяин квартиры ввел его в свой кабинет. — Присаживайтесь.
Коренастый сел в кресло и осмотрелся. Вокруг него вдоль стен стояли стеллажи, полные книг. Он никогда еще, ни в одной квартире не видел столько книг.
— И вы все это прочитали? — не скрыл он своего удивления.
— Да. И не только это.
Худощавый седовласый мужчина сидел на диване, обшитом черной кожей, внимательно глядя на коренастого.
— Вы случайно не писатель?
— Да так, немного пишу.. Извините, как вас зовут?
Молодой человек назвал свое имя. Сидящий на диване пожилой мужчина тоже представился.
— Так о чем же вы собираетесь со мной говорить?
— Во-первых, я должен извиниться перед вами за вчерашнее.
— Но что же это было, вооруженное ограбление или... что? Комедия какая-то получается...
— Хороша комедия, когда вы могли Богу душу отдать, если бы себя иначе вели!
— Да... — протянул, усмехнувшись, хозяин кабинета. — Вчера я ничуть не сомневался, что у того, высокого, рука не дрогнет..
— И не дрогнула бы, — серьезно подтвердил коренастый.
— Но тогда я не понимаю именно вас.
— Это не так просто... понять. Еще вчера я мог бы и сам убить. Но теперь... — он откинулся на спинку кресла и замолчал.
— Кажется, я начинаю догадываться... Расскажите мне о себе. Кто вы? Раньше вы совершали что-то подобное?

— Нет, никогда. Да что рассказывать? В моей жизни не было ничего особенного. Я рос без отца. У матери нас было двое ребят, и она за нами не очень-то следила. Меня больше воспитывала улица. Учился я нехотя, правда, закончил среднюю школу. Потом завод, армия, стройка, где и сейчас работаю. Появились лишние деньги, дружки, а с ними — вино, рестораны, женщины. С этим, рыжим, я и познакомился в кабаке. Он как-то расплатился за меня, но потом я узнал от ребят, что он это сделал специально — хотел меня к себе привязать. Я ведь занимался борьбой, боксом, и он со мной чувствовал себя увереннее, сильнее, оттого и нагнул все больше. Он уже отсидел один срок за воровство. Но у него никогда не переводились деньги, а женщины всегда там, где много денег. Это-то меня и манило в его компании. Но теперь конец. С сегодняшнего дня мы с ним враги.

— Что же произошло?

— Вы знаете, ничего такого... Но... был сон.

— Сон? — хозяин кабинета впился удивленными глазами в лицо коренастого.

— Да, сон, после которого все изменилось во мне...

— Сон... — задумчиво проговорил пожилой человек, опустив глаза. — Это интересно.

— Нет, страшно. Такого я не видел никогда, и мне ни разу не было так плохо... Я должен все изменить в своей жизни. Раньше я не помнил снов и уж тем более в них не верил. Но тут... Тут все было иначе, как наяву. И я понял, что должен жить по-другому, честно...

Он замолчал. Хозяин квартиры долго всматривался в него, чувствуя правду в словах этого молодого человека, которому стало необходимо высказаться, даже не рассчитывая на то, что его поймут.

— Значит, сон, говорите... — седовласый пожилой мужчина отвел задумчивый взгляд в сторону окна. Потом спросил: — А как же этот, рыжий? Он ведь теперь будет мстить вам.

— Я его не боюсь. Он меня боится, а я его — нет.

— Да... — вновь протянул седовласый хозяин кабинета. — Послушайте... Вы уж извините меня, но, может быть, вам действительно... это... деньги нужны? Я могу вам одолжить. Отдадите, когда сможете, а?

— Что вы, не надо. Я должен был искупить вину... А вот вы бы мне лучше книжку какую-нибудь дали почитать. Я обязательно верну. А то у меня и книг-то дома нету.

— Книгу? Конечно, конечно... Вот только какую бы вам дать поинтересней? — худощавый пожилой мужчина встал с дивана, засуетился, начал шарить глазами по книжным полкам. — Ага! Нашел! — Он достал толстую старинную книгу в твердом красивом переплете. — Это вам должно обязательно понравиться...

Молодой человек взглянул на название книги.

— Спасибо, — сказал он, — как только прочитаю, сразу же принесу.

— Да вы не торопитесь, читайте сколько угодно. А ко мне заходите в любое время, я вам всегда буду рад. Должен признаться, вы принесли интересную мысль, тут есть над чем задуматься. Сон — и такой переворот в душе! В этом что-то есть...

Они расстались друзьями. Седовласый хозяин квартиры был растроган тем, что увидел преображенного человека и долго еще сидел задумавшись в своем рабочем кресле, а потом что-то быстро до позднего часа писал. Преображенный же молодой человек шел домой с радостным чувством душевного облегчения и спокойствия.

Уже наступил вечер, когда он подходил к своему дому. Погода стояла пасмурная, стемнело рано. Закончился воскресный день. Люди раньше обычного разошлись по домам, приготавливаясь к трудовой неделе. Он один шел по своей узенькой улице, на которой почему-то второй вечер не горели фонари. Мелкий дождь моросил целый день и на дороге образовались лужи. В темноте их трудно было разглядеть, и он шел прямо по воде, ничуть не досадуя на это. Он испытывал счастливые минуты, такие редкие в его жизни. Сзади послышался рокот мотора, и свет фар приближавшегося автомобиля осветил перед ним дорогу. «А вот и свет, — подумал он, — как удачно...»

Он только успел заметить, что перед тем, как земля из-под ног рванулась назад, свет фар погас. На этот раз он со страшной силой падал вперед, земля же завертелась гораздо быстрее, чем прежде, во сне, и всё та же бездонная пропасть, в которую он летел, сжимала его жуткой темнотой и оглушала непонятным свистом. Но где-то там, вдалеке, он вдруг увидел сначала слабый, едва различимый свет, который все увеличивался, приближался к нему...

1979

ПРОБЛЕСК ВО ТЬМЕ

Человек высокого роста в черном костюме с окладистой рыжеватой бородой и длинными волосами сел на Курском вокзале в скорый поезд, отъезжающий в Крым. С ним в купе расположился полноватый мужчина лет сорока с лысиной и веселыми глазами. Открывая бутылку минеральной, он заговорил:

— Ну и жара! За весь день, наверное, ведро воды выпил. Не желаете нарзанчику?

— Спасибо, — равнодушно ответил сосед по купе. — Я не хочу.

— Честно говоря, вам можно посочувствовать. В такую духоту — с бородой! Не жарко?

Бородач грустно улыбнулся и взглянул в окно. Поезд тронулся, постепенно набирая скорость.

— Я вот еду в командировку — не унимался сосед с лысиной, — на целый месяц. Лучше отпуска. Юг, море и всё остальное, — он подмигнул. — Красота! Извините, вы отдыхать едете? Или так, по делам?

— По делам, — прозвучал досадливый ответ.

— Понятно, — полноватый незнакомец выпил еще воды. — Простите за любопытство, а вы где трудитесь?

— Я служу, — помолчав, сказал человек в черном костюме.

— Так вы служащий. В какой же организации, если не секрет? Случайно, не коллеги?

— Нет, не коллеги, — буркнул бородач, не отводя лица от окна.

— А, ясно! До меня сразу не дошло. Вы военный! Просто ваш вид меня немного смутил. Борода и прическа...

Бородач резко повернул голову, взглянул незнакомцу прямо в глаза.

— Я служу в церкви.
Тот был явно ошарашен.
— В церкви?.. Простите, я не мог предположить, чтобы...
— Это не причина просить прощения. Да, я служу в церкви. О чем еще вы хотите меня спросить?
— Извините... то есть... я не то хотел сказать... Просто я впервые встречаюсь с таким человеком, — незнакомец заерзал на сидении, было видно, что он взволнован. — Вы, вероятно, закончили духовную семинарию?
— Да, я закончил духовную семинарию. Еще вопросы будут?
— Ради бога, не подумайте ничего плохого.
— Вот как! Вы даже Бога вспомнили!
— Нет, нет, но мне очень интересно с вами пообщаться. Не часто же встречаешь священнослужителей. А вы, насколько я вижу, еще достаточно молоды...
Человек с бородой ничего не ответил. Он опять отрешенно смотрел в окно на проплывающие мимо окрестности и явно не желал вступать в беседу с неугомонным соседом.
— Можно полюбопытствовать, — не унимался тот, — в какой церкви вы... это самое... служите?
— В одном московском приходе, — уже без раздражения ответил молодой священник и добавил: вам неймется со мной поговорить? О чем?
— Ну, вообще... О смысле жизни, например.
Священник усмехнулся.
— О смысле жизни? Боюсь, мы с вами по-разному понимаем этот смысл. Доказывать же вам что-то, спорить с вами я не намерен. Давайте лучше помолчим.
— Почему же? Не лишайте меня удовольствия побеседовать с умным человеком.
Священник удрученно вздохнул, откинулся к стене и прикрыл глаза.
— Вот объясните мне: что такое бог? — командированный носовым платком протер лысину. — Я много думал над этим и ни к чему не пришел. Я, в общем-то, атеист, но религией интересуюсь. Пожалуйста, объясните мне, может быть, я чего-то не знаю такого, что знаете вы? — он самодовольно осклабился.
— Вы не знаете главного, — не открывая глаз, произнес священник.
— А именно?

— Это нелегко понять. Чтобы понять это теперь, после стольких лет атеизма, нужно многое пережить.

— Но если вы знаете, то расскажите мне, в чем же главное?

Священник немного помолчал, потом открыл глаза, внимательно посмотрел на собеседника.

— Вот вы, говорите, атеист. А религией интересуетесь. Отчего?

— Ну... потому что... потому что в религии есть какая-то тайна. Она привлекает.

— Тайна... Которую вы не можете разгадать.

— И все-таки ведь доказано, что бога нет.

— Доказано? — искренне рассмеялся молодой батюшка. — Кем?

— Как кем? Наукой. Полеты в космос подтвердили — там ничего нет, — человек с лысиной поднял кверху толстый палец, — пустота.

— Ну, во-первых, наука никогда этого не пыталась доказывать. А во-вторых, вы его не там ищете. Бог — это не человек, который сидит на облаке, как нарисовано на картинках. Полеты в космос... А душа, душа-то ваша что вам говорит? Разве она — не тот же космос? Или вы уже в своей мирской суете забыли про душу?

— Ну, душа — это понятие абстрактное, так сказать, поэтическое. Я вам говорю про материальные вещи, а вы мне про душу.

— Так ведь душа — это и есть главное в нас с вами. Какая душа у человека, так он и живет. От нее все наши дела земные.

— Выходит, душа — и есть ваш бог?

— Бог — это всё, в том числе и душа. Мы, священнослужители, помогаем спасать души людские, чтобы помыслы и дела людей были добрыми. Это угодно Создателю и, значит, природе и человеку. Зло противоестественно для всего живого. Приближая людей к Богу, мы делаем их добрее. Но зло привлекательно. Оно губит душу, и тогда — гибнет сам человек. В людях от рождения заложен Образ Божий, и насколько они смогут его сохранить, настолько им легче будет умирать. Доброму человеку умирать всегда легко, потому что он не боится встречи с Богом. Злой же — до последнего часа хватается за жизнь, ему страшно умирать. Недаром к нам в церковь приходит много пожилых людей. Приходят даже те, кто долгое время

Бога отрицал. А вот подошла смерть, и почувствовали они страх перед встречей с Богом и пришли к нам, чтобы очистить душу. Хорошая душа всегда рядом с Богом, она живет вечно и наполняет светом жизнь других. Вот мы и стараемся вселить в людей добро. Да только многим без Бога жить легче.

— Как вы любите повторять: бог, душа, доброта, вечность!.. — командированный сморщил мясистый лоб. — Но ведь современные люди верят не в загробную благодать, а в конкретную лучшую жизнь здесь, на этом свете, в этой стране, на этой планете. Нынешнему времени нужны энергичные, сильные люди, верящие в себя, в силу рук и ума, а не в потустороннюю вечность. Строить новую жизнь на земле — разве это не добро? Это то добро, которое полезнее вашего, значительнее и выше.

Лысый пассажир был доволен собой, хотя и понимал, что говорил не совсем искренне, заученными фразами, с которыми привык выступать на разных собраниях. Однако против его доводов, как ему казалось, возразить было непросто.

Но священник опять же лишь снисходительно улыбнулся в ответ на эту пылкую речь.

— Вы считаете, что сейчас люди стали умнее и добродетельнее, чем, скажем, сто или двести лет назад? Сомневаюсь. Корысть, расчет, выгода — вот что властвует сейчас над миром. И самое страшное то, что этого не замечают, к этому привыкли и даже называют добром. Наш век стал не умнее, он стал хитрее, расчетливее. И уж о какой такой новой светлой жизни можно говорить на нашей ослепленной враждою планете?

— Ну ладно, допустим, человечество не стало умнее. А как же тот прогресс, который произошел за последние двести лет?

— Прогресс? О каком прогрессе вы говорите?

— Как о каком? О самом настоящем. Ведь вы не можете отрицать достижений науки и техники. Они-то существуют. А прогресс в культуре, в просвещении? Вы признаете это?

— Прогресс, вы говорите... А увеличилась ли радость в жизни земной по сравнению со страданием? Можете ли вы сказать, что люди стали счастливее, что жить им теперь легче? Только так я понимаю прогресс. Можете сказать? Разве не видите вы, что с этим мнимым прогрессом, с эти-

ми достижениями науки и техники людям только добавилось горя, страданий и забот? Бог наказал Адама за то, что тот вкусил от Древа познания, и природа накажет и уже наказывает человека за грубое, безнравственное, жестокое вторжение в ее тайны. Человек для природы стал зловерным, безответственным существом. Что бы вы сказали, если бы кто-то ради сиюминутного удовольствия начал разорять, уничтожать свой дом? Вы бы назвали его сумасшедшим. А вот человечество именно этим и занимается, разоряя и отравляя свою планету. Ему нравится видеть плоды своей деятельности на ниве разорения, и оно стремится как можно быстрее землю распотрошить, выжать из нее все, что только возможно, и называет это прогрессом. Такой прогресс только приблизит нас к концу света.

— Значит, по-вашему, что, надо вернуться к каменному топору?

Священник снова снисходительно рассмеялся.

— Зачем же так примитивно!.. — он пригладил усы и бороду. — Отказаться от того, что уже сделано, было бы глупо и лицемерно. Но о прогрессе нельзя рассуждать без связи с человеком и с его нравственностью. Мы хотели бы, чтобы достижения мысли не оборачивались против разумности, против земной природы, созданной Богом, против жизни как таковой.

— И тем не менее вы очень пессимистично смотрите в будущее. А вот мы верим в лучшую участь людей.

— И мы надеемся на их лучшую участь. И даже верим в их нравственное перерождение. Придет вновь Христос и научит людей добру. Он еще раз откроет им глаза на всю мерзость их существования и заново укажет путь к спасению. Но человечество поумнеет лишь тогда, когда подобреет сердцем.

— И когда же это, по-вашему, произойдет?

Священник на минуту задумался, затем снова заговорил:

— Иисус однажды рассказал людям такую притчу: один владелец поля засеял его добрым семенем. Когда наступила ночь, пришел враг владельца поля и посеял плевелы среди пшеницы и ушел, никем не замеченный. Когда семена проросли и поле заколосилось, показались и плевелы. Рабы спросили господина: «Ведь ты сеял доброе семя, откуда же столько плевел на поле твоём?». «Враг мой, вероятно, посадил их», — ответил господин. Рабы сказали:

«Не прополоть ли нам поле?». «Нет, — ответил господин, ибо он был умнее их, — вместе с плевелами вы легко можете выдернуть пшеничные колосья. Оставьте то и другое до жатвы; тогда я скажу жнецам, чтобы они отделили плевелы и уничтожили их, а пшеницу убрали в житницу». Когда Иисус остался наедине со своими учениками и они попросили его пояснить им притчу, Он сказал вот что: «Сеятели доброго семени — это добрые люди, которые своим учением и примером обращают людей к добродетели. Поле — это мир, доброе семя — это люди, расположенные к добру, плевелы — люди, склонные к пороку. Враг, посеявший плевелы, — искуситель и искушения. Время жатвы — вечность».

— Вечность? То есть вы ничего не можете людям обещать в земной жизни?

— Никто не знает, когда это случится. Все зависит от самих людей. Но без нас, без сеятелей доброго семени, они не смогут построить царство добра в своих сердцах. Добродетель и порок так тесно переплетены, что нельзя искоренить порок, не нанеся ущерба добродетели. Добрые люди будут отделены от злых, когда наступит время великой жатвы, то есть когда вновь придет Христос.

— Значит, не скоро наступит эта «жатва»? Впереди у нас вечность?

— Никто этого не знает. Только проходимцы могут устанавливать сроки. Но всё говорит о том, что последние времена близки.

— И что, человечество может погибнуть?

— Оно бы уже погибло, если бы не Христос. Люди готовы уничтожить себя сами. Они близки к этому. Слишком много накопилось зла на земле, и ее нужно очистить от этой накипи. Но Бог не даст исчезнуть разуму совсем. Бог спасет человечество от самоуничтожения. Люди себя не спасут. Благодарите Бога за то, что Он есть.

Но что такое бог?

— Высший разум, не имеющий пределов.

— Откуда он исходит?

— Это тайна, недоступная человеку.

— Почему вы знаете, что он есть?

— Мы это знаем, потому что чувствуем это и видим. И вы чувствуете, только не хотите прислушаться к себе.

— И вы уверены, что не заблуждаетесь?

— Иначе вся жизнь человеческая — заблуждение. Нет народа на земле, который избежал бы религии. Бог зало-

жил в человека ощущение Себя Самого. Оглянитесь вокруг, в природе всё разумно, и этот разум имеет Божественное начало. Хотя бы это вы можете понять?

Священник устремил на собеседника вопросительный взгляд. Тот вдруг примолк, задумался. Казалось, он что-то начинал понимать, и в то же время ему мучительно хотелось возразить, чтобы не соглашаться со столь чуждой для него проповедью какого-то церковника. Он злился на себя, оттого что все его атеистические знания вдруг куда-то испарились, померкли, что возразить основательно было нечем. Он пытался вспомнить какой-нибудь довод, факт, развенчивающий эту обманную проповедь молодого попа, поднаторевшего в своей демагогии, и ничего веского добавить не мог.

Воцарилось молчание. За окнами вечерело. Поезд на огромной скорости пронесся мимо густого темного леса, покачиваясь и равномерно стуча на стыках.

Но вот поезд начал тормозить. На каком-то невзрачном полустанке состав сделал минутную остановку и вновь тронулся. В их купе постучали. Дверь открылась, и к ним заглянула пожилая проводница.

— Так, мужчины, ваше купе единственное, где есть свободные места, — сказала проводница строгим голосом. — Если не возражаете, — повернулась она к молодой женщине лет тридцати, стоящей в проходе, — я могу вас устроить здесь.

Молодая женщина через дверь купе посмотрела на пассажиров и, застенчиво улыбувшись, согласилась:

— Я не возражаю. Тем более вы ведь сами говорите, что в других купе мест нет.

— Ну вот и ладно. Располагайтесь, постельное белье я вам принесу, — проговорила проводница.

— Спасибо.

Молодая женщина, немного стесняясь, присела рядом со священником.

— Извините, что я вторгаюсь в ваше общество, — заговорила она, — мне нужно было срочно ехать, а билетов на поезд не оказалось. Я уговорила проводницу, и она привела меня к вам. Вы не против?

— Ну что вы! — поспешил ее успокоить человек с лысиной. — Какой разговор! Будьте как дома.

Он уже успел ее разглядеть. Женщину нельзя было назвать красивой, но мягкие нежные черты придавали ее лицу ту миловидность, которая чаще всего ценится в женщи-

нах даже более, чем сама красота. Она была чуть выше среднего роста, со светлыми стриженными волосами, в длинном, свободно облегающем тело сером платье.

Священник вновь повернулся к окну. Вошедшая женщина не привлекла его внимание, он думал о чем-то своем.

Командированный, явно обрадовавшись новому знакомству, сразу предложил с заискивающей улыбкой:

— Послушайте, друзья, не будем же мы скучать всю дорогу. Давайте-ка перекинемся в картишки для начала. У нас теперь образовалась компания.

Священник укоризненно посмотрел на него.

— Мне не хочется, я лучше так посижу, — ответила женщина.

— У вас неприятности? — назойливо спросил командированный.

— Да как вам сказать?.. Мама у меня больная. Вот я к ней еду.

— Понятно... — с его полного лица сошла глуповатая улыбка. — Все мы болеем, все мы когда-нибудь помрем...

— Не говорите так, — вдруг встрепенулась женщина, — не напоминайте мне о смерти. Меня это предчувствие весь день сегодня преследует. Я его гоню, гоню, стараюсь думать о другом, и ничего не получается. Извелась вся...

— Простите, простите, — засуетился лысый командированный, — я не думал, что у вас так всё серьезно. Что с матерью?

— Да я еще сама толком не знаю. Болеет она давно, уже несколько лет. Сердце у нее... Лежала в больнице, выписалась, а тут опять плохо стало...

— Вы наведать ее едете?

— Ах, если бы только наведать!.. Вы не поверите. Соседка даже посмеялась надо мной. А я себе места не нахожу. Никогда в сны не верила, а тут — не могу успокоиться...

— Во что? В сны? — на полном лице командированного застыло насмешливое удивление. — Ну, это не по моей части... — Он с той же насмешкой посмотрел в сторону священника.

— Во вчерашнюю ночь я видела сон, — продолжала женщина. — Вижу: мама моя лежит при смерти и слабым голосом зовет меня к себе... Я у нее единственная дочь. Живу одна, поделиться не с кем...

Священник повернулся к женщине, внимательно на нее взглянув. Глаза его приняли напряженное выражение, и он серьезно проговорил:

— Вы правильно сделали, что немедленно отправились в дорогу. Ваше сердце вас не обманывает, верьте ему. Было бы непростительно, если бы вы этого не сделали. Господи, — он перекрестился, — помоги этой женщине заставить свою мать живой!

Женщина устремила на священника испуганные глаза.

— Вы считаете, это правда? Мама умирает?

— Укрепите свое сердце, — спокойно ответил батюшка. — будьте готовы к испытанию, которое готовит вам судьба... Такие сны не приходят напрасно. Положитесь во всем на Бога. Я буду молиться за вас.

— Молиться?! Я ничего не понимаю! Кто вы? — негромко вскрикнула женщина, переводя взгляд с одного мужчины на другого.

— Я тот, кто может вас утешить и помочь вам.

— Кто он? — обратилась она к человеку с лысиной. В глазах ее дрожали слезы.

— Он священник. Не бойтесь его.

Она, широко раскрыв удивленные глаза, повернула лицо к соседу по купе — обладателю благообразной рыжеватой бороды.

— Боже мой! Так значит... предчувствия меня не обманывают? Она зовет меня?

Светловолосая женщина закрыла лицо ладонями и, уронив голову на колени, какое-то время сидела согнувшись, и только вздрагивающие плечи выдавали ее беззвучные рыдания.

— Успокойтесь, милая, — начал было уговаривать ее командированный. — Нате вот, выпейте водички.

— Не надо ее успокаивать, — вмешался священник. — Ей необходимо выплакаться, потом будет легче. — Он положил руку на голову женщины.

— Да что вы всё лезете со своими нравоучениями! — вспыхнул человек с лысиной. — Это же вы довели девушку до истерики. И откуда вы можете знать, что там с матерью? Зачем пугаете человека, расстраиваете раньше времени? Может, все эти ваши сны — ерунда, блеф, фикция! Вот приедет она к матери, а та — жива и здорова. Что вы тогда скажете? А? Бог помог? У вас на все один ответ. — Он нагнулся к женщине, приподнял ее голову, подал воды. — Нате, выпейте, милая девушка. И что же вы, ничего еще не узнав, мать свою оплакиваете? Она, вернее всего, живет себе спокойно, а вы ее хоронить собрались с этим вот душеспасителем бородатым. Не слушайте вы его, он тут мне

такое заливал! Всё у них, вроде бы, складно — бог, добро, а за свечки в церкви по рублю дерут! Дармоеды!

Женщина выпрямилась, вынула из сумочки платок, приложила к глазам. На щеках ее выступили красные пятна.

— Извините. Я возьму себя в руки. Может быть, вы и правы. Никто ничего не знает. Только... не спокойно мне на сердце.

Она достала зеркальце, посмотрелась в него, пригладила волосы.

Священник вновь отвернулся к окну.

Наступил вечер. Лес за окном погружался во мрак. Какое-то время ехали в полном молчании. Наконец женщина спросила:

— А вы действительно священник?

Тот сидел неподвижно, словно и не слышал вопроса.

— Зачем вы его обидели? — укорила она человека с лысиной. — Вот видите, я пришла и вас поссорила. Нехорошо это.

Дверь купе отворилась. Проводница принесла постельное белье и, взяв со всех по рублю, вышла.

— Что-то у меня голова разболелась. Я бы прилегла, — сказала женщина. — Вы мне не уступите нижнюю полку? — Она дотронулась до плеча бородатого соседа.

— Да, пожалуйста.

Он поднялся и вышел в коридор вагона. За ним последовал командированный, остановился рядом и тихо произнес:

— Простите меня, я сгоряча вам нагрубил. Не обижайтесь. Это так... Я, честно говоря, и в церкви-то ни разу не был. Вы не курите? Ах, да... Ну, тогда и я не буду.

— Мы в церковь никого не тянем, — священник ответил спокойно, без раздражения. — К нам люди сами приходят. Когда человек разуверился в этой жизни, когда ему тяжело и неоткуда ждать помощи, он идет к нам. И у нас ему становится легче, он уходит успокоенным, сердце его смягчается.

— Не знаю, может быть. Лично я всегда сам искал выход из тяжелых ситуаций и находил его здесь, в реальной жизни. А на церковь я смотрел как на заблуждение и даже как на обман. Но я вижу, что вы честный человек, уверенный в своей правоте. Да, вы действительно кому-то нужны. Это понятно. Только не надо играть на слабостях людей. Вот эта женщина. Она, скорее всего, неверующая.

Зачем же вы пользуетесь моментом и хотите одурманить ее? Это некрасиво.

— А чем вы сможете ей помочь в ее горе, чем? Какие слова утешения найдете вы для нее?

Священник резко повернулся и вошел в купе. Женщина уже лежала на нижней полке лицом к стене, укрывшись с головой одеялом.

— Эх, устал я с вами разговаривать, — вздохнул, входя, командированный, — давайте лучше отдыхать.

Он постелил себе постель, разделся, залез под простыню и вскоре заснул.

И приснился ему странный сон. Будто летел он в чистом небе, освещенный со всех сторон ярким непонятным светом. Ему казалось, что он даже не летел, а плыл в этом тягучем свете, который лился отовсюду и обволакивал его. Он испытывал ощущение безмерной легкости и спокойствия, словно кто-то невидимый сладким голосом шептал ему о любви. «Что же это со мной? Никогда не было так хорошо... — думалось ему. — Вот так бы всегда...» «Если хочешь, так и будет всегда...» — услышал он чей-то знакомый голос, похожий на голос священника. «Где ты? Почему я тебя не вижу?» — крикнул он в эту яркую пустоту. «Потому что ты слеп. И ничего не увидишь, пока не прозреешь...» — донесся до его слуха протяжный удаляющийся голос. И в самом деле, летя в пространстве бесконечного света, он ничего не различал, даже себя самого. Он ощущал свое тело, но не видел его, словно оно растворилось в этом свете и само превратилось в свет...

От щелчка захлопнувшейся двери командированный вздрогнул и очнулся.

— Фу ты!.. — пробормотал он. — Снится тут всякая чушь! За окном уже рассвело. Он огляделся. В купе никого не было.

Командированный потянулся и блаженно закрыл глаза. Он представил себе солнечный пляж, загорелых красивых женщин, бирюзовую волну, с шумом выбрасывающую на берег разноцветные камушки, и в этом сладком ожидании предстоящих впечатлений снова заснул.

Разбудила его проводница, собиравшая постельное белье. Поезд подъезжал к пункту назначения. Южное полуденное солнце поливало горячими лучами крымское побережье.

1981

ДОРОЖНИЦЫ

Недалеко от моего дома, рядом с метро Автозаводская, шли дорожные работы — обновляли асфальт.

Несколько дней подряд, проходя мимо, я видел, как женщины — в возрасте и молодые — совковыми лопатами разбрасывали под колеса катка сыпучую горячую массу, выгребая ее из черной, дымящейся, смрадно пахнувшей кучи асфальта, сгруженного самосвалом на шоссе.

В этот раз, побросав на тротуар лопаты, в синих с желтым спецовках они сидели гурьбой в тени под высокими тополями. Разломав на несколько ломтей батон, они молча, медленно и утомленно жевали, прикладываясь к бутылкам кефира.

Стояла июльская жара, и смрад от асфальта расходился на весь квартал.

Я, неспешно проходя, подошел к ним и шутливо обронил:

— Намаялись, бедные...

Одна из женщин, наверное, самая молодая, сдвинула на затылок красный платок, налезавший ей на глаза, взглянула на меня с ухмылкой и нехотя проговорила:

— Да уж, небось, побогаче тебя-то.

Я удивился такому ответу, но решил продолжить разговор:

— Так ведь работенка-то не дай Бог!

— А что тебе наша работа? — встрепенулась другая, постарше. — Ты, парень, дурак. Не смотри, что мы здесь чумазые. Приди ко мне домой — ты меня не узнаешь.

Женщины заулыбались.

— Лучше ко мне приходи, она замужняя, — рассмеялась та, что была помоложе.

— А что ж мы будем делать? — не унимался я.

— Книжки будем вслух читать. У меня их мно-о-го.
— Неужели? — искренне не поверил я.
— Приходи, увидишь. Я и стихи тоже люблю. Помню, читала я как-то в газете стихи о себе.

— О себе?

— Ну, не совсем обо мне, а про таких, как мы, про дорожниц. В общем, про нашу работу. Жалостливые такие стихи... А я прочитала и рассмеялась. Меня никто дорожницей работать не заставлял. Сама пошла. Да если б я захотела, так могла бы секретаршей устроиться к нашему начальнику управления, он сам меня звал. Да больно мне надо ему чай подносить! За семьдесят-то рублей!

— Секретаршам, по-моему, не меньше ста платят, — наугад парировал я.

— Ну, ты даешь! — вскрикнула она. — Нашел чем удивить! Да я здесь все триста зарабатываю. Каждое лето в Гагры летаю, а по субботам в лучшие рестораны хожу. А ты мне — сто. Так что нечего вам, мужикам, за нас слезы лить. Наши бабы тут привыкли, да и к денежкам хорошим тоже приучились и уходить с этой работы не собираются. Я, во всяком случае, от них такого не слыхала. А что грязная наша работенка — ничего страшного. Я домой приду, горячей водичкой помоюсь, в кримплен оденусь, французскую парфюмерию на себя наложу, парик — на голову. Как выйду — и не узнаешь, кто я такая. Генеральскую дочку так не оденут.

Женщины, сидевшие рядом, дружно рассмеялись.

— Правильно говоришь, Танюха! Кому не по нраву — те все разбежались, а мы здесь по своей воле. Можем и тебя, дорогой, взять в нашу бригаду, не пожалеешь. Девки все дородные, просмоленные, огонь и воду прошли, одна Танюха чего стоит!

И вновь громкий заразительный смех заглушил голос говорившей женщины. Теперь уже хохотала и та девушка, которую звали Танюхой. Она положила на грудь свои широкие с толстыми пальцами ладони и пропела высоким смешливым голосом:

— Ой, приходи, парнек, любить бу-у-д-у-у! Как прикипишь ко мне с асфальтом — не оторвешься!

Шум несмолкаемого хохота начал привлекать прохожих. Некоторые из дорожниц от охватившего их смеха уже валились набок, держась за животы или пряча лица в ладонях.

Мне ничего не оставалось, как ответить:
— Ладно, так уж и быть, я подумаю.
Даже этот ответ вызвал новый прилив веселья.
— Подумай, подумай. Один день на размышление. Завтра придешь — скажешь.
— Можете не сомневаться, непременно скажу.
Уходя, я еще слышал за спиной веселый гул женских голосов.
На следующий день этих женщин на прежнем месте я больше не встретил, хотя видно было, что дорожные работы остались незавершенными.

1981

Пьесы

ЗЕЛЕННЫЕ РОЗЫ

Аллегорическая пьеса

(Драма в трех действиях, одиннадцати сценах)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ГОЛЬДИН Борис Наумович — заведующий отделением клиники.

КАНЕВСКАЯ Серафима Семеновна — врач психиатр.

МИРА — медсестра.

ГЕОРГ — пациент клиники.

ЛЮЦИЯ — пациентка клиники.

ГАРТЕНЗИЯ — пациентка клиники.

ЛЕОНАРДО — пациент клиники.

ВОЛЬДЕМАР — пациент клиники.

ДЕВУШКА В БЕЛЫХ ПЕРЧАТКАХ.

СЛУЖАНКА.

УБОРЩИЦЫ.

МАСКИ.

В пьесе использованы стихи Константина Бальмонта

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена первая

Зал без окон. На стенах — красочные обои. Сияет большая изящная люстра. В глубине зала — диван и кресло с цветной обивкой. В центре зала — круглый стол с двумя резными стульями. Стол накрыт красным бархатом. Справа, на диване, вполборота друг к другу сидят Георг и Люция; он — в сером костюме и черной шляпе, она — в длинном голубом платье и широкой розовой шляпе; ее лицо опущено и скрыто за полями шляпы. Слева, в кресле, сидит Гартензия в розово-белом платье с кружевами; в ее волосах — зеленая роза. Рядом со столом лицом к зрителям в шортах и цветастой майке стоит Вольдемар; он подбрасывает кверху большой красный мяч, который падает на пол и подпрыгивает; Вольдемар его ловит и снова подбрасывает.

ВОЛЬДЕМАР (*обращаясь к зрителям*). Какой у меня красивый мяч! Посмотрите, вы когда-нибудь видели такой мяч? (*Продолжает подбрасывать мяч.*)

ГЕОРГ (*глядя на Люцию*). Хотите, я расскажу вам о своей первой любви? Это очень грустная история. Мы познакомились с ней на море... Она была француженка, ее звали...

ЛЮЦИЯ. Море... Я никогда не видела море... Нет, я видела в кино... Однажды он пригласил меня на последний сеанс, и там было море, синие волны, мы целовались, и нас качало на волнах...

ГЕОРГ. Нет, нет, мы с ней столкнулись на пляже, это было во Франции. Мама звала ее Жули... У нее были рыжие волосы и зеленые глаза...

ЛЮЦИЯ. Потом он пошел меня провожать, и мы опять целовались в подъезде. Кажется, это было совсем вчера.

ВОЛЬДЕМАР. Вы только взгляните, какой у меня мяч! Он все время прыгает. Вы хотите играть со мной в мяч?

ГАРТЕНЗИЯ (*вскакивает с кресла и снова садится*). Сегодня ко мне придет Леонардо, а я не готова, я очень плохо выгляжу. Надо надеть другое платье.

Когда говорят Гартензия и Вольдемар, Георг разворачивается и смотрит на них.

ГЕОРГ (*вновь повернувшись к Люции*). Нет, нет, вчера мы были на маскараде, вы совсем забыли. Я познакомился с очень интересной особой, она из высшего общества, хотя и в возрасте...

ЛЮЦИЯ. Сколько ему было лет? Не помню. Может быть... Нет, наверное, меньше... Мы еще учились в школе... Там был новогодний бал. И мы танцевали...

ВОЛЬДЕМАР. Какой замечательный мяч! На нем можно летать! Давайте сядем и улетим в Италию!

ГАРТЕНЗИЯ *(вскакивая с кресла)*. Италия!.. Сегодня ко мне придет Леонардо, и мы будем гулять по Италии... Он придет с зелеными розами и в красном фраке...

ГЕОРГ. Нет, нет, это было во Франции, ее звали Жули, и мы плыли по морю на белом пароходе. Когда я ей представился, она улыбнулась и подала мне руку в белой перчатке. На ней была белая шляпка, почти как у вас..

ЛЮЦИЯ. После бала мы пошли гулять на улицу, и был мороз, а я забыла перчатки. Он мне отдал свои, я ему дышала на пальцы, и мы целовались...

ГАРТЕНЗИЯ. Леонардо, Леонардо! *(Простирает вперед руки.)* Как я люблю тебя! Я вся пылаю, когда думаю о тебе *(прижимает руки к груди)*. Но я боюсь... Этот мир такой жестокий! Я боюсь, что нам помешают встретиться. Ты можешь заблудиться в этом мире... *(Опускается в кресло и погружается в сон.)*

ВОЛЬДЕМАР. Кто хочет со мной поиграть? Есть тут нормальные люди? Посмотрите, какой мяч!

ГЕОРГ. Нет, нет, это было на пароходе. Я поцеловал ей только руку. Она была совсем девочка, совсем ребенок, ну как вы... Мы кормили чаек, и ветер сорвал ее шляпку. Она вскрикнула, я обнял ее и прижал к себе. Ее сердце билось громко-громко. А шляпка качалась на волнах, и на нее садились чайки...

ЛЮЦИЯ. Я никогда не видела море... Он мне только раз сказал «люблю». Это было как вчера.

ВОЛЬДЕМАР. Вчера мы все вместе играли в мяч, и нам было хорошо. Ведь правда? Вам со мной интересно? Вы не уйдете? Скоро придет моя мама и заберет меня, а я не хочу. У меня здесь такой красивый мяч!

ГЕОРГ. Вы помните ту особу из высшего общества, что была на маскараде? Она за мной ухаживала и предлагала на ней жениться, хотя у нее есть два мужа. Но я сказал, что люблю другую.

ЛЮЦИЯ. Когда мы сидели в кино, он обнимал меня и трогал мои ноги. А я вся дрожала и ничего не видела перед собой.

ГЕОРГ. Это грустная история. Ее звали Жули. У нее были изящные руки и очень тонкие пальцы. Как у вас... Я сделал ей предложение, и она долго смеялась. Она была совсем ребенком. Ну как вы...

ВОЛЬДЕМАР. Вчера у меня был желтый мяч, а теперь... сами видите. Каждый день разные мячи. Ну что же вы? Идите ко мне!

**Появляется служанка в чепце и сарафане с белым фартуком.
Ставит на стол самовар. Георг внимательно смотрит на нее.**

СЛУЖАНКА. Господа, вечерний чай с вареньем и сливками. Господин Вольдемар, а варенье ваша мама передала *(выходит)*.

ЛЮЦИЯ. Когда я познакомила с ним свою маму, она очень удивилась и сказала, чтобы я выкинула эти глупости из головы. Она была младше меня и ничего не понимала в любви. Она никогда не ходила в кино...

ГЕОРГ. У Жули тоже была мама. Она плыла с нами на пароходе. Я ей тоже представился и попросил руки ее дочери. Мама заплакала, потому что у нее был несчастливый роман с капитаном парохода... Она сказала, что боится за себя...

**Входит уборщица в сером халате и серой косынке с ведром
и шваброй и начинает протирать шваброй пол.
Появляется служанка, забирает самовар.**

СЛУЖАНКА *(удаляясь)*. Господа, скоро почивать, не забывайте пожелать всем спокойной ночи.

Входит 2-я уборщица, одетая как и 1-я.

2-я УБОРЩИЦА. Маш, ты не брала мой веник?

1-я УБОРЩИЦА *(продолжая протирать пол рядом с Вольдемаром)*. Зачем мне твой? У меня свой есть.

Георг смотрит на них.

2-я УБОРЩИЦА. Вот запропастился... Все подсобки обшарила, нигде нету.

1-я УБОРЩИЦА. Найдется. Небось, сама куда сунула. Если надо, возьми мой. Вон, за креслом стоит. *(Вольдемару.)* Ну-ка, ты, придурок, не мешайся.

Вольдемар становится по другую сторону стола.

ВОЛЬДЕМАР (*уборщицам*). Поиграйте со мной. Смотрите, какой красивый мяч. Синий...

1-я УБОРЩИЦА (*глядя сострадательно на Вольдемара*). Э-эх, прости, Господи, мою душу грешную. Не дай Бог такого горя...

2-я УБОРЩИЦА (*заглядывает за кресло, где спит Гартензия, достает веник*). А эта дурочка чего тут развалилась? Надо бы в палату отвести.

1-я УБОРЩИЦА. Намаялась бедная. Опять, небось, всю ночь с этим носатым дурнем бродила... (*Усмехается.*)

2-я УБОРЩИЦА. Ага. С Ленькой Гунькиным... Из шестой палаты.

1-я УБОРЩИЦА. Да ничо, пусть отдохнет (*берет в руки ведро и швабру*).

Обе выходят.

ВОЛЬДЕМАР. Ни у кого нет такого мяча. Я на нем летать буду...

Мяч выскальзывает у него из рук и выкатывается за кулисы.

Вольдемар стоит с приподнятыми руками и растерянно смотрит по сторонам.

А где мой мяч? (*Зрителям.*) Вы не видели? (*Смотрит под столом. Бродит по залу, заглядывает под кресло и под диван.*) Кто видел мой мяч? (*Георгу и Люции.*) Вы не видели мяч? Нет? Куда он делся? (*Продолжает бродить по залу в поисках мяча.*)

ГЕОРГ (*перестает обращать внимание на Вольдемара и поворачивается лицом к Люции*). Вы, конечно, помните, она была француженка и ее звали Жули. Совсем ребенок. И тонкие руки в белых перчатках... А на шляпку садились чайки... И знаете, чем все кончилось? Ее мама пригласила меня к себе в каюту. «Я хочу отомстить капитану, — сказала она, — помогите, а то мне так плохо...» И начала раздеваться. Я вышел из каюты и больше их не видел.

ЛЮЦИЯ. Когда мы сидели в кино, он целовал меня в шею. Я закрывала глаза и вся умирала. Так мы гуляли много лет и зим, не помню сколько. Может быть, десять или одиннадцать. А однажды он позвал меня к себе... А мама

меня искала. И когда нашла, стала рыдать и кричать. Она была маленькая, меньше меня...

ГЕОРГ. Нет, нет, ее мама была старше меня. Я потом узнал, что она застрелила капитана, а ее дочь бросилась в море...

ВОЛЬДЕМАР. Где мой мяч? *(Георгу.)* Вы не видели? Белый такой, красивый...

ГЕОРГ *(Вольдемару)*. Нет, что вы, она уже была некрасива, старше меня. Я не помню, как ее звали. Может быть, Мари?

Входит уборщица.

УБОРЩИЦА. Вовик, мама приехала. Пошли со мной.

ВОЛЬДЕМАР. Где мой мяч?

УБОРЩИЦА. Найдем тебе мяч. Пошли. Мама новый купит *(берет за руку Вольдемара и уводит)*.

Георг некоторое время смотрит вслед уходящему Вольдемару.

ГЕОРГ *(повернувшись к Люции)*. Мы больше не виделись. Но когда я спускался с парохода, звучал вальс Мендельсона. Удивительно... Это была грустная история...

**Люция приподнимает голову. Теперь видно ее лицо.
Она прислушивается.**

ЛЮЦИЯ. Вы слышите эту музыку? *(Встает с дивана.)*

ГЕОРГ. Вальс Мендельсона?

ЛЮЦИЯ. Это другая музыка. Вы слышите? Она прекрасна... Ее я запомнила с тех пор, когда была маленькая, как моя мама.

ГЕОРГ *(прислушиваясь и поднимаясь с дивана)*. Слышу... Мне кажется, это...

ЛЮЦИЯ. Молчите, не надо... Она звучит все громче и громче. Мы танцевали под нее на новогоднем балу *(выходит на середину зала)*.

**Гартензия просыпается, встает с кресла
и тоже прислушивается.**

ГАРТЕНЗИЯ. Ах, как хорошо... Какая музыка!.. Это скрипка Леонардо *(начинает медленно кружиться, никого не замечая)*.

**Следом за Гартензией кружатся Георг и Люция.
Гартензия нараспев читает:**

Он мне снился призраком долгие года,
Я ждала избранника, я ждала всегда.
Я не видя помнила, верила в него,
Не могла не слушаться сердца своего.

ЛЮЦИЯ.

Светлая, холодная, думала всегда,
Как о солнце думает подо льдом вода.
Он смутил мне девичьи тающие сны,
Он дышал мне воздухом лета и весны.

ГАРТЕНЗИЯ.

И пришел неведомый, близко стал ко мне.
Я была — как облачко в солнечном огне.
Он взглянул так пристально, он вздохнул едва,
Говорил мне ласково стыдные слова.

ЛЮЦИЯ.

Я не видя помнила, светлого, его,
И душа не вспомнила больше ничего.
Чем при нем исполнилась вся душа моя,
Что он сделал с девушкой — ах, не знаю я!

ГЕОРГ. Я ее вижу, я ее вижу... Эти тонкие руки в белых перчатках!..

Все трое останавливаются.

ЛЮЦИЯ. Кончилась музыка...

ГАРТЕНЗИЯ (*задумчиво*). Как быстро всё кончается в этом мире...

ГЕОРГ. Нет, нет, это был вальс Мендельсона!

ЛЮЦИЯ (*подходя к дивану*). Он так на мне и не женился. Потому что был еще маленький... Всего десять лет. А может, и меньше. Он женился на моей маме. Она была младше меня...

ГАРТЕНЗИЯ (*ощупывая себя*). Мне надо быстрее сменить платье. Я не могу появиться перед Леонардо в таком убожестве!

ГЕОРГ (*подходит к Люции*). Какая грустная история! Хотите я вам ее расскажу?

Георг и Люция садятся на диван. Люция опускает лицо.
Пауза. Появляется служанка.

СЛУЖАНКА. Господа, пора почивать. Время позднее.
Все готово.

Гаснет свет. Через полминуты свет загорается.

Сцена вторая

Античная беседка посреди сада. За садом видны горы и водопад. Слышно пенье птиц. В беседке сидит молодой человек в красном фраке с букетом зеленых роз. Рядом с ним лежит скрипка. Он встает, смотрит по сторонам и вновь садится. Через паузу вбегает Гартензия в шикарном платье с глубоким декольте.

ГАРТЕНЗИЯ. Леонардо! Ты меня заждался? Прости, что я так долго собиралась.

Леонардо идет навстречу и обнимает ее.

ЛЕОНАРДО. Я готов ждать тебя хоть целую вечность.

ГАРТЕНЗИЯ. Милый... *(Принимает цветы и прижимает их к груди.)* Это мои любимые...

Оба заходят в беседку.

Ты принес скрипку... Я так рада видеть вас вместе.

ЛЕОНАРДО. Я теперь не расстаюсь с ней. Она мне скрадывает минуты нашей разлуки.

ГАРТЕНЗИЯ. Что-нибудь сыграешь мне? *(Целует его в щеку.)* Ты знаешь, я сегодня заснула, а потом проснулась оттого, что услышала красивую мелодию. Мне показалось, это ты играл на своей скрипке. Скажи, что ты меня любишь.

ЛЕОНАРДО *(крепко обнимая ее)*. Этого будет мало сказать. Я без тебя не могу жить. Как без скрипки. Вы у меня две любимые... Я сочинил новую мелодию. Вот послушай. Это для тебя. *(Берет скрипку, играет вальс.)*

ГАРТЕНЗИЯ. Боже мой, как я счастлива, что у меня есть ты и твоя скрипка! Да-да, именно эту мелодию я сегодня и слышала. Она звучала в моем сердце. Как я люблю Италию, Леонардо! Этот водопад, эти горы, этот мандари-

новый сад!.. Здесь так красиво! (*Протягивает руки в сторону гор.*) А в моей стране всегда пасмурно... Там не цветут зеленые розы...

ЛЕОНАРДО. Ты мне покажешь свою страну?

ГАРТЕНЗИЯ. Нет, не надо, не надо! (*Закрывает лицо руками.*) Тебе будет грустно, и ты меня разлюбишь... Это другой мир, ты в нем потеряешься и перестанешь сочинять свою музыку. Мы будем встречаться в Италии, в этом райском саду... Хочешь, я прочитаю тебе стихи? (*Выбегает из беседки и, кружась, читает нараспев.*)

Спите, полумертвые, увядшие цветы,
Так и не узнавшие расцвета красоты,
Близ путей заезженных возвращенные Творцом,
Смятые невидевшим тяжелым колесом.

Свет начинает медленно гаснуть.

В час, когда все празднуют рождение весны,
В час, когда сбываются несбыточные сны,
Всем дано безумствовать, лишь вам одним нельзя,
Возле вас раскинулась закаятая стезя.

Слышится звучание скрипки.

Вот, полуизломаны, лежите вы в пыли,
Вы, что в небо дальше светло глядеть могли,
Вы, что встретить счастье могли бы, как и все,
В женственной, в нетронутой, в девической красе.

Спите же, взглянувшие на страшный пыльный путь,
Вашим равным — царствовать, а вам — навек уснуть...

Наступает полная темнота.

Богом обделенные на празднике мечты,
Спите, не видавшие расцвета красоты.

Мелодия скрипки продолжает звучать.
Через полминуты освещение медленно восстанавливается.

Сцена третья

Зал первой сцены. На столе стоит бутылка вина и два фужера. Несколько пар в масках кружатся в вальсе. Черные фраки и бальные платья. Среди них — Георг и Люция, одетые как и прежде. Они тоже танцуют вальс под неутраченную мелодию скрипки. Вдруг в общем кружении появляется юная девушка в легком платье и белой шляпке. Ее тонкие руки по локоть стягивают белые перчатки. Георг замечает ее, замирает, затем пытается ее догнать с вытянутой вперед рукой, но она, кружась между другими парами, все время ускользает от него. Люцию подхватывает и увлекает в кружение танца господин в черном фраке и маске. Девушка так же неожиданно исчезает. Георг останавливается, смотрит вокруг, затем подходит к столу и садится на стул. Скрипка не умолкает, маски продолжают свой танец.

ГЕОРГ. Это мой неотвязный сон. Она, как видение, всю жизнь преследует меня. Преследует как тень и как тень убегает, когда я хочу к ней прикоснуться... Это мое наказание и моя мечта. Мой ангел или мой демон.

**Скрипка смолкает. Танцующие замирают.
Звучит тонкий девичий голосок.**

Я тихо сплю на дне морском.
Но близок мир земли.
Я вижу, верховым путем
Проходят корабли.

И видя бледность глубины
И жемчуга ее,
Я вспоминаю зыбь волны,
Тревожу забытые.

Бежит прилив, растет прибой:
«Усни! Усни! Ты спишь?
Над нами бездны голубой
Молитвенная тишь».

Поет прибой, растет прилив:
«Проснись! Проснись! Бежим!
Ты знаешь, мир земной красив,
Мы овладеем им!»

Я тихо сплю на дне морей,
Я знаю сладость сна.
Но сердце шепчет мне: «Скорей!
Ты будешь влюблена!»

Вновь звучит скрипка. Танцующие делают несколько кругов по залу и исчезают. Посреди зала остается Люция. Скрипка умолкает.

ГЕОРГ (*откинувшись на спинку стула, Люции*). Вы ее видели? (*Пауза.*) Вы слышали ее?

ЛЮЦИЯ. Она не знает любви. Вы оба слишком маленькие. Когда он в первый раз пригласил меня на танец, я готова была отдать ему свое сердце. И так бы и случилось, если бы не моя маленькая мама... (*Садится на стул напротив Георга, кладет руки на стол.*) Маскарад — это моя жизнь. На маскараде мой любимый со мной. Я чувствую его совсем рядом. Близко-близко...

ГЕОРГ. Познакомьте меня с ним.

Люция опускает лицо. Пауза.

ЛЮЦИЯ. Я не помню, как его зовут..

ГЕОРГ. Давайте выпьем вина (*берет бутылку, наполняет фужеры*).

Не чокаясь, Георг и Люция подносят фужеры к губам.

ЛЮЦИЯ. Это просто вода. Но у нее сладкий запах. Я знаю, что такое вино. Я пробовала. Он меня угощал. А это вода...

ГЕОРГ. Я хочу выпить за вас. За ваши руки и за ваши глаза. Оставьте его. Он уже не вернется.

ЛЮЦИЯ (*держит фужер в руке*). Это я не вернусь. А он никогда не уходил. Он стоит сзади меня. Я слышу его дыхание. Если он перестанет дышать, то я умру.

ГЕОРГ. А вы лучше не оглядывайтесь. Смотрите только на того, кто перед вами. И тогда вы излечитесь и будете жить. Я хочу выпить за ваши губы. Им так подходит это красное вино.

Георг протягивает фужер; они чокаются, делают по маленькому глотку и ставят фужеры на стол.

ЛЮЦИЯ. Это вода. Я знаю, что такое вино...

ГЕОРГ. Хотите, я расскажу другую историю?

ЛЮЦИЯ. Других историй не бывает. Другую историю мы узнаем, когда умрем.

ГЕОРГ. Вы боитесь смерти?

ЛЮЦИЯ (*улыбаясь*). Смерти нельзя бояться. Вы еще маленький, не знаете... Жизнь — это маскарад, а смерть — спасение. Он тоже так говорил.

ГЕОРГ (*с усмешкой*). Давайте спасаться вместе.

ЛЮЦИЯ (*приподняв руку*). Вместе спасаться нельзя. Вместе можно только жить. Спасаться надо отдельно. Или с тем, кто в сердце.

ГЕОРГ (*иронично*). Угу, с тем, кто дышит в затылок...

ЛЮЦИЯ. Нет, не то. С тем, кто дышит в душу.

ГЕОРГ (*задумчиво*). В душу... В душу... (*Берет свой фужер, молча выпивает.*) О душе-то я и забыл... (*Закрывает глаза ладонью. Пауза. С горечью в голосе.*) Больны наши души, Люция, больны...

Фужер Георга опрокидывается.

ЛЮЦИЯ. Не говорите так... (*Опускает лицо и закрывает его руками.*)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена четвертая

Больничный кабинет Гольдина. За письменным столом, заваленным бумагами и книгами, сидит хозяин кабинета. Он в белом халате. На столе — телефон и настольная лампа под желтым абажуром. У одной стены — больничная кушетка, накрытая простыней, у другой — кожаный диван.

ГОЛЬДИН (*держит в руках историю болезни*). Так-так-так, голубушка... Галина Сергеевна... (*Читает.*) «Маниакальные приступы в анамнезе, параноидная шизофрения с эротическим бредом, аутизм, нарастающий дефект личности, бессонница. Лечение по методу Бурно». Яркий букет. И с чего же это у тебя началось? Так-так-так... (*Листает историю болезни. Читает.*) «У отца был запойный алкоголизм. Покончил с собой. Мать страдала приступами истерии. С дочерью была груба, постоянно наказывала и била. Детство прошло в провинциальном городе. В школе училась неохотно, не умела сосредоточиться, все предметы давались с трудом. Часто замыкалась, уходила в себя, пере-

ставала замечать окружающих, говорила сама с собой. Медленное умственное развитие. Повышенная сентиментальность, инфантильность, навязчивая (*с расстановкой, поднимая брови*) влюбчивость в лиц противоположного пола...» (*После телефонного звонка снимает трубку.*) Слушаю. Да-да, Мирочка, я на месте, заходи (*кладет трубку*). Ох-хо-хо... (*Вздыхает.*) Уж эта влюбчивость в лиц противоположного пола... Сколько на ней свихнулось... (*Смотрит в зрительный зал.*) Можно подумать, что среди вас нет таких!..

Входит Мира.

МИРА. Доброе утро, Борис Наумович.

ГОЛЬДИН. Здравствуй, здравствуй, дорогуша.

МИРА. Мне рано утром позвонила Серафима Семеновна, попросила передать вам, чтобы вы перенесли обход больных на двенадцать часов. Она задержится.

ГОЛЬДИН. Хорошо, спасибо (*встает из-за стола*). Как прошло ночное дежурство?

МИРА. Без происшествий. Вот только Горохова из пятой палаты, из новеньких, долго не могла заснуть. Пришлось дать успокоительное.

ГОЛЬДИН. Горохова? Галина Сергеевна? (*Подходит ближе к Мире.*)

МИРА. Ну да. То и дело выбегала из палаты и бродила по коридору и оранжерее. Еле уговорили выпить снотворное. Потом уснула. И до сих пор спит.

ГОЛЬДИН. Так, ладно. Скажи сменщице, чтобы к двенадцати ее разбудили. (*С улыбкой.*) Что-то ты сегодня какая-то растрепанная... Удалось поспать? (*Заправляет ей волосы под берет.*)

МИРА (*опустив глаза*). Да так, Борис Наумович, немножко...

ГОЛЬДИН (*проводя рукой по ее шее*). Бархатная кожа... (*Кладет руки ей на талию.*) Фигурка, точно у куколки.

МИРА (*глядя на пол*). Борис Наумович, сегодня я не готова...

ГОЛЬДИН. Завтра вечером я еду на дачу. Будет сауна. Хочу взять тебя с собой.

Звонит телефон. Гольдин идет к столу.

Будь добра, пригласи ко мне Никольскую из третьей палаты (*снимает телефонную трубку*).

Мира выходит.

Алло. Да, Серафима Семеновна *(с улыбкой)*, мне Мира передала. Что-что? Откуда? Из женской консультации? Какой сюрприз? Для меня? *(Пауза. Перестает улыбаться. Изменившимся тоном.)* А муж знает? *(Пауза.)* Хорошо, я поговорю. *(Кладет трубку. Ходит задумчиво по кабинету.)* Ох уж эти бабы...

Слышится стук в дверь.

Да-да, входите.

Появляется Люция в синем больничном халате; из-под халата видны голые ноги в тапках; волосы не причесаны, свисают на лицо.

ЛЮЦИЯ. Можно? Меня вызывали?

ГОЛЬДИН *(садясь за письменный стол)*. Здравствуйте, Людмила Петровна. Присаживайтесь.

Люция осторожно садится на край кушетки, кладя руки на колени.

ГОЛЬДИН. Вчера ко мне приезжал ваш муж. Мы с ним долго беседовали. Он хочет забрать вас отсюда и увезти в частную клинику, во Францию. Он желает жить рядом с вами, вы будете чаще с ним видеться. Там нет такого строгого режима, как у нас. Он считает, что это пойдет вам на пользу. Тут вот у меня его заявление и расписка *(показывает расписку)*. Вы согласны поехать туда?

Люция, потупив глаза, молчит.

Людмила Петровна, вы меня слышите?

Люция вздрагивает, поднимает глаза и смотрит куда-то вдаль, сквозь стены кабинета.

ЛЮЦИЯ. Зачем?

ГОЛЬДИН. Что «зачем»? Ваш муж считает, что там лучше уход и лечение. Да и личное общение вам, возможно, пойдет на пользу.

ЛЮЦИЯ. Зачем он вспомнил обо мне?

ГОЛЬДИН. А он вас и не забывал. Постоянно звонил, интересовался вашим состоянием.

ЛЮЦИЯ. Я не в состоянии стать другой (*смахивает с лица волосы*). Посмотрите, разве я на нее похожа? Где эта Франция? Мы поплывем на пароходе? Но у меня нет белых перчаток...

Хозяин кабинета внимательно смотрит на Люцию, с минуту молчит.

ГОЛЬДИН (*в сторону*). Похоже, она вся в своем бреде. (*Люции.*) Людмила Петровна, скажите мне, а сына своего вы помните?

Люция запахивает на шею халат и опускает лицо. Ее руки застывают на горле. Длится минутная пауза.

ЛЮЦИЯ. Он появился таким маленьким и теплым... И все время плакал... Я ему давала грудь, а он не хотел есть. Потом у меня пропало молоко. Оно оказалось горьким. Отчего оно было горькое? Вы не знаете?

ГОЛЬДИН (*в сторону*). Частичная амнезия. Хоть что-то помнит. (*Люции.*) Людмила Петровна, вашему сыну уже пятнадцать лет. Когда он пошел в первый класс, вы были здоровы... Людмила Петровна, дорогая, его зовут Сережей. Неужели забыли?

Люция молча смотрит на Гольдина.

ЛЮЦИЯ. Это вы забыли мое имя.

ГОЛЬДИН. А как вас зовут?

ЛЮЦИЯ. Он всегда звал меня Люцией. Не забывайте, пожалуйста. А то вот и он забыл.

ГОЛЬДИН (*в сторону*). Да тут еще просматривается анонимия. (*Люции.*) Хорошо, хорошо, но почему вы не хотите видеться с мужем и сыном?

ЛЮЦИЯ. Мы познакомились на новогоднем балу. И ходили в кино. Ночью... Он мог на мне жениться, но мама была против, и тогда он женился на маме, потому что она была маленькая, младше меня... Вы не знаете, почему молоко бывает горьким?..

ГОЛЬДИН (*уставясь в расписку*). Не знаю, Люция Петровна, не знаю. Но когда узнаю, обязательно скажу. Ладно, всё, ступайте в палату.

Люция поднимается и медленно выходит.

Да... Тяжелый случай... Провалы в памяти. И скорее даже не частичная, а галлюцинаторная амнезия. Но что же там было с ее матерью? Это надо выяснить.

Гольдин выходит из кабинета, но тут же возвращается вместе с Каневской. Она — высокая, дородная, в белом халате и с пышной черной прической. Каневская опускается на диван.

ГОЛЬДИН. Ну, голубушка, ты меня и огорошила! И как это могло произойти? Ты ведь, кажется, это, со спиралью ходишь...

КАНЕВСКАЯ (*махнув рукой*). Не спрашивай. Это все дача твоя... Лучше позвони прямо сейчас своему Пинскеру, пусть примет меня. Чем раньше, тем лучше.

Гольдин садится рядом, кладет руку ей на колено.

ГОЛЬДИН. Ладно, не расстраивайся. Пинскер сделает свое дело. Поцеловаться можно?

КАНЕВСКАЯ. Да погоди ты. На душе кошки скребутся.

Гольдин тянется губами к ее лицу.

Постой, дай помаду сотру (*достаёт из кармана халата платок, вытирает губы*).

Целуются.

ГОЛЬДИН. Ну и сладка же ты! Огонь! Аж до печенок пробираешь (*его рука блуждает у нее под халатом*).

КАНЕВСКАЯ. Всё, всё, сейчас не время (*отводит его руку*). Надо к обходу готовиться (*встает с дивана*).

ГОЛЬДИН. Что скажешь мужу?

КАНЕВСКАЯ. Это мои проблемы. Позвони Пинскеру. Пусть он мне день назначит.

ГОЛЬДИН. Хорошо, иди. Твои проблемы, как ты знаешь, становятся моими проблемами. Я позвоню. Да, занеси мне историю болезни Никольской. Люции, тьфу ты, Людмилы Петровны Никольской.

КАНЕВСКАЯ. Это... из третьей палаты?

ГОЛЬДИН. Да-да. Ее забрать хотят, а мне она что-то не нравится... Как оказалось, муж у нее приверженец антипсихиатрии.

КАНЕВСКАЯ. Кстати, интересные персонажи эти но-

венькие, что к нам перевели из второго отделения. Исключительные интроверты, экстраверты и аутисты.

ГОЛЬДИН. Интересные, интересные, Серафима Семеновна... Я уже начал с некоторыми знакомиться. Сразу же назначьте всем антидепрессант, для начала — триптизол.

КАНЕВСКАЯ (*приглушенно, уткнув палец в грудь Гольдина*). Боря, надеюсь, наше-то отделение сокращать не будут?

ГОЛЬДИН. Наше не будут, не волнуйся. Ты же знаешь, генеральный директор — свой человек.

Каневская, чмокнув Гольдина в щеку, покидает кабинет.

Гольдин подходит к столу, крутит диск телефона.

Яков Львович? Приветствую. Гольдин беспокоит. Узнал сразу? Как здоровье? Как супруга? Как чада твои? Учатся? Очень хорошо. Я тут вот чего. Одна моя сослуживица... Да ты ее знаешь... Ну Сима, Сима. Ты же нас видел. Одним словом, того... Залетела она. Времени? Говорит, немного. Ну от кого же? Стал бы я суетиться. Просит побыстрее. Что? Муж пока не в курсе. Надо, чтобы в этот же день вышла. На послезавтра? Спасибо. Я твой должник. Давай. Обнимаю. (*Кладет трубку со вздохом.*) Ох, бабы, бабы...

Входит Каневская.

КАНЕВСКАЯ. Вот история болезни. Но с ней случай особый. Я считаю, выписывать ее нельзя. Прогрессирующая болезнь сознания, психическая двойственность. Склонна к суицидальному поведению и криптогенному навязчивому состоянию. Стабилизации пока не происходит. Психопатическая личность, подверженная галлюцинаторному бреду.

ГОЛЬДИН (*берет историю болезни*). Спасибо, я ознакомлюсь (*сближается вплотную с Каневской, кладет ей руки на бедра*). Договорился я... На послезавтра. Подъедешь с утра в его центр. Он лично примет. Я с ним сам рассчитаюсь.

КАНЕВСКАЯ (*с улыбкой глядя в лицо Гольдину*). Благодарю, шеф.

ГОЛЬДИН. Как официально! А помягче нельзя?

КАНЕВСКАЯ. Куда уж мягче?.. (*Берет его руки и крепче прижимает к своим бедрам.*) Ладно, уже двенадцать, пора начинать обход.

Оба покидают кабинет.

Сцена пятая

Серые больничные стены. Поперек зала — четыре кушетки, накрытые простынями. На первой слева лицом к зрителям сидит Гартензия; на других — Вольдемар, Люция и Георг. Все в синих больничных халатах с пуговицами. Вольдемар держит в руках желтый мяч. Люция сидит с опущенной головой.

ВОЛЬДЕМАР (*вставая с кушетки, зрителям*). Давайте поиграем? Вчера вы не захотели, потому что у меня был синий мяч. Я знаю, очень трудно играть в синий мяч. Он был такой легкий и скользкий. И он улетел. Без меня. В Италию.

Гартензия вскакивает с кушетки.

ГАРТЕНЗИЯ. Леонардо, любимый мой! (*Вновь садится.*)

ВОЛЬДЕМАР. Вы не захотели со мной играть, и я остался. Тоже. С вами (*подбрасывает мяч*). Теперь смотрите, какой он у меня. Сами видите. Красный... (*Подбрасывает и ловит мяч.*)

Появляются Гольдин и Каневская; подходят к кушетке, где сидит Гартензия. Вольдемар садится.

КАНЕВСКАЯ (*глядя в историю болезни*). Горохова Галина Сергеевна. Поступила в клинику пять лет назад. Прошла несколько курсов лечения. В том числе по методу электросудорожной терапии. Склонна к навязчивым представлениям, буйным фантазиям и эротическому бреду. В контакт с окружающими почти не вступает. На вопросы реагирует неадекватно. Выраженные алогия и сексуальная расторможенность. Применялись антипсихотики, в основном трифтазин.

ГОЛЬДИН. Здравствуйте, Галина Сергеевна. Как самочувствие? Спали нормально?

Гартензия с любопытством смотрит на врачей.

КАНЕВСКАЯ. Сегодня ночью не хотела ложиться в постель.

ГОЛЬДИН. Галина Сергеевна, вас что-то беспокоит?

ГАРТЕНЗИЯ. Разве здесь кто-нибудь еще есть?

ГОЛЬДИН (*пожимая плечами*). Галина Сергеевна, кроме нас троих в палате никого больше нет.

ГАРТЕНЗИЯ. А с кем вы разговариваете?

ГОЛЬДИН. Как с кем? С вами, дорогая.
ГАРТЕНЗИЯ. Меня зовут не так.
ГОЛЬДИН *(с улыбкой взглянув на Каневскую)*. Интересно. И тут анонимия. *(Гартензии.)* А как же?
ГАРТЕНЗИЯ. Я зовусь Гартензией. Через «а». Гар-тензия. Не забывайте.
КАНЕВСКАЯ *(удивленно глядя на Гартензию)*. Поразительно! Она реагирует на вопросы!
ГОЛЬДИН. Кто же вас так назвал?
ГАРТЕНЗИЯ. Леонардо.
ГОЛЬДИН. А кто он вам?
ГАРТЕНЗИЯ. Мой любимый.
ГОЛЬДИН. Вы его помните?
ГАРТЕНЗИЯ. Странно вы говорите. Разве можно его не помнить?
КАНЕВСКАЯ. Феноменально! Она вступает в контакт!

Гольдин идет к задней стене за стулом, ставит его рядом с кушеткой, садится.

ГОЛЬДИН. И когда же вы с ним виделись в последний раз?
ГАРТЕНЗИЯ. В последний раз? С ним что-то случилось? Вчера он был здоров и прекрасен... Вы меня пугаете.
КАНЕВСКАЯ. Все понятно. Новая бредовая фантазия.
ГОЛЬДИН. Та-ак. Посмотрите мне в глаза *(пристально вглядывается в глаза Гартензии)*. Та-ак... Угу... Взгляните сюда *(поднимает кверху руку)*. Следите за рукой *(вращает руку около лица Гартензии)*. Понятно... *(Каневской.)* Видите, как дрожат веки и зрачки?
КАНЕВСКАЯ. Вижу, вижу.
ГОЛЬДИН. Это последствия бессонницы. Назначьте галоперидол и электросон.
ГАРТЕНЗИЯ *(глядя в глаза Гольдину)*. Вы когда-нибудь любили?
ГОЛЬДИН. Я? *(Усмехается.)* Да как вам сказать? В принципе...
ГАРТЕНЗИЯ. Значит, не любили.
ГОЛЬДИН. Ну... Не совсем так... *(Выразительно вглядывается на Каневскую, отчего та отворачивается.)*
ГАРТЕНЗИЯ. Вы умеете играть на скрипке?
ГОЛЬДИН. Как-то не научился, знаете ли...
ГАРТЕНЗИЯ. А стихи вы любите?

ГОЛЬДИН. Стихи? В юности приходилось почитать.

ГАРТЕНЗИЯ. Вы были в Италии?

ГОЛЬДИН. Пока не имел счастья.

КАНЕВСКАЯ. Борис Наумович, кажется, нить беседы теряет смысл. Не находите? Явная парология.

ГАРТЕНЗИЯ (*обратив лицо к Каневской*). Вы умеете танцевать вальс Мендельсона?

КАНЕВСКАЯ. Вальс Мендельсона? Я? (*Смеется*.) Галина Сергеевна, Гартензия, вы меня сегодня развеселили. Душечка, я не в том возрасте.

ГАРТЕНЗИЯ. Вам дарили зеленые розы?

КАНЕВСКАЯ. Зеленые розы? (*Смотрит вопросительно на Гольдина*.) Похоже, мы столкнулись с бредом особого значения.

ГОЛЬДИН. Да, явная аллегоризация ощущений. (*Гартензии, строго*.) Зеленых роз не бывает.

ГАРТЕНЗИЯ. Не бывает?

ГОЛЬДИН. Зелеными бывают лягушки.

ГАРТЕНЗИЯ. Нет, вы ошибаетесь. Лягушки — черные.

КАНЕВСКАЯ (*раздраженно*). Довольно, довольно, Борис Наумович, тут все ясно. Идемте дальше.

ГАРТЕНЗИЯ. Значит, я их вам подарю.

КАНЕВСКАЯ (*оборачиваясь*). Что? Лягушек?

ГАРТЕНЗИЯ. Зеленые розы.

Каневская и Гольдин со стулом подходят к кушетке, где сидит Вольдемар. Гартензия ложится на свою кушетку.

КАНЕВСКАЯ (*приблизившись к Гольдину, негромко, глядя в историю болезни*). Светлов. Володя. Выраженная олигофрения. Сероидный менингит в анамнезе. Детский аутизм. Подозрение на синдром Прадера—Вили. Мать хочет забрать его домой, но он отказывается, впадает в истерику, патологически боится выходить из помещения.

ГОЛЬДИН (*сидя на стул*). Как тебя зовут?

ВОЛЬДЕМАР (*с широкой улыбкой*). Давайте поиграем в мяч. Смотрите, какой.

ГОЛЬДИН. Как тебя мама зовет?

ВОЛЬДЕМАР. С мамой Вольдемар не пойдет. Давайте играть в мяч (*бросает мяч Гольдину*).

Гольдин ловит мяч и передает его Каневской.

Отдайте мне мой мяч.

Каневская кладет мяч в руки Вольдемару.

Поиграйте со мной (*бросает мяч Гольдину*).

ГОЛЬДИН (*примирительно, держа в руках мяч*). Хорошо, хорошо, мы с тобой поиграем. Я хочу тебя спросить, сколько тебе лет?

ВОЛЬДЕМАР. Я большой. Отдайте мне мой мяч (*протягивает руки*).

ГОЛЬДИН (*Каневской*). Редкая вербигерация. (*Вольдемару*.) Вова, ты любишь маму?

ВОЛЬДЕМАР. К маме Вольдемар не хочет. Вольдемар полетит в Италию. Вы новый мяч принесли? Это зеленый?

ГОЛЬДИН (*встает со стула и вкладывает мяч в руки Вольдемара*). Опять зеленый... (*Каневской*.) Надо за ним понаблюдать. Тут, конечно, имбецильность, синдром Аракова. Подключите к своим психотерапевтическим сеансам.

Каневская и Гольдин со стулом подходят к кушетке, где сидит Люция. Вольдемар с мячом ложится на свою кушетку.

КАНЕВСКАЯ (*негромко*). Никольская Людмила Петровна. Тридцать лет...

ГОЛЬДИН (*в сторону Каневской*). С ней я с утра уже общался. Посмотрите в истории, что там есть о ее матери?

Каневская пробегает глазами историю болезни.

КАНЕВСКАЯ. О родителях здесь ни слова нет, как ни странно. У больной — прогрессирующий распад личности.

ГОЛЬДИН (*стоя рядом со стулом*). Людмила Петровна, ваши родители живы?

ЛЮЦИЯ (*уставясь в пол*). Меня зовут Люция, не забывайте.

ГОЛЬДИН. Ну да, конечно, Люция. А как зовут вашу маму? (*Пауза*.) Люция, очнитесь.

КАНЕВСКАЯ. Страдает навязчивым криптогенным состоянием, мышление крайне бедное.

ЛЮЦИЯ. Она была очень маленькая и легкая... Я ее носила на руках и плакала. Потом ее отвезли в поле, где цвели ромашки и анютины глазки. Но ромашек было намного больше. Я их рвала и бросала, рвала и бросала... (*Закрывает лицо руками, вся дрожит и откидывается на кушетку*.)

ГОЛЬДИН. Какая-то здесь загадка... Попробуйте поработать с ней методом репродуктивных переживаний.

**Подходит к кушетке, где сидит Георг.
Следом за ним — Каневская.**

Ну так-с, кто тут у нас?

КАНЕВСКАЯ. Юрий Евгеньевич Перин. Поступил вторично год назад. *(Приглушенно.)* Рецидив навязчивых представлений. Называет себя Георг. Всё та же анонимия.

ГОЛЬДИН. Экспансивный онейроид?

КАНЕВСКАЯ. Скорее всего.

ГОЛЬДИН. А что, мне нравится. Георг!.. Звучит. Георг Отс... Помните, был такой певец?

КАНЕВСКАЯ. Пациент живет исключительно в мире онейроидных воспоминаний. Прошлое для него стало настоящим. Реальная жизнь как бы не отражается в сознании, закрыта для восприятия. Видимо, когда-то он сам от нее отгородился, и затянувшаяся меланхолия переросла в патологию. Обратите внимание на ярко выраженный симптом «двойника» — незнакомые лица кажутся виденными ранее.

ГОЛЬДИН. Подобные случаи нередки...

ГЕОРГ *(радостно глядя на Каневскую)*. Я вас узнал. Вы были на маскараде. *(Смущенно.)* Вы еще предложили мне жениться на вас... Хотя сказали, что уже имеете двух мужей...

КАНЕВСКАЯ *(опешив)*. Я? На маскараде? Каких двух мужей?..

ГОЛЬДИН *(смеясь)*. Доля правды тут есть...

КАНЕВСКАЯ *(строго)*. Борис Наумович... Я же вам говорила — симптом «двойника».

ГОЛЬДИН *(продолжая улыбаться)*. Та-ак-с... *(Георгу.)* Протяните-ка вперед руки.

Георг вытягивает руки.

Что ж так пальчики-то дрожат? А, Юрий Евгеньевич?

ГЕОРГ *(глядя на Каневскую)*. Я вас узнал. Но никому не скажу. Это ничего, что у вас два мужа. Я, в общем, согласен.

КАНЕВСКАЯ *(удрученно)*. Апофения, шизофренический бред. Борис Наумович, может, мне выйти?

ГОЛЬДИН. Ничего, ничего, не обращайтесь внимания. Это, кроме всего прочего, делириозный синдром. Пусть поколят ему трифтазинчик. *(Георгу, громко.)* Имя! Фамилия!

Георг опускает руки, обращает лицо к Гольдину.

ГЕОРГ. Хотите, я расскажу вам эту грустную историю? Других историй не бывает. Она бросилась в море, и мы больше не виделись. *(Каневской.)* Я знаю, у вас красивые, мягкие руки. В следующий раз приходите на маскарад с обнаженными руками. Я подарю вам белые перчатки.

КАНЕВСКАЯ *(раздраженно)*. Конечно, конечно, обязательно *(поворачивается и идет к выходу)*.

ГОЛЬДИН. Сегодня у нас день подарков *(прихватив стул, выходит вслед за Каневской)*.

Георг ложится на кушетку. Входит уборщица с ведром и шваброй; протирает пол.

УБОРЩИЦА *(бубня себе под нос)*. Чего их лечить? Сидели бы дома. А то их тут кормят задарма, постель меняют, обхаживают. Какие они психи? Тихие, спокойные. Психи, вон, на улице ходят. Каждый день грабят и убивают. А тут прямо санаторий, дом отдыха... А как выйдешь на улицу — вот там сумасшедший дом *(продолжает протирать пол)*.

Гартензия, Вольдемар, Люция и Георг садятся на свои кушетки. Все четверо говорят одновременно.

ВОЛЬДЕМАР. Никто не хочет со мной играть. Вот опять, пришли и не хотят. Никто не видит, какой красивый мяч. С мамой Вольдемар не пойдет. Вольдемар полетит в Италию. Там мячи в саду растут. Много мячей. И все — красивые... Поиграйте со мной... Никто не хочет со мной играть. Вот опять, пришли и не хотят. Никто не видит, какой красивый мяч. С мамой Вольдемар не пойдет. Вольдемар полетит в Италию. Там мячи в саду растут. Много мячей. И все — зеленые... Поиграйте со мной...

ГАРТЕНЗИЯ *(зрителям)*. Кто сегодня летит в Италию? *(Протягивает руки.)* Возьмите меня. Там Леонардо. Я вам не помешаю. Вам будет со мной хорошо. Я прочитаю стихи. Вам понравится. Ладно? *(Читает, раскачиваясь, нарастев.)*

Тише, тише совлекайте с древних идиолов одежды,
Слишком долго вы молились, не забудьте прошлый свет.
У развенчанных великих, как и прежде, горды вежды,
И слагатель вещих песен был поэт и есть поэт.

Победитель благородный с побежденным будет ровен,
С ним заносчив только низкий, с ним жесток один дикарь.
Будь в раскате бранных кликов ясновзoren, хладнокровен,
И тогда тебе скажу я, что в тебе мудрец и царь.

ЛЮЦИЯ (*опустив лицо*). Зачем он вспомнил обо мне?
Я не в состоянии стать другой. (*Поднимает лицо*.) Посмотрите, разве я на нее похожа? Где эта Франция? Мы поплывем на пароходе? Но у меня нет белых перчаток. Я больше не хожу в кино. А на маскараде никто не целуется, потому что там не видно глаз. Он еще маленький и не умеет танцевать. Когда я ее отнесла в поле, там было много белых цветов. Нет, нет, что вы, на маскараде не бывает ромашек. Здесь только зеленые и синие розы. Зачем он вспомнил обо мне? Я не в состоянии стать другой...

ГЕОРГ. Странные люди. Чего они хотят? Приходят, спрашивают и не понимают. Но как можно понимать без сочувствия? Если не любишь, то понять нельзя. Можно любить не понимая. Но как понять не любя? Нельзя жить на маскараде, там все чужие. Потом мы приходим сюда и никого не узнаем. Я знаю, у нее красивые, мягкие руки. Она их прячет, чтобы не увидели мужья. Но я об этом никому не скажу. У нее тоже была грустная история. Она мне рассказывала. Это было на маскараде. Но потом ее увели. А она не хотела. Странные люди. Чего они хотят? Приходят, спрашивают и не понимают...

Слышится мелодия скрипки. Все умолкают.

УБОРЩИЦА (*продолжая протирать пол*). Нет, какая тут психушка? Психушка там, за этими стенами. Каждый день грабят и убивают. А тут тихо, тепло, ангелы поют, прямо санаторий. Кормят задарма, постель меняют, вот мне бы так...

Сцена сдвигается и уходит в сторону.

ГАРТЕНЗИЯ. Скорее, скорее, это скрипка Леонардо!

Сцена шестая

Кабинет Гольдина. Хозяин кабинета полулежит на диване и что-то напевает. Входит Каневская; смотрит в зеркальце, поправляет прическу.

ГОЛЬДИН (*напевая*). Интроверты, экстраверты, положил бы всех в конверты и, наверное, по ветру бы послал...

КАНЕВСКАЯ. Меня Никольская немного напугала. Как ты думаешь, поколоть ей антипсихотики? Отрывочные воспоминания ее еще тревожат.

ГОЛЬДИН. Подойди ко мне.

КАНЕВСКАЯ (*подходя*). Слушаюсь и повинуюсь, барин.

ГОЛЬДИН (*сидя на диване, берет ее за талию*). Ты-то сама успокоилась? А то, может, тебе тоже поколоть?

КАНЕВСКАЯ (*кокетливо*). Шутить изволите, Борис Наумович.

ГОЛЬДИН (*сажает ее себе на колено, гладит плечи и руки*). Послушай, дорогая. А откуда этот... ну, из шестой палаты, Георг который, знает, что у тебя красивые и мягкие руки?

КАНЕВСКАЯ (*встав с колена*). Я вижу, ты сегодня в игривом настроении. Чувство ревности, насколько мне известно, тебе не присуще. Вот только почему-то ты мне об этом никогда не говорил.

ГОЛЬДИН (*лукаво*). О чем?

КАНЕВСКАЯ. О моих руках.

ГОЛЬДИН (*смеется*). Зато я не раз говорил тебе про другое...

КАНЕВСКАЯ (*улыбаясь*). Ох, старый развратник...

ГОЛЬДИН (*встает, подходит к Каневской, тербит ей шею под волосами*). Я тебе тоже приготовил сюрприз. Не то что ты мне...

КАНЕВСКАЯ. Ну-ну... И что же?

ГОЛЬДИН. Вот побываешь у Пинскера, потом узнаешь.

КАНЕВСКАЯ (*щиплет его за щеку*). Интриган...

ГОЛЬДИН (*отходит к письменному столу*). А теперь о деле (*садится за стол*). Мне доставили новый препарат.

КАНЕВСКАЯ. Откуда?

ГОЛЬДИН. Оттуда. Таблетки Шмулевича.

КАНЕВСКАЯ. Где-то я читала о них...

ГОЛЬДИН. Возможно. Как мне объяснили, начисто стирают в сознании картины перенесенного психоза. Исчезают переживания и эмоции, связанные с воспоминани-

ями о нем. Рекомендованы как очень эффективное средство даже для резистентных случаев.

КАНЕВСКАЯ. Что известно о побочных воздействиях?

ГОЛЬДИН. Вот мы и посмотрим, дорогая Серафима Семеновна. Так сказать, проверим в действии на своих пациентах. В этом и состоит цель нашей практики — сама знаешь...

КАНЕВСКАЯ. Ну что ж, Борис Наумович, как прикажете... Только... Впрочем, ладно. С кого начнем? Или со всех сразу?

ГОЛЬДИН. С новеньких. Завтра и начнем. По пять штук в день каждому. Дашь указание Мире. Распишешь их в сочетании с прежними препаратами, уколами и процедурами. Таблетки дорогие. Поэтому получать их медсестры будут лично у меня.

КАНЕВСКАЯ (*серьезно*). Я всё поняла, шеф. Можно идти?

ГОЛЬДИН. Ну-ну... Расслабься. Тебя ждет сюрприз.

КАНЕВСКАЯ (*вздыхая*). Один я уже получила. Твоего Пинскера (*направляется к выходу*).

ГОЛЬДИН. Пригласи ко мне этого, Гунькина из шестой палаты.

КАНЕВСКАЯ (*останавливается. Пауза*). Хорошо... Должна тебе сказать, очень подозрительный тип (*уходит*).

ГОЛЬДИН. Да, крутая баба. Палец в рот не клади... (*Ус-мехаясь.*) Хе, «подозрительный тип». А говоря точнее, кое в чем подозреваемый.

В дверях кабинета появляется Леонардо в синем больничном халате.

Проходи, Леонид, присаживайся.

Леонардо садится на диван, забрасывает ногу на ногу.

ЛЕОНАРДО. Борис Наумыч, нормальных сигарет не найдется?

ГОЛЬДИН (*глядя исподлобья*). Я смотрю, Дон Жуан, разболтался ты здесь (*достает из ящика стола пачку сигарет, зажигалку и пепельницу*).

ЛЕОНАРДО (*подходит к столу, берет сигареты, зажигалку, пепельницу и вновь садится на диван, закуривает*). Это несправедливо, Борис Наумыч. Сижу как мышь, пью всю

эту гадость, хожу на психотерапевтические сеансы... Чувствую, скоро и вправду крыша поедет.

ГОЛЬДИН. Здесь тебе не профилактикой, дорогой. Тут тяжелобольные находятся. И здесь непозволительно несчастной женщине голову дурить, она у нее и без того свихнутая.

ЛЕОНАРДО. Вы о Гардензии?

ГОЛЬДИН (*строго*). Я о Гороховой, молодой человек. О Галине Сергеевне, пациентке, страдающей эротическим бредом. Тебе это о чем-нибудь говорит?

ЛЕОНАРДО. Ну что я могу поделывать, если она мне прохода не дает. Куда мне деваться? А так вроде и время быстрее бежит.

ГОЛЬДИН. А тебе не надо, чтобы оно быстрее бежало. Для тебя было бы лучше, чтобы время совсем остановилось. Или придется в другом месте срок пережить. Мы тебя отмазали от следствия не ради этих шашней.

ЛЕОНАРДО. Наумыч, мы в долгу не останемся. Ведь все обговорено.

ГОЛЬДИН (*примирительно улыбаясь*). Пока прощаю (*откидывается на спинку кресла*). Вот что, Леонид Михайч. Для чего я тебя позвал-то. Завтра с утра начнем выдавать новый препарат. Очень серьезный. Нам его прислали оттуда... Ну, сам понимаешь. Прислали на испытание. Будем наблюдать за действием. Мы еще сами толком не знаем, во что эти испытания в конце концов выльются. Красненькие такие таблеточки. Назначены всем новеньким. В том числе и тебе. По пять штук в день. Если не хочешь забыть своего имени — лучше не пей. Храни их в тумбочке, потом мне вернешь, таблетки дорогие. Усек?

ЛЕОНАРДО. Как не усечь... (*Задумчиво затягивается сигаретой.*) Это что же, она про меня совсем забудет?

ГОЛЬДИН (*с напором*). Кто «она»?

ЛЕОНАРДО. Сами знаете кто.

ГОЛЬДИН. Да, дорогой. И это будет хорошо для вас обоих.

ЛЕОНАРДО. Не знаю, не знаю...

ГОЛЬДИН. Кстати, чем вы там с ней занимаетесь?

ЛЕОНАРДО. Да так... Гуляем по оранжерее, беседуем о цветах...

ГОЛЬДИН. О цветах? Вам удастся беседовать?

ЛЕОНАРДО. Иногда удается. Особенно когда я рассказываю ей про Италию. У нее глаза от счастья загораются.

Она мне верит (*встает, ставит пепельницу на стол, при-
давливает сигарету*).

ГОЛЬДИН (*с усмешкой*). Ну, артист! Даже такие ему верят (*барабанит пальцами по столу*). Я видел — тебе скрипку принесли.

ЛЕОНАРДО. Принесли. Только ею и спасаюсь, чтоб от тоски не умереть.

ГОЛЬДИН. Ничего. Привыкай. Тебе еще здесь долго побыть придется. Может, приживешься и уходить не захочешь (*смеется*).

ЛЕОНАРДО (*упершись руками в стол*). Борис Наумыч, вы когда-нибудь видели зеленые розы?

ГОЛЬДИН (*глядя исподлобья*). Что-что?

ЛЕОНАРДО. А синие?

ГОЛЬДИН. Господа, вы тут все сговорились, что ли? Или ты тоже бредишь?

ЛЕОНАРДО. Борис Наумыч, они существуют.

ГОЛЬДИН. Где?

ЛЕОНАРДО. В этом доме.

ГОЛЬДИН (*облегченно*). В этом доме, дорогой, еще и не то существует.

ЛЕОНАРДО. Но мы-то с вами нормальные люди.

ГОЛЬДИН. Ты так думаешь? А по-моему — самые неизлечимо больные. Иначе давным бы давно сбежали отсюда. Нормальных людей, молодой человек, в природе уже давно не наблюдается. Это я тебе как специалист говорю.

ЛЕОНАРДО. Куда нам отсюда бежать, мессир?

ГОЛЬДИН. Туда, дорогой, именно туда. Но мы никуда отсюда не уйдем. Нам здесь лучше. Мы пронизаны патологией, срослись с нею.

**Леонардо выпрямляется, скрестив руки на груди,
отходит от стола.**

ЛЕОНАРДО. Возможно, вы и правы...

ГОЛЬДИН. Современный мир, молодой человек, потерял всякий смысл. В нем все бессмысленно. Говори что угодно — никто не услышит. Все слова теперь не имеют смысла. Этот мир тяжело болен. И его уже лечить бесполезно. Знаешь, какую взятку мне предложил твой отец, чтобы я поместил тебя сюда?

ЛЕОНАРДО. Догадываюсь.

ГОЛЬДИН. Вряд ли... Хотя... зачем тебе это знать? Весь мир погряз в дерьме.

ЛЕОНАРДО (*прохаживаясь по кабинету*). Отчего так вышло?

ГОЛЬДИН. Я знаю отчего. Но не скажу. Все равно не поймешь. Нам сначала надо было себя излечить... Да теперь уж поздно...

ЛЕОНАРДО. Кому это «нам»?

ГОЛЬДИН. Нам, дорогой, нам. И всем, похожим на нас.

ЛЕОНАРДО. Борис Наумыч, я как-нибудь поиграю вам на скрипке. Это успокаивает. Хорошо?

ГОЛЬДИН. Может быть, Леонид... У всех у нас бред особого значения... Ладно, ступай.

ЛЕОНАРДО. Это можно забрать? (*держит двумя пальцами пачку сигарет*).

ГОЛЬДИН (*пристально глядя, кивает головой*). Можно, можно...

Леонардо уходит.

(*После задумчивого молчания.*) Вот ерунда какая. Что-то я опять разговорился... Меланхолия вроде как болезнь незаразная. А вот поди ж ты... Зеленые розы, зеленые розы... Хоть бы взглянуть на них... (*Смотрит на часы, качает головой.*) Устал. На сегодня хватит (*встает, снимает халат, выходит*).

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена седьмая

Зал первой сцены. Никого нет. Через паузу Леонардо вводит в зал взявшихся за руки Гартензию, Вольдемара, Люцию и Георга. Леонардо в красном фраке, остальные в больничных халатах. Все, кроме Леонардо, ступают осторожно, испуганно озираясь по сторонам. На диване лежат скрипка и красный мяч. На столе в вазе букет зеленых роз.

ЛЕОНАРДО. Смелее, смелее, не бойтесь. Сейчас вы всё вспомните! Я попробую вам помочь. Это неправильно, так нельзя. (*Кладет руки на плечи Гартензии.*) Гартензия, дорогая, ну посмотри на меня!

ГАРТЕНЗИЯ. Кто вы?

ЛЕОНАРДО. Я твой любимый, Гартензия. Ты не можешь всё забыть. Это неправильно.

ГАРТЕНЗИЯ. Вы меня пугаете. Отойдите.

ЛЕОНАРДО (*опускает руки*). Нет, нет! А как же Италия, водопады, мандариновый сад? Нет, это невозможно, ты не должна всё забыть! Я вам всем помогу (*подходит к дивану, берет в руки мяч*). Вольдемар, Вовик, вот твой мяч. Смотри, какой красивый. Давай поиграем (*протягивает Вольдемару мяч*).

ВОЛЬДЕМАР (*испуганно*). Ой, что это? Не надо. Я боюсь (*прячется за спину Гартензии*).

ЛЕОНАРДО (*положив мяч на то место, где стоял Вольдемар*). Люция, Георг, вы меня не узнаете? Сегодня здесь будет маскарад, а вы не одеты... Люция, он придет обязательно, он мне обещал. За тобой белый танец. Посмотри на меня.

ЛЮЦИЯ (*опустив лицо*). Как болит голова... Не кричите, пожалуйста (*поднимает лицо, смотрит непонимающе*). Где мы? Уведите меня (*закрывает лицо руками*).

ЛЕОНАРДО. Георг, я знаю твою историю. Хочешь расскажу? Вы познакомились на море, ее звали Джульеттой...

ГЕОРГ. Объясните, что такое море? (*Приближается к Леонардо, смахивает с его плеча пылинку, поворачивается к Люции.*) Почему эта женщина плачет? Она мне ничуть не нравится.

ЛЕОНАРДО. Проклятые таблетки! Но я знаю, так не должно быть! Сердце вспомнит! Сердце ничего не забывает! На сердце таблетки не действуют! (*Подходит к Гартензии.*) А как же наши розы, наши зеленые розы, Гартензия?!

ГАРТЕНЗИЯ (*настороженно*). Что? Что вы сказали?

**Леонардо выхватывает из вазы розу и протягивает Гартензии.
Она медленно поднимает и тут же опускает руку,
не прикасаясь к розе.**

Что это? Где я это видела?

ЛЕОНАРДО. Это твоя любимая роза, зеленая роза. Вспомни, я их дарил тебе.

Гартензия осторожно берет в руки розу.

ГАРТЕНЗИЯ (*вздвигнув, подносит розу к лицу*). Боже мой... Боже мой... Леонардо... Где ты, Леонардо?

ЛЕОНАРДО (*радостно*). Да вот же я, Гартензия, с тобой рядом!

ГАРТЕНЗИЯ (*прижимает розу к груди*). Ах, Боже мой... Какой был тяжелый сон... Помоги мне...

**Леонардо подводит Гартензию к креслу.
Гартензия устало садится, глядя на розу.**

ЛЕОНАРДО. Она вспоминает, вспоминает! Сердце не может забыть. Я знаю, таблетки на сердце не действуют! (*Подбегает к столу, выхватывает три розы.*) Люция, это тебе от меня! Подарок! Держи! Ты все вспомнишь!

Люция неуверенно принимает розу. Леонардо подходит к Георгу.

Георг, послушай, сегодня маскарад. Ты должен быть элегантен (*вставляет розу в халат Георгу*). Вольдемар, иди сюда, не бойся, я тебе кое-что покажу (*сам подходит к Вольдемару*). Смотри, какая красота. Подержи, пожалуйста.

Вольдемар берет розу, держит ее на вытянутой руке.

ВОЛЬДЕМАР (*зрителям*). Видите, какая красивая. У вас есть такая? Хотите? Идите сюда. Вольдемар к маме не пойдет. Вольдемар здесь останется. Смотрите, какая красивая (*широко улыбается*). А вы мой мяч не видели?

ЛЕОНАРДО. Я видел, я! (*Подбегает к мячу, берет и передает Вольдемару.*)

ВОЛЬДЕМАР (*зрителям*). Вот какой. Настоящий.

ГОЛОС ЗА СЦЕНОЙ. Вовик? Где ты? Мама пришла.

ВОЛЬДЕМАР. С мамой Вольдемар не уйдет. Вольдемар с вами останется (*уходит*).

ЛЮЦИЯ (*смотрит вокруг себя*). Сегодня маскарад, а мы еще не одеты... Он увидит меня в таком виде и не узнает... Он ведь еще совсем маленький...

ГЕОРГ. Я всегда вас узнаю. По рукам. У вас есть маленькое пятнышко на изгибе левой руки. Мне известно, это не от укула, это...

ЛЕОНАРДО. Они вспоминают! Я же говорил! Я догадывался!

**Подбегает к дивану, берет скрипку, начинает тихо играть.
Свет медленно угасает. Луч прожектора нацелен на Гартензию.**

ГАРТЕНЗИЯ (*сидя в кресле*). Какой был долгий сон!.. Боже мой... Где я? Почему я здесь в таком виде? Боже мой... Это скрипка Леонардо... Сколько мы не виделись? (*Вста-*

ет с кресла.) Он ждет меня! Он зовет меня! (Смотрит на розу.) Это его подарок (подносит к лицу). Моя любимая... (Делает шаг и, раскачиваясь, читает.)

Спите, полумертвые, увядшие цветы,
Так и не узнавшие расцвета красоты.
Близ путей заезженных возвращенные Творцом,
Смятые невидевшим тяжелым колесом.

В час, когда все празднуют рождение весны,
В час, когда сбываются несбыточные сны,
Всем дано безумствовать, лишь вам одним нельзя,
Возле вас раскинулась зачатая стезя.

Прожектор гаснет, но тут же два других луча выхватывают из темноты сидящих на диване Люцию и Георга. Люция — в бальном платье и бело-розовой шляпе, к которой приколоты зеленая роза. Георг — в сером костюме и черной шляпе. В нагрудном кармане вместо платка — зеленая роза. Негромко звучит скрипка.

ГЕОРГ (*Люции*). Когда слышатся эти звуки, передо мной проплывают картины прошлого, словно рассеивается тягучий туман, и я могу видеть, слышать и помнить. Потом я опять проваливаюсь в туманный сон, и сколько он длится — я не знаю. У вас так бывает?

ЛЮЦИЯ (*глядя на Георга*). Когда мы виделись последний раз? Сколько лет прошло? Десять? Или меньше? Вы совсем не изменились. А вам идет шляпа. Он тоже носил шляпу, но терпеть не мог галстуков. Даже на бал он приходил без галстука. А когда я познакомила его с мамой...

ГЕОРГ. Нет, Люция. Ваша мама умерла, когда вам было пять лет. Она утонула и ее не нашли. А отец тоже недолго жил. Вы росли у двоюродной сестры. Да-да, с ним вы познакомились на новогоднем балу. Он был старше вас. Он стал приходить к вам в гости. И двоюродная сестра с ним согрешила. Вы убежали из дому, пытались перерезать себе вены. Вас вернул к жизни врач, который стал вашим мужем. Но вы его так и не полюбили. Вы любили и до сих пор любите только одного человека. Его... Он живет у вас в сердце. Сердце ничего не забывает. Это грустная история. (*Пауза.*) У меня к вам одна-единственная просьба. Позвольте поцеловать вашу родинку на изгибе левой руки.

Люция протягивает руку. Георг снимает шляпу, встает на колено, целует.

ЛЮЦИЯ. Спасибо. Довольно. Встаньте.

Георг садится на диван, надевает шляпу.

Вы рассказали историю, которой не было. Это другая история. Я ее сама придумала, чтобы спрятаться от людей. Других историй в жизни не бывает. Вы не сказали о моем сыне. И не надо ничего говорить. Он еще маленький. *(Пауза.)* Дайте мне ваши руки. *(Берет ладони Георга и опускает в них свое лицо. После паузы резко встает с дивана.)* Очень вас прошу, не надо меня жалеть.

Вспыхивает общий свет. В зале — пары в масках, бальных платьях и фраках. Громко звучит скрипка. Пары кружатся в вальсе. Георг и Люция вливаются в кружение. Вбегают Гартензия и Леонардо. В волосах Гартензии зеленая роза.

ГАРТЕНЗИЯ. Маскарад! У нас маскарад! Какая радость!

ЛЕОНАРДО. Ты сегодня такая красивая! На тебе новое платье!..

ГАРТЕНЗИЯ. Тебе нравится?

ЛЕОНАРДО. Ты прекраснее всех.

Они тоже кружатся. Люцию перехватывает кавалер в маске.

К Георгу подходит дама в маске с высокой черной прической и обнаженными руками. Она прикрывает веером губы.

ДАМА В МАСКЕ. Пригласите меня на вальс.

ГЕОРГ. Опять вы? Я вас узнал по голосу. Извините, но у меня закружилась голова.

Отходят от танцующих.

ДАМА В МАСКЕ. Вы не рады? Я исполнила вашу просьбу *(поднимает сверху обнаженные руки)*.

ГЕОРГ. Даже не знаю. Я легко увлекаюсь и так же быстро разочаровываюсь в женщинах.

ДАМА В МАСКЕ. Угу, это называется донжуанизмом. Но вы еще со мной не были. Во мне нельзя разочароваться.

ГЕОРГ. Я был с другими. Этого достаточно, чтобы понять.

ДАМА В МАСКЕ. И что же вы поняли?

ГЕОРГ. То, что все истории одинаковы. Оказывается, других историй в жизни не бывает.

ДАМА В МАСКЕ. Что это у вас? (*Выдергивает из кармана Георга зеленую розу.*)

**Георг застывает в растерянности. Скрипка умолкает.
Все танцующие останавливаются.**

Какая странная... Я таких не видела... Подарите мне ее.

Все напряженно смотрят на даму в маске.

Не хотите? Ну и не надо (*вставляет розу в карман Георгу*).

**Снова звучит скрипка. Танцующие продолжают кружиться
в вальсе. Георг выходит из оцепенения.**

ГЕОРГ. Это опять вы? Я узнал вас по прическе. (*Берет ее за локоть.*) Необыкновенные руки.

ДАМА В МАСКЕ. По вашему желанию.

ГЕОРГ. Как чувствуют себя ваши мужья?

ДАМА В МАСКЕ. Они все чувствуют прекрасно... (*Опускает веер.*) Поцелуйте меня на прощанье.

**Георг сближается с дамой в маске. Среди танцующих пар
появляется девушка в легком белом платье и белых перчатках,
быстро подходит к Георгу, берет за руку и уводит из зала.
Дама в маске перехватывает кавалера, танцевавшего с Люцией.**

ЛЮЦИЯ (*зрителям*). Вы ее видели? Всю в белом... Она тоже поселилась в его сердце. И уже не покинет никогда. Сердце ничего забыть не может. Это действительно грустная история...

Гаснет свет. Скрипка умолкает.

Сцена восьмая

Кабинет Гольдина. Хозяин кабинета — за рабочим столом. На диване в белом халате, закинув ногу на ногу, сидит Мира. Ее ноги обнажены. В пальцах сигарета.

ГОЛЬДИН (*подперев рукой подбородок*). Как настроение после вчерашней поездки?

МИРА (*затянувшись сигаретой*). Настроение у меня, Борис Наумович, приподнятое. Ваша сауна — блеск! А во-

дичка в бассейне — просто пальчики оближешь. Да и вы были на высоте, шеф... *(Пускает в сторону Гольдина длинную струю дыма.)*

ГОЛЬДИН *(с улыбкой глядя исподлобья)*. Ты моя маленькая безобразница... Честно говоря, ты меня сильно удивила *(откидывается на спинку кресла)*. А на первый взгляд — такая скромница...

МИРА. В тихом омуте, сами знаете...

ГОЛЬДИН. Да-да, правду говорят... Думаю, в скором времени надо повторить поездку. Не возражаешь?

МИРА *(с лукавым взглядом)*. Да уж как же вам возразить, Борис Наумович? Это ведь невозможно... К тому же вы мой начальник...

ГОЛЬДИН. Ну-ну, моя прелесть, хорошо.

Мира встает с дивана, поправляет халат.

МИРА. Извините, время делать уколы. Я пойду.

ГОЛЬДИН. Пусть ко мне зайдет Серафима Семеновна.

МИРА *(глядя себе под ноги)*. Борис Наумович...

ГОЛЬДИН. Да?

МИРА. Она в ординаторской с этим... из шестой палаты... С Гунькиным закрылась. Просила не беспокоить.

ГОЛЬДИН. Что? Это для чего еще?

МИРА. Вроде как психотерапевтический сеанс.

ГОЛЬДИН *(вставая с кресла)*. Могу себе представить, какой у них сеанс. *(Подходит к Мире.)* Нет, это дом не для душевнобольных. Этот дом по-другому называется.

МИРА *(улыбаясь с опущенными глазами)*. Вы, как всегда, всё преувеличиваете.

Гольдин расстегивает на Мире халат, прижимает к себе и гладит ее обнажившееся тело. В кабинет без стука входит Каневская с растрепанной прической. Резко останавливается.

КАНЕВСКАЯ. О, Господи!.. *(Поворачивается, собираясь уйти.)*

ГОЛЬДИН *(отходя от Мире)*. Раз уж ворвалась без стука, проходи, не стесняйся.

**Мира, запахнув халат, быстро выходит.
Гольдин садится в кресло.**

Тебя что, ограбили? Или ты с пожара?

КАНЕВСКАЯ (*стоя лицом к двери*). Послушайте, шеф, как это всё понимать? Она же тебе во внучки годится...

ГОЛЬДИН. Ох, ох, ох! А то ты не знала! Я, может, тебе отомстить хотел...

КАНЕВСКАЯ. Это за что же?

ГОЛЬДИН. За твою потрепанную в ординаторской прическу.

КАНЕВСКАЯ (*с кривой ухмылкой поворачиваясь к Гольдину*). Мужлан...

ГОЛЬДИН. Донесли, дорогая. Вот так-то. Смотри, этого сопляка я сбегрю куда надо. (*Поднимает руки.*) А ты, оказывается, здоровá... После Пинскера всего два дня прошло.

КАНЕВСКАЯ. Ты мои дни не считай. Я сама считать умею. А в ординаторской с каждым больным я провожу ассоциативный эксперимент по Юнгу. Ты бы хоть дверь заперил, конспиратор. (*Подходит к креслу Гольдина, садится на стол, раздвигает ноги.*) Можешь проверить. Суха.

ГОЛЬДИН. Муж проверит. А сухая ты мне не нужна.

Каневская встает на ноги и направляется к выходу.

Задержись на минуту.

КАНЕВСКАЯ (*стоя спиной к Гольдину*). Что еще?

Гольдин достает что-то из ящика стола, подходит сзади к Каневской и вешает ей на шею бриллиантовое кольцо с большим шестилепестковым цветком.

ГОЛЬДИН. Это тебе подарок от «де Бирс» за хорошую работу.

Каневская восхищенно смотрит на кольцо, трогая его пальцами.

КАНЕВСКАЯ. Оно же очень дорогое...

ГОЛЬДИН. Пятьдесят карат (*обнимает, кладет руки ей на грудь*).

КАНЕВСКАЯ (*глядя его руки*). Шеф, ты меня сведешь с ума...

ГОЛЬДИН. И тогда ты навсегда поселишься в этом доме. И останешься моей вечной пациенткой.

Каневская поворачивается к Гольдину. Они застывают в долгом поцелуе. Гольдин встает на колени, гладит ее ноги, прижимается к ее бедру.

КАНЕВСКАЯ. Я больше не могу, сделай что-нибудь...
ГОЛЬДИН. Что тут у тебя? *(Кивает на карман халата.)*

Каневская достает из кармана зеленую розу, недоуменно смотрит на нее. Гольдин встает с колен.

Где ты взяла эту гадость?

КАНЕВСКАЯ *(разглядывая розу)*. И вправду зеленая...

Гольдин берет розу из рук Каневской, брезгливо морщится.

ГОЛЬДИН. Не понимаю, кто здесь кого лечит? *(Бросает розу на пол.)*

КАНЕВСКАЯ. Мерзость какая-то... *(Вздыхает.)* Догадываюсь, чья это шутка...

ГОЛЬДИН. Самое главное, дорогая, со мной так не шути... *(Целует Каневскую в шею, отстраняется, с восторгом смотрит на колье.)* На твоей шее это выглядит шикарно!

КАНЕВСКАЯ. Спасибо, милый *(целует Гольдина в щеку)*.

ГОЛЬДИН. Ну иди. И скажи, чтобы этот шутник сюда зашел.

Каневская выходит.

Шутники, мать их... *(Разводя в стороны руки, зрителям.)*
Сумасшедший дом!

Слышится стук в дверь. На входе появляется Леонардо в больничном халате.

ЛЕОНАРДО. Можно?

ГОЛЬДИН. Входи, входи, негодник. Садись туда *(указывает на кушетку)*. Ты ведь тут как-никак больной.

Леонардо садится. Гольдин смотрит на него с усмешкой.

Ну что, всё по бабам ударяешь?

ЛЕОНАРДО. Здесь нет баб. Здесь есть пациенты и доктора.

ГОЛЬДИН. Смотрите, какой находчивый! А прикидывается психом.

ЛЕОНАРДО. Борис Наумыч, в чем дело? Кажется, мы обо всем договорились.

ГОЛЬДИН. И мне так казалось. А теперь вижу — не обо всем. *(Наклоняется к Леонардо.)* Какие у тебя отношения с врачом-психиатром Каневской? Серафимой Семеновной.

ЛЕОНАРДО. Борис Наумыч, мое отношение к Серафиме Семеновне не имеет никакого отношения к нашим с вами отношениям. А вообще-то наши отношения нормальные.

ГОЛЬДИН *(разгибаясь)*. Во как закрутил! Для психа сойдет. *(Садится в кресло.)* Здесь я устанавливаю отношения. И мне приходится держать здесь тебя только благодаря моему хорошему отношению к твоему отцу. Но мое терпение не безгранично. Повторяю еще раз, ты не должен выделяться среди других больных. Не остепенишься, сделаем пару уколов — и точно станешь таким же, как они.

ЛЕОНАРДО. Ну зачем же так, господин Гольдин? Нам тоже известны ваши слабые места. Мы всегда знаем, кто и когда бывает на вашей даче... Наумыч, давайте жить дружно.

ГОЛЬДИН *(усмехаясь)*. Ну ты и сукин сын!.. *(Выходит из-за стола, прохаживается по кабинету, останавливается рядом с лежащей на полу розой.)* Ну-ка, скажи мне на милость, что сие означает? *(Указывает рукой на розу.)* Откуда это?

ЛЕОНАРДО. Я ведь вам говорил, они существуют *(встает, поднимает розу и кладет в карман халата)*. Что означает? В книгах по психиатрии вы об этом не прочтете. Кроме больной души у ваших пациентов есть еще сердце. А на него таблетки не действуют. Сердце ничего не может забыть.

ГОЛЬДИН. Какое еще сердце? Что за чушь ты несешь?

ЛЕОНАРДО *(вынув из кармана розу)*. Это тоже чушь. Но вы же видите, она существует. Возможно, она расцвела на морском дне...

Громкий стук в дверь. Вбегает Мира.

МИРА. Борис Наумович, у нас больной исчез. Нигде не можем найти.

ГОЛЬДИН. Как исчез? Кто?

МИРА. Перин. Из шестой палаты. С утра его никто не видел. Охрана ничего не знает.

ГОЛЬДИН. Что за чертовщина!..

ЛЕОНАРДО. Не ищите, он не вернется.

ГОЛЬДИН. Как это не вернется? Вернем! Где он? Ты что-то знаешь?

ЛЕОНАРДО. Его увела девушка в белых перчатках.
ГОЛЬДИН. Куда увела?
ЛЕОНАРДО. Туда, где цветут зеленые розы.
ГОЛЬДИН. Черт бы вас всех побрал! Ну я сейчас разберусь!

Все выходят.

Сцена девятая

Декорация пятой сцены. Четыре кушетки стоят поперек в глубине зала. На первых трех в халатах сидят Гартензия, Вольдемар и Люция. Четвертая кушетка пуста. Над ней на стене висит скрипка. Уборщица протирает пол.

ГОЛОС ГОЛЬДИНА *(за сценой)*. Я сейчас со всеми разберусь!

Входят Гольдин, Каневская, Мира и Леонардо.

ГОЛЬДИН. Серафима Семеновна, каким это образом у нас люди пропадают? Что за дела такие? Посторонние откуда-то берутся в белых перчатках!.. Тут что, проходной двор? Куда охрана смотрит?

КАНЕВСКАЯ. Борис Наумович, это какое-то недоразумение. Я уверена, больной найдется. Может, спрятался куда?..

ГОЛЬДИН. Да где он мог спрятаться? Где? Это же взрослый человек, а не котенок. *(Подходит к пустой кушетке, поднимает простыню, заглядывает под кушетку.)* Нету. Не видать. Где еще он может быть? *(Подходит к Люции.)* У вас его нет, извините?

ЛЮЦИЯ. Есть.

ГОЛЬДИН. Да? Так где же он?

ЛЮЦИЯ. Здесь *(указывает пальцем на сердце)*.

ГОЛЬДИН. Угу, понятно. Серафима Семеновна, увеличьте, пожалуйста, вдвое дозу таблеток Шмудевича. Пациент Гунькин, когда вы в последний раз видели больного Перина?

ЛЕОНАРДО. Ночью.

ГОЛЬДИН. И что же произошло?

ЛЕОНАРДО. Ушел и не вернулся.

ГОЛЬДИН. Куда ушел? С кем?

ЛЕОНАРДО. Этого не знает никто. И думаю, уже никто никогда не узнает.

ГОЛЬДИН. Всё загадками изъясняетесь. Всё идиотом прикидываетесь.

ЛЕОНАРДО. Как велели...

УБОРЩИЦА. Не мое это дело, но... в мужском туалете висит чей-то халат...

ГОЛЬДИН. Ага! Халат висит, а человека нет. Очень интересно. Он что, голым ушел? Кто ему выдал одежду?

КАНЕВСКАЯ. Борис Наумович, ночью склад закрыт, и одежду взять невозможно.

ГОЛЬДИН. Как я вижу, здесь все возможно. *(Ходит вдоль кушеток.)* Объясните мне, кто его мог увести?

МИРА. Я разговаривала с охраной. Они никого не видели.

ЛЕОНАРДО. Борис Наумыч, надо успокоиться. Он уже не вернется. Его увела память сердца.

ГОЛЬДИН *(ходя вдоль кушеток, раздраженно)*. Память сердца, память сердца... Что-что? *(Останавливается.)* Но я-то, в отличие от всех вас, не сумасшедший!

ЛЕОНАРДО. Вы своими глазами видели зеленую розу...

ГОЛЬДИН. Опять двадцать пять!.. Я эти зеленые розы из ваших голов повыдергаю и в задницу вставлю! А ну-ка, где вы их тут прячете? *(Смотрит на Вольдемара.)* Так, от этого вряд ли чего добьешься. *(Подходит к Гартензии.)* Пациентка Горохова?.. Гунькин, иди сюда. Говорите, где вы берете эту гадость?

ГАРТЕНЗИЯ *(смотрит на Гольдина испуганно)*. Мне их приносят каждое утро.

ГОЛЬДИН. Кто приносит?

ГАРТЕНЗИЯ. Сестра.

ГОЛЬДИН. Что еще за сестра? Откуда тут берется сестра? *(Смотрит вопросительно на Миру.)*

Мира пожимает плечами.

ГАРТЕНЗИЯ *(показывает пальцем на Миру)*. Это она приносит.

ГОЛЬДИН *(глядя на Миру)*. Что?

МИРА. Я?!

ГАРТЕНЗИЯ. Она их приносит. Я пью все.

ГОЛЬДИН. Ничего не понимаю. Что пьете?

ГАРТЕНЗИЯ. Таблетки. Красненькие... Гадкие.

ГОЛЬДИН. Та-ак... *(Трет себе виски.)* Теперь понятненько. Тут с вами и вправду... того... свихнешься. *(Наклоняется к Гартензии, ласково.)* Галина Сергеевна, дорогая, у вас имеются зеленые розы?

ГАРТЕНЗИЯ *(смотрит на Леонардо)*. Я не скажу, кто подарил.

ГОЛЬДИН. Где вы их прячете? Покажите, пациентка Горохова? Я отменю таблетки.

ГАРТЕНЗИЯ. Правда?

ГОЛЬДИН. Вы мне не верите?

ГАРТЕНЗИЯ. Я всем верю. Меня зовут Гартензией, не забывайте. Именно так, через «а»: Гар-тензия. Правда, хорошо? *(Встает, приподнимает простыню, достает из-под нее веник.)* Их было много. Я их связала вместе *(протягивает веник Гольдину)*. Правда, красиво?

УБОРЩИЦА. Ой, смотри-ка, мой веник! Нашелся! *(Подходит к Гартензии, забирает веник.)* Он самый. И бирка моя *(выходит)*.

Гольдин, скрестив на груди руки и качаясь на каблуках, пристально смотрит на Гартензию.

ГОЛЬДИН. Серафима Семеновна, удвойте ей дозу таблеток Шмулевича. *(Поворачивается к Леонардо.)* А тебе, дорогой, мы назначим очень эффективные укольчики. Марш в палату и чтобы носа оттуда не высовывал. Идемте, Серафима Семеновна.

Гольдин, Каневская и Мира выходят. Леонардо подходит к пустой кушетке, снимает со стены скрипку, садится, играет мелодию вальса. Вольдемар встает, берет со своей кушетки мяч, подбрасывает, мяч ударяется об пол, подпрыгивает, Вольдемар его ловит, опять подбрасывает. Сцена уходит.

Сцена десятая

В лучах света на сцене постепенно возникают два кресла, в которых лицом к залу сидят Каневская и Леонардо. Оба в больничных халатах.

КАНЕВСКАЯ. Как ваше состояние, Леонид?

ЛЕОНАРДО. Ничего. Спасибо.

КАНЕВСКАЯ. Плохо вам тут?

ЛЕОНАРДО. Вы знаете, лучше, чем я ожидал.

КАНЕВСКАЯ. Лекарства принимаете?

ЛЕОНАРДО. В основном успокоительные.

КАНЕВСКАЯ. Сегодня у нас будет необычный психотерапевтический сеанс. Я попытаюсь вызвать вас на откровенность. Не возражаете?

ЛЕОНАРДО. Я не возражаю.

КАНЕВСКАЯ. Вы мне до сих пор так и не рассказали, отчего вы здесь оказались.

ЛЕОНАРДО. Вам очень хочется знать?

КАНЕВСКАЯ. Вообще-то хотелось бы, я ваш лечащий врач как-никак. И обязана знать причину вашего присутствия здесь. Но повторяю, это такой сеанс.

ЛЕОНАРДО. Причину... А причина, Серафима Семеновна, банальна, как и у всех остальных...

КАНЕВСКАЯ. Да? А именно?

ЛЕОНАРДО. Роковая любовь. Как и у ваших новеньких.

КАНЕВСКАЯ. Очень смешно.

ЛЕОНАРДО. Люция говорит правду, других историй здесь не бывает. Мы тут все из-за несчастной и коварной любви.

КАНЕВСКАЯ. Как знать, как знать... В этом что-то есть...

ЛЕОНАРДО. Но никакие лекарства от нее не лечат, даже успокоительные. Забыть ее нельзя.

КАНЕВСКАЯ. Вы сами об этом догадались?

ЛЕОНАРДО. Я это понял, пообщавшись с ними, с новенькими.

КАНЕВСКАЯ. Может, вы мне все-таки расскажете вашу историю?

ЛЕОНАРДО. Это печальная история...

КАНЕВСКАЯ. Ну... вы же сами говорите, других историй не бывает...

ЛЕОНАРДО. Да, конечно... *(Во время паузы подносит ладонь к глазам и тут же опускает руку.)* Еще и года не прошло... Ей не было даже пятнадцати. И она влюбилась в меня, как только может влюбляться взбалмошная нимфетка — безоглядно, порывисто и восторженно. Длинноногая, избалованная акселератка... И выглядела старше своих лет... Из богатой семьи... Мы познакомились на какой-то корпоративной тусовке, где меня попросили сыграть на скрипке. И после этого она от меня не отходила. Да я и сам клюнул на нее, как мальчишка. Распущенные черные волосы, огромные серые глаза... Устоять было не-

возможно. В ту же ночь мы приехали ко мне, прихватив бутылку шампанского. И наш праздник продолжался до утра. Я опять ей играл, а она читала свои ученические стихи. Мы танцевали, целовались и влюблялись сильнее и сильнее. Я не посчитал нужным спросить о ее возрасте. А когда начало рассветать, она оказалась в моей постели. Страсть до такой степени овладела нами, что уже ни о чем не хотелось думать, да и невозможно было думать. Одним словом, я у нее стал первым мужчиной. Она отдалась мне точно так же — безоглядно и порывисто, потому что, по ее словам, влюбилась сразу и навсегда. Как это и бывает у вбалмошных нимфеток. Помните набоковскую Лолиту? Очень похоже...

Потом она звонила мне практически каждый день. Требовала встречи. Первое время я и сам был рад с ней видеться, потому что тоже был в какой-то мере влюблен, она мне действительно нравилась. Но как-то раз спросил о ее возрасте. «Четырнадцать», — ответила она с ясной улыбкой. После этого моя страсть по отношению к ней как-то сразу улеглась. «Ты ведь еще ребенок» — сказал я ей. «Ну и что?» — так же непринужденно ответила она. — Через полтора года мне будет шестнадцать, я получу паспорт и мы поженимся». «Ты это одна решила или вместе с родителями?» — спросил я. «А разве ты против?» — она с удивлением посмотрела на меня своими бесподобными серыми глазами. Что я мог ей сказать на это? «Конечно же, не против», — ответил я ей. Но встречаться мы стали реже, и на ее звонки я реагировал с большей холодностью. Но она как будто этого не замечала. Хотя я сам для себя решил остановить развитие этой глупой истории, понимая, чем она мне может грозить. Да, соращение несовершеннолетней уже произошло, но иметь дело с прокуратурой мне все же не хотелось.

Так прошло еще два месяца. И вот наступил в конце концов наш роковой день. Она мне объявила о том, что беременна. Это был удар, как говорится, ниже пояса. Тут она и сама поняла, что совершила в своей жизни непростибельную глупость. У ней ведь были планы школу закончить с отличием и в университет поступить. Причем не только у нее, но и также у ее богатых родителей. Я ей сразу предложил идти на аборт. Но для нее это означало навсегда потерять меня. По своей наивности она еще не понимала, что теряла меня при любом раскладе.

Ее переживания сказались на учебе в школе. Она замкнулась в себе, стала неразговорчивой и какой-то угасшей. Ей нужна была моральная поддержка, а получить ее было не от кого, потому что я тоже смалодушничал, я думал только о том, как выкрутиться из этой истории. На аборт она почему-то не решалась и всё тянула время. У ней стал округляться живот, и это наконец заметили родители. Теперь уже эмоциональный удар получили они. Она им всё рассказала.

Жизнь наша так устроена, что если чего-то очень опасаться, то именно это и происходит. Ее родители пригрозили мне судом. Само собой разумеется, какие-либо отношения, встречи и телефонные разговоры с моей Лолитой были мною пресечены. Теперь-то я понимаю, что у нее творилось на душе, и сейчас бы повел себя по-другому. Но тогда я не хотел о ней ничего слышать. Мне стало известно, что она пыталась отравиться. Ее чудом спасли. Но произошел выкидыш, то есть ребенок погиб. Ее родители довели до дела свою угрозу и завели на меня уголовку. Но вы ведь знаете, кто мой отец, не так ли, Серафима Семеновна... Когда он обо всем узнал, то, естественно, обложил меня трехэтажным матом. Сначала он попытался откупиться от ее родителей, но они, как я говорил, богатые люди, им денег не надо. Они задались целью мне отомстить. И тогда отец использовал хорошее знакомство с господином Гольдиным... И таким вот образом мы сейчас тут беседуем с вами, дорогая Серафима Семеновна.

КАНЕВСКАЯ (*после паузы*). Теперь понятно... Эта история и впрямь печальна, но только не для вас...

ЛЕОНАРДО. Вы ошибаетесь. Отныне я смотрю на нее другими глазами. Ведь это был мой первый ребенок...

КАНЕВСКАЯ. Как я вижу, нахождение здесь идет вам на пользу. Вы становитесь сентиментальным.

ЛЕОНАРДО. Возможно. Скорее всего ваши пациенты на меня влияют... Да и есть время свою жизнь переосмыслить.

КАНЕВСКАЯ (*повернувшись к нему с улыбкой*). Или, может... на вас зеленые розы подействовали?..

ЛЕОНАРДО (*после паузы*). Не шутите с этим. Вам это не дано понять.

КАНЕВСКАЯ (*глядя на свои руки*). Ну-ну... Леонид Михайлович, мы вам назначили таблетки Шмулевича красного цвета. Вы с ними что делаете?

ЛЕОНАРДО. Ничего. Складываю в тумбочку.
КАНЕВСКАЯ. Вас Борис Наумович предупредил?
ЛЕОНАРДО. Естественно. А вы зачем ими этих несчастных травите?
КАНЕВСКАЯ. Не травим, а проводим терапевтический эксперимент. Таково распоряжение Гольдина. Мы ведем наблюдение за ними.
ЛЕОНАРДО. Ну и как?
КАНЕВСКАЯ. Пока никак.
ЛЕОНАРДО. Я же говорил, что это бесполезно. Любовь из сердца вытравить нельзя. Неужели не понятно? Вы бесильны перед зелеными розами. Я запрещаю вам проводить этот эксперимент.
КАНЕВСКАЯ. Вы?.. Но, кажется...
ЛЕОНАРДО. Нет, дорогая Серафима Семеновна, уже не кажется. Гольдина переводят на другую работу. Он заслужил разрешение на отъезд из этой страны.
КАНЕВСКАЯ. Уже?.. Скажите пожалуйста!.. Куда?
ЛЕОНАРДО. Всё туда же. Куда все стремятся.
КАНЕВСКАЯ. Кто принес такие новости?
ЛЕОНАРДО. Отец сообщил.
КАНЕВСКАЯ. А кто на его место?
ЛЕОНАРДО. Ваш покорный слуга, Серафима Семеновна...
КАНЕВСКАЯ. Да-а? Очень интересно. И что же будет со мной?
ЛЕОНАРДО. С вами, Серафима Семеновна, ничего не будет. Вот прямо сейчас мы и решим, насколько вы нам подходите. Будьте добры, поднимитесь и встаньте передо мной.

Каневская встает перед Леонардо спиной к залу.

Очень хорошо. Сбросьте халат.

Каневская сбрасывает халат на пол. Леонардо внимательно ее осматривает.

По-моему, у вас всё прекрасно. А ваши руки и вправду изумительны... Вы меня устраиваете. Мы сработаемся. Но колье придется убрать. Чужие подарки у нас не котируются. Я доволен проведенным сеансом.

Лучи света угасают.

Сцена одиннадцатая

Сад второй сцены. В беседке сидят Георг и девушка в белых перчатках. Георг прижимает к груди шляпу. В кармане его пиджака зеленая роза.

ГЕОРГ. Вы ничуть не изменились. Вот только волосы почему-то стали светлее.

ДЕВУШКА В БЕЛЫХ ПЕРЧАТКАХ. Это от соленой воды...

ГЕОРГ. Вы хорошо помните историю нашего знакомства? Нет, нет, я не буду ее пересказывать. Это, конечно, грустная история. Мы плыли на пароходе. Из Франции. И кормили чаек. А ветер сорвал вашу шляпку.

ДЕВУШКА В БЕЛЫХ ПЕРЧАТКАХ. Я это помню. Она уже вышла из моды. Иногда я ее все же ношу. *(Проводит пальцем по лбу и щеке Георга.)* Морщины... Которых не было...

ГЕОРГ. Да, постарел. *(Встает, надевает шляпу, смотрит вокруг.)* Хорошо, что мы сюда пришли. Здесь тихо и красиво. Вы любите Италию? Мы отсюда никуда не уйдем. Правда?

ДЕВУШКА В БЕЛЫХ ПЕРЧАТКАХ *(улыбаясь)*. Мы уже пришли. И нам идти больше некуда.

Георг садится. Появляется Люция в своем голубом платье и шляпе с зеленой розой.

ЛЮЦИЯ. Ну вот, здесь хотя бы можно дышать. Там мне всегда не хватало воздуха. *(Георгу.)* Наконец вы не один. Вам будет с кем вспоминать свою грустную историю.

ГЕОРГ. Мы еще придем на маскарад.

ЛЮЦИЯ. Я устала от бесконечных маскарадов. Хочется одиночества. Я знаю, он придет, когда я буду одна. Значит, еще не скоро. Милая, что теперь носят во Франции?

ДЕВУШКА В БЕЛЫХ ПЕРЧАТКАХ. Во Франции ничего не носят.

ЛЮЦИЯ. Очень интересно.

ДЕВУШКА В БЕЛЫХ ПЕРЧАТКАХ. Где была Франция, — теперь морские волны. А в воде одежда только мещает.

ЛЮЦИЯ. Я никогда не видела море. Кроме как в кино. Наверное, очень приятно плавать без одежды.

ГЕОРГ. В Италии одежда не нужна. Как во сне. Вы же не спите в одежде.

ДЕВУШКА В БЕЛЫХ ПЕРЧАТКАХ. Трудно уснуть в море. Очень шумно. Здесь намного тише.

ЛЮЦИЯ. Милая, вы никогда не снимаете перчатки? У вас, наверное, холодные руки?

ДЕВУШКА В БЕЛЫХ ПЕРЧАТКАХ. Эти перчатки еще не вышли из моды. Без них я буду другой, и вы меня не узнаете. Мне всегда холодно, даже в Италии.

ГЕОРГ. В Италии места хватит всем (*подходит к Люции, подает ей руку, заводит в беседку, затем садится рядом с девушкой в белых перчатках*).

ЛЮЦИЯ. Благодарю вас. Он придет не скоро. Так и быть, я помолчу с вами (*садится наклонив голову*).

Появляется Гартензия в бальном платье с зеленой розой в волосах.

ГАРТЕНЗИЯ. Наша Италия! Наш сад! Наша беседка! Это славно, когда есть Италия! Без нее всегда пасмурно на сердце (*подходит к беседке*). Вот придет Леонардо, и мы будем танцевать.

ГЕОРГ. Сегодня маскарад отменяется.

ГАРТЕНЗИЯ. Маскарад нельзя отменить. Он выше наших желаний. Если его не будет, все станет бессмысленно, как наши слова. Мы можем жить и говорить только в ожидании маскарада. Без него у нас нет никаких шансов. Маскарад неизбежен, как лунный свет. Так предначертано. Без маскарада и Луны ваше сердце остановится. Зачем вам шляпа, если все отменяется?

ГЕОРГ. В моей шляпе шумит море и живут птичьи голоса. Но сегодня маскарада не будет. Это предсказано. Нам и так хорошо. Италия не утонет, как Франция.

ГАРТЕНЗИЯ. Ваша логика слишком прямолинейна. Жизнь сложнее. А в чем-то и проще. Франция никуда не уходила. Она спряталась в горах и реках. Наши дети ее восстановят. Я знаю, они у вас будут.

ДЕВУШКА В БЕЛЫХ ПЕРЧАТКАХ. Нельзя всегда помнить о Франции. Это очень больно. Память избирательна. А дети уже вас не поймут. У них другие желания. Они мне говорили. В море много детей. Как и зеленых роз.

ГАРТЕНЗИЯ. Когда иссякнет лунный свет, мы узнаем, почему не вянут зеленые розы. Это сказал Леонардо. А ма-

скарад может подождать. Нам и так хорошо. У нас еще есть время. Пока цветут зеленые розы, оно не остановится. *(Выходит на авансцену. Зрителям.)* Вы любите стихи? Вы их любите, как их люблю я? Да? Тогда вот послушайте. *(Читает нараспев, раскачиваясь.)*

Дети Солнца, не забудьте голос меркнувшего брата,
Я люблю в вас ваше утро, вашу смелость и мечты,
Но и к вам придет мгновенье охлаждения и заката, —
В первый миг и в миг последний будьте, будьте, как цветы.

Появляется Леонардо в красном фраке, подходит к беседке, пристально смотрит на Георга. В его руках скрипка.

ЛЕОНАРДО. Нашелся! Ишь, заняли насиженное место.
ЛЮЦИЯ *(поднимает лицо)*. В Италии места хватит всем.

ГАРТЕНЗИЯ. Леонардо, как долго тебя не было!

ЛЕОНАРДО. Это тебе показалось. Когда меня не было, я все-таки кое-где был. К тому же я принес важную новость.

ГАРТЕНЗИЯ. Не бывает важных новостей. Все новости, к сожалению, неважные.

ЛЕОНАРДО. Ты еще не знаешь.

ГАРТЕНЗИЯ *(подходя к Леонардо)*. Дорогой мой, нам лучше ничего не знать. Знания огорчают душу. Не говори лишнего *(берет его за руки)*. Сыграй нам на скрипке, и я поверю, что ты меня любишь.

Леонардо играет. Гартензия садится на приступку беседки, читает нараспев.

Расцветайте, отцветайте, многоцветно, полновластно,
Раскрывайте все богатство ваших скрытых юных сил,
Но в расцвете не забудьте, что и смерть, как жизнь, прекрасна,
И что царственно величье холодеющих могил.

Медленно с красным мячом в руках входит Вольдемар. На нем цветная майка и шорты. К майке приколата зеленая роза. Леонардо резко отрывает смычок от скрипки.

ВОЛЬДЕМАР. Это Италия? Вы меня не прогоните?

ЛЕОНАРДО. Итак, все в сборе. *(Пауза.)* Я вынужден сообщить важное известие. Борис Наумович Гольдин сокращен. Генеральным директором клиники назначен мой отец. Теперь я вас буду лечить.

Гартензия поднимается, входит в беседку, садится. Появляется служанка с самоваром, ставит самовар на стол в беседке.

СЛУЖАНКА. Вечерний чай, господа. Скоро почивать. Уже всё готово. *(С улыбкой глядя на Леонардо.)* Шеф, я вам накрыла в кабинете.

ЛЕОНАРДО. Большое спасибо.

СЛУЖАНКА. И еще, шеф. К нам поступила новая пациентка.

ЛЕОНАРДО. Очень хорошо. Как ее зовут?

СЛУЖАНКА *(выходя)*. Она называет себя Лолитой.

ЛЕОНАРДО. Прекрасное имя... *(Уходит, исполняя на скрипке марш Мендельсона.)*

Девушка в белых перчатках встает, вынимает из кармана Георга зеленую розу и уходит. Вольдемар становится у рампы.

ВОЛЬДЕМАР *(зрителям)*. Давайте поиграем в мяч. Смотрите, какой. Правда, красивый?

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Синий!

ВОЛЬДЕМАР. Красный. Не угадали. *(Бросает мяч в первый ряд зрительного зала.)*

Мяч тут же возвращают. Вольдемар ловит мяч.

Ну вот, а вы не хотели. Видите, как хорошо. Правда? Вольдемар никуда не уйдет. Вольдемар с вами останется.

Закрывается занавес.

Вольдемар стоит у рампы, широко улыбается.

Март 2002

ТЬМА

(Фрагмент российской трагедии)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ДУБОВ Егор Васильевич — квалифицированный рабочий завода.

МАРИЯ — жена Дубова.

САША — их сын, ученик 2-го класса.

ВАРВАРА ИВАНОВНА — мать Дубова.

СИЛИН Григорий Павлович — сосед.

РОЗА МАРКОВНА — жена Силина.

Комната обычной квартиры. В замороженном окне — дневной свет. У окна сидит Варвара Ивановна, что-то вручную зашивает; она — в шубе и валенках, голова укутана в шаль. Через приоткрытую дверь смежной комнаты слышен женский голос, монотонно напевающий колыбельную мелодию.

ВАРВАРА ИВАНОВНА (*говорит с собой*). Что они с нами делают, паразиты!.. В войну свет у нас не отключали... А теперь весь Омск сидит без света и без обогрева. Они что, совсем спятили? Тут ведь Сибирь!.. О, Господи, неужто и вправду последние времена наступили?.. А этот рыжий антихрист приезжал к нам сюда, чего-то всё говорил, распинался, голову всем дурил, дурил. На два дня электричество дали. А как уехал — опять всё отключили. Ну не враг, а? Хуже врага... Да и этот, хлыщ-губернатор, перед ним стелился, бляял, как овечка, уверял по радио, что не будут отключать у тех, кто платит... Опять врал. Мы-то вот платим за всё — и сидим в холоде. А другие чем будут пла-

тить, если зарплату по полгода не дают? Ох-хо-хо... Дожили... Такую страну разрушить!.. Это надо ж!.. За окном мороз за сорок; маленький, вон, опять простудился, в школах ребята одетые сидят, в варежках пишут. А народ всё молчит, молчит... Да будь я мужиком, я бы этих иродов... Кабы не мое сердце... *(Концом шали вытирает глаза.)*

Слышится хлопок двери. Из прихожей в комнату входит Дубов — в тулупе, шапке и валенках.

ДУБОВ. Ну как вы тут? Живые? В берлоге — и то теплее. Где Маша?

ВАРВАРА ИВАНОВНА. Ванечку укачивает. У него опять температура. Надо врача вызывать.

ДУБОВ *(садится на стул)*. Ах ты... Чего боялись, то и случилось. Попробуй сейчас дозвонись до врача. В городе сплошь эпидемия гриппа. *(Выкладывает из сумки на стол буханку хлеба и пакет молока.)* Смотри-ка, а молоко-то, пока нес, замерзло. И хлеб окаменел. Мать, сколько в квартире градусов-то, а? *(Смотрит на термометр, висящий на стене.)* Ого! Всего-то четыре градуса! Пар изо рта идет. Ну, гады, ну сволочи! Сегодня последний цех на заводе остановился. Ни тепла, ни света, ни зарплаты... Люди пришли и разошлись по домам. А что дома-то делать? Заживо замерзать?

ВАРВАРА ИВАНОВНА. Вот и я говорю, чего по домам-то было расходиться? Взяли бы ломы — да к губернатору, в его, как ее, администрацию. Припугнули бы малость.

ДУБОВ. Припугнешь их, как же! Эту администрацию полк милиции охраняет. С вот такими отъевшимися рожками за наш счет. Вроде все русские, а стрелять нас будут, как собак...

Входит Мария. Она в зимнем пальто, платке и зимних сапогах.

МАРИЯ. Потихе. Еле укачала. Заболел ребенок. Что теперь делать, не знаю. В больницу везти, так там, говорят, тоже свет отключают. Пойду газ зажгу, может, нагреет немного.

ДУБОВ *(Марии)*. На вот, отогрей молоко.

Мария выходит.

Скоро, видать, и газ перекроют. Люди при такой жизни ни за что платить не хотят. Вот тогда мы все и дадим дуба. Ночью к постели примерзнем.

Слышится стук в дверь. Дубов выходит в прихожую, затем возвращается вместе с Сашей, одетым в зимнее пальто, валенки и вязаную шапку. Дубов снимает с него ранец.

ДУБОВ. Не раздевайся, сынок. Тут такой колотун. Сильно замерз?

САША (*трясет руками, чтобы сбросить варежки*). Пальцы окоченели.

Появляется Мария, быстро подходит к Саше, берет его руки и отогревает дыханием.

МАРИЯ. В школе не топят?

САША. Неа. Холодрыга. Последнего урока не было. Всю школу домой отпустили. Завтра, сказали, не приходите. Учителя будут это... Как называется? Бастовать, что ли?

ВАРВАРА ИВАНОВНА. Много они набастуют... Может, еще голодовку устроят, на смех Чубайсу... Тут не бастовать надо, а...

Мария поворачивается к Варваре Ивановне.

МАРИЯ. Мама, при ребенке не надо.

ВАРВАРА ИВАНОВНА. Да что тут... Я ничего не сказала (*смотрит сострадательно на Сашу*). Ладно бы только нас, стариков, все эти Чубайсы ненавидели. А то ведь над детьми издеваются.

МАРИЯ (*Саше*). Пойдем на кухню, я тебя горячим молоком напою.

Мария и Саша выходят. Дубов садится в кресло.

ВАРВАРА ИВАНОВНА. Егор, как дальше жить-то будем? Скоро вода в кране замерзнет, тогда совсем хана.

ДУБОВ. Ох, мать не знаю, не знаю. Сам себя об этом спрашиваю каждый день.

ВАРВАРА ИВАНОВНА. Что спрашивать-то? Народ поднимать надо, а то так молча и вымерзнем все, как мамонты.

ДУБОВ. Какой народ? Где ты видишь народ? Каждый только ради себя живет. Давно у нас уже нет народа. Так, население... Кого поднимать и с чем? Болтунов много по пьяни. А как до дела — все в кусты. У одного понос, у другого сопли, у третьего теща заболела — никто никуда не пойдет.

ВАРВАРА ИВАНОВНА (*со вздохом*). Да... Выродился народ. Вот и делают с нами что хотят.

Свет в окне заметно тускнеет. Комната постепенно погружается в полумрак.

ВАРВАРА ИВАНОВНА. Мы с твоим отцом еще перед войной в этом городе жили. Он и станцию нашу электрическую строил. Помню, в нашем бараке проводку провели, лампочки повесили, потом первый свет дали. Сколько радости-то было!.. Ну, думали, теперь заживем! При печке да при свете! Мы были еще неженатыми тогда, я девчонкой была, в школе училась... Потом война. Голодно было и холодно. Дрова по карточкам выписывали. Но свет никогда не отключали. Я это хорошо помню. Мы с мамой вдвоем жили. Она в заготпушнине работала, бухгалтером. По вечерам допоздна под лампочкой сидела, всё на счетах считала. Тогда отчетность была очень строгая. За ошибку могли и посадить. А твоему отцу сначала бронь дали, он на ТЭЦ работал. Потом, в середине войны, все ж мобилизовали. В сорок пятом вернулся раненым, прихрамывал немного. А тут и завод ваш электромеханический начали строить, первые цеха быстро построили, года за два. Его туда и взяли мастером... по этим... по моторам, что ли. Так что я замуж за мастера вышла. Он хорошую зарплату приносил. Да и карточки к тому времени отменили. Сначала все дорого было, в магазинах-то, а потом цены начали снижать. Жить стало полегче. Да только недолго мы с ним пожили-то. Как ты родился, он сильно хворать начал. Говорил, почки на фронте застудил. Помер он, когда тебе годика три было. Ты ведь, наверное, его и не помнишь... *(вытирает глаза концом шали)*.

ДУБОВ *(встав с кресла)*. Мать, ты мне историю эту уже по десятому разу рассказываешь.

ВАРВАРА ИВАНОВНА. Ничего. Ты послушай. Я, может, ее себе рассказываю... Кто бы мог подумать, что до такого доживем? Отцы-то ваши за баб не прятались, когда на фронт уходили. Героями были. Страну отстояли...

ДУБОВ. Ох, мать, не бреди душу... Без тебя там кошки скребутся...

В комнате становится темно. Окно едва освещено. Входят Мария с Сашей. Мария зажигает свечи. Саша достает из ранца учебник, садится за стол, склоняется над книгой. Мария ставит свечу на стол перед Сашей.

МАРИЯ. Не надо сутулится, сынок. Что вам задали?

САША. Да вот, рассказ про огурцы, прочитать и пересказать.

МАРИЯ. Ну читай, читай (*трогает его лоб*). Что-то мне и твой лоб не нравится. По-моему, горячий. Или уже кажется всё...

ДУБОВ. В такую холодину только про огурцы и читать... (*Подходит к Саше, тоже трогает его лоб.*) Да нет, ничего, нормальный лоб. (*Подходит к Марии.*) У Ванечки температуру мерил?

МАРИЯ. Мерила. Тридцать восемь. Горло у него красное... Попробуй завтра с утра врача пригласить.

ДУБОВ. Попробую... Сделай нам чаю. Что-то я никак не согреюсь.

Мария выходит. Дубов вновь садится в кресло.

САША (*повернувшись к отцу*). Пап, а кто такой Чубайс?

ДУБОВ. Чубайс? Да как тебе сказать, чтоб не выругаться?.. Даже и не знаю... Враг рода человеческого, вот он кто. И не он один такой. А все из его породы...

САША. Пап, почему они людей ненавидят?

ДУБОВ (*вздыхнув*). Ох, сынок... Работа у них такая — людей ненавидеть. Большие деньги платят за эту работу. Откуда только берутся подобные уроды?

САША. Когда я вырасту, я стану главным милиционером. И посажу их в тюрьму.

ДУБОВ (*усмехнувшись*). Идея хорошая, сынок. Да, боюсь, времени не хватит дождаться. Не дадут они тебе вырасти, ублюдки. Демократия, в душу их...

Входит Мария с подносом. Ставит на стол чайник и чашки.

МАРИЯ (*разливая в чашки кипяток*). Опять ругаешься при ребенке.

ДУБОВ (*подсаживаясь к столу*). Ругайся, не ругайся, дети сами уже всё понимают. Мать, иди чай пить.

Варвара Ивановна откладывает шитье, садится к столу.

САША. Пап, а гайдар — это что такое?

ДУБОВ. Вот именно, я и сам хотел бы знать, что оно такое. И откуда это взялось на нашу голову.

МАРИЯ. Ой, сынок, не поминай их на ночь глядя.

**Все молча, не горопясь, сжимая двумя руками чашки, пьют чай.
Вдруг в комнате вспыхивает электрический свет.**

ВАРВАРА ИВАНОВНА. О, Господи... *(Ставит чашку, крестится.)*

САША. Ура! *(Берет учебник, садится на диван, читает.)*

ДУБОВ. Надолго ли?

Загорается экран телевизора. На экране какой-то пародист, кривляясь, смешит публику. Публика хохочет. Варвара Ивановна зажимает уши.

МАРИЯ *(поднося пальцы к вискам)*. Саш, выключи быстрее эту мерзость!

Саша подбегает к телевизору, выключает. Из смежной комнаты доносится детский плач.

МАРИЯ *(с досадой)*. Разбудили... Ждешь этот свет, ждешь, а он только во вред *(выходит в смежную комнату)*.

Слышится ее голос, напевающий колыбельную. Варвара Ивановна задувает свечу, стоящую на столе. Другие свечи продолжают гореть. Дубов встает из-за стола, подходит к окну, трогает батарею отопления.

ДУБОВ. Холодная, как лед. Надо бы обогреватель включить, пока свет есть.

Выходит в прихожую, возвращается с обогревателем, вставляет шнур в розетку. Варвара Ивановна наливает в чашку кипяток и вместе с чашкой пересаживается в кресло.

ВАРВАРА ИВАНОВНА. Сейчас все включат обогреватели, и свет погаснет.

ДУБОВ. Может, успеем немного воздух погреть.

ВАРВАРА ИВАНОВНА. Ты иди лучше у Ванечки погрей, там нужнее.

Дубов с обогревателем идет в смежную комнату.

САША. Баушка, а что такое бердан?

ВАРВАРА ИВАНОВНА. Какой еще бердан?

САША. Ну вот тут написано: «Сторож из бердана выстрелил вверх».

ВАРВАРА ИВАНОВНА. Так это... ружье такое.

САША. А-а...

Раздается звонок в квартиру.

ВАРВАРА ИВАНОВНА. Кого еще несет нелегкая?
Иди-ка, внучек, открой.

Саша выбегает в прихожую. Через паузу входит Роза Марковна — в шубе, сапогах и меховой шапке. Саша вновь садится на диван, читает учебник.

РОЗА МАРКОВНА. Здравствуйте. Хозяева дома?

ВАРВАРА ИВАНОВНА. Дома, не кричи. У нас маленький заболел.

Входят Дубов и Мария.

РОЗА МАРКОВНА. Добрый вечер. Поздравляю с освещением. Скоро, говорят, и тепло дадут. Юрий Иванович, наш губернатор, договорились с Анатолием Борисовичем, что больше веерных отключений в нашей области не будет, сама по радио слышала.

Мария садится на диван, прижимает к себе Сашу.

ДУБОВ. Свежо предание...

РОЗА МАРКОВНА. Вот ты всё не веришь, Егор, а президент сказал...

ДУБОВ (*стоя посреди комнаты*). Роза, ты чего прибежала-то, поболтать или дело какое у тебя? (*Садится за стол спиной к Розе Марковне.*)

РОЗА МАРКОВНА. Ой, Егор, вечно ты... Маша, я чего хотела рассказать-то. Так смешно! Включаю сейчас телевизор, а там концерт в записи показывают. Помнишь, я месяц назад в Москву ездила, заодно в Театре эстрады побывала. Я тебе не рассказывала? Ну что ты! Так было весело! Жванецкий выступал, Хазанов, Задорнов, еще была Клара Новикова — чуть не все наши звезды юмора. Я так смеялась, так смеялась, ну просто до слез. Свет-то когда дали, включаю я телевизор — а там этот концерт в записи идет. Ой, Маш, не поверишь, смотрю, а на экране-то меня крупным планом среди зрителей показывают. Да так долго! Наверно, целых полминуты.

МАРИЯ. Поздравляю. Но мы это не смотрим. Нет причин веселиться.

ВАРВАРА ИВАНОВНА. Теперь ты у нас кинозвезда. Целых полминуты страна на тебя любовалась.

ДУБОВ. На видик не записала?

РОЗА МАРКОВНА (*махнув руками*). Ой, да ну вас! Мой вот тоже говорит, что меня, не глядя на экран, по голосу узнал — я громче всех смеялась. Взял — и переключил на другой канал. А там Егор Тимурович на каком-то собрании выступает. Или съезд какой-то был, не поняла. Его что-то давно нигде не видно. Ну такой милашка, такой весь кругленький, как солнышко, и складно так говорил, певуче, интеллигентно, я прямо заслушалась. Не видели?

Дубов медленно разворачивается к Розе Марковне.

ДУБОВ. Роза Марковна, а Чубайс там, случайно, не выступал?

РОЗА МАРКОВНА. Нет, Егор Васильевич, не видела. Он такой умный, такой умный, страсть!

ДУБОВ. Он-то, может, и умный. Но ты-то — дура набитая.

МАРИЯ (*строго*). Егор!

ДУБОВ (*протянув руки в сторону Розы Марковны*). Ты чего сюда в шубе-то приперлась? Может, разденешься. Или холодно тебе? А спишь-то в чем? В горячей ванне давно мылась? Или в Москву летаешь в баню-то? К Чубайсу поближе.

МАРИЯ. Егор, прекрати.

ДУБОВ. Чего «прекрати»? Вы хотите эту дуру слушать?

РОЗА МАРКОВНА. Ох, Маш, я не обижаюсь, я знаю, твоему Егору всегда не хватало культуры.

ДУБОВ. Дуй отсюда! И чтоб больше я тебя здесь не видел и не слышал!

РОЗА МАРКОВНА (*повернувшись, чтобы уйти*). Хам!

Электрический свет гаснет.

ДУБОВ. О! Недолго музыка играла. (*С иронией.*) Позвоните Чубайсу, Роза Марковна, передайте ему большой привет.

Роза Марковна уходит.

Смотри не споткнись!

Слышится хлопок двери.

Идиотка безмозглая.

МАРИЯ. Егор, сколько раз тебя просить, не скверно-словь при ребенке.

ДУБОВ. Терпения моего не хватает.

ВАРВАРА ИВАНОВНА. Правильно он ее отшил, демократку неумытую. Скоро у ней сопли к носу примерзнут, а она всё гайдарами умиляется. Всё этих смехачей слушает. Не насмеялась в своей жизни, чучело гороховое. Прости меня, Господи.

Дубов зажигает свечу на столе.

ДУБОВ. Не пойму я наш народ. Чего ему еще надо, чтобы проснуться? Что еще с ним должны сделать, чтоб он очухался и за ум взялся?

САША. Баушка, а кто такие демократы?

ДУБОВ *(после недолгой паузы)*. Человекообразные обезьяны на двух ногах. Понятно?

САША. Понятно.

ДУБОВ. Так и запомни: человекообразные обезьяны без мозгов и без души.

Раздается звонок в квартиру.

Ну, если это опять она, я ее с лестницы спущу *(выходит в прихожую)*.

МАРИЯ. Егор! *(Быстро идет следом за ним, но тут же сталкивается с входящим в комнату Силиным, одетым по-зимнему.)* Ой!

СИЛИН. Чуть с ног не сбила.

МАРИЯ. Извини, Григорий Павлович, в этой темени только людей пугать.

Следом за Силиным входит Дубов.

СИЛИН. Чёй-то моя оглашенная от вас как ошпаренная прибежала?

ДУБОВ. Григорий, ты повлияй на свою благоверную, а то она все где-то в облаках витает. Пришла тут без всякой надобности, перья распустила, мол, по ящику ее показали — радости-то полные штаны. Гайдара она там увидела — любовь свою безответную. Ты чего ее не воспитаешь никак? Поговори с ней по-мужски, проведи политинформацию, а то от слова «Гайдар» у нее глаза маслом покрываются.

СИЛИН (*машет рукой*). А-а, бесполезно. Много раз пробовал. Как об стенку горох. Хоть кол на голове теши. Увидит какую-нибудь либеральную рожу — и от счастья рот до ушей расплывается.

ДУБОВ. Понятно. Случай тяжелый.

СИЛИН. Спичек не одолжишь? Не могу найти в темноте.

Дубов достает из кармана тулупа коробок, отдает Силину. Слышится детский плач. Мария быстро идет в смежную комнату.

ДУБОВ. Сколько у тебя на термометре?

СИЛИН. Лучше не спрашивай. Как в пещере живем. Вот так и хожу не раздеваясь. Сплю в тулупе.

ДУБОВ. Надо что-то делать. Буржуйки, что ли, ставить будем?

СИЛИН. А куда денешься? Я уже себе заказал. Штуку заплатил. Надо? Могу договориться.

ДУБОВ. Большим пожаром это все пахнет!.. Наш цех, вот, остановили. Народ озлоблен, а что делать — никто не знает. Будем подыхать поодиночке.

СИЛИН (*берет от стола стул, садится*). Это ты брось. Рано еще нам на тот свет собираться. Пожить охота. Будем думать, что делать дальше... Между прочим, мы тут открываем региональное отделение одной партии, уже сдали документы на регистрацию.

ДУБОВ. Что за партия?

СИЛИН. Приходи завтра в мою контору, поговорим. Есть толковые люди.

Входит удрученная Мария.

МАРИЯ. Горло у Ванечки совсем обложило. Тяжело дышит. Надо в больницу везти.

ДУБОВ (*после паузы*). Беда за бедой под руку ходят. Гриш, у тебя как, «Москвич» на ходу?

СИЛИН. Ходит пока.

ДУБОВ. Давай завтра с утра отвезем Ваньку в больницу?

СИЛИН. Ладно, сделаем. (*После паузы.*) Нам немного полегче. Детей-то нету (*встает, приставляет стул к столу*).

ВАРВАРА ИВАНОВНА (*засунув руки в рукава шубы*). Григорий, а ты с Розой как живешь, по-русски или по-еврейски?

МАРИЯ. Мама, что за вопросы такие?

СИЛИН (*усмехнувшись*). Варвара Ивановна, угадали, конечно, по-еврейски.

ВАРВАРА ИВАНОВНА. Тогда все ясно.

ДУБОВ. Как это?

СИЛИН. Да вот уж десятый год живем в одной квартире, едим за одним столом, а спим в разных постелях.

Саша смеется, зажав ладонью рот.

МАРИЯ (*грозя Саше пальцем*). Я тебе! Григорий Павлович, и вы туда же.

СИЛИН. Ладно, ладно, всё, ухожу. Доживем до завтра. Егор, машину начну разогревать в восемь утра.

Силин уходит. Дубов устало садится на диван.

ДУБОВ. Свечки-то надо экономить. Это уже дефицит. В магазине все расхватали.

Мария стоит посреди комнаты, закрыв лицо ладонями.

САША. Мам, не плач. Я знаю, где свечек много. В церкви.

ДУБОВ. Да, сынок, свечек там много, только они прогорают за одну минуту. (*Пауза.*) Ну что, Ванька совсем плох?

МАРИЯ (*опустив руки*). Боюсь я за него. Будем всю ночь по очереди дежурить.

ДУБОВ (*поднимаясь*). Давай, Сашок, располагайся тут.

Саша ложится в одежде. Мария приносит подушку и одеяло, подкладывает ему под голову и накрывает. Варвара Ивановна остается в кресле. Дубов задувает все свечи. На сцене и в зрительном зале воцаряется полная тьма.

2003

Отклики современников

Александр БАЙГУШЕВ

ПЕРВ ВРЕМЕНИ

Имя поэта и публициста Валерия Хатюшина давно и прочно пользуется признанием у православных патриотов. Но только в последнее десятилетие в нем самом и в отношении к нему произошел тот качественный перелом, который позволяет нам увидеть в нем уже не просто талантливого поэта, одного из элиты нашего родного русского Парнаса, а пророка в пушкинско-лермонтовском понимании этого весьма обязывающего творческого определения. Внутри него самого произошла та инкарнация, в результате которой все увидели в нем совершенно нового поэта — не то, чтобы обновившего себя, но вдруг провидчески постигшего суть времени.

Была яркая поэтическая индивидуальность, привлекавшая к себе внимание читателей и поклонников природным чувством слога, внутренней музыкальностью стиха (недаром на стихи Хатюшина написано композиторами немало песен), неповторимо русской природностью поэтического дара. Но молодого Хатюшина, было похоже, сдерживали внутренние рамки, он порой сам боялся собственной поэтической откровенности и загонял себя в самоограничительное прокрустово ложе внутреннего редактора.

Может быть, вина тут была и не столько его самого, сколько политической обстановки, жестоких цензурных обстоятельств в советское время — что греха таить! — коварно распространявшихся прежде всего на почвенные таланты. Но вряд ли все тут нужно списывать только на то противоречивое время. Есть еще и некоторая особая тайна природы творчества для поэтов тютчевского склада (а Валерий Хатюшин, несомненно, принадлежит именно к

этой русской поэтической традиции), которые раскрываются полностью уже в зрелости, прочувствовав эпоху и становясь истинными выразителями ее глобальной эзотерической сущности.

Хатюшин начинал, когда еще не отгремела популярность Евтушенко и Вознесенского, Фирсова и Исаева. Но где они теперь? Что-то еще пытаются выразить осипшими голосами, поют «душой», как певцы, потерявшие голос, но вдруг выяснилось, что души чуткой к нынешнему времени у них (как и у огромного количества их подражателей и «продолжателей») уже нет.

Считается, что во времена революций и больших переломов всегда особо расцветает поэзия. Но у нас случилось обратное. Жухлая «горбачевско-ельцинская» полуреволуция-полуконтрреволюция, оказалась настолько внутренне гнилой, что, как мух на помойке, наплодила толпы пошловатых карликов-«авангардистов» — вырождающихся жалких кривляк в шутовских масках, убогих импотентов, от природы не способных к поэтическому пророческому проникновению.

Мы уже было смирились с поэтической беспросветностью нашего времени. Говорят ведь, что есть непоэтические эпохи. Лишь в последние годы все-таки стали, как подснежники, появляться новые, вроде бы что-то обещающие поэтические имена. Но пока за ними только стихотворческое многообещание.

И тем разительнее на таком невнятно сером, печально невыразительном общем фоне отечественного Парнаса знаковое появление проникновенного «Собрания стихотворений» Валерия Хатюшина (Москва, «Российский писатель», 2003 г., 592 с.). Прекрасно изданную — в лучших традициях знаменитой большой серии «Библиотеки поэта» — эту книгу приятно уже взять в руки. А начинаешь читать и становишься сопричастником таинства становления большого поэта, одного из выразителей русского духа, по которым отсчитывает время сама наша великая история.

Уже первое, открывающее книгу, стихотворение Валерия Хатюшина «Звезды», написанное в 1964-м году во взбудораженное «оттепелью» лохматое хрущевское время (когда автору было всего-то 15 лет), поражает редкой проникновенной тютчевской интонацией и как бы возвышением над бытием, эзотерической отстраненностью *звездного* поэта.

День угрюмый угасает,
и на темно-синем небе
каждый вечер проступает
звезд живых плывущий лебедь.

Я люблюсь и мечтаю,
слушать страшно интересно,
что они, всю ночь сверкая,
шепчут мне из тьмы небесной.

Звезды грустные вздыхают,
что согреть меня не могут,
и под утро упадают
на туманную дорогу...

Все вокруг кричали, бесновались, кляли задним числом Сталина и штурмовали Политехнический музей, в котором витийствовали главные «бунтари» лживой хрущевской оттепели. А юный поэт поднялся над этой «оттепельной» грязью к звездам и с их высоты удивительно просто и музыкально поведал о том, что бесовство Политехнического исчезнет вместе с его куклами-петрушками, но звезды останутся. Те крикливые «глашатаи» кого-то «разоблачали», а он писал о природе, о грусти своей души. И, как у Тютчева (и в этом уже с первых стихов проявился удивительный талант Хатюшина!), вместе с описанием картин природы невольно рождались философские обобщения. Между строк ясно ощущался второй смысл. Стихотворный контекст выходил за рамки чистой лирики и звучал уже тогда прямым конспирологическим вызовом. Вызовом не политическим, не тривиально оппозиционным, а внутренним, наполовину бессознательным, стихийным и оттого особенно проникновенным, до глубин задевающим саму душу.

Снега, метели и туманы,
прощайте, доброго пути!
Грозой сверкая неустанно,
весна, взрывайся и свети!

Пусть нам дожди омоют лица,
цветы сомкнут свои ряды.
Как длинноносые девицы,
склонятся ивы у воды.

Вся в ожидании природа.
Казалось бы, зачем грустить?

Зима — смурное время года —
прошла, ее не воротить.

Земля весною станет краше.
Но давит сердце мне печаль.
Зима ушла из жизни нашей.
Но отчего ее мне жаль?..

(1968 г.)

Надо помнить то время, когда не только стихотворцы-прогрессисты Политехнического, но и публицисты в большинстве газет и журналов наперебой жонглировали хрущевской «оттепелью» и сталинской «зимой», чтобы осознать невольнo возникавшие тогда у читателей ассоциации и вопросы — вопросы к самим себе. Но тут — никакой политической навязчивости в стихах, никакого «кукиша в кармане», каким тогда щеголяли все, кому не лень. А просто о природе. Но о природе расширительно, в осознании вселенского масштаба. И в этом главное: звучащий в стихотворении голос наполнен, как в симфонической поэме. Как в программной музыке, когда вроде и нет прямых слов, но их и не надо. Мы и без лишних слов понимаем все и задумываемся. Надолго и как-то по особенному, не по-земному задумываемся. В этом-то и есть то сокровение, с каким приходит к читателям подлинный поэт тютчевской традиции.

Никакой аффектации, никаких лишних жестов (будто он бессознательно-нарочито противопоставлял себя поэтам-горлопанам) не было в поэзии молодого Хатюшина. Помню, как поразило, до костей пробрало, заставило передумать о многом его обращение к полузапрещенной тогда Марине Цветаевой «В Елабуге на кладбище», опубликованное в первой книжке стихов:

Вот мы и встретились, Марина,
здесь, у раздвоенной сосны,
на русском кладбище старинном
в глуши татарской стороны.

Крестов желтеющие лица
скорбят, повернутые вспять...
Здесь так легко остановиться
и так непросто устоять.

...Стою один. Смотрю печально.
Ты не меня сюда звала.

Моя дорога не случайно ль
конец твоей пересекла?..

И как ни больно расставаться,
еще мы свидимся вдали,
тогда смогу я отозваться
на голос твой из-под земли...

(1973 г.)

В поэзии молодого Хатюшина удивляет редкое для того времени его ощущение своей почвенности и, одновременно, присутствие той особенной русской ориентации на звезды, которая всегда была в крови высокой русской поэзии как золотого, так и ее серебряного века — от Федора Тютчева до Марины Цветаевой.

«Есть в стихах Валерия Хатюшина заботливая осторожность: как бы не пройти равнодушно мимо того, что ты должен обходить, укрепить и передать дальше. Ну, скажем, яблоню, поле, тропу детства, родник», — написал в предисловии к его второму сборнику стихов «Деревья собираются в дорогу» авторитетный Валентин Сорокин.

Действительно, молодой Валерий Хатюшин удивительно легко и свободно перешагнул через сугубо чувственное «нетерпение сердца» (по памятному определению Стефана Цвейга) и, брезгливо обойдя стороной трибунную «исповедальную» лирику, подошел к святой святых — русской лирической традиции и склонился перед ее бездонной тайной.

Нет, он вовсе не витал в звездах, не видя прозы и ухабов банальной современности и не чувствуя их. Напротив, в отличие от модных исповедальных поэтов, он начал познание своей России с ее глубинки. Солдатом-призывником, отправленным на его счастье служить в Сибирь, в Красноярский край, в самую столбовую, сохранившую себя в коренной традиции Русь. «Белая Россия, белая Сибирь. Белизной покрылась ветреная ширь. Санная дорога, будто в старину, серой полосой режет белизну...» В Сибири рождались прекрасные стихи: «Спят солдаты», «Хозяин тайги», «Весеннее», «На посту», «Прощание».

После «солдатчины» поэт начинает «романтическое» путешествие по дорогам России. Исповедальные поэты, вроде Евтушенко, много и барабанно-газетно писали о великих стройках коммунизма, на которые бросали доверчивую комсомольскую молодежь. Хатюшин побывал в комсомольской романтике не наездом, не в командировке от

Союза писателей, а по собственной воле, по зову души. И написал простую и горькую правду. Его стихотворение «Романтики» прозвучало тревожным диссонансом к барабанной «исповедальной» поэзии. Он никого не обличал, не разоблачал начальников, по своей нерадивости бросивших молодежь на тяжкие испытания, на выживание. Он скупой показал жизнь на «стройках века», как есть. Изнутри. Через себя самого и своих друзей. «Ну, где же та романтика из книг? Ах, вы, мечты, придуманные в школе!»

В настоящей поэзии всегда есть незримый знак, как знак Божьей пробы. Это ее *лирический герой*. В прозе можно придумать себя. В поэзии невозможна фальшь — сразу захлестнет графомания.

Лирический герой Валерия Хатюшина привлекает крепостью духа, стойкостью, выдержкой, той особенной русской устойчивостью в жизни, которая веками помогала нам сохранить себя как великий народ. Ему веришь, когда он говорит: «Став романтиком, став кочевником, пол-России исколесил, по дорогам, как по учебникам, географию изучил. Все, что выпало, — выпало правильно. Я крепился, как мог: держись! Называлась моя география очень просто и веско: жизнь».

Странствия по России составляют в итоговой книге поэзии Валерия Хатюшина целый раздел — с 1970 по 1980 годы. И это странствия не только реальные, осязаемо земные, но прежде всего духовные. «Да, все стихи писал я о себе. Не потому, что занят был собою, но потому, что с каждой строкою я приближался к родственной судьбе... Вся жизнь моя в стихах, как на ладони, вся жизнь моя, и больше ничего». Стихи «Бетон и муза» («Я вновь от пневмотряски взмок, я целый день срубаю свои, я врос в отбойный молоток...»), «Лопата» («Никакая великая стройка не могла обойтись без нее...»), «Высота», «Устаю», «Активированный день» («Вели мы теплотрассу и примерзали к ней») подкупают сочной простотой и неаффектированной обыденностью описания каждодневного рабочего подвига. А потом «Поздний час»: «С пальцев кожу сдирая, после смены опять я весь вечер стираю. Мне привычно стирать».

Следующие разделы «Собрания стихотворений» представляют нам того же поэта, но уже как бы в новом качестве, а именно — взявшего на себя пророческую ношу! Грань, когда это внутренне с ним случилось, провести трудно. Но только его лирический герой заговорил одновременно и

тем же, привычным, но более веским, гораздо большее берущим на себя, прозорливым голосом. Темы его стихов философски поднимаются, становятся эзотеричнее, потютчевски обобщеннее. Чувствуется, что он нащупал тот нерв, который связывает человека с эпохой. Как будто где-то там, на олимпийском Парнасе, русская Муза искала, кому доверить свой божественный голос, и вот ее выбор пал на рабочего поэта.

В 1982-м году Валерий Хатюшин читает на встрече с рабочими, своими читателями, стихотворение «Родина», после которого на него тут же заводится особая папка в органах и приходит донос в писательский союз — будьте к нему бдительны:

Россия, ты уходишь от меня.
Остановись!
Я больше ждать не смею!
Но с каждым днем все ближе и роднее
дом над рекой, колодец у плетня.

Что мне заменит Родину мою?
О чем сказать могу чистосердечно?
Я вижу этот дом и эту речку,
Россия, здесь тебя я узнаю.

Моя любовь давно уже не та...
Казалось мне, Россия, — ты святая.
И вдруг увидел я, что всем чужая
ты в этом мире, словно сирота.

Бесцельная, плутаешь, как во мгле.
Бурьяном заросла твоя дорога.
Россия, далеко ль уйдешь без Бога?
И есть ли путь без веры на земле?

Был «застой». Еще не было и в помине той атмосферы вседозволенности, которую мы потом назовем «гласностью перестройки». Безбожье культивировалось как особое высшее достижение советской власти. И вдруг этот, казалось тогда, поэтический вопль в административной пустыне. Не с этого ли вопля начался сегодняшний всем известный, но отнюдь не популярный и будто изгой среди сытых графоманов, Валерий Хатюшин?

Пройдет всего три года. В 1985-м к верховной власти в стране придет Меченый, и страна на десятилетия погру-

зится в болливое вязкое болото. Начнется не первый у нас в России «переходный период».

Талантливый исследователь творчества Тютчева критик Евгений Лебедев (трагически ушедший от нас) писал, что именно в переходные периоды истории, когда разрушаются старые верования, а «новые сердечные убеждения» (Боратынский) еще не успевают утвердиться, когда духовный раскол, раздвоенность человеческой природы носит почти фатальный характер, литература (а поэзия — наиболее чувствительная, наиболее раздражительная ее ткань) устремляет свои нравственные силы на то, чтобы «изведать, испытать» «всего человека», постичь его душевную смуту, охватить и выразить его роковое отчуждение от прежних идеалов и мучительную удаленность от новых. Но как раз в такой атмосфере и проявляется настоящий Поэт. И тут требуется прежде всего нравственная сила художника. Профессиональное мастерство может еще его выручить, когда жизнь облечена в строгие политические, религиозные и другие формы законности, когда личность занимает устойчиво определенное положение в обществе. Но когда писатель вынужден отражать еще не оформившееся содержание в неизмеримом многообразии новых вопросов, выброшенных в результате переворота на поверхность, тогда профессионализм пасует: необходима моральная смелость не отступить от своего предназначения.

На лбу с отметиной кровавой,
захваченный всемирной славой,
он строит «европейский дом».
И превратив страну в Содом, —
ее залил речей отравой.

Три кресла подминает задом,
народным управляя стадом
в угоду мировым дельцам
и нашим «левым» подлецам,
пропахшим сатанинским смрадом.

...Идет буржуй походкой бравой,
доволен рыночной расправой
над обворованной страной...
Смеется за его спиной
последний Михаил Кровавый.

(1990 г.)

Вот здесь и сказалась та великая жизненная закалка, через которую прошел рабочий поэт Валерий Хатюшин. Собратья по перу дрогнули, как-то внутренне расклеились, студнем расползлись. Где они, когда-то гремевшие? Растерялись. Творчески погибли. Осипли, превратились в карикатуру на самих себя Евтушенко и Вознесенский. Ушли из жизни, не выдержав перемен, наиболее достойные: Владимир Цыбин и Валентин Сидоров — отказало сердце. Из поэтов старшего поколения только, может быть, Валентин Сорокин выдержал удар, не растерялся, остался личностью в своем творчестве. Однако и патриоты, и либералы в современной литературе одинаково оттеснены блудливыми пересмешниками «приговыми», пытающимися поймать рыбку в мутной воде. Но мы-то знаем, что от ерничества подобных остаются только мыльные пузыри.

Лирический герой Валерия Хатюшина встретил кромешный блуд разрушения Великой Державы с внутренним достоинством, без паники, без суеты. С осознанием наказания Божьего. Его оценки действительности трезвы и трагичны.

Они и мы — это не только у Пушкина, эта поэтическая антитеза в высокой русской поэзии постоянная величина. Она и у Тютчева и у Блока. При этом не надо ее даже вульгаризировать, опуская до примитивной конкретизации какого-то племени или класса, даже до обобщенных *Запада* и *Востока*. Они меняют свое обличье, свои земные клички и имена, оставаясь дьявольским воплощением. И мы с ними никогда не пойдем друг друга. Мы — метафизическая православная общность со своим особым менталитетом и верой в свою особую близость к Богу. Мы — второй избранный народ, ибо первый не выдержал испытания. Высокая русская поэзия всегда глубоко задумывалась над этим вопросом и именно из него производила расчет наших национальных ценностей.

Они ненавидят Россию
за горы, поля и леса,
за реки ее голубые,
за травы и небеса.

...Жестокости *их* не убудет:
хоть трижды распнут, но опять,
покуда себя не забудет,
всё будут ее распинать.

(1968 г.)

Эсхатологически воспринимает лирической герой Валерия Хатюшина и октябрь 1993 года. Он смотрит на те события не со стороны, а как их живой участник, и кровь русских жертв до ужаса зримо проступает на страницах поэтического сборника, посвященных этому расстрельному рубежу — роковому для России в своей трагической развязке и до сих пор не определившему будущей судьбы русского народа.

Исподлобья взгляд несмелый,
свечи и цветы кругом...
Дом Советов, белый-белый,
разбомбленный черный дом.
Демократы, автоматы,
сумасшедший белый свет,
в касках русские солдаты,
пуль свистящих красный след...

...Стадиона трупный запах,
белый дом как черный дым...

Больше всего потрясло поэта, что русские солдаты стреляли в русских, как в проклятую братоубийственную Гражданскую войну. Только на этот раз действительность была еще страшнее, еще отвратительно inferнальней, потому что не было у расстрельщиков даже «подброшенной», пусть и лживой идеи, а только — иудины серебряники. Поэт рассказывает, что 13 ноября 1993 года над Красной Пресней многие люди были свидетелями видения в небесах образа Пресвятой Богородицы:

Стояли с непокрытой головой
под высотой небесного знаменья...
Ребят погибших день сороковой
совпал с моим печальным днем рожденья.

Сгоревший Дом — как траурная тень...
Он был ушедшим им уже не виден...
На Красной Пресне в этот скорбный день
со всеми плакал я на панихиде.

Их назывались Богу имена,
и хор церковный повторял молитву.
Я знал: на небесах идет война,
и вслед за ними — мы пойдем на битву...

...Они стояли здесь тринадцать дней,
и вот — ушли, оплаканные нами,
расстрелянные армией своей
за то, что не желали жить рабами.

Нас ждет тоска немереных дорог,
нас в прах испепелят иные грозы...
Вчера закон был с нами, нынче — Бог.
И в этот день Он видел наши слезы...

Стихи последних лет (после рокового октября 1993-го) слагаются в «Собрании стихотворений» Валерия Хатюшина в лирический реквием, скорбный и грозный, распахнутый навстречу России, которая умерла, чтобы — он верит! — вернуться в мир в новой силе. Мощно и плавно течение реквиема. Как ручейки, поддерживающие течение Реки, вливаются в него лирические струи. Через всю книгу проходит у Валерия Хатюшина любовная лирика (какой же поэт без нее?!). Но здесь любовные стихи становятся насыщеннее, пронзительнее. Особенно трогательны стихи, посвященные дочери. И, конечно, как у Тютчева, продолжает говорить на вселенском языке русская природа.

Последний снегопад дорогу заметает,
засыпаны по грудь колючие кусты,
снег мартовский скрипит и все еще не тает,
а белые поля — безмолвны и пусты.

Или:

Вечерний свет объял небесный запад,
как бы застыл малиновый закат,
в полях витает трав дурманский запах,
и тихо так, что листья не дрожат.

Что там за нашим русским горизонтом? Поэт, даже самый прекрасный, даже самый почвенно русский, — не всезнающий Бог. Он только пророк, только человек, пришедший к нам вестником Бога, только лучшее воплощение наших собственных смятений и чаяний, переживаний и грез. Лирический герой Валерия Хатюшина не скрывает, что он на распутье.

Научили нас громко смеяться
над судьбой незлобивой своей,
мы готовы уже отказаться
от печали бескрайних полей.

Вот и звуки, что были родными,
заглушил иностранный напев.
Очень скоро мы станем другими,
всё, что пели когда-то, презрев.

...Но придет ясноглазый Мессия,
Он укажет, как молния, путь,
и у спящей царевны — России
встрепенется остывшая грудь.

И сотрутся названья иные,
и воспрянет в сиянье берез
вся земля под названьем Россия,
а над ней — Царь Небесный Христос.

(1998 г.)

Когда это случится? Когда вернется почва, ушедшая из-под наших ног? Что нужно, чтобы в народе проснулось национальное самосознание и мы снова нашли свое место под Богом? Поэт не дает нам ключа к сокровенной тайне, не называет заветных сроков. Но он, остро чувствуя нерв времени, неліцеприятно задает себе и нам роковые вопросы.

«Российский писатель». 2004. №7

Владимир СМЫК

НА ПЕРЕЛОМЕ

(О гражданской лирике Валерия Хатюшина)

*Чем весенние ночи темнее,
тем пронзительней песнь соловья.*

Только ранимое лирическое сердце способно так себя выразить. Точность образа не может оставить равнодушным, приковывает внимание, заставляет прислушаться к интонации. В этих строках открытость, беззащитность души и одинокое мужество. Валерий Хатюшин — проникновенный лирик, но бьет час, и его нежная муза надевает боевые доспехи и идет на бой, понимая, впрочем, что едва ли этот бой сможет выиграть — опустившаяся на Родину ночь слишком темна.

Гражданская поэзия обычно уповает на то, что ее слово вызовет массовый отклик, даст обильные всходы в человеческих душах. Но драма современной гражданской поэзии заключается в том, что к ней есть симпатии, пусть даже и достаточно широкие, а вот твердой социальной опоры у нее нет. Ищет опору поэт — к кому прислониться? Может, к лимоновцам или баркашовцам, как Марина Струкова? Но мировоззренческая узость, недостаточность духовной основы маргинальных групп не могут долго питать поэта.

Во времена Некрасова гражданское чувство было массовым: поэт ты или не поэт, но — гражданин. Его призыв «Иди и гибни безусловно» стучался в сердца, и они отворялись. А теперь, когда «Русский поезд свалили с колес Под всемирные аплодисменты», причем свалили сами: «Разобрали стальные пути, Чтобы сдать по цене металлома», — на кого уповать поэту? Только на героя:

Когда страну предал народ,
лишь у героев есть спасенье...

В этом смысле книга гражданской лирики Валерия Хатюшина «На переломе», вышедшая в 2011 году в издательстве «Голос-Пресс», — героическая. Она выражает пафос жертвенной и почти безнадежной борьбы за Россию тех, кто во весь рост поднялся на битву за честь страны. В книге представлены стихи, написанные автором за последнюю четверть века.

Валерий Хатюшин — человек, можно сказать, бывалый. Служил в ракетных войсках на Востоке, на Севере прокладывал газовую магистраль, строил КамАЗ.

Я видел всё: и Север, и Сибирь,
и южный край, и западное море,
я испытал стремительную ширь,
я погулял в Союзе на просторе.

Поэтому его чувство Родины, любовь к ней не умозрительна — выстрадана жизненным опытом:

Я научился Родину любить,
я знал тоску солдатских серых будней...
Возможно ль мне все это позабыть?

Где сегодня та страна, которая олицетворяла для поэта Отчизну? Перестройка только еще начиналась, многие

пребывали в эйфории от горбачевской свободы и гласности, а Валерий Хатюшин в 1987 году под блоковским эпиграфом «Мы дети страшных лет России» пишет:

Две мировых — отцов скосили.
А третья — захлестнула нас...

За два с половиной десятилетия, прошедших с тех пор, эта война не прекращалась ни на минуту, принимая всё более масштабные и жестокие формы. В 1992 году вышла первая книга гражданской лирики Валерия Хатюшина «Русская кровь», по сути дела, начавшая серию книг «Поэзия русского сопротивления». И с тех пор его лира тревожно отзывается на звуки войны. Иногда она звучит с интонациями Твардовского. Как будто Василий Теркин пришел на эту третью мировую защищать от врага Дом Советов и вдруг увидел, что враг-то уже — другой:

Что ж вы, гады, в самом деле:
разрывными — по своим...

Что будешь делать, когда кому-то враг милее соотечественника? «Наше горе — от мира с врагами», — утверждает поэт. «Философия» эпохи застоя: «лишь бы не было войны» породила ту соглашательскую обывательскую психологию, которая позволила властям «новой России» нас «сравить друг с другом, как с волками» и без боя сдать страну. Валерий Хатюшин близок даже к тому, чтобы считать нашей национальной чертой неприязнь друг к другу:

У русских есть любимая работа:
уничтожение своих.

Многое надо пережить, испытать на своей, как говорится, шкуре, чтобы прийти к такому горькому выводу. И, возможно, от «любви» к такой «работе» идут и наша русская доверчивость, и чрезмерная тяга к иностранщине, и легкое, торопливое забвение национального, русского:

Мы поверили смрадным сиренам
и глазам кровожадных лисиц,
мы привыкли к великим изменам,
к лживой жвачке газетных страниц.

Научили нас громко смеяться
над судьбой незлобивой своей,
мы готовы уже отказаться
от печали бескрайних полей.

Но так ли всё безнадежно и, если не так, в чем черпать опору русскому человеку, что поможет нам выстоять в беспросветную ночь, не дать исчезнуть с земли? Автор видит союзника в нашем солнце и наших реках, шумящих берегах и грозных дождях, в родной умной природе. Он всматривается в отчую землю, вслушивается в ее живые звуки:

Нет, никакая в мире нечисть
из нас не вытравит людей,
пока звенит в траве кузнечик
и душу лечит соловей.

Другой союзник поэта — наша история. Автор, на первый взгляд, неожиданно соединяет в один строй Пугачева и Суворова, Жукова и Разина, Сталина и Преподобного Сергия — бунтарей, революционеров, слуг царя и Божьих угодников. Но Валерий Хатюшин — поэт сопротивления. Массовая покорность ему претит.

...Прозвенят часы, и к нам сойдут
с пьедестала Минин и Пожарский.

...На Руси не будет больше смут.
Враг познает грозную науку.
Крепко Сталин с Мининым сожмут
каждому из нас плечо и руку.

И третье упование русского поэта — Божественный Промысел, вера в чудо, которое сотворит животворящий Господь:

Но придет ясноглазый Мессия,
Он укажет, как молния, путь,
и у спящей царевны России
встрепенется остывшая грудь.

Здесь не мечтательство, как может иным показаться. Это, скажем еще раз, **вера**, за которой стоит трудный жизненный опыт Валерия Хатюшина, **его** путь — нелегкий, но прямой. Ведь по выстраданному признанию поэта «*Чем на свете живется труднее, Тем доступнее смысл бытия*». Поверим и мы вслед за автором:

И сотрутся названья иные,
и воспрянет в сиянье берез
вся земля под названьем Россия,
анад ней — Царь Небесный Христос.

Автор имеет право на это поэтическое кредо. Бог есть Любовь. Гражданская лирика Валерия Хатюшина рождена любовью к России: гордостью за бывшее величие, скорбью за ее падение и нынешнее униженное состояние:

Да, без любви любое дело — тщетно,
слова мертвы, молитва безответна,
каких святых на помощь ни зови.
Гражданственность исходит из любви.

Слова книги «На переломе» полны любви и потому не мертвы. И падают они не на каменистую почву, не в тернии при дороге. Свидетельство тому — овации, которыми награждают слушатели автора этих стихов на русских концертах и вечерах. Есть основания надеяться, что и в мире горнем они не останутся безответны.

«Молодая гвардия». 2012. №3

*Эдуард СКОБЕЛЕВ,
Владимир ЮДИН*

ОПАСНЫЙ РАЗГОВОР О СУДЬБЕ ПОЭТА В РОССИИ

Владимир Юдин. Я выбрал вас, Эдуард Мартинович, чтобы начать разговор о проблеме, которая волнует меня как ученого-филолога и как литературного критика, — разговор о душевном состоянии русского поэта в нынешней России и о том, как это состояние сочетается с его гражданской позицией и лирической основой творчества. Теперь, на переломе страны, когда нравственная платфор-

Эдуард Скобелев — писатель, Заслуженный деятель культуры Республики Беларусь.

Владимир Юдин — доктор филологических наук, профессор Тверского университета.

ма современного российского общества подорвана, если не сказать — разрушена, необходимо понять: на чем держится и чем подпитывается гражданское поэтическое чувство, способное преодолевать поток поощряемой властью продажности и навал агрессивно внедряемого телевизионного бесстыдства?

Поэзия красноречивее и доказательнее всего показывает духовную сущность любой литературы, а уж русской — в первую очередь. И мне хотелось бы вместе с вами пристальнее приглядеться к одному из наиболее ярких поэтических дарований нашего времени — Валерию Хатюшину. Я совершенно уверен: чутко, вдумчиво, даже пристрасно, по самым высоким критериям рассматривая его творчество, мы тем самым скажем и о других русских талантливых авторах, которые в нынешних, прямо скажем, убийственных для литературы условиях не дрогнули, не отступили и каждодневно сражаются за русскую правду. Она близка и понятна каждому русскому человеку, равнодушному к своей Родине и своему народу. Но сегодня эти авторы намеренно и подло выталкиваются на поле всевозможной конфронтации. Давайте попытаемся с точки зрения нравственного потенциала и художественной правды проанализировать поэтическую работу Валерия Хатюшина. Вы писатель с огромным опытом, вам и первое слово.

Эдуард Скобелев. Прежде всего хочу искренне поблагодарить вас за открытие для меня этого замечательного поэта. Прочтя его книги, я увидел очень высокий потенциал таланта и понял, что в трудах и бореньях он выковал свой характер, свою волю и смелость, а его драматическая жизнь сформировала в нем и нравственность, и мастерство, и широту гражданских воззрений. Да-да, именно жизнь со всеми ее бедами, болями и радостями сделала его гражданином. Это поэт сугубо русский, сложный для перевода, но близкий и понятный всем, чья судьба озарена светом классической русской культуры. В нем нет ни истерики, ни позы, в нем ощущается эпическое начало огромной мощи. В 1987 году, еще при живом СССР, Валерий Хатюшин писал:

Но что осталось от России?..
Прозренья грозный пробил час!
Две мировых — отцов скосили,
а третья — захлестнула нас...

И тогда же он выразил свое жизненное и творческое кредо:

Поэт во все века — невольник чести,
за честь земли своей идет на смерть.

Вот нравственная платформа его гражданской музыки.
Музы пассионария альтруистского типа.

В.Юдин. Пассионарий в поэзии — интересный подход.

Э.Скобелев. Я много думал об этом и готов объяснить.

Поэты, как правило, — пассионарии. Но в большинстве случаев это эгоисты, себешники, доискивающиеся известности и «материальных компенсаций». Причем пассионарность эгоиста нередко упаковывается в яркие обертки «революционности», «новаторства» и кажущейся «гражданственности». Евтушенко и Вознесенский в свои «громкие» годы как раз были такими пассионариями. Это актеры, эстрадники, демагоги.

Иное дело — пассионарий-альтруист. Он всю свою судьбу ставит на кон ради правды, народа и Родины, которые являются для него главной творческой целью. Запугать такого человека невозможно: он служит высшему началу. Служит всем, в том числе и своим врагам, получающим в его лице последнее свое зеркало, которое не замутит даже дыхание дьявола. И он имеет полное право сказать:

...Дорогой своей одинокой
и дальше по свету пойду,
в российской печали глубокой,
быть может, не пропаду.
Судьбу разделю равноправно
с бедой и тоской пополам.
Да только ни Бога, ни правды
на торжище лжи не отдам.

(Март 2007 г.)

В.Юдин. А Пушкин? А Шекспир?

Э.Скобелев. Пассионарность с любым знаком не исключает индивидуальной судьбы. Не сомневаюсь, и Шекспир, и Пушкин были яркими пассионариями-альтруистами. Хотя их судьбы сложились по-разному. Шекспир в конце концов отошел от творчества по сугубо личным причинам, посчитав свою миссию исполненной. И он, действительно, ее исполнил. Трудно сказать, каким был бы Александр Сергеевич к 60 или 70 годам. Но в свои тридцать семь он воспринял вызов чести как вызов Поэзии, которую представлял. Нисколько не сомневаюсь, что он знал

себе подлинную цену, как ее знали и отдельные современники, включая российского императора.

Пассионарий-альтруист с чрезвычайно тонким аппаратом нравственного чувства всегда производит на людей особое впечатление. Это психологический закон. Пушкин был пророком.

Признаюсь, мои знания о творчестве Хатюшина были до недавнего времени очень скудны. И в этом не только наша проблема, но и наша беда. Беда всей моей и нашей общей жизни. Когда-то я активно сотрудничал с журналом «Молодая гвардия», но очередной государственный переворот разрушил многие прежние связи.

Захватившая власть кучка, опиравшаяся на огромное подполье в СССР и мощные силы поддержки за рубежом, панически боялась, что народ эту власть тут же у нее и отнимет, что, скорее всего, и случилось бы, если бы народ не был убаюкан пренаглейшей ложью, от которой на то время уже отвыкли простые советские люди. Ведь столько обещали! И большинство тех, кто развесил уши, уже в могилах. Защищая антиконституционную власть, истеричные персонажи шли на любое зверство, любой подлог. Конечно, я вел свою оборонительную борьбу, но здесь, в Белоруссии, связь с Россией была нарушена.

В.Юдин. Да, такова действительность. Противостоять агрессивным атакам «либеральных» отморожков решаются далеко не все пассионарии, хорошо сознавая, какие ярлыки нацепят на них «граждане мира», связанные между собой по обе стороны океанов.

Э.Скобелев. Когда мы говорим о мировой литературе такого уровня, как Шекспир, Бальзак, Достоевский, Тургенев, Лев Толстой, Акутогава, ничего нового, кроме химерических бредней, от мелких эпигонов и перелицовщиков чужого мы и не можем услышать. Тем более, если речь идет о русской литературе, в том числе сегодняшней. Мы не слышим ни единой достойной упоминания мысли. Нравственный водораздел препятствует слиянию мыслей Леонова, Куняева, Белова, Распутина, Солоухина или Проханова с развлекательным косноязычием т.н. «мастеров разговорного жанра».

Не сомневаюсь, что творчество Валерия Хатюшина вы знаете лучше меня. В том числе потому, что время от времени встречаетесь с поэтом, говорите с ним, слышите его мнения, видите детали его отношений с другими людьми.

Меня, конечно, потрясло его «Собрание стихотворений», изданное «Российским писателем» в 2003 году, но масштаб мастера стал мне предельно ясен после ознакомления с книгой гражданской лирики «Русская кровь» (2007 год). Смешно и оскорбительно, когда наши недруги, давние идеологические мошенники и мистификаторы, пытаются бросить тень на благородство и нравственную оправданность его позиции, — она всецело продиктована естественным правом человека на заботу и волнение о своей Родине, это право превышает всех юридических ухищрений странствующих политиканов. Валерий Хатюшин утверждает в этой книге: «Гражданственность исходит из любви» и повторяет эту мысль неоднократно. Книга гражданской лирики обжигает искренней болью. Поэт для нас дорог не только тем, что воспроизводит основные вехи событий так называемой «перестройки», этой лицемерной, коварной и удавшейся попытки втихаря, как бы даже добровольно втянуть наш народ в состояние хаоса и отказа от основных скреп существовавшего социально-политического порядка, но тем, что в течение всех последних лет шаг за шагом овладевает все более полной правдой о совершённом против нас преступлении.

Конечно, общение с выдающимися деятелями русской культуры, в том числе с блистательным составом редколлегии и авторов «Молодой гвардии» 80—90-х годов, содействовало стремительному росту философского и политического кругозора Валерия Хатюшина, но основную науку он извлекал, безусловно, из недр народной жизни.

С волнением воспринимается его бесстрашие в полемике с вероломным «авангардом», вчера еще восторженно блявшим марксистско-ленинские куплеты, а сегодня с остервенением топчущим народные права, предательски захватившим все ключи экономической, политической и финансовой власти.

Не лишенный наивности от своего великодушия, как и все русские люди, Хатюшин грозит Высшим Судом, но постепенно приходит к осознанию реальностей, определяющих сегодняшний день России:

Куда идем? — никто из нас не скажет,
Лишь взгляд угрюмо отведем в ответ.
И всё мы ждем, что кто-то путь укажет,
куда пути нам не было и нет.

Это не просто критика тупиковых представлений, паразитирующих на народных идеалах. Я здесь улавливаю великую боль за потерю времени, тогда как практически поднимался уже вопрос о существенных переменах в идеологии, — они были начаты в последней сталинской работе о проблемах социализма. Это был вопрос о тупиковом, в сущности, историческом пути, то есть вопрос о тайной стратегии, основанной на паразитарности сил, блокирующих национальное развитие, чтобы сохранить свою гегемонию.

Приглядитесь к действиям Запада против СССР на значительном для наглядности отрезке времени, и вы увидите, что **тайное стремление навязать тупиковые пути развития как в целом, так и по отдельным направлениям было и остается контрапунктом всех его геополитических устремлений.**

Тут некоторые демагоги могут воскликнуть: «Да ведь только благодаря коллективизации и индустриализации мы сумели выстоять в борьбе с гитлеровской Германией!» Но речь идет совершенно о другом. После 1917 года ни Троцкий, ни Ленин, ни его партия не собирались осчастливить российские народы справедливостью, свободой и достатком.

Теперь нам внушают, будто бы «неудавшийся эксперимент» приостановил прогресс человечества. Однако на самом деле это мы, русские, потеряли более 300 лет исторического времени с сотнями миллионов жизней, среди которых непременно были честные и благородные мыслители, способные «указать путь», и не только нам.

В.Юдин. Ваши слова доказывают как раз то, о чем я не раз писал в прежних статьях: Валерий Хатюшин ставит в своих жанрово разнообразных работах важнейшие вопросы национальной русской истории. Но поэт их ставит, естественно, иначе, чем какой-нибудь вшивенький ум, именующий себя «историком», «аналитиком» или «идеологом».

С конца 80-х годов в СССР развернулась, а ныне происходит и в России своеобразная духовная гражданская война, которая могла бы, конечно, перерасти в кровавую схватку, но по ряду причин этого не произошло.

Духовная гражданская война, конечно же, сопряжена со всеми своими атрибутами: вероломством, подлостью, изменами, трусостью, доблестью, рейдами по тылам противника, провокаторами и т.п.

Э.Скобелев. Гражданская война, даже и духовная, — это размежевание, это беспощадные оценки, и все это ярко выражено у Хатюшина.

Прочитую две последние строфы стихотворения «Жестокость», написанного в июле 1989 года:

Нет ничего больнее козней брата,
ведь он тебе от Бога — кровный брат.
Забыли мы: за все грядет расплата,
любой наш грех, содеянный когда-то,
как бумеранг, воротится назад.

Да, гениальны мы и терпеливы,
добры к евреям, немцам и другим...
Но как бездарно, подло и трусливо
жестоки и безжалостны к своим!

Поэт пытается выяснить, в чем причина этой несусветной дури, когда великий и могучий народ допускает поправки своих святынь. И, в общем, правильно обнажает суть:

Что ни идея — то разруха,
и что ни мысль — то стыд и срам.
И смерть — злорадная старуха
с эстрады подвывает нам.
Разъединить нас всех сумели,
куда б ни шли — идем мы врозь,
уже и дышим еле-еле,
но для петли — вбиваем гвоздь...

(«Бесовщина», февраль 1991 г.)

Бросая обвинение в неоправданной доверчивости, проявленной по отношению к расчетливым противникам, поэт, конечно, не останавливается на этом. Истинно большой поэт, Валерий Хатюшин, преодолевает собственные оценки, укрупняя правду, бичуя трусость, зовя к сопротивлению, неприятию лжи и моральных издевательств. Ему давно было ясно, **чью** волю нам навязывали под прикрытием всех идеологических установок.

В августе 1991 года Хатюшин пишет пронзительное:

Народ бессмысленно и жалко
молчит трусливо, как всегда.
Надежды тают в общей свалке,
всех держит за руку Нужда.

Идут навстречу Смерть и Голод,
а позади — кромешный дым.
На сердце — мрак, тоска и холод,
последний свет в глазах — размолот,
язык — он будет вновь немым...

А в феврале 1997 года, бросая ретроспективный взгляд,
с горечью заключает:

Как много тех, кто уповал
лишь на молитву...
Нет никого, кто бы призвал
народ на битву.

Но этот вывод ничуть не толкает его к отчаянию. Вслед за этим он требует от русских людей отказаться от всех упований и надежд на авось и положиться только на себя, уверенный, что у народа достанет сил покончить с периодом анонимности, насилия и мрака.

Мы готовим великий восход,
наше солнце без нас не взойдет.

(Август 2001 г.)

Уверен, эта глубокая поэтическая мысль может увенчать весь наш разговор, если мы проведем его на том же уровне гражданской ответственности.

Кстати сказать, я все еще держу в памяти вашу замечательную беседу с Валерием Хатюшиным «Свет истины в борьбе за Россию». Она напечатана в «Молодой гвардии» и в вашей книге «Родина — всему начало».

В.Юдин. Эта беседа и мне врезалась в память. Знаете, вот в таком раскованном формате особенно ясно видишь масштаб человека. Валерий Хатюшин не просто талантливый и смелый поэт, это мыслитель национального масштаба. Помню, как он метко и точно назвал «демократию» всего мира — финансовым фашизмом.

Э.Скобелев. Беседа была, действительно, очень актуальной. Вы останавливались и на национальном вопросе в России, говорили и о русской душе, и о поэтах Белой гвардии, которые с искренней болью писали о русской земле. Но ведь и Хатюшин — лирик такого же протестующего типа. Скажу больше: Валерий Хатюшин представляется мне такой же крупной, цельной и душевно трагической фигу-

рой, как Сергей Есенин. Конечно, разные эпохи, разные напевы, но уровень творческого постижения российской действительности и внутренняя гармония, музыкальность стиха — одни и те же.

В.Юдин. Из ваших уст я это доверчиво принимаю, потому что вы и критик и поэт давно устоявшийся и никогда не опускавший планку требовательности.

У нас, в России, зашикано, заплевано **признательное** отношение, особенно когда это касается сугубо русского таланта, к тому же деятельного и развивающегося. Это вопрос не простой, здесь действует агрессивная и наглая русофобия, а также и наша природная скромность или всеядность. Не мы, не русские критики — создатели «обойм». Но, к счастью, все эти «обоймы» давно позеленели и покрылись ржавчиной незначительности, претенциозности, эстрадного балагана. А вообще-то я подхватываю вашу мысль: сегодня в России есть немало русских писателей, которые, не имея шансов прорваться сквозь междусобойный заслон электронных СМИ, постоянно на нас рычащий, могут претендовать на всенародную любовь за свое мастерство, свою стойкость и подвижничество. Это богатыри **подлинного** искусства. Валерий Хатюшин, согласен, — в их числе. Но эта мысль утвердится, вероятно, не завтра.

Э.Скобелев. Причины понятны. И есть здесь один аспект, который мы часто упускаем.

В.Юдин. Какой же?

Э.Скобелев. Я десятки лет изучал идеологию как феномен исторической культуры. Меня интересовало, как все же рождается и крепнет живая патриотическая душа. Существовавший советский железобетон меня не устраивал, потому что я видел, что всех склоняют к промывке мозгов по комиссарским шаблонам, и в результате вырастает бесцветный и трусливый «интернационалист» или наглый и скрытный прихлебатель. А душа, готовая бескорыстно служить народу и Отечеству, зарождается по каким-то иным «технологиям». И тут важнее всего начальные импульсы.

Я анализировал сотни конкретных судеб, и только теперь, на закате жизни, понял, что плыл, как и другие, в потоках одури, не понимая глубоко тайных целей наших оппонентов.

Оккультист заведет лживую песню о «четырех поколениях», отторгающих правду отцов, ловкие точильщики человеческих душ пустят еще какую-либо заблуждающую

чушь. Но правда, к которой я пришел, состоит в том, что нарождающейся в душе личности необходим яркий, убедительный пример отваги, бескорыстия и народного признания.

В первую очередь, всё это воспитывает семья — мудрый дед, сильный и авторитетный отец, добрая и заботливая мать. Затем — героические предки, а также народные сказки, детские книжки неоспоримых авторов — Пушкина, Жуковского, а также зарубежных классиков, гуманные кинофильмы «золотого советского века», первые учителя с их волшебным авторитетом...

Но вспомните, как всё это упорно выпалывалось! Тихо, почти неприметно, с «научными» выкладками и «обоснованиями» специалистов, «детских психологов» и т.п. Мы не застали начало процесса, но мы застали время, когда русская семья, искореженная шовинизмом властимущих, репрессиями, нищетой, войнами и потерями иного рода, влачила уже жалкую долю. На первом съезде Союза советских писателей до 80% состава, а может, и больше, были люди, никак не связанные с русским национальным сознанием или даже враждебные ему. Вот они прежде всего и бросились «переделывать» русскую душу, разумеется, всем скопом вознамерившись заместить русскую классику своими хилыми, пошлыми, а подчас и сумасбродными поделками.

Вот так и получилось, что предперестроечное поколение гораздо лучше знало развеселого паразита-проходимца Остапа Бендера, чем величественную, но угрюмую душу рыцаря-патриота Тараса Бульбы, рефлектирующих на западный мусор мальчиков с Арбата, чем неукратимого и цельного, но обреченного и обманутого пропагандой мечтателя Павку Корчагина, галерею смрадных антисоветчиков-зэков Солженицына, чем светлых и гордых героев Шолохова.

А Главлит как уникальная система политической цензуры **скрытно и очень эффективно** противодействовал появлению новых Гоголей, Островских и Шолоховых. Это было одно из негласных звеньев духовного оскотления русского народа, его унижения, оскорбления и выведения за скобки влияния на судьбу созданного им государства.

В.Юдин. Ваши слова впечатляют. О таком ракурсе проблемы я слышу в первый раз и не готов здесь полемизировать с ходу. Действительно, многое было скрыто от народа и вершилось втайне.

Э.Скобелев. И потому я настаиваю на самой высокой оценке творчества Валерия Хатюшина. В лагере приверженцев обвесов и обмеров, попсы и убогих, пошлых поделок нет таких фигур ни по мастерству поэтического письма, ни по высочайшему уровню духовности и ответственности за историческую судьбу русского, российских и других народов мира. Неслучайно он проявил себя и как замечательный переводчик поэзии с европейских языков и народов СССР.

Каждый серьезный прозаик и поэт должен быть прочитан теми поколениями, среди которых он живет. Система ухищрений, скрывающая яркого художника от своих современников и отбрасывающая его в иную эпоху, — это тот же злодейский вариант этнического геноцида.

Посмотрите, последние книги Валерия Хатюшина выпущены тиражом 500 экземпляров. Это говорит обо всем. Великая Россия не может сегодня услышать голоса своих пророков!

В.Юдин. В таком положении теперь практически все прозаики, поэты и критики патриотического направления. Их делают ненужными, их практически затаптывают. Рыночная среда убийственна для высокой русской литературы. Еще три-четыре поколения, и дикость возобладает.

Э.Скобелев. Мы должны, обязаны сопротивляться, категорически не признавая нэпмановского околотурного жулья. И спорить с ним не надо, надо с презрением отшвырнуть его в сторону.

В.Юдин. Масштаб поэта определяют критики, но доказывает этот масштаб жизнь народа, роль творчества в национальной жизни. Но, конечно же, наши критики должны быть более мобильными, более ответственными и более смелыми, когда на наших глазах происходит трагическое разъединение поэта с многомиллионной аудиторией.

У меня свое прочтение Валерия Хатюшина. Но я невольник своей профессии с ее условностями и дефинициями. А вот ваше прочтение мне очень интересно, поскольку оно свидетельствует и о ваших устремлениях как прозаика и поэта, тем более что у вас свой путь движения к истине.

Э.Скобелев. Да, любое свое утверждение я готов доказывать. Но только тем, кто способен воспринимать доказательства, кто не сгнил и не отрухлявел от ядовитой химеры собственной «уникальности».

Истинный талант быстро взрослеет. И его судьба всегда содействует вызреванию личности. Какой бы ни была

судьба. Я хорошо чувствую и цельность, и значение Валерия Хатюшина для судеб русского общества. Во-первых, он обладает совершенным музыкальным и, что не менее важно, нравственным слухом. При всем том в нем нет вычурности, театрального академизма. Во-вторых, он несет в себе классическую русскую традицию. Он разносторонен, философичен, виртуозно владеет русским словом, его чувства возвышенны и совершенны. В-третьих, как всякая героическая фигура, он сам взвалил на свои плечи крест ответственности перед страной и народом. Нигде не сдрейфил, не поддался даже временно наскокам недругов. И без ослепляющей мстительности и унижающей злобы — полемизирует со своими оппонентами. И правда на его стороне. В нем явственно прослеживается мощное есенинское начало, которое я назвал бы народностью, привязанностью к земле, к природе, к условиям национального бытия.

В.Юдин. Вы сказали о тех чертах, свойствах, приметах поэзии Хатюшина, которые поднимают его на высшую планку творчества. Это все так, но мне этого мало.

Э.Скобелев. Это понятно. Вы стремитесь к абсолюту. Это и достоинство и слабость всех настоящих профессоров: желать полной истины, зная, что она неисчерпаема и задыхается под грудами конкретики. Но я иду вам навстречу.

В ранних стихах Хатюшин повторяет традиционные сюжеты. Это разбег перед прыжком. Но потом вы уже не можете отделаться от чувства, что его творчество — оригинально и значительно. Вот для примера его строки, которым суждено стать частью хрестоматийной русской поэзии:

Три главных печали на свете:
родиться, прожить, умереть.

Где красоту в холодный мрак ввергают,
там лёд и тлен зовутся красотой.

Всё, к чему мы сегодня пришли,
не простят нам печальные дети.

Поэт с собой уносит тяжесть
поруганного идеала...

Лишь та душа достойна совершенства,
что в этот мир приходит для страдания.

Не будет нам высшего в жизни прощенья,
покуда мы трусость прощаем себе.

Есть народ и земля, и Россия,
остальным же — пора помолчать...

Бойцам ниоткуда не взяться,
коль сами страну не спасем.

Ни о чем грустить не надо.
Жизнь моя — в моих руках.

Тайны сущего, даже случайно
не раскроет никто никогда.

Убивает собственную душу
даже самый маленький обман.

Мы привыкли к великим изменам,
к лживой жвачке газетных страниц.

Нас образумит, может быть,
лишь тьма немислимых трагедий.

Впереди — мертвящие холода.
Вот мы и приехали. В никуда.

И ждать ли Божьей благодати
стране, торгующей детьми?

Наше горе не от войны,
наше горе — от мира с врагами.

Скоро и сам я как дождь и как ветер
буду в родной стороне...

Я мог бы процитировать в несколько раз больше строк, выдающих духовный мир поэта, поднявшегося над эпохой и тем самым получившего нравственное право судить ее и судить о ней. Но хочу полностью привести стихотворение «Соблазн», написанное им десять лет назад, в 1991 году, и говорящее о глубине поэтического мышления:

Не ищите свободу, ищите себя.
Никому не доступна свобода.
Словно солнце, она обожжет, ослепя...
И не будет иного исхода.

Есть надежное, главное право — в себе.
Не гоняйтесь за призрачной тенью
бесприютной свободы. В унылой борьбе
не найдется дороги к спасенью.

Только там, в глубине одинокой души,
всем дарована мудрая воля.
Суть ее в беспокойной подлунной глуши
познают единицы, не боле.

Но спасительный путь есть для всех на земле,
он указан доверенно свыше:
усмиряющий дух свой в сердечном тепле —
будет к Богу и к истине ближе.

Мы еще не забыли с природой сродства,
и дарованы нам от рожденья
в бесконечных сплетениях тайн естества
и чутье, и минуты прозренья.

Так чего же еще и свободы какой
добиваться под солнечном небом?
Но опять и опять наш душевный покой
соблазняют отравленным хлебом...

Свобода есть только внутри нас. Но при одном условии: если мы ее чувствуем и знаем ей цену. Трагическая нота в творчестве Хатюшина вибрирует постоянно. Это человек большой воли и мужества, но он часто незащищен. И это меня заботит.

В.Юдин. Человеку его склада, его таланта и его доброты в такое время, как теперь, порой кажется, что все сказанное и сделанное было напрасным, что все изменили сами себе и что утешения нет. И всё же скажу как человек не менее битый судьбою: всё было не напрасно, и наши потери компенсированы духовными подвигами современников, и потому мы имеем такого могучего русского поэта, который необходим всем нам и сотням будущих поколений русских людей.

Жить нынешнему человеку столь трудно еще и потому, что он уже не хочет сопротивляться. И тонет в быте или погибает физически. Но сопротивление спасительно. В нем — вопреки всему — свой Божественный смысл. И все же надо уметь отстраняться от нашей жестокой действительности. Надо уметь оставаться одному, тихо, спокойно говорить с самим собой или с природой, например.

Э.Скобелев. Хороший совет. Иногда, чтобы увидеть новую перспективу, надо посмотреть на себя со стороны. Валерий Хатюшин это умеет делать, но он постоянно вовлекается в события, не щадя ни себя, ни оппонентов.

Вечный бой с врагами России, о котором говорил Блок, — это выбор крупных и цельных натур. Другие делают свой ничтожный бизнес, вечно дрожа и боясь, как бы московский Рокфеллер или санкт-петербургский Морган не прикрыли им кредит, — разве могут они проявить волю? Но истинный поэт живет наедине со своей совестью, душой и жалостью к ближним.

В.Юдин. Большой корабль, если не сманеврирует, разобьется о причальную стенку. Так и большой талант, главное в котором — особенно в годы бедствий Отечества, — осмотрительность и мудрость. Хатюшин — цельная и справедливая душа. Он не злоупотребляет своим даром, не впадает в нетерпимость, проявляя поразительные для своего мировоззрения твердость и ясность ума.

Я хотел бы процитировать кое-что из своего интервью с ним. Я задал ему вопрос: *«В либеральной печати вам то и дело навешивают ярлыки: «антисемит», «шовинист»... Я знаю вас не один десяток лет, хорошо знаком с вашим многогранным творчеством, а потому решительно отвергаю эти оскорбительные гнусности. Однако есть смысл остановиться на пресловутом «антисемитизме», ибо подобному шельмованию подвергаются многие другие русские патриоты, против которых применяют 282-ю «русскую» статью УК РФ».*

И получил ответ: *«Я пишу в своих статьях правду. И я не виноват, что правда очень не нравится тем евреям, которые возмнили себя «богоизбранными», а всех других считают людьми второго сорта. Им бы, конечно, хотелось запретить правду как таковую. Это трудно. Однако со временем, возможно, им это удастся...»*

Русскому писателю чужда любая фобия. К тому же антисемитизм — есть оборотная сторона сионизма, что множество раз показано и доказано как русской, так и прогрессивной зарубежной печатью. Идеологи и практики сионизма целенаправленно вскармливали и внедряли т.н. «антисемитизм» в общественное сознание для того, чтобы притесняемые евреи со всего мира выезжали в «землю обетованную» с целью создания там еврейского государства — по типу расистского. Собственно, с помощью внедренного ими по всему миру «антисемитизма» это государство и было создано.

Лидеры сионизма заключили тайный договор с Гитлером о лишении евреев гражданских прав в Германии, чтобы те «охотнее» выезжали в Палестину, за что нацистская Германия получала огромную финансовую помощь со стороны

международных сионистских организаций. Я здесь не открываю никакой Америки. Эти факты неоднократно освещались в печати. Например, в книге Корнеева «Классовая сущность сионизма» и в работе В.Кожина «Германский фюрер и «царь иудейский». Так что мне всегда смешно слышать это глупое выражение: «Данный писатель — антисемит»... Уж кто-кто, а русские люди терпимее всех в этом мире к представителям других национальностей».

Э.Скобелев. И тем не менее, Хатюшина, как и многих других талантливых русских и не только русских писателей, постоянно шельмуют и психически атакуют, как атаковали Сергея Есенина, хорошо осознававшего подоплеку Октябрьского переворота. Я читал документы о том, как преследовали и морально истязали Есенина. Ему не раз угрожали тюрьмой. Точно такие же методы применяются ныне и против журнала «Молодая гвардия», который возглавляет В.В. Хатюшин.

В.Юдин. А сколько недоброжелателей, сколько бездарных завистников и подловатых распространителей сплетен среди своих же, среди вроде бы русских!.. Но это неизбежно для крупной личности, большой поэт и через это должен пройти. И Валерий Хатюшин прошел достойно, хотя мы можем только догадываться о его душевных переживаниях. Мало ему подлости откровенных врагов, мало ему постоянных вызовов в прокуратуру, так еще и свои же строят козни, множат ненависть, добавляют злобную клевету и ехидство.

Э.Скобелев. Это, несомненно, самая отвратительная мерзость во все российские времена. Но вот в «либеральной» газетёнке «Авив», выходящей в Беларуси, некий автор, публикуя «Заметки о «еврейской теме» в русской литературе», напрочь лишенный, впрочем, нравственного слуха, пишет о том, как живущий в США «исследователь» Семен Резник якобы установил, что книга В.И. Даля о ритуальных убийствах — фальшивка и составлена совсем другим человеком. И далее, выдавая солидарные связи своего междусобойчика, этот автор заявляет: «С.Резнику сообщили из Москвы, что некто Валерий Хатюшин защищает от него В.И. Даля в газете «Московский литератор». Даю справку. Некто Хатюшин — это заслуженный «молодогвардейский» сталинист-антисемит со стажем...» При чем они напрочь лишены чувства языка: с одной стороны — «некто», а с другой — «заслуженный»... Но самое их

любимое занятие — навешивать ярлыки на всех, кто высказывает иное мнение.

Я не случайно сравнил судьбы Валерия Хатюшина и Сергея Есенина. Я отчетливо увидел их трагическое родство.

Мы в России еще остались,
нас к земле не смогли пригнуть...
Часто лиру мою пытались
задавить, придушить, заткнуть.
Но стихи, все пробив заслонки,
над страной летят, звеня!
Будут бездари и подонки
ненавидеть и клясть меня.
Будут злوبيца, точно черти,
к жгучей боли моей глухи.
Но запомнит меня до смерти
тот, кто слышал мои стихи.

(Январь 2008 г.)

Чувствуете переключку?

В.Юдин. Да, конечно. На мой взгляд, разговор у нас получился интересным. И все же, мне кажется, говоря о поэте, мы, наверное, кое-что упрощаем. Поэт всегда гораздо глубже и значительнее, чем его интерпретация. Ведь мы имеем дело одновременно с очень глубоким, очень душевным лириком и хлестким, жёстким, по-граждански бесстрашным поэтическим трибуном. Как это удастся соединить в одном сердце?

Э.Скобелев. Это и есть бесконечная тайна таланта, тайна творчества. И слава Богу, что поэты такого масштаба рождаются на Руси! Но мы ничего не упростили. Мы только ограничили наше рассмотрение рамками нынешней борьбы идеологий и нравов. Только сам поэт знает ответ на этот вопрос. И в силу своего душевного прозрения он способен сказать то главное, ради чего пришел в этот мир и что необходимо услышать каждому из нас.

В.Юдин. Согласен. И лишь добавлю: каждая крупная личность в русской литературе, когда она верна классической традиции, говорит языком, понятным и близким всем честным, всем искренним людям на нашей земле.

«Молодая гвардия». 2011. №11-12

СОДЕРЖАНИЕ

РОМАН

Поле битвы	3
------------------	---

ПОВЕСТИ

Дожить до завтра (Дневник солдата)	213
Последней ночью лета	256

РАССКАЗЫ

Не изменяй себе	300
Перед уходом	318
Рассказ матери	338
Оля	350
Любимая учительница	359
Он всегда возвращался один	366
Обман	376
Командировка в Погорелово	397
Капли дождя	400
Искушение	413
Проблеск во тьме	421
Дорожницы	432

ПЬЕСЫ

Зелёные розы	435
Тьма	484

ОТКЛИКИ СОВРЕМЕННИКОВ

<i>Александр Байгушев</i>	495
<i>Владимир Смык</i>	506
<i>Эдуард Скобелев, Владимир Юдин</i>	510

Хатюшин Валерий Васильевич

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ**

Том третий

Издательство «Голос-Пресс».
Москва, ул. Цветной бульвар, д. 32, стр. 2